

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855261 3

*QCA

В. М. М. М.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ
НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть тридцать шестая.

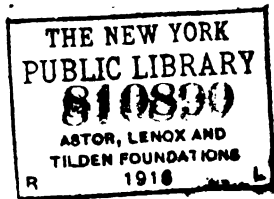
ЗА 1830 ГОДЪ

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ іпѣмъ, чпюбы по оппечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва,
Января 28 дня 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цветаевъ.

ИЗДАНИЕ
ВЪ
САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ
У ПЕЧАТНИКА
ВЪ
УЛ. БОЛЬШОЙ ПЕТРОВСКОЙ
Д. 10

 МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

 О УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ
 ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА (*).

Ferendum ac sperandum.

Эрнстъ.

Прошли времена, и они уже далеки отъ насъ, когда человѣкъ управлялся съ себѣ подобными, и съ природою, физическими только силами. Тѣ изъ людей, которыхъ судьба окружила обстоятельствами, благопріятствующими скорому раскрытію душевныхъ свойствъ, прежде

(*) Съ особенною благодарностію помѣщаемъ сіе прекрасное сочиненіе И. М. Яспребцова, украшавшаго уже нѣсколько разъ Телеграфъ своими спашьями. Хотя мы и не согласны въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ Авпоромъ, но отдаемъ полную и совершенную справедливостъ основнымъ мыслямъ, и вообще новымъ идеямъ почтеннаго Авпора. Желаемъ, чтобы отцы семействъ и наставники обратили на спашью Г-на Яспребцова особенное вниманіе: она вполне сего достойна. *Изд. Тел.*

Ноябрь 1830.

1

прочихъ почувствовали недоспаѣтчность однихъ физическихъ силъ, и надобность въ другихъ: умственныхъ; они начали просвѣщаться. Не зная философскаго вывода, что верховная сила людей, одна истинно человѣческая, есть разумъ, и что орудіе разума есть просвѣщеніе, они дѣйствовали такъ, какъ будто постигли сію опвлеченность: таковъ уже инстинкъ человѣческій. Другіе люди стали подражать имъ, или поступали сами собою подобнымъ образомъ, и образованіе перешло отъ частныхъ лицъ къ обществамъ; съ теченіемъ времени произошли просвѣщенные народы.

Но просвѣщеніе, по свойству своему, совершается трудно и медленно. Его успѣхи слабы и почти ничтожны, если люди занимающія имъ по одинаку, безъ взаимнаго вспомоществованія; сіи успѣхи тогда только становятся значительны, когда цѣлыя массы народа начинаютъ единодушно для него трудиться. И такъ первые шаги народной образованности всегда малы, хотя и растутъ попомъ какъ-бы геометрической прогрессіею, до извѣстной степени, соопвѣтственной уму и характеру народному. Сколько препятствій, вѣшнихъ и внутреннихъ, просвѣщеніе должно побѣдить, прежде нежели совершенно укоренится! Даже съ полнымъ его укоренѣніемъ въ народъ, не всѣ прекращающія его опасности: несчастные при-

нѣры доказывающъ , что уже распространив-
шееся и усилившееся въ вѣкошорыхъ націяхъ
просвѣщеніе , снова оцашъ погнбало ; или по
крайней нѣрѣ на долго оспанавливалось и умень-
шалось , опъ враждебныхъ ему препашствій. Въ
Средніе вѣки вся Европа омрачалась невѣже-
ствомъ , и пошерала почти самое воспоминаніе
о прежнемъ своемъ образованіи. По спранный
судьбѣ , варварство тогда , въ шеченіи своемъ
приняло по-же направленіе , какое имѣло , въ
древнѣйшія времена , просвѣщеніе , съ Воспока
на Западъ.

Исторія человѣческава показываешъ , что ме-
жду дикимъ и просвѣщеннымъ соспоаніемъ лю-
дей была продолжншельная борьба , и происхо-
дила съ перемѣнными успѣхами. Во время сей
борьбы являлась господствующешо физическая,
шо умшвенная сила ; наконецъ , сія послѣдняя
рѣшншельно одержала верхъ надъ первою. Борь-
ба между просвѣщеніемъ и невѣжесшвомъ , ко-
шорую шеперъ видимъ , не шолько въ Азіи или
Африкѣ , но и въ самой Европѣ , ешъ уже ча-
стная , а не общая ; общая кончалаеш. Умшвен-
ное омраченіе Среднихъ вѣковъ было послѣд-
нимъ , спраннымъ усиліемъ , живопнаго , шакъ
скашъ , человѣка. Теперъ невозможно боашъ-
ся возвращенія подобной эпохи , ибо человѣкъ
умшвенный сдѣлался шлишкомъ силенъ.

Слѣшю окончншь общее возрѣніе на ходъ

ума человеческого, не имѣя внутрення писанья исторической диссертаціи. И такъ, безъ дальнѣйшаго раскрытія, ограничусь словами, что сила просвѣщенія въ послѣдніе вѣки, въ послѣдній вѣкъ особенно, сдѣлала великіе успѣхи, и дала необмкновенное дошолѣ движеніе всему свѣту, въ отношеніи понятій и нравовъ. Сіи успѣхи безпрестанно возрастають какъ-бы геометрическою, какъ мы выше сказали, прогрессією. По мѣрѣ ихъ возрастанія, живошній человекъ вышѣсняется опшесюду умовеннымъ, и принужденъ спрадаты въ свою очередь. Слѣдовашельно, кто нынѣ не радишь о своемъ просвѣщеніи, шопъ не радишь о своемъ благосостояніи. Дѣйствительшо, вліяніе просвѣщенія сдѣлалось сполько сильнымъ, что по волѣ или по неволѣ должно ему покориться. Кто ему сопротивляешся, шопъ идешъ противъ собственныхъ своихъ выгодъ, самъ себѣ ищешъ наказанія. Какую жизнь можешъ обшцашъ себѣ не обучившійся ничему? Если онъ родился бѣднымъ, шо чѣмъ, и какія, доспанешъ онъ средшва для поддержанія своего существованія? Онъ долженъ исполнятъ самыя грубыя и тяжелыя работы, и со всѣмъ тѣмъ весши самую скудную жизнь. Въ прибыльныхъ должностяхъ, обучившійся вездѣ перебѣешъ у него дорогу. И такъ надобно ему будешъ рѣшиться на одно изъ двухъ; или учиться, или шерпѣтъ; и надоб-

но рѣшишься скорѣе, ибо не всякій возрастъ способенъ къ наукамъ, и потеря нѣкоторыхъ годовъ можешь невозвратно погубишь благосостояніе всей остальной жизни. Если-же онъ родился богатымъ, то, безъ наукъ, долженъ опознаться опъ весьма многихъ удовольствій, которыми можешь пользоваться шодько человекъ образованный. Передъ просвѣщенными людьми, онъ безпрестанно будешь чувствуванъ свою ничтожность, или будешь давань ему ее чувствованъ, и опъ оскорбительнаго, заслуженнаго впрочемъ, униженія не спасушь его никакія богатства. И шакъ онъ долженъ или убѣгать просвѣщенныхъ людей и довольствованъ кругомъ такихъ-же, какъ и онъ самъ, или образованъ себя. Конечно, богатые невѣжды находятъ свои, грубыя удовольствія; но и сіи удовольствія, по необходимости, спанованъ шѣмъ затруднительнѣе для нихъ, чѣмъ образованнѣе дѣлается общество, и усиливающееся просвѣщеніе безпрестанно спѣсняешъ болѣе и болѣе кругъ ихъ благоденствія.

Но шакое дѣло челоука, и шакое его непредусмотрительность, что многіе до сихъ поръ не боянся оставанъ въ невѣжествѣ. Физическую, натуральную, силу свою чувствуютъ всякой, знанъ, что она ему безпрестанно нужна, и достаешъ безъ прудъ; а ученіе шребуешъ работы, сначала весьма тяжелой, и

польза его не вдругъ ощутительна : этого довольно для нѣкопрыхъ , чшобъ предаться природной своей лѣвности и не зашшпсья объ обезпеченіи своей будущности. Примѣръ дѣдовъ и прадѣдовъ , которые прожили вѣкъ свой , не изнуря себя , какъ говоршсья , науками , служшть новымъ новодомъ къ поддержанію грубаго *statu quo* своихъ предковъ. Но размыслили-ли х'орошо не-любштели новаго просвѣщенія , что времена перемѣнились , что нынѣ не лзя уже бышь такъ малознающимъ , какъ прежде , что если предки могли обходшсья безъ грамопы , то шеперь шрудно обходшсья безъ наукъ. Все му свой вѣкъ. Гошпеншону и шеперь еще нѣшъ надобности въ шпографіяхъ : для него довольно имѣшь кусокъ кожи для коропкаго своего шаршука , и ружье , или по крайней мѣрѣ шрѣлу , чшобъ убишь своего непріателя : но пршдешъ , можешъ бышь , время , что и ихъ пошомки начнушь печашашъ книги. Негры западной Африки , въ продолженіе цѣлыхъ шмьшчелѣшій , осшавались , и шеперь ошашься въ полудикомъ сосшояніи ; а поколѣніе ихъ , переселенное въ Америку , имѣешъ уже своихъ сочинштелей. « Но мы » скажушь нѣкопрыхъ съ негодованіемъ , » не Африканскіе дшкарш ; насъ не должно сравншвашъ съ Неграми или Гошпеншонами ! » Я и не сравншваю. Съ радоспю пршзнаю въ моихъ соотечешвенникахъ рвеніе къ про-

свѣщенію и успѣхи въ немъ. Но всѣ-ли имѣють сіе благородное рвеніе? вездѣ-ли сіи успѣхи идушь равными шагами, и все-ли имъ благопрі-
яшствуешь? Конечно нѣтъ. Не смотря на муд-
ршія шѣры Правительсшва, копорыми оно ищетъ
упрочить во всѣхъ отношеніяхъ наше просвѣ-
щеніе, мы остаемся еще далеко назади оцъ
многихъ Европейцевъ со стороны образованія,
и, что еще хуже, не слишкомъ печалимся объ
этомъ. Конечно Россія не давно еще вснула
въ Европейскую систему, и въ это короткое
время своего обновленія сдѣлала много успѣ-
ховъ въ наукахъ, искусствахъ, и перемѣнѣ пра-
вовъ и обычаевъ: слѣдовательно не лзя обви-
нить народъ Русскій въ неспособности. При-
дешъ время, что цивилизаціею своею онъ зай-
мешъ нѣчто, сообразное своей обширности и
физической силѣ; но сіе время еще не пришло.
Что скрывать! Просвѣщеніе еще очень мало
распространилось въ массѣ народа, между шѣми
какъ въ Сѣверной Америкѣ, въ Англии, Шот-
ландіи Швейцаріи, маленькіе городки и мѣ-
стечки, имѣють свои общественныя бібліоте-
ки посредствомъ Book-society, Société de lec-
ture (*), даже между рабочими классами наро-

(*) Book-society, книжное общество, есть собраніе
большаго или меньшаго числа людей, копорые общи-
ми вкладами получаютъ возможность покупать для

да; у насъ и Губернскіе города не имѣють книжныхъ лавокъ, безъ сомнѣнія пошому, что шамъ слишкомъ мало покупателей книгъ (*). Предметы роскоши, удобности жизни, столь же рѣдки, какъ и библіотеки. Кто не знаетъ, какъ въ городахъ нашихъ, кромѣ столицъ, трудно доспавашь себѣ, особенно въ надлежащемъ или скоромъ времени, хорошія вещи? «Хорошія вещи, предметы роскоши!» скажутъ шаринные люди: «вопъ чего нынѣ пребуоуть: книгъ и предметовъ роскоши!» Да, повтораемъ, книгъ и предметовъ роскоши, составляющихъ удобности жизни, удобности, безъ которыхъ Европеець жилъ-бы на подобіе дикаго Африканца. Никто не сомнѣвается, что ограниченность желаній, довольствованіе малымъ, если правило филосоіи, и высокой филосоіи; но между сею филосоіею и нищетою опъ непросвѣщенія, разниа велика. Кто жертвуетъ въкопирими безвинными, чувственными или умственными, наслажденіями для того, чтобы имѣть большую

себя лучшія книги и періодическія сочиненія. Легко понять, какъ это средство сильно для распространенія просвѣщенія въ народѣ.

(*) Въ *Сверномъ Муравѣ* извѣщаютъ о предположеніи Г-на Министра Внутреннихъ дѣлъ, завести публичныя библіотеки во всѣхъ губернскихъ городахъ Россійской Имперіи. Пріятное извѣстіе.

удобность „дѣйствоватьъ высшими душевными качествами, шюшъ конечно поступаецъ хорошо, и достоинъ великаго уваженія : но, кто не стараецся доставить себѣ полезныхъ или пріятныхъ удобностей жизни, пошому что доставать ихъ, и даже пользоваться ими, нельзя безъ трудовъ и наукъ ; кто живешъ въ физической, умственной и нравственной, шакъ сказать, неопытности ; довольствуецся самыми грубыми вещами и шѣснымъ кругомъ понятій : шюшъ унижаешъ въ себѣ достоинство человеческое. Если бываетъ нищета почтенная, то ешъ и презрѣнная нищета ; это шя, которая происходитъ отъ произвольнаго невѣжества : она ведетъ къ варварству ; убиваетъ часть души человеческой, умъ ; хотя не составляетъ она порока, но часто послѣдствіями своими хуже самыхъ гнусныхъ пороковъ, производитъ и питаетъ предразсудки всякаго рода. Убійца лишаетъ жизни одного человѣка ; но предразсудокъ губитъ многихъ. Браминское шребованіе самовольнаго сжиганія овдовѣвшихъ женщинъ на кострѣ умершихъ мужей, опвращеніе черни отъ прививанія оспы, и другіе подобные предразсудки, несравненно гибельнѣе разбойничьяго нока. Часто предразсудки, кажушіеся даже малозначущими, бывають причиною неизъяснимаго зла, если не величиною производимаго индивидуально вреда, шю массою всѣхъ ху-

дыхъ своихъ слѣдствій. Одно изъ пагубныхъ слѣдствій произвольнаго невѣжества или варварства, есть произвольное невѣжество. Не рѣдко, напримѣръ, дѣти оспаются по волю неучами, потому что отецъ ихъ не любилъ наукъ. Какую худую будущность приготавливаютъ родители своимъ дѣтямъ нерадѣниемъ о ихъ просвѣщеніи, и какой подвергаются отвѣтственности передъ совѣстью! Если худое нравственное воспитаніе дѣлается источникомъ великихъ несчастій, то худое умственное воспитаніе бываетъ также причиною многихъ бѣдствій. Это законъ природы: ибо не должно забывашь, что просвѣщеніе не есть чтонибудь условное, изобрѣшенное: оно основано на сущности души; человекъ одаренъ волею и умомъ; воля назначена для нравственности, умъ для просвѣщенія, такъ-же какъ глаза для зрѣнія, или руки для работы. Не исполняшь сихъ назначеній, есть сопротивляешься природѣ, которая никогда не оставляетъ сопротивленія ея волѣ безъ наказанія. Худая нравственность не рѣдко избѣгаетъ наказанія въ здѣшней жизни; ей опредѣлено оно въ будущей: но худая образованность всегда наказывается въ здѣшней. И иначе бытъ не можетъ; ибо что есть просвѣщеніе? Приобрѣщеніе средствъ извлекать наибольшую пользу изъ всего того, чѣмъ природа окружила человека. Кто имѣетъ

много просвѣщенія, шопѣ имѣешь и много средствъ своего благосостоянія, и напрошивъ. Природа предложила челоѣку безчисленныя наслажденія, но съ условіемъ, чшобъ онъ самъ ихъ пріобрѣталъ. Ананасъ можешь расши въ сѣверномъ краю, но надобно, чшобъ его умѣли здѣсь воспитывать; челоѣкъ можешь опражашъ громовые удары, но надобно, чшобъ онъ изобрѣлъ громовые отводы. Не рѣдко самия просшныя вещи дають ему чрезвычайную силу. Чѣмъ отводишь онъ сіи ужасные громовые удары? Соломою. Чѣмъ приближаешь къ себѣ безмѣрное разстояніе небесныхъ шѣлъ? Кускомъ стекла. Чѣмъ увеличиваетъ безмѣрно силу и проворство рукъ своихъ? Парамъ воды. Такія чудеса природа позволяешь дѣлашь только просвѣщенному челоѣку. Это награда ся за его шрудъ. Не шрудившемуся она ничего не даетъ, и оставляетъ какъ бы безъ всякаго пріобрѣтѣнія. Таковъ законъ природы, шаковы же и законы челоѣческіе. Вездѣ нужны дарованія и дѣятельность.

Люди знашныя и богатые! Не пренебрегайте просвѣщеніемъ; пришло время основательнаго ученія. Оспавьте пагубную привычку искашь шого, чшобъ дѣлаи ваши опредѣлялись къ шѣшамъ, прежде нежели они успѣли чемунибудь научишься. Оспавьте эту привычку, или

вы будете имѣть печаль, увидѣвъ, что люди безродные, но дѣшительные и обогащаемые положительными свѣдѣніями имѣвшаго времени, покровительствуемые правосуднымъ Монархомъ, будутъ вездѣ обгонять дѣшей вашихъ на поприщѣ честей и вообще гражданскаго опличія. Вы ищете власти надъ иными, коимъ споятъ ниже васъ; сія власть пріобрѣщается и сохраняется личными достоинствами, а не однимъ богатствомъ и именемъ. Васъ будутъ уважать, если вы добродѣтельны; васъ будутъ слушаться, если вы умны и просвѣщенны; но если вы не имѣете сихъ достоинствъ, то какія могутъ быть ваши прѣбыванія, и гдѣ они найдутъ опору? Кювье открылъ вамъ важную истину фактомъ Натуральной Исторіи, когда наблюденіе показало; что воспитывающіеся въспѣ, со дня рожденія, левъ и собака, вырастаютъ не одинаково силою и умомъ: первый скорѣе пріобрѣщаетъ силу, послѣдній умъ; но пока левъ слабѣе собаки со стороны ума, до пѣхъ поръ онъ въ повиновеніи у нея, не смотря на спрашиваемые свои когти. Вы видите ясно законъ природы. Но левъ пріобрѣщаетъ наконецъ и умъ. Не пренебрегайте и вы пріобрѣтать его. Не попускайте себѣ покоиться въ томъ смыслѣ, въ которомъ говаривалъ Суворовъ сіе слово о нѣкоторыхъ знатныхъ фамиліяхъ. Съ душевными и умственными достоинствами ваше положеніе въ

свѣтъ ослѣпно. Ошъ васъ зависипъ сохранишь его.

Люди средняго соспоянія! Для васъ еще болѣе необходимы дѣятельность и науки, нежели для шѣхъ, кошорыхъ счастье произвело опъ знаменитой крови: знашній невѣжда можетъ еще до нѣкоторой степени поддерживаться имѣнемъ и именемъ предковъ; невѣжду вашего соспоянія ни что не *поддерживаетъ*; фортуна ничего ему не даетъ. Но талантъ и прудолюбіе опкрываюпъ ко всему дорогу. Помните слова, сказанныя объ васъ въ весьма важномъ случаѣ: «Въ « среднемъ классѣ, равно удаленномъ опъ край- « вностей роскоши и бѣдности; въ классѣ, гдѣ « встрѣчаются достаточное соспояніе, опдо- « хновеніе соединенное съ привычкою къ пруду, свободныя сообщенія дружбы, любовь къ « чтенію и путешеспвіямъ; въ семъ классѣ, го- « ворю я, родятся познанія и распространя- « ются опшуда къ знашнымъ и къ народу; ибо « знашные и народъ не имѣють времени для раз- « мышленія: они принимаюпъ только шѣ испи- « ны, кошорыя доходятъ къ нимъ въ видѣ аксі- « омъ, и кошорыя не пребуюпъ доказательства.» И еще: «Классъ людей, наиболѣе способспву- « ющій у насъ возрастанію государственнаго бо- « гатства посредствомъ экономія, есть классъ « подрядчиковъ промышленности, особенно изъ « средняго соспоянія. У сихъ-по преимуще-

« ственно людей накапливаются капиталы , и накопятся шѣмъ быспрѣе , что сіи люди соединяются , по большой части , съ весьма дѣятельною промышленностью жизнь необыкновенно « для прочихъ народовъ воздержную.» Эти примѣчательныя слова слышалъ нашъ Императоръ , когда юность свою обогащалъ свидѣніями о богатствѣ народовъ (*). Не долгъ ли вашъ оправдывать сіи слова ?

Я предложилъ бы совѣтъ о просвѣщеніи и высшему классу народа : но сей классъ не можешь исполнить сего совѣща одними собственными своими средствами; онъ имѣетъ необходимость для сего въ постороннемъ вспомошествованіи. вспомошествованіе сіе зависить отъ просвѣщенныхъ челоувѣколюбцевъ. Здѣсь представляется имъ обширное поприще дѣятельности , богатое важными послѣдствіями. До сихъ поръ большая часть благодѣтельныхъ людей думаетъ исполнять долгъ свой подаяніями нищеты. Но съ лучшими чувствами , съ самою живою любовью къ добродѣтели , можно сдѣлать болѣе вреда обществу , нежели пользы , если упо-

(*) Смотрите Cours d'Économie Politique , ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Ouvrage qui a servi à l'instruction de *Leurs Altesses Impériales*, les Grands-Ducs NICOLAS et MICHEL; par *Henri Storch*. St.-Petersbourg , 1815. Tom. 1. pag. 38 et 321.

прєблѣшь свое чєловѣколюбїе слѣпо и безъ разума. Вы жєлаєте облєгчїшь учась несчастнаго, которїи предсавлялся передъ вами въ разодранномъ рубїщѣ, и просшїраєте къ нему щєдрую руку; но что вы дѣлаєте? Вы спановїшєсь покровїтелємъ лѣноспїи, самовольнаго нищенспвованїа и обмана, или вы ободряєте и распросшраняєте духъ непредусмошрїшельноспїи, безпєчностї о будущемъ, испочнїкъ пороковъ и прєспуслєнїй. Сильно и глубоко слово Свяшаго Павла: кто не хочєшь шрудїшьсь, шопъ не достоїнъ жїзнї. Печальнїи опїшь увѣрїлъ, что нїщєша распросшраняєтєся вмѣстѣ съ милосшнїєю; чѣмъ обїлїєтє послѣднїа, шѣмъ повсемѣспвєннїє спановїшєсь перваа. Неблаго-разумна ша благодѣшпєльностъ, которая шворїшъ и увєлїчїваєтъ шо самое, что она думаєтъ испрєблѣшь. Полезна-ли ша помощъ, которая служїтъ шѣлу и вредїтъ душѣ шого, кому она оказываєтєся? Облєгчєнїє спраданїй єсть безъ сомнѣнїа велїкое добро; но еслї спраданїа сїа прєдохраняюшъ опъ бѣльшїхъ несчастїй, шо колебашъсь нечего: должно рѣшїшьсь опшврашїшь зло бѣльшее, и оставїшь мѣньшее, когда не лѣзя унїщшожїшь шого и другаго. Єсть конечно спраданїа, которымъ нужно подавашь руку помощї: єнто несчастїа, прїосшєдшїа опъ случаетъ, которыхъ благоразумїє чєловѣчєское не могло опшврашїшь и прєдвїдѣшь; шаковы

Ноябрь 1830.

2

напримѣръ: природная глухота и нѣмота, слѣпота въ бѣднотѣ, раны, переломы членовъ, пожары, наводненія, и тому подобное. Но число сихъ спраданій, совершенно независящихъ отъ спрадающаго, ограничено; даже и изъ нихъ нѣкоторыя отворачиваются усовершенствованіями общественныхъ сношеній, напримѣръ: обществами *взаимнаго вспоможенія*, пожизненными застрахованіями, застрахованіями отъ пожара и ш. д. Прочія бѣдствія скорѣе усилятся, чѣмъ ослабнутъ, отъ шакъ называемыхъ *благодѣтельныхъ* вспоможеній (*). Чшо-же, челоуколюбіе должно-ли оспашься почти бездѣйственнымъ отъ страха увеличенію злонеумѣшными благошвореніями? Нѣтъ. *Бѣдные суть братья ваши*, учитъ Евангеліе. Сіе высокое правило не останешся-ли безжизненною буквою въ душѣ вашей, если вы не будете искать просвѣщенія умъ и образованія душу *меньшаго изъ вашихъ братій*, который раздѣляетъ съ вами одно вѣрованіе въ Бога, одну надежду и страхъ будущей жизни, одну способность къ удовольствіямъ и спраданіямъ въ здѣшней, и котораго однако вы отдѣляете отъ себя, какъ-бы ка-

(*). Совѣтуемъ читать филантропамъ весьма полезное сочиненіе: *De la charité, dans ses rapports avec l'état moral et le bien-être des classes inférieures de la société*; par M. T. Duchâtel. Paris, 1829. in-8 de 431 pag.

менною спѣшною : его невѣжесшвомъ. Франція , Англія , подали примѣръ сей проовѣщенной филантропіи , кошорая ищетъ возвыситъ теловѣка , сообщеніемъ ему полезныхъ свѣдѣній о наукахъ и художествахъ. Въ Парижѣ составилось для сего общесшво въ 1814 году ; но труды его мало еще обнаружились. Гораздо дѣяшельнѣе явилось *Общесшво распространенія полезныхъ знаній* , основанное въ Лондонѣ въ 1825 году. Сіе общесшво , подѣ председашельствомъ Браума (Brougham) , выдало уже многія сочиненія , большею частію изъ круга физическихъ и механическихъ наукъ , доступныя высшему классу народа ясностью изложенія и умѣренностью плашмы. Пожелаемъ нашимъ филантропамъ воспользоваться прекраснымъ примѣромъ иностранцевъ сшолько , сколько можно эшо сдѣлать.

Но какія удобнѣйшія средства достигнуть сего просвѣщенія , кошорого надобность мы спарались шеперь доказывать ? Какъ приняшься за науки , шшобъ лучше успѣшь въ нихъ ? Вошъ предметъ , кошорого одну частъ мы намѣрены шеперь разобрать.

Умшвенное воспитаніе можно раздѣлить на шри частш : 1) , на *первоначальное* или *нижшее* , 2) , *среднее* , и 3) , *окончательное* или *высшее* .

Предоспавляемъ себѣ въ другое время раскрпшь наши мысли касашельно средняго и выс-

шаго умственнаго воспитанія; замѣтимъ только, что въ *среднемъ* обученіи мы полагали-бы наибольшую общность, энциклопедизмъ наукъ и художествъ; въ *вышемъ*, наибольшей ихъ монопедагогизмъ, частность, безъ которой слабо ихъ совершенствованіе. Теперь-же ограничимся единственно *первоначальнымъ* умственнымъ воспитаніемъ, соотвѣствующимъ дѣтскому возрасту.

Хорошая система умственнаго воспитанія дѣтей должна заключать, въ наши времена, слѣдующія условія:

I. Что-бы преподаваемые свѣдѣнія не переходили за границы дѣтскаго понятія;

II. Что-бы можно было начинать ихъ съ самаго ранняго дѣтскаго возраста;

III. Что-бы они не препятствовали физическому, и способствовали, какъ можно болѣе, умственному, развитію дѣтей;

IV. Что-бы пригошляли, наивозможно скорѣе и легче, къ шѣмъ наукамъ, коимъ нужны по вышнему духу времени.

Перваго условія требуетъ успешность ученія, втораго — безконечность, такъ сказать, наукъ и ограниченность жизни; претьяго — физическая и моральная необходимость учащагося; четвертаго — польза общества.

Посмотримъ , чему стараются у насъ учить дѣтей? Сперва ихъ учашъ читашъ и пишашъ. Нѣкошорая мода , сдѣлавшаяся почти постояннымъ правиломъ , пребуешъ еще , чшобъ дѣти , даже съ самаго нѣжнаго возраста , выучивали наизусть какія нибудь Басни , Русскія или Французскія. Потомъ назначаютъ дѣтямъ Грамматику , Арифметику , Геометрію , Кашихиизисъ , иностранные языки , Священную , Всеобщую , Русскую Исторію , Географію математическую , политическую , Ришорику , Пѣсню , Мнѣологію , Рисованіе , Танцованіе и Музыку. Въ семь заключается *выборъ наукъ*. Теперь какое *правило* ученія? То , что-бы преподашь каждую изъ сказанныхъ наукъ *вкратцѣ , отъ начала до конца* , предославляя будущему возрасту подробнѣйшее изложеніе оныхъ. Всякой учившій стараешся достигнуть этой цѣли своимъ образомъ , своимъ *методомъ* , обыкновенно больше или меньше искусно.

Но ни сей *выборъ наукъ* , ни сіе *правило ученія* , не исполняютъ нѣхъ условій , которыя мы выше предположили для хорошей системы успешнаго воспитанія дѣтскаго возраста.

I. Сей *выборъ наукъ* и *правило ученія* прошившяся первому условію , пребующему , *чтобы преподаваемыя свѣдѣнія не переходили за границы дѣтскаго понятія*. Самое ученіе наизусть Басень и сказочекъ , кошорыя , по види-

тому, споль прости и споль украшають ма-люшокъ въ глазахъ оипца или матери, особенно передъ поссторонними людьми, не выше-ли дѣшскаго разума, не составляетъ-ли болѣе пред-мешъ чванства родишелей, чѣмъ сущесивен-ную пользу дѣшей? Могуть-ли дѣши понимать хорошо мораль, заключенную въ Басняхъ? Ос-мѣяніе слабостей и пороковъ человѣческихъ, предостереженіе отъ злонамѣренной хипрости и коварства, намеки на злоупотребленіе вла-стей, и шому подобное, согласны-ли съ дѣш-скими поняшіями? Чшо-бы понимать самую про-сшую мораль, надобно ее чувствовашъ: безъ эшого она мертвое слово; но дѣшская душа созрѣла-ли для эшого? Самыя обыкновенныя мо-ральныя поняшія имѣють шолько мнимую лег-кость; кажешся, чшо они всегда и всѣмъ до-ступны, но въ самой вещи эшого нѣшъ. Всѣ, напримѣръ, швердятъ безпрестанно, чшо *должно умереть*; но всѣ-ли, и часто-ли, понимаютъ силу эшой рѣчи? Сколько людей чувствовали эшу силу шолько одинъ разъ въ жизни — передъ смершью! Теперь осмѣливаемся спросить: чшо понимаешъ прехлѣшнее дитя, когда оно лепечешъ передъ вами прекрасныя стихи *Крылова* или *Лафонтена*? Попугай едва-ли не сполько-же понимаешъ слово *дуракъ*, которому его на-учили, и которое онъ больше или меньше ясно и забавно произносивъ. Не желая оскорбивъ

родителей и родительницъ, признаемся, что повшоренія наизусть Басень ихъ малюшками казалась намъ всегда смѣшными. Конечно, грѣхъ нѣтъ въ томъ, чтобъ учить дѣшей Баснямъ: но что въ этомъ пользы? Хотиме укрѣпить ихъ разсудокъ? этого Баснями вы не достигнете. Хотиме усилить ихъ познанія? это можно сдѣлать полезнѣйшими предметами. Впрочемъ, Басни составляютъ энциклопедію дѣшей только въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ. Въ возрастѣ, нѣсколько укрѣпившемся, начинаютъ учить, какъ мы выше сказали, Ариѳметикѣ, Грамматикѣ, Исторіи и проч. Большая часть сихъ наукъ дѣйствительно имѣютъ много понятнаго дѣшамъ; но все становящяся не соразмѣрно съ ихъ понятіемъ ошъ правила ученія. Сіе правило ученія ищепъ передашь дѣшамъ какую нибудь науку *всю, только вкратцѣ*. Но всякая наука, какъ-бы ни казалась первоначальною, заключаетъ въ себѣ трудныя мѣста. Ариѳметика есть весьма первоначальная наука; но дроби ея безъ сомнѣнія выше дѣтскаго понятія. Какъ вкратцѣ ни учите, вы не сдѣлаете дроби легкими для дѣшей; напротивъ того, *Гораций* уже сказалъ: *старалсь быть короткимъ, становлюсь не яснымъ*. Сколько дѣшей мучатся ошъ учителей, и мучашъ ихъ въ свою очередь — при чемъ драгоценное время теряется невозвратно — дробными Ариѳметиками! Иной ребенокъ и учитель про-

вели за ними, если стеснѣе время всѣхъ переповореній, съ годъ безполезной и плачевной жизни. Между шѣми жизнь человѣческая наполнена и безъ того поперями и бѣдсшвіями. Нужно-ли, что-бы Арнемешика прибавляла свои мученія? Но не одна Арнемешика содержишь сіи неудобства: всѣ прочія науки, назначаемыя дѣшамъ, имѣюшь свои дробы, свои затруднительныя мѣста. Есть и такія науки, въ числѣ назначаемыхъ дѣшамъ, кошорыя вовсе неприличны дѣшскому возрасту: шакова Исторія. Годился-ли для дѣшей Исторія, когда они не могушь понимать словъ: *народъ*, *государство*, *законы*, и проч., словъ, безъ кошорыхъ нѣшь Исторія. Конечно можно нашвердить дѣшамъ, что сущесшвовала нѣкогда Ассирійская, Вавилонская Монархія, что были или не были никогда, Нинъ, Семирамида; но эшо Исторія-ли? Одни собшвенныя имена, географическія названія и хронологическія числа составляютъ шолько шруть, а не живое шѣло Исторіи; душа сего шѣла заключаешся въ мысли *человѣчества*, кошорой учашъ измѣнялась, въ шеченіе вѣковъ, и продолжаешъ измѣняшься, въ слѣдшвіе нѣкошорыхъ законовъ Творца; чему собшвенныя имена, географическія названія и хронологическія числа служатъ шолько нѣкошорыми указаніями, шакъ какъ физическое шроеніе сердца служитъ указаніемъ кругообращенія кро-

ви въ шѣлѣ чловѣческомъ, и соединенныхъ съ шѣмъ динамическихъ и психическихъ явленій жизни. Сія мысль *человѣчества*, ходъ ея судьбы, вовсе не дѣтское занятіе. И шакъ слѣдующая дилемма неизбѣжна: или вы будете учить дѣшей въ самой вещи Исторіи, и тогда понапрасну пошеряете время: дѣши васъ не поймутъ; или дѣши васъ будущъ понимаетъ, и тогда вы научите ихъ не Исторіи, а нѣкошорому сѣпленію именъ, названій и числъ. Зачѣмъ же фальшивую монешу выдавашъ за истинную? Не родъ ли эшо неданшсшва, когда ребенокъ произноситъ громкія слова, кошорыхъ смысла онъ не понимаетъ? Хорошо еще, если-бы онъ зналъ, что мишура, кошорю заспавляютъ его блиспашъ, имѣешъ шолько видъ золота, а въ самомъ дѣлѣ она мѣдъ. Но нѣшъ; ему и эшого не открываюшъ. Случается, что онъ и на всю жизнь оспается въ эшомъ заблужденіи. Перейдемъ ко вшорому условію хорошей системы дѣтскаго ученія.

(До слѣдующей книжки).

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ БРАТУ

— по Вятской губернии.

15.

.... Въ Слободскомъ я видѣлъ Меркуріевъ посохъ и банковые счеши, шакъ скажешь, на немъ всяціе! Не лучше-ли знаки шорговли увижу въ самой Вяткѣ? Такъ думалъ я, переправясь въ полночь черезъ рѣку сего имени, и останоуясь у воротъ огромнаго купеческаго дома.

На другой день (и въ прочіе дни своего пребыванія) спѣшилъ я осматривать городъ, состоящій изъ 770 домовъ, и любопытствовалъ не напрасно. Видѣлъ много значащихъ каменныхъ домовъ, и довольно красивыхъ деревянныхъ, Кафедральный соборъ съ линиями нарочитыхъ галлерей, Архіерейскій домъ съ садомъ и съ другими жилыми зданіями, въ той-же оградѣ сооруженными, монастыри стариннаго рукодѣля, и пидѣ колокольни въ зашѣйливыхъ чершежахъ. Видѣлъ важное зданіе Присутственныхъ мѣстъ, Благородное собраніе, обширный гоштинный дворъ и разные рынки. Прибавьше къ шому городскія площади, благоустройство у-

лицъ, довольство въ поваряхъ, изобильную продажу жизненныхъ припасовъ, привалъ винъ добрыхъ; и вамъ легко будетъ отгадать, что все это образовывалось, копилось, воздвигалось и украшалось благошворнымъ мановеніемъ торговли.

Жаль, что въ послѣдніе годы оппускъ хлѣба замаялся въ Архангельскѣ, и эта запруда вездѣ, гдѣ я ни ѣхалъ, опливалась въ разговорахъ и предпріятіяхъ. Недокончанныя общенародныя строенія, дешевые извозы, оспашки лежачаго хлѣба, домохдство торговцевъ, и даже малые вклады въ церковную корвану, пушешествующую со св. иконами по благочестивой губерніи, выказываютъ, что есть помѣха въ народной промышленности. Какъ мало пребудетъ, чтобы пошевеливъ колоритъ области, которая не вышла изъ ограниченнаго земледѣльческаго состоянія, и въ которой городскіе жители поскользнулись-бы въ приязаніи на роскошь и мношсравную расшочительность! Говоря о Вятской губерніи, много-ли въ самомъ дѣлѣ спашей, изъ которыхъ соспоишь богатство ея? Выключите паровое куреніе вина, дѣланіе якорей для флота и пригопвленіе славныхъ ружей для войска, потому что эти спашьи принадлежатъ казнѣ; выключите плавку чугуна и дѣланіе желѣза, потому что это мало опносившся до губерніи; выключите искусство дѣ-

лань шками изъ мочаль и льняной пражы, самой медь и коровье масло, пошому что шо и другое служишь дополненіемъ къ хозяйству деревенскому и ийдешь почти за море — и вы такимъ образомъ дочшешесь, что произведенія городами скупаемыя, опъ кошорыхъ орошающся и другіе классы жишелей, сосшояшь въ оппускъ хлѣба разныхъ наименованій за море, частію въ сбытъ писчей бумаги въ другія губерніи, и въ промыслѣ лѣсомъ, итуда сплавляемымъ по рѣкамъ. Впрочемъ я не чуждаюсь увѣренія, что губернія грубо-земледѣльческая, какова обыкновенно бываешъ въ сѣверномъ краю, можешъ за собшвеннымъ продовольствіемъ, за удовлетвореніемъ подашей и повинносшей, можешъ благоденствовашъ, и даже гордишься каменными домами, храмами и дорогами, какъ и нравственными качесвами, если крестыане не предспавляють мірскихъ сходокъ около заведеній головокруженія, и если города не познакомились съ модами, кружевами, съ Шампанскимъ и ш. п.

Въ сихъ, примѣрно, черсахъ можно-бы изобраашъ силы губерніи, населемой 4 племенами: Рускихъ, Вошыковъ, Чувашей и Черемисъ. Вошыки шакъ схожи съ Рускими, что по виду и лицевому размѣру шрудно ихъ различашъ; они и въ гибкости организма не уступають, скоро привыкая ко всѣмъ маспершвамъ Ижевскаго

ружейнаго завода. Далѣе вы увидите сужденіе мое и о способностяхъ прочихъ племенъ; теперь-же остановлюсь на разсмотрѣніи недавняго вопроса. Вамъ любопытно знать, научились-ли купцы Слободскіе, Орловскіе и Вятскіе у иностранцевъ, въ Архангельскѣ торгующихъ, приличнымъ познаніямъ? Т. е. знаютъ-ли, отъ чего зависить благосостояніе ихъ шорга, судятъ-ли о причинахъ пониженія или возвышенія цѣнъ на привозные или отпускные шовары, понимаютъ-ли основанія явленій курса, и любятъ-ли читать списанья, какія по часпи коммерческой помѣщаются въ періодическихъ листахъ, въ Россіи издаваемыхъ? Если-бъ я и ограничилъ въ сихъ отношеніяхъ ваше любопытство, все однакожъ не думалъ-бы допустить, чшобъ они разумѣли меньше прошивъ лучшихъ знамоковъ Пермской губерніи, сколько могу соображать разницу между ними (*).

(*) Можно въ подкрѣпленіе шекста сослаться на списанью о *Ирбитской ярмаркѣ*, недавно изъ Перьми проскользнувшую въ *Journal de S. Pétersbourg polit. et littér.* N 149-й 1829 года. Тутъ Г. Сочинишель списанья взявъ въ основаніе, что въ 1803 г. количество всѣхъ капиталовъ въ оборотѣ ярмарки было на 3,534,092 р., выводитъ изъ шпоговъ послѣднихъ шеспи лѣтъ, что дѣятельность ярмарки съ шой эпохи увеличивается нарочитымъ образомъ. Но какъ въ одномъ изъ *Пи-*

На сей счетъ перескажу вамъ разговоръ, какой велъ со мной одинъ изъ здѣшнихъ Гасконцевъ (шакъ понимающъ въ Сибири Вятчанъ). Другой годъ чипая Полишическій и Ученый Журналъ (выше въ примѣчаніи наименованный), я не могу, сказалъ онъ, вразумишься въ смыслъ *des fonds publics*, о которыхъ припечатывается въ концѣ листовъ каждую недѣлю!— Въ

семѣ къ брату выводилось проповное пому заключеніе, по и надобно рѣшить, на чьей споронѣ правда?

Взглянемъ на 1829 годъ, въ которомъ, по показанію самого Сочинителя спашья, ярмарка была въ наибольшемъ возвышеніи, ш. е. = 10,888,155 р. Послѣ сего возьмемъ содержаніе ассигнаціоннаго рубля 1803 г. къ такому-же рублю 1829 г., и выйдесть $\frac{1}{360}$. Слѣд. по приведеніи двухъ достоинствъ разновременнаго рубля въ одно равное, находимъ, что ярмарка даже въ 1829 г., какъ наиболѣе благовидномъ, не шолько не превосходила, но упала на 509,605 серебр. рублей противъ ярмарки 1803 года. Указывая на явную погрѣшность, мы не думаемъ, чпобъ она въ помъ одномъ и соспола. Ибо какъ можно съ достоверностію полагаться на ярмарочныя сказки, опбираемья безграмотными людьми опъ сидѣльцевъ, спѣшущихъ опвязаться опъ спросовъ безвременныхъ? Въ подобныхъ случаяхъ одинъ способъ почитается вѣроянѣйшимъ: узнавать итоги шюней, мѣспъ, мѣръ для сухихъ и жидкихъ, а не стислять суммы деньгами. Не на обумъ почтенные купцы, приемлющіе учаспіе въ дѣлахъ Ирбишск. ярмарки, ушверждающъ, что она дѣйспвишельно падаесть, хотя нарицательною цѣяностію и обольцаесть на минушу.

чемъ недоразумѣніе ваше? — Въ шомъ а), почему фонды, мешалломъ внесенные, приняты по по 6%, по по 5%, т. е. послѣдніе ниже фондовъ ассигнаціонныхъ? б) отъ чего происходитъ, что послѣдніе мешаллическіе фонды падаютъ въ биржевомъ ходу иногда до 13 процентовъ убытка, между тѣмъ какъ ассигнаціонные всегда споятъ выше 100, вопреки вѣроятности: пошому что мѣра монешной цѣнности закономъ положена въ серебр. рубль извѣстной пробы и вѣса. Но, если хотѣли брать деньги бумажныя безъ отношенія къ серебру, то можно будешь Журналу означать по Лондонской биржѣ хождение Бразильскихъ займовъ по 6 и 5%; в) можно-ли самыя слова: *Fonds publics* переводить капиталами государственнымъ? — Все равно, переводите хотя *не капиталами государственнымъ*, сѣбючись я отвѣчалъ.

Приводя разговоръ сей, какъ образчикъ здѣшнихъ умствованій о предметахъ коммерческихъ, и не привязывая къ нему сколько важности, чтобы предспавлялась нужда отвѣчать на вопросы, пожелаемъ мимоходомъ, чтобы Казанскій Университетъ, славясь шочными знаніями по часши Машемашики и Аспрономіи, послалъ въ Вятку своего сочлена, для опредѣленія широты и долготы сего мѣста, какъ принадлежащаго ему по зависимости учебной. Сіа часшь должна бышь собшвенношю обсервашо-

рії Университета, пѣтъ болѣе, что и *Вятская Исторія* написана съ методическою основательностію ученымъ мужемъ изъ того-же слова. Оспашеся шолько ее прочишати.

Дабы передашь вамъ еще примшную вѣсь, хоту сказаши, что здѣшняя Гимназія представляется въ числѣ порядочныхъ заведеній, судя по степенямъ знанія наславниковъ. Въ ней, и въ нисшихъ училищахъ одного города учишся до 230 мальчиковъ, но кончившихъ гимназическій курсъ въ эшомъ году шолько 3; да и въ прежніе годы не всегда бывало вдвое больше, шакъ что, для прозрѣнія числа образованныхъ юношей, въ періодѣ одного поколѣнія, не лзи проложитъ въ мысляхъ никакой прогрессіи, за неимѣніемъ разкоспи или знаменателя, вѣроятво—постоянныхъ. Ибо къ распросстраненію просвѣщенія природа не намѣшила шоль рѣзкихъ побужденій, какъ къ распросстраненію челоѣческой семьи, кошорая въ печеніе одного поколѣнія расшешъ въ порядкѣ: 1, 3, 9, 27.

Далѣе скажу вамъ, что наспроенный молвою о внушреннемъ украшеніи Каедральнаго собора, сповшшемъ по слуху 70,000 р., я раза два заходилъ въ Соборъ, не во время служенія. Весь капишаль, какъ видно, положенъ на рѣзьбу и позолошу двухъ боковыхъ иконошасовъ, на письмо св. иконъ, на расписаніе стѣнъ и сводовъ въ зимней половинѣ храма. Конечно я не

знапокъ въ искусствѣ, но слѣдуя за кистью г. Чарушина по спинамъ и сводамъ, невольно чувствовалъ особое впечатлѣніе. Также письмо двухъ иконъ Божіей Матери, и другихъ святыхъ, показывается въ мастерѣ щеголевашоснѣ воспитанника Академіи Художествъ; но изображенія самого Спасителя въ обонхъ приделахъ заставляють сомнѣваться, его-ли эти работы? На правой сторонѣ Спаситель изображенъ въ какомъ-то болзливомъ ощущеніи, а на лѣвой самый рисунокъ совершенно ложенъ. Все однакожь выходишь опсюда довольнѣе, нежели изъ шеплага собора въ Лерми. Тамъ, наслышась о мраморномъ иконоспасѣ, спѣшишь, спѣшишь безъ отдыха; видишь мраморъ не цвѣшиспный, пришомъ сложенный въ прямолинейныхъ плоскостяхъ, кошорыя по пространству иконоспаса распавлены чешыреугольно, единообразно, и не можешь надивишься, къ чему для моношони такъ плоской употреблено шолько шруда, шолько времени? Всемогущему радосшно поклоняшья вездѣ, и въ ушлой, деревянной часовнѣ, и въ великолѣпной базиликѣ: но, когда человекъ возношися воздвигнушь Ему алшаръ избранный, желашельно-бы видѣшь зодчимъ Микель-Анжело, и живописцемъ Рафаэля. Кому приличнѣе служишь проявленіямъ Премудрости, какъ не ея служителямъ — силамъ дарованнымъ? И этого домогаюсь я въ Вяткѣ?

Ноябрь 1830.

3

Для чего-бы и не такъ? Счастливая здѣшняя наснива, сказывающъ, не рѣдко слышишь и видишь опличнаго проповѣдника слова Божія въ лицѣ Преосвященнаго Кирилла. Мнѣ не случилось слышать Архипастыря съ кафедръ; но печатныя проповѣди, какія посчастливилось читать, освѣчаютъ за славу Его Преосвященства.

Я желалъ бы кончить письмо на пошъ-же ладъ, на какой было оно начато; но остается за мною еще много не высказаннаго. Въ дальней и долговременной повѣздѣ встрѣпишь кварпиру пріятную есть удовольствіе неоптвенное, и въ семъ случаѣ чувствую долгъ похвалиться кварпирою превосходнѣйшею, очень пріятною, какой я пользовался въ домѣ здѣшняго купца И. С. Машковцева. Умалчивая о благородной привѣтливости, внимательности и гостепрѣимствѣ, какими меня упредили, для того-бы я, къ чести Русскаго нашего купечества, не позволилъ себѣ сказать о хозяинѣ, какъ опцѣ семейнива? Не выводя дѣшей-юношей изъ подъ родительскаго наблюденія, онъ посылаетъ ихъ въ урочные часы учиться въ Гимназіи, пока не послунатъ въ Университетъ, и между шѣмъ къ той-же цѣли запросто приглашаетъ къ своему столу учителей Гимназіи. Сей способъ воспитанія показался мнѣ однимъ изъ лучшихъ, по мѣсту и обстоятельству.

Знаете-ли, какъ въ свое время Аббашъ Гальяни опозвался о Парижѣ, гдѣ онъ часто видался въ одной бесѣдѣ съ Геометромъ Даламберомъ и съ знаменитыми писателями той эпохи? Я видѣлъ въ Парижѣ, сказалъ онъ не на шушку, только двухъ умныхъ мужей: себя и Дидерота. Можешь бышь и я, выѣхавъ опсюда, гдѣ нибудь скажу, что видѣлъ въ Вяткѣ также двухъ умниковъ: себя, и одного приходскаго учителя, по шѣмъ заслугамъ, что онъ, при всей затруднительной для дѣшей методѣ, научалъ ихъ хорошо читать и писать, а я первый успѣлъ понять, что ему можно-бы достигать той-же цѣли гораздо легче.

4 Сентября 1828 г.

Въ Вяткѣ.

Ц Ы Г А Н К А .

1

ӨЕМИСТОКЛЪ.

Греки , Греки ! кто васъ не любяшь ?

Карамзинъ.

Въ хорошую лѣтнюю погоду переправился я черезъ Прушь , на Скуляны. Спавъ ногою на швердую землю , оглядывался я кругомъ , смотрѣлъ даже себѣ подъ ноги , озиралъ и разсматривалъ всѣ дальнѣйшіе и ближайшіе предметы , искалъ чего-шо особеннаго , опличительнаго. Но — справа росла не по-Турецки , а Молдаванскіе камни и деревья не опличались опъ Русскихъ. За шо , взошедъ въ мѣспечко , я невольно улыбнулся. Здѣсь нашель взоръ , чего искалъ. Спроенія широкія , плоскія кровли ихъ , съ двумя на конькѣ , рѣзбою украшенными , шычками , крыши галлерей вокругъ всѣхъ домовъ , чуждыя лица , одежда и языкъ Молдаванъ и Грековъ , все это яркими красками возвѣщало иноземное. Взошедъ на крыльцо шракшира , еще болѣе нашель я чего искалъ. Досчатый лѣтній домикъ

Молдаванской поспройки , съ навѣсами и проходными сѣнями , изъ коихъ въ обѣ спороны наспешъ распахнулись восьмеры дверей въ опдѣльные комнапы; окна все распворены; низкіе диваны, или, лучше сказашъ , полспые, широкіе нюфыки, расположенные по всемъ чепыремъ стѣнамъ и укрышые , равно какъ и полъ , песпрыми коврами; на диванахъ небрежно валявшіеся прохожане-разночинцы; Молдаванки въ шипыхъ золотомъ, на мѣху, кацавейкахъ, скуршайкахъ, обвивши косы вокругъ чела; мужья или земляки ихъ, съ чубуками (*), съ шапками на головахъ, съ усами, съ бородами : не правда-ли , что все это не шакъ , какъ у насъ ?

Но скоро опомнился я , и былъ разочарованъ. Находясь въ разспояніи ошъ Яссъ менѣе 20-ти верспъ , думалъ я бышь шамъ часа въ полшора; но, лошадей вѣшъ! Неблагопріятное, безпомощное положеніе мое, надмевность Поручика-Коммendanша , который , тупъ-же въ пракширѣ сидя, не хотѣлъ меня никакъ удостойть своего вниманія , увѣряя , что это не его дѣло — все заспавило вздохнушь изъ глубины души по родинѣ, по опчизнѣ; казалось, я споялъ

(*) Турки называютъ чубукомъ то , что мы обыкновенно называемъ трубкою : весь снарядъ. *Верѣ бана тубукъ* , дай мнѣ трубку.

среди чуждыхъ мнѣ племень , одинъ , опречень ошъ всего , что могу назватъ своимъ и себѣ подобнымъ . Хозяинъ шракшира , спашный , благовидный Грекъ , предлагалъ лошадей за неумѣренную плату : 6 рублей серебромъ . Это для нашего брата не находка ! Я ошмыскалъ и нанялъ наконецъ мужика Молдавана , за рубль до Яссъ ; но когда онъ пришелъ за чемоданомъ моимъ , благовидный Элинъ напустился на него , съ такимъ краснорѣчьемъ , что Молдаванъ , снявъ шапку и опѣсивъ съ полдюжины поклоновъ въ поясъ , ушелъ . Я ошпался снова въ недоумѣннмъ , въ самомъ безпомощномъ состояннм . Жалоба моя Комменданшу-Поручику , въ глазахъ котораго это все дѣлалось , ошпять не произвела никакого дѣйствнм . Я принужденъ былъ нанять лошадей у Грека , подъ деспотическимъ правленнмъ ко-его находилось , по видимому , мѣстечко .

Въ это самое время входитъ проѣзжнм Маюръ . Съ шумомъ и крикомъ свѣлъ онъ , и потребовалъ ѣспъ . Онъ увѣрялъ , во все время обѣда , что уже знаешь этихъ бездѣльниковъ , и , голосомъ , которнмъ раздавался по всему шракширу , чеспилъ Комменданша-Поручика и весь причеспъ его , приговаривая : « Ничего — они Греки ; если ихъ не побить , шакъ они не поймутъ насъ . Я не въ первый разъ проѣзжаю здѣсь , » продолжалъ онъ , « они здѣсь шолько-что не разбиваютъ по дорогамъ , а шо все что угодно . Эй ! мо-

шенникъ, хозяинъ! что шебъ за обѣдъ: за по-
момъ швон, да за гнилую рыбу?»—Семь левовъ.—
Надобно знашь, что въ Яссахъ, въ городѣ, пла-
тятъ за порцію 30 паръ; и шакъ въ обѣдѣ
Маіора заключалось елишкомъ девять порцій.
Маіоръ вынулъ кошелекъ, и уставилъ глаза на
ашлеша-хозяина, въ его черной съ золомомъ, раз-
рѣзными рукавами, прешивью и снурками, курш-
къ, широкихъ черныхъ шараварахъ, богашомъ
кушакъ и красной фескѣ. Положивъ локомъ на
сподъ, сказалъ онъ: «Видно шы меня уже по-
забылъ? Ты не помнишь, когда я, за шри не-
дѣли, проѣзжалъ въ Херсонъ? У меня рука бо-
лишь, да лѣнь вспизвашъ, а шо-бы я шебъ опашъ
почистилъ галуны. Вонъ шебъ два лева (80
коп.) за сподъ: хочешь бери, не хочешь не бе-
ри; да убирайся бѣгомъ къ Комменданшу своему,
чтобы я шебя»—онъ схватилъ чубукъ—«не на-
гналъ, а шо не дойдешь!» Аплетъ-юноша, по
имени *Фемистокль*, вышелъ, не давъ Маіору окон-
чить рѣчи, и сказалъ въ другой половинѣ, подъ
защипою папрона своего: «Не нада мнѣ и деньги,
зя шакой слова!»—А если-бъ какой нибудь эи-
лелинъ, или элинофилъ, носмошрѣлъ на эшого
Фемистокля, который былъ синашень, какъ об-
разецъ и красавецъ, шо ошдалъ-бы душу свою
за него, и не повѣрилъ, чтобы эша несвязанная,
молодецкая походка, эши ясныя, рѣзкія, благо-
родныя чершы, эши краснорѣчивые глаза —

кошорые Грекъ никогда не поупляесть, ибо не знаесть стыда — эшопъ опкрышый лобъ, словомъ, чшобы все эшо заключало ново-Греческую душу, шо есть: самага понкаго, дерзкаго и безсовѣснаго плуша, гоповаго даже силою и дракою защищаць бездѣльничесиво свое, и почитающаго сѣи самыя плушни неопштемлемою собспвенностію своею, а криводушіе и наглосць необходимыми факторами жишейскаго быта! Нѣпъ, нѣпъ! Лафашеръ и Лабрюйеръ не знали Греческихъ физиогномій нашего спольшія, какъ знаесть ихъ мы!

2.

Р а д у к а н ь .

Эта сцена увѣрила меня, что скромность моя была здѣсь неумѣстна, и что убѣдительный, краснорѣчивый возгласъ родины моей, Луганской станицы, Плашова наказъ, *Казацкая правда*, ш. е. нагайка, имѣла-бы здѣсь самое лучшее и благошворное дѣйствіе!

Я поѣхалъ. Суруджи (такъ называють здѣсь ямщиковъ), сидя верхомъ на одной изъ коренныхъ, съ ужаснымъ пропяжнымъ крикомъ: ау—и—га—гой! щелкаль бичемъ и погоняль выносныхъ. Здѣсь иначе не ѣздяшь. Вы ѣдете на перекладныхъ, въ корошенькой, узенькой ка-

руцѣ , гдѣ невозможно просянупъ ногъ , или сѣсны въ двоємъ ; закладываюпъ-же всегда чешверку съ выносомъ , и ямцикъ сидяпъ верхомъ на одной изъ коренныхъ . Клячки : дрянныя , а упряжь устроивается изъ обрывковъ ; хомуловъ не знающъ : накидываюпъ узенькія оборванныя шлейки на попертыя шеи кляченокъ , и половину сихъ послѣднихъ не удостоиваюпъ даже вожжей .

Заглядываясь на ближайшіе и дальнѣйшіе предметы , не успѣвъ я опѣхашъ десяти верстъ , какъ вдругъ шворень брички моей пополамъ , и Суруджи мой поскакалъ подъ гору съ полверсты , покуда смогъ и съумѣлъ удержашъ спрощивыхъ , невзнузданныхъ клячъ , которыя , радостно покачивая головами , мчали легкой грузъ передка .

Я находился оныпъ въ жалкомъ положеніи . Въ лѣсу , среди пущыря , безъ помощи , ночь на дворѣ , одинъ , въ чужой землѣ , а Суруджи объявилъ мнѣ , что ближе Яссы или Скуляпъ , туда и сюда верстъ около десяти , кузнеца нѣтъ . Я проклиналъ все и всѣхъ , досадовалъ , думалъ ; и наконецъ долженъ былъ рѣшиться ночевать одинъ у чемодана , а ямцика послапъ , взадъ или впередъ , за помощію . Онъ было уже и собрался ѣхашъ , распушывая и перепушывая вожжи и постромки , которыя въ самомъ дѣлѣ

шрудно было оплечашь однѣ опъ другихъ, какъ въ самую эту минушу... великъ Богъ Русскій! — идешъ на встрѣчу по дорогѣ Цыганъ, коваль, одинъ изъ шѣхъ, кошорые паскаюшся по всей Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, съ мѣшкомъ за спиною, имѣя при себѣ уголья, мѣхъ, клещи, и куюпъ, шакъ сказашъ, на ходу. Какая радосная встрѣча! Я расцѣловаль-бы чернаго, грязнаго, курчаваго, быспроокаго коваля, лвившагося на закланіе ямщика: *Дракуль* (чоршъ)! провзмесенное къ вожжамъ или пошромкамъ его.

Можешъ-ли сваришь шворень? спросилъ я, осшановивъ его.

Онъ взглянулъ на изломанный, и сказавъ: «*Стрикатъ, бояръ*» (сломался, сударь), пошчасъ принялся за работу. Съ радосными любопытшвомъ глядѣлъ я на работу молодаго, сильнаго, ловкаго Цыгана. Онъ уже разложилъ уголья, и, между шѣмъ какъ Суруджи дулъ мѣхомъ, лежа на колѣняхъ поправлялъ ихъ расклепавшимися, бришачными клещами. На немъ была рубаха и шаравары, нѣкогда бѣлыя; шо и другое, какъ казалось, безсрочное, безсмѣнное, черное и изодранное. Онъ былъ подпоясанъ ремнемъ, шапки не было вовсе, а въ угольномъ мѣшкѣ лежалъ, когда-шо бывшій синимъ, кафтанъ, весь въ лохмощяхъ. Между шѣмъ какъ онъ работалъ,

бывшій съ нимъ Цыганенокъ плясалъ, по наказу ямщика, за оловянный гуздокъ (пуговку) до упаду.

«Гдѣ швой домъ?» спросилъ я. Онъ засмѣлся, и бѣлые зубы его сквозились въ спральной прошивоположенности съ чернымъ его швомъ. *Ла мми ну-есть каса*, отвѣчалъ онъ (у меня нѣтъ дома). «Гдѣ-же швоя родина?» Онъ меня не понялъ. «Твоя земля?» сказалъ я. *Ангъ* (здѣсь)! — Онъ pokrылъ ладонью нѣщо, гдѣ сидѣлъ. Пошомъ засмѣлся снова, и, сдѣлавъ рукою движеніе вокругъ себя — *тотъ ла мми* (все мое)! сказалъ онъ — вся земля! — «Гдѣ швой отецъ, мать?» *Ба ну-и щіу* (*), не знаю! — «А какъ тебя зовуть?» — Радуканъ.

И Радуканъ, ухвативъ клещами раскалившееся желѣзо, началъ отковывать его. Въ короткое время все поспѣло, слажено, бричка моя снова спала на чепыре колеса, и веселый молодой коваль проговорилъ скороговоркою, въ спихахъ, цѣлую поздравительную рѣчь, въ кошорой заключалось пророчество счастья моего, кошорое будетъ крѣпче и постояннѣе эшого желѣза. Онъ кончилъ пошомъ словами: «Я чело-

(*) Молдаваны пишуть: Букуреци, Романеци, вербеци, щіу, а говорятъ: Букурешпи, Романешпи, вербешпи, штіу.

вѣкъ бѣдный , а васъ Богъ послалъ развеселишь
меня и порадовашь ! »

3.

“ Я С С Ы , главный городъ Молдавіи “ . . .

Дѣтская Географія .

Въ радоснномъ расположеніи духа сунулся я
въ карманъ , и — кошелька моего нѣтъ ! Пошеря
его въ эту минушу не сполько меня огорчила,
какъ непріятное настоящее положеніе мое : не
бышь въ состояніи уплашишь бѣдняку долга ,
развесѣлшь его и порадовашь !

« Я пошерялъ деньги , » сказалъ я ему , « и не
могу шебѣ заплашишь ; возьми что нибудь изъ
вещей моихъ , изъ плашья . »

— Пошерялъ ! повшорилъ онъ , съ учаспіемъ—
Мульть (много) ?

« Кромѣ серебра , было 15 червонцевъ .

Онъ сложилъ руки , и , покачивая головой ,
попянулъ воздухъ въ себя , пораженъ будучи па-
кою поперею , и повшоривъ раза два : *гнть-
пре-дзети гальбенъ* (пятнадцать червонцевъ) ! Не
хочу ничего опъ васъ — сказалъ онъ , соболязнуя .
Но я настаивалъ рѣшишельно , чтобы онъ при-
нялъ плашу . Онъ подумалъ и сказалъ : Бояръ !
не возьму я плашья вашего ; куда я его дѣну ?

Скажушъ : я укралъ ! Приду я къ вамъ въ городъ когда нибудь ; вы мнѣ заплашите .

« И пакъ ты мнѣ вѣришь ? »

Онъ засмѣялся и махнулъ рукою . — Когда уже я васъ не спаву обманывашь , пакъ можно-ль, чшобы вы меня обманули ? — Суруджи сказалъ ему, въ какой пракширь онъ меня везешъ , Хапъ-корой , и мы расстались .

Прѣзжаемъ въ грязныя Яссы . Городъ очень великъ , и раскинушъ на опшломъ мѣспѣ , или опшогихъ мѣспахъ , какъ песпрый коверъ . Увенькія , досками умощенныя улицы ; неправильность и шернимость въ разнообразіи поспройки безпримѣрная ; дома , шпо Азіяпскаго , шпо Европейскаго вкуса ; кровли съ навѣсами ; подспавки ; подпорки на каждомъ шагу ; галлерей , вонючіе пѣсныя дворы ; народу по улицамъ много ; наши солдашы ; жшпели Молдаваны , бояре , въ шапкахъ съ пивной кошель , Греки , Сербы , Армяне , Жиды , Цыганы , Арнаушы , коихъ по одѣнію не лъзя опличить опъ Турковъ , съ яшаганомъ , пшшолепами , кой-гдѣ фракъ , или сюршучишко иностранца-ремесленника — все это придаешъ городу видъ песпрый и живой . По обѣ спороны улицъ ряды лавокъ , или , опкрышыя , подъ навѣсами , съ опускными дверьми , масперскія ремесленниковъ . Разтѣжаясь со встрѣпившеюся карешою , зацѣпили мы по необходимости и

опрокинули бочку, вокруг кошпорой ходилъ бондарь, и наколачивалъ обручи, между шѣмъ какъ кареша опорвала широкій спавень, или опкидную дверь, прошивулежащаго дома. По угламъ, со звономъ и презвономъ, продается шербешъ, коего фонпанчики бьютъ искусно въ деревянныхъ выкрашенныхъ спанкахъ, поверпывая собою, на шпилькахъ посшавленныхъ, жешяныхъ челоувѣчковъ, къ ногамъ коихъ привѣшены пуговики и побрякушки; оборванные мальчишки, въ красныхъ шапочкахъ, фескахъ, бѣгають по улицамъ, а въ развалившихся, или недоспроенныхъ огромныхъ домахъ гвздяшя нагіе Цыганы, сидяшъ, какъ шѣни Орковы, вокругъ дмящихся огненныхъ жерлъ своихъ, куюшъ и приговариваюшъ. Иные ходяшъ со скринками, гудками и цымбалами. Таковъ городъ нынѣ; но оспашки огромныхъ зданій и великолѣпнаго Княжескаго дворца, доказываюшъ, сколько онъ пошерпѣлъ ошъ послѣднихъ пожаровъ. Въ шракширѣ плашилъ я по 3 лева (120 коп.) за кварширу въ сушии, по 30 коп. за порцію кофе, чаю, борщу, жаркаго, салада или соуса, по 15 коп. за крафинѣ изряднаго, шуземнаго вина. Жиды, маклера, на шонкихъ ножкахъ своихъ, въ черныхъ халапахъ, прислуживаюшъ и подслуживаюшъ. Хозяинъ, Молдаванскій бояръ, съ сѣдою бородою (преимущество, за коепое Туркамъ плашилаь особенная подашь), бишый день, съ

раннего утра и до позднего вечера, сидитъ на софѣ но Турецки, поджавъ ноги, съ тубукомъ, съ чашкою Турецкаго кофе, съ чешками въ рукахъ: такимъ образомъ онъ командуешь и управляешь всѣмъ хозяйствомъ, и слынешь человѣкомъ дѣятельнымъ, хорошимъ хозяиномъ.

По праздникамъ и воскресеньямъ, beau monde ѣздитъ кашаться по пыльной, пыльной или грязной улицѣ, шагомъ, и въ самыхъ Донъ-Кихотовскихъ экипажахъ прошедшаго вѣка. Такихъ дрежекъ, полуколясокъ, крышыхъ и некрышыхъ гермафродитовъ, нигдѣ болѣе не найдете. Щегольскіе кучера одѣши гусарами; большею-же часшію они походятъ на оборванныхъ сапожниковъ. Женщины здѣшнія неимовѣрны охотницы до нарядовъ, и иногда добываютъ ихъ во чшобы ни спало и всѣми способами, а иные мужья очень довольны, если плапши приходится не имъ; сами они охотнѣе выписываютъ изъ Вѣны моды и фасоны для чужихъ. Вотъ причина многого и великаго злорѣчія. Нѣтъ народа въ Европѣ, гдѣ-бы разводы были легче и чаще, чѣмъ у Молдаванъ. Супруги расходятся, живутъ друзьями, сходятся опять, мирятся, или разводятся и сватаются за другихъ — это почши ежедневныя дѣла въ бышу Молдаванскомъ. Виновики шакого развода продолжаютъ пользоваться благорасположеніемъ освободившихся ошъ нга

супружества, а это опять подают поводъ къ кривошолкамъ и пересудамъ. Таковъ свѣтъ : у него нѣтъ свѣтаго ! Но тѣмъ болѣе удивляемся, встрѣчая препяшства въ супружествѣ шамъ, гдѣ не ожидали оныхъ. Молдаваны Греческаго исповѣданія, и священникъ ихъ ни за что въ свѣтъ не спанетъ вѣнчашъ чепу, въ коей одинъ изъ супруговъ былъ-бы инаго исповѣданія. Въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ всегда къ нашимъ полковымъ священникамъ, а пүземные заводяптъ съ ними немедленно плябь. Молдаваны вообще такіе-же охошники до плябь, какъ Малоросіане.

4.

Н Е У Д А Ч А .

Вопъ городъ, въ кошоромъ мнѣ довелось прожить нѣскольکو времени, и въ кошоромъ имѣлъ я слѣдующее приключеніе, о кошоромъ вспоминаю часно и съ удовольствіемъ.

«И такъ еще приключеніе ! И конечно любовное, ибо, *безъ любви какое ужъ веселье* (сказалъ Крыловъ) !» Да, и нѣтъ, какъ хопите ; нѣтъ повѣсти, нѣтъ разсказа, нѣтъ приключенія, ни истиннаго, ни вымысленнаго, въ кошоромъ-бы не дѣйствовали люди; а люди — мужчины и жепщины ; а между ими всегда были, есть и будущъ связи и опношенія, природою

имъ внушения; вопль мешочникъ смольскихъ разнообразныхъ и однозвучныхъ приключеній, разсказовъ, повѣстей, происшествій!

Пріѣхавъ въ Яссы, я заболѣлъ, и пролежалъ цѣлый мѣсяцъ. Въ продолженіе этого времени, добрые поварищи, навѣщавшіе меня по часту, такъ мнѣ прошумѣли уши именами и похвалами прелестнѣйшихъ и любезнѣйшихъ дѣвицъ и женщинъ здѣшнихъ, что я видѣлъ ихъ во снѣ и на яву, въ жару и въ ознобѣ лихорадки, и бредилъ только ими. Любопытство мое день ото дня возрастало, и я, не будучи еще въ состояніи вѣшать съ визитами и съ поклонами, хотя уже былъ, по милости поварищѣй своихъ, извѣстенъ по имени во многихъ домахъ, и приглашаемъ и ожидаемъ, взялся въ одно хорошее утро провесити, только что прибывшаго съ границы, пріятеля своего, по городу, и показать ему, хотя сквозь шускамя стекла — а можетъ быть и въ открытыя окна — знаменитѣйшихъ, первоклассныхъ красавицъ. Но — *умисель другой тутъ былъ*: мнѣ и самому хотѣлось на нихъ посмотришь. И такъ наняемъ извозчика и садимся. «Знаешь-ли домъ Дияшраки Жинареско?» — *Щю!* — Спупай! Да какъ дойдешь; такъ скажи намъ; слышишь? — «*Щю*» — повшорилъ онъ, и погналъ свою пару въ шорахъ. Ёдемъ, ёдемъ, близко-ли далеко-ли, низко-ли высоко-ли — вдругъ мой Молдаванинъ оспанавли-

Ноябрь 1830.

4

ваешься и, привешавъ медленно съ козелъ, спокойно указываешь длиннымъ бичемъ своимъ въ открытое окно дома, къ кошорому мы подъѣхали, и у кошораго въ самое это несчастное время спали искомыя при Граціи. Молдаванинъ говоришь швердымъ и громкимъ голосомъ: Аичъ, бояръ, (здѣсь, сударь)!—Одна изъ дамъ произнесла со вздохомъ: *ce n'est pas lui* — и онѣ, всѣ при, ошошли отъ окна. Вообразиле меня, кошорый взялся бышь пупеводишелемъ, и друга моего, попавшагося, какъ ворона въ супъ — на чужомъ пиру съ похмѣлья! Въ себя, приказываю извощику гнашь даѣе, а пріишель мой, не въ силахъ будучи удержаться, хохочешъ во все горло.

На другой-же день, поварищи мои прибѣжали ко мнѣ съ упреками, съ соспраданіемъ: вѣшь разнеслась по всему городу, спо разъ была рассказана, пересказана, и каждый разъ *на новый ладъ и образецъ*. Тупъ видѣли умыселъ, *quelque sottise*, кричали: « да можно-ли, да какъ вы, что вы? «Какъ шы покажешся въ люди?» воскликнули поварищи мои, и я имъ объявилъ, что послѣ шакихъ нелѣпныхъ сплешней не намеренъ и не хочу показывашся въ люди, не пойду ни къ кому. Меня избаловали въ ошечствѣ моемъ пріемами радушными. Я говорю спасибо шолько шому за приглашеніе, кто мнѣ говоришь за посѣщеніе мое шже. И шотъ-же

день попотребовалъ я спокойную кварширу, въ какомъ-бы то ни было уголкѣ города.

5

М о я к у к о н а . (*) .

Кваршира ошведена мнѣ ошдаленная, одинокая, но въ большомъ, хорошемъ домѣ, гдѣ хозяйка, изъ числа первоклассныхъ дамъ, пошчасъ прислала просишь меня къ себѣ. Съ большимъ краснорѣчіемъ объясняла она мнѣ, что у нея *нужь есть барбатъ* (нѣшъ мужа), и что она бо-ишя посшояльцевъ нашей брашьи. Я успокоилъ ее. Попомъ, сидя на софѣ, въ однихъ чулкахъ, и подвернувъ ноги, распрашивала хозяйка о Пешербургѣ, хошъла подробно знашь узоры чугушной рѣшетки Лѣшняго сада и перилъ на каналахъ. Между шѣмъ дѣвка принесла и подала дулчець (**), слуга, за нею вслѣдъ, несъ спшаканъ воды, коимъ всегда запи-вающъ сласши, при чемъ присущшвующіе кланяющя, желая здравія, и, наконецъ, еще нѣсколь-ко слугъ и служанокъ явились и подали кофе :

(*) *Кукона*, барыня; *куконица*, молодая женщина, дѣвица.

(**) Сахарное варенье, въ Молдавіи и Турціи весьма искусно пригошвляемое.

его всегда приносятъ въ кофейникъ, и наливаютъ при раздачѣ въ небольшія чашечки, безъ блюдетекъ, крѣпкій и густой, подавая, кому угодно, и сахару. Сливкокъ не употребляютъ никогда. Дулечъ и кофе подаютъ гостю во всякое время дня: утромъ, вечеромъ и въ полдень. Спарушка моя разворковалась, и на-сказала мнѣ съ шри пропастн городскихъ сплешней. Между прочимъ спросила она: правда-ли, что Полковникъ нашъ женился на Пулхерицѣ Флореско? — Правда, отвѣчалъ я. — Да, продолжала она, Пулхерица *куконица фрумоза*, (прекрасная дѣвушка), и очень воспитанная, говоритъ по-Гречески и по-Французски. И у меня есть племянница, продолжала она, *ба куй щитъ Французещи ши Гречещи* (да шолько не знаешь ни по-Гречески ни по-Французски) — и велѣла ее тотчасъ позвать. Поленькая Сма-ранда вошла, поклонилась, оставила шуфли (папуши) у двери и сѣла на диванъ. Вскорѣ я раскланялся, и ушелъ въ свою комнату. Я сидѣлъ большею часшю дома, читалъ, работалъ, и выходилъ шолько для прогулки и по дѣламъ.

6.

К а с а т к а .

Въ полудюжинѣ служавокъ, коихъ наружность и обращеніе были не весьма очаровательны, а

поведеніе вовсе не двусмысленное, находилась молодая Цыганка, по видимому, въ милости у госпожи своей, ибо она была хорошо одѣта, опрятно и чисто. Я съ начала не обращалъ на нее большаго вниманія, ибо не думалъ въ ней искать чего-либо особеннаго; но пріятное лицо ея привлекало на себя взоры мои при каждой печальной встрѣчѣ. Цыганки имѣютъ сполноко оплывшелаго, что не смотря на великое множество ихъ въ здѣшнемъ краю, всегда при первомъ взглядѣ оплывшелы онѣ бытъ могутъ опъ природныхъ жипелей. Онѣ средняго роста, волосы черношмы совершенной, какъ подъ черною омнѣшью, нѣскольго курчавы, но длинны, густы и мягки, вощпы пухмышмы. Это, равно и смуглыи желновашый цвѣтъ лица ихъ, ещѣ не опъземлемый признакъ рода. Не смотря на все, ещѣ красавицы между ними: черныи волосы лощнышя распушченныи или въ косахъ; глаза, шемнокаріи или черныи, огненныи; природный румянецъ играешъ на смуглыхъ щекахъ; длинныи рѣсницы, полныи шемныи губки и жемчуженки виѣшно зубовъ.

Однажды мой Андрей, разболтавшисъ, доносилъ мнѣ о томъ, что дѣлалось и происходило ежедневно въ дѣвичей, коеи онъ уже былъ непрѣмѣннымъ членомъ, о томъ что говорашъ и говорили о барынѣ и сосѣдкахъ ея, о племянницахъ, шешкахъ и горничныхъ ихъ. Все-

го пересказывать я не намѣренъ, но скажу только, что онъ кончилъ такъ: «Эдакой земли, Ваше Благородіе, я сроду не видывалъ. Какъ въ Россію придемъ, да спанемъ рассказывать, такъ и не повѣрашъ! Вошь вѣдь хонь и пущь въ домѣ, изо всѣхъ, сударь, Цыганка одна удалась: такая добрая дѣвка, что никто съ пущи не собьешъ; не боишся ничего; пущь-же бѣгаетъ между ними; хонь что ни дѣлаешся, ничего не видишъ, не слышишъ, развѣ засѣнешся — а ужъ къ ней никто не подходит. Тутъ до насъ, говорятъ, Адьюпаншъ что-ли какой-то споялъ; такъ онъ какъ ни дѣлалъ глазки, нѣшъ — съ шѣмъ и пошелъ. А вчера — такая припка! прикащикъ было бросился за нею, такъ она въ дверь, да подъ лѣспницу; онъ ринулся шуда, а она увернись, а онъ прямо лбомъ о сполбъ, голову разшибъ. Она знай хохочешъ. Даже никому поглядѣвшъ на себя не даешъ!»

— Какъ ее зовушъ? спросилъ я.

«Чудно выговоришъ; Касашка что-ли.»

Вечеру пришелъ ко мнѣ, за дѣломъ, прикащикъ, съ подвизанною головою, молодой, хороший мужчина. Онъ въ разговорѣ самъ спалъ чешшишъ землячекъ своихъ по заслугамъ; я сворошилъ рѣчь на Цыганку, и сказалъ: «А что, она чай не хуже другихъ, даромъ что молода? Вѣдь у васъ всѣ на одинъ ладъ?»

— Нѣтъ, бояръ, сирогой дѣвка — ошѣчалъ овъ усмѣхнувшись — дикой, недавно привезенъ.

« Откуда? »

— Изъ Спандешши, наша деревня.

« Изъ Спандешши! » повторилъ я, и — ужаснулся. Надобно знашь чинапеламъ, что въ здѣшнихъ земляхъ одни шолько Цыганы принадлежатъ къ числу крѣпосныхъ людей; они частію поселены въ Молдаванскихъ деревняхъ, частію-же составляютъ свои особенныя селенія. Къ снмъ послѣднимъ принадлежитъ и Спандешши. Прѣзжая проселочными дорогами, вы встрѣчаете жилища дикихъ, и не вѣрите глазамъ своимъ. Вся деревня, шаръ и малъ, ходятъ лѣпо и зиму нагіе. Да не сочпуть сіе описаніе преувеличеннымъ: свидѣтельствуюсь всѣми, которые, на примѣръ, прѣзжали изъ Бухареста на Плойешши, проселочной дорогою, за разлившемъ рѣкъ. И такъ, повшорю, дикіе Цыганы рубахъ не знаютъ вовсе, сидятъ въ землянкахъ и бѣгаютъ по улицамъ, за водою, за скотомъ, шаръ и малъ — нагіе; изрѣдка, выходя за село, накидываютъ на себя общій семейственный, синій или сѣрый, изъ рубищъ и лоджешевъ состоящій кафтанъ, на голое шѣло. Когда въ этой глуши раздастся бичъ ямщика, шо люди, какъ звѣри, выспавляютъ исключенны черныя головы свои, и, прикрывая нагошу свою руками,

выглядывающъ изъ за угловъ землянокъ своихъ. Изумленный, прожегъ глазами, видящъ и — не вѣрять... и не успѣвъ опомниться, онъ промчался, и облака густой пыли сокрыли опъ него лѣсныя берлоги дикихъ полу-человѣковъ. . . .

7.

М о е з н а к о м с т в о .

Итакъ вотъ родина швоя, бѣдная моя Касашка! думалъ я, и — чего, казалось, послѣ этого ожидаешь опъ дѣвственныхъ чувствъ шдомкхъ, образа мыслей, и самыхъ поступковъ? — При всемъ томъ, все что вижу и слышу, увѣряешь меня въ противномъ. Касашка возбуждала все участіе мое; я желалъ узнать ее короче, но не видѣлъ къ тому средства, ибо какое сношеніе могло бытъ между нами; при ея обращеніи съ поклонниками своими? Не желая ходить съ подобнымъ лбомъ, не думалъ я за нею гоняться, а встрѣчаясь съ нею, при входѣ или выходѣ, говорилъ ласково: Здравствуй! Послѣ того, она первая, пробѣгая скоро мимо меня, при встрѣчѣ говорила: здравствуй! положивъ со своимъ руку на грудь, и наклоня нѣсколько голову. Такимъ образомъ скоро она пересмала меня баяться; увидѣла, что я не паховъ, какъ предшественникъ мой, Адъшаншъ,

и когда я шелъ прямо на нее по узкому коридору, и съ распроспертыми руками, то она подбѣжавъ скоро и смѣло на встрѣчу, сказавъ: здравствуй! искусно и проворно въ ночь-же мигъ умѣла избѣгать объятий моихъ и ускользашъ, нырнувъ подъ руки. Попомъ бѣжала она скоро и, оглядываясь, говорила привѣжливо: Здравствуй! Я всегда съ сердечнымъ умилени-емъ и искреннимъ уваженіемъ глядѣлъ на нее; и распроспертыя къ ней руки охотно и съот- койно позволялъ опвесши въ сторону; никогда не былъ я въ состояніи употребить ника- кого принужденія, и внутренно самъ въ себѣ со- знавался, что не смотря на желаніе мое объ- ятъ Касашку, сопротивленіе и неудача было то, что еще болѣе меня къ ней привязывало и заставляло уважать душевно. Мнѣ всегда каза- лось, что я чишаю въ глазахъ ея: Ты видишь — все для себя сдѣлашь гопова; ты для меня лучше и дороже многихъ: будь доволенъ шѣмъ и — не пребуи невозможнаго! И я довольство- вался шѣмъ, и не имѣлъ никакихъ желаній.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ZAUBER-BIBLIOTHEK, etc. (ВОЛШЕБНАЯ БИБЛИОТЕКА, и проч. Сочинение К. Горста.)

(Окончаніе).

Дѣло Леди Фоулисъ состояло въ умыслѣ на жизнь юной Леди Балнагоунъ, для того, чтобы Жоржъ Россъ Балнагоунъ могъ свободно послѣ сего жениться на молодой Леди Фоулисъ. Но для полученія наслѣдства Фоулисовъ, въ случаѣ шакаго брака, надобно было совершить еще большее злодѣяніе. Пасынки Леди Фоулисъ, Робертъ и Гекшоръ, съ ихъ семействомъ, составляли къ тому первое препятствіе. Рѣшились истребить всѣхъ, и число обрѣченныхъ жервъ было весьма велико. Въ числѣ ихъ была и Каперина Россъ, сестра Жоржа, женщина, участвовавшая въ заговорѣ, и, какъ кажется, мало вѣрившая колдовству, но не боявшаяся употреблять его и всѣ другія средства злодѣяній. Сначала сдѣлали глиняныя изображенія обрѣченныхъ на смерть, повѣсили ихъ на стѣврной стѣнѣ комнаты, и стрѣляли въ нихъ, съ разными колдовскими обрядами. Узнавъ попомъ, что всѣ разстрѣлянные остаются живы, рѣшились просто отправить ихъ; но первое покушеніе было неудачно, ибо ядъ не дѣйствовалъ. Спклянку сильнѣйшаго яда послали къ молодому Фоулису, съ кормилицею его. И шупъ обманулись убійцы: несчастная разбила спклянку дорогою; ядъ былъ столь ужасенъ, что кормилица умерла, едва шолько попро-

бовала его изъ любопытства, и шрава, на которую разлила она ядъ, вся сгорѣла. За тѣмъ стали давать одному изъ Фоулисовъ мышьякъ, но все было безъ успѣха. Въ то-же время, отправили Леди Балнагоунъ, подложить яду въ кушанье. Наконецъ, злодѣяніе открылось, и Леди Фоулисъ — была оправдана! Судъ составленъ былъ изъ людей, подчиненныхъ ей, какъ владѣтельница многихъ обширныхъ земель...

Злодѣйство столь ужасное повлекло за собою новое преступленіе. Гекшоръ Россъ, едва избѣгнувшій отъ рукъ убійць, самъ рѣшился погубить брата своего Жоржа. Слѣпо вѣря колдуньямъ, окружавшимъ его, онъ согласился на злодѣйство, будучи челоукомъ слабого характера, и увѣренный, что тѣмъ сохранитъ жизнь свою. Онъ сдѣлался боленъ; колдуньи сказали ему, что единственное средство оспасться въ живыхъ — обмѣнъ жизни съ братомъ Жоржемъ. Въ полночь, бѣдняка положили въ гробъ; главная колдунья была спрашиваема: кого она выбираетъ въ жершву смерти? Она назначила Жоржа, и предсказала кончину его въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Нелѣпное колдовство это происходило въ Январѣ. Въ назначенный колдуньею день, Жоржъ умеръ, а Гекшоръ выздоровѣлъ, и по суду былъ оправданъ, ибо и его судили люди, ему подвластные.

Едва утихло волненіе умовъ, возбужденное сими двумя процессами, какъ новое, странное судопроизводство взволновало всѣхъ: это былъ заговоръ колдуновъ и колдуней противъ Короля Іакова и супруги его, въ 1591 году.

Начало сего страннаго процесса произошло отъ признанія Гелліи Дунканъ, служанки въ домѣ депуташа, Байлифа Траненшскаго. Какіе-то сосавы, найденныя у Гелліи, и другія подозрѣнія, обратили на нее вниманіе хозяина. Побуждаемый ревностію къ отккрытію дьявольскихъ хитросостей, онъ, съ помощію другихъ, рѣшился пытать злую колдунью, давивъ ей винтами пальцы на рукахъ, и веревкою крѣпко сжималъ ее голову. Не смошря на всѣ старанія ревностныхъ изыскашелей, несчастная не признавалась. Это приписывали помощи дьявола, усилили пытку, и наконецъ истина отккрылась: Геллія объявила, что она приготовляла волшебныя зелья, и обвинила въ участіи 30 или 40 жишельницъ Эдмбургга, не только изъ высшихъ, но изъ самыхъ высшихъ званій; между прочимъ, Эвфимію Макальзинъ, дочь Лорда Клейфшонгалля, одного изъ сенаторовъ и членовъ Юстиць-Коллегіи.

Тщательно разсматривалъ колдовскіе процессы Король Іаковъ, суевѣрный, слабый душою, и вѣрившій всѣмъ нештпослямъ Шпренгера и Бодина. Онъ безпрешанно изумлялся, читая допросы и показанія по дѣлу Гелліи, ибо находилъ много новаго и дошолъ неизвѣснаго ему о дьяволѣ и колдовствѣ, въ разказахъ обвиненныхъ. Наконецъ рѣшился онъ приказашъ предшавишь къ себѣ Геллію, когда другая вѣдма, Агнеса Сампсонъ, объявила, что Геллія была начальницей пляски, съ какою шли онѣ къ дьяволу въ церковъ Бервикскую, при пѣніи пѣсенъ, сочиненныхъ ими самимъ. Его Величество заставлялъ въ своемъ присушствіи плясашъ вѣдмъ, (такъ сказано въ акшахъ процесса), ибо по стран-

ности сихъ общошельствъ, съ большимъ удовольствіемъ самъ онъ изволялъ бытъ свидѣтелемъ допросовъ.

Все однакожъ могло кончиться этою пляскою, если-бы не было употреблено обыкновеннаго средства вывѣдыванія правды у сообщниковъ дьявола — пытки. Всего болѣе истощили сіе средство надъ Куннингамомъ, который въ актахъ процесса упоминается подъ именемъ Доктора Фіана. Это былъ учившій, человекъ сильной души и крѣпкаго сложенія. Голова стянуша была у него веревкою — онъ молчалъ; начали другія, небольшія пытки (*fair means*) — шоже молчаніе; наконецъ началось испытаніе *сапогами*, самое ужасное и жестокое (*the most cruel and severe pain in the world, called the boots*), и послѣ трехъ приемовъ Фіанъ рѣшился говорить, но отъ жестокой боли не могъ. Освобожденный отъ пытки, Фіанъ подтвердилъ согласіемъ все, что у него спрашивали, согласился въ помъ, что онъ сообщникъ дьявола, развратный человекъ, и умышлялъ на жизнь Короля и Королевы, посредствомъ волшебныхъ зельевъ и колдованія.

Важность признанія вскорѣ была уменьшена, ибо Фіанъ, пробывъ дня два въ шюрмѣ, и снова приведенный къ допросу, рѣшиительно отъ всего отрекся. Король приказалъ возобновить пытку. Вбивали иглы въ пальцы волшебника, сорвали у него ногти, особеннаго рода клещами. Фіанъ спрдавалъ и упорствовалъ. Тогда возобновили пытку *сапогами*; у Фіана догнули жилы, изломались кости... онъ немедленно подтвердилъ все снова.

Чему изумлялся особенно Король, что было сходство показаній, какія сдѣланы были всѣми сообщниками Фіана; всѣ подтвердили подробности столь нелѣпныя, столь глупыя и безобразныя, что Король сначала сказалъ чьяя бумаги: «Они лгушъ!» Но послѣ увѣрился онъ въ истиннѣ многими подтвержденіями.

Изъ процесса видно, что Іаковъ, своею набожностію, и дѣятельнымъ участіемъ, какое принималъ въ преслѣдованіи сообщниковъ дьявола, еще до сочиненія книги о Демонологіи, казался дьяволу весьма опаснымъ непріятелемъ. Когда дьяволъ устроилъ первый планъ погубить Короля, и сей планъ неудался, то съ досадою вскричалъ духъ шмы, что онъ безсиленъ противъ благочестиваго Короля, и прибавилъ къ этому, по-Французски: *Il est homme de Dieu!* Рѣшено было въ совѣтѣ дьявола съ его сообщниками, что надобно употребить самыя важныя средства для истребленія «величайшаго врага, какого шолько когда нибудь имѣлъ адъ въ мірѣ.» Торжественныя приговоренія учинены были, чтобы воздвигнуть страшную бурю, когда Король поѣдетъ по морю, и утопитъ его. Фіанъ, какъ секретарь чорта, писалъ приглашенія къ величайшей вѣдьмѣ Маріоннѣ Линкупъ, и другимъ, объясняя, что по приказанію Сатаны, всѣ онѣ должны собраться ѣхать по морю, въ шеченіе пяти дней, и ворожить для произведенія бури. Толпа вѣдьмъ, около 200 числомъ, пустилась въ дорогу; каждая пыла въ рѣшеніи или снѣти. Черный кошъ сидѣлъ съ главною вѣдьмою, крича: *Ho! ho!* — Король съ изумленіемъ признавался попомъ, что шочно однажды ѣхавши по морю, онъ замѣнилъ,

какъ всѣмъ другимъ кораблямъ была вѣтеръ благопріятный, а его корабль шерцалъ противный вѣтеръ.

Ворожба на морѣ кончилась. Вѣдьмы вышли опять на берегъ, пили изъ шѣхъ-же рѣшетъ, въ копорыхъ ѣздили по морю, и ошправились потомъ въ процессію къ Норд-Бервикской церкви, гдѣ дьяволъ назначилъ имъ мѣсто свиданія. Общество состояло болѣе нежели изъ 100 вѣдьмъ, и 32 изъ оныхъ означены по именамъ въ показаніяхъ Агнесы Сампсонъ. Передъ всѣми впереди шла Геллія Дунканъ, играя на Жидовской арфѣ, и припѣвая слѣдующую пѣсню :

Summer, goe ye before, Summer, goe ye,
Gif ye will not goe before, Summer, let me !

Дьяволъ явился имъ въ ужасномъ видѣ, и описаніе его, помѣщенное въ современныхъ запискахъ Сира І. Мельвиля, сдѣлало-бы честь какому воображенію Данте. Фіанъ исполнялъ должность секретаря, и дулъ на свѣчи, которыя горѣли чернымъ огнемъ, а Грей-Меналъ былъ придверникомъ. Стоя подлѣ налея, дьяволъ сдѣлалъ перекамчку, спрашивалъ у каждаго и у каждой, что учинено ими, и благодарилъ за стараніе. Грей-Меналъ, неосторожно промолвивши, что благодареніе богу, Король остался безвреденъ, получилъ ошъ чорша сильную ослеуху. Послѣ того, дьяволъ увѣщавалъ всѣхъ спарашься дѣлать Королю сколько можно болѣе зла; потомъ засшавилъ ихъ кланяшьяся... Остальныя подробности ошврашительны.

Таковы были подробности дѣла, которое въ 1591

году; Король, значнѣйшіе вельможи и умнѣйшіе люди Шотландіи судили, расматривали и рѣшили. Участь несчастныхъ жертвъ была извѣстна напередъ. Фіана удавили и сожгли; на такую-же участь обрекли Агнесу Сампсонъ. Варвара Націеръ была также осуждена, хотя не участвовала въ заговоръ, въ умыслъ на жизнь Короля, но какъ обличенная вѣдма. Главнѣйшее лицо въ числѣ осужденныхъ составляла Евфімія Макельзинъ, дочь Лорда Клейфтонгала, женщина швердой души, необузданныхъ спрасшей, жаркая защитница Католицизма, сообщница Бошвелла, и заклятая непріятельница Іакова и Реформаціи. Видно, что она вовсе не вѣрила колдовству, но употребляла его пособіемъ въ своихъ дѣлахъ. Число колдованій, осправленій, покушеній на жизнь, ей приписанное, равнялось числу подобныхъ обвиненій, взведенныхъ на Бринвилле. Судъ оправдалъ ее во многомъ, но подтвердилъ однакожь, что она участвовала въ убійствѣ своего крестнаго отца, кромѣ того племянника мужицка, и еще какого-то Дугласа Пеннфрасона, присутствовала на сборищѣ вѣдмъ въ Норт-Бервикъ, и проч. — Несчастную положено удавить и сжечь, привязанную къ столбу. Съ величайшимъ хладнокровіемъ шла Евфімія на казнь, исполненную 25 Іюня 1591 года. — Сшоль глубоко, сшоль сильно было впечатаніе на душу Короля, что боясь мщенія вѣдмъ, онъ хотѣлъ было въ 1597 г. вовсе ошмѣнить ихъ преслѣдованіе, и кромѣ того написалъ книгу о сообщеніи дьявола съ людьми, за что называли его современники Шотландскимъ Соломономъ.

Въ процессахъ Бесси Роя (1590 г.), Якоба Рей-
да (1603 г.), Патрика Курри (1605 г.), Изабеллы
Гривсонъ (1606 г.) и Гривель Гардинеръ (1610 г.)
обвиненія заключались въ произведеніи, при посред-
ствѣ дьявола, болѣзней, участіи въ колдовскихъ сбор-
ищахъ, употребленіи мершвыхъ шель на колдов-
ство, колдованіи на нивахъ, оборачиваніи добрыхъ
людей кошками, высасываніи молока у женщинъ, и
проч. Противъ этого употребляли сивушъ, воду,
жженую соль, травы, молитвы. Болѣзни произво-
дили кодуны обыкновенно дѣлая изображенія лю-
дей изъ глины, и сжигая ихъ, или хороня въ нивы
головою; закидывая мершвыя руки въ дома, и да-
же привѣшивая только заколдованный кусокъ гове-
дины къ дверямъ. Для произведенія добра, или для
причиненія зла употреблялось колдовство, на что
не смотрѣли: Грива (въ 1623 г.) осудили за то,
что онъ лечилъ колдовствомъ; за это-же сожгли
Амзонъ Пирсонъ; Барти Паперсонъ (1607 г.) былъ,
кажется, самый благочестивый изъ колдуновъ, ибо
лечилъ молитвами, заставляя читать ихъ на особе
назначенныхъ имъ мѣстахъ. Въ дѣлѣ Роберта Эр-
скина было просто отравленіе, произведенное тра-
вами, какою-то Маргаритою Ирвинъ. Въ дѣлѣ Мар-
гариты Валласъ находимъ первый лучъ разума, про-
бившійся сквозь мракъ суевѣрій (1622 г. Марта 20).
Нѣсколько судей спорили, что не всѣ лекарства,
какія составляла обвиняемая въ колдовствѣ, долж-
но почитать чершовскимъ зельемъ, но что могутъ
быть между ними и обыкновенныя лекарства; защи-
щеніе было ведено весьма искусно, но шѣмъ не ме-
нѣе безуспѣшно.

Ноябрь 1830.

5

Такъ шло дѣло колдовства во все продолженіе царствованія Карла I-го. Съ 1625-го до 1640 года восемь процессовъ было судимо, и по одному только оправдали обвиненную — примѣръ однакожъ неслыханный! Въ дѣлѣ Катерины Освальдъ, нѣкоторые изъ судей предлагали, что не должно осуждать подсудимыхъ, когда все обвиненіе основывается на показаніи другихъ, что они были съ ними вѣрошъ на шабашахъ вѣдьмъ. Этого не уважили; равно не уважили спора нѣсколькихъ судей за Юнга (1629 г.), обвиняемаго въ томъ, что 29 лѣтъ прежде, колдунцемъ ошпановилъ онъ воду на мельницѣ. Половина подсудимыхъ погибала по отговору другихъ, подтвержденному признаніемъ, въ свидѣствіе того у нихъ вымученнымъ. Замѣчательнъ процессъ Гампльтона (1630 г.); въ немъ не видимъ обыкновенныхъ подробностей, общихъ всѣмъ колдовскимъ процессамъ: сборницъ, ужасовъ; дѣло съ дьяволомъ было у него весьма простое. Гампльстонъ отрекся отъ Бога за 4 шиллинга, съ условіемъ, что каждый разъ, когда ему понадобится деньги, онъ получитъ столько-же, просто ударивъ палкою въ землю три раза, и вскричавъ: Rise up, foul thief! За то и дьяволъ обходился съ нимъ безъ чиновъ, и когда Гампльстонъ однажды не исполнилъ его приказанія, онъ былъ выколоченъ палками изъ рукъ самаго духа шмы.

Мрачѣе являешь намъ горизонтъ съ окончаніемъ власти Короля Карла, в началомъ владычества Пуританъ. Въ 1640 г. велѣно было всѣмъ священникамъ замѣчать колдуновъ и вѣдьмъ, а особеннымъ чиновникамъ наблюдать за спрогимъ ихъ на-

казаніемъ. Нѣсколько другихъ актовъ, изданныхъ до 1649 года, возобновили всѣ прежніе законы о волшебствѣ, и ужась казней достигъ прежней степени, во все продолженіе времени послѣ смерти Іакова казались ослабѣвшимъ. Болѣе 30 процессовъ было судимо высшимъ судомъ съ 1649 года до возстановленія Королевской власти, и только по одному преступникъ былъ оправданъ. Можно судить о количествѣ казней сообразивъ, что въ одинъ годъ (1659-й), въ Глазговѣ, Стирлингѣ и Эйрѣ осудили и сожгли 17 человекъ.

Гораздо многочисленнѣе долженствовало-бы быть количество процессовъ, судимыхъ въ сіе время Высшею Коллегіею, ибо тогда вся Шотландія сходила съ ума отъ дьявола и его сообщниковъ. Но актъ 1583 года былъ возобновленъ въ полной его силѣ, и по оному дано было право всюду составлять частными мѣстными судилища, обличать, судить, жечь колдуновъ и вѣдьмъ; число такихъ, извѣстныхъ намъ, судилищъ превосходящъ всякое вѣроятіе. Духовенство показывало въ то время особенно всю свою неутомимую ревность. Прежде всегда начинали дѣло простымъ допросомъ; шуть начали употреблять предварительныя средства: заключеніе въ шюрму, ложную исповѣдь, или прямо пытку. Сами священники шихонько пытали подозрительныхъ людей, и вырванное у нихъ малѣйшее слово, одна мысль, почитались очевидностью. Довольно было присяги священника, чшобы шуть или ша были объявлены сообщниками и сообщницами дьявола — дѣло начиналось, пытка производилась, и обвиненный, или обвиненная, погибали.

Хоша въ царствованіе Карла II-го, народное мѣ-

ніе о колдовствѣ начало обращаться въ прошивную сторону, но преслѣдованія сдѣлались едва-ли не кровавѣе прежняго. Въ первый годъ по возстановленіи Королевской власти, около 20 человекъ было судимо въ высшемъ судѣ; двое только оправданы, и шѣ были потомъ обвинены вновь и осуждены. Четырнадцать частныхъ судилищъ установлено высшимъ судомъ въ одинъ день (Ноября 7, 1661 г.); число жершвъ, погибшихъ тогда всюду — несчислимо! Удостоверяемся въ эшомъ изъ рѣзшровъ частныхъ судилищъ. Что касается до шого, какъ производились тогда сужденія, и какія подробности дѣляло суевѣріе, можемъ видѣть изъ рукописи о судопроизводствѣ, бывшемъ надъ двумя старухами, въ Морайской области (въ 1662 г.). Сія рукопись, весьма подробная, хранящся нынѣ въ семейномъ архивѣ Россовъ Кильравоксскихъ.

Имена двухъ несчастныхъ женщинъ были: Изабель Говди и Жанета Бридгидъ. Два изъ послѣднихъ, дѣланыхъ имъ допросовъ, уцѣляли; другіе погибли. Предпослѣдній учиненъ былъ Шерифомъ, въ присутствіи многихъ окружныхъ дворянъ и духовныхъ людей, писанъ публичнымъ ношариусомъ, подписанъ всѣми, и завленъ депушашомъ высшаго суда, Колмадемъ, слѣдующими словами: «Прочищавъ и разсмотрѣвъ показанія И. Говди, и видя, что сущность преступленія составляетъ союзъ съ Сашаною, отрѣченіе отъ крещенія, и многія другія злыя дѣла, я нахожу, что надобно прислушншь къ составленію коммшета, для окончательнаго рѣшенія.» Слѣдствія сего коммшета легко угадашь.

Non ragioniam' de lor — ma guarda e passa.

Хотя въ разное время, но съ удивительною точностію Говди подшверждала всѣ подробности; описанія, сдѣланныя ею въ разные времена, совершенно сходны одно съ другимъ. Если это не слѣдствія одинакихъ вопросовъ, подсказанныхъ во время мученій, то удивительная сила болязненной состоянія души ея достойна замѣчанія.

Дьяволь, говорила она, перекрестилъ ее въ Аудирнской церкви, и назвалъ Жанешою. Тридцать вѣдьмъ были кумами (имена нѣкоторыхъ обвиненная сказала, и онѣ подшвердали слова ея). Обряды сборищъ, одежда, пѣсни, праздники вѣдьмъ переданы обвиняемою во всей точности, и со всѣми отвращительными подробностями...

Послѣ 1662 года видимо уменьшается несчастное повѣрье. Въ теченіе шести лѣтъ не было новыхъ процессовъ, и, напротивъ, находимъ опредѣленіе высшаго суда, по которому опредѣлено было вѣстчь плетью Джемса Вельша, за обвиненіе многихъ въ колдовствѣ. Дѣло о десяти вѣдьмахъ, будто-бы сожженныхъ въ 1678 г., сомнительно. Въ 1680 г. Сиръ Георгій Маккензи представилъ на утвержденіе Правительства актъ, по которому велѣно освободить всѣхъ обвиняемыхъ, у которыхъ признаніе вынуждено пышкою. Въ 1697 году производилось дѣло Христины Шау; 24 человекъ, въ томъ числѣ дѣвочка 14-ти, и мальчикъ 12-ти лѣтъ, были судимы. Большая часть ихъ спрдала шолько кликушествомъ, и не была обвиняема въ полномъ сообщеніи съ чоршомъ. Только пятеро были осуждены; ихъ сожгли на Песлейскомъ лугу. Послѣдній процессъ въ высшемъ судѣ было дѣло Эспешъ Рула, 3 Мая 1708 го-

да; обвиненнаго опредѣлили заклѣпнуть горячимъ желѣзомъ на щекѣ, и выгнать изъ Шотландіи. Последняя казнь совершена была въ Шотландіи, надъ какою-то шарухой, въ 1722 году, въ приходѣ Лотскомъ, въ селеніи Дорнохъ, по приговору частнаго судища, подѣ председательствомъ Шерифа, Капитана Давида Росса. Время, когда привезли осужденную на мѣсто казни, было ненастное и холодное. Она озябла, и грѣлась подлѣ огонька, вмѣстѣ съ зрителими, пока приготоваень былъ костеръ и другія принадлежности казни.

Смѣ кончилась въ Шотландіи, исполненная ужасами лѣтопись колдуновъ и вѣдьмъ. Въ 1735 г., какъ мы уже сказали выше, вовсе уничтожено судебное преслѣдованіе сообщниковъ дьявола. Но еще въ 1743 г. одна изъ сектъ Шотландскихъ, исчисляя въ актахъ Единбургскаго Соединеннаго Пресвитерства грѣхи народа, въ числѣ ихъ поставила означенное уничтоженіе, какъ дѣло, «противное явной волѣ Божіей.» Въ обласіяхъ отдаленныхъ, и въ умахъ простодушныхъ вѣра въ колдовство остается донинѣ, но такъ-же, какъ вѣра въ духовъ, алхімію, или повѣрье о *двойномъ зрѣніи*: эпо родъ неопредѣленнаго понятія о чудесномъ, предельно необыкновеннаго, по которой мечты поэма и рассказы романиста намъ нравятся. Исторія колдовства поучительна для честолюбиваго ума человеческого, который даже и въ наше время иногда уловляется энтузіазмомъ горячихъ головъ, или мистикою секшаторовъ. Урокъ поучительный находимъ въ ней, доказывающій въ тоже время, что преслѣдованія и гоненія могли-бы и нынѣ развить важныя послѣд-

свѣія изъ квіетизма Буриньонъ, мечтаній Гюйонъ, восторговъ Сесстры Рождества, предрѣченій Нейлора, сновидѣній Доктора Ди, и Шведенборгова воззрѣнія на Новый Іерусалимъ. Гордость человѣческая, основываясь на словахъ, что мы малыя гѣмы умалены отъ Ангеловъ, всегда готова вѣрнись непосредственному сообщенію съ неземнымъ, и мечты Гюйонъ, преслѣдуемая наказаніемъ, легко могли бы явилась и въ наше время страдальцевъ и палачей. Говорятъ, что нашъ вѣкъ не есть уже вѣкъ пѣсшупленія и фанатизма. Мы несогласны, и укажемъ на Криденеръ, Соушкошта и Гогенлоге, восторженныхъ мечтателей, увлекавшихъ за собою тысячи людей изъ всѣхъ званій. Когда-же, гдѣ? Въ нашъ вѣкъ, въ просвѣщеннѣйшей странѣ Европы! — Впрочемъ, всякой вѣкъ, за зло, имъ шерпимое, награждается и добромъ, его сопровождающимъ. Конечно, говоря вообще, мы благоразумнѣе, холоднѣе нашихъ предковъ, мы не вѣрнись въ колдуновъ, не преслѣдуемъ волшебства; но происходитъ-ли это отъ ума, отъ убѣжденія? Награждаетъ-ли насъ холодность наша за ту теплую, согрѣвавшую сердце вѣру въ чудесное — источникъ поэзій, заблужденій, и — можеть бытъ — счастья, котораго мы понимаемъ не можемъ? . . .

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА,

— *Основанія Россійской Словесности* (сочиненіе А. Никольскаго). *Седьмое изданіе*, 2 части. СПб. 1830 г. въ т. И. Главундова, in-8, VI и 87, VI и 121 стр.

Изъ *Предувдомленія* узнаемъ, что Автору, въ 1807-мъ году, было поручено составить *краткія правила Русской Словесности*. Онъ исполнялъ порученіе; книгу тогда-же напечатали. Прошло *двадцать три года*; въ печеніе сего времени было *шесть изданій* книги Г-на Никольскаго. Теперь что говорить Авторъ? «Благосклонное принятіе 'книги «моей, поселивъ во мнѣ лестную мысль, что она «не безъ пользы можетъ быть употребляема, по-«будило меня рѣшиться и на седьмое изданіе оной.»

Признашься-ли? Эти слова Автора — страхъ какъ не нравятся намъ. Мы полагаемъ, что такъ не долженъ былъ думать и говорить почтенный Авторъ *Основаній Россійской Словесности*. Какому нибудь покойному Меморскому, какому нибудь книгопродавцу, печатающему въ седьмой разъ дрянную Арифметику, Грамматику, Самоучитель, позволяешь безъ толку предавать шипу книжицу, которая идетъ у него съ рукъ. Оправданіе его въ семь

случаѣ одно : *барыш!* «Мнѣ что за дѣло?» говоришь издастель — «гдѣ покупають? Хошь-бы ценокъ, шолько-бы соднѣ!»

Чего-же мы требуемъ? Требуемъ: не безопечнаго желанія перепечатывать, но желанія дѣлать книгу при другихъ изданіяхъ лучше, полезнѣе, совершеннѣе. Разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ о *книгахъ учебныхъ*. Поэтъ, романистъ, могутъ переправлять и не переправлять свои творенія: шамъ дѣло вкуса, воображенія. Въ учебной книгѣ совсѣмъ другое: надобно смотрѣть на пользу, на положительныя основанія науки. Если авторъ учебной книги приступаетъ къ 2-му изданію, пересмотри онъ свою книгу щцательнѣе, прибавь, убавь, усовершенствуй. Этого мало. Онъ долженъ наблюсти: не пояснися-ли чѣмъ нибудь новымъ самыя предметъ книги? Не усовершенствовалась-ли его система? Не сдѣлано-ли какихъ нибудь новыхъ пріобрѣшеній знанія, послѣ перваго изданія книги? Все это онъ обязанъ имѣть въ виду, и исполнить; да, *обязанъ* — или мы въ правѣ сказать, что *не польза, не наука* есть цѣль его!

Къ сожалѣнію, у насъ рѣдко, очень рѣдко имѣють въ виду подобныя правила при новыхъ изданіяхъ учебныхъ книгъ. Подумаете, что судьба обрекаетъ ихъ на совершенство при рожденіи, и что науки ошдыхаютъ, или спятъ, произведя твореніе вѣковое и неизмѣнное. Въ самомъ-же дѣлѣ, по безопасности, по разсчетахъ, или по незнанію, книга перепечатывается, по неводѣ покупается, пока лучше *идеть*, или идетъ съ рукъ по привычкѣ къ ней

учителей, и сдѣляется шовой лѣшь черезъ пятьдесятъ, когда уже рѣшительно она никуда негодится, и личныя отношенія учителей прекратились, т. е. старые учителя померли. Отъ того у насъ безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ учебныхъ книгъ, смѣшеніе пуще Вавилонскаго, а толку все нѣтъ! Логика Баумейстера и Клейна, Грамматика Померанцева и Греча, Арифметика Войшаховскаго и Лакруа, Меморскаго и Франкёра. Смѣшныхъ примѣровъ безпечности, съ какою издаются Русскія учебныя книги, можно представить бездну. Читатели вспомнить, что въ Телеграфѣ (1829 г. № 17, стр. 361) мы указывали на Русскую учебную Исторію, которая, съ 1796 года, напечатана была *девятымъ* изданіемъ, съ такою почностію противъ перваго, что событія съ 1796 года по 1827 г. въ ней не были дополнены, и учебная книжка Русской Исторіи, изданная *девятымъ* изданіемъ, *въ 1827-мъ году* — оканчивается 1796-мъ, т. е. тѣмъ достопамятнымъ годомъ, когда появилось первое изданіе книжонки!

Авторъ *Основаній Россійской Словесности* слѣдовалъ сему несчастному примѣру, и потому мы имѣли право пожалѣть объ этомъ. *Седьмое изданіе*, по книгѣ учась, и мысль, что она «не безъ пользы въ настоящемъ видѣ,» заставила Автора печатать безъ переменъ то, что написалъ онъ — *за 23 года!*

Странно и досадно. Положимъ, что Авторъ написалъ совершенное по тогдашнему времени шюреніе, возможно-ли, что-бы въ печеніе пошла 25

дѣшъ, предметъ книги его оставался неподвиженъ, и, слѣдовательно, книга Автора безъ перемѣны годилась-бы для ученія и дѣдушки и внука? И какой-же предметъ? *Русская*, или (какъ говоритъ Авторъ) *Россійская*, *Словесность*! Перемѣнились поколѣнія, мнѣнія, понятія, въ Европѣ и Россіи — а насъ утѣшаютъ «благосклоннымъ принятіемъ книги» нашими дѣдами, и хопяшъ, что-бы мы учили дѣшей по этой книгѣ, ибо она, по мнѣнію Автора, все таки «не безъ пользы!» **Покорно благодаримъ.**

Эшо заставляешъ насъ по неволѣ обратишь вниманіе почтеннаго Автора на его книгу съ особенной, современной точки зрѣнія.

Четыре условія требовались отъ Автора, какъ видимъ изъ предисловія:

1-е, Что-бы помѣстившъ совокупно *Грамматику*, *Риторикку* и *Поэзію*, дабы все, относящееся къ Словесности, преподаваемо было по одинаковой системѣ;

2-е, Что-бы правила сіи, особенно правила *всеобщей Грамматики*, основашъ на изъясненіи понятій ума человѣческаго, дабы учащіеся не слѣпо слѣдовали за учителемъ, и не буквально затвержили преподаваемое ученіе, но собственнымъ своимъ разсудкомъ выжидали въ оное;

3-е, Что-бы примѣры для объявленія правилъ, заимствовашъ преимущественно изъ Россійскихъ Писателей, обращая вниманіе не только на красоту слога, но и на нравственность содержанія;

4-е, Что-бы книга Основаній Русской Словесности была припомъ не слишкомъ велика.

Короче : преобавался Курсъ Словесности, *систематическій, удаленный отъ схоластики, сообразный возрасту учениковъ по примѣрамъ, и краткій.*

Ни одно изъ сихъ требованій не исполнено почтеннымъ Авторомъ, судя по вынѣшнему сосноданію Словесности и Теоріи Изыщныхъ Искусствъ.

1-е. Курсъ Словесности *безъ Эстетики* — что это такое? Пимтика ушла въ Риторикѣ, ибо Авторъ увѣряетъ (стр. 65, 2-й ч.), что «Поэзія составляетъ часть Риторики!!!» Ей опредѣлено мѣсто между главами *о Хриіи* и главою *о слогахъ! О всеобщей Грамматикѣ* нѣтъ и помина, хотя она именно требовалась по программѣ. Посадъ крашкаго объясненія о понятияхъ, опредѣленіяхъ, родѣ, видѣ, цѣломъ, частяхъ, аксіомѣ, проблемѣ, (Логика?), слѣдуетъ Грамматикѣ. Русская — выборъ изъ спарыхъ Грамматикъ нашихъ (съ *давнопрошедшими* временами, мѣстоименіями: *мой, твой, нашъ, мѣстоименіемъ: Вотъ то-то!* и со всѣми *давнопрошедшими* пустяками). Пошомъ идешь схоластическая Риторика, гдѣ въ періодахъ толкують о знакахъ препинанія, Поэзію (какъ мы выше сказали) считавють частью Риторики, опредѣляя самую Риторикѣ искусствомъ «располагать и *вримтно изъяснять свои мысли.*» Если Авторъ хотѣлъ показатъ примѣръ шого, какъ пишеть книги вовсе безъ системы, онъ достигъ своей цѣли.

2-е. Ни одна сшазья въ Основаніяхъ Словесности Г-на Никольскаго не выведена изъ законовъ

ума человеческого. Это выборка из шарыхъ Граммашикъ, Ришорикъ и Ципшикъ.

3-е. Отъ примѣровъ требовано, что-бы въ нихъ была «не только красота слога, но и нравственность содержанія;» не говорено было Авшору, что-бы красота слога вовсе не было, а была-бы только нравственность. Въ послѣднемъ случаѣ, мы ни слова не сказали-бы, если-бы Авшоръ помѣстивъ въ примѣры шаривную псалму:

О холь наше на семь свѣтъ
Жишпе плачевно!

или пѣсню —

Пойте внички во саду,
Разгуляйтесь и въ вамъ иду!

Но при требованіи нравственнаго содержанія и изящества, какъ могъ Авшоръ предлагать примѣры слѣдующіе:

Что счастье коловратно,
Не лзя не знашь того?

Или —

Здѣсь весною
Зябликъ пѣлъ;
Здѣсь со мною
Фирсъ сидѣлъ?

Или приводишь цѣлыя пьесы, подобныя пѣснѣ Хованскаго, указывая для примѣра Эпосен на Поэмн Хераскова? О примѣрахъ прозы и не говоримъ. Примѣры высокаго слога, Авшоръ видишь въ монологахъ

Клердона, изъ трагедіи: *Безбожный!!* Какъ пропустилъ онъ Мирамонда и Маркиза Глаголя! Тамъ можно-бы найди примѣры слога *патетическаго*.

4-е, *Краткость*. Книжка конечно не велика: въ ней всего 200 страницъ. Но въ наше время имѣютъ особенное понятіе о краткости. Намъ кажется, что краткость значить выборъ главныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно обозрѣть вполне знаніе, удаляя всѣ второстепенныя точки, и оставляя всѣ подробности частней, входящія въ обширное изложеніе знанія. Авторъ, кажется, думалъ иначе: на 200-хъ страницахъ, онъ вмѣстилъ всѣ старинныя мѣлочи Риторики, Пимшики, всѣ дробы Грамматики; только онъ изъясняетъ ихъ коротко. Ошъ сего являешя грѣшная мѣлочей, невоинныхъ при краткости объясненій.

Небрежность, съ какою перепечатаана въ седьмой разъ книга Г-на Никольскаго, шакова, что и въ подробностяхъ все-новое остается по ней неизвѣстнымъ. *Гекзаметръ, Амфибрахій*, явившіеся послѣ 1807 года, рифмы дактилическія, показанныя Жуковскимъ, бѣлые пяши-сплошные стихи въ трагедіи, водевилѣ, романтическая поэма и драма, не изъясняются и остаются невѣдомы по книгѣ Г-на Никольскаго. За то, игравшіе въ 1807 году важную роль: *Рондо, Гимнъ, Экспромтъ, Пдиллія*, занимають цѣлыя страницы. Говорить-ли о переворотѣ понятій въ цѣлой Русской Словесности вообще, который пролетѣлъ мимо *Ослованій Россійской Словесности*, не коснувшись ихъ? Для чего говорить! Скажемъ лучше вообще: мысль Автора, что кни-

га его «*не безъ пользы,*» не оправдываетъ неизмѣнности оной съ перваго до седьмаго изданія. Желанье, что-бы *восьмое* изданіе оной вовсе не являлось, ибо ошъ седьмаго польза для учащихся равняется нулю, а въ вещественномъ значеніи нуль не стоитъ того, что-бы хотя одинъ типографскій ставокъ для него пошевелился.

— *Макбетъ*. Трагедія Шекспира. Изъ сочиненій Шиллера; переводъ А. Рошчева. СПб. 1830 г. въ ш. Деп. Нар. Просв., in-8, 116 стр.

— *Герники*, или Кастильская честь. Трагедія В. Гюго, пер. Рошчевъ. СПб. 1830 г. въ ш. К. Крайя, in-8, 116 стр.

Г. Рошчевъ въ два года напечаталъ переводы чешырехъ большихъ драматическихъ твореній: Шиллеровой *Мессинской Невѣсты*, Шиллерова *Вильгельма Телля*, Шекспирова *Макбета*, (съ Нѣмецкаго Шиллерова перевода), и В. Гюго *Герники*. Такая плодовитость изумительна! Будемъ-ли заключать изъ разнообразія пьесъ, и быстроты ихъ повленія, что это переводы недѣльные и ничтожные? Мы ошибемся. Почтемъ-ли ихъ переводами хорошими? И съ этимъ согласимся не лзя, безъ нѣкоторыхъ условій.

Переводъ долженъ быть вѣрнымъ спискомъ сущности, внѣшнихъ формъ и малѣйшихъ подробностей подлинника. Тамъ только, гдѣ Авторъ рѣшительно непереводамъ, переводчикъ долженъ выкупить себя возможно близкимъ *подражаніемъ*; во всемъ-же томъ, что переводимо, онъ идетъ вѣрнымъ ша-

гомъ съ Авшоромъ , а главное : передаетъ намъ душу , кодиришь , општинки шворенія чуждаго. Вошь переводъ совершенный ! Такнхъ немного , и едва ли естѣ даже шакіе переводы. Въ новѣйшее время , постигая народность Литпературь , самобытность языковъ , мы убѣждаемся , что подобные совершенные переводы — почти невозможны. Читайше Бенду и А. Шлегеля , переводившихъ Шекспира — превосходно , вѣрно ; сличите съ подлинникомъ — не то ! Напрасно Бенда изумляетъ точностію ; напрасно Шлегель хочеть поэзією , звучностію Нѣмецкаго стиха замѣнить въкоторыя отступленія : одинъ сухъ , другой прелестень , но — это Шлегель , не Шекспиръ !

Хотя съ другою цѣлю , прежде хотѣли передѣлывать переводы. Такъ поступали Французы съ Испанцами и Англичанами. Но это было рѣшительное уродованье. Флоріаны , Дюсисы , въ глазахъ нашихъ грѣшникъ нестерпимые.

Средину между тѣмъ и другимъ занимають переводы , которые учтивыми Французами назывались встарину : *belles-infidèles*. Переводчикъ не передѣлываетъ , не подражаетъ — переводитъ ; но какъ ? Не слѣдуя съ точностію за каждымъ словомъ , за каждою подробностію , онъ держится смысла подлинника , и говоритъ свое. Къ несчастію , внутренній смыслъ такъ бываетъ связанъ съ формами выраженій , какъ душа съ тѣломъ. Подлинникъ конечно будешь видѣть , но — это фантасмагорія , рисункъ карандашемъ съ картины. Таковы переводы Г-на Ромчева.

Опикаемъ-ли имъ въ достоинствѣ , а переводчицу въ заслугѣ ? Не дѣла ; особливо у насъ.

Если переводы первого рода есть истинное , неподдѣльное богатство литературы , за то они рѣдки , и при рѣдкости почти всегда выносятся своимъ неудобствомъ . Указать на Германцевъ , Бенду и Шлегеля , укажемъ на нашего соотечественника , Г-на Вронченка . Его *Гамлетъ* удивительно вѣрно подлиннику ; но въ немъ также есть недостатки , имѣнно : нѣтъ той поэтической гармоніи выраженія , какая звучитъ въ стихахъ Шекспира . Если-бы съ превосходнымъ даромъ хорошо поняли нашъ и вѣрно передавали Шекспира , въ чемъ никуда не опикаешь Г-ну Вронченку , онъ соединилъ бы очешливость и гармонію стиховъ , чадриметра , Пушкина , но болѣе ничего нельзя-бы было требовать для совершенства . О переводахъ второго рода , или *переложкахъ* , и говоримъ нечего . Само собою разумеется , что послѣ всего этого не дѣла пренебрегаемъ переводами *третьего* рода .

Не ищите въ *Мессинской Невестѣ* Г-на Рошчева , этого древняго шила , этой роскоши хорозъ Циллера , ни въ *Вильгельмѣ Телѣ* простоты Швейцарскихъ нравовъ , напирядкальнаго смиренія героевъ , въ какомъ являешь ихъ подлинникъ . Такъ и въ *Макбетѣ* нѣтъ суровой дикости , ужасающей торжественности Шекспира , а въ *Германи* роскоши Андалузій , и кипящей спрасьями , бѣшеной Кассандрѣ , чѣмъ восхитаетъ Гюго , при всѣхъ своихъ недостаткахъ . Но стихъ Русскаго Переводчика звученъ , силенъ , часто подходитъ къ подлиннику .

Ноябрь 1830.

6

довольно близко. Если-бы Г-нь Рошчевъ могъ быть разнообразнѣе въ выраженіи, описалъ онъ прѣвѣщца къ несвязнымъ какимъ-то, разорваннымъ фразамъ и опискамъ, и спроще смотрѣлъ за нихъ плавнѣестью, стихи его были-бы превосходны.

Все, по крайней мѣрѣ, изъ его переводовъ, Русскіе читатели хоть нѣсколько узнаютъ подлинники, хоть нѣсколько поймутъ сокровища, которыми можешь показать имъ *Романтическая Драма*. Русская сцена можешь по нимъ гошоваться на переходъ къ лучшему, отъ своего передвоеннаго Классицизма, отъ своихъ белефисскихъ неаппосней, рѣшительно убивающихъ ее. Пусть впрочемъ слычатъ *Макбета*, *Тель*, *Мессинскую Невѣсту*, *Германи* Г-на Рошчева, съ хвалеными въ старые годы переводами *Сиды*, *Июгенія*, *Федры*, Г-дъ *Кашеинна* и *Лобанова* — сравненія нѣтъ!

Чтобъ сказать о *Макбетѣ* собственно? Это одно изъ нѣхъ созданій, гдѣ гедій Шекспира (какъ изразишельно сказалъ Г-нь Кроненбергъ) «становишься несносно великъ.»

О *Германи* была большая статья въ *Телеграфѣ* (№ 17 и 18-й), и мы совершенно согласны съ Сочинителемъ оной, отаичнымъ Французскимъ критикомъ.

—*Оловяничъ-политикъ*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Профессора Гольберга. Вольный переводъ съ Датскаго, Егора Классена. М. 1830 г. въ ш. Лазаревыхъ Института Восп. языковъ, in-8°, 122 стр.

—*Дворянскіе выборы, гость вторая*, или выборъ Исправника. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ.

М. 1830 г. въ ш. Снежанова, при Театрѣ, in-8°, 196 стр.

Гольбергъ родился въ Норвегiи, въ 1684 году, былъ однимъ изъ первоначальныхъ поэтовъ Дашскихъ, и основателемъ Дашскаго Театра, во второй четверти XVIII-го столѣтiя (первая пьеса его явилась въ 1729 году). Остроумный сатирикъ, онъ разсѣялъ всю Европу своимъ *Подземнымъ путешествiемъ Николая Климма* (N. Klimm's itter subterraneum), а Дашчанъ заставлялъ хохотать и плакать отъ своихъ комедiй и фарсовъ. Это былъ Фомъ Визинъ Данин, и выставялъ на позоръ Дашскихъ Скопининыхъ, Простаковыхъ и Кушейкиныхъ. Говорили, что если бы Гогартъ былъ авторъ, то онъ писалъ-бы какъ Гольбергъ, а будучи живописцемъ, Гольбергъ сдѣлался-бы Гогартомъ. Послѣ сего поминно, почему Г-нъ Классень не могъ *вполнѣ* перевести пьесы Гольберга, и почему онъ перевелъ именно *Оловяничка*, пьесу, доникъ почитаемую въ Данин шакою-же народною пьесою, какою мы почитаемъ *Недоросля* и *Мѣльничка*. Обѣ упомянутыя пьесы для насъ уже устарѣли, но все еще онѣ дороги и любопытны. Возбуждая подобный интересъ въ Дашчанинѣ, Оловяничка чуждъ для насъ, но чрезвычайно любопытна, какъ народная Дашская пьеса. Въ ней представляется общество ремесленниковъ, за стаканомъ вина думающихъ о полишкѣ, и забывающихъ свои занятiя и работы; гауца оловяничница, съ своими подругами, хочешь играешь роль бургомистра, оловяничникъ и друзья его важныхъ людей — фарсъ замѣчательный и снйшый съ природы! Живопись его груба, и такъ не понравилась, между

прочимъ, одному изъ Русскихъ Кришниковъ, что онъ разбралъ въ *Сверной Пселъ* и Оловяничкина, и Русскаго Переводчика сей комедіи. Не такъ судимы мы, и можемъ въ справедливости сужденія сослаться на хорошихъ иностраннѣхъ кришниковъ (*). Почему не оскорбляемся мы, когда Флимонъ хочетъ забить любуню своей шулумбаса два, при въ спиду; Ашудинъ общается купить плешницу, и нахлещать опинницу женѣ; Проспикова умоляетъ доутишить ее до рожи Скопциина, а Скопциинъ съ вошоргомъ разсказываетъ о овняхъ своихъ, изъ которыхъ одна, спавши на заднія ноги, будешь рошпомъ съ него? Размыслише объ этомъ, и знайте, что такъ должно сморщиться на Комическое и въ Гольберговой пьесѣ, и тогда мы найдемъ поводъ къ размысленію и кришическимъ наблюденіямъ, а не къ досадѣ, и поблагодаримъ Переводчика за доставленіе намъ шрудомъ своимъ сего повода. Еще зашруд-

(*) Именно о Гольбергѣ, вопъ что читали мы недавно въ уважаемомъ Англійскомъ Журналѣ: *The Foreign Quarterly Review* (№ XI, Іюнь 1830)—Of all the productions of the Danish press, his works are the best known, and being in the hands of most of those who are interested in this particular topic, there is the less demand for elaborate criticism upon them. As pictures of the Danish manners of his time, they are not always intelligible to strangers, but their influence upon the mind of his countrymen must be received by us as evidence of their sterling excellence. . . . И далѣ: His writings sank deep too among the people; he became the favourite of the many, и проч.

меніе: почему Г. Классень, зная Датскій языкъ, не взялъ чего нибудь болѣе важнаго изъ Датской Словесности? Спранный вопросъ! Если Г. Классень будешь оиъвчашъ: «Такъ мнѣ вздумалось» — желаемъ, машь, что на это скажешь возвращашель?

Указать почку зрѣнія, съ которой справедливо можно оцѣнишь Оловяничника Гольбергова, скажемъ, что съ сей-же почки зрѣнія надобно разсматривать и *Выборъ Исправника*, пьесу, издавную, какъ продолженіе пьесы: *Дворянскіе выборы*. Въ свое время мы говорили о сей послѣдней, и оцѣняли ея достоинства и недоспадки. Нѣкоторые изъ Критиковъ нашихъ горюють, что въ *Выборъ Исправника* нѣсколько лицъ говорятъ спраннымъ языкомъ, и что Комическое въ ней грубо. Истинно не понимаемъ, что за щекотливый слухъ у многихъ нашихъ критиковъ, и что за неслѣпый взглядъ на предметы! Нашии имъ глупость гладенькими спашками, и — они въ восторгъ; издай сочиненіе зайвчашельное, но пренебреги гладкость формъ и щечешильничество свѣтскихъ разговоровъ — они въ оиъчаяніи!

Выборъ Исправника есть двойчатка съ *Дворянскими выборами*. Тѣ-же недоспадки, шѣ-же и доспадки слова. Недоспадки находимъ мы въ ней совсѣмъ не шакіе, какіе видяшь другіе критики. Намъ нѣтъ нужды, что Шельменко говоришь, какъ Малороссійнинъ — грамошій, а Трофимычъ и Акулида объясняюшя областнымъ, спраннымъ нарѣчіемъ. У Модера, у Французскихъ водевиллистовъ, у Нѣмецкихъ Комиковъ, лица говорятъ Провансальскимъ, Пикардійскимъ, Швабскимъ нарѣчіемъ: шѣмъ лучше, шѣмъ

естественнѣе. Худо, что Сочинитель, и въ *Дворянскихъ выборахъ* и въ *Выборъ Исправника*, показываетъ незнаніе интереса Драмы; что завязка у него въ обоихъ пьесахъ пустая, а лица выкроены по вешней мѣркѣ старыхъ Французскихъ комедій. Умный старикъ, добрый любовникъ, благоразумная любовница, нѣсколько дураковъ и плутовъ — вошь дѣйствующихъ лицъ. Умные резонируютъ, плушны бездѣльничаютъ, и первые побѣждаютъ, злые наказаны, любовниковъ жеманятъ. Это скучно до прищорности, когда уже тысячу разъ мы все это видали, читали, слышали: прочитавъ списокъ дѣйствующихъ лицъ Французской старой комедіи, напередъ знаете, что они станутъ дѣлать и говорить. Это списокъ известныхъ посылковъ, солдашны, когорны маршируютъ колоннами, рядами, рожками, взводами, но все одни и тѣ-же. Въ *Выборъ Исправника* это скучно тѣмъ болѣе, что по именамъ узнаете напередъ и сложивша лицъ (Твердовъ, Скроновъ, Драчугинъ, Подпрусовъ, Плутковинъ).

Однакожь, не только все это мы готовы извѣнчить, но охотно отдадимъ пятьдесятъ альманаховъ и сто Русскихъ романтическихъ поэмъ за одну комедію, подобную *Дворянскимъ выборамъ*, или *Выбору Исправника*. Здѣсь драгоценны для насъ природа, мѣстность. Сочинитель, изъ живаго общества беретъ каррикатурныя лица свои; характеры, обычаи, слова ихъ списываетъ съ удивительною вѣрностью. Пороки, слабости, жизнь его Забойкиныхъ, Проживайкиныхъ; Думалкиныхъ, заставляють невольно смѣяться и вмѣстѣ негодовать, когда видишь, что они не выдуманы, а списаны съ живыхъ существъ!

Сочинитель, въ этомъ, достигъ своей цѣли. Будь у него талантъ драматическій, оживишь мишересомъ, и къ *Горю отъ ума* прибавилась-бы у насъ еще два творенія превосходныя.

Нелѣпость утверждаетъ тоны, кто говоритъ, что *Выборы* *Дворянскіе* не могли быть предметомъ *Комедіи*, ибо это выходитъ сатира, и сатира даже не могла быть, ибо злоупотребленія по *выборамъ* есть дѣло законовъ, а не *Комедіи*. *Выборы* только рама, канва; надобно умѣнье, дарованіе, и въ эту раму вставишь, по этой канвѣ вышпши спрассами человѣческими можете все, что угодно. Законъ закономъ, судъ судомъ, а комическое изображеніе слабости, порока, преступленія — своимъ чередомъ: это законъ и судъ общественнаго мнѣнія, и пока этошъ судъ и законъ не спрассашъ мерзавда, шакъ-же какъ законъ и судъ государственный, никакое правосудіе и просвѣщеніе недѣйствительны.

Мы совѣсть не думаемъ, что-бы можно было *исправзть* слабоши и пороки *комедіями* и *сатирами*. Увы! Уличаемые ими не сознаются въ сходствѣ, какъ ни пытаешъ ихъ совѣсть, какъ ни обвиняешъ ихъ голосъ другихъ. Довольно, что порокъ *изображенъ*, что на лбу его поставлено клеймо. Дѣло другихъ смотрѣть, гдѣ зло; дѣло наше мерзизть зломъ, а для этого надобно, чтобы кто нибудь указалъ на него.

Говорятъ иные, что *Сочинитель* *Дворянскихъ выборовъ* и *Выбора Исправника* изображаетъ несуществующіе пороки. Къ несчастію, не можемъ под-

извердншь этого , и рѣшишельно обшвергаемъ. Земля обширная — море великое, въ немъ-же годовъ нѣсть числа! Хорошо шшь говорить ниче, что даяе Пешербурга и Москвы ничего не видишь, а въ Крымъ, или на Кавказъ, пройдешь почти не выходя изъ каремъ. Ныть! Ни Фонъ Визинъ , ни Сочинишель *Дворяцкихъ сборовъ* , ни Грибоэдовъ, не агали. Скопичини, Ненасыпичи , Фамусовы , Просшанова , Жлесшова, Пересолхи ва , были, ешь и еще додго будешь (можемъ свазашъ , не будучи колдунами) на святой Руси. . . . Чшо дѣлашь! . . .

Всѣ сцены въ *Выборѣ Исправника* , гдѣ нѣтъ собственно-драмы , естественны удивительны. Пьянство и буйство узднхъ дворянъ въ деревнѣ , подлость и чванство Шаросшы и Писря , дѣла и разговоры въ трактирѣ Вушылочкина , сцены между Пересолхиною и Ненасыпичною , между ими и Мадамою — прелесны , какъ истина.

—Mélanges littéraires, dédiés à l'Indulgence. Par Mad. de Lanskoj-Wilshaw (*Литтературная смесь* , посвящаемая Снисхожденію. Соч. Г-жи Ланской-Вилламовой), 3 части. Спб. 1830 г. въ ш. вдови Шаушара, in-8°, 288, 308 и 270 стр. (*)

Повѣсти: *Лаурана; Фольмеръ и Рассфельдтъ; Геррукъ-аль-Рашидъ; Рина, или замокъ на скалахъ; Вязъ на охоту Генриха IV-го; Эмили Гревилль; Письма двухъ подругъ и нѣсколькихъ особъ изъ нихъ*

(*) Продается въ книжной лавкѣ К. Урбена , по 15 рублей ассигн.

общества; *Гривельде*; *Священное умышленіе*, или *деревенская школа*. Драматическія сочиненія: *Коробочка*, или *погода съ столицъ*; *Многифункции*; *Безполезныя тѣлбы*, и нѣсколько легкихъ стихотвореній, составляютъ *Литтературную опись*, которая въ исчисленіе 1830 года была награждена еменіемъ сѣна, брешюрками.

Случалось-ли вамъ бывать въ обществѣ любезной, образованной дамы, засидѣвшись тамъ, заслушавшись бесѣды? Вы не влюблены въ нее; никакое постороннее хорошенькое личико не завлекло васъ, и никакое свѣтское разсѣяніе. Удивляешься, какъ неприятно прелесть ея, уносишь въ душѣ своей впечатленіе чего-то неопредѣленно-пріятнаго, не похожего ни на Романтизмъ Любви, ни на Классицизмъ Дружбы, чувство широкое, свѣтлое и спокойное...

Точно такое впечатленіе остается въ душѣ нашей, по прочтеніи книги: *Mélanges littéraires*, Сочинишельница шешорей, свѣтская, простѣйшая дама, посвятившая досуги свои литературнымъ занятиямъ. Владѣя совершенно Французскимъ языкомъ, она конечно привлекла-бы вниманіе издѣстнаго множенія и въ самой Франціи. Дай Богъ намъ видѣть подобныя омысли (какъ называлась свою книгу Сочинишельница) на Русскомъ языкѣ!

—*Правила, коими солдаты руководствоваться должны на службѣ и внѣ оной*. Напечатаны по повелѣнію Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Михаила Павловича, командующаго Офиціальнымъ Гвардейскимъ Корпусомъ. Спб. 1830 г. въ и. Архиллер. Департаментѣ, in-8°, 62 стр.

— *О службѣ передовыхъ постовъ и отрядовъ*. Сми-
неніе Г. А. Г. Т. Спб. 1830 г. въ Военной Тимогра-
фіи Главнаго Штаба, in-8°, 175 стр. съ 4 черше-
жами.

— *Правила въ руководство Комитета, Высочай-
ше учрежденнаго въ 18-й день Августа 1814 года,
для пособія раненымъ и семействамъ убишыхъ на
сраженіи и умершихъ отъ ранъ*. Спб. 1830 г. въ ш.
Главнаго Штаба военныхъ поселеній, in-8, 64 стр.

Первая изъ сихъ книгъ есть наставленіе, писан-
ное просто и обстоятельно, для чтенія солдатамъ и
нижнихъ чиновъ. Въ ней объяснено, какъ должно
поступать солдату *на службѣ* (отдаваніе чести,
стоянье на часахъ и въ караулѣ, посылка, рапор-
тованіе, съ ружьемъ и безъ ружья) и *вне службы* (о-
санка вообще, обращеніе солдата, съ товарища-
ми, на квартирѣ, въ ошуску, въ публичныхъ мѣ-
стахъ, въ церкви).

Вторая содержитъ замѣчанія, или практическія
правила для офицеровъ, снаряжаемыхъ въ передовые
посты и отряды (патруль, разъездъ, засада, фу-
ражированіе, партизанство), съ объясненіемъ затруд-
неній, опасностей, средствъ избѣгать ихъ, предо-
сторожностей, которыя должно брать въ семъ родѣ
службы, и проч. Означенныя правила были навсча-
шаны въ *Военномъ Журналѣ* (1829 и 1830 гг.), а
теперь издамы особо.

Правила для Комитета, пекущагося о пособіи
раненымъ воинамъ, и семействамъ, ославшимся по-
слѣ убишыхъ на сраженіи и умершихъ отъ ранъ,
Высочайше утверждены въ Декабрѣ 1829 года Те-

перъ они напечатаны отдѣльною книжкою. Вѣщательное поученіе объ участи людей, жертвовавшихъ собою за Отечество, и шцаніе, чтобы по собіе не упало шунтъ, и на недосройныхъ, видво изъ сихъ правилъ, составленныхъ съ заботливымъ шчносно. Комитетъ дѣлается ходашаемъ, поучительнымъ, дашь особымъ невамъ и пособіямъ изъ Императорскихъ суммъ, опредѣляешь на мѣста, шпротъ отдаешь въ учебныя заведения, и проч. — Утвержденіе самое благодѣтельное.

— *Изложеніе правилъ составленія известковыхъ цементовъ и растворовъ.* Составлено, по порученію высшаго начальства, Корпуса инженеровъ пушей сообщенія Маіоромъ, Матвѣемъ Волковымъ. СПб. 1830 г. въ ш. Гл. Упр. пушей сообщенія, in-8, 45 и IV стр. съ чертежемъ.

Описать, въ строительномъ отношеніи, матеріалы (известъ, камень, песокъ), Сочинитель излагаетъ способы ихъ приуготовленія (жженіе, гашеніе извести, растворъ гашны), наконецъ, правила и штру смѣшенія, для обыкновенныхъ растворовъ, цементовъ и бетоновъ. Сочиненіе, написанное отвлеченнымъ знашкомъ своего дѣла.

— *Таблица ископаемыхъ органическихъ шѣлъ, предшественная замѣчаніямъ о ихъ окаменѣніи;* Г. Де-Франси. СПб. 1830 г. въ ш. Эксп. заг. государственн. бумагъ in-8, 137 стр.

Всюду обращается шнѣ вниманіе ученыхъ на Геологическія изслѣдованія объ ископаемыхъ шѣлахъ, ш. е. звѣряхъ, шнцахъ, рыбахъ, пресмыкающихся, раковинахъ, растеніяхъ, находимыхъ въ слояхъ зе-

нам, изъ которыхъ нѣкоторыя уже не находящяся боате въ числѣ живущихъ на поверхности земнаго шара, другія-же сохраняются и между ними. Новѣйшіе труды Кювье, Бѣдана, Гумбольдта, и другихъ ученыхъ мужей по сей части. Г-нъ Де-Франси, имѣя богатое собраніе ископаемыхъ органическихъ тѣлъ, составилъ таблицы всѣхъ омысканныхъ доминъ родовъ и видовъ оныхъ, съ указаніемъ, въ какихъ именно слояхъ земли оныя находятся (дрезвѣйшихъ, мѣловыхъ, позднѣйшаго мѣла), какія изъ нихъ являющяся только въ живомъ, только ископаемомъ, или живомъ и ископаемомъ состояніи. *Пять семь семидесять восемь* родовъ змѣрей, рыбъ, птицъ, расщепій и морскихъ животныхъ ошкрыто уже въ слояхъ земли, и нѣкоторыя роды заключающа множественно видовъ, или породъ. Если не ошибаемся, переводъ брошюрки Г-на Де-Франси помѣщенъ былъ въ *Горномъ Журналѣ*, а теперь изданъ отдѣльно.

— *Notae Odysseae rhapsodiae sex, quibus Ulvmsi egegem narratio absolvitur. In usum tironum cum notis et verborum indice iterum edita* Josephus Lejowski (*Одиссеей Одиссеи шесть пѣсенъ, и проч.*). М. 1830 г. въ ш. С. Селивановскаго, in-8, XIV и 217 стр.

Радуемся, что это прекрасное учебное изданіе части Одиссеи напечатано имѣть во второй разъ: оно съ пользою введено во многія учебныя заведенія, гдѣ преподается Греческій языкъ.

— *Книга для стонія. Въ пользу начинающихъ учиться Французскому языку.* СПб. 1830 г. въ м. К. Крайн, in-12, 130 стр.

Азбука, чешше напечатанная, съ прибавленіемъ

примѣровъ чтенія, съ подстрочными переводами по-Русски каждаго слова.

— *Таблица Россійскаго (?) словопроизведенія, для малолѣтняго возраста. Сосшавлена Александромъ Медвѣдевымъ. СПб. 1830.*

Исчисленіе нѣсколькихъ главныхъ правилъ Русской Этимологій, по Грамматикѣ Г-на Греча.

— *Краткая Исторія государства Россійскаго, для наглядности. Изданная, по руководству повѣстныхъ отечественныхъ Историковъ, Иларіономъ Васильевымъ. Изданіе 2-е, выпечатавшее съ изданія 1825 г., съ исправленіями. М. 1830 г. въ ш. Университетской, in-8, VI и 135 стр. съ таблицю.*

Крупными буквами напечатанная, иррадикальная выборка изъ сочиненія Карамзина, а съ того мѣста, гдѣ его сочиненіе кончилось, изъ книги Г-на Кайданова.

— *Дѣтскій Театръ или собраніе новыхъ комедій, оперъ и драмъ для дѣтей. Соч. Бориса Федорова, ч. I. СПб. 1830 г. въ ш. Деп. внутр. торговли; in-16, 126 стр., съ раскрашенн. картинками.*

Три комедіи и одна опера. А. О. Воейковъ ручается, что В. М. Федоровъ большой мастеръ писать для дѣтей. Рука руку моетъ: обѣ хохлятъ бышь, если не бѣлы, шо хохь сѣры.

ПИСЬМА

изъ Греціи въ Парижъ , въ 1829-мъ году.

I.

Изученіе характера новыхъ Грековъ не можеть быть полно , если не будемъ прилежно изучать въ тоже время характера Турковъ. Счастливы наблюдатель , который шеть и другой вопросъ можеть рѣшати на иѣстахъ свободнаго развитія обоихъ народовъ. Видѣшь вблизи нравы , направленіе природныхъ враговъ Греціи ; разсматриваешь Османовъ въ отношеніи къ другимъ народамъ , конхъ сходство религій должешствовало-бы засшавишь ихъ уважать ; изсѣдываешь : иѣтъ-ли какого нибудь кореннаго порока , препятствующаго успѣхамъ образованности Турковъ ; узнаешь наконецъ , въ чемъ заключается это образованіе новое , котораго начала мы замѣчаемъ нынѣ въ Турціи — задачи довольно трудныя ! Совѣсти не шребую того , что-бы успѣхамъ образованія Турковъ засшавишь пользоваться Грековъ , не думаешь о свободѣ и отдѣльномъ образованіи Греціи , и , оставляя Грековъ рабами Османовъ , передашь имъ изъ новаго Турецкаго образованія новые законы и общественность. Но для безпристрастнаго наблюдателя является однакъжъ вопросъ совѣсти другой : не должно-ли выродившуюся Грецію пренебречь для возраждающейся Турціи? Европейцы дѣлашся на двѣ стороны. Сколь многіе смѣ-

являсь надъ рыцарскими порывами Физоллиновъ; склы многіе просили не осуждать ихъ за то, что вѣсто пособія Грекамъ, они шли помогать про- образованію Египта и Турціи, не осуждать, пока всѣ мѣстныя обстоятельства Греціи и Турціи бу- дуть измѣнены безпристрастно.

Множество нягкъ, донныя изданныхъ, не рѣши- ли спора. Для меня сей споръ есть дѣло вперо- сненное, и главнѣе пункты его будушь уопи- нуемы мною, только для прешисполненности, какъ восточнакъ проматорчій, слушающихъ и затруд- няющихъ вопросъ о самобытності существованіи Греціи. Признаю и недосмѣшность моихъ сѣдѣ- ній, ибо не могу почести выводами положитель- ми моихъ поверхностныхъ наблюденій. Мало того, чтобы видѣть Турковъ гдѣ набудь и сколько ни- будь, поживь съ ними, и подышавъ атмосферою ихъ привычныхъ мыслей. Сей народъ, болѣе всякаго дру- гаго вѣрный своему первоначальному шину, самой везитивности идей политическихъ и обществен- ныхъ одоженъ безчисленными множествомъ пром- вортчій, какія въ немъ видны. Сѣсь изъ множе- ства народовъ, онъ, смотря по мѣсту, и времени жительства, сострадательнъ и жестокъ, велико- душенъ и жаденъ, честенъ и проворливъ. Болѣе ясное понятіе о своихъ обязанностяхъ, дннѣя сѣдствіемъ уравненіе или распространеніе основ- ныхъ истинъ Мугаммеданства, могло-бы сдѣлать изъ Турковъ народъ болѣе стройный и легче пони- маемый. Путешественникъ, знающій только Мало- Азійскихъ Турковъ, гдѣ въ народѣ болѣе слншности, гдѣ никакое поколѣніе рабовъ не обрабатываетъ зе-

иель и не занимающаго торговлею въ пользу одной приклиздезированной кассы, гдѣ привыкли къ вѣжливости, кротости, простотѣ нравовъ, различающихся подъ благодѣтельными покровительствомъ общаго трудолюбія — сей кушениосмѣнникъ съ шурдомъ поймешь Турковъ, пиратовъ, феодалныхъ владыкелей Румелии, защищенныхъ сѣтнями и подельными мѣстами, въ своихъ башняхъ, повелителей, удачною кроющагося за толщею изварены, какъ хлѣбомъ пшеницы, кроуется въ шреципахъ утесовъ. Европеецъ, знакомый съ шумомъ Бесфоронкхъ праздниковъ, ослѣвленный, какъ всегда это бываешь, величественною роскошью, величественною суровостію. Стамбула, не узнаешь Турковъ въ сѣрпныхъ солдатахъ, напорые ежегодно, съ береговъ Дунаи и съ вершинъ Балкана, намъ спада коршунковъ, бросающихъ на плодоносныя сѣрпаны Юга, гдѣ ждешь ихъ въ ринахъ добыча — народъ, у котораго нѣсколько вѣковъ испазаній не встопчили еще ни шернныя, ни богатства. Ограничивая всѣ правила жизни шрема, или ченырма, положишелями, материальными правилами, Турокъ, во всякомъ обществѣ, чуждомъ ихъ примаго приложенія, предасна совершенной безнечности ума, и своеволю, дикій характеръ коего можешь пѣдять воображеніе поэта, заславля въ то-же время философа сѣдрогашься ошъ ужасающей его безнравственности! Уже издревле Востокъ являлъ подобное зрѣлище; но Турки присвокупили въ нему все, что Сѣверъ Азіи могъ присвокупишь дикаго и варварскаго; въ наше время явилось еще новое присвокупленіе ошъ вѣдннхъ Европейцевъ на Турцію. Установился какой-то со-

новый договор между энциклопедическою Европою, ко-
торому иънаетъ Баронейское образование, ко-
торому Востоку является въ то-же время полную,
дикую свободу, и жадный, но всепшиный шир-
ринствомъ Турковъ. Деспотизмъ Востока безноко-
нится обиліемъ средствъ Европы, и смыдшися, что
не знаетъ прочныхъ основаній власти и могуще-
ства. Тайныя Общества перестали быть посредни-
ками сообщеній Востока съ Западомъ. Въ Среднія
Времена, ихъ посредничество нъсколько разъ гро-
знаю поколебана въ основаніи все зданіе Хрестіан-
скихъ обществъ. Но союзъ Востока съ Западомъ не
прерванъ, посредничество продолжается, условные
знаки даны, и языкъ, которымъ надобно выражать-
ся, изобретенъ.

Трудно было-бы мнѣ изобразить здѣсь всю общ-
ность картины, непрерывно измѣняющейся, и ко-
торая нъкогда должна приблизиться къ ужасному
окончанію. Но довольно для совѣсти честнаго че-
ловѣка, если онъ чувствуетъ себя гошовымъ сопро-
тивляясь всѣмъ частнымъ покушеніямъ, конни
стремящаяся сдѣлать Востокъ систематически швер-
дымъ, обольщая насъ призраками образованія и бла-
гихъ намѣреній.

Я не въ состояніи изобразить вамъ удивленія мо-
его, когда вблизи разсмотрѣлъ я столь хваленое,
новое преобразование Египша. Пріѣхавъ нъсколько
лѣтъ прежде, я могъ-бы обмануться видимостью
искусственнаго шамоншняго благоденствія. Нынѣ,
когда установленіе чудовищной монополіи неоправ-
дывается даже и успѣхомъ, когда вещественные

Ноябрь 1830.

7

люды смелыхъ трудовъ кончались рѣшительнымъ истребленіемъ Египта, только невольное ослабленіе, или корыстное участіе въ жестокихъ средствахъ, можешь упорствовать въ похвалѣ, онъ которой оказывающся самыя жаркія сподвижники ложнаго образованія Египта. Предположимъ, что Мугаммедъ-Али успѣлъ-бы въ своихъ предпріятіяхъ; что онъ встрѣтилъ-бы только честныхъ и просвѣщенныхъ людей, вмѣсто плутовъ и нечестивцевъ, злоупотреблявшихъ его довѣренность; что онъ удовольствовался-бы ролью власнителя, отвергнувъ роль шоргаша, считающаго свое государство выгодною фабрикою. Неужели вы и тогда повѣрили-бы, что хоть одна великодушная мысль таинилась въ душѣ его? Что въ устройствѣ Европейскихъ Правительствъ, и средствахъ, которыя доставляютъ правленіе крѣпкое и воинство могущественное, онъ видишь что нибудь другое, кромѣ новаго подкрѣпленія Деспотизма? Неужели вы полагаете, что идея будущаго благоденствія подданныхъ ясно представляется его уму; что счастья ихъ ищешь онъ, какъ желаннаго слѣдствія постепеннаго воспитанія народа, и что Арабы, даже Турки, которыхъ употребляетъ онъ, почищаются имъ за что нибудь другое, а не за орудіе только для его личнаго могущества? Возразить: «Все равно, чтобы ни руководствовало Мугаммеда-Али, народъ выигрываетъ.» Согласенъ—пусть просвѣщеніе и образованность проникаютъ въ Египетъ, чтобы ихъ не влекло шуда, и я готовъ не забормотаться о причинахъ и средствахъ. Но тщетно будете вы опровергать эту вѣчную истину, что просвѣщеніе и образован-

несишь являюся только на миглы деспотизма; вѣ-
 ситъ съ нимъ, они никогда не могутъ существо-
 вать. Какъ угодно кричите о воскресеніи Востока,
 о чудѣ — Востоку спитъ, и барабанный бой Турец-
 кихъ полковъ новаго образованія не пробудилъ его.
 Европа сблизилась съ нимъ, подвизываетъ помочи
 великому великану, который не держится на ногахъ;
 она обольщаетъ, но не просвѣщаетъ его. Укрѣ-
 ляется-ли онъ въ фанатическомъ презрѣніи своемъ,
 потребуешь-ли пособія отъ силъ, его подрывающихъ,
 близкое паденіе равно грозить ему, и мечъ насша-
 никова и просвѣтитель, которыхъ, какъ будто
 въ насѣтку, посылаетъ ему Европа, не можешь пе-
 ревѣстишь плясести, влекущей его къ разрушенію.
 Спросите какого угодно Турка высшихъ званій, про-
 шикните еявъ завѣсу горделиваго самодовольства,
 скрывающаго шайны души его, и разберите осно-
 ваніе его скрытой мысли. Изучите особенно Тур-
 ка, который долго жилъ въ Европейской землѣ, и
 ознакомился съ нашими идеями и нашими обычаями.
 Что вы откроете? Или, что блестящая легкость
 нашего общества обольстила его: онъ заговоритъ
 съ воспоргомъ о нашихъ глуныхъ забавахъ и на-
 шихъ шумныхъ праздникахъ; съ сожатиємъ вспо-
 нитъ, что не можешь участвовать болѣе въ бле-
 скѣ нашихъ баловъ и пещровъ. Какъ весело во
 Франціи! Зачѣмъ страна, имъ поведѣваемая, не Фран-
 ція; по крайней мѣрѣ, зачѣмъ нѣтъ у него работъ
 столь-же забавныхъ! Или, его умъ, болѣе дально-
 видный, найдете вы пораженнымъ противополо-
 женіемъ Европейскихъ, столь крѣпко организо-
 ванныхъ, столь дѣятельно живущихъ государствъ, съ

безчувствіемъ, слабостью, безпорядкомъ Востока. Онъ предвидишь опасность, грозящую его ошчи-
нѣ, и иногда — какое горькое презрѣніе, какія глу-
бокая ненависть пробивается у него сквозь наруж-
ность изученной вѣжливости! Но идеи о томъ, что-
бы прибѣгнуть къ истиннымъ основаніямъ Европей-
скаго благоденствія, малѣйшаго понятія о потреб-
ностяхъ человека, малѣйшаго уваженія къ его до-
стоинству, малѣйшаго вѣрованія въ возможность
поспешнаго уничтоженія невѣжества, варварства
и деспотизма — никогда не найдете вы, ни въ го-
ловѣ, ни въ душѣ самаго умнаго, благороднаго и
чужеземнаго Турка! И впрочемъ — какое-же вре-
мя избираюшь, чтобы востановити въ душѣ Османовъ
сѣмена идей, рѣшишельно анши-Турецкихъ? То, ко-
гда національное могущество, коему Турокъ посвя-
щаль всегда все бытіе свое, падаетъ со всѣхъ стѣ-
ронъ, когда удары, наносимые старой конститу-
ціи Османовъ оповсюду, кажется гремятъ вѣщью
паденія Турціи! Позволишельно молодымъ Турец-
кимъ вельможамъ и офицерамъ раздѣляють заблужде-
ніе своего повелителя, когда разрывая цѣпи Вос-
точного вѣнчика, и свергая его обрядовъ, шаг-
отъшлихъ его, и людей его окружавшихъ, онъ раз-
рушаетъ вѣхія стѣны крѣпости, служившей пре-
столу его, въ одне время, и подпорою и шюрьмою.
Неужели въ Европѣ думаютъ, что здравый смыслъ
народа Турецкаго, коннающаго свои настоящіи
выгоды, не видишь цѣли и объема жить и трѣ, ко-
торья съ рукоплесканіемъ принимаемъ имъ за нача-
ло періода новой жизни Турковъ? Неужели не за-
мѣчаютъ, что мелочіи народа въ Турціи показы-

вашъ только униженіе его, и что спокойствіе его совсѣмъ не есть ручательство успѣховъ Махмуда и упроченія его владычества? Пора понимать намъ, что основанная на идеяхъ древнихъ обществъ; Имперія Османская одолжена была своимъ продолжительнымъ и могущественнымъ существованіемъ вѣрности народа къ преданіямъ завоеваній и побѣдъ, спротиву постоянству безчеловѣчной системы, поддерживавшей побѣдителя, всегда на спорожъ, всегда въ оружіи, среди покорныхъ и беззащитныхъ рабовъ. Не въ то время, когда сія система готова пасть, можно вѣрять въ преобразование народа, отказывающагося по неволѣ отъ всего прежняго. Какова-бы ни была реформа, надобно, чтобы созваніе челоуѣка утвердило ее. Дѣло, коего не подтверждаетъ внутреннее убѣжденіе народа, всегда останется безуспѣшно, и для того, кто его готовитъ, и для тѣхъ, кому его готовятъ. Все-гоже болѣе должно сіе быть, когда Провидѣніе устроило издалека измѣненіе судебъ, и приблизило часъ сего измѣненія, когда столько рабствовавшихъ поколѣній искупили слезами и кровью грѣхи оццовъ своихъ подъ мечами Турковъ, когда могущество Турціи падаетъ отъ собственной тягости, и то, что готовлено было тяжко и медленно для деспота, обращается въ пользу жертвъ его — Грековъ!

Кончимъ однимъ замѣчаніемъ, которое можешь показаться незначительнымъ, но въ самомъ дѣдѣ совсѣмъ не шаково.

Издали, составляется о Туркахъ ложное понятіе, и при первомъ взглядѣ каждый Европеецъ оболь-

щается ими, и думаешь, что сіе понятіе вѣрно. Издавна уже Турки являютъ собою націю вѣжливую, щеголевашую, благовидную въ своихъ обычаяхъ и поступкахъ. Въ Европѣ никогда не сумѣюшь никакъ прилично устроить частный бытъ свой, согласишь неограниченную испорченность съ наружнымъ достоинствомъ, глубочайшее лукавство съ видомъ столь открытымъ и дружескимъ. Если-бы Европейцы не видали выставляемыхъ головъ, соленыхъ ушей и прибитыхъ гвоздями рукъ, всего скорѣе полюбили-бы они Турковъ, при первомъ знакомствѣ съ ними. Вспомнимъ Ишалію, изящную и вѣдѣшъ варварскую въ XVI-мъ столѣтіи. Вошъ сходство; шолько вопросы о настоящемъ и выводы будущаго разные... Обращимся къ Грекамъ...

(Будетъ продолженіе).

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Пертмаксъ, трагедія Арно-ошца. — *Катерина Медиси въ Блуа*, историческая драма Люсьена Арно.

(Окончаніе).

Никогда не подумаемъ мы причислить Г-на Л. Арно къ драматическимъ ремесленникамъ; во многихъ случаяхъ онъ могъ и можешь быть оригинальнымъ. Но его драма: *Катерина Медиси въ Блуа*, по несчастію, принадлежитъ къ созданіямъ, которыя не бывають слѣдствіемъ законности и влеченія: это холодно-разсчитанное произведеніе въ новомъ родѣ; а объ этомъ-то родѣ Сочинитель, и не имѣетъ никакого понятія. Можно отваживаться на смѣшеніе комическаго съ трагическимъ, когда въ Авторѣ есть то и другое; но слогъ *Катерины Медиси*, растянутый и высокопарный, не имѣетъ ничего близкаго къ шутовству.

Впрочемъ, позволимъ сказать, что эта пьеса не была внушена, какъ говорили нѣкоторые Журналы, сочиненіемъ Г-на Вите: *Les États de Blois*. Ни въ главной мысли, ни въ ходѣ, ни въ слогѣ сихъ двухъ сочиненій нѣтъ ничего сходнаго. При намѣреніяхъ и цѣли Г-на Арно не было мѣста подражанію; онъ хотѣлъ привести въ размѣры сцены тошъ предметъ, который былъ обработанъ для чтенія. Онъ думалъ

быть пошомъ и шворцемъ шамъ, гдѣ предшественникъ его былъ одушевленнымъ, живописнымъ историкомъ. Но, должно разумѣшь, что значить шворить, когда дѣло идетъ о поэзіи исторической.

Мы, съ своей стороны, часто повсоряли, что въ основаніи событій и характеровъ истинныхъ, скрывается въ тысячу разъ боѣе поэзіи, нежели во всѣхъ, шакъ называемыхъ, швореніяхъ, которыхъ суть не иное что, какъ скршныя припоминанія, ибо при безсміи извлечь изъ взяшаго предмета истинную, собственную его поэзію, обыкновенно обращаются къ пособію памяти. Нѣтъ! Вымыселъ поэтической состоишь не въ томъ, чтобы доскушомъ чужой поэзіи прикрышь человека или эпоху, но чтобы извлечь, выведши, вынуть изъ избраннаго характера, избранной эпохи, все что скрывается въ ней собственно, оригинально поэтического. Какъ доспуаешь Шекспиръ въ своихъ историческихъ и даже романическихъ пьесахъ, въ *Отелло*, въ *Ромео*, въ *Король Лиръ*? Онъ беретъ балладу, сказку, и сѣдуешь ей, цющи ничего не измѣняя ни въ событіяхъ, ни въ характерахъ. Но какое сокровище поэзіи извлекаешь онъ изъ нея! Какъ глубоко разработываетъ онъ приискъ! Какъ истощаетъ онъ малѣйшія его ошрасли! Какъ выводитъ онъ на свѣтъ все, что шолько можно! Конечно, не шакъ дѣйствовашъ онъ въ *Гамлетѣ*, въ *Бурѣ*; но мы говоримъ шолько о родѣ историческомъ, о пьесахъ, взятыхъ изъ дѣшюицей и похожихъ на *Les États de Blois*.

Опытъ, одинъ опытъ могъ рѣшить: извлечь-ли Г. Выше изъ своего предмета все шидвическое, и

довольно-ли снаты, довольно-ли рѣзки его картины для сцены? Мы думаемъ, но крайней мѣрѣ, что съ немногими измѣненіями, опытъ былъ-бы ему благопріятенъ. Но, во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что его образъ изложенія есть единственныи историческій и живописческій: другаго нѣтъ, и быть не можешь, хотя Г. Арно и не послѣдовалъ оному. Г. Арно ищешь новизнъ въ событіяхъ. Да будьтъ! Посмотримъ однако, что представляло ему въ сущности пагубное событіе собранія Чинновъ въ Бауа, и какія измѣненія почтительныи для него. Послѣ этого мы рассмотримъ, гдѣ живѣе поэзія: въ Драмѣ, или въ Исторіи.

Два лица господствуютъ въ этомъ событіи: Генрихъ III-й и Герцогъ Гизъ. Между ими поединокъ на смерть, поединокъ политическій, слѣдовательно прикрытый и наполненный ухищреніями. Развязка приходитъ къ концу; кто же останется побѣдителемъ? Вошь въ чемъ сомнѣніе, вошь въ чемъ занимательность. Съ одной стороны, Гизъ, сохраняющій уже только наружность повиновенія; его подкрѣпляютъ Чины, часть арміи, Римскій Дворъ, и многіе города, между прочимъ Парижъ, Ліонъ, Орлеанъ. Генрихъ имѣешь на своей сторонѣ обладаніе, право, и выгоду мѣша, въ которое привлекъ онъ своего прошивника: онъ держитъ его въ своемъ дворцѣ, въ городѣ Гугеншовъ. Посмотрите на этотъ флигель замка, гдѣ волнуешся столько офицеровъ, столько пажей, куда стекаешся столько депутатовъ, столько придворныхъ: это апартаментъ Короля? Нѣтъ: Герцога Гиза. Съ другой стороны, это угрюмое зданіе, гдѣ появля-

юцца положо вооруженныя люди; эшоць печальны; уединенны кабинетъ; наконецъ эшоць Дверь безъ придворныхъ: тамъ Генрихъ. Вплоть подлѣ зала Чиновъ, гдѣ открышо сговариваюцца на его гибель. Здѣсь Коллегія Іезуитская, гдѣ Кардиналь принимаешъ скрытныя мѣры къ заключенію его, или, къ смерти: Король одинъ прошивъ всѣхъ. Медичи съ нимъ, но она умираешъ: ошъ нея можешъ онъ получишь только нѣкоторыя вдохновенія, но уже не обдуманныя совѣты. Пущъ такъ: онъ управишъ одинъ. Его угнешаешъ оскорбленіе, нанесенное въ день *Баррикады*; къ нему приближаешъ опасности; къ нему со всѣхъ споронъ приходяшъ извѣщенія; наконецъ, гордостъ его неприятеля возрастаетъ, гордостъ Голяева, унижающаго его даже своимъ ростомъ — все эшо выведешъ его изъ усыпленія. Планъ сдѣланъ: онъ питаешъ его, обдумываетъ, и исполнишъ съ удивительною ловкостью. Надобно ошдѣлать соперника, ошлучишъ его ошъ сообщниковъ, захватишъ въ одно время и семейство его и приверженцевъ. Исполнишъ все эшо оштается одинъ день: ненавистъ и чувство самосохраненія внушаюшъ ему, одному и безъ совѣтниковъ, самыя вѣрныя средства. Эшоць день ешъ самое великое дѣло его жизни: шущъ выказываешъ весь характеръ, раскрываюцца всѣ способности его съ величайшею силою и свободою.

Чѣмъ замѣнилъ Г. Арио эшу борьбу, столь любовышную, столь поэтическую? Онъ влечешъ къ двумъ лицамъ: шрешъ, Короля Наваррскаго, и ставишъ его между нихъ; онъ ошываетъ у Генриха

III-го вѣну дѣятельность, эту горячую миденія, эту четверть часа силы, которую придашь ему страхъ, и отнесишь все это къ Кашеринѣ. Г. Арно не видалъ, что въ Кашеринѣ дряхлой, и столь слабой, что интрига уже почти не шрогаешь ея, а кровавый государственный манѣвръ выше силъ ея, что въ этой Кашеринѣ заключаешь глубокая и совершенно новая поэзія! Онъ почелъ за лучшее помолодишь ее, придашь ей размыты, кошорыхъ она никогда не имѣла, размыты Семирамиды, Агриппины, Родогуны — тогда какъ у нея вся сила заключалась въ женскихъ обольщеніяхъ и хитростяхъ, въ слезахъ мащери и въ ложномъ призракѣ нѣжности. И онъ предпочитаетъ такіа фантастическіа, исчерпаны формы новой, самобытной поэзіи, какую представляла ему природа и Исторія, никогда не пошоряющія себя! Но такимъ-то образомъ дѣйствіе сжашое, нераздѣльное, поэтъ самовольно замѣнилъ основою непрочною, не имѣющею достоинства, дѣйствіемъ нескладнымъ и несвязнымъ; однимъ словомъ: онъ уничтожилъ всѣ элементы драмы, какія представляла ему предметъ. И для чего? Для того, что, какъ ни говоришь, а гораздо легче сочиняешь съ памяти, нежели вызывать своимъ дарованіемъ поэзію изъ самыхъ событій. Но, одно послѣднее есть истинное творчество.

Посмотримъ, какъ пойдетъ дѣйствіе, при измѣненнхъ такимъ образомъ роляхъ. Въ первомъ актѣ нѣтъ ничего, кромѣ блѣднаго изложенія. Гизъ, вѣнотъ царедворецъ, столь возвышенный въ обхожденіи, приходитъ къ Королю какъ мужикъ и на-

его оскорбленъ его. Когда онъ ушелъ, начальникъ роты *сорока пяти ординарцевъ*, Луаньякъ, вызывается избавить Короля отъ этого неучтивца: дѣло, по нашему мнѣнію, самое легкое и самое неосложненное — такъ неопредѣленно, смѣливо положеніе дѣйствующихъ! Отъ Короля, мы переходимъ къ Кашеринѣ, кошорая кажется умирающею. Сынъ рассказываетъ ей о новыхъ посягательствахъ Герцога и проситъ у нея совѣта. Вдругъ Медичи вспасть: болязнь ея была притворная; она занята кознями, она спасетъ Генриха, какъ за пятнадцать лѣтъ спасла Карла IX-го. Гизамъ надобно прощупосшавить Беарнца; она звала его, не сказывая о томъ сыну; онъ прѣхалъ и о немъ уже докладываютъ. Съ первыхъ словъ, Король Наваррскій находитъ случай похвастать Купрасской бишвой, выигранной имъ у Жуаёза: это и учтиво и скромно. Съ своей стороны Кашерина, желающая привлечь къ себѣ союзника, спрашиваетъ, не потеряла-ли дочь ея Маргерита вкуса къ роскоши, въ бѣдномъ, крошечномъ Наваррскомъ Королевствѣ. Послѣ такой мнѣны учтивостей, она даетъ ему знать, что ей хотѣлось-бы снова испытать Варроломеевскую ночь; ошвѣтъ Генриха она могла-бы предвидѣть. За этимъ свиданіемъ, слѣдуетъ пріемъ придворныхъ и депутатовъ. Съ каждымъ говоритъ она сообразно его положенію, его выгодамъ, его правиламъ, и, въ-восшоргъ отъ самой себя, удаляется послѣ этого зазданія — перечипываетъ Макиавеля, какъ о томъ извѣщаетъ насъ она сама.

Остановимся и подивимся всѣмъ этимъ изобрѣшеніямъ поэта. Чшо скажете вы объ аудіэнціи ?

Признаюсь, я гораздо предпочелъ-бы, для поэтическаго дѣйствія, но существенное уединеніе, въ которомъ помилась Король и его мать, уединеніе, столь тяжелое для него, и выведенное на сцену Г-мъ Више прекрасно :

« Но я, Дюгальдъ!.. Вошь часы пріема, а у меня никого нѣтъ. »

(Онъ ходитъ взадъ и впередъ съ большомъ волненіемъ.)

Дюгальдъ.

« Государи! Покуда вы оставались съ Г-мъ де Бюльи, « въ переднюю комнату являлись Гг. де Рамбулье и « де Луаньякъ; послѣ нихъ приходили Г. Д'Омонъ, « Г. Д'Орнано, Г. Револь, Господинъ. де Мон-« шолонъ. . . . »

Король *(насмѣшливо)*.

« Какъ? Цѣлая полудюжина! Ты удивляешь меня. « Да гдѣ-жъ они, позволю спросить? »

Дюгальдъ.

« Когда они узнали, что Ваше Величество не « принимаете, то пошли къ Королеву. »

Король *(съ большою горестью)*.

« Прекрасно! Они боялись простудиться передъ « огнемъ камна въ передней комнатѣ! . . . Какъ « жаль, что не я называюсь: Гизъ; меня подожда- « ан-бы. . . . Нѣтъ, право у меня прекрасные друзья!

«И особенно у меня ихъ много! (стараясь сжать-
«ся) Если мой братель не скажись нао мнѣ, шо
«я принужденъ буду наконецъ самъ себя называть
«цить.»

Въ прѣшемъ дѣйствіи Г. Арно вводитъ насъ къ
Герцогу Гизу. Будеть-ли онъ счастливецъ въ изо-
браженіи его обшалаща? Прежде всего, мы не
увидимъ уже шамъ ни Герцогини Намурской, его
машери, ни его сына, ни Бриссака, и никого по-
чипи изъ его офицеровъ и пажей. Мы увидимъ толь-
ко одного секретаря: вошь все, что остаешся у
него ошь огромной свишы, столь докучной Королю,
столь грозной, и заспалявшей Генриха горько жа-
ловаться, когда вечеромъ, при звукѣ трубъ и бле-
скѣ свѣщильниковъ ея, онъ восклицалъ:

«Ничего! Славно! Они пьютъ, они веселяшся;
«жизнь нмъ сладостна.... Надѣюсь, однако, что
«они дадутъ намъ спать.... Вся эша свиша скоро
«одѣлаешся несносна! Никогда-бы не должно было
«помѣщать у себя никого, кромѣ слугъ, для того
«что-бы, когда вздумается, приказывашъ нмъ мол-
«чать. Эшошь большой замокъ настоящій прак-
«ширь.... (голосъ его постепенно мѣняется) Но,
«нѣшь! Я не правъ: мы у брата Гиза; ошь пу-
«стилъ насъ на поштой, машушка! А, право, мнѣ
«хочешся также опдать ему визитъ, угостишь
«его.... Гдѣ вы, мои ординарцы, мои Шотландцы!
«Вы не спите: пойдемъ-те со мнѣ... и убейше...
«уф! убейше... На скашерши у нихъ мадо вина;
«мы подмѣшаемъ шуда крови....»

Между штыъ одна изъ Фрейдинъ Королевы, любовница Гиза, извѣщаетъ его о грозящей ему опасности и замышляемомъ заговорѣ. Но о какомъ заговорѣ, о какой опасности идешь дѣло? Мы ничего не знаемъ! Король очень можетъ желать его смерти: о томъ и пущено нѣсколько словъ на воздухъ; но мы ни разу не видѣли, что-бы Генрихъ зналъ въ шѣ свирѣпыя думы, въ то бѣшенство полу-суевѣрное и полу-кровожадное, въ какихъ у Г-на Више изображена столь поэтически эта душгены:

«О сладчайшій Иисусъ, Спаситель мой! Это не моя вина; но я непремѣнно долженъ убить его!...
 «(Онъ вскакиваетъ.) Никто не подслушиваетъ?
 «Нѣтъ. (Садится подлѣ огня.) Какъ хорошо бышь одному!... Мнѣ кажется, что я вижу его: вошь
 «онъ, на землѣ! А это такъ легко... Впрочемъ,
 «это не первый человекъ, котораго убиваюшь
 «Терпѣніе! . . . и проч.»

Герцогъ, не заботясь объ извѣщеніяхъ, садится за столъ. Угадайте: съ кѣмъ? Съ шремъ или чешырмъ депушашами средняго сословія: это совершенно безъ требованій, по нѣщанскому обычаю Принцевъ Лотарингской фамиліи. Одинъ изъ собесѣдниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, такъ-же какъ Г. Жось, вынимаетъ изъ фушляра прелестную корону, которую сдѣлалъ онъ нѣкогда для Генриха III-го; онъ привѣриваетъ ее къ Герцогу, и, вошь, Гизъ раздобариваетъ и обѣщаетъ, съ нѣнцомъ на челѣ, какъ Карлъ Великій. Во время этого маскарада является Король Наваррскій: онъ входитъ

такъ поспѣшно, шакъ безъ чиновъ, къ своему другу не-другу, Гизу, что пошь не итѣшь ни времени, ни присутствія духа снятъ свой Королевскій вѣнецъ. Страшная ссора между обоими; потомъ при-бышіе Короля, кошорый находишь Герцога въ коронѣ и съ мечемъ въ рукѣ. Эша маскарадная сцена оканчивается кляшвою ищенія, произносимую Королемъ въ *двухъ стихахъ*, что-бы закончишь дѣйствіе.

Увидимъ-ли мы наконецъ, какъ связывается заговоръ, и когда начнешся занимательность? Никогда не увидимъ. Чины собрались, Король на шронѣ. Герцогъ Гизъ шребуешь объявленія, что Беарнецъ не будетъ наследникомъ престола. Чины соглашаются, Король колеблешся; Генрихъ приходишь и защищаешь свои права; собраніе гошово выйдши изъ границъ; Король берешъ перо и собираешся подписывашъ. Но Кашерина влешаешъ въ залу, схватываешъ акшъ, раздираешъ его, приказываешъ Королю молчашъ, вводишь ошрядъ вѣрныхъ солдатъ, и выпускаешъ Чины, передразнивая шѣмъ Кромвеля и Бонапарте. Не правда-ли, что изобрѣшеніе и ново и чудно? Вѣрошно, эша шстранная сцена дошавила Авшору печальное покровительство Г-на Лабурдонне; а намъ показалось вишо почпѣ невѣроятнымъ дѣломъ. Какъ? Расшущеніе Чиновъ прежде смерти Герцога? Какъ? Въ присутствіи Гиза Кашерина итѣшь силу совершишь шакой государственный переворотъ? И она почивала Короля въ опасности, она хотѣла прошиваюпосланишь Короля Парварскаго Лигъ, она думала — что я говорю!

она еще думаетъ не о публичномъ судилищѣ, но объ умерщвленіи Герцога? И такимъ насильственнымъ дѣйствіемъ она хочетъ усыпить его бдишельность; она полагаетъ, что когда разгонишь его сообщниковъ, то и онъ, безъ ссоры и недоувѣренности, придетъ завтра въ кабинетъ Его Величества, дашь себя зарѣзать изъ учтивости. Что-же? Въ самомъ дѣлѣ онъ приходитъ! И это называется драматическимъ вымысломъ, созданиемъ! Право, если-бы возможно было что это поэзія, а не бессмыслица, то мы тотчасъ спали-бы подлѣ Паскаля и Маллебранша. Бѣдная поэзія!

Съ Франц.

О ЛУННОМЪ ЗАТМѢНІИ

1831 г. въ Февралѣ мѣсяцѣ. (*)

1831-го года въ Февралѣ $\frac{14}{2}$ по полудни, послѣдуешь частное лунное затмѣніе, которое сопровождаешь будешь слѣдующими явленіями: начало затмѣнія послѣдуешь, во всѣхъ мѣстахъ мѣсяцѣ, гдѣ оно будешь видимо, съ восточнаго края луны, а конецъ послѣдуешь на западномъ краѣ. Самое большое помраченіе простираешь будешь почти до $\frac{3}{4}$ луны, или почти, по-Астрономически говоря, 8 дюймовъ 13 минутъ и 3 десямыхъ минутъ, съ южной стороны луны; но есть: останется только $\frac{1}{4}$ цѣлаго поперечника свѣтлой луны съ сѣверной стороны. Сіе самое большое помраченіе послѣдуешь во время средины затмѣнія. Все затмѣніе продолжится 2 час. 56 мин. 16 сек.

Но дабы имѣть свѣдѣніе въ разныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи о времени начала, средины и конца сего луннаго затмѣнія, прилагаешь таблица. Она показываешь истинное астрономическое время, или то, которое исчисляемъ на солнечныхъ часахъ.

(*) Мы получили сію спашью отъ Г. Семенова еще въ Ноябрь мѣсяцѣ; но, къ сожалѣнію, задержка рисунка воспрепятствовала намъ напечатать ее ранѣе. Теперь, по, что говоритъ Авпоръ въ *будущемъ*, является *прошедшимъ*. Но спашья нѣмъ не менѣе любопытна. *Изд.*

НАЗВАНІЯ ГОРОДОВЪ И МѢСТЪ.	Время			Время			Время		
	начала			средины			конца		
	затмѣн.			затмѣн.			затмѣн.		
	ч.	м.	с.	ч.	м.	с.	ч.	м.	с.
Архангельскъ.	5	56	15	7	24	23	8	52	34
Астрахань.	6	26	53	7	55	4	9	23	9
Варшава.	4	38	52	6	7	0	7	35	8
Вологда.	5	55	27	7	23	35	8	54	43
Воронежъ.	5	52	8	7	20	46	8	48	24
Вильно.	4	55	48	6	23	56	7	52	4
Владимиръ губерн.	5	56	23	7	24	34	8	52	39
Выборгъ.	5	9	44	6	37	52	8	6	0
Гродно.	4	54	19	6	49	27	7	47	35
Дерпшъ.	5	4	38	6	29	46	7	57	54
Екатеринославъ. . .	8	35	5	7	3	43	8	34	24
Енисейскъ.	9	22	35	10	50	43	0	48	54
Житомиръ.	5	9	20	6	36	28	8	5	36
Иркутскъ.	10	44	26	11	39	34	4	7	42
Казань.	6	32	5	8	0	43	9	23	24
Калуга.	5	39	4	7	7	9	8	35	17
Каменецъ-Под. . . .	5	0	56	6	29	4	7	57	42
Камчатскій мысъ.	2	7	55	3	36	3	5	4	14
Кіевъ.	5	46	52	6	45	0	8	43	8
Кола.	5	26	43	6	54	54	8	22	39
Косгрома.	5	39	34	7	27	39	8	34	47
Красноярскъ.	9	26	34	10	54	39	0	22	47
Курскъ.	5	40	34	7	8	39	8	36	47
Кяхна.	10	24	19	11	49	27	4	17	35
Минскъ.	5	4	54	6	33	2	8	4	40
Мишава.	4	49	34	6	47	42	7	45	50
Могилевъ на Днѣпр.	5	13	59	6	44	7	8	12	45
МОСКВА.	5	44	54	7	43	2	8	41	40
Нерчинскъ.	14	0	50	0	28	58	4	37	6
Нижній Новгород.	6	42	34	7	40	42	9	8	50
Новгородъ.	5	49	59	6	48	7	8	46	45
Новочеркасскъ. . . .	5	55	44	7	23	22	8	57	30
Одесса.	5	17	33	6	45	44	8	43	49
Орель.	5	38	23	7	6	37	8	34	45
Оренбургъ.	6	55	24	8	23	29	9	54	37

конецъ затмѣнія
15 Февр. пошпру.

конецъ затмѣнія
15 Февр. пошпру.

всѣ три момѣнт.
15 Февр. пошпру.

конецъ затмѣнія
15 Февр. пошпру.

конецъ затмѣнія
15 Февр. пошпру.

сред. н кон. затм.
15 Февр. пошпру.

НАЗВАНІЯ ГОРОДОВЪ И МѢСТЪ.	Время начала затмѣн.			Время среднѣхъ затмѣн.			Время конца затмѣн.			
	ч.	м.	с.	ч.	м.	с.	ч.	м.	с.	
Охотскъ.....	0	47	31	2	15	39	3	43	47	всѣ при моментна 15 Февр. поупр.
Пенза.....	6	44	49	7	42	57	9	44	5	
Пермь.....	7	0	26	8	28	34	9	56	42	
С. ПЕТЕРБУРГЪ..	5	15	59	6	44	7	8	42	15	всѣ при моментна 15 Февр. поупр.
Петропавл. гавань.	4	49	52	5	48	0	4	46	8	
Подшава.....	5	33	6	7	4	44	8	29	22	
Псковъ.....	5	8	2	6	36	10	8	4	18	
Ревель.....	4	53	42	6	24	50	7	49	58	
Рига.....	4	51	5	6	49	45	7	42	24	
Рязань.....	5	54	47	7	49	25	8	47	53	
Саратовъ.....	6	18	44	7	46	49	9	14	57	
Симбирскъ.....	6	24	24	7	56	32	9	24	40	
Симферополь.....	5	34	7	6	59	45	9	27	23	
Смоленскъ.....	5	22	52	6	54	0	8	49	8	
Спаврополь.....	6	2	38	7	30	46	9	58	54	
Таганрогъ.....	5	49	46	7	17	24	8	45	32	
Тамбовъ.....	6	4	44	7	29	49	8	57	57	
Тверь.....	5	38	30	7	6	38	8	34	46	
Тобольскъ.....	7	47	4	9	15	12	10	43	20	
Томскъ.....	8	55	49	10	23	27	11	51	35	
Тула.....	5	44	56	7	4	34	8	32	2	
Харьковъ.....	5	39	44	7	7	6	8	36	4	
Херсонъ.....	5	25	12	6	53	24	8	24	28	
Царицынъ.....	6	12	31	7	40	39	9	8	47	
Черниговъ.....	5	49	58	6	48	6	8	46	44	
Якушскъ.....	11	53	36	1	21	44	2	49	52	Средина и конецъ 15 Февр. поупр.
Ярославль.....	5	55	24	7	23	29	8	54	57	
Вишебскъ.....	5	45	28	6	43	36	8	44	44	

Теорія лунныхъ затмѣній состоитъ въ слѣдующихъ обстоятельствахъ :

Извѣстно , что тѣла небесныя , принадлежащія къ нашей солнечной системѣ , какъ-то : планеты , спутники (къ кошорымъ причисляется наша луна) и кометы получаютъ свой свѣтъ отъ солнца , безъ котораго они всѣ были-бы темныя , или въ вѣчномъ зашмѣннѣ , и мы-бы ихъ , по причинѣ малыхъ діаметровъ , усматриваемыхъ съ земли , можемъ быть и никогда-бы не видали , исключая солнце , неподвижныя звѣзды , имѣющія собственныи свѣтъ , и луну , по причинѣ ея большаго діаметра , усматриваемую съ земли . Но и луна , будучи лишена солнечнаго свѣта , во время полныхъ зашмѣннѣ бываетъ невидима на небѣ . Кеплеръ говоритъ , что во время зашмѣннѣ 1601го года 9го Декабря и 1620го года 15 Іюня , луна совсѣмъ помрачилась , такъ , что невозможно было различить помраченнаго ея края , а Гевелій говоритъ о зашмѣннѣ , случившемся 1642го года Апрѣля 25го , что не возможно было различить , даже и посредствомъ зрительныхъ трубъ , мѣста луны , хотя время было столь хорошо , что можно было видѣть неподвижныя звѣзды пятой величины . Но весьма рѣдко случается , что-бы луна во время зашмѣннѣ помрачалась столь совершенно .

Изъ сего видна однакожь причина лунныхъ зашмѣннѣ . Она состоитъ въ томъ , что луна , во время зашмѣннѣ , лишается солнечнаго свѣта . Сіе происходитъ такимъ образомъ , что когда падаетъ на землю солнечный свѣтъ , то съ противной стороны земли падаетъ тѣнь , а луна бываетъ во время

полнолуніа часто въ такихъ обстоятельствахъ, что кривая линія пуши луннаго проходитъ чрезъ шѣнь земли, и пошому она должна непременно войдши въ шѣнь земли, лишиться солнечнаго свѣша и прешерпѣшь зашмѣніе.

Но какъ солнце гораздо болѣе земли, шо земля отбрасываетъ отъ себя шѣнь коническую, или подобную фигуръ сахарной головы, что показано въ фигурѣ 1-й. Здѣсь S есть солнце, T земля, AM діаметръ солнца, BG діаметръ земли, BEG коническая шѣнь земли, HCKI пушь луны, а по обѣ стороны шѣни части HC и KI называются *полу-шѣнь земли*, ибо шочки H и I, спояшія на лунномъ пуши, какъ видно изъ фигуры, глядятъ на весь діаметръ солнца, и пошому онѣ вполне имъ освѣщаются. Но другія шочки, лежація на сей-же линіи, ближайшія къ настоящей шѣни СК, постепенно шеряють діаметръ солнца, отъ чего не вполне освѣщаются имъ, и пошому сіе пространство, окружающее всю шѣнь земли, называется *полушѣнью*; луна-же, проходя сіе пространство, постепенно начинаеть шерять изъ впа діаметръ солнца, отъ чего и свѣшъ ея ослабѣваетъ, особливо восшочная спорона. Потомъ, двигаясь по своему пуши, луна касаеться восшочнымъ краемъ шочки шѣни С, и въ шощъ самый моменшь начинаеться зашмѣніе; а когда луна, пройдя всю шѣнь, коснеться западнымъ краемъ шѣни, въ шочкѣ К, шо сей послѣдній моменшь бываетъ концемъ зашмѣніа. Но чтобы лунѣ бышь вполне освѣщенной солнцемъ, шо должно ей пройди всю *полушѣнь* KI, и достигнуть шочки I, изъ кошорой видѣнь весь діаметръ солнца.

Луна движется вокруг земли отъ запада къ востоку; а пошому во всѣхъ лунныхъ затмѣнїяхъ восточный край луны прежде западнаго входитъ въ тѣнь, начало затмѣнїя всегда бываетъ съ восточнаго, а конецъ съ западнаго края луны.

Ширина КС земной тѣни можешь измѣняться въ разныхъ затмѣнїяхъ, смотря по разстоянїю луны отъ земли. Сїе видно изъ 1^а фигуры. Если луна проходитъ чрезъ тѣнь въ точкахъ *aa*, то тѣнь будешь уже, а если проходитъ въ точкахъ *bb*, то тѣнь будешь шире, и пошому продолженїе затмѣнїя въ первомъ случаѣ будешь короче, а во второмъ длиннѣе:

Когда линїя пуши луннаго проходитъ чрезъ центръ тѣни, тогда бываетъ затмѣнїе полное, а если нѣсколько отдалится отъ центра, то бываетъ затмѣнїе частное. Но какъ диаметръ земной тѣни всегда бываетъ гораздо болѣе диаметра луны, то затмѣнїе луны часто бываетъ полное, хотя линїя пуши ея и не чрезъ самый центръ проходитъ. Чшобы донять сїе яснѣе, представимъ фигуру 2^а. А, С, D, E, представляющъ въ разныхъ обстоятельствахъ, во время полнолунїя, или противостоянїя луны съ солнцемъ, круги земной тѣни, долженствующїе бытъ, когда земную тѣнь пересѣчь поперегъ, перпендикулярно, въ томъ разстоянїи отъ земли, гдѣ будешь луна проходитъ во время полнолунїя; 1^а 2^а 3^а и 4^а суть круги луны; а изъ сего видно, что въ первомъ случаѣ луна будешь проходитъ чрезъ самый центръ тѣни, и пошому сїе затмѣнїе называется *центральное, полное, лунное затмѣнїе*; во второмъ случаѣ, какъ видно, луна не проходитъ чрезъ самый

ценръ шѣни, и потому затмѣніе называется просто *полнымъ*; въ преншемъ случаѣ называется *частымъ* затмѣніемъ; въ четвертомъ луна пройдетъ мимо шѣни, и потому не можешь быть никакого затмѣнія.

Для назначенія величины затмѣній, Астрономы раздѣляютъ діаметръ луннаго круга на 12 равныхъ частей, которыя называютъ дюймами; дюймъ еще раздѣляется на 60 частей, которыя называются минушами, и въ сихъ-то дѣленіяхъ означаютъ величину затмѣнія.

Ошь полушѣни земной, и ошь окружающей землю атмосферы происходятъ те, что черта, раздѣляющая затмѣнную часть луны ошь незатмѣнной, всегда худо окраена бываетъ, и потому въ меншахъ наблюденіи начала и конца луннаго затмѣнія, всегда можно сдѣлать ошибку до одной минушы времени.

Фигура 3^а представляетъ лунное затмѣніе, которое послѣдуешь 1831го года Февраля 14го дня. КС есть ширина, или діаметръ разрѣза земной шѣни, въ томъ разстояніи ошь земли, въ какомъ будешь проходишь луна во время затмѣнія.

S, M, E, есть путь луны черезъ шѣнь земли, во все время продолженія затмѣнія.

S мѣсто луны во время начала затмѣнія.

E мѣсто луны во время конца затмѣнія.

M мѣсто я видѣ луны самага большаго помраченія, которое послѣдуешь во время середины затмѣнія.

Синъ всѣ при менша, то есть : начало, середина, конецъ, показаны въ истинномъ времени, для

разныхъ мѣсць Россійской Имперіи, выше сего въ Таблицѣ.

Для исчисленія сего зашѣтнѣи употреблены Астрономическія таблицы, солнечныя Делабра, и лунныя Буркгарда.

Истинное прошивоспомяніе луны съ солнцемъ послѣдуешь по прохожденіи луны восходящаго узла, 14го Февраля, въ 5 часовъ 12 минушь, 26 секундъ, и 8 десястихъ секунды, по полудни средняго времени, на Парижскомъ меридіанѣ.

Въ сіе время будешь

Широта луны сѣверная, увеличивающаяся.	. 35'39,8
Часовое движеніе луны въ широту. 2'59,3
Часовое движеніе луны въ долготу. 32'32,3
Полудіаметръ луны. 15'26,8
Горизонтальный экваторный параллаксъ.	. 56'41,0
Часовое движеніе солнца въ долготу. 2'30,6
Полудіаметръ солнца. 16'10,4
Горизонтальный параллаксъ солнца. 8,9

Уравненіе времени 13 минушь, 14 секундъ и 3 десятихъ секунды. Сіе послѣднее количество показываешь, что часы, въ моменшь прошивоспомянѣи на оное, впередѣ прошивъ истинныхъ солнечныхъ часовъ.

Θ. Семеновъ.

Курскъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Одинъ изъ друзей моихъ, бывшій за границею, передалъ мнѣ чрезвычайно любопытную статью: извѣстіе о дипломатическихъ, палеографическихъ и вообще историческихъ сокровищахъ, хранящихся въ *Московскомъ Архивѣ Коллеги иностранныхъ дѣлъ*. Я спѣшу предѣлаться симъ извѣстіемъ съ посвященными читателями Телеграфа. Ни чужь не спрашно, что свѣдѣнія о драгоценностяхъ нашихъ, мы получаемъ отъ иностранцевъ. Развѣ не они открыли наши богатые рудники? И даже въ наше время обошлось-ли дѣло безъ чужеземца для открытія алмазовъ въ Уральскихъ горахъ? *Таланты отъ Бога!* Донинѣ, мы рѣшиительно *ничего не знаемъ* о нашемъ *Московскомъ Архивѣ*. Насъ познакомили съ частью драгоценностей его въ *Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ*. Вѣроятно, что мы узнаемъ изъ него еще многое, но — когда? До тѣхъ поръ, будемъ-же пользоваться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что попадаетъ подъ руку отъ иностранцевъ.

Другъ мой говорилъ мнѣ, что извѣстіе объ *Архивѣ Московскомъ* получалъ онъ отъ одного почтеннаго Профессора Гешингенскаго Университета, который занимается сочиненіемъ книги о всѣхъ государственныхъ Архивахъ въ Европѣ, и вскорѣ

надѣется издашь оную. Драгоцѣнныя свидѣнія получилъ онъ изъ Рима и Лондона. Парижскіе Архивы обозрѣлъ онъ самъ. Извѣстіе о нашемъ Московскомъ Архивѣ досталось ему изъ бумагъ Шлецера, которому прислалъ его Миллеръ изъ Москвы. Но донынѣ сіе извѣстіе оставалось въ рукописи. Почтенный Профессоръ просилъ моего друга узнать въ Россіи: можешь-ли онъ положиться на достоверность означеннаго извѣстія? Думая, что вѣшь лучшаго средства исполнишь препорученіе, сдѣланное моему другу, я рѣшился напечатать переводъ извѣстія въ Телеграфѣ. Если въ Московскомъ Архивѣ сдѣланы какія либо перемѣны, то просвѣщенные знатоки дѣла конечно удостоятъ меня поправками, доставивъ оныя для напечатанія въ Телеграфѣ; а я сообщу ихъ въ Геттингенъ. Намъ пріятнѣе видѣть извѣстія о Россіи, издаваемые въ чужихъ земляхъ, исправными, нежели молчаніемъ своимъ поощрять иностранцевъ на ошибки.

Г. Г.

Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ назывался прежде *Посольскимъ Приказомъ*. По принятому Г. Ф. Миллеромъ плану, дѣла, въ немъ находящіяся, раздѣляются на двѣ части: *общія государственныя* и *частныя государственныя*.

1-е Общія государственныя.

Они дѣлятся на пять частей, а именно:

1-е. *Внутреннія договорныя грамоты*. А. Новгородскія, или договоры Новгорода съ Московскими

и Тверскихъ Князьмъ, начиная съ 1263 года. Б. Граматы Великихъ Князей Московскихъ, Князей Тверскихъ, Рязанскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, Литовскихъ, и другихъ удѣльныхъ Князей; также Княгинь, Царей, духовныхъ, договорныхъ, межевыхъ, жалованныхъ, приговорныхъ, крѣпости, граматы, записи мѣновыя, поручительныя, подручныя бояръ и дворянъ, начинаясь съ 1328 года, оканчивающаея 1585 годомъ.

2-е. *Внѣшнія договорныя грамоты.* Трактапы, рашафикаціи, записи, капитуляціи, конвенціи, положенія о границахъ, и другія посшановленія, между Россією и разными народами и мѣстами, въ 23 ошдѣленіяхъ, а именно: съ Цезаремъ Римскимъ, съ 1514 года; Францією съ 1717; Англією съ 1710; Пруссією съ 1656; Польшею съ 1431; Швецією и Лифляндією съ 1513; Данією съ 1563; Голландією съ 1710; Саксонією съ 1709; Ганноверомъ съ 1710; Голштинією съ 1724; Курляндією съ 1710; Мекленбургією съ 1716; Брауншвейгъ-Вольфенбитшелемъ съ 1711; вольными городами: Любекомъ съ 1712, Гамбургомъ и Данцигомъ съ 1713; Турцією съ 1681; Персією съ 1718; Китаемъ съ 1689; Молдавією съ 1656; Грузією и Имеретією съ 1652. Сверхъ того: дѣла Князя Рагоція съ 1707 года; дѣла съ Армянами съ 1667 года; дѣла Риги, Ревеля и Пернова съ 1710 года.

3-е. *Граматы къ Великимъ Князьмъ и Царямъ Русскимъ отъ иностранныхъ Государей и разныхъ земель,* раздѣляются на 19 частей, а именно: отъ Цезаря Римскаго съ 1573 года; Франціи съ 1595; Испаніи съ 1668; Англіи съ 1557; Пруссіи съ 1649;

Польши съ 1513; Швеціи съ 1567; Дании съ 1574; Голландіи съ 1614; Саксоніи съ 1633; Гольштиніи съ 1633; Курляндіи съ 1653; Папы съ 1582; Флоренціи съ 1660; Мальтійскаго Ордена съ 1698, Венеціи съ 1654; вольныхъ городовъ: Гамбурга съ 1616, Данцига съ 1697, Любека съ 1586; Турціи съ 1615; Персіи съ 1635 года.

4-е. *Министерскія дѣла*, то есть, записки о пріѣздахъ, и пребываніи Пословъ, иностранныхъ въ Россіи, и Россійскихъ въ другихъ земляхъ; бумаги, шѣми и другими подаванныя; рескрипты къ нимъ; донесенія Русскихъ Пословъ, и проч. Все сіе заключается 1742 годомъ, и раздѣлено на двѣ части: *Европейскую* и *Азіатскую*; въ первой 42 части, во второй 24, а именно:

Часть Европейская. Дѣла Англійскія съ 1582 года; Прусскія съ 1517; Бременскія съ 1725; Венеціанскія съ 1647; Гамбургскія съ 1614; Данцигскія съ 1704; Испанскія съ 1667; Голландскія съ 1616; Гольштинскія съ 1631; Датскія съ 1516; Эльбингскія съ 1710; Женевскія съ 1712; Князей Римской Имперіи (Курфирстовъ, Герцоговъ, Ландграфовъ, и проч.) съ 1706; Курляндскія съ 1646; Любекскія съ 1603; Мальтійскія съ 1697; Мекленбургскія съ 1710; Неаполитанскія съ 1738; Папскія съ 1595; Пармскія съ 1724; Польскія съ 1487; Рагузскія съ 1709; Саксонскія съ 1714; Флоренційскія съ 1600; Французскія съ 1615 (шутъ-же, подъ 1728 годомъ отдѣльно, дѣла Суассонскаго Конгресса); Цезарскія съ 1489 (шутъ-же отдѣльно: Венгерскія и Силезскія); Шведскія съ 1514 года. Кромѣ того отдѣль-

но, дѣла: Абовскаго конгресса, съ 1742 по 1744-й годъ; Аландскаго конгресса, съ 1717-го по 1720-й годъ; острова Эзеля съ 1725; Лефортовскія, ш. е. носольства, бывшаго въ 1697, 1698, 1699 гг., при копоромъ находился самъ Пешръ Великій; дѣла Графа Морица Саксонскаго, съ 1718 по 1728-й годъ; города Нарвы съ 1704; Нейштадскаго конгресса, съ 1721; дѣла Пашкуля съ 1700 по 1707 годъ; города Ревеля съ 1701; Риги съ 1700; дѣла Коммисіи, бывшей съ Поляками въ Сашановѣ, съ 1739 по 1741 годъ.

Часть Азіатская. Дѣла съ Армянами съ 1701 года; съ Бадакшаномъ съ 1731; Балхомъ съ 1669; Башкирцами съ 1706; Бухаріею съ 1619; съ Греческими монашьями въ Палестинѣ съ 1509; Грузіею и Имерешіею съ 1586; Индіею съ 1647; Зюнгоріею съ 1716; Кабардою съ 1704; Калмыками съ 1673; Каракалпаками съ 1722; Киргизъ-Кайсаками съ 1719; Китаемъ съ 1654; Крымомъ и Ногаями съ 1474; Кумыками съ 1717; Персіею съ 1594; Турціею (шущь-же Молдавія и Валахія) съ 1513; Хивою съ 1616; кромѣ шого особенно: Камчатскія дѣла съ 1732; Сибирскія съ 1636; Ташарскія съ 1633 года.

Б-е. Внутреннія дѣла.

1. Дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта, съ 1726 по 1733 годъ.

2. Дѣла Императорскаго Кабинета, съ 1735 по 1741 годъ.

3. Собственноручныя письма Пешра Великаго, въ 13 томахъ.

4. Дѣло Царевича Азексы Пешровича (запечатанное).
5. Присяги Царевичу Пешру Пешровичу, 1718 года.
6. Дѣла объ избраніи Малороссійскихъ Гешмановъ съ 1654 года.
7. Письма ошь иностранныхъ и Русскихъ Генераловъ, и разныхъ особъ, къ Государямъ и Министрамъ Россійской Имперіи (всѣ прибраны по алфавиту).
8. Записныя книги рескриптовъ и бумагъ, посылаемыхъ къ Россійскимъ Министрамъ, и ошь нихъ полученныхъ реляцій; также письма, граматы и промеморіи, исходящія и входящія, по Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, съ 1718 по 1743 годъ.
9. Кіевскія дѣла Канцлера Бесшужева и Вице-Канцлера Воронцова, въ 1744 году.
10. Бумаги Кнзя Меньщикова, съ 1698 по 1728 годъ, взяшныя у него по арестованіи.

II. ЧАСТНЫЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ.

Они дѣлятся на двѣ часши, а именно :

1. *Дѣла Посольскаго Приказа.*
 - а. Приказныя, ш. е. опредѣленія, указы, промеморіи, донесенія, челобитныя, и проч.
 - б. Приходныя и расходныя книги, докуменшы, счешы, и проч.
 - в. Книги служивыхъ людей, бояръ и всякихъ званій, съ показаніемъ окладовъ жалованья, съ 1604 г.

г. Дипломы, патенты, жалованныя грамоты на чины, воцѣлы, и проч.

д. Дѣла о церемоніяхъ, коронаціяхъ, бракосочетаніяхъ, погребеніяхъ Государей, избраніяхъ Патриарховъ, и проч., съ 1584 г.

е. Чершежи, планы, ландкарты внутреннимъ и пограничнымъ съ Россією мѣстамъ.

ж. Дѣла Донскихъ Казаковъ, съ 1623-го по 1720-й годъ.

з. Приказные, ежегодные столбцы входящихъ и исходящихъ по Архиву дѣлъ, съ 1727 г.

и. Вѣдомости публичныя, посланныя къ Министрамъ при иностранныхъ Дворахъ, о всякихъ церемоніяхъ, съ 1721-го по 1740-й годъ.

і. Газеты, вѣдомости и куранты, печатныя и писанныя (переводы), на разныхъ языкахъ, съ 1631-го по 1753 годъ.

к. Библіотека любопытныхъ книгъ печатныхъ; есть изданія и книги рѣдкія.

2. Дѣла подсудныхъ Посольскому Приказу мѣстъ, а именно:

а. Дѣла *Великороссійскаго* Приказа: отпуски бумагъ во всѣ *Великороссійскіе*, *Слободскіе* города; часть ихъ, въ 1700 году, была отослана въ Разрядъ.

б. Дѣла *Малороссійскаго* Приказа (съ 1559 г.), ш. с. приѣзды изъ *Малороссіи* духовныхъ и свѣшскихъ

особь и посланныхъ, отправка жуда, переписка до пограничнымъ, Турецкимъ и Польскимъ, дѣламъ. Здѣсь вѣдомы были: Кіевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Переяславъ, Новобогородицкъ на Самарѣ. Часты дѣла ошдана въ Сенатъ, въ 1756 году.

в. Дѣла Смоленскаго Приказа (съ 1600 г.), вѣдомство городовъ: Смоленска, Дорогобужа, Рославля, Бѣлаго. Часты дѣла ошдана въ Смоленскъ, въ 1710 году.

г. Дѣла Новгородскаго Приказа, вѣдомство городовъ: Новгорода, Пскова, Нижняго Новгорода, Старой Руемы, Киргоявлѣ, Коамъ, Пуснозерска, Мезени, Яренска, Олонецка, Арзамаса, Вологды, Кайгорода, Вяшки. Часты дѣла ошдана въ Ижертскую Канцелярію, въ 1706 г.

д. Дѣла Устюжскаго Приказа, вѣдомство городовъ: Тотьмы, Вязмы, Звенигорода, Клина, Горькаго Городища, Рузы, Чаранды (Tcharanda?), Уснь-Янскихъ волостей, Вѣжецкаго верха, Соливычегодска, Ржева-Володиминова, Устюга, Спарницы, Устюжны-Желѣзопольской, Венева.

е. Дѣла Володимирскаго Приказа, вѣдомство городовъ: Владиміра, Переяславля Рязанскаго, Орла, Зарайска, Михайлова, Рязска, Сапожка, Торжка, Луха, Крапивны, Калуги, Твери, Лихвина, Ржевы Пустой или Заволочья, Пушкива, Боровска.

ж. Дѣла Галицкаго Приказа, вѣдомство городовъ: Галича, Пареевшаева, Чухломы, Кашина, Сольгалицка, Юрьева-Польскаго, Увжи, Новосила, Бѣлоозера, Каширы, Росшова, Суздаля, Мценска,
 Ноябрь 1830.

Шун, Коложны, Бѣлева, Мещовска, Карачева, Кременеска, Черни.

Хотя во все сія города отпуски и въдомство Воеводъ были изъ Разряда, но кружечные дворы, шаможни, судныя и исконыя дѣла иностранцевъ вѣдалъ Посольскій Приказъ. Кромѣ того;

1. Управление Пермью, Чердынью и Сидкакомъ вполнѣ находилось въ Посольскомъ Приказѣ, и составляли особыя дѣла.

2. Дѣла монашарей Малороссійскихъ, Кіевско-Печерской Лавры, Синовова, Саввинскаго, Иверскаго Валдайскаго, Воскресенскаго.

3. Дѣла именитыхъ людей Строгановыхъ, судъ, расправа ихъ вѣщинъ и боляныхъ варницъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Одно изъ лучшихъ произведеній Вермеша. Небольшая картина, 1 футъ 9 дюймовъ въ ширину, 1 ф. 5 д. въ вышину, изображаетъ сдѣшвія Ватерлооской битвы. День печерѣеть; тучи и молніи направо, вдали горизонта; лучи заходящаго солнца освѣщаютъ влѣво крестъ, на далекой могилѣ. Создашь старой Наполеоновой гвардіи зарываетъ шрупъ товарища. Но онъ самъ раненъ, силы его истощены. Рука, нѣкогда вносившая Императорскаго орла въ ряды враговъ и на швердыни крѣпосней' ослабѣла, и не въ состояніи поднять заступа, которымъ надобно бросить еще нѣсколько глыбъ земли, что-бы кошей героя-товарища не размыкали дикіе звѣри! Грустно сидишь сварый воинъ, держа въ рукѣ тяжельй заступъ, и отдыхаетъ. Вокругъ лежатъ неподвижныя ядра, изломанныя пушки, орлы Наполеоновы. — Картина сія находится въ галлерей Герцога Орлеанскаго. Жазе выгравироваль съ нея прекрасный эшампъ, en mezzotinte; Веберъ литографироваль ее на камнѣ.

С М Ъ С Ъ .

Кромѣ Бразиліи, владѣній Англійскихъ, Россійскихъ, Датскихъ, Испанскихъ, Французскихъ и Нидерландскихъ, въ Америкѣ находится нынѣ *одинадцать* независимыхъ государствъ, а именно: Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты, Соединенные Мексиканскіе Штаты, Республика Колумбійская, Союзные области рѣки Платты, Соединенные Штаты Центральной Америки. Всѣ сіи государства суть федеральные союзы многихъ областей, управляемые каждый особлѣннымъ высшимъ Правительствомъ. Кромѣ того: Республика Перуанская, Республика Боливія, или Верхній Перу, Республика Хили, государство Парагвайское и Республика Гаяны. Въ такомъ состояніи являющагося нынѣ *Новый Свѣтъ*, когда за полвѣка тому, онъ былъ весь колоніею Европейцевъ. Вашингтонъ и Болливаръ рѣшили жребій Америки.

Любопышно разсужденіе Г-на Монже о звѣряхъ, какіе были приводимы въ Римъ на публичныя зрѣлища. Роскошь въ семъ отношеніи доходила до совершеннаго сумасшествія. Тысячи звѣрей, рѣдкихъ и дорогихъ, были убиваемы для пошѣхи зрителей въ Римскихъ циркахъ и амфитеатрахъ. За 273 года

до Р. X., въ первый разъ приведены были въ Римъ 4 слона; кошорыхъ описанъ у Вирра; за 252 г. до Р. X. привели въ Римъ 142 слона, отнятыя у Кароагенянь; за 169 лѣтъ до Р. X., Сципionъ Назика и Публий Леншуль вывели на игры 63 барса и 40 медвѣдей; Сидла заставилъ сражаться 100 львовъ, а Эмидій Сказръ 1 гиппопотама, 5 крокодиловъ и 150 барсовъ. Помпей дошелъ далѣе, пустивъ рысь, единорога, 600 львовъ, 410 барсовъ, и 20 слоновъ, съ коими сражались люди. Цезарь привезъ въ Римъ жирафа и 400 львовъ. При Августѣ роскошь сія увеличилась. Посвящая храмъ Марцеллу, убили на играхъ 600 барсовъ; змѣя, въ 50 локтей длины, была введена въ Форумъ; въ циркъ Фламинія, по особому каналу, ввели 36 крокодиловъ; единорогъ и гиппопотамъ убиты при шоржествѣ победы надъ Клеопатрою. При Калигулѣ былъ бѣгъ на верблюдахъ, запряженныхъ въ колесницы; при Неронѣ, слоновъ приучали ходить по навянушой веревкѣ. Типшъ, шоржествуя постройку банъ, погубилъ до 9,000 зѣрей; Траянъ, послѣ побѣды надъ Парянами — 11,000! Въ 248-мъ году по Р. X. убито было вдругъ 32 слона, 10 ланей, 10 шигровъ, 60 ручныхъ львовъ, 30 леопардовъ, 10 гіеннь, 1 гиппопотамъ, 1 носорогъ, 10 жирафовъ, 20 онагровъ, 40 дикихъ лошадей, 10 арголеоновъ, и проч. — Пробъ насадилъ въ циркъ цѣлый лѣсъ, куда впущено было 1000 спрофокамиловъ, 1000 оленей, 1000 кабановъ, 1000 ланей, 100 львовъ, 100 львиць, 100 Ливійскихъ леопардовъ, 100 Сирійскихъ, 300 медвѣдей, верблюдовъ, и проч. — Гонорій ѣздилъ въ колесницѣ, запря-

двойной пиджамы. Кровавыя сія позорища были за-
прещены Коцсмацшиномъ, и вскорѣ попомъ вышла
изъ моды.

Къ числу Государей, занимавшихся Литтерату-
рою, должно причислить Шведскаго Короля Густа-
ва III-го. Въ 1826 году изданы, неизвѣстныя допо-
ды, драматическія его сочиненія, подъ названіемъ:
Theater stycken of Gustaf III (Стокгольмъ, 2 ш.
in-8). Не смотря на подражаніе Французскимъ Клас-
сикамъ, въ нихъ, какъ пишуть, виднъ талантъ
прекрасный. Изъ современныхъ намъ Государей,
Король Баварскій сочиняетъ стихи, исполненные
ума и чувства. Литтература всегда имѣла спо-
движниковъ между Вѣнценосцами. Имена Фридриха
Великаго, Екашерны, Наполеона знамениты и
въ Литтературѣ.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНИИ

ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА.

(Продолженіе)

II. Сіе второе условіе состоитъ въ томъ, *чтобы можно было наткнуть ученіе дѣтей съ самаго ранняго ихъ возраста.* Наукъ шакъ много, и шакъ онѣ обширны, а время течетъ съ такою бмспрошою, что не нужно доказывать пользу невозможно ранняго учения. Но какъ можно начинать рано учить дѣтей наукамъ, изъ копорыхъ однѣ по сущности своей, другія по правлу учения, не соразмѣри съ дѣтскимъ возрастомъ? Физически невозможно. Это шакъ вѣрно, что многіе родители и воспитатели были-бы въ большомъ затрудненіи на счетъ того, чѣмъ занять время дѣтей или воспитанниковъ своихъ, если-бы употребляемая до сихъ поръ метода обученія чтенію и писанію, не была шакъ затруднительна и продолжительна? Кто не знаетъ, что охотно заспаваютъ дѣ-

собу Desanguiliers, и вы ее повороте. Тоже и съ науками: спарайтесь разложить не вещественную сію шажетъ по часамъ на дѣтскія способности, и вы удивитесь ихъ силѣ; но не обременяйте безъ мѣры ихъ повашія въ одномъ пунктѣ.

III. Третье условіе хорошей системы дѣтскаго ученія пребуешь; чтобъ преподаваемая наука не препятствовала физическому, и способствовала, какъ можно болѣе, умственному развитію дѣтей. Посмотримъ, согласно-ли нынѣ употребляемое ученіе съ симъ требованіемъ.

Что нужно для физическаго и умственнаго развитія дѣтей? Соблюденіе слѣдующихъ правилъ:

а) Упражнять тѣлесныя и умственныя способности. Способности безъ упражненія погибающъ: оставьте руку вашу на нѣсколько недѣль безъ всякаго движенія, произвольный параличъ руки окончится дѣйствительнымъ ея параличемъ; шже можно сказать о всѣхъ прочихъ тѣлесныхъ и умственныхъ способностяхъ. Напротивъ того, упражненіе увеличиваетъ ихъ силу, и можете довести ее до высокой, удивительной степени.

б) Упражнять тѣлесныя и умственныя способности соразмерно съ ихъ силами. Иначе бы способности изперялись такъ-же какъ и бытъ

чедоспашка упражненія. *Низего сѣмшкомъ* : вошѣ условіе и законъ всего полезнаго. Теплопа нужна для сохраненія жизни въ шѣлѣ, но сѣя шенлоша, доведенная до спешени огня, убійсшвенна для жизни. *Миломъ Кротонскій* шѣлѣ большую силу, носилѣ на плечахъ быка, и убивалѣ его кулакомъ сѣ разу; но закомѣвшѣ разодралѣ дерево, погилѣ. Извѣшно, что *сѣмшкомъ* ученые дѣшш живутѣ не долго: *Pico della Mirandola*, чудо памяши, пруда и ученосши, кошорый, на 23-мѣ году возраста, показалѣ, сѣ дѣшскою хваспливосшью, и обширносшью и неосновашельносшью своихъ знаній, вызовомѣ защищашѣ, пронивѣ всѣхъ ученыхъ, выданныя имѣ 900 предложеній, *de omni re scibili* (о всѣхъ предметахъ наукъ), умерѣ, 32-хѣ лѣшѣ, въ дряхлосши.

Несоразмѣтносшью упражненій сѣ силами можно раздѣлѣшѣ на два рода: 1) на чрезмѣрно продолжѣшельное упражненіе, и 2) на чрезмѣрно шѣжелое. И шо и другое излѣшесшѣво почти одинаково вредны.

с) *Совершенствовашѣ органы чувствѣ*. Ошѣ чувствѣ чрезвычѣшно много зависѣшѣ физическое и моральное благососшояніе челошѣка. Всякое чувствѣво ешѣшѣ источникъ безчисленныхъ наслажденій; сѣ пошѣремъ онаго шѣрлѣшѣся для челошѣка какъ-бѣ часшѣ вселенной. Между чувствѣва-

ми особенно важно зрѣніе: его впечатлѣнія, какъ Физіологія доказываетъ, суть самыя ясныя и кошюаннныя изъ всѣхъ другихъ чувственныхъ впечатлѣній; они почти всегда наполняютъ душу человѣческую, даже во снѣ.

Спрашивается теперь: обыкновенная система дѣтскаго ученія занимаетъ-ли способности дѣтей; занимаетъ-ли ихъ соразмѣрно съ ихъ силами; совершенствуетъ-ли органы чувствъ, зрѣніе особенно?

Она занимаетъ мало. Въ самой вещи, дѣти, какъ выше замѣчено было, или поздно начинающъ учиться, или начиная учиться рано, учатся чрезмѣрно продолжительно; но естъ, въ обоихъ случаяхъ перелетъ время. Сказанное теперь выраженіе: *учатся чрезмѣрно продолжительно*, ни сколько не противорѣчитъ утвержденію нашему, что дѣти занимающъ мало: потому что мы говоримъ не о сдѣланныхъ дѣтей за книгою или шепрадью, при чемъ они большею частію только помятся и ничего не дѣлаютъ, а о дѣятельномъ ихъ занятіи, во время кошюраго ихъ способности находящіяся въ дѣйствительномъ, а не мнимомъ упражненіи. Что происходитъ съ дѣтьми въ длинныхъ и трудныхъ ихъ урокахъ? Тѣлесныя ихъ способности находящіяся въ бездѣйствіи, умственные работаютъ мало.

Она заммжаетъ дѣтскія способности не соразмѣрно съ силами. Мы уже выше спарались показашь, что преподаваемыя дѣшныя науки, или по существу своему, или по правилу ученія, вообще выше дѣшскихъ понятій. Отсюда слѣдуешь, что дѣши принуждены напрягать слишкомъ свои способности, и мучишься, по крайней мѣрѣ, бесполезно. Опъ излишняго напряженія ума происходитъ обыкновенно физическая и моральная усталость; сія, слишкомъ часто повшоренная, усталость можешь превратиться въ постоянную вялость души и тѣла.

Она почти вовсе не совершенствуетъ чувствъ. Правда, Рисованье и Музыка раскрывающъ нѣсколько зрѣніе и слухъ; но сіе раскрытіе слишкомъ ограничено, особенно когда согласишься, что эстетическія понятія зрѣнія и слуха, которыми собственно занимается Рисованье и Музыка, гораздо болѣе относяща къ уму, нежели къ самимъ органамъ чувствъ.

Осшаешся разобрать послѣднее условіе хорошаго умственнаго воспитанія дѣшей.

IV. Сіе условіе заключаешся въ томъ, чтообъ преподаваемыя науки приготовляли, наивозможно скорѣе и легче, къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя требуетъ нынѣшній духъ времени. Безъ сомнѣнія сіе условіе естъ одно изъ самыхъ важныхъ, ибо что естъ воспитаніе, какъ не сообщеніе чело-

вѣку нѣхъ свѣдѣній; посредствомъ которыхъ онъ становится способнымъ къ исполненію житейскихъ дѣлъ? И такъ нужно знать, чего истребуютъ сіи дѣла. Если вы не приготовите себя къ нимъ, или, что все равно, приготовите себя совершенно къ другимъ дѣламъ, то вы будете бесполезны для общества; и общество васъ отвергнетъ: слѣдствіе необходимое.

Но какой духъ нынѣшняго времени? Моральный? геройскій? философскій? Нѣтъ: *ищущій физическаго благосостоянія*. Послѣ разныхъ опытовъ, человечество увидѣло, что прежде всего надобно обезпечить матеріальное свое существованіе, что за сѣмъ обезпеченіемъ приходится, такъ сказать, сами собою всѣ прочія улучшенія. Дѣйствительно, за физическимъ благосостояніемъ слѣдуетъ и самое нравственное. Древніе философы-законодатели внушали и принуждали, искашь счастья не во внѣшнихъ вещахъ, а внутри самого себя; они не достигли своей цѣли: опытъ показалъ, что ихъ законы не согласны съ природою человеческою. Безъ внѣшнихъ вещей, но есть, безъ того, что составляетъ довольство, человекъ не имѣетъ ни охоты, ни способности заниматься внутреннимъ своимъ состояніемъ; онъ спановится *грубъ* по всемъ отношеніямъ; не полько по телу, но по уму и сердцу. Древніе законодатели не достигли этого, и со всѣмъ

своимъ желаніемъ улучшить родъ человѣческій, сдѣлали гораздо болѣе ему вреда, нежели пользы, пошому что закрыли оцѣ него на долгое время пути къ совершенствованію. *Smith*, *Bentham*, и подобные, основанные на высшихъ предметахъ все благосостояніе человѣка, самую силу и достоинство его души, сдѣлались истинными благодѣтелями людей. Но шѣ превратно поняли-бы сіе ученіе, которме заключили-бы, что оно основано на грубомъ эпикуренизмѣ. Рѣчь идетъ не о томъ, что составляешь достоинство человѣка, но о томъ, какъ его можно достигнуть. Религія и нравственность составляютъ безъ сомнѣнія высшую цѣль совершенствованія человѣческаго; но сія цѣль не достигается химерическою Утопіею древнихъ философовъ.

Я съ намѣреніемъ коснулся до внутренняго достоинства нынѣшняго времени. Пріямно видѣть, что требованія его согласны съ улучшеніемъ человѣческаго состоянія. Это должно поощрять насъ къ исполненію сего требованія.

Для пріобрѣтенія физическаго благосостоянія, нашъ вѣкъ употребляетъ шри главными средствами: 1) усиленіе промышленности машинами; 2) сообщеніе съ разными краями свѣта и народами; 3) ушверженіе обязанностей и правъ каждаго члена общества. Я упоминаю только о

иныхъ средствахъ физическаго благосостоянія , когорня имѣють наиблжайшее отношеніе къ наукамъ; потому не говорю здѣсь ни о сообщеніяхъ (компаніяхъ) , ни о раздѣленіи работъ (division du travail) , ни о другихъ подобныхъ средствахъ , когорни въ наши времена гражданственнѣйшій человѣкъ получилъ возможность умножить чрезвычайно предметъ богатства , и когорня , относясь болѣе къ цивилизаціи вообще , нежели собственно къ наукамъ , выходятъ изъ круга шепереннаго нашего предмета разсужденія.

4-е. Усиленіе промышленности машинами.

« Промышленность , говорять одинъ славный публицистъ нашего времени , есть главная , можетъ быть , единственная мысль нашего вѣка. Миротлюбивая , независимая возстановительница достоинства человѣческаго въ томъ смыслѣ , что замѣняетъ скрытное ищуществованіе , унижающее равно и того , кто даетъ , и того , кто проситъ , трудомъ , когорній оставляетъ сіе достоинство неприкосновеннымъ , промышленность означаетъ новую эру.»
 Но безъ машинъ промышленность была-бы ничтожна , по крайней мѣрѣ слишкомъ малозначаща. Опъ того такое чрезмѣрное появленіе машинъ всякаго рода въ нынѣшнее время. Вездѣ ремесленники изгоняются изъ мастерскихъ своихъ работниками неодушевленными , слѣдств-

шими, простѣйшими, искусственными. Въ Англии, гдѣ промышленность достигла до высокой степени совершенства, сіи производители народного богатства, созданные не природою, а рукою человеческою, изъ дерева или металла, составляютъ какъ-бы особенный, ужасный для прочихъ націй, родъ народонаселенія, безъ котораго Англія превратилась-бы въ небольшой Европейскій островъ. Нужны-ли доказательства силы машинъ? Приведемъ одно. Вычислено, что посредствомъ машинъ, двѣсти рукъ вырабатываютъ, въ наши времена, столько хлопчатобумажныхъ тканей, сколько могли-бы ихъ выработать, полѣтка тому назадъ, безъ машинъ, двадцать милліоновъ рукъ. Такой выводъ убѣдительно всякаго краснорѣчія. Нужно-ли показать искусство машинъ? Вспомнимъ о паровой машинѣ, для которой (какъ замѣчено въ собраніи, бывшемъ въ Лондонѣ, по поводу сооруженія памятника Уаттсу, усовершенствованную сей удивительной машины) нѣтъ ничего ни слишкомъ большаго, ни слишкомъ малаго; которая, какъ слоновій хоботъ, можетъ вырвать съ корнемъ дубъ, и поднять съ земли булавку; съ одинакою легкостью сковать желѣзній якорь, и пропкнуть скважину въ иглокъ; скрушить самый толстый канатъ, и выпрясть наивысочайшую нитку. Конечно не всѣ машины представляютъ столь необъятную силу

и искусство : но вообще дѣйствіе машинъ почти чудесно. Онѣ спалие необходимошью , и весьма рѣзко характеризируютъ нашу эпоху .

2-е. *Сообщеніе съ разными краями свѣта и народами.* Природа не соединила въ одномъ мѣстѣ всѣхъ своихъ богатствъ ; напрошивъ много , разныя богатства разѣлаа по разнымъ мѣстамъ. Сія богатства искупаютъ первоначально изъ двухъ источниковъ : способностей человѣческихъ и способностей земныхъ ; и шѣ и другія способности разнообразны до безконечности : каждый челоѣкъ и каждый пунктъ земли отличаются своимъ особеннымъ родомъ способностей. Хошите имъ воспользоваться ? Для сего надобно имѣть съ ними сообщеніе. Отсюда необходимость для пріобрѣтенія богатства , въ безчисленныхъ и безмѣрныхъ , шакъ сказать , сношеніяхъ между народами и краями земли. Недостаточность сообщенія можетъ поселить варварство тамъ , гдѣ должно-бы , во всѣмъ другимъ обстоятельствамъ , царствовало просвѣщеніе. Какая область Греціи не оставила послѣ себя ни одного историческаго памятника , была почти безъ Искусствъ и цивилизаціи ? Не шали , кошорой законодатель запретилъ принимать иностранцевъ , или имѣть съ ними сообщеніе ? Читайше жизнь *Ликурга* и *Плутарха*. Обширность сообщеній есть одна изъ при-

чить, почему Англія спала впереди всѣхъ прочихъ просвѣщенныхъ народовъ: преимущественно, къ кошорому природа, по видимому, ея не назначала. Природа не дала ей ни шакой блистательности талантовъ, какую видимъ во Франціи, ни шакого глубокомыслія, кошорымъ ошлчается Германія. Но Англія скорѣе и дѣятельнѣе употребила средства, кошорыми приобрѣтаешся физическое благосостояніе, и въ шомъ числѣ средства сообщенія. (*) Теперъ духъ сообщеній и путешесвіій распространяешся болѣе и болѣе между народами. Правительсва и частные люди равно одушевлены симиъ духомъ, шоль благоприятсвующимъ развитію богатсва народнаго. Если какое государство призвано благоприятсвующею судьбою къ обширнымъ сообщеніямъ, шо это Россія: она начинается ошъ полюса и непосредственно оканчивается въ Шаромъ и Новомъ Свѣтѣ, занима

(*) Доказательствомъ спрасна Англичанъ къ путешесвіямъ, безъ кошорыхъ нѣсть пользы въ самыхъ лучшихъ средствахъ сообщенія, можетъ служить, между прочимъ, основаніе въ 1822 году, въ Ливерпулѣ, Общества путешественниковъ, Society of travellers, гдѣ всѣ члены должны состоять единственно изъ путешествовавшихъ съ цѣлію собственнаго ученія.

ночии шесную часть земнаго шара. Время покажетъ, гдѣ она окончится. Средства, которыми она владѣетъ, велики: но какъ она ими будетъ пользоваться, это будетъ зависеть отъ нея самой, а не отъ природы или счастья.

3. *Утвержденіе обязанностей и правъ каждаго члена общества.* Необходимость, польза и удовольствіе, пребудушъ отъ чловѣка (такъ какъ и отъ всякаго другаго существа, сообразно съ удѣльными его силами), что-бы онъ употреблялъ природу, сколько можетъ, для себя собственно. Пока чловѣкъ находится въ непросвѣщенномъ состояніи, онъ не много употребляетъ природы, потому что мало имѣетъ надъ нею силы: но съ успѣхами просвѣщенія, сія сила болѣе и болѣе возрастаетъ, ибо просвѣщеніе открываетъ средства управлять природою (*), и наконецъ природа начинаетъ служить ему почти всѣми своими произведеніями. Умѣвъ употребить всѣ произведенія природы въ свою пользу, или физическую, или умственную, или нравственную, есть идеальная цѣль просвѣщенія.

(*) Объ этомъ мы говоримъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. См. *Моск. Телегр.* Часть XXXIV. (1830, № 15.) стр. 289 и слѣд.

- Но человекъ родился не одинъ; онъ опшесю-
ду окруженъ себѣ подобными, кошорые имѣютъ
такія-же требованія на природу, какъ и онъ
самъ. Опшесюда по необходимости должно про-
исходишь сполкновеніе волей человѣческихъ,
ихъ взаимное спѣсненіе, ихъ бездѣйствіе, если
онъ не условяпся послушашъ всѣ единодушно.
И шакъ челоуѣку не только надобно учпшься
*управлять природоу, но и управляться съ по-
добными себѣ.* Средства управляясь съ подоб-
ными себѣ составляющъ посему особенную вѣщъ
просвѣщенія, кошорая извѣстна подъ именемъ
*гражданственности, цивилизаци, гражданствен-
наго просвѣщенія.* Идеальная цѣль гражданствен-
наго просвѣщенія естъ возможность пользо-
вашься плодами просвѣщенія вообще, безъ вся-
каго преняшствія со спороны ближнаго. Сред-
ство для доспженія сей цѣли естъ опредѣле-
ніе, и ушверженіе, правъ и обязанностей ка-
ждаго члена общеспва. Спм права и обязанно-
спп шѣмъ сложнѣе дѣлающъ, чѣмъ шпше начина-
етъ челоуѣкъ пользовашься природоу. Таковъ
выводъ а priori; факты а posteriori совершенно
доказывающъ справедливоспъ сего теоретиче-
скаго вывода. Распространеніе знаній о пра-
вахъ и обязанноспяхъ гражданственнаго чело-
уѣка сдѣлалосъ одноу изъ характерншическихкихъ
чершъ и необходимоспешъ нашего времени.

Кажетъся, что мы разобрали досшаточно,

для нашего времени, вопросъ о духѣ нынѣш-
 ваго времени. Сей духъ, какъ мы старались
 доказать, изъцѣты *финляндскаго благосостоянія*,
 употребляя для сего: 4.) *усиленіе промышлен-*
ности машинами, 2.) *сообщеніе съ разными кра-*
ями свѣта и народами; 3.) *утвержденіе обя-*
занностей и правъ каждаго члена общества.

Теперь не трудно опредѣлить, какихъ наукъ
 пребудешь особенно нынѣшній духъ времени, и
 увидѣшь, соотвѣтствуютъ-ли употребляемая
 система дѣтскаго ученія сему требованію.

1.) Для усиленія промышленности машинами
 нынѣшній вѣкъ пребудетъ, особенно наукъ *мате-*
матическихъ и физическихъ.

2.) Для сообщенія съ разными краями свѣта
 и народами, онъ пребудетъ особенно *знанія*
живыхъ языковъ.

3.) Для утвержденія обязанностей и правъ
 каждаго члена общества, онъ пребудетъ осо-
 бенно *свѣдѣній политическихъ, гражданскихъ.*

Остановимся нѣсколько на сихъ пунктахъ.

1.) Для усиленія промышленности машина-
 ми нужны, по нынѣшнему вѣку, сказали мы,
 науки физическія и математическія. Сидишь
 только взглянувъ на шеперешнее состояніе на-
 укъ, чтобы увѣришься, какъ дѣлательно спара-

юпоя, въ наше время, удовлетворили сей нуждѣ промышленности. Метафизика и подобныя науки, числомъ умозрительныя, приходятъ въ упадокъ. Французы первые описали: оныя науки. Теперь въ отечествѣ *Маллебранша*, *Декарта* и *Ласкаля* остается одинъ только *Кузель*, и поспѣ успѣхами своими много одолженъ *кратитическимъ примѣненіямъ* Философій къ Исторіи и Политикѣ. Въ Англіи, по признанію самихъ Англичанъ, Метафизика, послѣ слабаго своего дѣйствія, которое никогда не могло достигнуть зрѣлаго возраста, вдругъ остановилась и погибла съ Профессоромъ *Стюартомъ*, послѣднимъ ея воспитывавшемъ. Одна Германія, отечество мысли, по выраженію Г-жи *Сталь*, рѣшительно занимается Психологіею. Но любовь къ метафизическимъ умозрѣніямъ не составляетъ ли одной изъ причинъ, почему Германцы, не смотря на ихъ дарованія, обширность просвѣщенія и неутомимое трудолюбіе, столь слабое имѣютъ вліяніе на міръ политическій, сравнительно съ Англичанами и Французами? *Ансильонъ*, разбирая, въ одномъ изъ своихъ разсужденій, Кристическую философію *Канта*, Трансцендентальную *Фихте* и Натуральную *Шеллинга*, наконецъ увлекается нѣкоторымъ родомъ энтузіазма къ глубокомыслию Германцевъ, и въ самой похвалѣ ей заключаетъ выраженіе, остроумное и справедливое, которое весьма разочаровываетъ на

сцепъ метафизическихъ созерцаній. « Народъ, го-
 « воритъ онъ, опшупающійся, сколько возмо-
 « жно, опъ міра вѣшняго, и кошораго из-
 « бранные мыслители, дѣйствіемъ своей свобо-
 « ды, опускающія въ подземные своды души,
 « погружающія въ самихъ себя, болѣе заслужишь,
 « тѣмъ пріобрѣтешъ удивленіе; онъ предается
 « не сполько движенію дѣйшальной жизни, сколь-
 « ко движенію мысли; вселенная сдѣлается его
 « принадлежноспью, но міръ иногда будетъ для
 « него потерль, пошому что онъ самъ оспа-
 « нешся слишкомъ покоенъ и слишкомъ заняшъ
 « глубиною своего сущестшования. » Собспвен-
 но лишперашурные предметш выходятъ, не ме-
 нѣе философскихъ, изъ упошребленія. Вошъ по-
 чему люди съ опличными дарованіями, какъ
Шлегель, *Вильмень*, ищущъ въ Словесности не
 одного шолько синшаксиса, орашорскаго числа,
 мѣри, или шого, чшобъ одѣшъ свою память
 опрывками изъ пошовъ и прозаиковъ, на по-
 добіе разноцвѣшной спанчи *Діогеновой*, но опа-
 рающія соединишь ее съ познаніями людей, пра-
 вовъ, законовъ, и обьяснишь сіи науки взаимно
 одиъ другими. Вообще всѣ начинающъ призна-
 вавшъ, что пора оставишь школу словъ и вспу-
 нишь въ школу вещей. Положительный духъ
 времени не позволяешъ шакже занимашься мно-
 го обольщеніями спихошворспва. Разсудокъ го-
 воритъ нывѣшней молодоспи, будущей наде-

Ноябрь 1830.

11

ждѣ, какъ Янгъ-Фангъ (Yu-Kiao-Li, roman chinois), своему сыну: «Поэзія естъ высокое искусство, которое заслуживаетъ всякое уваженіе просвѣщенныхъ людей; но она не рѣдко бываетъ большимъ препятствіемъ для нашихъ успѣховъ въ свѣтѣ. Кто уже показалъ себя заслугами, и утвердилъ свою извѣстность на прочномъ основаніи, тотъ пускай забавляется: но люди въ молодыхъ годахъ, какъ ты, должны предаваться важнѣйшимъ занятіямъ. Примеровъ не мало, что молодые люди, съ отличнымъ талантомъ, въ самой вещи не къ чему не способны. Это болѣзнь, отъ которой тебѣ весьма надобно предохранить себя.» Подлинно, стихны городовъ не сооружаются уже нынѣ отъ звуковъ лиры, какъ стихны Фивскія, и основательная проза гораздо нужнѣе въ жизни, чѣмъ самые сладкозвучные стихи. Не надобно однако думать, чтобы въкъ нашъ былъ нечувствительенъ къ высокимъ или прекраснымъ вдохновеніямъ Поэзіи: слава Байронъ, Ламартина, не позволяютъ въ эпомъ сомнѣваться. Но истинныя дарованія даются природою чрезвычайно рѣдко, а полезнымъ членомъ общества обязанъ быть всякій; слѣдовательно, натурально, что времяпровожденіе съ Музами сдѣлалось, въ общественномъ мнѣніи, нецѣлительною забавою; можно опиваться на тысячу прошивъ одного, что эта забава убьетъ

попуспу драгоценное время, и оставишь въ невѣжествѣ человека, способнаго къ полезнымъ наукамъ или художествамъ.

Если теперь взглянушь на сословіе математическихъ, физическихъ, химическихъ, натуральныхъ, физиологическихъ, историческихъ, полиматическихъ наукъ, такихъ, то есть, наукъ, которыя преимущественно просвѣщаютъ, ибо открываютъ средства управлять природою, и управляешься съ себѣ подобными, то какое рвеніе къ нимъ видимъ во всѣхъ образованныхъ народахъ! *Лавласы, Эрстеды, Араго, Ге-Люссаки, Тенары, Деви, Берцелиусы, Кюве, Гумбольдты, Меккелы, Тидеманы, Геерены, Нибуры, Савиньи, Гизо, Мальтусы, Маккитови, Милли, Брѣумы, Бенгтаны*, и подобные люди, предсавляющіяся во множествѣ. Можно наполнишь многія страницы именами занимающихся съ успѣхами и славою сими науками, если захопишь исчислять ихъ подробно. Это ясно обнаруживается направленіе ума нынѣшняго времени. Какое участіе въ семъ направленіи нынѣшнѣ науки математическія, физическія, натуральныя, шребуемыя въ особенностіи механическомъ частію промышленности, не нужно сказывать. Одно замѣшимъ: сими науками занимались, болѣе или менѣе дѣшительно, давно уже; но нынѣшнее время отличаетъ особенно, относительно сихъ наукъ, общимъ стремленіемъ уче-

ныхъ дѣлашь пракшическія приложенія теорій въ пользу промышленности.

Спрашивается теперь: приготоовляющъ-ли дѣшей къ сѣмъ наукамъ, копорыя сдѣлались шакъ нужны въ наше время? Перечшемъ еще разъ все, чему учашъ дѣшей въ первоначальномъ воспитаніи: эшо Басни, чпеніе, писаніе, Граммашика, Ариѣмешика, Геометрія, Кашихизисъ, иноснранные языки, Священная, Всеобщая, Русская Испорія, Машемашическая, Полишическая Географія, Рипорика, Піишника, Миѣологія, Рисованье, Танцованье и Музыка. Въ эшомъ реэспрѣ мы видимъ шолько Ариѣмешику, Геометрію и Рисованье, копорыя приготоовляющъ къ машемашическимъ и физическимъ наукамъ. Кшо не согласишся, что эшо приготоовленіе къ одному изъ самыхъ сильныхъ шребованій нашего времени шлишкомъ слабо, особенно когда подумашъ, что первоначальное воспитаніе можешъ продолжашъся до 14-ши лѣшняго возраста, и далѣе? Какъ! Сынъ вашъ вспупаетъ въ юношескіе годы; разумъ его начинаешъ дѣйспвовавъ съ нѣкопорою уже силою; природа раскрываешся передъ нимъ во всей своей обширности: а онъ что находишъ въ своей памяти, касательно сей природы? Ничего, кромѣ нѣкопорыхъ средствъ для самыхъ просиѣйшихъ ариѣмешическихъ выкладокъ и геометрическихъ рѣшеній. Какъ вы ограничиваешъ съ эшой спо-

роны его разумъ, какъ особенно спѣсился передъ нимъ природу, копорую ни сколько ему не показывали, въ кошорой онъ все видишь, и ничего не примѣчаетъ, на подобіе живописныхъ! Скоро общество вызовель его къ себѣ; это, какъ смерть, неизбѣжно, если только сія смерть не предускорить сего вызова. Общество пошребуеть отъ него участія въ своихъ работахъ. А онъ какія пріобрѣлъ для этого силы? Вы оставили его до сихъ поръ въ младенческой слабости, относительно одного важнаго разряда знаній; и между тѣмъ вы прилагали все стараніе для его наученія; не щадили для сего ни трудовъ, ни денегъ. Со всѣми вашими попеченіями, со всѣми пожертвованіями, совѣсть говоришь-ли вамъ, что вы исполнили родительскій долгъ вашъ совершенно? Едва-ли она можеть это сказать. Этого мало, чтобъ рѣшились на разныя пожертвованія въ пользу дѣтей: вамъ надобно опдать вѣрный опчетъ въ шомъ, что вы называеше пользою дѣтей, и не ошибаетесь-ли вы въ этомъ случаѣ. Не забудьте, что вы съеше сѣмена будущаго благососпоянія и бѣдствія дѣтей своихъ на всю жизнь. Это пребуеть всего вашего вниманія. Правда, съ первоначальнымъ ученіемъ не все умственное воспитаніе оканчиваешся; напрощивъ оно ешь только первый къ нему приступъ. Но если дѣтскія лѣта пройдутъ, легко-

ли замѣнишь ихъ? Молодой человекъ въ состояніи-ли будетъ понести на себѣ всю тяжесть умственныхъ работъ, и дѣтскаго и юношескаго возраста? Память, которая въ наибольшей силѣ вообще раскрывается между 8-мъ и 16-мъ годами, не измѣнишь-ли его усилить? Спириты, которыя начинаютъ въ его сердцѣ дѣйствовать, оставяшь-ли ему довольно времени, чтобъ вознаградишь потерю дѣтскихъ годовъ? Данное направленіе въ раннемъ возрастѣ легко-ли послѣ переизмѣнишь? Наконецъ обстоятельство будешь-ли постоянно благопріятствовать его ученію? Сколько представляется опасностей на пути умственнаго его усовершенствованія!

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ДОГАДКИ

о вѣ Исторіи Русскихъ Сказокъ.

(Извлечен. изъ письма къ Издателю Телеграфа).

Весьма много благодарный за все ваше снисхожденіе и ко мнѣ и къ моимъ *Пѣщеходцамъ* (*), сознаюсь и самъ, что они имѣютъ много недоспашковъ, для кошорыхъ, чтобы привести ихъ въ порядокъ, должно-бы и еще попилигримсшвовашъ! Но время лешинъ; моего говоруца *См—р—ва* уже вѣшъ на свѣшъ. . . Безъ него я не знаю, успѣю-ли опашъ когда нибудь прочешъ новую корректуру нашихъ Юмор-Историческихъ пушешествій, кошорыхъ, и кромѣ Ростовскаго, лежашъ еще у насъ въ кошомкахъ. Можешъ бытъ, упомяну о нашихъ пушешествіяхъ до *Царства* Олгова, Рязани, до поля *Куликова*, о кошоромъ съ нѣкошораго времени, послѣ сильныхъ поговорокъ, уже и говоришъ устами. . . Здѣсь спавлю и проч. и проч.

Что-жъ принадлежишъ до вашего совѣша мнѣ, приняшъ на себя обязанность изданія Русскихъ народныхъ сказокъ, я, не взирая на всѣ угрозы

(*) Изданная мною книжка: *Журналъ Пѣщеходцевъ*,

книгопродавцевъ, что эшихъ сказокъ никто *имать не будетъ*, охотно-бы принялся и за нихъ; но что сдѣлаешь съ моимъ человѣческимъ? Оно робѣешь, нуждается, слабѣешь, и Богъ знаетъ что. А между шѣмъ, говоришь по правдѣ, Русскія сказки дѣло не шуточное: сама Исторія наша, не поговоря объ нихъ, едва-ли являешь въ полномъ блескѣ своего богатства! Впрочемъ, собственно Русскихъ, или, объяснясь иначе, Славено-Русскихъ сказокъ у насъ не много, да и шѣ, которыя ешь, менѣ всѣхъ памяны нашимъ престолюдинамъ. Однѣ только: Илья Муромецъ, Поповичъ, и Добрыня, о которыхъ упоминаешь и Карамзинъ (*), еще вертятся кой у кого на языкъ; всѣ-же другія рассодическія спихотворенія о древнихъ богатыряхъ и другихъ нашихъ герояхъ, собранныя Ключаревымъ, и попомъ Констаншиномъ Калайдо-

(*) Ист. Г. Р. том. I, стр. 232. Муромецъ, какъ извѣстно, признанъ святымъ: его мощи въ Кіевѣ. О Добрынѣ, еще и понынѣ, нѣкоторые престолюдины распѣвають слѣдующую рассодію:

«Ахъ далече, далече въ чистомъ полѣ, а еще-то того подалѣе во раздольицѣ, что не бѣлая березанька къ землѣ клонилась, не шелковая въ полѣ праванька распилается: предъ матерью своей мапушкой, свѣтъ Афимьею Александровной, молодешенекъ, зеленешенекъ свѣтъ Добрынюшка, свѣтъ Никитьевичъ, поклоняется, и проч.»

вичесъ (неоспоримо принадлежанія времени Владиміра, или вѣкамъ Удѣловъ), совершенно почти забыты. Но и сіи сказки, по мнѣнію нѣкошорыхъ, не суть еще самая глубокая древность. Прежде ихъ, по другому мнѣнію, у насъ должны были являться наши Царевичи съ Ягами, и вообще рассказы о Подсолнечныхъ королевствахъ, гдѣ и послѣ тысячелѣтій, еще есть что-то такое, что все пахнетъ берегами Ганга, или Гангеса! По инымъ отношеніямъ: эша-же самая древность могла быть подновлена Монголами и Ташарами, уже во времена гораздо того позднѣйшія, а впоследствии и совсѣмъ передѣлалась на Русскіе нравы, что есть: точно такъ-же, какъ и прочія не собственно Славено-Русскія сказки, о кошорыхъ упоминаемъ въ своемъ мѣстѣ.

Чисто къ Монголо-Индійскимъ сказкамъ принадлежатъ: всѣ наши Иваны Царевичи съ Подсолнечными королевствами и Ягами, изъ коихъ Сказка о *Золотой горѣ* (*), гдѣ героями Царевичи Идавъ, или Идіапъ, Мигуль, или Мугуль,

(*) Первое изданіе сей Сказки появилось въ Спбургѣ около 1772 года. Последнее печатано тамъ-же 1793 года, подъ названіемъ: Сказки Историческія: 1) О Золотой горѣ, или чудныя приключенія *Идана*, Восточнаго Царевича; 2) Награда любви; 3) О двухъ славныхъ богатыряхъ, и проч.

и проч, менѣе всѣхъ другихъ получила измѣненій, а по именамъ своихъ дѣйствующихъ ближе всего къ Индіи. Издашеть сей послѣдней называшеть ее Воспочною историческою Сказкою. Арабскій Царевичъ Шехеръ, появившійся въ Москвѣ печашнымъ около 1780 годовъ, также повѣсь въ Воспочная. Наконецъ, въ подражаніе Воспочнымъ-же сказкамъ, появились и всѣ наши *Иванушки-Дурачки* (просподушные), нравственныя пѣснь, какъ и всѣ почши упомянутыя сказки, что въ нихъ и просподушіе и добросердечіе почши вездѣ торжествуютъ надъ зломъ и порокомъ. Въ Сказкѣ объ *Иванушкахъ*, Яга въспавляешся, хоши и прилично, но кажется, она здѣсь не сполько близка къ дѣлу, сколько въ Царевичахъ. Другая рѣчь: можешъ бышь и сами *Иванушки* съ ихъ подлинными, древними именами, также современны Царевичамъ, и также прибрели къ намъ съ Воспока. Баба-яга муза сказокъ, какъ спрашилище, иногда и доброе и благородное, необходимое и для сочиншелей и для любшелей сказокъ, уже въ позднѣйшее время нашими сказочниками введена безъ разбора во все свое родное.

Сказка о *Ярус-ланѣ* Лазаревичѣ (*) и другія

(*) Въ бывшей библиотекѣ моего родственника Графа Федора Андреевича Толстаго, сказаніе о Царствѣ

ей подобныя, не дошли-ли къ намъ опъ новѣйшихъ Славянскихъ народовъ? Въ *Ярусланъ* намекается о Сарацинахъ, о Далмашахъ, и проч. Князь Лазарь, отецъ Яруслана, по своему имени сохраняетъ какой-шо Европейскій очеркъ: въ немъ нѣтъ ничего Сербскаго, или Булгарскаго. За шо въ окончаніи *лакъ*, извѣстнымъ Ходаковскій, однажды, искалъ Исландскихъ выдумокъ: « Нашъ Ерусланъ *Русланецъ* (шакъ пи-« саль онъ хо мнѣ), безжалосшно перепорчен-« ный Азіящани ! »

Позднѣйшій современникъ Еруслана, храбрый и смѣлый вишизь Королевичъ *Бова* — повѣсть Ишалино Французская. Тушъ дѣйствуюшъ попеременно Ишалино-Германцы и Французы. Тушъ безъ шруда находишь имена Анконы (Анпона города), Гвидо (Гвидона) Вовье, (Бовы), Дьедоно (Дидона), Маркъ Брюно (Малкобруна),

Царя *Картауса* и о дядѣ его *Лазард Лазаревичд*, и о сынѣ его *Ерусланд Лазаревичд* и о его походе, состояло въ рукописи новѣйшаго письма подъ № 62, Другую подобную-жъ рукопись я видѣлъ у Коллежскаго Совѣтника Е. Іа, Филиповскаго, писанную въ XVI вѣкъ устнавомъ. Въ ней Царь *Картоусд* названъ: *Кайхосромд* Александровичъ, Кайхосромъ имя Грузинское, переименованное Булгарами въ *Кайхосрусд*, М.

Амико (Дружевну) и проч. (*). На своей родинѣ сія сказка должна была принадлежать къ числу рапсодій. Къ намъ перенесена она Славено-Ишпалянами , едва-ли ранѣе время Іоанна III, и послѣ переложена на Русскіе нравы (**).

Еще въ позднѣйшее время въ Венеціи , или въ Генуѣ , проявился романъ: *Франциль-Вениціанъ и Королева Рынцесена* (Франць Венеціанскій и Принцесса (Рынцеса Вейнъ). Въ семъ послѣднемъ имени очевидно , что Принцесса названа полуимянемъ (Рынцеса), и что если пущъ-же не замѣшано Славянское слово *Вено* , то она могла бытъ *Вѣнскою* Принцессою. Къ намъ *Франциль Венеціанъ* , какъ догадываемся , занесенъ первоначально Генуезцами. Сему герою совре-

(*) Извѣстный нашъ стихопворецъ Н. А. Львовъ , переложивъ нѣкошорые отрывки изъ Бовы Королевица стихами , въ замѣчаніяхъ своихъ на сію повѣсть также былъ согласенъ со мною. Смолр. Журн. *Дружб Просвѣщенія*, 1804 года.

(**) Въ упомянутой-же библіотекѣ Графа Ф. А. Толстаго имѣются двѣ рукописи , одна конца XVII столѣтія , подъ № 215-мъ , подъ заглавіемъ : *Сказаніе про храбраго витязя про Бову Королевита* ; вторая , за № 415 , позднѣйшая , принадлежишь началу XVIII вѣка и называется : *Сказаніе о храбромъ и о прекрасномъ витязѣ Бовѣ Королевитѣ и о прекрасной Королевицѣ Дружевнѣ*. Первая рукопись важнѣе шѣмъ , что ближе къ дѣлу , то есть къ родинѣ М.

менникъ и едва-ли не соотечественникъ: Пётръ *Златые ключи*, а къ сему послѣднему присоединяюща Французскій Королевичъ *Шатеръ* (Шарль) съ прекрасною Королевною *Лукерьею* (Лукреціей) Испанскою, попомъ богатырь Александръ и его братья Лодвигъ (Людовикъ) (*) и проч. Это все иностранцы, пришедшіе на Русь едва-ли ранѣ времени Романовыхъ. Вслѣдъ за симъ повѣстями Французы намъ передали: *Исторію нѣкоей жены и прикащика*, передѣланную у насъ въ *Бабьи увертки*, а впослѣдствіи породившую описанія нашихъ модныхъ женъ.

Опшаденіе Люшера опъ Каполицизма, и появленіе другихъ противниковъ Папы, породило сапиру: *Погребеніе kota*, переименованную у насъ, уже послѣ Самозванцевъ. Всѣ мыши, извѣстныя намъ по карпинкѣ, не кшо другіе, какъ духовныя особы и депушамы разныхъ владѣній, по мнѣнію сапирника, сколько-же шерпѣвшіе Папу, какъ и мыши kota, но провожающіе его для того только, что правленіе Папское допускаетъ сихъ мышей почить и грызть все то, что только имъ вздумается, и проч.

(*) Исторія сихъ богатырей печатана въ Спбургѣ 1763, а попомъ 1793 годовъ. Многіе относятъ выдумки подобныхъ этой повѣстей къ Среднимъ рыцарскимъ временамъ, гдѣ за долгъ поставляли вмѣшивашь во все Христіанское факты языческіе.

Мѣсто рожденія *Суда Шемякина* находятъ въ Польшѣ и относятъ его къ срединѣ XVI вѣка, но естъ къ царствованію Грознаго, полагая, что въ тоже время таже сашира явилась и на бѣднаго нашего Шемяку, составленная изъ разныхъ лицъ судейскихъ. Книжка о Судѣ Шемяки, находящаяся въ бывшей библиотекѣ Графа *Ф. А. Толстаго*, выписана изъ Польскихъ книгъ и прѣзлежишь концу XVII вѣка, но естъ времени Романовыхъ.

Замѣишь надобно, что всѣ первыя изданія нашихъ древнихъ Сказовъ и Повѣстей сушь ближайшія къ самой ихъ первой формѣ; послѣднія украшены измѣненіями. Въ настоящее время, ближайшій къ первому ихъ характеръ ослабеша еще въ Сказкахъ шакъ называемой лубочной печати.

Вопъ, милосливый государь, какъ я понялъ наши Сказки; можешъ бышь слишкомъ ошибочно; но вапе вниманіе къ моимъ занятіямъ уже вознаградишь меня доспащочно.

М. Макаровъ.

ЦЫГАНКА.

(Окончаніе.)

8.

ЕЩЕ НЕУДАЧА.

Товарищи мои однажды убѣдили меня съѣздить въ Яское Благородное Собраніе. «Пусть,» сказалъ я, «показывающъ на неуча пальцами, вспомянувъ мое первое неудачное покушеніе видѣшь свѣшь; пусть скажущъ, что имъ угодно: мнѣ съ ними не дѣшей крестить! Спѣшно бышь въ городъ при мѣсяца, и не выдашь свѣта!» — и поѣхалъ. Собраніе было прекрасно и великолѣпно, совершенно на *Европейскій* вкусъ и образецъ; даже полковая музыка смѣнила въ немъ прежнихъ скомороховъ цыганъ; но спранныю пропивоположность предспавляли между собою мужчины и женщины. Послѣднія были разодѣты по новѣйшимъ Вѣнскимъ и Парижскимъ Журналамъ, такъ, что могли-бы явиться шощась ко Двору, между шѣмъ, какъ мужья и братья ихъ ходили въ *мештахъ, папушахъ, красныхъ шароварахъ, въ плосашихъ длинныхъ кафшанахъ, съ кушаками, сверхъ конхъ надѣ-*

вающся шипыя золопомъ курпочки, а сверхъ сихъ еще широкій плащъ *всншь*. Присоединише къ сему наряду бороду, чалму, или шапку, съ пивоваренный кошель — и вы, забываясь безпреспанно, воображаете себя на какомъ нибудь балѣ, данномъ Турецкому Посланнику, съ его свисою. Молодцы ходящъ плясашъ мазурку, а попому нѣкошорые уже носящъ черные сапоги; но вообще женщины охошнѣ панцующъ съ нашими офицерами, не смотря на шо, что многіе изъ земляковъ ихъ панцующъ хорошо; шолько въ юпкахъ панцовашъ имъ довольно не ловко (*). Мундиръ и здѣсь въ большомъ уваженіи. Такъ одна любезная дѣвица, на вопросъ: съ кѣмъ она панцовала изъ нашихъ? ошвѣчала: *je ne sais pas; sans épaulettes*. Въ шакомъ пренебреженіи и здѣсь Коммисаріатскіе и Иншпенданшскіе чиновники у дамъ — а все за мундиръ, эполешы, аксельбаншы! О суеша, о вѣкъ!

Въ эпомъ Благородномъ Собраніи находящся одни шолько Бояре первой степени; другіе два разряда ни за что въ свѣшѣ не могутъ быти

(*) Теперь бросающъ, или хопящъ бросаешъ Турецкое плаше, и носишъ древнее Молдаванское, Буковинское, или Польское: родъ синяго куяшуша, съ кушакомъ и бархашною шапкою.

сюда допущены. Смѣшное, нелѣпое, глупое яванство каждаго высшаго класса Молдаванъ передъ низшими, превосходитъ всякое понятіе. Здѣсь, ни образованность, ни даже боярство, дворянство, не даютъ права на общество дворянское; при класса дворянъ имѣютъ каждый свой кругъ, свое общество. Женщины соблюдаютъ въ строгости такой-же этикетъ. Я бывалъ въ частныхъ собраніяхъ высшаго класса, гдѣ низшіе приглашались и являлись, почто какъ у насъ чернь подъ окна и въ сѣни, поглазѣшь и удивишься! Разодѣтыя дамы сполли, съ мужьями своими, будучи приглашены, за спульями и софами; иногда, слегка, вмѣшивались въ разговоръ, но не смѣли садиться, а еще менѣе участвовашъ въ танцахъ. Чпо городъ по норору! Кажется, что чѣмъ пустѣе народъ, чѣмъ богѣе онъ утратилъ самобытность свою и дѣсь, тѣмъ болѣе льнетъ онъ къ наружности, обращаетъ все вниманіе свое на санъ, чинъ, на платье, усы, и горцуешь словами. Подавленный духъ нищетъ оправды въ сохраненіи... хопя наружнаго вида и вишности. Въ Молдавіи, каждый имѣетъ чинъ и званіе, которое одиается при немъ навсегда, послѣ кратковременнаго занятія мѣста, или должности. Спольшниковъ, Висніаріевъ, Скопарей всцрѣчаете на каждомъ шагу. Логоешъ-Маре есть важнѣйшее послѣ Владѣшельнаго Кнзя лицо, Канцлеръ. Ине бо-

Ноябрь 1830.

12

яре сами ѣдятъ, или посылають сыновей, для образованія, въ Нѣмецкія училища и Академіи; домашнее-же образованіе ихъ состоить единственно въ изученіи Французскаго, Греческаго и Турецкаго языковъ: болѣе не думаютъ ни о чемъ; языкъ природный крайне бѣденъ, не обработанъ; корнемъ его починается Лапинскій, или Ипальянскій, и пошому Славянская грамма очень не ксташи приняша Молдаванами, и во все не сообществуетъ произношенію, правописанію и самому духу языка ихъ. Волошскій и Молдаванскій языки суть нарѣчія одного языка, и говорящій на одномъ изъ нихъ хорошо понимаетъ и другой.

Вошедши въ Благородное Собраніе, поворошилъ и пошчасъ на право, въ освѣщенныя двери. Я и не замѣнилъ, что недоумѣвающій часовой сдѣлалъ движеніе, какъ будто-бы хотѣлъ опкинуть прикладъ отъ ноги, чтобы преградить мнѣ входъ. Иду по слуху, на музыку, вхожу, и — замѣшше, что это было второе мое покушеніе всшунить въ кругъ большаго общества, видѣшь Молдаванскій свѣшъ — вхожу, и возвращаюсь вспашъ. Для чего? Друзья мои! на эшопъ разъ довольно знаешь вамъ, что комнаша, куда вошелъ я, была *уббрная для дамъ*! Я ошибся, и вошелъ не съ тѣ двери...

9.

ДВА ВИРТУОЗА.

И плакъ, возвращаясь въспянь. Рожовое: *аѣ!* въспрѣшившее меня изъ уборной, еще ошзввалось въ ухахъ моихъ, и въ сѣнахъ спросилъ я въспрѣшившагося мнѣ пріишеля: «Ошгадай: въ копиромъ ухѣ звенишь?» — Въ лѣвомъ. — «Нѣшь, въ обомъхъ,» сказалъ я, и спѣшилъ на крыльцо. Я пожалѣлъ о томъ, что не увижу прекрасныхъ *Бержерокъ* и *Жардиньерокъ*: *c'est lui, c'est lui*, сказали-бы онѣ, увидѣвъ меня. Пожалѣвъ о 15-ти левахъ, заплаченныхъ за входъ — «Видно не суждено мнѣ здѣсь ни очаровывать, ни бытъ очарованнымъ,» сказалъ я, и поѣхалъ домой....

Вошедъ въ комнату свою, зажегъ я свѣчу, походилъ, подосадовалъ, самъ не зная на кого, и взялся, опъ скуки, за лежавшіе на окнѣ *варганы*, на которыхъ уже давно не игралъ.

Не знаю: слыхалъ-ли кто изъ чшашелей моихъ игру на двухъ варганахъ, настроенныхъ взаимно кваршою, или квиншою? Звуки шихіе, но согласные и довольно пріишние.

Я намгривалъ въ раздумьи Тирольку, сядъ у маленькаго ешюлика, и облокошьясь обонни докшами на онѣй. Вдругъ шихо растворшца дверь и выгладываешъ смуглое, румяное лмачко

и два глаза — *свѣтлѣ днѣ, темнѣ нощи*. Это — *Касатка* моя. Она съ удивленіемъ смогла на меня и музыкальный инструментъ мой, недоувѣряя, кажется, что звуки сіи точно имъ проводятся. Цыганы всѣ природные музыканты, охотники до музыки, и оплечаются музыкальнымъ слухомъ опъ земляковъ своихъ, Молдаванъ, вовсе не имѣющихъ музыкальнаго уха. «Войди,» сказала я, «не бойся!» и продолжалъ играть. Если-бы я вспалъ, обрадованный приходомъ ея, то, вѣроятно, она тотчасъ убѣжала-бы; но непринужденное спокойствіе мое рождало въ ней доувѣрчивость, а дѣвское любопытство привлекало ко мнѣ полудикую. Она вошла, села у двери, потомъ подходила ближе, ближе, и наконецъ, захохотавъ опъ души, ухватила меня руками за оба локтя, и воскликнула: «*Кумъ се потъ*, (какъ это возможно)!» Подобнаго прощодунія я никогда не видалъ. Она просила меня продолжать, между пѣмъ сама держала крѣпко руки мои, какъ будто опасалась свободы ихъ, такъ что я не могъ поднести ко рту инструмента. Я поцѣловалъ ее, сдѣлавъ это напередъ условіемъ, плавою моего трубадурства, и продолжалъ играть. Я былъ пеперь увѣренъ въ чистотѣ дунни и дѣвственной непорочности Касатки. Не таково обращеніе искорченной нравственности. Глядя на Касатку, невольно сравнивалъ я ее съ прелестными энгу-

рами, кошорыхъ только что освѣщавъ въ Благородномъ Собраніи, и — «въ твоей душѣ болѣе благородства?» думалъ я. «Гдѣ искашь причины, побуждающей тебя поступать такъ, а не иначе? Кню могъ внушить тебѣ чувство, которое столь сильно и вѣрно объемлетъ ны въ дѣвственнѣйшей груди своей, ны, которая до 16-ти лѣтъ жила съ звѣрьми, съ дикими, не знающими ни нужды, ни потребности, ни чувствъ, кромѣ внушенныхъ дикою матерью ихъ, природою, а теперь видишь вокругъ себя только развращъ и распушенство?»

Нѣсколько дней спустя, возвращаясь я вечеромъ, не рано, домой. Все было на улицахъ тихо и шемво. Низкія и оплещенныя бумажныя и пузырчатныя (*) окна, занимающія иногда всю почти переднюю стѣну низкаго, деревяннаго дома, изливали шускый свѣтъ подъ ноги. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до квартиры моей, услышалъ я странныя звуки человѣческаго голоса, сопровождаемыя бряцаньемъ спиртнаго инструмента. Я подошелъ къ широкому, низкому окну лавочки, или шинка, и увидѣлъ Арна-

(*) Кню не имѣешь спеколь, пользуешься здѣсь, вмѣсто оныхъ, прозрачною, крѣпкою плесою сальника, нарочно для сего выдѣлываемаго.

уша (*), сидящаго на широкой скамьѣ, по-Турецки; ноги подъ себя. Онъ игралъ перышкомъ, ошрившию, на коронкой, пузастой бандурѣ, и, кривляясь и качая головою въ обѣ спорны, напѣвалъ народную, Молдаванскую или Турецкую, пѣсню. Для насъ шумъ нѣшъ ничего хорошаго; но здѣшній народъ восхищается этимъ дикимъ и чуждымъ образованному слуху сочетаніемъ звуковъ. Подлѣ двери сполла Касапка моя, съ другою дѣвкою, и слушала. Трубадуръ примѣшнo спарался угождать посѣпшительницамъ своимъ, и, часпо поглядывая на нихъ, пѣлъ съ дикою выразишельносцію, переливаясь удавкой и нкою вверхъ и внизъ. Цыганка моя съ живымъ участіемъ глядѣла на него, положивъ руку на плечо подруги. Я хошѣлъ видѣпшъ, чѣмъ эпо кончится? Будетъ-ли она признапельна къ шрубадуру эпому, восхищающему ее, шакъ-же какъ за нѣсколько дней я восхищаль ее своимъ варганомъ? Сдѣлавъ послѣдній, вѣжний переливъ искусно дрожащимъ голосомъ, и дернувъ перышкомъ своимъ по спранному, дикому разладу,

(*) Въ Молдавіи и Валлахіи Арнаушами называютъ оруженосцевъ, почетную спражу Вельможъ. Они одѣваются по-Турецки, щеголяютъ оружіемъ, и бываютъ, большею частію, Сербы; говорятъ-же между собою по-Турецки. Полицейская спража состоипшъ изъ нихъ же.

трубадуръ вскочилъ , и съ радостнымъ восклицаніемъ бросился обнять Касашку. Вошъ рѣшительный мигъ! . . . Я вышнудъ шею , и вижу въ объятіяхъ его Смарагду , другую Цыганку. Касашка ловко уклонилась за подругу свою , подсунула ее , дверь хлопнула , и — въ ухахъ моихъ раздался спукъ *палушь* , шуфлей Касашкиныхъ , копорая бѣжала до широкому двору до мой.

10 — 11.

К а с с а н д р а .

. Среди эшого Содомы и Гоморы предстала воображенію моему Касашка. Сравненія и заключенія , въ неспрѣхъ карпинахъ , исчезали и появлялись , когда я слышалъ вдругъ походуку ея въ сѣняхъ. Я отворилъ дверь. Она улыбалась мнѣ , какъ весеннее утро , отступая назадъ по длинѣ корридора. Я споялъ , сложивъ руки и прислонясь къ столбу , о который прикащикъ разбилъ себѣ лобъ , и глядѣлъ на нее съ какимъ-то внутреннимъ спокойствіемъ. «Поди ко мнѣ ,» сказалъ я , «не уходи!» — Нельзи — отвѣчала она: — я жду барыни : она уѣхала со двора.

« Чшо за бѣда ! Изъ оконъ моихъ весь дворъ , вороша и крыльцо у тебѣ въ глазахъ ! » и — съ сими словами , окинувъ руку вокругъ нея , почши

насилно повлекъ я ее за собою. «Я покажу тебѣ Турецкое, богатое женское платье; ты надѣнешь, примѣришь его.» Она вошла въ мою комнату, одѣвалась, наряжалась, глядѣлась въ зеркало, радовалась какъ дитя, и смѣялась отъ души. Право, она была привлекательнѣе и милѣе многихъ *первоклассныхъ благородныхъ* красавицъ, пекущихся съ неусыпнымъ шрудомъ о сохраненіи и поддержаніи увядающихъ прелестей своихъ. «Какъ тебя зовутъ?» спросилъ я наконецъ, вспомнивъ, что по сю пору не знаю насмоящаго имени ея. «Кассандра,» сказала она, и смопрѣла мнѣ прямо въ глаза. — Кассандра? — повторилъ я. — «Аша, да (а что: не хорошо)?» — Напрѣшивъ, очень хорошо. Знаешь-ли, что вѣсегда, до тебя, была уже Кассандра? — «Знаю: бабуку мою зовутъ шакъ-же.» — Нѣтъ, душа моя, еще гораздо прежде бабуки швоей. Если не вѣришь, то спроси у молодого барина вашего, который на дняхъ пріѣхалъ изъ Нѣмецкихъ училищъ; онъ тебѣ разскажетъ. — «У него? ни за что на свѣдѣ. Я отъ него бѣгаю и боюсь его; но онъ все говоритъ, что возьметъ меня съ собою, что купитъ меня у барина.» — А развѣ барина продаетъ себя? — «А почему-жъ нѣтъ? У нея насъ много.» Этотъ описаніе напомнилъ мнѣ подобный, сказанный самою госпожею, шолько менѣе кшати. Я препоручилъ однажды прикащику предложитъ барину

нѣ , чшобѣ она двухъ слѣпыхъ Цыганокъ , о кошорыхъ я узналъ черезъ Кассандру , велѣла привезши изъ деревни , дабы я могъ , если возможно , возвратишь мнѣ зрѣнiе , помощiю операцiи . Послѣ доклада , приходишь прикащикъ опять ко мнѣ . « Я сказалъ барыниъ . » — Ну , что-же она говоритъ ? — « Барыня смѣялась . » — Смѣялась ? о чемъ ? — « Она сказала : у меня много Цыганъ ; пушь эшошь будешь слѣпой (*) ! » — Ну , пушь будешь — ошвѣчалъ я , повернулся и ушелъ . Судя по эшому ошвѣшу , конечно не мудроно повѣришь , что спарая Кукона , за сходными деньгами , ошдасть Кассандру любому повѣстѣ , особенно племяннику своему .

« А гдѣ шебѣ лучше , Кассандра : здѣсь , или на родинѣ швоей ? »

— Здѣсь веселѣе — сказала она , и прибавила : здѣсь я одѣша , шамъ у меня не было плашья . — « Совсѣмъ не было ? » спросилъ я , не довѣряя . — Да , когда меня повезли въ городъ , шо накиннули съ кучера халашъ , а когда привезли , шо барыня приказала посадишь меня въ подвалъ : тамъ я сидѣла два дня , покуда меня одѣли .

(*) Ошвѣстѣ сей , достойный въ полной мѣрѣ Молдавскаго Бояра , или Молдаванской Куконы , ошкъ слова до слова , какъ здѣсь написано , былъ мнѣ переданъ прикащикомъ , именемъ барыни его .

«Но, Кассандра,» сказалъ я, задумавшись нѣсколько, и взглянувъ въ нее, «ты уже не ребенокъ: это доказываютъ большіе черные глаза твои, которыми дѣтя не умѣло-бы глядѣшь шакъ, какъ глядишь шеперь ты» — и я поднялъ рукою ея голову. «Смотри на меня прямо, и скажи мнѣ правду: былъ-ли кто нибудь шибѣ милѣ всѣхъ, на дикой родинѣ твоей, въ деревушкѣ вашей, или въ сосѣдствѣ?»

— Такъ вы уже знаете объ немъ? — сказала она скоро. — Онъ шеперь не въ деревнѣ: Турки угнали его съ собою, когда онъ былъ въ Каларашнѣ, и онъ шеперь копаетъ крѣпость въ Силистріи; шакъ рассказывалъ шоварищъ его, Тодорашко, который успѣлъ уйдти изъ Каларашн.

«Кассандра опспала не много опъ политическихъ и военныхъ дѣйствій,» подумалъ я, «и, какъ видно, не знаетъ, что Силистрія давно въ нашихъ рукахъ.» Я сказалъ ей это. — Ну шакъ онъ вѣрно скоро придетъ опашь — возразила она — если Турки его не убили.

«А если убили?» спросилъ я въ полголоса.

— Тогда я буду плакать, — «Будешь?» — Буду — опвѣчала она, глядѣла быстро, улыбалась по прежнему, но глаза ея подернулись слезами.

«Возьми себѣ эпошъ червонецъ, Кассандра; я скоро ѣду опсюда; возьми, будь всегда ша-

кова, какова ши пеперь, и помли меня.» Она радостно ухватила за червонецъ, и лицо ея, быспрымъ переходомъ, выражало совсѣмъ не шо, чшо за нигъ передъ симъ. Она повершля монету въ рукахъ — эшо былъ *первый* червонецъ, попавшійся ей въ руки — попомъ вдругъ положила его оспорожно на споль, и сказала: «*Нуъ треба* (не надобно мнѣ)! Спряшашъ мнѣ его нѣкуда; а чшо скажущъ, если увидяшъ у меня червонецъ?» Я молчалъ и опушилъ глаза. «Дайше мнѣ,» сказала она, положивъ съ довѣрчивостію руку на плечо мое, «дайше мнѣ эшопъ поясокъ Турецкій!» Голосъ, взоры ея, улыбка, все эшо выражало чувство привязанности, благодарности, удовольствіе. — Возьми, возьми поясъ, Кассандра! Бери, чшо хочешъ, чшо тебѣ нравится. — Она взяла поясокъ, обвила вокругъ себя, засмѣлась и — положила на споль. «Не хочу я эшого: чшо скажущъ о червонцѣ, шо-же скажущъ и объ эшомъ.»

Въ эшу минушу послышался спукъ въ сѣняхъ. Мы оглянулись; кареша спояла у крыльца, и барыня уже выходила. Кассандра, всплеснувъ руками, бросилась къ двери, но попомъ одумалась, сдѣлала мнѣ знакъ рукою, и, прислушиваясь, ошановилась. И я подошелъ, споялъ подлѣ нея, едва переводя духъ, прислушиваясь и ожидая минушы, въ копорую все ушихнешъ

и опускаешь, чтобы выпустишь бѣдную плѣнницу мою, кошорую шакъ безразсудно вовлекъ я въ непріятное для нея положеніе. Все ушло ; быстро повернула она ручку замка, и убѣжала.

С о п е р н и к ъ ,

..... Неугомонный сынъ Эскулапа сидѣлъ у меня вечеромъ, и я писалъ ему просьбу объ увольненіи его... какъ вдругъ въ стѣнахъ послышался стукъ, будто что нибудь упало,брякнуло разбиное окно, раздались шопотъ нѣсколькихъ паръ скоробѣгущихъ ногъ... ближе... Съ силою бросился кто-то въ дверь мою, и — вбѣжала Кассандра. Поспавивъ ногу передъ дверь и ухватившись рукою за ключъ — « Я запру, » сказала она, запыхавшись, и повернула ключъ. Я и поварищъ мой были поражены и изумлены; Кассандра подошла ко мнѣ, и какъ будто во все не примѣчала посторонняго; ломая руки, начала лепетать и умолять меня. Товарищъ мой, природный Буковинець, заговорилъ съ нею по Молдавански, и оказалось слѣдующее: Кассандра была уже продана племяннику хозяйки моей, который на дняхъ ѣдетъ и беретъ ее съ собою. Онъ велѣлъ ей явиться къ нему: она не пошла; вѣрно было привести ее: она вырва-

ласть, убѣжала и бросилась ко мнѣ, единственному спасенію своему! Люди, бѣжавшіе за нею, постояли, я пошепавъ и пополавъ тихо у дверей, ушли. Никто не осмѣлился войдши ко мнѣ. Товарищъ мой былъ восхищенъ и очарованъ. Онъ выражалъ свой восторгъ громкимъ смѣхомъ, веселескивая руками и восклицая. Рассказъ Кассандры былъ шакъ просвъ, шакъ выразительнъ, шѣлодвиженія, съ какими она, положивъ руки на грудь, убѣжала, умоляла защищисъ ее, были шакъ краснорѣчивы, что я не могъ опомнишся.

13.

Еще соперникъ.

. . . . Лучи солнца, озаряющіе мою комнату, возвѣспили мнѣ позднее утро. Я былъ одинъ, и все происходившее вчера вечеромъ казалось мнѣ сномъ дивнымъ. Едва успѣлъ я одѣшся, какъ слышу на улицѣ странный крикъ, воззванія, голоса, и, изумленный, бѣгу за воровта. Здѣсь неожиданное зрѣлище представилось мнѣ. По улицамъ водили и сѣкли, по здѣшнему обычаю, двухъ преснунниковъ. Голые по поясъ, висмоленные дегтемъ, шли они, громогласно взывали къ народу, каялись и увѣщавали. Громко выказывали они, что зарѣзали двухъ Русскихъ

маркишантовъ на большой дорогѣ. Чиновники шли передъ ними; арнауны, образуя сразу, ихъ окружали; народъ неугомонною шеплою волновался вслѣдъ, напблняя собою шѣсную улицу. Я стоялъ неподвижно, куча шѣснилась мимо, и вдругъ я услышалъ знакомое: «Здравствуй, бояръ!» Оглядываюсь, и вижу моего Радукана, шочь въ шочь какъ видѣлъ я его при мѣсяца прежде. «Ты здѣсь?» сказалъ я съ удивленіемъ. «Здравствуй, брашець! зачѣмъ ты не пришелъ ко мнѣ за деньгами?»

— Въ шракширѣ я васъ, когда случилось мнѣ бышь въ городѣ, не нашель, а по боярскимъ домамъ искашь не смѣлъ; вы знаете, что бояре, опасаясь чумы, никого чужаго во дворъ не пускаюшь, и запираюшь вороша рѣшетками; нашего браша еще и побьюшь.

«Пойдемъ со мною.» Я оборотился и встрѣшился въ ворошахъ съ моимъ Докшоромъ, Буковинцемъ, свидѣтелемъ вчерашняго приключенія. Онъ шелъ ко мнѣ съ замѣшнымъ любопытствомъ, желая знашь, что хочу я сдѣлать въ защишу Кассандры?

«Вотъ землякъ швой!» сказалъ я Кассандрѣ, бѣжавшей съ лѣшницы вшораго жилья, когда я входилъ въ сѣни.

— *Радуканъ, бояръ!* закричала она, ударивъ въ ладоши. Это былъ ея любезный, кошораго

она, по заключеніи мира, считала все еще за крѣпостной работѣ у Турковъ, въ Силистріи. Радуканъ поклонился ей улыбаясь и, подходя ближе, сказалъ, взглянувъ весело на меня и указывая на нее: «*Кассандра, боляръ!*» И шакъ: Радуканъ и Кассандра!

Они начали говорить, рассказывали другъ другу шакъ много и шакъ проворно, что и самъ Буковинецъ мой не все понималъ; но шѣмъ болѣе смѣялся онъ, прислушиваясь по временамъ къ разговору соперника моего, кошораго Кассандра уже при раза поцѣловала, хоши онъ каждаго поцѣлуя осмывалось черное пятно на губахъ и щекахъ ея. «*Радуканъ!*» сказалъ я наконецъ, глядя на несообразность чины; («*кто изъ васъ лучше?*») — Оба лучше — сказалъ онъ махнувъ рукой. *Лучше* и *хорошо* были у него конечно синонимами. Спранная противоположность! Она — въ синцевомъ краеномъ плашѣ, желшыхъ мешшакъ и синей скурпайкѣ; длинныя, черныя, мягкіе волосы, раздвоенныя впереди, послушно падали на плеча, между шѣмъ какъ широкая въ ладонь и длинная, черная коса опускалась вдоль спины; лицо и руки смуглыя, но чѣшше и вѣшше. Онъ-же — въ лохмотьяхъ, курчавыя волосы, онъ роду не знавшіе гребня, похожіе на черную, космашую овчину; лицо, руки, грудь, покршыше пылью, пепломъ, грязью, углемъ.

«Кассандра!» готовъ я былъ спросить, «я онъ можешь тебѣ нравишься?» Но я не сказалъ этого, и вмѣсто того, взявъ съ собою моего Буковинца, пошелъ къ племяннику хозяйки нашей. Молдаваны прусы, и въ особеннѣе насъ Рускихъ боялся: это я зналъ. Племянникъ показалъ уже храбрость свою, не осмѣлясь безпокоить крѣпостной, купленной имъ Цыганки, послѣ того, какъ увидѣлъ, что она находится подъ моимъ покровительствомъ; а и того менѣе смѣлъ-бы онъ претовашъ ее, когда она нашла у меня убѣжище и защиту. И такъ, безъ обиняковъ, объявилъ я ему, чѣмъ онъ, или тетка его, продали мнѣ Кассандру. «Въ противномъ случаѣ,» сказалъ я, «Кассандру увезу я съ собою въ Россію; поставлю въ домъ вашъ полковаго барабаннаго старосту, со всею школою, и кромѣ того буду еще имѣть дѣло съ вами.» Товарищъ мой располковалъ ему все это подробно, пояснилъ и укрѣпилъ примѣрами и доводами. Общественно, что вчерашній день Кассандра нашла у меня убѣжище, не мало способствовало къ охлажденію спрасни Молдаванина. Онъ ласково повелъ меня къ теткѣ.

«Сто шестьдесятъ левовъ,» сказала она, «заплатише мнѣ за Кассандру, и она ваша.» — Это будетъ пять *гервонцевъ* — ошѣвалъ я, вынижая кошелекъ. Прикащикъ замѣнилъ, что червонецъ шеперь ходитъ не 32, а только 31½ ле-

вовъ. «И шакъ еще $2\frac{1}{2}$ лева,» ошвѣчалъ я, «на наши деньги *рубль мѣди*» и положилъ *пять герсонцевъ и четвертакъ* на сполъ. — Такъ-ли? — «Добре, добре!» получилъ я въ ошвѣщъ, и за сямъ подписалъ купчую, или крѣпоспъ, на опшорванномъ лоскушкѣ, восьмушкѣ лиспа, на какихъ Молдаваны всегда пишущъ дѣла свои и бумаги, кудрявимъ письмомъ (въ кошоромъ едва можно узнашь Славянскія буквы), съ приложеніемъ небольшихъ, накопченныхъ печашей. Я поклонился и ушелъ, а вслѣдъ за мною пожелали мнѣ счастливаго пуши и добраго веселья съ новою моею спущницею.

14.

Кассандра и Радуканъ.

Прошли недѣли, мѣсяцы, прошелъ цѣлый годъ. Я давно уже оставилъ Яссы, забылъ о всѣхъ сплешняхъ, разсказахъ и пересудахъ споллицы Княжества Молдавскаго. Кассандра, и все что сбилось съ нею и со мною, мнѣ видѣлось какъ во снѣ, и по изрѣдка. Генераль Ѳ., въ свшщѣ коего я находился, опяшь ѣхалъ изъ Яссъ въ Бухареспъ. Дорогою переѣзжали и видѣли мы знаменитый Римникъ, въ коемъ сынъ упонулъ на шомъ-же мѣспѣ, гдѣ, нѣсколько десяшкоровъ лѣпшъ прежде, ошечъ пріобрѣлъ безсмертіе; ви-

Ноябрь 1831.

13

дѣми и нѣскольکو другихъ мѣспечекъ и городовъ, на шу-же спашь, но менѣ славныхъ и извѣстныхъ. Между прочимъ, проѣзжали мы и Бирладъ. Темный, тихій, прекрасный вечеръ разливалъ осеннюю прохладу; Генерала уже ожидали и надѣлали много шуму до пріѣзда его. Множество экипажей, мало извѣстныхъ въ глуши сей, шумъ ямщиковъ, лай собакъ, шопопъ коней, крикъ передовыхъ, конвойныхъ, вожаемыхъ, вздоковъ, почешныхъ — подняли на ноги все мѣспечко. Мы скакали во весь духъ за Генеральскою коляскою; по обѣимъ сторонамъ сопскіе, въ багровыхъ плащахъ Турецкихъ, скакали съ факелами на жердяхъ; Исправники, въ золотыхъ епанчахъ, скакали за ними... Мирные, любопытные зрители и обыватели выспавляли головы свои изъ оконъ, дверей, ворошъ и переулковъ — толпа народа спюяла по обѣ стороны пѣсной, мощеной досками улицы, и среди сей толпы увидѣлъ я, при свѣтѣ факеловъ, бородашаго молодаго Цыгана, съ кожаннымъ мѣхомъ за спиною. Подлѣ него спюяла Цыганка, не просшололая, но въ плашкѣ, копорый длиннымъ хвостомъ падалъ на спину. Она держала черномазыхъ, курчавыхъ, голыхъ двойничковъ на рукахъ. Эшо были — *Радуканъ* и *Кассандра*! Онъ и она узнали меня, кланялись, меня увидѣвъ, и Кассандра нѣскольکو шаговъ бѣжала за коляскою... Но быстро промчались

мы по улицамъ Бирлада; смоляные факелы скоро угасли; почепные вожаши возвратились въ цинупъ (*) свой; темная ночь облегла всю окрестность, и однозвучный стукъ колесъ и шопоть лошадей прерываемъ былъ изрѣдка только одинокимъ, дикимъ голосомъ ямщика: «*Оу - ѡ - га - гоѡ!*...»

В. Даль.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА:

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ.

(Часть II, глава I-я).

Здѣсь Руссю пагнетъ.

Пушкинъ.

Въ Нейгаузенской долинѣ, гдѣ пшнами своими упирающіяся горы Ливонскія и Псковскія, проведена, кажется, самою природою граница между сими странами. *Новый-городокъ* (Нейгаузенъ) есть уже спражъ древней Россіи: такъ думали и Князья Русскіе, ушверждаясь на семъ мѣспѣ. Ошважные наѡздники въ полѣ, они были

(*, Округъ.

не рѣдко полипики дальповидные, сами не зная того.

Замокъ Нейгаузенскій построень на крушомъ берегу рѣчки Лелія, передомъ къ Лиоляндіи. Четыре башни по угламъ, соединяющая ихъ ограда, все это грубо выведенное изъ дикаго, не опесаннаго камня, довольно глубокой оврагъ съ прехъ споронъ, съ чепвершой обдѣланной берегъ: вопъ вся искусивенная сила этой швердмни. За то какъ далеко, какъ зорко оглядываетъ она передъ собою, вправо и влѣво, всю Нѣмецкую спорону! Все, что идетъ и ѣдетъ отъ Маріенбурга, Риги и Дерпша, всѣ движенія за нѣсколько десяшковъ верштъ, не укроются отъ спорожкаго ея вниманія. Только сзади господствуептъ надъ нею оплогое возвышеніе, безпрестанно поднимающееся на двѣ слишкомъ верспы до гребня горы Кувшиновой; по тамъ — спорона Русская! Рѣчка Лелія течешъ передъ лицомъ замка, изгибалъ въ недалеиетъ разспояніи, съ лѣвой спороны назадъ, съ правой впередъ. На углу праваго изгиба насыпь (вѣрояшно, и на лѣвомъ была подобная-же, но она заспроена шенеръ корчмою); нѣсколько такихъ искусивенныхъ высотъ, служившихъ Рускимъ военными укрѣпленіями, идушъ лѣсплицею по пропаяженію Печерской дороги. Нѣкшоры изъ нихъ уцѣляли донинѣ, шныя обросли рощицами, другія изрышны дождями, а, мо-

жешъ бышь , и жадноспію челоуѣческою. Спруи рѣчки мѣлки , но шумящъ , спрощившия , преграждены будучи множеспвомъ камней , временемъ брошенныхъ въ нее съ высощъ башенъ.

Видъ изъ зѣмка обнимаешъ Ливоляндію на нѣсколько десятковъ верщъ : передъ глазами вашими разосшланъ по шремъ уздамъ край одежды ея. Прямо за рѣчкою , въ срединѣ разлившейся широко долини , вспалъ продолговашій холмъ съ рощею , какъ оспровокъ ; нѣсколько правѣ , за семь верщъ показывается вполонину изъ-за горы кирка Нейгаузенская , опдаленная ошъ Русскаго края и ужасоъ войны , посѣщавшихъ нѣкогда зѣмокъ ; далѣ видны сизыя , неровныя возвышенія къ Оденпе , мызы и кирки. Лѣвѣ спруишия изъ ирачной дали прямо на Нейгаузенъ дорога Рижская ; еще лѣвѣ чернѣешъ цѣпъ горъ Гангофскихъ , между конии поднимаетъ обнаженное чело свое Царъ сихъ мѣспъ , какъ владыка народа передъ величеспвомъ Бога , Муннамегги (яйцо-гора) , наблюдающій , въ прошеніи слишкомъ на спо верщъ , рубежъ Россіи ошъ Маріенбурга черезъ Печеры до Чудскаго озера и накрешъ *свою* обласщъ ошъ Нейгаузена , черезъ возвышенія Оденпе и Сагница , до вершины Гуммельсгофской. Между горами сими видна и знакомая намъ Оппекаленская кирка. Все какъ на блюдѣ ! Русская однакожъ спорона закрыта ошсюда скапомъ Кувшиновой горы , какъ

полою шапра великолѣпнаго. Чѣмъ далѣе поднимаешься по сему скапу, тѣмъ картина расширяется и углубляется. Глазъ безъ помощи орудія отказывается обнять все, что она предлагаетъ ему. На вершинѣ Кувшиновой сильнѣе бьется сердце Рускаго; съ нее видишь сіяніе креста и темныя башни Печерскаго монастыря, мѣсто истока Славянскихъ ключей, родины Ольги, Изборскъ, и синяя площадь озера Псковскаго. Здѣсь уже настоящая Русь! Только *лоустрцы*, обычаями, вѣроу, языкомъ смѣсь Лифлядцевъ съ Русскими, означающіе переходъ изъ одного края въ другой.

Во время, кошорое описываемъ, замокъ представлялъ, какъ и нынѣ, однѣ развалины. Взорванъ-ли онъ и покинутъ безъ боя Шведами, безнадежными удержавъ его съ малымъ *стрежемель*, кошорый онъ могъ полько въ себѣ вмѣщать, отъ нападений Рускихъ, господствовавшихъ надъ ними своими полевыми укрѣпленіями, давнимъ правомъ собственности и чувствомъ силы на родной землѣ; разрушенъ-ли сей замокъ въ осадѣ Рускими — Исторія нигдѣ объ этомъ не упоминаетъ. Извѣстно полько, что послѣдніе въ 1702 году уже власпители Нейгаузена. Здѣсь и у стѣнъ Печерскаго монастыря было сборное мѣсто Рускихъ войскъ, главное стѣновище, или, говори языкомъ на-

шего вѣка, главная *костюра* Восначальника Шеремешева; оисюда, укрѣпленные силами, дѣлали они свои бѣглыя нападенія на Ливондію; сюда, не смѣя еще въ ней ушвердиться, возвращались съ побѣдами и честью, хоша еще безъ славы, съ добычею безъ завоеваній, съ чувствомъ уже собищенной силы, но не искушва; здѣсь полководцы, обезопасенные упрямою безпечносцію Карла, имѣли время обдумывать свои ошибки, гошовишь новыя предначерпанія и учились шакимъ образомъ наукъ войны надъ непобѣдимыми шого времени.

Снанъ Рускихъ оброну возвышенный берегъ Леліи и всю оплогосшь горы Кувшиновой до вершины ея. Изгибами своими казала сія оплогосшь, будно зыблешся подъ многочисленнымъ воинствомъ. Онъ весь видѣнъ былъ съ Ливонской спороны: бѣлыя ряды палатокъ и между ними опличныя, начальническія; черныя пипи регулярной конницы, пестрыя шабуны восночныхъ всадниковъ, пирамиды оружія, значки, пикеты, все какъ будно искусно распавлено было на шашечной доскѣ, не много къ зришелю наклоненной. Пушки выдвинули жерла свои изъ развалинъ замка и *раскатовъ*, воздвигнушихъ по споронамъ ея и успушами въ разныхъ мѣснахъ горы; бѣгущія изъ-за нихъ спруйки дыма показывали, что онѣ всегда готовы изрыгнушь

огонь и смерть на сѣмьлхъ припелъцевъ изъ Ливоніи. Лучъ утренняяго солнца, опзолочивая развалины замка, скользи по орудіямъ и шеплась въ креслахъ походныхъ церквей, разсвѣчивалъ сію каршину.

Замокъ и передовыя укрѣпленія по берегу Леліи спорожили, кромѣ полевой артиллеріи, драгунскіе полки Кропшова и Полуекшова и пѣхошній Лимы. Вездѣ видны были сіи полководцы виѣсшѣ, и въ спанѣ, и прошивъ огня непріятельскаго. Продолговатый холмъ въ срединѣ горы близъ Печерской дороги, гдѣ спояла богатая Турецкая спавка съ блестящимъ полумѣсяцемъ на верхушкѣ ея, охраняла почешная спража: Преображенскій и Семеновскій полки и сошні дворянъ Московскихъ. Семеновцами командовалъ любимый начальникъ ихъ Подполковникъ Князь Михайла Михайловичъ Голицынъ, Преображенцами Маіоръ Карповъ, одинъ болѣе другаго вспрѣчавшіеся на перепушьяхъ сей войнѣ, гдѣ шолько говорилось о чести Русскаго оружія. Въ рядахъ Московской сошни находилъ сынъ Военачальника *волунтеръ* Михайла Борисовичъ, уже съ именемъ храбраго офицера и неизмѣннаго шоварища. Спарый, созданный родшелемъ Петра I, Бушырскій полкъ, прославившійся на приспунахъ Азова, шѣвшій счастье избѣгнушь неудачи при Нарвѣ, но въ первой шшибкѣ со Шведами при Эрраспѣрѣ извѣ-

давшій сладость побѣды, стоялъ неподалеку отборной спражи, гошовмй замѣнишь оную. До 12 драгунскихъ полковъ разныхъ именъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, основанія прехъ эскадроновъ Московскихъ гусаръ, копейщиковъ и рейшаръ, нѣскольکو нѣхошнихъ полковъ, спройно расположены были по оплогосши горы. Передъ лицемъ спана, за рѣчкою Леліей, оширавлялъ должность передоваго спража знаменишій Ташарскій наѣздникъ Мурзенко : онъ занялъ съ пишисошнею своею продолговатый зеленый холмъ, одиноко возвышавшійся въ долини. — Печерскій монастырь, вновь укрѣпленный, охранялъ *Ер-таульскій* Воевода Иванъ Тихоновичъ Назимовъ.

Въ спанѣ, въ безчисленныхъ мѣстахъ, закурился дымокъ, пріятный для обонянія солдатъ; уже вездѣ около копловъ засуетились кашевары. Также Калмыки и Банкирцы гошовили свой обѣдъ : вдоль и поперегъ долины скакали Воспочные вишязи, запаривая подъ сѣдломъ нѣжное мясо жеребашъ. Зашрубман къ водоюу, и ряды конницы, какъ нагорные ключи, потекли изъ спана. Съ другой спороны свистомъ и гарланьемъ ошвѣчали на звукъ шрубъ, и послушные сему зову шабуны поспѣшали къ рѣчкѣ. Оба берега ея оштупили тысячи коней. Звонкое ржаніе, глухой попошь, суетливый говоръ, крикъ, все слылось въ какой-то шревожний гулъ, пол-

ный шоржеспва жизни. Но — скоро все пришло опять въ прежнее положеніе.

Посмотримъ ближе, что дѣлалось во внутренности лагеря. Подойдемъ къ штабѣ Фельд-маршала. Возлѣ нея ходилъ на часахъ — Преображенскій солдатъ, спапный, бравый, кровь съ молокомъ. Походка его была мѣрная, движенія изученныя. Одежда на немъ, будто онъ смирился въ маскардѣ: не къ лицу ему преугольная шляпа и распущенные волосы; Нѣмецкій широкій кафтанъ не по немъ сшитъ; исподнее платье спягивало его ноги. Но измѣнявшія ему по временамъ, хотя немедленно сдерживаемыя, ухватки, огонь, разыгрывающійся въ глазахъ его, казалось, говорили: «Оспригите мнѣ волосы въ кружокъ, сбросьте этого жаворонка съ головы, скиньте съ меня эпюшь халашъ; подпояшьте меня крѣпко кушакомъ, который я съиздѣшеснва привыкъ носить и которымъ спашъ мой красовался; дайте волю моимъ ногамъ — и вы увидите, что я, не только Шведа, медвѣди сломаю, догоню на бѣгу краснаго звѣря: вы увидите, что я Русскій!» По правую сторону спавки, у входа ея, спояла колыска съ липаврами; пущъ-же бродило нѣсколько шрубачей. Инструменты ихъ были разложены на козлахъ. Въ нѣкоторомъ разспаніи опъ палашки прапезничали за длиннымъ сподомъ, на крышымъ скашерпью браною, Священники, офи-

цери и поселки обоого пола, человекъ до 50. Здѣсь гостепріимство Русскаго барина угощало безъ разбора званія, всякаго, кто не имѣлъ *своего* стола, или насущнаго хлѣба. Если самаго Фельдмаршала не было съ ними, такъ это значило, что важное дѣло опозвало его отъ *хозяйнмества*, которое не хваставшись, но добродѣтель наследственная положила себѣ обшомъ. Мало, что всякій бѣдный могъ вкушать отъ его прапезы; онъ былъ еще одѣлемъ деньгами. Такъ жили дѣды нашихъ баръ! Кругомъ брашкаго стола прислуживалъ рой *холоповъ*: дворецкихъ, мундшенковъ, егерей, сокольниковъ, ловчихъ, гайдуковъ, скороходовъ и камердинеровъ, составлявшихъ цеспрю дворню вельможи шого времени, дома и въ походѣ. Нѣсколько борзыхъ собакъ, вѣроятно любимиць, шныряли подъ столомъ и около него, выжидая себѣ подачу. По лѣвую сторону спавки шолпились въ уважшльномъ опдаленіи адъюпанши, ординарци и курьеры. Далѣе въ углубленіи сцены, нами разсматриваемой, стояла палатка, у которой раскрышия при входѣ полы позволяли видѣть, что въ ней происходило.

Въ ней производился судъ. На переднемъ концѣ длиннаго стола сидѣлъ *Президентъ*. По шѣшу, имъ занимаемому, глубокомыслию, осшнвшему его приятную наружность, видно было, что въ немъ пожилаго возраста не ждала му-

дросшь, кошорой вопреки своенравной природѣ хопяпъ назначить поспоянный срокъ. Въ глазахъ его съ провинцашельноспію ума спорило однакожъ безпокойство сильныхъ спрасшей; рѣдко сходила съ губъ его усмѣшка осужденія. Одежда его показывала нѣкоторую небрежность; по камзолу, разсегнутому почши до нижней пуговицы, висѣли длинныя концы шейнаго плаща; обшлагъ у лѣваго рукава былъ ошворочень. Эшо былъ Рейнгольдъ Пашкуль. На сей разъ, по болѣзни Генераль-Аудитора, исполнялъ онъ его должностъ. Каковымъ видѣли его пеперь, шаковымъ бывалъ онъ въ спавкѣ Фельдмаршала и во Дворцѣ. Онъ не спарался скрыть себя; ни одежды, ни движеній, ни чувспвованій не подчинилъ формамъ; онъ весь былъ наружъ. Свободныя движенія его въ общеспвѣ высшихъ, хопя и не измѣнили правиламъ свѣтскаго образованія и знанію придворной жизни, должны были однакожъ пугать взоры и чувспвованія людей, воснипаныхъ въ спрожайшей почшипшельноспи къ спаршимъ, если не въ спрахъ къ нимъ.

Передъ главнымъ судьею лежали накресить бѣлый посохъ и обнаженная шпага, знаки члшпони суда и возмездія пороку. Во всю длину спшала, по обѣимъ споронамъ его, сидѣли члени суда, *Ассессоры*, изъ высшихъ офицеровъ разныхъ полковъ — у нижняго конца спшала Священникъ въ епшспрахиля, съ креспомъ въ одной рукѣ, а дру-

гую положивъ на Евангеліе. Отъ него неподалеку стояли шрое солдашъ, закованныхъ въ желѣза: лица ихъ говорили, что они ждали своего приговора. Засучивъ рукава своего засаленнаго змпуна, зашкнувъ большой палецъ лѣвой руки за красный кушакъ, спереди попонувшій въ опвисломъ брюхѣ, мужичокъ, ошърашипельнаго и звѣрскаго лица, по морщился, какъ-бы недовольный медленнымъ судомъ, и огромнымъ нерспомъ правой руки, на кошоромъ могли-бы улечься при обыкновенныхъ, почесывалъ налишную кровью шею, исписанную свѣшлыми рубцами, по важно поглаживалъ цѣлою ручицею евою рыжую бороду, искоса посмашривалъ на собраніе, и улыбался, едва не выговаривалъ: «И я здѣсь что-нибудь да значу!» Онъ ждалъ своихъ жершвъ. Эшо былъ палачъ Оська, по прозванію и ошличительнымъ признакамъ его мастерства, *Томла*. Глубокое молчаніе царшвовало въ зашданіи: можно было слышашь скрипъ работающаго пера. Вокругъ шпола ходила по рукамъ бумага, кошорую всякій, прочишавъ про себя, подишывалъ. Она обрашнулась къ Президентшу, кошорый, шакже прочишавъ ее еще разъ, подишвалъ, и весь листъ кругомъ *огертилъ узлами*, что-бы невозможно было ничего припишашь въ немъ. Наконецъ Президентшъ вспалъ, и за нимъ Ассессоры. Онъ положилъ правую руку на посохъ и мечъ. Всѣ сотворили знаменіе

креста, кромѣ Нѣмцевъ, которые вмѣсто того благоговѣйно сложили руки на грудь. Потомъ онъ ошдалъ бумагу Секретарю для прочтенія, и громко произнесъ: *Богу единому слава!* Секретарь началъ чтишашъ дѣло о порубленіи Андрея Мершвымъ Топарина саблею, и приговоръ, коимъ онъ, согласно 26 Аршикулу Военскаго Устава, долженъ-бы бышъ *жизнота лишень* и опсѣченіемъ головы казненъ. Такому-же наказанію по 25 Аршикулу подвергался Иванъ Шмаковъ, дерзнувшій поколошъ своего Полковника Филиппа Кара. Но въ уваженіе, что ранн порубленнаго Топарина подавали надежду къ исцѣленію, и что у Полковника пробишъ быль только мундиръ и фуфайка, Мершвый приговаривался къ наказанію *бапожьемъ*, а Шмаковъ къ выведенію въ желѣзахъ передъ фроншомъ и къ пробишю руки ножемъ. Важнѣ снхъ преспуцниковъ былъ шрепшій, Казакъ Мамвѣй Шайпановъ, *чернокнижець*, *ружьа заговоритель* и *тародѣй*. А какъ по шолкованію перваго Аршикула Военскаго Устава «наказаніе сожженія ешъ обшкновенная казнъ чернокнижцу, ежели оннй своимъ чародѣйшвомъ вредъ кому учинилъ, или дѣйшвишельно съ діаволомъ обшазельштво имѣешъ;» но поелыку онъ чародѣйшвомъ своимъ никому большаго вреда не учинилъ, кромѣ заговора ружей, присаживанія шишки на носу и прочаго и прочаго, и опъ *обшазельштва съ са-*

манюю отрекся по увѣщанію Священника : по приговаривался онъ къ прогнанію *шпирутенюмъ*, и церковному публичному поканію. Тупъ палачъ нахмурился, по видимому, недовольный облегченіемъ наказанія. Казалось, на узкомъ его лбу выклеяны были слова : Ахъ ! кабы меня сдѣлали главнымъ судьей, я все-бъ усиливалъ приговоръ, что-бъ нашей брашъ была работа.» Пашкуль, нечаянно взглянувъ на него, прочелъ его сожалѣніе: онъ смѣнилъ эпопъ зоркій взглядъ другимъ, грознымъ, сожигающимъ, и далъ знакъ, что-бы пресшупниковъ удалили для немедленнаго исполненія надъ ними приговора.

Судейская мало по малу начала пущѣть. Оспались Пашкуль и при высшихъ офицера: ихъ заняло чтеніе какихъ-то пригошовительныхъ бумагъ. Вскорѣ вниманіе ихъ прервано было приходомъ *Румормейстера* (*), блюшншеля порядка на маршахъ и въ лагерѣ, за которыми, между двумя солдатами съ мушкетами на плечѣ, слѣдовалъ Русскій крестьянинъ. Въ глазахъ его горѣло дикое ожеспоченіе; онъ не склонялся головою; уша его искривлены были презрѣніемъ. Длинная борода у него дѣлилась на двое, предшавляя изъ себя два языка; широкій, сѣрый зпунъ, сзади весь въ сборахъ, спереди въ

(*) Гевальдигеръ.

двухъ мѣспахъ заспегнушій душыми, мѣдными луговицами, едва покрывалъ колѣна. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ *лѣстовки*, въ правой посохъ. Румормейсперъ подалъ Пашкулю бумагу и доложилъ ему, что эптошъ крестьянинъ вперся между брашьєю за общій сшолъ, не крестился подобно другимъ, садясь за него, не ѣлъ, не пилъ, чуждался всякой бесѣды, безпреспанно плевалъ и шворилъ, шо шепопомъ, шо вполголоса, молишвы; попомъ вспавши изъ-за сшола, бродилъ около Фельдмаршальской сшавки; хопѣлъ взойти въ нее, но будучи удержанъ часовымъ, бросилъ въ палашку свернушую бумагу. «Фельдмаршалъ, продолжалъ офицеръ, поднать ее и успѣвъ прочешъ полько при первомъ слова — шакъ именно приказано мнѣ доложитъ Вашему Превосходительству — повелѣлъ мнѣ опшвесъ сюда подозришельнаго крестьянина за крѣпкимъ карауломъ, опдашь вамъ подмешную *цыдулу* и сказашъ, что-бы вы *позволили* изслѣдовать, кто шакый эптошъ мужичекъ, и не лазупчикъ-ли опъ Шведовъ, или другой какой *шелъмъ*; шакже и наказашъ его по усмошрѣнiю вашему, ибо онъ полагаешъ, что подмешъ сей до вашей особы касаетса.»

— Что это за уродъ? — сказалъ Пашкуль, принимая опъ Румормейспера бумагу.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, по-

милуй насъ! произнесъ крестьянинъ. — Господи, спаси насъ отъ нечистыхъ силъ!

Пашкуль посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся, но развернувъ поданное ему письмо и взглянувъ на первые слова, вспыхнулъ, вскочилъ со стула, подошелъ къ крестьянину и, тряся его за воротъ, задыхающимся голосомъ спросилъ его: — Пашкуль измѣнникъ? Кто это пишетъ?

« Христіанинъ зарубежній, » ошвѣчалъ спокойно вопрошаемый.

— Какой Христіанинъ! Лжецъ, обманщикъ, сапана! закричалъ Пашкуль, не въ силахъ будучи владѣть самъ собою.

« Брешишь, басурманъ! Пославшій меня учитель православныя, соборныя, Апостольскія Церкви, и мы, братья ему по духу, исповѣдуемъ законъ правый. Въ вашемъ сборищѣ, въ крещеніи, опщепенцевъ бѣси дѣйсвуютъ; ученіе ваше криво, преданіе овецъ вашихъ лживо, законъ вашъ прокляшъ. Ты щепотникъ, пабачникъ, скобленое рыло, и съ тобой сѣдящіе Никоніанцы слуги Антихрисовы. Господи Іисусе Хриссте, Сыне Божій, помилуй насъ!»

Пашкуль взглянулъ на него, пожалъ плечами, сѣлъ опять на стулъ, и хладвокровно сказавъ: «Онъ сумасшедшій!» свалъ чиванъ продолженіе подметнаго письма. Между тѣмъ одинъ изъ офицеровъ, сидѣвшихъ въ палаткѣ, промолвилъ:

Ноябрь 1830.

14

«Это злой раскольникъ!» — «Онъ ослушникъ Царскаго Величества Указа!» воскликнулъ другой. «Осмѣливаешься показываться въ народѣ безъ жслапаго, раскольниковскаго лоскуша на спинѣ!» — «Имѣешь ли ты бородовую квипанцію?» сказалъ прешій. «Ему надобно бороду обрипъ.»

Раскольникъ молчалъ.

— Его надобно спрожайше судишь! — закричали двое офицеровъ вмѣстѣ.

Крестыянинъ, покачавъ головою, отвѣчалъ: — Аще пойду подъ иновѣрный судъ, достоинъ есмь оплученія опъ Церкви.

Здѣсь одинъ изъ офицеровъ хонгълъ убѣдишь его словами Священнаго Писанія: «Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣспъ бо власшь, аще не опъ Бога.»

— Не препися о вѣрѣ и мѣрскихъ междорѣчій пришедъ къ вамъ, Никоніанцамъ: до сыта учили наши обличили новую вѣру и вбили въ грязь вашихъ Фарисеевъ. Какъ видно, вы не размопрѣнїа и не правды ищете, но побѣды и одолѣнїа: ваша правда, аки паушинная шканїа прикосновеїемъ крыла бездушныя мухи раззоряется. Како бо пѣши Господню пѣснь въ землѣ чуждой, въ землѣ бѣсова плѣненїа? Нѣсть здѣсь воздвигающаго долу лежащихъ, нѣсть руководящаго. За рубежемъ шотъ, кто-бы изобрѣлъ сокровище, чепыредесїяннмъ пепломъ загребенное, кто бы собралъ

во едино спядо распоченное, кто-бы проц-
вѣлъ, яко сельный кривъ, обогатиши `связан-
ныхъ нищешю, просвѣшши во шмѣ сѣдящя,
укрѣпиши изнемогающя, свободиши бѣдспвѣ и
скорбей исполненны. Тамъ образованіе горняго
Сіона, шамъ начертаніе вышняго Іерусалима!
Образумьшесь, суешныя, откройте глаза, слѣ-
пошшующіе! Идите за мною и обратете со-
кровища неслѣбныя (*).

— Благодарспвуетъ, любезный! — сказалъ офи-
церъ, понюхивая табакъ. — Не хочу ради вашей
вѣры ни сгорѣть въ огнѣ, ни голодомъ умереть.
Ты не Морельщикъ-ли?

« Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, по-
милиуй насъ! »

— Или изъ Безпоповщины, гдѣ дѣвки вмѣсто
поповъ служатъ?

Раскольникъ молчалъ.

— Нѣшовщикъ, что-ли? Ну, говори, вѣдь
мы знаемъ всѣ ваши бредни! Вы не признаете
православнаго Священства и Таинствъ въ мірѣ?
— Адаманшова Согласія что-ль? Ваша брашья
по каменной мосшовой никогда не ходишь: не
шакъ-ли? Тишовщикъ? Ну, говори, борода!

(*) Весь эшотъ разговоръ взятъ почти слово въ
слово изъ Старообрядческихъ актовъ, изданныхъ въ
свѣтъ.

(Офицеръ потрясъ его порядочно за бороду, но онъ молчалъ.) Можно заставить тебя говорить. У Оськи Томили нѣмые пѣсни поюшь: знаешь ли ты?

Раскольникъ горько усмѣхнулся и отвѣчалъ: Ъшьте мое шѣло, собаки, коли оно вамъ по вкусу. Въдаемъ мы, православные, что Вѣра правая и дѣла добрыя погибли на землѣ. Насупило время послѣднее. Аннихристѣ насмалъ, и скоро будетъ скончаніе міра и Спрашный судъ. Охъ! кабы сподобился я святымъ спрадалцемъ предспасть ко Господу!»

Во время допросовъ крестьянина высшимъ офицеромъ, Пашкуль продолжалъ читать подмешное письмо; а какъ намъ, сочинителямъ романовъ, позволено не только знать самыя сокровенныя дѣйствія, но и проникать во глубину помысленій людскихъ, между тѣмъ какъ вмѣстѣ съ сими дано намъ право помолчать иногда и о томъ, что говорится вслухъ: то мы высмотрѣвъ содержаніе письма, дѣлимся шайною оваго съ нашимъ читателемъ. Именно, въ немъ давалось за извѣстіе Фельдмаршалу, что Пашкуль, измѣнникъ и предашель, связался съ злодѣемъ, конорый, подъ видомъ доброжелательства Русскому войску, спарается заманишь оное въ сѣши, предашь начальнику Шведскому и погубить. Злодѣй сей кажется не шѣмъ, что

онъ есть. Если-бы Фельдмаршалъ зналъ, кто онъ такой, шо купилъ-бы голову его цѣною золота. Самъ Царь дорого заплатилъ-бы за нее. Сочинитель письма обѣщается подвести обманщика съ тѣмъ, чтобы войско Русское, особенно Мурзенко, не превозжили на жительство за-рубежныхъ Христіанъ.

Прочтя сіе письмо, Пашкуль задумался; какое-шо подозрѣніе колебало его мысли и шагало сердце его. «Неужель?» говорилъ онъ самъ себѣ. «Нѣтъ, этого не можешь быть! Понимаю, откуда ударъ! Нѣтъ, Вольдемаръ мнѣ вѣренъ. «Окончивъ сей внупренній разговоръ, онъ поднялъ глаза къ небу, благодаря Бога за доставленіе въ его руки пасквиля, разодралъ его въ мѣлкіе клочки и спокойно сказалъ присуществовавшимъ офицерамъ: «Оставимъ эту заблудшую овцу. Въ лагерь нѣтъ дома для сумасшедшихъ, такъ надобно отпустить его туда, гдѣ больные одинакою съ нимъ болѣзнію собрались вапагою. Чшо дѣлать? Заблужденіе ихъ есть одна изъ неспроть рода человѣческаго. Предоставимъ времени сгладить ее. Умъ и сердце начинаютъ быть пыливы сообразно вѣку, въ кошорый мы живемъ; наступить, можешь бышь, и шо время, когда они присядутся на возвышенныхъ истинахъ.

— Но подмешное письмо? — спросилъ Румормейсперъ.

— « Пасквиль именно на меня!» сказалъ усмѣхався Пашкуль. «А какъ мое доброе имя не можетъ пострадать отъ сумасбродныхъ, но я сочинилъ письма и посланнику его охотно прощаю. Съ шѣмъ однакожъ — прибавилъ онъ, обратившись къ раскольнику — подобныхъ бумагъ въ спанѣ Рускихъ не пересылашь. Смощри! перескажи эпо, закоснѣлый невѣжа, своему учителю. Въ прошивномъ случаѣ, Мурзенко съ своими Тапарами опощепъ его въ преисподней. Тогда не пеняйше на измѣнника Пашкуля. Вошь мой отвѣшь: слышишь-ли?»

— » Близокъ часъ Спрашнаго суда! « вздохнувъ, ошвѣчалъ раскольникъ.

— Теперь — продолжалъ Пашкуль, обращаясь къ Румормейсперу — передаю вамъ пѣвника. Прошу васъ посмощишь съ нимъ великодушно.

Румормейсперъ, обѣщавъ не дѣлать ему ни какого шѣлеснаго испязанія, принялъ раскольника въ свое вѣдѣнне; но желая согласишь веселый нравъ съ своею обязанностію, повелѣвающею ему ловишь и наказыванъ, какъ нарушишелей спокойшвія въ спанѣ, подмешчиковъ писемъ, разсѣивающихъ ложные слухи, и ослушниковъ Царскихъ Указовъ, рѣшился подшущишь

надъ своимъ плѣнникомъ. Онъ опвелъ его за карауломъ къ высокому берегу Лелин, велѣлъ нѣсколькимъ солдатамъ окружить раскольника, поставивъ его на колѣна и положивъ голову его на барабанъ. Во всю эту операцію крестьянинъ произносилъ шолько: « О имени Господа Бога и Спаса нашего спрадакомъ. » Но какъ скоро увидѣлъ, что цирюльникъ собирался брить ему бороду, онъ началъ бороться съ солдатами, проклиналъ всѣхъ, ревѣлъ, и наконецъ умолялъ—лучше умершвить его. Силоны его раздавались по лагерю. Сильныя руки сжали ему рошъ, держали его за волосы, за два конца бороды, за ноги, за шылокъ, и—сокровище, которое было для него жизни дороже, борода—упала къ ногамъ жестокихъ Никоніанцевъ—которые съ хохотомъ зашопшали ее. Смертная блѣдность выступила на его лицѣ; холодный потъ капалъ со лба; пѣна во ршу клубилась; какъ вкопанный въ землю, стоялъ онъ. Вдругъ какое-шо изступленіе оживило его черпы; глаза его спрашно запрыгали. « Наспала кончина вѣка и часъ Спрашнаго Суда! Мучышесь, окаянныя нечеспивцы! я умираю спрадалцемъ о Господѣ! »— произнесъ онъ, пробился сквозь солдашъ, и бросился спремглавъ съ берега въ Лелию. Ударъ головы его объ огромный камень шразился въ сердцахъ изумленныхъ зришелей.

Ужась въ нихъ замѣнилъ хохоть. Подняли несчастнаго. Черепъ былъ разбишь ; не лзя было узнать на немъ образа человѣческаго. « Собакъ собачья смерть ! » сказалъ Румормейшеръ , и велѣлъ писарю изготовишь *репортъ* высшему начальству о семъ происшествіи. « На чью-шо душу грѣхъ эпоцѣ ляжетъ ? » роптали въ умыннѣ солдашы.

Какъ водихся, зарыли самоубійцу въ лѣсной глуши. Говорили впослѣдствіи времени , что на мѣспѣ шомъ видали восьмиконечный деревянный крещъ , и слышимо бивало , разъ въ годъ , жалобное , прощажное пѣніе (*).

(*) Сей отрывокъ былъ доставленъ въ Телеграфъ прежде нежели двѣ части романа Г-на Лажетцкова были выданы. Мы не рѣшились опказаться ошъ удовольствія помѣспишь доставленный намъ отрывокъ , полагая , что чтеніе его заспашишь многихъ познакомиться съ *Послѣднимъ Новикомъ* вполне. *Изд. Тел.*

HISTOIRE DE LA CONQUÊTE DE GRENADE, tirée de la chronique manuscrite de Fray-Antonio Agapida, par Washington Irving, traduite de l'anglais, par J. Cohen (*Исторія завоеванія Гренады*, извлеченная изъ рукописной лѣтописи Фрай-Антонія Агапиды Ирвингомъ Вашингтономъ, перев. съ Англійскаго Ж. Коганомъ), 2 тома, in-8, Парижъ, 1830 г.

Наспалъ Юль мѣсяць 1491 года. Лѣшо было палящее: солнце жгло почши шакимъ-же горячимъ лучемъ, какимъ горить оно на небѣ Африки, и шѣмъ блестяще казался ошъ лучей его Испанскій шаборъ, расположенный близъ Гренады. Отдѣленный ошъ города пространствомъ въ полшоры мили, самый шаборъ сей казался городомъ, и все возвѣщало, что Короли (*) осшавяшъ его для шого только, чтошбы вшпустишъ въ *благородную* Гренаду, сию столицу Королевства, которое хотѣли они присоединишъ къ Кастильской державѣ, и подчинишъ владычеству Католической Церкви. Валу и глубокие рвы защищали станъ ошъ нападеній; сосшавляя собою продолговатый чешыре-угольникъ, ошъ дѣлился на улицы, образованныя рядами шашровъ и шалашей; сорокъ тысячъ пѣшихъ воиновъ и десяшъ тысячъ всадни-

(*) Фердинандъ и Изабелла называли себя *Короллами*, los reyes. Никто не смѣлъ величатиъ Изабеллу *Королевою*.

ковъ соединены были подъ знамена Королей, ихъ знаменитыхъ рыцарей и могущественныхъ городовъ. Въ срединѣ, надъ великолѣпнымъ павильономъ Изабеллы — наспоющими чертогами въ Восточномъ вкусь, сосшавленными изъ многихъ залъ, шелковыя стѣны коихъ поддерживались столбами изъ копей, облеченныхъ воинскими эмблемами — сіялъ левъ Кастильскій, подлѣ Аррагонской башни. Надъ другими прекрасными шашрами, кошорые обвѣшаны были блестящими, золошыми и шелковыми, коврами, возвышалась коза Кабраская, древнее знамя, споль недавно еще поразившее ужасомъ ряды Мавровъ, вѣдся орелъ Агвиларскій, и левъ Понсо-Леонскій грозилъ непріятелю. Окресшь сихъ рыцарскихъ хоругвей развѣвались значки благородныхъ городовъ Испаніи, окруженные мужешвенными гражданами сихъ городовъ, умѣвшими, споль-же бодрешвенно, какъ рыцари, умирать за Отечество и Вѣру, и, безъ всякихъ другихъ знаменъ, слѣдовавшими въ битвы за огромнымъ знаменемъ *Святѣйшаго* Іакова, волнующіеся сгибы коего казались знаменіемъ покровя Католическихъ воиновъ. Но выше всѣхъ значковъ и знаменъ видно было

То знамя, золопомъ горяще,
 На коемъ, чудно вышитъ, зрѣлся
 Живошворящій Крестъ Господень,
 Блестящій ярче серебра.
 Съ обвѣхъ странъ встрѣтали взоры
 На немъ распятаго Христа.
 И симъ святымъ изображеньемъ
 Тамъ клялся воинъ-Христіанинъ :

Не оставляя Гренадской *веси* (*),
Пока Гренады не возьмутъ (**).

Многочисленное Духовенство слѣдовало за ними священными знаменами, и Архіепископъ Толедскій также въ свою очередь воздвигнулъ среди шана Крестъ, который имѣлъ онъ право, какъ Примась Испаніи, воздвигать на каждой землѣ, ошпятой у Музульманъ.

Если духовныя особы не спрашивали шрудностей войны за вѣру и ошечество, дамы Каспильскія также не боялись слѣдовать за своею Государынею въ ужасы битвъ, и, кромѣ дѣшей своихъ — Донъ Жуана, Донны Жуанны, Донны Маріи, Донны Каталлины — Фердинандъ и Изабелла видѣли вокругъ себя многочисленную свиту. Такимъ образомъ, въ промежуткахъ битвъ, Испанскій шаборъ представлялъ собою изображение блестящаго Двора. Въ шелковыхъ шапрахъ, украшенныхъ разноцвѣтными значками, наполненныхъ драгоценною мебелью и золотыми и серебряными сосудами, слышны были звуки гитаръ и пѣніе романсовъ, самыхъ новомодныхъ. Все было въ шанѣ Испанскомъ, что только

(*) Vega, долина; но болѣе называютъ такъ долины, окружающія города.

(**) Historia de los Vandos, etc. (Исторія раздоровъ между Зеврисали и Абесерравали, Мавританскими рыцарями Гренады, извлеченная изъ Арабской книги и изложенная на Испанскомъ языкѣ Хинесомъ Перезомъ) Валенція, 1597 г.

могло бышь нужно, или могло развлекать и веселить. Больные и раненые получали возможное пособіе, въ шести отдѣльныхъ шатрахъ, уставленныхъ кроватями и называемыхъ: *больница Королевская*. Изобильные запасы, щадательно возобновляемые, удаляли даже самую мысль о недостаткѣ. Наконецъ, всевозможныя прихоти роскоши и кокетства находили себѣ полное удовлетвореніе: здѣсь видны были лавки, исполненныя превосходно выработанныхъ шелковыхъ тканей, драгоценныхъ суконъ, тонкихъ полошенъ, обольщавшія дамъ и рыцарей; шамъ искусный оружейникъ готовилъ смертельное оружіе; далѣе воронили рыцарскія латы, или наводили серебромъ шлемы; всюду продавались щегольскія сѣдла и модныя конскія сбруи. Напрасно строгій Фердинандъ жаловался на такую излишекъ роскоши; щетно говорилъ онъ, что *железо дороже золота въ битвѣ* — ничто не могло воспреняшествовать молодымъ дворянамъ соперничать парядами другъ передъ другомъ, и оплечаться уборомъ передъ дамами, или думать о томъ, какимъ образомъ блестящею бронею, плюмажами и шарфами запышишь блескъ золотыхъ и серебряныхъ тканей, Азійскихъ шалей и драгоценныхъ камней, чѣмъ блистали одежды Невѣрныхъ, враговъ ихъ.

Только великолѣпіемъ своихъ дворянъ Гренада могла еще поддерживать нѣсколько блескъ свой: она была уже тѣнью прежней Гренады; вся красота ея уже исчезла. Благодатная *вега* ея, почти единственный остатокъ государства, нѣкогда сшоль могущественнаго, еще недавно мѣсто великолѣпныхъ праздниковъ, забавъ, любви — была разгоре-

на набѣгахъ непріятелей, и представляла собою страшное позорище опустошенія! Цвѣтущая торговля Гренады погибла подъ бременемъ войны, и народонаселеніе Гренады, десятирицею уменьшенное, и умноженное шеперь единственно бѣглецами изъ разныхъ мѣстъ Королевства, вспоминало о бывшихъ дняхъ величія для того только, чтобы оплакивать ихъ.

Какъ различно было положеніе Гренады, когда Мулей-бень-Гасень, знаменитый своею храбростію, послѣдовалъ ошцу своему, Изману, въ 1466-мъ году! Тогда, *четыринадцать* большихъ и *девятисто шесть* малыхъ городовъ принадлежали его скипешру. Гренада, какъ говорили, вмѣщала въ сѣбѣ своихъ *двѣсти тысячъ* жителей. Окрестная страна, покрытая ольвами, шелковицами, виноградомъ, лимонами, льномъ, сахарнымъ тростникомъ, безъ отягощеній платила Мулею седьмую часть своихъ произведеній. Многочисленные сшадъ принадлежали Музульманамъ. Право шаможень, часть наслѣдствъ, торговли шелкомъ, золотомъ, серебромъ, гранадами, аметистами, мраморомъ, добываемыми въ горахъ, окружающихъ *вегу*, доставляли Мулей-бень-Гасену огромный доходъ (*), который употреблялъ онъ на украшеніе столицы. По случаю сихъ-то издержекъ, какъ говоришь историкъ Перезъ, и огромныхъ рабшъ, предпринятыхъ Мулеемъ, сочиненъ былъ извѣстный Мавришанскій романъ, споль прелестно

(*) Маріана полагалъ его въ 700,000 дукашовъ.

переведенный, или, лучше сказать, передѣланный
Шашобріаномъ (*):

« Абенгамаръ, Абенгамаръ,
Маврипанійскихъ жипель горъ!
Тотъ день, когда родился ты,
Замѣпенъ знаменіемъ былъ:

« Не двиглось море въ берегахъ,
Былъ полный мѣсяцъ въ небесахъ;
Кпо въ сей завѣпный день рождень,
Тотъ бышь правдивымъ обречень. » —

Тогда въ опвѣпъ промолвилъ онъ —
Послушайте его опвѣпъ! —
— Скажу я правду, Государь,
Хопъ жизни-бъ споила она.

Отець мой былъ природный Мавръ,
И Христіанка мапъ моя;
Когда я опрокъ юный былъ,
Она всегда швердила мнѣ:

« Не говори неправды, сынъ;
Неправда спрашпый, ппаккій грѣхъ!»
И пакъ, спроси меня, Король,
Я правду сущую скажу. —

(*) Hist. de los Vandos, стр. 7. Надобно-ли прибавлять, что Перезъ былъ при семъ случаѣ, пакъ какъ и при многихъ другихъ, плохой историкъ, ибо два Кастильскіе Короля, именовавшіеся *Жцанами*, умерли, одинъ въ 1390, другой въ 1454 году, когда Мулей еще не царствовалъ. Припомъ, многія изъ спроекій, о коихъ говорипся въ романсѣ, были построены гораздо прежде царспвовавія Мулея.

«Благодарю, Абенгамаръ
 »За швой ко мнѣ привѣшпъ.
 «Какія зданья, вижу я,
 «Тамъ высяшся, блестящъ?» —
 — *Алеамбра* эпо, Государь;
 Другое-же *Мететь*,
 И башни вошъ *Алихареса*,
 Созданье хипрыхъ рукъ;
 Топъ Мавръ, что зодчимъ былъ его,
 Въ день сто дублоновъ получалъ;
 Въ тѣ-жь дни, когда онъ опдыхалъ,
 Онъ сто дублоновъ въ день перялъ.
 Тамъ видишь ты *Хенералифѣ* —
 Садъ, коему подобныхъ нѣшъ;
 И *Золотыя Башни* здѣсь —
 Имъ въ мірѣ нѣшъ цѣны. —
 Тогда сказалъ Король Жуанъ —
 Послушайте, что онъ сказалъ —
 «Когда согласна ты, Гренада,
 Я радъ жениться на тебѣ;
 На свадебный тебѣ подарокъ
 Севиллу и Кордуу дамъ.» —
 — Я за мужемъ, Король Жуанъ,
 Я за мужемъ, а не вдова,
 И мужъ мой, вѣрный, храбрый Мавръ,
 Желаетъ много мнѣ добра. —

Впрочемъ, если не богатствами, то доблестью
 обитателей Гренада могла еще въ то время хва-
 литься. Множество семействъ, самаго знамениша-
 го происхожденія, составляли честь и славу Грена-
 ды. Среди ихъ ошлпчались Абенсерраги, пошомки
 Фецскихъ и Марокскихъ властителей; Зегрисы, по-
 шомки Королей Кордуаскихъ; Малякесъ-Алабезы,

попомки Алмогабеза, Короля Кукоскаго; Алмогадасы, попомки Королей Гренадскихъ; Ванегасы, и другіе роды, коихъ имена сдѣлались славны въ произведеніяхъ Поэзіи Мавританской и Испанской, гдѣ все основаніе событій дѣйствительное, всѣ почти лица историческія, и гдѣ, между шѣмъ, почти нельзя распознать истины, 'ибо поэзія сихъ романсовъ навѣяна крыльями генія Восточной Поэзіи: въ самой очищенной формѣ, она всегда соблюдаетъ что-то фаншасшическое, прикосновеніемъ своимъ обращаетъ въ золото, преобразуетъ предметы, и, украшая, лишаетъ ихъ естественности. Такъ поступали съ героями своими поэты Мавританскіе, и Испанцы, подражавшіе имъ: дѣйствительность, какъ ни поэтическая была она, казалась имъ холодною и сухою, если не было вмѣшано въ нее множества вымысловъ. Недовольно казалось того, что Муза была надежда отчизны, послѣдній ея рыцарь; что Редуанъ Ванегасъ блисталъ въ первомъ ряду героевъ, и отличался великодушіемъ и рыцарскою вѣжливостію: надобно было, для того, чтобы сіи герои сдѣлались достойными предметами романсовъ, надобно было неукротимаго Музу, *рыкавшаго, подобно льву раненому, или волу, копіемъ пораженному*, заставилъ вздыхать у ногъ Дарахи; надобно, чтобы Дараха презирала его, а Фатима любила страшно, и онъ казался болѣе занятъ своею страшью, презрѣніемъ оной, и праздниками, какіе давалъ онъ, нежели жребіемъ своей отчизны. Редуанъ также являлся презрѣннымъ любовникомъ, и вмѣстѣ бѣшенымъ соперникомъ; только примѣромъ своимъ, Муза доводитъ его до нѣкоторой шерстяливости. Таковы

всѣ дѣйствующія лица романсовъ, шаковы и со-
бытія въ нихъ. Занавѣсь игръ, забавъ, велико-
лѣпія не даешь замѣшишь изъ нихъ ни упадка Грена-
ды, ни геройства ея защитниковъ. И самый Лагирь
не представлялъ Карла VII-го столь весело ше-
ряющимъ свое государство. Читайше особенно
Исторію de los Vandos — это твореніе, которое,
соображая Христіанскій духъ, въ какомъ оно пи-
сано, трудно почешь переводомъ съ Арабскаго,
върояише, выборъ изъ Арабскихъ матеріаловъ. Не
шолько не найдете вы въ немъ ничего, имѣющаго
Историческую достовѣрность, но не найдете даже
и той истинны изобрѣтенія, которая похожа на
существенность. Это не Иродотъ, и не Валшеръ
Скоптъ: это *Принцесса Клевская, Клемія, Великій
Киръ*. Одинъ и тотъ-же вкусъ: употребляешь
знаменитыя лица, извѣстныя событія, и при-
соединяешь къ нимъ совершенно поддѣльные нравы,
ни сколько не похожіе на нравы ни настоящаго,
ни прошедшаго времени. Когда Расинъ, для
изображенія въ трагедіяхъ своихъ обычаевъ
XVII-го столѣтія, мнѣній своего вѣка и
поняиій Христіанскихъ, забывалъ настоящіе нра-
вы Греціи, и странныя промежутки языческой
нравственности, то онъ съ намѣреніемъ впадалъ
въ сей анахронизмъ, дѣлая его для того, чтобы
представити человека и общество, болѣе образо-
ванныя. Ахиллесъ становился выше, переходя
черезъ его руки; Федра не внушала подъ его ки-
стию невольнаго отвращенія: шутъ была ошибка—
былъ и успѣхъ ума въ поэтическихъ изображеніяхъ.
Но что за польза представляешь Кира влюбленнымъ

дуракомъ, Клелю заставляешь разглагольствовать громкими словами? И — ограничимся только призрами Арабовъ — Муза, прошивящійся сдачь Гренады, не выше-ли, не прогашельнѣе-ли Музы, изображеннаго въ романсахъ, ссорящагося съ Дарахою, когда она отдаетъ Абень-Гамешу букетъ, Музою ей подаренный? Редуанъ, защищающій Велезь-Малагу, не болѣе-ли поражаетъ насъ, нежели Редуанъ, готовый убить Газуля, своего предпочтеннаго соперника и любимаго героя романсовъ? Право, если-бы дѣла происходили такъ, какъ представляешь ихъ Хинесь Перезъ, то Фердинанду и Изабеллѣ гораздо легче было-бы присоединить къ своимъ двадцати двумъ Королевскимъ шишуламъ шишулъ Королей Гренады. Драшься на дуэляхъ, единоборствовать противъ Христіанскихъ Рыцарей и волочешься — въ эшомъ только, по сказаніямъ романсовъ, проходила жизнь Мавровъ. О спасеніи опечесшва, о всеобщей войнѣ, объ ошцахъ, матеряхъ, женахъ, дѣтяхъ, согражданахъ, которыхъ надобно было спасать отъ смерти или рабства — нигдѣ въ романсахъ нѣтъ ни одного слова! Безъ упоминанія о Гренадскихъ мятежахъ, можно позабыть, чѣшая романсы, что былъ народъ въ стѣнахъ эшого города, гдѣ сочиняли романсовъ заставляють жишелей только пировать. А семейственныя отношенія — что можно сказать объ нихъ? Семейная, домашняя жизнь можешь бышь предметомъ романовъ.

И въ добрый часъ : пишете ихъ ; но не думайте же изобразить въ нихъ истиннаго состоянія страны

и народа, ибо жизнь челоѣка не такъ шѣлка, не такъ сжата, чтобы въ ней доспавало мѣста только для одного чувства, для одной страсти. Какъ часто, если мы раскрываемъ Исторію того времени, которое думали изобразить намъ многіе историки и романисты, и, вникнувъ въ нее, обращаемъ попомъ взоры на эши фаншастическія изображенія, намъ кажется, что мы видимъ два, совершенно различные міра, двѣ эпохи, отдѣленныя вѣками. И въ самомъ дѣлѣ, шуть величайшее пространство отдѣляетъ одно отъ другаго, то именно, кошорое отдѣляетъ заблужденіе отъ истины.

Только въ мирное время, государство можешь находиться въ положеніи, подобномъ тому, какое мы изобразили выше сего, описывая царствованіе Мулея. Гренада наслаждалась тогда съ давняго времени мирнымъ спокойствіемъ. Ничто не возмущало ея, кромѣ внутреннихъ волненій, возженныхъ соперничествомъ двухъ женъ Мулея. Одна изъ нихъ, *Анха*, родила ему нѣсколько сыновей, и въ числѣ ихъ Мугаммеда-Абу-Абдаллу, обыкновенно называемаго *Боабдилемъ*, и прозваннаго: *el Chico*, малый, и *el Zogoubi*, несчастливый (*). Другая, также мать многихъ дѣтей, преслѣдовала

(*) Конде называетъ его: *Мусаммедъ-Абу-Абдалла-эль-Закиръ*, и пропускаетъ замѣчательное обстоятельство, упоминаемое Ирв. Вашингтономъ, что при рожденіи Боабдила предсказано было паденіе Гренады въ его царствованіе.

сыновой Анхи. Боабдиль, при помощи неустрашавшей своей матери, избѣжалъ опасностей, ему угрожавшихъ, и Гренада раздѣлилась между ошцомъ и сыномъ. Кажется, что Абенсерраги стояли за Мулея, а Зегрисы за Боабдила. Сему-то возстанію Абенсерраговъ прошивъ Боабдила надобно приписать сказку, будшо Абенсерраги были перерѣзаны на Львиномъ дворѣ. Повѣствованіе объ эшомъ заняло много мѣста въ *Historiā de los Vāndos*, и сдѣлалось знаменишо множествомъ романовъ и романсовъ, въ коихъ оно описано; но дѣльные Ишоружки, Ишпанскіе и Арабскіе, не говорятъ объ немъ ни слова; Конде шакже.

Если Гренада и была безпокоима сими внутреними раздорами, шо она оставалась въ мирѣ съ опаснѣйшими своими непріятелями. Христіане заключили съ нею мирныя тракташы. Правда, миръ не прешаствовалъ безпрерывнымъ, небольшимъ сшибкамъ и частнымъ наѣздамъ, но эшо были дѣла Рыцарей, а не борьба народовъ. Мы говоримъ: *Рыцарей*, и говоримъ съ намѣреніемъ, ибо хошя враги одни другимъ, по народности, вѣрѣ, завоеваніямъ, Мавры и Ишпанцы взаимно величали другъ друга *Рыцарями* и *Дворянами*. Одинъ романсъ, «хорошій, хошя и старинный», какъ говорятъ Хинезъ Перезъ, начинается шакъ: «*Рыцари* Гренадскіе, хошя и Мавры, Дворяне (*fidalgos*), » и ш. д. — Гошовые сражались, благородные противники, съ обѣихъ сторонъ, сперва сядились вмѣстѣ и дружески бесѣдовали. Взаимная довѣренность была шаква, что когда Донъ

Діего-де-Кордуа и Донъ Алонзо д'Агвиларъ поссорились другъ съ другомъ , и Король Кастильскій , Генрихъ IV , не далъ имъ поля для бившвы , но они просили его у Мулея , и получили на Гренадскоій вѣгъ . Въ назначенный день , Донъ Алонзо , будучи невольнo задержанъ Генрихомъ , не явился на бившу , и Мулей объявилъ его побѣжденнымъ . Мавританскій рыцарь , родшвенникъ самого Мулея и другъ Агвилара , немедленно вызвался доказать оружіемъ прошвное , ибо , говорилъ онъ , Агвиларъ нарушаетъ слово , конечно , по неволѣ . Мулей ошвергъ предложеніе , говоря , что онъ обѣщаль безопасность Донъ Діегу . Мавританскій рыцарь настояль въ своемъ шребованіи ; велѣно было взять у него оружіе , и когда онъ хотѣль противишсья , Мулей изрекъ ему смерть за оказанное имъ непочтеніе . Тогда вступилъ Донъ Діего , и Мулей , *глубоко его уважавшій* , простилъ своего родшвенника , единшвенно за ходашайштво Испанскаго рыцаря .

Такіе примѣры дружбы между Испанцами и Маврами были не рѣдки . Славный Редуанъ Ванегасъ былъ особенно друженъ съ Графомъ Сифуэншесомъ , бывшимъ у него въ плѣну , и въ семь качествъ производившимъ переговоры о сдачѣ Велезъ — Малаги . Но и не шакія близкія отношенія досташпочны были , чтобы Христіанинъ оказалъ Мавру все почтеніе и вѣжливостъ .

Когда Антеквера была уже занята Христіанами , алкадь Нарваезъ начальшвоваль въ ней , и часшо

посылалъ своихъ воиновъ въ набѣги на Гренадскую землю. Въ одну ночь, воины его захватили въ плѣнъ и привели къ нему Мавра, молодого человека, 22-хъ, или 23-хъ лѣтъ, *Рыцаря и знатнаго Дворянина*. Онъ былъ на дорогомъ конѣ, и щегольски одѣтъ. Нарваезъ узналъ, что это сынъ алкада Рондаскаго, извѣстнаго между Христіанами отличною храбростію. Но когда Нарваезъ хотѣлъ знать отъ плѣнника, куда онъ ѣхалъ, Мавръ плакалъ и молчалъ. « Двлюсь, » сказалъ ему Нарваезъ, « что будучи Рыцарь, сынъ отца, столь мужественнаго, и зная всѣ случайности войны, ты унываешь до такой степени, и плачешь, какъ женщина, а между тѣмъ кажешься добрымъ воиномъ и добрымъ Рыцаремъ.» Мавръ отвѣчалъ, что онъ плачетъ о потерѣ, не свободы, но гораздо болѣе драгоценнаго сокровища. Упрощенный Нарваезомъ, онъ рассказалъ, что издавна любилъ дочь одного сосѣдняго алкада; что во имя ея бился онъ храбро съ Христіанами, и что видя любовь и услуги его, красавица соглашалась за него выйти, и велѣла пріѣхать за нею, готовая сопровождать его и оставивъ родительскій домъ. « Когда я, » прибавилъ Мавръ, « получивъ это согласіе, ѣхалъ въ радостной надеждѣ, несчастный жребій хотѣлъ, чтобы воины твои схватили меня, и я потерялъ свободу, и счастье, которыми думалъ обладать. Если ты думаешь, что это не стоитъ слезъ, скажи: какъ иначе выразить мнѣ все бѣдствіе моего состоянія? » — Тронутый симъ рассказомъ, Нарваезъ отвѣчалъ: « Ты Рыцарь, и если, какъ Рыцарь, дашь мнѣ слово возвратиться въ плѣнъ,

я отпущу тебя на твое рыцарское слово.» — Мавръ обѣщаль, и въ ту-же ночь прабылъ въ замокъ своей красавицы. Но когда онъ предсмаль предъ нее , шо горько заплакалъ. Красавица изумилась , спрашивала о причинѣ горести , въ такое время , когда онъ доспигаель счастья , столь давно имъ желаннаго. Тушь любовникъ отырылъ ей свое бѣдствіе , и клялся , что не хочешь увезти ея , ибо долженъ возвратиться въ плѣнь ; но что онъ постѣшишь выкупишь себя , и тогда явится къ ней вновь. Красавица хвалила своего рыцаря. « Но если ты такой добрый рыцарь , » сказала она , « что не хочешь измѣнить ни мнѣ , ни своему слову — избави меня Богъ оспаваться съ кѣмъ либо другимъ , кромѣ тебя : если ты рабъ , и я хочу быть рабою ; Богъ дастъ тебѣ волю , и я буду свободна. Въ эшомъ ящичкѣ я храню драгоценнѣйшія мои убранства — отдамъ ихъ за твою свободу ; возьми меня на своего коня , и я буду счастлива , раздѣляя швое несчастье.» Любовники обнялись , сѣли на одного коня , и — явились къ Нарваэзу. Вотъ какъ описанъ пріемъ ихъ въ романсѣ , сочиненномъ по сему случаю (Romanceso , стр. 355) :

Ихъ привѣжливо принялъ алкадь ,
И безъ выкупа ихъ оппустилъ ;
Рыцарь добрый онъ , вѣжливый былъ ,
Добродѣтель чпилъ выше награды :
Наградилъ онъ достойной цѣной ,
Когда Мавръ ему слово сдержалъ ,
Когда плѣнникомъ снова предсмаль ,
Съ молодой и прекрасной женой.

Недолго оставалась однакожь Гренада въ состояніи, походившемъ на благоденственное спокойствіе, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, что было прежде, и что сдѣлалось потомъ. Въ 1478 году, два года спустя послѣ восшествія Изабеллы на тронъ Кастильскій, Мулей, возобновляя шракшашы, отказался платишь условленную дань, и отвѣчалъ Испанскимъ посламъ, явившимся требовать оной: «Скажите своимъ государямъ, что Короли Гренадскіе, платившіе дань Христіанамъ, умерли, и въ Гренадѣ умѣюшь теперь дѣлать для нашихъ враговъ шолько мечи и копья.»—Испанцы замолчали; миръ не возобновился и войны не было. Но въ 1481 году, пользуясь промежушкомъ шракшашовъ, приходившихъ въ забвеніе, и думая, что не лзя будешь, въ случаѣ даже возмездія, почестъ нарушеніемъ мира небольшой набѣгъ, Мулей послалъ войско; въ три дня, не выпуская знаменъ, безъ звука шрубъ, не разбивая лагерей, оно овладѣло крѣпостью Загарою, ошлошно охраняемою Испанцами, обезпеченными продолжительнымъ миромъ.

Горешный вопль раздался въ стѣнахъ Гренады, когда шамъ услышали о сей побѣдѣ, предвѣщающей шолько одни бѣдствія. «Развалины Загары падушъ на наши головы!» всенародно кричалъ одинъ шарый *алфаки* (духовный). «Дай Богъ, чтобы я обманывался, но духъ мой говоритъ мнѣ: »Нашалъ конецъ владычества нашего въ Испаніи!»—Въ самомъ дѣлѣ, не прошло двухъ мѣсяцовъ, какъ въ Гренадѣ узнали о взятіи Алгамы, заняшой Понсомъ

Леонскимъ, Маркизомъ Кадикскимъ. Горестъ, причиненная обитателямъ Гренады пошерею сего важнаго мѣста, выражена была въ романсѣ, печальный припѣвъ коего приводилъ слышавшихъ оный въ такое ошчаяніе, что принуждены были строгаго запрешить пѣніе сего романса (*).

Такимъ образомъ, война, со всѣми ея бѣдствіями, разразилась надъ государствомъ Гренадскимъ. И какъ будшо сего несчастья было еще недостаточно для Гренады — къ этому присоединились ужасы внутреннихъ раздоровъ! Безразсудство Мулея, навлекшее бѣдствіи войны на его подданныхъ, ошврашило ошъ него всѣ сердца. Вскорѣ послѣ пошери Алгамы, возвращаясь однажды изъ загороднаго своего дворца, Мулей нашелъ вороша Гренадскія запершыми, и сына своего, Боабдила, Королемъ Гренады. Высшупивъ однакожь изъ Гренады прошивъ Испанцевъ, Боабдиль былъ захваченъ въ плѣнъ Маркизомъ Кабраскимъ. Мулей вступилъ въ Гренаду. Аяха, мать Боабдила, оставленная Мудеемъ, не хошѣла ушшупишь ему, заняла Албайсиль, одну изъ обширныхъ частей города, населенную большею частію бѣдными людьми, и, именемъ Боабдила, пропивилась Мулею. Боабдиль выпустили между шѣмъ изъ плѣна; но за свое освобожденіе, ошъ долженъ былъ признашь себя покорнымъ Испаніи, объявивъ Гренаду вассальшвомъ

(*) Французскій переводъ его напечатанъ въ le Globe, 6-го Января 1830 года.

Христіанъ , и самъ будучи объявленъ находящимся подъ покровительствомъ Испанцевъ.

Сей поступокъ заславилъ жителей Гренады презирать Боабдиля; его считали злодѣемъ и ошсупникомъ. Послѣ упорной драки противъ приверженцевъ отца своего, въ самыхъ улицахъ Гренады, Боабдиль удалился въ Алмерію. Но какъ ни упала онъ въ мнѣніи народномъ, воспоминаніе о немъ заславляло однакожь не повиноваться Мулею. При каждомъ неудовольствіи на Мулея, при каждой неудачѣ его противъ Испанцевъ, слышно было въ народѣ имя Боабдиля. Между тѣмъ, пока въ Гренадѣ шайлись защитники Боабдиля, дядя его, Мулей — Абдалла-эл-Загаль, полководецъ Мулея, выгналъ жалкаго Князя изъ Алмеріи, и Боабдиль бѣжалъ въ Кордую, снова отдавшись Христіанамъ. Раздраженный поступкомъ Боабдиля, и не любившій въ то же время старика Мулея, за его безпрерывныя несчастія, народъ провозгласилъ въ Гренадѣ повелителемъ своимъ Абдаллу-эл-Загала, надѣясь спасенія, въ предстоявшихъ опасностяхъ, отъ его дикой храбрости и воинскихъ успѣховъ. Эл-Загаль согласился на желаніе народа, и послѣ его прибытія, Мулей удалился въ Алмунезаръ, опказавшись отъ трона — *охотно*, какъ говорятъ нѣкопорые. Но такая охота сомнительна, и вскорѣ пошомъ послѣдовавшая смерть Мулея, заславляла многихъ сомнѣваться: не былъ-ли и самой смерти старика виновникомъ новый повелитель Гренады. Романсъ, довольно вѣрно изображающій состояніе Гренады, раздраемой междуусобіями,

доказываетъ , что многіе не вѣривъ въ то время добровольному отреченію Мулея. Излагая рѣчи со-общниковъ Боабдила , эл-Загала и Мулея , сочи-нись романса заставляешь говорить привержен-цевъ сего послѣдняго :

Не смѣешь царствовать никто ,
Пока останется въ живыхъ
Нашъ старый Князь Мулей-Гасемъ ;
Онъ живъ еще , и провъ его !

Успѣхъ Христіанскаго оружія и сомнительная смерть Мулея такъ много повредили эл-Загалу въ мнѣніи народномъ , что Боабдиль оставилъ Кор-дую , и вступилъ въ прежнее свое Королевство. Упоменные раздорами , благоразумные посредни-ки старались примирить дядю съ племянникомъ , предложивъ имъ раздѣлить осташокъ государства , прежде шоль сильнаго. Эл-Загалъ остался въ Гре-надѣ ; Боабдиль учредилъ свое мѣстопребываніе въ Алмеріи , безпрестанно споря однакожь о пра-вахъ своихъ на все государство , и для завладѣнія имъ испрашивая пособія отъ Испанцовъ. Съ ихъ помощью напалъ онъ наконецъ на Гренаду , и за-владѣлъ Албайсиномъ.

Въ это время , Фердинандъ , уже властвовавшій Конномъ , Рондою , Лорою , Иллорою , копорую называли *правымъ глазомъ Гренады* , Моклиномъ , копорый прозвали *щитомъ Гренады* , осадил бога-тый городъ Велезь-Малагу. При извѣстіи о семъ , *алфаки* бросились на площади , и взволновали на-родъ ; эл-Загалъ принужденъ былъ идти ошибивши Испанцевъ , по неволѣ оставя Гренаду въ рукахъ

своего соперника. Сообщники Боабдия не упустили сего случая, и эл-Загаль, возвращаясь без успѣха, нашелъ вораха Гренадскія запершими. Велезь-Малага сдалась; немедленно послѣ сего, Беншомизъ, Комаресь, всѣ города и крѣпости Ахарквіаскіе, и жишли почти сорока городовъ въ горахъ Аллухараскихъ покорились Испанцамъ. Таковъ былъ ходъ сей войны; несчастной для Мавровъ: ихъ успѣхъ просто оставался успѣхомъ, и то не на долго; Загара, первая причина войны, давно уже вновь досталась Христіанамъ; но малѣйшій успѣхъ Испанцевъ влекъ за собою сошню другихъ удачъ и выигрышей. На споронѣ Испанцевъ было счастье, ибо на ихъ споронѣ была увѣренность въ успѣхъ. Ничто сильнѣе безнадежности не убиваетъ духъ народа: герой тогда только бываетъ всего страшнѣе, когда нѣтъ ему никакой надежды на удачу; но толпа упадаетъ въ семь случаевъ духомъ, дѣлается неспособна ни умереть, ни спастись. И всегда, при гробѣ народа являешьcя безсильный, безпомощный герой, какъ будто для того, чтобы заключишь собою прешедшую честь народа! Такъ на стѣнахъ Царяграда погибъ храбрый Палеологъ; шакъ въ Гренадѣ, Муза, Редуанъ, эл-Загаль шѣмъ неукротимѣе были, чѣмъ болѣе грозила имъ опасность. Но въ то время, какъ ежедневно подвергались они тысячѣ смершей, за ними слѣдовала робкая толпа, прося мира, пощады, и отдавая въ волю побѣдителей!

Послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, превративъ оборонительную войну въ наступательную, шарый,

неукротимый эль-Загаль утвердился въ Гвадикъ, занявшись надзоромъ за дѣйствіями противъ Боабдилья. Тутъ узнавъ онъ, что Фердинандъ идееть осадить Базу. Опытомъ извѣдавъ искусство, съ какимъ Боабдиль умѣеть обращать въ пользу его отсутствіе, эль-Загаль не смѣлъ самъ оставить мѣста своего пребыванія, и поручилъ защиту Базы своему родшвеннику, Сиди-Яги-Алнавру-Абен-Зелиму. Сиди такъ мужественно исполнилъ сіе препорученіе, и Испанцы сколько встрѣтили трудностей, что Фердинандъ хотѣлъ уже опустушашъ; но войны отказались исполнить его желаніе, и неутомимая Изабелла спѣшила послать къ нимъ припасы и новое войско. Слыша о мужествѣ войскъ эль-Загала, видя позоръ Боабдилья, Короля-вассала, спокойно гнимавшаго въ Алгамбрѣ шуму паденія ошечества, подвластные ему составили заговоръ, хотѣли убить его и присоединиться къ эль-Загалу. Боабдиль открылъ сей заговоръ, и головы заговорщиковъ выставлены были на стѣнахъ Алгамбры.

Осада Базы все еще тянулася; приближеніе зимы давало надежду осажденнымъ, что Испанцы, устращась неудобствъ зимы, оставяшъ осаду. Но когда они разсуждали въ совѣтѣ о сей послѣдней надеждѣ спасенія, клики радости раздались въ станѣ Испанцевъ; бросились узнавать причину: Изабелла, съ дочерью, Донною Изабеллою, и съ Дворомъ своимъ, пріѣхала въ станъ Испанскій — *зимовать*. «*Рыцари!*» воскликнулъ тогда Мугаммедъ-Бень-Гасень, прозванный *заслуженнымъ* — «*жребій Базы рѣшенъ!*» — Сшали думашъ шолько о переговорахъ.

Сиди послалъ просить у эл-Загала позволенія сдать городъ ; эл-Загаль немедленно согласился ; заключили договоръ , и Сиди столь хорошо принявъ былъ *Королями* Испанскими , что поклялся никогда не обнажать меча противъ Испанцевъ. « И шакъ война кончена ! » сказала Изабелла , услышавъ объ его обѣщаніи. Обольщенный ласками и обѣщаніями , Сиди обязался упоиреблять всѣ старанія , чшобы уговорить эл-Загала на уступку его части Христіанамъ. Онъ шайно окресшился , даже сражался противъ своихъ вполсѣдствіи , былъ при осадѣ Гренады , и пользуясь прежнею довѣренностію къ нему соощичей , входилъ въ ихъ крѣпости , замки , и передавалъ ихъ Фердинанду.

Впрочемъ , Сиди тогда только измѣнилъ опечеству , когда власть Мавровъ въ Испаніи ограничилась уже однимъ владѣніемъ Боабдила , котораго привыкъ онъ презирать и почитать врагомъ своимъ. Сдача Базы была окончаніемъ царствованія эл-Загала. Когда Сиди явился къ нему послѣ сего несчастія — « Да будешь воля Божія ! » воскликнулъ эл-Загаль. « Вижу , другъ и братъ , что шакъ угодно Богу , а что угодно Ему , шо всегда будетъ. Еслибы онъ не предопредѣлилъ паденія Гренады , эшотъ мечъ , и эта рука спасли-бы опечество ! » Эл-Загаль немедленно согласился уступить принадлежавшую ему часть земель Гренадскихъ , за маленькое помѣстье , съ пшшудомъ Короля , и половиною дохода съ Малегаскихъ содекопень. — « Бѣдная , постыдная цѣна Королевства , имъ проданнаго » — говоришь Конде.

И сивъ бѣднымъ убѣжищемъ эл-Загалъ наслаждался недолго. Поссорясь съ своими подвластными, продалъ онъ Фердинарду свое новое Королевство, и перетхалъ въ Африку, гдѣ, какъ говорятъ, по приказанію Фецаго владѣтеля, былъ ослѣвленъ. Ирвингъ Вашингтонъ пишетъ, что принятой въ одномъ изъ городовъ Тингиспаніи, эл-Загалъ влчиль тамъ бѣдную жизнь, прося милосныни, и нося на груди доску пергаменша, на которомъ было написано: «Я несчастный владыка Андалузіи.»

При слухѣ о столь грозномъ, и столь неожиданномъ событіи, Гренада заволновалась негодованіемъ противъ Боабдила, называя его виновникомъ всѣхъ золъ. Напрасно алфакі уговаривали народъ къ миру и союзу — единственнымъ средствомъ избѣгнуть приближавшагося паденія: имъ уже не вѣрили. Но вскорѣ, гнѣшущая опасность заставила умолкнуть всѣ паршіи.

Однимъ изъ тѣхъ договоровъ, кои Боабдилъ покупалъ покровительство Фердинанда, было положено, что когда Король Испанскій будетъ обладать удѣломъ эл-Загала, и именно: Америкю и Гадяхомъ, Боабдилъ долженъ получить отъ него нѣсколько городовъ во владѣніе, и усшупить ему Гренаду. Фердинандъ потребовалъ исполненія договора. Боабдилъ, еслибы и хотѣлъ, то не могъ исполнить шребованія: онъ не обладалъ самовластно Гренадою, и, въ оправданіе свое, извѣстилъ объ этомъ Фердинанда. Испанскій Король не хотѣлъ ничего знать; въ два набѣга опустошивъ вегу Гренадскую, всшупилъ онъ въ нее съ войскомъ, и

расположилъ на ней шаторъ свой , 23 Апрѣля 1491 года.

Сей шаторъ , великолѣпіе коего мы описали въ началѣ спашьи, сгорѣлъ неожиданно, въ концѣ Іюля. Пожаръ произведенъ былъ факеломъ, который обыкновенно зажигала Изабелла , занимаясь чтеніемъ , прежде нежели заснетъ. Она забыла потушить факель. Ночью ужаснулъ всѣхъ страшный пожаръ. Мавры думали воспользоваться смятеніемъ , и на разсвѣтъ напали на Испанцевъ , полагая, что найдуть ихъ въ уныніи и безпорядкѣ. Но, не смотря на усилія Музы, и его храбраго полка рыцарей , воины Фердинанда вспрѣтили непріятеля мужественно, смяли, и , въ свою очередь , принявъ наступательное положеніе , вскакали въ самые сады Гренадскіе , находившіеся подъ стѣнами города. Лагерь Испанскій уничтожился. Это не устратило *Королей*. На мѣстѣ лагера , вѣрно было строить *городъ*. Девять главѣйшихъ городовъ Испаніи были назначены къ совершенію сего дѣла , и исполнили его съ непоняшною скоростію — въ двадцать одинъ день , какъ сказываютъ. Сей городъ , доннынъ существующій , былъ названъ *Санта-Фе*. Множество торговцевъ съѣхалось въ него ; полное изобиліе всего было въ семъ новомъ городѣ , когда въ шоже время Гренада являлась мѣстомъ голода и лишениі всякаго рода , а воспоминаніе о плачевныхъ предвѣщаніяхъ заставляло сердца всѣхъ жишелей шрепешать ошъ ужаса.

При насшупленіи зимы , Боабдиль созвалъ совѣтъ свой въ Алказаръ. Абуль-Казимъ , вазиръ , или

Губернаторъ Гренады, представилъ донесеніе о запасахъ , и счетъ людей , способныхъ носить оружіе. « Ихъ много »— говорилъ онъ — « Но это множество людей, что можешь доставить намъ, кромѣ заботы? Они храбрятся и грозятъ въ мирѣ , прячутся и шепчутъ во время войны. » Тутъ началъ говорить Муза. « Еще не должно шерять надежды, » сказалъ онъ. « Унасъ есть 20,000 молодыхъ людей ; готовыхъ сражаться за отечество ; кромѣ войска ; коннаго и пѣшаго. »— Вудыте - же защитою отечества ! говорилъ Боябдиль своимъ полководцамъ. — Устройте все , какъ надобно. Общее спасеніе ; безопасность отечества , свобода всѣхъ — въ вашихъ рукахъ ! » Раздѣлили обязанности ; Муза взялъ на себя предводительствоваш конницею на вылазкахъ. Удачныя дѣйствія внушили ему смѣлости бѣжавшихся на подобное дѣло съ пѣхотою. Онъ направилъ на самый городъ Испанцевъ. Началась жестокая битва. Но между тѣмъ, какъ Муза и его конница ; составленная изъ благородныхъ Гренацевъ ; оказывали чудеса храбрости , пѣхота оробѣла , побѣжала въ безпорядкѣ , и оставила Христіанамъ всю артиллерію. Храбрый полководецъ Муза ; въ отчаяніи , въ бѣшенствѣ , прибѣжалъ въ Гренаду ; испуская вопли ярости , какъ волъ ; пораженный копьемъ , или раненный левъ ; и поклонялся никогда не предводительствоваш пѣхотою.

Вѣдствія Гренады умножались ежедневно ; а обитатели ея не были приучены переносить ихъ. Собрали новый советъ , и ; вопреки Музѣ ; положили : вступити въ переговоры съ Испанцами. *Вазиръ*

Ноябрь 1492.

16

Абуль-Казимъ былъ къ нимъ посланъ, и принесть отъ нихъ слѣдующія условія: «Если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, Гренада не получитъ помощи, то она должна едаться. Боабдиль и Мавры его поклянутся въ вѣрности Королямъ Касшиліи, которыхъ послѣ этого будутъ ихъ Королями. Боабдиль получитъ небольшой участокъ земли за свои владѣнія. Музульмане сохраняютъ свои законы, обычаи, обряды, менени, свободное отправленіе обрядовъ своей вѣры, и имъ дадутъ шрехъ-лѣтнюю льготу въ плашежѣ подазей. Пять сотъ благородныхъ, юныхъ Мавровъ будешь отъ нихъ взято въ аманашы.» Слыша о такихъ условіяхъ, всѣ горько заплакали. Муза не плакалъ. Онъ всталъ, и говорилъ слѣдующее.

«Оставьте, Господа, оставьте сіи безполезныя слезы дѣтямъ и слабымъ женщинамъ; мы мужи, и у насъ есть сердца, проливать не слезы, но кровь, до послѣдней капли! Сдѣлаемъ ошчаянное усиліе, и нападъ на враговъ нашихъ, пославимъ противъ копей ихъ наши груди! Готовъ вами начальствовать, если вы хотите смерти, хотите ее храбро, великодушно, смерти честной на полѣ битвы! Пусть лучше причислятъ насъ помощество къ знаменишому сонму падшихъ за его защиту, нежели тѣхъ, которые предали его врагамъ. Если-же у насъ нѣтъ столько храбрости, если вы умереть не считаете, то терпѣливо и весело надобно слушать печальныя условія, и преклонять главу подъ тяжелымъ и вѣчнымъ игомъ посмѣднаго рабства. Вижу, что духъ народа упалъ, упалъ низко — погибели государ-

ства избѣжать невозможно ; сердцамъ благороднымъ остаётся одно — смерть , и я предпочитаю свободную смерть тѣмъ бѣдствіямъ , которыя ожидаютъ пережившихъ свое отечество ! — Если вы думаете , что побѣдители будутъ вѣрны своимъ обещаніямъ , и что послѣ покоренія , Король Испанскій будетъ столь-же великодушнымъ въ побѣдѣ , сколько былъ онъ счастливъ въ войнѣ — вы обманываетесь . Испанцы жаждутъ крови нашей , и упьются ею . Смерть есть еще самое меньшее , изъ золь , намъ угрожающихъ ; бѣдственная судьба наша готовится намъ мученія затѣ , позоръ тяжеле : грабежъ нашихъ домовъ , оскверненіе нашихъ мечетей , насиліе и поруганіе нашихъ женъ и дочерей , угнѣшенія , несправедливыя повелѣнія , тяжкія преслѣдованія , пылающіе костры , гдѣ мы увидимъ тѣла наши живо горящія ! Мы увидимъ все это собственными своими глазами — увидать , по крайней мѣрѣ , нѣ несчастные , которые боятся шеперь честной смерти : я , клянусь именемъ Алла ! не увижу этого ! Смерть всегда вѣрна человѣку , всегда близко подѣтъ каждому изъ насъ... Для чего не употребить малаго , остающагося намъ времени , на то , чтобы умереть не безъ опщизненія ? Пойдемъ умирать защищая нашу свободу ! Еще свободная земля принимаетъ тѣла наши ; кому не будетъ мѣста въ землѣ , того покроетъ родное небо опщизны ! Сохрани Богъ , если пошомъ скажутъ , что благородные Гренадцы не смѣли умереть за свою опщизну ! »

Никшо не опщичалъ ; всѣ были погружены въ унылое , безмольное опщичаніе . Въ ярости бросился

тогда Муза из собранія, одѣся въ броню, взявъ своё оружіе, сѣлъ на свою лошадь, выѣхавъ изъ Гренады Эльвирскими воротами, и съ тѣхъ поръ ничего не было о немъ слышно. Въ тотъ-же день, неизвѣстный Мавританскій рыцарь неистово началъ на десять всадниковъ Андалузскихъ, перебилъ многихъ, и упорно искалъ смерти, хотя и сѣтарались пощадить его. Когда онъ не могъ уже больше защищаться, шо бросился въ рѣку Хениль; тяжелая броня увлекла его ко дну рѣки; лошадь его была убита копьемъ, и осмалась на мѣстѣ битвы. Нѣкоторые изъ передавшихся Мавровъ осматривали ее, и сказали, что это была лошадь Музы-бень-Абель Газана. Впрочемъ, извѣстіе не подтвердилось достоверно.

Договоръ о сдачѣ Гренады былъ подписанъ 25 Ноября 1491 года. Декабря 30-го, не дожидаясь конца опредѣленнаго срока, не видя никакой помощи, Боабдиль послалъ къ *Королямъ* своего визиря, Абель-Комиха, съ подарками, и предложеніемъ—сдать Гренаду немедленно. Предложеніе было принято, и 2-го Января, опустивъ въ назначенное мѣсто свое семейство, съ сокровищами, поручивъ сдачу города своему визирю, Боабдиль поѣхалъ на встрѣчу побѣдителей. *Короли* находились въ полу-миль отъ Гренады, и ждали, чтобы хоругви ихъ, водруженныя на стѣнахъ Гренадскихъ, возвѣстили имъ покореніе Гренады. Долго не видя сихъ знаковъ, начинали уже беспокоиться, какъ вдругъ, на Велаской башнѣ, заблестала огромный серебряный крестъ, водруженный шамъ Фердинандомъ де-Талавера, Еписко-

помъ Авилскимъ , котораго *Короли* наименовали уже Гренадскимъ Архіепископомъ. Пошомъ возсіяла хоругвь св. Іакова , при плескахъ всего воинства , и наконецъ , Королевскій знаменосецъ выставилъ Королевское знамя. Кляки ; *Кастилія , Кастилія !* загремѣли всюду ; *Короли* пади на колѣна : свиша ихъ слѣдовала сему приѣтру ; ударяя себя въ грудь , побѣдители восклицали : Non nobis , Domine , non nobis , sed nominis tui sit gloria (*не намъ , Господи , не намъ , но Имени твоему да будетъ слава*) ! Громкое : *Тебѣ , Бога , хвалимъ !* загремѣло въ поже мгновение.

Торжественно двинулся къ Гренадѣ , я на пущи испрѣтлци Боабдила , справедливо названнаго *El Zogouby* (*несчастливый*). Онъ хотѣлъ сойдти съ лошади ; Фердинандъ воспрепятствовалъ. Боабдиль поцѣловалъ правую руку Испанскаго Короля , говоря : « Мы въ твоей власти , могущій , знаменитый Государь ! Мы вручаемъ тебѣ сей градъ и царство наше , ибо Аллѣ такъ угодно — и мы надѣемся , что торжествіе твое будетъ сопровождено кротостію и великодушіемъ . » — Визирь поднесъ ключи Гренады. *Короли* послали занять городъ , и до 6-го Января опложили торжественный вѣздъ свой въ Гренаду.

Боабдиль не хотѣлъ быть свидѣтелемъ сего унижательнаго для него позорища. Когда , съ вершинъ одной изъ горъ Алцухараскихъ , онъ увидѣлъ свою бывшую столицу , и услышалъ торжественный громъ артиллеріи христіанъ — « Allah achbar (*великъ Богъ*) ! воскликнулъ онъ ; но слезы помѣщали ему говорить далѣе.

« Ты долженъ оплакивать , какъ женщина , то , чего не умѣяши защищать , какъ мужчина ! » сказала ему Анха , мать его . Гора , гдѣ это было сказано , донинѣ называется *Fez Allah Achbar* , а мѣсто на ней , съ котораго видна Гренада , известно между Испанцами подъ именемъ *последняго вздоха Мавра* (el último suspiro del Moro) . Дверь , въ которую вышелъ изъ Алгамы несчастный Боабдиль , была , по его желанію , проклята и закладена . Она оставалась завладенною до самаго вступленія Французовъ въ Гренаду , при Наполеонѣ ; тогда снова раскрыли сію дверь .

Не умѣвъ защищать своего царства , Боабдиль вскорѣ оставилъ и маленькую землицу , данную ему въ обмѣнъ за Гренаду . Онъ уступилъ ее Фердинанду за золото , переправился въ Африку , и тамъ погибъ , сражаясь за чужое дѣло , защищая родственника своего , Короля Фецскаго , противъ возмущившихся его братьевъ .

Января 6 - го , 1492 года , въ пятницу , въ день Крещенія , *Король* торжественно вступилъ въ Гренаду . Пусты были улицы Гренадскія ; жители заперлись въ своихъ домахъ , чтобы не видать несчастнаго дня , котораго не умѣли они отворотить . Кромѣ своего Двора , Короли были сопровождаемы Масришанскимъ Княземъ Сиди-Яги , названнымъ уже въ то время Дономъ Педро Гренадскимъ . Его опредѣлили правителемъ столицы того царства , которое прославило его мужество во время своей защиты . Воздавъ хвалу Богу , въ мечети , уже обращенной въ Соборную церковь , Короли пришли въ

Алгамбръ поздравленія и присягу новыхъ своихъ подданныхъ. Владычество Музульманъ въ Испаніи кончилось, продолжавшись семь сотъ семьдесятъ восемь лѣтъ. Съ самой Гуадалешской битвы, до взятія Гренады, Испанцы непрерывно старались о разрушеніи власти невѣрныхъ, успѣли въ томъ, и воспоминаніемъ своего подвига гордясь до нынѣ. «Наши отцы восемь сотъ лѣтъ изгоняли Мавровъ изъ Испаніи», отвѣчаетъ Испанецъ, когда говоришь ему о трудности, или продолжительности какого-либо предпріянія. Дай богъ, чтобы такая настойчивая рѣшительность всегда осталась въ ихъ характерѣ! Камарилла, Инквизиція, невѣжество, враги столь-же не легкіе къ побѣдѣ, какъ Мауры, но крайней мѣрѣ, болѣе опасные. Врагъ, съ саблею и копьемъ въ рукахъ, можетъ убить; но спрашивайся его не должно, по слову Священнаго Писанія: «Не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души-же не могущихъ убить!»—Враги, убивающіе душу, спрашивать, и побѣду надъ ними оставили потомкамъ побѣдители Гренады!

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— Ougyographie du gouvernement de Moscou, publiée par le Directeur de la Société IMPÉRIALE des Naturalistes de Moscou G. Fischer - de - Waldheim (*Ориктографія Московскоѣ губерніи*, издаѣнная Директоромъ Императорскаго Московскаго Общества Естественныхъ наукъ, Г. Фишеромъ-фонъ-Вальдгеймъ). М. 1830 г. въ ш. Августа Семена, in f. IX и 24 смр., съ 66 картами и рисунками.

Огромное предпріятіе выдалъ въ виду Г. И. Фишеръ—ученый, имя коего съ честию находится въ числѣ именъ просвѣщенныхъ Европейцевъ. Онъ хотѣлъ составить полнре — *физическое, историческое, статистическое и живописное* описаніе Москвы и ея губерніи. Участниками въ сѣмъ предпріятіи были Профессоры: П. И. Спраховъ, И. А. Геймъ, и ученый Гольдбахъ. Каждый изъ нихъ принималъ на себя отдѣльную часть; Г-нъ Фишеръ былъ, кромѣ того, производившесѣ дѣла; Г-нъ Цетшеръ, искусный рисовальщикъ, занимался рисунками. Предпріятіе было одобрено вниманіемъ, нынѣ въ Богѣ почивающаго, Императора Александра; болѣе 50 рисунковъ было уже выгравировано.

Но—человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! «Судьбѣ угодно было рѣшить иначе,» гово-

ршилъ Г-нъ Фишеръ. «Пожаръ Москвы, въ 1812 году, истребивъ всѣ мои коллекціи, истребилъ всѣ ма-теріалы для книги, и самыя рисунки. Съ прискорбіемъ видѣлъ я пошомъ смерть, одного за другимъ, моихъ товарищей работы, и остался одинъ. На-прасно было мнѣ одному льстить себя успѣхомъ въ исполненіи прежняго, обширнаго плана сочиненія, Поставъ потери всѣхъ плодовъ нашей продолжитель-ной работы — потери невозвратной, ибо участни-ки труда уже не существуютъ болѣе, рвеніе мое уступило мѣсто грустному огорченію», . . .

Кто не приметъ участія въ благородныхъ чувст-вахъ почтеннаго Автора, и не поскорбитъ, вмѣстѣ съ нимъ, о невозвратной потерѣ его, и разру-шеніи предпріянія, столь прекраснаго!

Г-нъ Фишеръ желалъ однакожь, сколько возмож-но было ему, вознаградыть прежне, и по сему рѣшился издасть хотя *Ориктографическое* краткое описаніе Московской губерніи. «Являясь болѣе затрудненіе въ томъ (говоришь по сему случаю Г-нъ Фишеръ), что весь интересъ книги сосредото-чивался на предметѣ, не могущемъ увлечь вниманія ширъ людей, которые не занимаются преимуще-ственно сею частію Естественнаго. Но я обод-рился, видя великое число Ископаемыхъ на томъ пространствѣ земли, которое, кажется, сначала мало общается добычѣ естествоиспытателю. Каж-дая поѣздка по Московской губерніи доставляла мнѣ новые выводы, которые, соединяясь съ открытія-ми, učinенными въ отдаленныхъ отъ насъ земляхъ, часто давали средства дополнить промежутокъ въ

порядкѣ Ископаемыхъ, или пояснѣшь въ нихъ то, чю еще не было совершенно извѣстно.»

Можно прибавить къ словамъ Автора, что важность Ориктографическаго описанія Московской губернии, сдѣланнаго Г-мъ Фишеромъ, умножается по времени появленія онаго. Нынѣ во всей Европѣ Ориктографія особенно занимаетъ вниманіе ученыхъ людей. Пышливый умъ челоѣка, прилагая изслѣдованія свои ко всѣмъ возможнымъ *Исторіямъ Природы и Челоѣка*, съ удивительною смѣлостію допрашиваетъ шайнѣ *до-исторической жизни міра*. Послѣ трудовъ Кювье, Броньяра, и еще нѣкоторыхъ естествоиспытателей, Геологія и Ориктографія заняли важное мѣсто среди другихъ знаній челоѣка. Мы увѣрены, чю книга Г-на Фишера будетъ досшойно оцѣнена въ Европѣ.

«Какъ ни ревностно старался я (продолжаетъ Г-нъ Фишеръ) умножать изысканія мои, но предметъ еще далеко не исощенъ мною. Окрестности Москвы представляютъ мало различій образованія (formation) — это правда; но еще долго будушь онѣ источникомъ богатыхъ матеріаловъ для изученія Ископаемыхъ шѣлъ, особливо требующихъ изслѣдованія микроскопическаго, и составляющихъ собою, кажешся, важную часть известняна Московскаго (du calcaire de Moscou). Все это убѣждаетъ меня, чю книга, представляющая публикѣ картину остатковъ органическихъ шѣлъ, существовавшихъ въ шѣ вѣка, ошѣ конхъ мы ошдѣлены великими революціями земнаго шара, принесетъ удовольствіе каждому, любящему созерцаніе феноменовъ приро-

ды. Не безъ особеннаго вниманія увидятъ въ ней соединенными ошашки исполинскихъ живописныхъ — слоновъ , носороговъ , рядомъ съ морскими раковинами , едва замѣтными по мѣлкости ихъ — зрѣлище, сколько-же говорящее воображенію и уму , сколько любопытное для ищущаго новыхъ матеріаловъ наукъ!»

Изданіе книги Г-на Фишера достойно важнаго ея предмета : оно великолѣпно ; рисунки гравированы и раскрашены превосходно. Въ началѣ приложена Геогностическая карта Московской губерніи. За шѣмъ слѣдуешь шесть частныхъ, Топографическихъ картъ, и Геогностическихъ разрѣзовъ почвы, въ разныхъ мѣстахъ Московской губерніи. Потомъ представляющія 44 Ориктографическіе рисунка , на конхъ видны Ископаемыя, найденныя Г-мъ Фишеромъ въ Московской губерніи. Зрѣлище , возбуждающее вниманіе , даже и простаго читателя : огромные черепа слоновъ и носороговъ , зубы страшныхъ иксіозавровъ и крокодиловъ , разнообразныя раковины, ошпечашки рыбъ, листьвовъ древесныхъ, окаменѣлыя деревья — слѣды страшныхъ событій въ природѣ , ошашки до-потопныхъ живописныхъ — на шомъ мѣстѣ , гдѣ живемъ мы нынѣ , съ своими спрасшями , своими гробами , своими мѣлыми радостями и горестями!

Въ концѣ книги , Г-нъ Фишеръ прибавилъ еще 15 рисунковъ разныхъ зѣтрей , пшицъ , наѣкомыхъ , и произрастѣній Московскихъ. Они важны для знаніа , будучи выбраны изъ богатыхъ коллекцій , жонни обладаешь Авторъ , или кошорыя находящіяся въ его распоряженіи.

Вообще можно сказать, что немного книгъ является у насъ столь замѣчательныхъ, по вѣстмъ оныхъ дошеніямъ, сколь замѣчательно новое сочиненіе Г-на Фишера. Какъ не пожалѣть, что обстоятельство дѣлало насъ описанія Московской губерніи въ первоначальномъ его объемѣ, какой предполагать прочтенный Авторъ!

— *Записки Ученаго Комитета Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества. Ч. I, II, III, IV, V и VI. СПб. 1828, 1829, 1830 гг., въ Морской типографіи, іа-8, 167, 205, 191, 202, 297 и 230 стр., со многими картами, чертежами и картинами.*

Читателямъ Тедеграфа извѣстны *Записки Адмиралтейскаго Департамента* (1807, 1827 гг. 12 томовъ), ибо неоднократно отдавали мы отчетъ о сей достойной замѣчанія книгѣ въ Тедеграфъ, по мѣрѣ выхода оной. Съ новымъ образованіемъ управленія по Морской части, въ 1827 году, закрытъ былъ Адмиралтейскій Департаментъ. Въмѣсто шого, въ числѣ новыхъ мѣстъ по Морскому вѣдомству, положено быть *Ученому Комитету*. Въ обязанность сего Комитета поставлено: собраніе и разсмотрѣніе иностранныхъ новыхъ книгъ; стараніе о переводѣ признанныхъ за лучшія; разсмотрѣніе проэктовъ и дѣланіе разныхъ опытовъ; составленіе учебныхъ инструкцій; участіе въ надзорѣ за учебною частію; испытаніе учителей, и ученыхъ назначаемыхъ въ путешествія морскія, изданіе ученыхъ записокъ, долженствовавшихъ замѣнить *Записки Адмиралтейскаго Департамента*.

Утвержденный 24 Августа, Комитетъ обширнѣе 4 Октября 1827 года. Его составили тогда Предсѣдатель; Ген. лейт. Голешицевъ-Кушусовъ, Непременные Члены: Командръ-Адмиралъ Крузенштернъ и Биллингсгаузенъ, Ген. Маіоръ Головинъ, и Дѣйстви. Сш. Сов. Никольскій; Почетныхъ Членовъ посупило въ началѣ 12.

Немедленно по открытіи, Комитетъ приступилъ къ изданію ученыхъ *Записокъ*, какъ поставлено было ему въ обязанность.

Въ планъ *Записокъ* введены: 1-е, *свѣдѣнія и изобрѣтенія* по строенію, вооруженію и управленію судами, Астрономіи, морскою Метеорологіи, сохраненію здоровья на морѣ, и вообще новости, касательно теоріи мореплаванія; 2-е, *извѣстія* о важнѣйшихъ путешествіяхъ, замѣчательныхъ кораблекрушеніяхъ, морскихъ силахъ разныхъ державъ, лучшихъ иностранныхъ сочиненій: Наконецъ, 3-е, извѣстіе о плаваніяхъ Русскихъ судовъ, подвигахъ Русскихъ мореходцевъ, жизни отличныхъ Русскихъ морскихъ офицеровъ, и объ официальныхъ перемѣнахъ по Русскому флоту.

Такой обширный планъ преобладалъ и большаго размѣра *Записокъ*; положено было издавать ихъ *шесть* книжекъ въ годъ.

Донныя однакожь, въ три года, издано ихъ только *шесть* книжекъ.

Принимая въ соображеніе немалыя занятія Ученаго Комитета по другимъ частямъ, видимъ, что они не могъ обратишь надлежащаго вниманія на

Записки. Это доказываешь швъ, что въ 1848 г. ихъ выдано только 6 книжекъ, то есть, *второе* мѣсто прошивъ предположеннаго числа.

Разсмотрѣніе спашей въ изданныхъ книжкахъ еще болѣе доказываешь наше мнѣніе. Нѣсколько словъ предварительно:

Мы осмѣливаемся думать, что должна быть большая разница между поврежденными изданіями, особливо издаваемыми ошъ частныхъ людей, и между записками или *повременными книгами*, издаваемыми ошъ ученыхъ обществъ. Быспроша, разнообразіе могутъ быть принадлежностью первыхъ; важность, основательность, точность вторыхъ. Здѣсь нѣтъ надобности спѣшить въспами; есть время наблюсти систему и подноту. Журналистъ, готовя на срокъ, удовлетворяя любопытству (не говоримъ о Журналахъ, подобныхъ *Journal des Savans*, Англійскимъ *Reviews*, или Нѣмецкимъ и Французскимъ *Zeitschriften* и *Revue*, въ родѣ ихъ), не имѣешь для сего возможности и средствъ, долженъ заботиться о другой цѣли, и помнить, что основательно учиться по Журналу его ни кшо не будешь, что онъ издаетъ только собраніе матеріаловъ, болѣе или мѣнѣе хорошее.

Иное дѣло Ученыя Записки, въ родѣ Журналовъ или поврежденныхъ изданій. Въ Запискахъ Адмиралшейскаго Ученаго Комитета, можно было надѣяться систематическаго обозрѣнія ошкрытій и изобрѣтеній по части кораблестроенія, кораблевожденія и теоріи Мореплаванія, Метеорологіи и Астрономіи.

морской; также технического описанія мазонствъ, сншнихъ предметовъ, хошя-бы и не новыхъ, по всѣмъ снмъ наукамъ и знаніямъ. Путешествія можно было въ нихъ также излагать вполне, системашически. Библиографія могла составить обширную, полную сншью. Жизнеописанія Русскихъ моряковъ могли бытъ написаны въ наученіе морскимъ офицерамъ.

Ничего этого мы не замѣтили въ 6-ти частяхъ *Записокъ*, до нынѣ изданныхъ. Ихъ составляютъ: сншей десять относительно къ строенію и устройству кораблей; сншей пять касательно наблюдений надъ земнымъ магнетизмомъ; 5 или 6 сншей астрономическихъ. Всѣ сн статьи заимствованы изъ разныхъ иностранныхъ журналовъ, и — безъ дальняго разбора: наполовину, онѣ старыя, поверхностныя, легонькія — почти ни одной нѣтъ важной! Кто не знаетъ того, что говорится, напримѣръ, въ сн статьяхъ: о кометахъ (ч. III, 22), о планетахъ (ч. III, 40), о пятнахъ въ солнцѣ (ч. IV), о паровыхъ машинахъ (ч. IV)? Статьи Монжери (давно помѣщенные въ Телеграфъ) суть только занимательныя догадки и мечты, а не положительныя, полезныя для моряковъ свѣдѣнія. — Географическую статью нашли мы только одну (о Сухумъ-Кале). Есть еще двѣ маленькія статьи о новооткрытыхъ островахъ — вѣроятно, наскоро написанныя для какой нибудь Газеты, и теперь уже устарѣлыя. Путешествія морскія — въ наше время безчисленныя — вовсе забыты: Веддель, Парри, Диллонъ, удостоенные чести бытъ упомянутыми, давно издали книги, а объ нихъ напечатаны извѣ-

сшія изъ газетныхъ свѣдѣній. Въ Библиографіи ; безъ разбора важности , и безъ всякой системы ; помѣщены корешенькія извѣстія о нѣсколькихъ десятинахъ книгъ. Некрологіи Русскихъ морскихъ офицеровъ — суть послужные , сухіе списки ; таковыже два , или три извѣстія о путешественникахъ Русскихъ — простая нумерація мѣсья , куда они плавали :

Одно только отдѣленіе Записокъ отдѣлено хорошо: *Историческія извѣстія* о прежнихъ и нынѣшнихъ событіяхъ по Русскому флоту (Чесменская и Наваринская битвы , блокада Дарданелль , извѣстія о плаваніи и постройкѣ кораблей , описанія удалей , и проч.) : Это богатый матеріалъ для Исторіи. Заглавнымъ также нѣсколько краткихъ , любопытныхъ извѣстій , какъ-то , о подвигѣ Домашенки , о порывѣ вихря , испушанномъ кораблемъ Елисаветою ; и т. п.

Прибавимъ въ заключеніе нашихъ замѣчаній , что языкъ въ Запискахъ вообще весьма неправиленъ , переводы вообще невѣрны , и иностранныя имена по большей части писаны ошибочно , какъ-то , на примѣръ : *Гюіана* (вмѣсто : *Гвѣйна*) , *Пицарръ* (вм. *Пизаръ*) , островъ *Борделезъ* (вм. островъ *Бордоскій* (*Boisdelais*) , *Бейронъ* ; вм. *Байронъ* , *Мокжерн* , вм. *Монжерн* ; и проч.

Будемъ надѣяться , что слѣдующія части *Записокъ* будутъ досшойны своего назначенія , и исправны во всехъ отношеніяхъ. Вѣроятно , донынѣ нѣ когда было ими занятыся. Онь того онъ такъ

медленно издаюшся , и безъ дальняго разбора наполняюшся.

Карты , рисунки , каршинки , при Запискахъ приложенныя , гравированы и ошпечашаны прекрасно.

— *Записки , издаваемыя отъ Департамента народнаго просвѣщенія . Книжка 2-я и 3-я . СПб . 1827 и 1829 г . , въ ш . Деп . Нар . Просв . in-8 , 491 и 472 стр .*

Хошя по времени печашанія , сіи книги ошносяшся къ 1827 и 1829 гг . , но онѣ выданы были въ 1830 году , вмѣстѣ .

Мы увѣдомляли нашихъ чашашелей о сихъ Запискахъ , и предшавили обзорніе 1-й ч . оныхъ , вышедшей въ 1826 году (Тел . XIV , 133) . Предполагалось замѣнить ими изданіе бывшаго *Журнала Департамента народнаго просвѣщенія* , кошорый кончился Февралемъ 1823 года , и издавашь оныя ежегодно . Во 2-й и 3-й частяхъ Записокъ , порядокъ ихъ нѣсколько измѣненъ прошивъ первой . Онѣ состояшъ , *вторая* изъ шрехъ ошдѣленій : *Высочайшія повелѣнія ; Науки и Искусства ; разныя извѣстія ; а третья* изъ двухъ : *Высочайшія повелѣнія и ученныя статьи .*

Первое ошдѣленіе обѣихъ книжекъ содержишъ въ себѣ указы и учрежденія по Миниспершву народнаго просвѣщенія , съ Феврала 1826-го по Декабрь 1828 года , всего 17 шашей . Въ числѣ ихъ находятся : *Учрежденіе о Товарищахъ Миниспрровъ ; Ценсурный Уставъ 1826 года , Ценсурный Уставъ , нынѣ дѣйствующій (1828 года) , Уставъ Главнаго Педаго-*

Ноябрь 1830 .

47

гическаго Института, Уставъ Гимназій и Училищъ уѣздныхъ и приходскихъ.

Во *второмъ* и *третьемъ* отдѣленіи обихъ книжекъ находятся : Разсужденія Кандидашовъ Московскаго Университеша , Г-на Дубенскаго — О водныхъ сообщеніяхъ въ Россіи , и Г-на Камашева-Средняго — О описемахъ Изящнаго (оба они были уже напечатаны отдѣльно) ; кромѣ того : Разсужденіе о законахъ , чинанное на актѣ СПбургскаго Благороднаго Пансіона , въ 1824 году , воспитанникомъ Чихачевымъ ; Донесеніе Г-на Бларамберга , о пожертвованіи его Одесскому Музею (въ 1825 году) ; Разсужденіе о важности Геогнозіи для рудокопства , соч. Г-на Энгельгардта , 1827 года (здѣсь намъ показалось немного рѣзкимъ рѣшимельное мнѣніе Автора , что *Геологія* есть не только не наука, но бредни !) ; Разсужденіе о древностяхъ Азіятской Россіи (соч. Фіорилло , изд. на Французскомъ языкѣ , въ 1821 году . Замѣчательно извѣстіе Автора , что въ Россіи есть рукописи на языкахъ *Тунгусскомъ* и *Монгольскомъ* , но что за неимѣніемъ переводчиковъ , ихъ никто донинѣ не читалъ) ; наконецъ оищеть о путешествіи Г-на Ледебура по Сибири , въ 1826 году .

Слѣдующъ оищеть : СПбургской Академіи за 1825 годъ , и о засѣданіи оной въ 1826 году ; оищеть Общества для усовершенствованія Эстскаго языка , въ Аренсбургѣ , на островѣ Эзелѣ (за 1827 годъ) ; оищеть Лашышскаго Литтературнаго Общества , въ Ригѣ , за 1827 годъ (жаль , что объ успѣхахъ и трудахъ того и другаго общества въ

сихъ опчешахъ ничего не сказано); опчешъ о за-
сѣданіи Московскаго Общесхва Исторіи и Древно-
шей Россійскихъ, бывшемъ въ 1828 году.

Кромѣ того помѣщены: Вѣдомость о главномъ
Нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра въ Спбургѣ, по
Іюль 1827 года, и вѣдомость объ Училищахъ, по
методѣ взаимнаго обученія. Въ 1827 году, было
оныхъ въ Россіи 28; изъ сего числа въ Волинскихъ
и Бѣлорусскихъ областяхъ 14, въ Бессарабіи 5, въ
С.Пешербургѣ 3, остальные — въ Вологдаѣ, *гаст-
ная школа*; въ Тулѣ и Ефремовѣ, при Уѣздныхъ
училищахъ; въ Перми, *заведенная купцами*; въ Ти-
флисѣ, при Благородномъ училищѣ; Харьковскаго
уѣзда, въ слободѣ Бабалѣхъ, заведенное Полковни-
комъ Щербининымъ. — Въ Москвѣ и другихъ горо-
дахъ и мѣстахъ, кромѣ вышеупомянушихъ, не бы-
ло Училищъ по методѣ взаимнаго обученія, нигдѣ.
По военному вѣдомству, при разныхъ полкахъ и
штабахъ, также по военнымъ Поселеніямъ счища-
лось ихъ въ 1827 году, 238; учащихъ было 477, уча-
щихся 23,118.

— *Краткое историческое свѣдѣніе о состояніи
Императорской Академіи Художествъ, съ 1764-го
по 1829 годъ* (А. Н. Оленина). Спб. 1829 г. въ ш.
Ивана Глазунова, in-8, 86 стр.

— *Отчетъ Императорской Академіи Художествъ,
за 1828, 1829 и 1830 годы.* Спб. 1830 г. въ ш. Н.
Греча, in-8, 47 стр.

Двѣ чрезвычайно замѣчательныя брошюрки: онѣ
взображаютъ намъ исторію и нынѣшнее состояніе
одного изъ важнѣйшихъ ученыхъ и учебныхъ заве-
деній въ нашемъ опчешствѣ. Но что всего драго-

цѣннѣе : это не тѣ опчешы , какихъ весьма много бываешь , которые ничего не сказывають о сущности дѣла , начинаюшся и оканчиваюшся громкими словами : это историческія истины , искреннее обнародованіе коихъ показываетъ желаніе нынѣшняго , почтеннаго Президента Академіи , А. Н. Оленина , довести управляемое имъ заведеніе до надлежащей степени совершенства , и извлечь изъ него всю возможную для отечества пользу. Подвигъ важный , заслуживающій глубокую благодарность каждаго просвѣщеннаго соотечественника.

Въ началѣ *Историческаго свидѣнія* , Авторъ излагаетъ цѣль , преимущества , дарованныя Уставомъ , и первые успѣхи Академіи Художествъ. Основанная въ 1758 году , Елисаветою , получившая огромный штатъ (60,000 рублей серебр.) въ 1764 г. , отъ Екатерины , Академія пользовалась большими преимуществами. Вънценосныя особы и знаменитые мужи были ея Членами (Императоръ Павелъ I , Густавъ III , Король Шведскій , Герцогъ Жуанъ Браганцскій , Принцъ Фридрихъ Прусскій , нынѣ царствующій Король Прусскій , Цесаревичъ Константинъ Павловичъ , Вел. Княгиня Анна Павловна , Панины , Орловы , Строгоновъ , Потемкинъ , Безбородко , Гейне , и проч.). Великолѣпное зданіе было воздвигнуто для ея помѣщенія ; досташочныя жалованья опредѣлены были Профессорамъ ; драгоценныя собранія картинъ и слѣпковъ подарены были , Императрицею Екатериною , Императорами , Павломъ и Александромъ , Бецкимъ , Шуваловымъ , Строгоновымъ (между прочимъ галлерей Герцогини

из Книгштовъ, и Фарсетшьева коллекція сѣт-ковъ).

Подробности о послѣдовавшемъ пошомъ управленіи Академіею, и о художникахъ, изъ оной вышедшихъ, можно видѣть въ брошюркѣ А. Н. Оленина. Прошло сорокъ слишкомъ лѣтъ, и всѣ замѣтили, что Академія находилась въ совершенномъ упадкѣ, такъ, что въ 1816 году принуждены были учредить особый Комитетъ, для разсмотрѣнія дѣлъ ея. Президентомъ Комитета опредѣленъ былъ А. Н. Оленинъ. Онъ представилъ подробные отчеты объ Академіи, и ему съ 1817 года ввѣрено было управленіе оною.

А. Н. Оленинъ изображаетъ вполнѣ состояніе Академіи, въ какомъ она поступила къ нему. Это состояніе представляло картину самую неутѣшительную. Означаемъ здѣсь нѣсколько главныхъ чертъ оной: на Академіи было долговъ 280,995 р. 29 к. (стр. 35); сумма для награды художникамъ (по 10 ш. р. въ годъ) 16 лѣтъ оставалась безъ требованія (стр. 36); въ кассѣ Академіи находилось шолько 17 р 26 к. (стр. 37); домъ Академіи, болѣе 50 лѣтъ непочиниваемый, обветшалъ (стр. 39), даже кровля на немъ проржавѣла (стр. 40); цоколки, печи, двери разрушались; спальни воспитанниковъ, учебныя комнаты, квартиры Профессоровъ были въ безпорядкѣ размѣщены (стр. 41); классы походили на курени, отъ неопрятства и смрада лампадъ, поставленныхъ на желѣзные сковороды, такъ, что пробывъ въ нихъ часа два, сморкали и плевали цошомъ нѣсколько часовъ копошью (стр. 43); кухня дымила (стр. 44); по-

греба зашопляло водою (стр. 45); крыльца заносило снѣгомъ (стр. 46), а отъ мѣстъ особенныхъ по всей Академіи распространялся зловредный и несносный запахъ (стр. 49); вокругъ дома Академіи не было ни шоковъ, ни шрошшуровъ (стр. 53); только одинъ бокъ зданія былъ оштукатуренъ (стр. 54); церковь была начата и оставалась неосдѣланною (стр. 55). Самые аншки, слѣпки, формы (драгоценности неоцѣненные!) были разбросаны, расшеряны, даже истреблены; довольно сказано въ семь отношеній, что Геркуланскіе шреножки употреблялись для иллюминацій улицы, и что съ 1817 года занимаясь разборомъ формъ ваятельныхъ, не могутъ еще окончить разбора (стр. 59). Архивъ былъ въ безпорядкѣ (стр. 66); ученики Академическіе ходили въ плащѣ, похожемъ на рубище (стр. 69); воздухъ въ жилищахъ и пища ихъ такъ были дурны, что шреть учениковъ спралада зобами (стр. 72); гувернёровъ и учившей достойныхъ было очень мало (стр. 73); воспитанниковъ назначенныхъ къ отправленію за границу, и неосправляемыхъ, хотя они и были шого достойны, накопилось до 30 человекъ, а отправишь ихъ было нечѣмъ (стр. 75).

Такова была Академія Художествъ до 1817 года, когда поступила подъ управленіе А. Н. Оленина. Подробное описаніе всего, что сдѣлано было къ улучшенію Академіи симъ почтеннымъ Президентомъ, въ теченіе 13 лѣтъ, до 1831 года, заняло бы здѣсь много мѣста. Достаточно сказано, что Академія въ 1829 году была уже, по хозяйственной и экономической части, въ состояніи совершенно

новомъ и превосходномъ. Трудно исчислить и всѣ милости, всѣ благодѣянія, какія излишы были оны нынѣ царствующаго благополучно Монарха нашего къ поправленію и преуспѣянію Академіи. Онъ лично посѣщаль ее, дароваль ей всѣ пособія, Цирски награждалъ досшойныхъ художниковъ, и справедливо можно сказать съ благонамѣреннымъ Президентомъ Академіи, что «нынѣ настало время вождельнаго, испиннаго возрожденія сего знаменишаго и «полезнаго учрежденія» (*Кр. Ист. свѣдѣніе*, стр. 86). — Такъ великъ и неисощимъ въ благодѣяніяхъ своихъ повсюду Монархъ нашъ; такъ ревность ко благу совершаетъ подвиги и съ малыми средствами! Съ 1829 года, Академія принята подѣ особенное Высочайшее покровительство, и находится подѣ главнымъ начальствомъ Министра Диора; шеперь готовишся новый шпашъ ея, новое образованіе; пособія увеличиваются; все прежнее неустройство истреплено. Радостно слышать, и многого можно надѣяться въ будущемъ.

Мы сказали, что въ *Историческомъ свѣдѣніи*, А. Н. Оленинъ излагаешъ и *уземную* исторію Академіи; въ *Отчетѣ* Исторія сія доведена до 1831 года. Но мы оставляемъ изложеніе предмета съ сей стороны до извѣстія, которое предполагаемъ помѣстить въ Телеграфѣ объ *Отчетѣ* Академіи Художествъ за 1831 годъ. Тогда постараемъ изложить мысли наши вообще объ Исторіи Изыщныхъ Художествъ въ Россіи, и объ Академіи Художествъ особенно.

— *Сanevas méthodique et chronologique, etc. (Методическая и хронологическая канва. Для изученія Ис-*

сторіи языка Французскаго и Литтературы Французской, ошъ завоеванія Галліи Юліемъ Цезаремъ до нашего времени. И всеобщая картина Литтературъ Древнихъ и Новыхъ, содержащая сокращенную Исторію успѣховъ ума человѣческаго, и его произведеній у Евреевъ, Кишайцевъ, Индійцевъ, Персіянъ, Финніянъ, Египціянъ, Грековъ, Римлянъ, Цельшовъ, Скандинавовъ, Арабовъ, Итальянцевъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Англичанъ, Нѣмцевъ и Рускихъ. Учебное сочиненіе, посвящаемое юнымъ Рускимъ, обо его пола, К. Сеншъ-Илеромъ, Авторомъ Французской Граммашки въ 36-ши урокахъ, въ пользу Рускихъ). Спб. 1830 г. въ т. К. Крайя, in-8, XII и 298 стр.

Эту книгу можно назвать карликомъ, съ исполнскою головою. *Триста страницъ*, испечашанныхъ крупными буквами, составляютъ книгу, и едва въ 20-ши строкахъ мѣлкой печати высказано заглавіе книги! И чего не объщаетъ это заглавіе! *L'histoire abrégée des progrès de l'esprit humain*, и произведенія *de l'esprit humain — chez les Hebreux, les Chinois, les Phéniciens, les Celtes, les Scandinaves, les Russes — даже и chez les Russes!*

Авторъ сей книги, Г-нъ Сеншъ-Илеръ, находясь болѣе 15 лѣтъ учителемъ Французскаго языка въ С.Петербургѣ, издалъ весьма хорошую Французскую Граммашку (*Principes de la Grammaire française, mis en 36 leçons*); ея вышло два изданія. Авторъ рѣшился послѣ сего *писать учебныя книги на Французскомъ языкѣ*. Въ слѣдствіе сего, соединясь съ Г-мъ РиFFE (M. Riffé), издалъ, или издастъ онъ

Граммашикю снова, а послѣ того: Lectures graduées, Système général des conjugaisons, Rhétorique, Fables, Thèmes et exemples des Compositions, Théâtre d'éducation. И прекрасно! Чего-же лучше? Все это прямо относится къ предмету завящій Г-на С. Илера. Нѣшь! надобно было Г-ну С. Илеру покориться несчастной мысли: писать *всеобщую Литтературную Исторію*, и особо *Исторію современной Французской Литтературы*. Первая уже выдана имъ подъ именемъ *Канвы методической и хронологической*; другая явилась подъ титуломъ: *Tableau analytique de la littérature française contemporaine*.

Если принять дѣло Г-на С. Илера за шушку, за Французскую острошу *XVIII-го вѣка*, то мы согласны посмѣяться, съ нимъ вмѣстѣ, надъ его *Канвою*. Очень мило, хоша и старою прозою Французскою, Авторъ рассказываетъ, что у него было пять, шесть пестрадокъ замѣшокъ рукописныхъ о Французской Литтературѣ — выписки изъ Лагарпа (*très mince extrait*). Ученики Г-на С. Илера выучивали, списывали эшѣ пестрадки, и накъ наконецъ испачкали, что надобно было переписать ихъ; онъ рѣшился въ нимъ кое-что прибавить, приваялся снова за Лагарпа; но друзья Автора (*me voyant — говорить онъ — tout rougeux de cette pénible compilation*) совѣщовали распространить планъ, прибавивъ замѣшки и о другихъ Литтературахъ. Авторъ ошвѣчалъ имъ, что онъ не имѣетъ для сего надлежащихъ познаній; его увѣрили, что довольно будетъ легкой компляціи, о кошорой-бы сказалъ чинашель: *Que l'on me donne du temps, des ciseaux et de*

la patience, et j'en ferai de semblables par douzaines. И Г-нь С. Илеръ послушался друзей, и выдалъ свою *Канву*. . .

Ужъ эти мнѣ друзья, друзья! . .

Мы готовы признать *Канву* вниманіемъ, которую Авторъ наложилъ на себя въ великій постъ (его слова: *petite pénitence pendant les dernières semaines du Carême*); но — здѣсь предѣлы шушкѣ.

Авторъ посвящаетъ свою *Канву* Русскому юношеству, которое уже 15 лѣтъ онъ учитъ. Слѣдственно: по *Канвѣ* своей хочетъ Авторъ *учить Русское юношество всеобщей Литтературной Исторіи*. Но — понимаешь-ли Г-нь С. Илеръ важность такого дѣла? Понимаешь-ли онъ всю пустошу своей работы, и, между шѣмъ, всѣ невыгоды ея? Его *Канва* есть безобразная, невѣрная, маленькая компляція, и по ней онъ будетъ наставлялъ другихъ, и по ней онъ будетъ судить и рѣшить о такихъ предметахъ, которыхъ вовсе не понимаешь, по ней первоначальное ученіе станешь онъ преподавать Русскому юношеству — ученіе смѣшное, жалкое по своей ничтожности и легкости!

Искренній совѣтъ нашъ Г-ну С. Илеру: учить одной Французской Грамматикѣ, а за Литтературы не приниматься. Не только о Финикійской, Русской, Нѣмецкой, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, но даже и Французской ни сколько не понимаешь. *Канва*, имъ изданная, есть доказатель-

ство неоспоримое. Беремся подтвердишь все нами сказанное выписками из *Камы* Г-на С. Илера.

— *Новѣйшія открытія, наблюденія и опыты врачей*, сдѣланные въ Практической Врачебной наукѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Собранные и изданные Александромъ Нелюбинымъ, Д. М.—Ч. I. содержащая *Фармакографію*. Изданіе второе, вновь разсмотрѣнное, исправленное и умноженное. СПб. 1830 г. въ ш. Мед. Дсп. М. В. Д., in-8, XIII и 734 стр.

Потребность книги, изданной Г-мъ Нелюбинымъ, понятна всякому, и доказывається тѣмъ, что *первое* изданіе оной разошлось, менѣе нежели въ годъ. *Второе* изданіе значително умножено Г-мъ Нелюбинымъ многими подробностями.

Разсматривая Медицину, какъ *практическую науку*, Г-нь Нелюбинъ предлагаетъ изложеніе всего вновь принятаго въ оную, ш. е., что оказывается полезно при леченіи разныхъ болѣзней, по новѣйшимъ опытамъ, разсмотрѣннымъ и подтвержденнымъ знаменитѣйшими врачами. Каждому изъ описываемыхъ лекарствъ, Г-нь Нелюбинъ излагаетъ историческое начало; попомъ описываетъ сущность предмета; наконецъ способы пригововленія, смѣси и составы изъ онаго, болѣзни оными лечимыя, и способы употребленія въ болѣзняхъ.

Такимъ образомъ излагаетъ Авторъ слѣдующіе новые предметы лекарствъ: *Йодинъ, Золото, Кадмій, Соляно-кислый цинкъ, Синильная кислота, Вода горькихъ миндалей, Мука горькаго миндаля, При-*

горько-древесная кислота, Пиропонида, Угле-кислое кали и сода, Цинхонинъ и Хининъ, Хиноидинъ, Генцианинъ, Пиперинъ, Эметинъ, Морфій, Наркопинъ, Лакшукарій, Люпулинъ, Соланинъ, Атропинъ, Дельфининъ, Верашринъ, Пикрошоксинъ, Спиритинъ, Брюцинъ, Крононовое масло, Масло Китайскихъ орѣшковъ, Папоротниковое масло, Шаббертово масло, Хлористая извѣсь и сода, Бейсера и Кехлинова жидкости, Исландскій мохъ, декокшъ Вигару, приготовленіе экстрактовъ, и особенно наркотическихъ, по новымъ способамъ.

Всѣ сіи средства введены въ Медицинскую практику въ послѣднія 20 лѣтъ, и сушь, большею частію, слѣдствіемъ новѣйшихъ успѣховъ Химіи, приложенныхъ въ Медицину. Извѣстный Мажанди, еще въ 1821-мъ году, собралъ ихъ отдѣльно, какъ *дополненіе* къ прежней Врачебной Фармакологіи, и издалъ подъ названіемъ: *Formulaire pour la préparation et l'emploi de plusieurs nouveaux médicaments*. Г-нъ Нелюбинъ имѣлъ въ основаніи сію книгу Мажанди, но дополнялъ изъ другихъ его сочиненій, также изъ сочиненій Рихтера, Дирбаха, и проч. врачей. — Къ достоинствамъ книги Г-на Нелюбина принадлежишь ясность изложенія предметовъ, и чистота слога, что не весьма часто встрѣчаемъ въ Русскихъ сочиненіяхъ, даже къ Изящной Словесности относящихся.

Мы предложимъ вполѣдствіи извѣстіе о 2-й части сочиненія Г-на Нелюбина, выданной уже имъ въ 1831 году.

Что если-бы кто нибудь рѣшился у насъ изда-

вашъ нѣчто подобное книгѣ Г-на Нелюбина, по другимъ наукамъ, знамямъ и предметамъ? Дѣло было бы весьма не худое. Все, что разсыпано бываетъ въ тысячѣ Журналовъ, книгъ и Газетъ, собираютъ во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, ежегодно въ особыя книги. Сія книга могли-бы послужить такимъ-же основаніемъ труда, какимъ послужила Г-ну Нелюбину книга Мажанди. Можно-бы исключивъ, прибавивъ, приноровивъ къ понятіямъ и потребностямъ Русскихъ чашашелей. Обращимся, напрямѣрь, къ Современной Исторіи. Смѣло утверждаемъ, что событія послѣднихъ 15 лѣтъ вообще извѣстны намъ менѣе, нежели обстоятельства вшорой Японической войны. Въ семъ случаѣ Историческій Апанаиге, въ родѣ Лезюрова, былъ-бы истинною заслугою для Русской публики. Такіе-же Апанаиге можно-бы издавать, напрямѣрь, по части иностранныхъ Личшерашуръ, Наукъ вообще, особливо-же фабрикъ, заводовъ и ремеслъ. Все это идетъ въ Европѣ исполненскими шагами, но къ намъ приходитъ небольшою рысью пигмея. Да кто у насъ займется? Однимъ лѣнь, другимъ нѣкогда, шретьимъ не изъ чего работать, четвертымъ не для чего. «*Спите прогая и погивайте, братія!*» Подождемъ, пока общая, нетерпящая пошребность укажетъ время подобныхъ предпріятій, а до тѣхъ поръ станемъ кропашъ альманахи и писашъ списки. — Тѣмъ болѣе достоинъ особенной признательности трудъ, подобный изданной Г-мъ Нелюбинымъ книгѣ.

— La fontaine de Bakhtchesserai. Poëme de Mr. A. Pouschkine. Traduit du Russe par L. Répey (*Бахтиса-*

райскій Фонтанъ. Поэма А. Пушкина, переведенная съ Русскаго Д. Рече). М. 1830 г. въ ш. А. Семена, in-12, VI в 49 стр.

Чишатели наши знаютъ о существованіи Французскаго перевода сей поэмы, издавнаго въ Парижѣ, въ 1826 году, Г-мъ Шопеномъ (см. М. Т. 1826 г. ч. XI-я, № 11-й, стр. 74). Нынѣ, прочитавъ новый переводъ Бахчисарайскаго Фоншана, издаваемый въ Москвѣ Г-мъ Рече, мы въ правѣ объявить, что все таки существуетъ *одинъ* хорошій переводъ сей поэмы — Парижскій, ибо трудъ Г-на Рече не имѣетъ ничего близкаго къ подлиннику. Г-нъ Переводчикъ очень ошибся, подумавъ (см. его *Avant-propos*), что *Бахт. Фонтанъ* наполненъ народными выраженіями, знакомыми намъ съ дѣтства. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ ничего ни народнаго, ни простонароднаго, а напротивъ вездѣ выраженіе возвыщенное, новое, особенно бывшее новымъ при появленіи въ свѣтъ сей поэмы. Стихи Г-на Рече не хороши. Вотъ образчикъ ихъ:

Le ciel toujours nous dédommage
De nos malheurs, des coups du sort,
Heureux le Faquir juste et sage
Qui voit la Mecque *avant sa mort.*

Heureux celui qui sur la terre,
Périt de la main du Ghiaour;
Dans les cieux la Houris légère
Lui rend le bonheur et l'amour.

Mais plus heureux, o Zulème!
Qui chaque jour te voit fleurir
Et qui, dans la paix du harèm,
Rose d'amour, peut te cueillir.

Тутъ не только, какъ и во всемъ переводѣ, стихи не хороши, но и обезображенъ смыслъ подлинника. Напримеръ: говоришь-ли Пушкинъ, что блаженъ шохъ Факиръ, который видишь Мекку *прежде своей смерти*? Любопытно было-бы знать: можешь-ли Факиръ увидѣшь Мекку *послѣ своей смерти*! Также, что за счастье для Музульмавина погибнуть отъ руки Глуря? Этого у Пушкина нѣтъ. Въ послѣднемъ куплетѣ совсѣмъ прошивной подлиннику смыслъ. Такъ переведена вся поэма!

— *Плѣнникъ Турціи*. Поэма, соч. Д. Д. Комиссарова. М. 1830 г. въ ш. Лазаревыхъ Инсшишуса Восст. яз., in-12, 24 стр.

— *Секретъ быть всегда прекрасной*, или (слѣдуешь 10 строкъ мѣлкой печати, означающихъ предметы, въ книжкѣ заключающіеся, а вся книжка состоитъ изъ 15 маленькихъ страничекъ, испечатанныхъ крупными буквами). М. 1830 г. въ ш. Лазаревыхъ Инсшишуса Восст. языковъ, in-24, 34 стр.

— *Трифона Коробейникова*, Московскаго купца, съ товарищами, путешествіе въ Иерусалимъ, Египеть и къ Синайской горѣ, въ 1583 году. Изданіе книгопродавца Г. Новинскаго. СПб. 1830 г. въ пл. И. Байкова, in-8, 64 стр.

Поэма Г-на Комиссарова есть, по видимому, пародія на *Кавказскаго Плѣнника*. Содержаніе въ обѣихъ поэмахъ одинакое. Стихи Г-на Комиссарова не хуже стиховъ Г-дъ Орлова, Гурьянова, и ихъ собратьи.

Говоришь-ли о *Секретѣ быть всегда прекрасною*? Это pendant къ *Секрету имѣть всегда прекрасные во-*

лосы. Одинакій форматъ книги , и даже одинъ и шоть-же эпитафъ :

Цвѣши прекрасный полъ , и сыпь на насъ цвѣшны.

Кшо покупаешъ эши книжонки? Не понимаемъ !

Путешествіе Коробейникова составляетъ у насъ просонародное чшеніе. Оно принадлежишь къ шѣмъ библіотекамъ , въ конхъ помѣщены бываюшь обыкновенно: *Письмовникъ*, Курганова, *Путь ко спасенію*, О. Эмина, *Приключенія Милорда Георга*, иногда *Мѣльникъ*, Аблесимова, да разныя сказки, Пѣсенникъ, и Кругъ премудраго Соломона, или гадательный ключъ. Рубанъ издалъ путешествіе Коробейникова въ 1783 году ; съ шѣхъ поръ множесство разъ его перепечашывали, безъ исправленій, и съ неслучайными ошибками. Оно любопышно, и сподобы изданія получше.

П И С Ь М А

изъ Греціи въ Парижъ, въ 1829 году.

II.

О Грекахъ судяшь на Востокъ неблагосклонно: этому есть тысяча причинъ, вообще довольно объясненныхъ и извѣстныхъ. Да и грустно открываешь эту каршину! Когда размотришь положеніе Франковъ въ приморскихъ мѣстахъ Турціи, вліяніе, производимое на нихъ отношеніями къ Туркамъ, наконецъ глубокое и быстрое измѣненіе Западнаго характера, подъ вліяніемъ климата опаснаго и нравовъ обольстительныхъ, то невольно смалчиваешь, испытывая шже чувство, которое бываешь въ душѣ, когда дѣло идешь объ участи и пользахъ Европейскихъ колоній, и котораго причина заключается не въ одной опасности ихъ положенія. Пусть только подумають, какъ пользовалась донинѣ усыпленіемъ Турковъ дѣятельная смѣлливость Европейской торговли; пусть вообразяшь, какъ должно устрашать ее развитіе соперничающаго элемента, у котораго не будешь недосашка ни въ пособіяхъ ума, ни въ трудолюбіи, и пусть судяшь, какой видъ должно было приняшь дѣло Грековъ въ шѣхъ справахъ, гдѣ торговля есть все, гдѣ естественный

Ноябрь 1830

18

эгоизмъ удваивается отъ ужасныхъ причинъ постребленія, распространяемаго всегдашнею заразою.

Слѣдственно, въ мнѣніи жителей Леванта о Грекахъ было такъ много пристрастія, что я не могъ пожертвовать вдругъ своими прежними обольщеніями. Но, прїѣхавши въ Морею, я испытывалъ однакожь столько безпокойства, что поставилъ себѣ закономъ — отказаться отъ всякаго предубѣжденія, таившагося въ душѣ, прежде нежели разсмотрю предметы своими глазами.

Состояніе Французской арміи въ Греціи было, въ нѣкошорыхъ отношеніяхъ, странно: болѣзни предшествовавшей осени, необычайная жестокость зимы, совершенное лишеніе всѣхъ удобствъ жизни, продолжительное пребываніе въ самыхъ помѣстныхъ гарнизонахъ, омрачали воображеніе всѣхъ. Съ безумнымъ нетерпѣніемъ хотѣли воротиться во Францію. О Грекахъ говорили мало, иди худо, пошому, что не знали ихъ. Въ Наваринѣ, нѣсколько семействъ, доведенныхъ до послѣдняго униженія бѣдности, жившихъ настоящими проглотышами въ норахъ скалъ, и въ Модонѣ, смѣшанное народонаселеніе, среди коего Іонійскіе и Мальтійскіе спекуляторы были лучшими людьми, могли дать неполное и невѣрное понятіе о народѣ, который надобно было, прежде всего, видѣть одинъ, оставленный самому себѣ. Не спану дополнять эпой, быстро набросанной картины мнѣніи нашей арміи, рассказомъ о томъ дѣйствіи, какое произвела на нее Ибрагимъ; я сдѣлалъ-бы это съ отвращеніемъ, и тогда только, когда-бы мнѣ было нужно под-

швердись доказательствами шо, что говорилъ я въ прежнемъ письмѣ моемъ о неожиданномъ обольщеніи, которымъ обаяють Турки Европейцевъ. Поступки нашихъ войскъ въ этой странѣ, ихъ упорство въ служеніи народу, который почти всѣ хотѣли укорять неблагодарностью, ихъ щастельная заботливость ошнять всякій предлогъ къ нерасположенію, всякій поводъ къ подозрѣнію, эти поступки, можно сказать, единственные въ Исторіи всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, возбудили во мнѣ, такъ-же, какъ и во всѣхъ видѣвшихъ оныя, удивленіе столь живое, сильное, что было-бы неприлично и неблагородно вспоминать о минувшемъ обманѣ, который разсѣлся при первомъ шагѣ во внутренность страны и при одномъ взглядѣ на дымящіяся развалины Пелопоннеса.

Въ Патрасѣ, шолпы народа, хотя еще и испорченнаго, но уже смѣшаннаго съ бѣжавшими изъ Миссолонги, нѣсколько смягчило мнѣніе гарнизона. Тамъ-шо замѣтилъ и первые слѣды искренней наклонности къ дѣлу Грековъ, хотя, впрочемъ, вездѣ нашелъ доброе расположеніе и даже довѣренность къ частнымъ лицамъ. Офицеры, возвращавшіеся послѣ первыхъ обозрѣній полуострова, не переставали говорить о безопасности на всѣхъ дорогахъ, о хорошемъ приѣмѣ отъ жителей внутренней земли, о неслыханномъ спокойствіи такой страны, гдѣ шолько что погасъ огонь войны чужеземной и междоусобной. Я тогда-же могъ замѣшшь, что съ нѣкошораго времени, Филэдинизмъ арміи, почти истребленный лихорадкою, и молчаніе на прибреж-

ныхъ моряхъ , гдѣ избавители ждали почестей , превратились опять въ спрасъ къ Грекамъ , и что болѣе благопріятное расположеніе каждаго было въ почномъ размырѣ съ тѣми отношеніями , какія имѣли съ народомъ Греческимъ .

Оживленный надеждою , что личныя мои наблюденія будутъ сопровождаемы удовлетворительными слѣдствіями , началъ я углубляться въ горы Ахайи . Всѣмъ извѣстно , что въ Морѣ нѣтъ никакихъ дорогъ , никакихъ шоссе , копоры возвышались-бы надъ прясиню болотъ , никакихъ террасъ , копоры поддерживали-бы обвалившуюся землю . Поминую надобно взбираться на скалы , переѣзжаясь черезъ потоки , и косогорами всходясь на самыя отвѣсныя наклонности . Послѣ десяти часовъ усталости , а иногда и опасностей , едва-ли найдешь на ночлегъ пристанище и пищу . Уединенныя станціи , служившія до войны указками на дорогѣ , почти всѣ исчезли . Мѣста деревень означены одними развалинами , и если жили кой-гдѣ снова поселились на остаткахъ сожженныхъ хижинъ своихъ , то , будучи еще лишены необходимыхъ для собственной ихъ жизни средствъ , они могутъ подѣлиться съ чужеземцемъ одною бѣдностью своею . Подѣхавши къ жилью , прежде всего надобно вамъ посмотришь : нѣтъ-ли между уцѣлѣвшими стѣнами такихъ , гдѣ есть слѣды крышки , и гдѣ подымается дымокъ ? Когда избрали вы , по наружности , самую опрашную изъ шрехъ или чешырехъ хижинъ , тогда приближаешься къ обитателямъ , вызваннымъ любопытствомъ къ порогу , и спрашиваешь , не о томъ , хо-

тѣшь-ли принять васъ, но о томъ, что сносно-ли жилище, не много-ли въ немъ ребятишекъ и крику, и нѣтъ-ли помѣщенія лучшаго? За этими вопросами, на которые обыкновенно отвѣчаютъ съ древнею простотою и откровенностію, слѣдуетъ переносъ вашихъ вещей, причемъ всѣ помогаютъ услужливо. Пока хозяйка разводитъ огонь, молодая дѣвица обмешаетъ мѣсто для путешественника и расстилаетъ тамъ дрянной коверъ. Хижина раздѣляется на двѣ части: въ одной обыкновенно помѣщаются скотъ и куры; въ другой семейство и путешественникъ. Приходитъ отецъ семейства, садится съ важнымъ видомъ прошивъ васъ, и начинаешь разговаривать о томъ, какъ пріятно ему видѣть Француза, избавившаго его страны. Почти всякій хозяинъ умѣетъ читать, и знаетъ всѣ акты Правительства; онъ безъ напязекъ рассказываетъ о нѣкоторыхъ изъ несслыханныхъ страданій, прешерпѣнныхъ имъ въ бѣгствѣ отъ Турковъ; съ горесію сравниваетъ поведеніе Греческихъ начальниковъ, съ поведеніемъ начальниковъ притѣснителей; благословляетъ небо, что наконецъ онъ увѣренъ въ жизни своей, своихъ дѣтей, и въ своей собственности; вздыхая, считаешь онъ умершихъ сыновей своихъ, и дочерей, впадшихъ въ неволю; рассказываетъ о надеждахъ на будущую жапву, и всегда оканчиваетъ похвалою славной головѣ Президента. Женщины молчаливы, но услужливы и дѣтельны. Занятые обыкновенными попеченіями своими и новыми хлопотами, онѣ никогда не обращаются вѣжливо, но и не доводя взглядъ. Когда все пригошовлено для ночи, и общій ужинъ окон-

ченъ при трепещущемъ свѣтѣ огня, тогда всѣ ложась пѣснымъ кружкомъ около умирающаго пламени, и послѣ, когда сонъ сомкнулъ глаза всѣхъ, одинъ Богъ хранитъ миръ семейства и бережетъ путешественника!

Если-бы не разувѣряла васъ увѣренность самихъ жителей, то право было-бы спрашно отъ шѣхъ опасностей, какимъ можно подвергнуться отъ злонамѣренности. Среди народа вооруженнаго и незнающаго законовъ, среди шѣснийъ и скалъ, можно-ли избѣгнуть отъ покушеній убійцы, или разбойника, и чего издѣяться отъ власти Правительства, опдаленнаго, признаннаго со вчерашняго дня? Но, скажутъ: гостепримство такое обыкновенное дѣло у народовъ необразованныхъ, что самая добродѣтель эта есть какъ-бы знакъ ихъ варварства? Возраженіе было-бы справедливо, если-бы Греки были только гостепримны. Бедуинъ принимаетъ васъ подъ свой шатеръ, но онъ-же грабитъ васъ въ степи; Мореецъ готовъ помогать своимъ братьямъ Христіанамъ вездѣ, и во всякое время.

Простая картина Греческихъ нравовъ въ жизни домашней уже поразила меня; я неперпѣливо желалъ наблюсти ихъ въ какомъ нибудь обстоятельстве важномъ и общественномъ. Вскорѣ представился случай. Я пріѣхалъ въ Пиргось, прекрасный городокъ Элиды, въ шопъ самый день, когда Президентъ въ первый разъ въѣзжалъ шуда. На волнообразной вершинѣ цѣпи холмовъ, выдающейся между двухъ плодоносныхъ долинъ къ морю, двѣ нам

три сохи хижинъ, вновь выбѣленныхъ, разбросанныхъ среди пушковыхъ деревь и развалинъ, а выше города, два пригорка, съ небольшимъ, разрушеннымъ укрѣпленіемъ, и стѣны большой церкви: вотъ Пиргось, мѣсто безъ воспомнаній, кромѣ памяти о Туркахъ-Далліотахъ, кошорыхъ обвалившіяся палашы еще замѣтны кое-гдѣ. Съ самага ушра, нетерпѣливыя шолпы взбирались на сія развалины, и, усшремляя жадный взоръ на заливъ Аркадскій, штарались отличить на лазури неба косму дыма, выющагося изъ парохода *Упорство*. Демогероншы, и нѣкошорые молодые люди, верхами, отправились по дорогѣ въ Кашаколо, небольшую пристань, гдѣ, какъ полагали они, Президентшъ выйдешъ на берегъ. Но пока эша шоржешественная депушация проводила день въ бесполезномъ ожиданіи, пароходъ остановился въ трехъ миляхъ отъ устья Алфея. Для меня, эшо недоразумѣніе было не непріятно, пошому, что отъ него праздникъ былъ ешественнѣе и раздольнѣе. Пріятно было видѣть яркіе цвѣта Гречешкой одежды, наброшенныя, какъ букешы цвѣшовъ, на эши обломки, свидѣшельствовавшіе о недавнихъ бѣдствіяхъ, шакъ-же какъ улицы, едва означенныя среди развалинъ, и усыпанныя зеленью, и лавки возраждающагося базара, увишныя благоухающими листьями. Чѣмъ болѣе приближался во долину скромный коршежъ, шѣмъ болѣе шѣснился у входа въ городъ, на изрышой дорогѣ, гдѣ Епископъ и Духовенство, въ велпчин, почти неизмѣнявшемся, Визаншійскаго великолѣпія, остановились, держа на головахъ крешты, между двухъ стѣнъ изъ боярышника, кошораго цвѣшисныя вѣш-

ви были наклоняемы нѣсколькими молодыми дѣвушками, съ любопытствомъ во взорахъ, и съ улыбкою. Радостный шопотъ возвѣсшилъ прибытіе Президента. Но при выразительной веселости, которая видна была на лицахъ всѣхъ, составляла замѣчательную противоположность самъ Президентъ, съ сухою, почти небрежною осанкою, и съ холоднымъ взглядомъ настоящаго Европейскаго дипломата. Когда герой праздника поцѣловалъ Евангеліе, поднесенное ему Епископомъ, тогда весь кортежъ отправился въ церковь, на противоположный конецъ города. Покуда пляшущіе дѣти открывали это безпорядочное шествіе, покуда жишели, съ мирновыми вѣтвями въ рукахъ, шѣснились вокругъ Перваго Человѣка своей земли, изъявляя такую дружелюбную простоту, какую можно видѣть только въ Греціи, я, окольною дорогою, пробрался къ дверямъ церкви, гдѣ нѣсколько украшеній изъ зелени едва прикрывали разрушеніе. Опшуда, я съ наслажденіемъ видѣлъ, какъ развивалась эша радостная, нестройная шолпа, увеличившаяся на пуши вѣтвь народомъ, собравшимся на улицахъ, по кошорымъ шель Президентъ.

Можешь быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что нѣкто не остался-бы нечувствительнень при эшомъ первомъ праздникѣ Слободы. Въ выраженіи общаго удовольствія было что-то искреннее, умное, о чемъ не льзя имѣть понятія, глядя на изумленную толпу, которая шѣснилась при нашихъ церемоніяхъ. Въ глазахъ моихъ осуществился образъ народныхъ радостей юной Америки, образъ, столько разъ пред-

ставлявшійся мнѣ , украшенныйъ всеми прелестями Востока. Сверхъ того , я видѣлъ шуть разительный примѣръ самаго замѣчательнаго событія : прочнаго водворенія средоточной власти въ той странѣ , кошорую еще недавно изображали намъ раздираемую всеми ужасами анархіи. Въ первыя минушы мнѣ пришло въ голову странное мнѣніе : я находилъ все шакъ усшроеннымъ , опредѣленнымъ и прочнымъ , шакъ убѣжденнымъ въ необходимости соединенія съ Правительствомъ , шакъ искренно покорнымъ всему , чего пошребуешь Президентшъ , имени общешвеннаго блага , шакъ расположеннымъ повиновашься и жершвовашь , что былъ готовъ приписатьъ всю честь этому высшему сановнику , какъ основателю общаго для всѣхъ и быстро созданнаго блага. Я не могъ представишь себя безъ удивленія , что народъ , называвшійся дикимъ , жившій семь лѣтъ грабежемъ и нашіемъ , привыкшій переходяшь отъ знаменъ одного начальника паршіи къ знаменамъ другаго , чтобы эшошъ народъ перешелъ черезъ всѣ шепепи улучшеній столь быстро , что отъ самыхъ образованныхъ Европейскихъ націй едва-ли можно было-бы шребовать подобной уступчивости и познанія своихъ истинныхъ потребностей. Я готовъ былъ предполагашъ все другое , кромѣ приписанія одному народу столь великой перемѣны ; однакожь , впоследствии , наблюденія мои убѣдили меня , что онъ заключалъ въ себя всю гошовность къ шому.

Въ Эгиптѣ должна была рѣшиться для меня эша шшранная задача ; шолько шамъ наблюденія мои

могли простирались на всѣ опшѣнки Греческаго народа. Видя, на неупральной землѣ, разительную противоположность жилищей горныхъ съ жилищами острововъ, Фанаріотовъ съ обитателями Пинда, Клефта съ купцомъ, земледѣльца съ морскимъ разбойникомъ, я могъ понять, возможно-ли смѣшеніе эшихъ разнообразныхъ элеменшовъ.

(До слѣд. книжки.)

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВСѢХЪ ЯЗЫКОВЪ ЗЕМНАГО ШАРА.

Читателямъ Телеграфа извѣстно уже сочиненіе А. Бальби, изданное имъ въ 1826 году, подъ названіемъ : *Этнографическій атласъ земнаго шара, или распределеніе древнихъ и новыхъ народовъ, по языкамъ ихъ* (Atlas ethnographique du globe, etc.). Сіе ученое и огромное сочиненіе было совершено Г-мъ Бальби при пособіи многихъ извѣстныхъ лексикографовъ, лингвистовъ и путешественниковъ; онъ имѣлъ приномъ въ виду множество прежде изданныхъ сочиненій. До появленія Атласа Г-на Бальби, ученый свѣтъ рѣшительно не имѣлъ ничего столь полного по части *Лингвистики* (языкознанія).

Увѣдомляя читателей Телеграфа о книгѣ Г-на Бальби, мы обратили вниманіе ихъ особенно на

Введеніе, и на плохую статью о *Русской Литтературѣ*, отдѣльно во Введеніи помѣщенную. Полагая, что едва-ли когда нибудь появился огромный Апласъ Г-на Бальби на Русскомъ языкѣ, мы рѣшились шеперь представивъ имъ *систематическое распредѣленіе*, принятое Г-мъ Бальби для всѣхъ языковъ, въ слѣдствіе эпимологическихъ изслѣдованій, и съ шѣмъ вмѣстѣ полное ихъ исчисленіе. Предмешъ, достойный особеннаго вниманія и, кажешя, на Русскомъ языкѣ ничего еще не было писано о семъ предмешѣ.

Г-нъ Бальби не входитъ ни въ какія догадки о томъ: отъ одного-ли первобытнаго языка произошли всѣ другіе, или было ихъ нѣсколько коренныхъ? — Основываясь на *Грамматическихъ формахъ* и *вокабулахъ*, онъ дѣлитъ только языки по родамъ и видамъ. Мы оставляемъ принятыя имъ дѣленія, безъ всякихъ замѣчаній, и представляемъ только то, что принимаетъ Г-нъ Бальби, надѣясь въ послѣдствіи обратиться еще къ сему важному предмешу. Знакъ: +, показываешъ, что языкъ, симъ знакомъ отмѣченный, уже мертвый, ш. е., такой, кошорымъ бо-лѣе не говорятъ.

А З І Я.

ЯЗЫКИ СЕМИТИЧЕСКІЕ.

І. Еврейское поколѣніе.

+ 1. *Еврейскій собственно*. Сюда относятся! *Древній*, на кошоромъ писана Бибія, до книги Про-

рока Малахінъ; *Халдейскій*, языкъ остальной Библии и Талмуда; *Раввинскій*, нынѣшній Жидовскій, начавшійся съ XI-го вѣка; *Самаританскій*, языкъ восточныхъ Іудеевъ.

+ 2. *Финикійскій*, сохранившійся въ памятникахъ.

+ 3. *Пунгесскій*, или Карфагенскій, сохранившійся въ памятникахъ.

II. Сирійское или Арамейское.

4. *Сирійскій-собственно*. Книжный языкъ Маронитовъ, Іаковитовъ, Несторіанъ. Сюда относятся еще: *Пальмирскій*, оставшійся въ памятникахъ; *Набаейскій*, языкъ Сирійцевъ близъ Евфрата; *Сабейскій*, языкъ Сабеевъ, секты Сирійской.

+ 5. *Халдейскій*, языкъ Ниневіи и Вавилона.

III. Мидійское.

+ 6. *Пельвійскій*, языкъ древней западной Персіи.

IV. Арабское.

+ 7. *Арабскій древній*, имѣвшій двѣ отрасли: *Аміарскую*, погибшую, и *Коремшскую*, изъ коей образовался послѣ Мугаммеда —

8 *Арабскій книжный*, языкъ Корана и Арабской лѣтспературы.

9. *Арабскій простой*. Его діалекты: Іеменскій, Оегамскій, Меккскій, Бедуинскій, Сирійскій, Маронитскій, Друзскій, Мапулскій (Малабарскій),

Шаліашскій (Коромандельскій), Египетскій, Мавришанскій, Мальшійскій. — + Мозарабскій (Испанскихъ Арабовъ).

V. АБИСИНСКОЕ, или ЕЮЮПСКОЕ.

Аксумитское, куда принадлежать :

+ 10. *Древнее Геэзское*, книжный Абиссинскій языкъ, и

11. *Тигрское* (грубѣйшее изъ Семитическихъ), разговорный Абиссинскій языкъ.

Амгарское; къ нему относящяся языки разныхъ частей Абиссиніи:

12—16. Амгарскій, Семіанскій, Аркикоскій, Нараскій, Дембеаскій.

ЯЗЫКИ КАВКАЗСКІЕ.

I. Грузинское поколѣніе.

+ 17. *Грузинскій древній*, на которомъ производящъ церковную службу въ Грузіи.

18. *Грузинскій новѣйшій*, разговорный въ Грузіи. Азбука его изобрѣшена въ Увѣкѣ; онъ имѣеть свою лшштературу.

19. *Мингерельскій*,

20. *Суанскій*.

21. *Лазійскій*, всѣ въ окрестностяхъ Трапезунша, суть діалекты Грузинскаго.

II. Армянское.

+ 22. *Армянскій* книжный, или церковный.

23. *Армянскій* разговорный, имѣющій свою особую Литтературу. Его счищаютъ 5 отдѣльныхъ діалектовъ.

III. Лезгинское.

Языки Аварскіе —

24. *Аварскій*—собственно, съ двумя діалектами: Анушскимъ и Чарн-Кабучскимъ.

25. *Андскій*; 26. *Дидостискій*; 27. *Казы-Кумыкскій*; 28. *Акушаскій*; 29. *Кураскій*.

Всѣ они суть языки Кавказскихъ горцевъ, принадлежащихъ къ Аварскому племени.

Три отдѣльныя Кавказо-горскіе языка:

30. *Мизджегскій*, съ четырьмя отраслями: Ингушскою, Карабулакскою, Чеченскою и Тушинскою.

31. *Черкесскій*, со многими отраслями, въ Малой и Большой Кабардѣ.

32. *Абазинскій*, также со многими отраслями.

ЯЗЫКИ ПЕРСИДСКІЕ.

+ 33. *Зендскій*, древнѣйшій, имѣющій азбуку, и сохранившійся въ Персепольскихъ памятникахъ, и духовныхъ книгахъ Гебровъ, или обожаемыхъ огня.

+ 34. *Парсскій*, или Персидскій древній, въ нѣкошорыхъ областяхъ Индіи.

35. *Персидскій* разговорный, весьма богатый, имѣющій обширную Литтературу, и кошорымъ го-

ворятъ , раздѣляясь на множество діалектовъ , въ Персїи , Средней Азїи и Индіи.

36. *Курдскій*, языкъ полу-дикихъ Курдскихъ племенъ , со множествомъ нарѣчій.

37. *Осетинскій*, языкъ народа Оссеинцевъ , живущаго на Кавказѣ.

38. *Авганскій*, языкъ Авганцевъ , раздѣляющійся на множество нарѣчій.

39. *Белуцскій*, съ тремя нарѣчіями , языкъ жителей Белуцистана.

ЯЗЫКИ ИНДІЙСКІЕ.

+ 40. *Санскритскій*, древнѣйшій (едва-ли не прародитель Славянскаго), и уже со многихъ вѣковъ остающійся только книжнымъ языкомъ Брамцовъ. Литература его богатѣйшая.

+ 41. *Пали*, *Магадха*, или *Мисра*: Языкъ книгъ Буддѣйскихъ , и нѣсколько нарѣчій отъ него.

Слѣдуютъ 38 языковъ Индѣйскихъ , донинѣ извѣстныхъ , происшедшихъ отъ Санскритскаго , съ примѣсю Пали , и другихъ языковъ :

42-79. *Индустанскій*, въ Дели , Агрѣ , Удѣ; бывшій разговорнымъ языкомъ при Дворѣ Великаго Могола.

— *Бружскій*, въ окрестностяхъ Агры.

— *Гарутискій*, въ области Ажмирѣ.

— *Жул-Шураскій*, въ области Жей-Пурѣ.

— *Удуя-Шураскій*, въ области Одей-Пурѣ.

— *Марахарскій*, въ области Жудпурской.

- *Биканирскій*, въ области Биканирѣ.
- *Пенжабскій*, языкъ народа Сенковъ.
- *Дугураскій*, въ Кабулѣ и въ окрестностяхъ горъ Гиммалайскихъ.
- *Кашемирскій*, въ Кашемирѣ.
- *Кабульскій*, въ Кандагарѣ и Кабулѣ.
- *Мултанскій*, въ Мултанѣ.
- *Угскій*, въ Кабулѣ, въ обл. Учъ.
- *Синдскій*, на берегахъ Инда.
- *Юго-Синдскій*, на югъ отъ Синдскаго.
- *Цинганскій*, языкъ кочующаго народа въ Синдской области. Полагають, что это коренной языкъ бродящаго по Европѣ народа, кошорый самъ себя называетъ : *Roma, Cola, Sinte*, и кошорый Рускіе называютъ : *Цыганы*, Французы *Vohémiens*, Англичане *Gipsy*, Испанцы *Gitanos*, Нѣмцы *Zigeuner*, Ишальянцы *Zingani*.
- *Кутскій*, въ обл. Кучъ, близъ Гузураша.
- *Гузуратскій*, въ обл. Гузурашъ.
- *Кункунаскій*, въ Малабарѣ.
- *Малеяламскій*, тамъ-же.
- *Малдивскій*, на остр. Малдивскихъ.
- *Сингалезскій*, со многими нарѣчїями, на остр. Цейлант.
- *Тамулскій*, въ Короманделѣ.
- *Карнатараскій*, въ Мизорѣ.
- *Телннгаскій*, въ Декант.
- *Ориссаскій*, въ обл. Ориссъ.
- *Бенгальскій*, въ Бенгалѣ.

- *Рунгаскій*, языкъ народа сего имени, въ Араканъ и Бирманъ.
- *Россаванскій*, языкъ народа Русанъ (?), въ Араканъ.
- *Бангскій*, въ области Кашаръ.
- *Ассамскій*, въ государствѣ Ассамскомъ.
- *Кашпураскій*, въ Непалъ.
- *Сѣверный Кошаласкій*, языкъ народа на сѣверь ошь области Удской.
- *Митилскій*, языкъ народа, въ сѣверной части Бахара.
- *Магудхаскій*, языкъ народа въ южной части шой-же области.
- *Мараттскій*, языкъ Мараншовъ.
- *Бунделькундскій*, въ области сего имени.
- *Маласкій*, въ области сего имени.

Въ Индіи открышо Европейцами, кромѣ того, нѣсколько языковъ, коими говорятъ различныя Индійскіе горцы и кочующія племена. Донынѣ не опредѣлено еще число ихъ; но извѣстные изъ нихъ всѣ разнятся ошь Санскрипскихъ и другихъ Азіятскихъ языковъ. Полагаюшъ, что дикари, ими говорящіе, сущъ *аборигены* Индіи. Вошь названія *восами* шакихъ, донынѣ узнанныхъ языковъ :

80—87. *Туплахскій*, *Гарроускій*, *Кусискій*, *Шумисскій*, *Каттиварскій*, *Гондскій*, *Шотисгхурскій*, *Вадасскій*.

Ноябрь 1830.

19

Исчисленіе всѣхъ языковъ
ЯЗЫКИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.

I. Поколѣніе Тибетское.

88. *Тибетскій*-собственно, языкъ подданныхъ Далай-Ламы.

89. *Униасскій*, въ области сего имени.

90. *Бхутіасскій*, языкъ горцевъ Гиммалайскихъ.

II. Индо-Китайское.

91. *Рук-хенгъ*, языкъ Бирмановъ.

92. *Монтайскій*, въ области Кассай, въ Бирманіи.

93. *Моанскій*, языкъ Пегуанцевъ.

94. *Лаосъ-Сіамскій*, въ Сіамъ и Лаосъ.

95. *Хоменскій*, въ Камбоджіи.

96. *Анамитскій*, въ Анамъ, Тонкинъ и Кохинхинъ.

Всѣ сіи языки имѣють письменна и лишшерашуры. Слѣдующіе двѣнадцать, донинѣ узнанные, суть языки кочевыхъ народовъ и горцевъ, бродящихъ и живущихъ на обѣихъ Индійскихъ полуостровахъ, также обитателей острововъ Никобарскихъ и Андамаскихъ:

97—108. Колунскій, Плайскій, Дханускій, Палескій, Палаунгскій, Кадускій, Самангскій, Монскій, Муонгскій, Кемойскій, Андаманскій, Никобарскій.

III. Китайское.

+ 109. *Ку-венъ*, или древній Китайскій, оставшійся въ письменныхъ памятникахъ.

110. *Куанъ-гоа*, или Китайскій нынѣшній, съ

различными его нарѣчіями, въ самомъ Кипаѣ, и на
Восточномъ Азійскомъ архипелагѣ.

111. *Шинь-шеу*, или *Чангъ-сеу*, языкъ въ области
Фо-кіень.

Отдѣльные, смѣшанные языки.

112. *Міаотзеу*, въ Юннанѣ, и другихъ областяхъ.

113. *Лодосъ*, тамъ-же.

114. *Міектингъ*, тамъ-же.

115. *Хайнакъ*, на остр. Хайнанъ.

IV. КОРЕЙСКОЕ.

116. *Корейскій*, или *Сіанъ-пи*, въ Корей и на
ближнихъ къ ней островахъ. Полагають, что
это остатокъ древняго и могущественнаго народа,
говорившаго особымъ языкомъ.

V. ЯПОИДСКОЕ:

117. *Японскій*, и

118. *Лиу-Кіеускій* языки, въ Япоіи, и на остро-
вахъ Лиу-Кіеу.

ЯЗЫКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

I. ПОКОЛѢНІЕ ТУНГУЗСКОЕ.

119. *Манджурскій*, языкъ нѣмнѣекихъ владѣн-
лей Кипая, и Манджуровъ, Солонровъ, Дауровъ.

120. *Тунгузскій*, съ разными нарѣчіями, какъ-
то: Чапогирскимъ, Ламушскимъ, и проч. — Языкъ
Тунгузовъ.

II. ПОКОЛѢНІЕ МОНГОЛЬСКОЕ.

121. *Монгольскій*, языкъ Монголовъ, подданныхъ
Кипая, и живущихъ въ Тибетѣ.

122. *Калмуцкій*, языкъ Калмыковъ, живущихъ въ Дзунгаріи, Россіи и другихъ земляхъ.

123. *Бурятскій*, языкъ Брашскихъ, или Буришовъ, въ Сибири.

III. Турецкое.

124. *Турецкій*, языкъ Турковъ, Ташаръ, и некоторыхъ Калмыковъ, въ средней Азіи, Персіи и Россіи.

125. *Якутскій*, языкъ Якушовъ въ Сибири.

126. *Чувашскій*, языкъ Чувашъ и Тешярей, въ Россіи.

ЯЗЫКИ СѢВЕРНОЙ СИБИРИ.

I. Поколеніе Самоядское.

Въ немъ находятъ 10 нарѣчій; а именно:

127—136. *Хасово, Туруханское, Тавгинское, Тазовское, Нарымское, Лаакское, Карасское, Камашо-Кейбальское, Сойотское, Урлехайское* (Мотеры, Улеки).

II. Енисейское.

Въ немъ находятъ 5 нарѣчій:

137—141. *Денка, Имбазкъ, Арикъ, Пумлокольское, Коттен-Ассанское.*

III. Коряцкое.

Раздѣляютъ на 4 нарѣчія:

142—145. *Пенженское, Камгатское, Карагасское, Чукотское*, по мѣсту обитанія Коряковъ.

IV. Юкагирское.

146. *Языкъ Юкагировъ*, ошлечный ошъ всѣхъ другихъ.

V. КАМЧАДАЛЬСКОЕ.

Раздѣляютъ на *четыре* нарѣчія :

147—150. *Тигильское, Среднее, Укекское, Курильское.*

VI. КУРИЛЬСКОЕ.

151. *Курильскій*, языкъ сходный съ Камчатско-Курильскимъ, на сѣверныхъ Курильскихъ островахъ.

152. *Острова Эзо*, языкъ Анносовъ.

153. *Таракайскій*, языкъ Анносовъ, живущихъ на материкѣ Азіи, или Гиляковъ.

И шого въ Азіи :

Семь главныхъ отдѣленій : *Семиртесское, Кавказское, Персидское, Индійское, Восточно-Азійское, Средне-Азійское, Сѣверо-Сибирское.*

Каждое дѣлится на *поколѣнія* ; есть много языковъ, коихъ происхожденія опредѣлить невозможно. Таковы языки нѣкопрыхъ племенъ въ Индіи, въ Кишаѣ, на Кавказѣ, и въ Сибири. Нѣсколько древнѣйшихъ, коренныхъ языковъ осматривается только въ книгахъ и памянникахъ. Всѣхъ-же вообще языковъ-собственно, живыхъ и мертвыхъ, коренныхъ и производныхъ, полагають въ Азіи болѣе 150. Почти каждый изъ нихъ имѣетъ свои отдѣльныя нарѣчія, или діалекты, и нѣкоторыя весьма въ большомъ числѣ.

(Продолж. съ слѣд. книжки).

ДВѢ ГРАМАТЫ.

ОТЪ МОСКОВСКАГО ПАТРИАРХА ІОАКИМА КЪ ІОСИФУ
 АРХІЕПИСКОПУ КОЛОМЕНСКОМУ И КАШИРСКОМУ, ПИСА-
 ННЫЯ ВЪ 1675 ГОДУ (*),

*І. О дополненіи къ Соборному Дѣланію духовныхъ
 постановленій, святаго вселеннаго Собора, въ 1667
 году.*

Благословеніе великаго Господина свяшѣйшаго Іоакима, Патріарха Московскаго і всеа Русні, о Свяшѣмъ Дусѣ сыну, і сослужившею, нашего смиренія Іосифу, Архiepископу Коломенскому і Каширскому. Въ прошломъ во 175 году, повелѣніемъ Благочестивѣйшаго, Тишайшаго, Самодержавнѣйшаго Великаго Государя, Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, Свяшѣйшія селенстіи Патріархи: Кірѣ Пансіи, Папа і Патріархъ Александрійскій и судія селенскій, и Кірѣ Макарій, Патріархъ Антіохійскій і всего Воспока, и Кірѣ Іоасафъ, Патріархъ Московскій і всеа Росіи, съ преосвященными Мит-

(*) Подлинная грамата писана на длинномъ столбцѣ, весьма хорошо скорописью, съ сокращеніями. Здѣсь соблюдено нами правописаніе поже самое, какое и въ грамахѣ, исключая знаковъ препинанія. С.

иерополиты, и Архiepископы, и Епископы, и со
 всемъ освященнымъ Соборомъ изложиша Соборное
 Дѣяніе, и подписаше своими Архiepейскими рука-
 ми, повелѣши всего Государства Російскаго, въ
 нашемъ Патріархіи і во всѣхъ Епархіяхъ въ попол-
 неніе учиниши Архiepевъ, чѣмъ имъ во своихъ
 градѣхъ и уѣздѣхъ, гдѣ-же поставлены будутъ Ар-
 хiepѣи, управляши святыя церкви со всякимъ бла-
 гоуспіемъ, и люди учиши и просвѣщаши, яко же
 вамъ правильнѣ повелѣся, подобно, въ прочихъ Е-
 пархіяхъ обрѣшающіися, іныхъ Епархіи церкви у-
 правляши шѣхъ Епархіи Архiepеемъ, гдѣ въ кошо-
 рой Епархіи, кому будетъ пристойно. І въ нынѣш-
 немъ во 183 году Октяврѣи въ 15 день, соизволені-
 емъ Великаго Государя, Царя і Великаго Князя
 Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя и
 Бѣлыя Росіи Самодержца, мы, Свяшѣйшій Патрі-
 архъ, съ сыновы своими, съ преосвященными Ми-
 ирополицы, Архiepископы и Епископы, прилучав-
 шимся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, противъ
 прѣдсѣреннаго изложенія Свяшѣйшихъ Патріар-
 ховъ і всего освященнаго Собора, нынѣ созытъ по-
 ложихомъ, и за подписаніемъ рукъ нашихъ ушвер-
 дихомъ: впредь быши непремѣнно поному-жъ кождо
 Епархіи грады и уѣзды по писцовымъ книгамаъ вла-
 дѣши коемуждо Архiepею, монастыри и церкви у-
 правляши, и вновь церкви велѣшь строити, и по
 прошенію мирскихъ людей благословеніе подавати
 правильна, ль своихъ Епархіяхъ по уѣздамаъ, разма-
 шривая въ томъ съ великимъ приаѣжаніемъ по пис-
 цовымъ книгамаъ, и у челобитчиковъ инаши за ру-
 ками скаси, гдѣ кошораго города и уѣзда, чѣмъ

были не чужі Епархіи града или уѣзда, і въ шомъ-бы межъ вами Архіерѣи распри и въ людяхъ смѣшенія не было. И по семъ изложеніи и Соборомъ утвержденіи, мы, Свяшѣйшій Патріархъ, своея области церковнаго ради благочинія і всенароднаго управления, и мяшежныхъ, и непостоянныхъ и непослушныхъ священниковъ и монашескаго чина, и прочихъ шѣмъ подобныхъ, повелѣхомъ вамъ, сыновомъ своимъ, въ своихъ Епархіяхъ управляши въ городѣхъ и по уѣздамъ, гдѣ обрящуща нашіе Патріаршіе области церкви, и вамъ шакожде управляши, и въ своихъ духовныхъ дѣлахъ судомъ и расправою вѣдаши, и наши, Свяшѣйшаго Патріарха, домовыя вошчины, гдѣ будешь въ швоей, сыну, Епархіи по уѣздамъ, і въ шѣ вошчины къ церквамъ во священство посвящаши, и церковныя дани і всякіе Архіерейскіе доходы велѣши собирать въ свои домовыя казны; шакожде и шѣхъ нашихъ вошчинныхъ хрістіанъ въ духовныхъ дѣлахъ управляши по правиламъ свяшымъ вамъ-же Архіереомъ. А которыя нашего Патріаршаго дому приписныя монастыри въ вашихъ Архіерейскихъ Епархіяхъ обрѣшашися будутъ въ городѣхъ, і въ уѣздахъ, і въ шѣ домовыя монастыри въ Архимандріишъ, во Игумены, і въ Строишели, і во ныне монастырскіе службы, ково посвяшнимъ и повелѣимъ быши; а Митрополишомъ, Архіепископомъ и Епископомъ, въ наши Патріаршии домовыя и приписныя монастыри въ вашихъ Епархіяхъ, въ городѣхъ и въ уѣздахъ, будутъ обрѣшашися, і вамъ Архіереомъ, безъ нашего Патріарша благословенія и повелѣнія собою Архимандрішовъ, и Игуменовъ, и священнаго монашескаго

чина не посылаши и не посвящаша, шого ради, чшобъ въ шѣхъ домовыхъ и приписныхъ монастырѣхъ, по благословенію свяшѣйшихъ Патріарховъ, впрѣдъ было безмяшежно, а вамъ Архіереомъ безпечально ошъ навѣшовъ и небылыхъ приносныхъ словъ намъ Свяшѣйшему Патріарху. А будежъ мы, Свяшѣйшій Патріархъ, повелимъ кошорому Архіерею, сице въ своей Епархіи прилучишся нашъ домовой монастырь, въ духовности вѣдашь, кромѣ внѣшнихъ мирскихъ дѣлъ, чшобъ въ шѣхъ монастырехъ у Архимандритовъ, и у Игуменовъ, и у Спрошелей и у братьи какова безчинства не было, и будешъ кошорый Архіерей усмошряшъ въ шѣхъ монастырехъ какое безчиніе и неспроеніе, а по духовною разсужденію шаковімъ достойни сушъ смиренія и наказанія, і вамъ Архіереомъ о шаковыхъ безчинникахъ возвѣщашъ писаньемъ намъ, Свяшѣйшему Патріарху, и вѣдашь шаковыхъ духовностьюю по грамашамъ, кому наша мѣрность повелишъ; шакожде і вамъ Архіереомъ въ своихъ домовыхъ вошчинахъ, которые прилучашся въ городѣхъ і въ уѣздехъ выной Епархіи, і въ шѣхъ вошчинахъ церкви, и къ шѣмъ церквамъ вамъ Архіереомъ во священство не посвящашъ, і въ шѣхъ вошчинахъ домовыхъ своихъ Христіанъ духовностьюю не вѣдашь, и церковныя дани і всякие свои Архіерейскіе доходы съ шѣхъ церквей не собирашъ, а священниковъ къ шѣмъ церквамъ посвящаша и духовностию Христіанъ управляши, и церковныя дани і всякие Архіерейскіе доходы збираши въ домовую казну шому Архіерею, у кошораго въ Епархіи шѣ вошчины будутъ. И о шомъ узнали мы, Великій Господинъ, Свя-

швейній Іоакимъ , Патріархъ Московскій і всеа Русіи , посласна къ вамъ Архiereомъ съ сего изложєвіа наши Святѣйшаго Патріарха граматы , впрєдъ для утверждєніа . И какъ къ шебѣ ся наша грамота придетъ , и шы-бѣ , сынѣ , своея Епархіи города и шѣхъ городовъ и уѣзды владѣшь по писцовымъ книгамъ , и монашыри и церкви управляешь , и въ нихъ церкви ведѣшь спрощь , и по прошенію мирскихъ людей благословеніе подавашъ правильно , въ своей Епархіи , въ городѣхъ и въ селѣхъ , по уѣздамъ по писцовымъ книгамъ , къшорому городу кои села и уѣздами приписаны , разматривая съ великимъ прилѣжаніемъ , и у челобитчиковъ имашъ за руками скаски , гдѣ , кошораго града и уѣзда , чшобъ было нечужіе Епархіи града или уѣзда , і въ шомъ бы межъ вами Архiereами распри і въ людяхъ смяшеніа не было ; а кошорые въ швоей Епархіи , въ городѣхъ и уѣздѣхъ , нашіе Патріарши области и пныхъ Архiereовъ обрѣтающіися церкви , и шыбѣ сынѣ шѣми церквами владѣлъ по шому-жѣ , по писцовымъ книгамъ ; шакожде и нашіе Епархіи въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ обрѣтающіися церкви вѣдомы были и приписаны въ вашемъ дому , и шѣми церквами шебѣ сыну впрєдъ не владѣшь и ни чемъ не вѣдашь , а вѣдашь въ нашемъ Патріаршемъ дому , по градомъ и по уѣздамъ ; шакожде въ вашихъ Епархіяхъ спольники , и спряпчіе , и дворяне Московскіе , и жильцы , і всякихъ чиновъ Московскіе люди будушь пріѣзжашъ въ свои помѣшья и вошчяны , и жыть на время , а на нихъ учнешъ што вамъ Архiereомъ бышь челомъ въ какихъ духовныхъ дѣлахъ , і вамъ бы шѣхъ Московскаго чина людей не судишь , и не какими

дѣлами не вѣдашь , а судишь и всякими дѣлами вѣдашь людей и крестьянъ хшо въ чьей Епаркіи живешь ; а будешь до кого Московскаго чина людей дойдушь какіе великіе духовныя дѣла , и вамъ бы на нихъ пишашъ къ намъ , Свяшѣйшему Патріарху , для шого Московскаго чина за людьми помѣшья и зощичимъ бываюмъ во многихъ городѣхъ і въ разныхъ Епархіяхъ , и попому одинъ человекъ у многихъ Архіереовъ будешь подь судомъ , и шого ради Московскаго чина людей во всякихъ духовныхъ дѣлахъ судимъ мы , Свяшѣйшій Патріархъ , на Москвѣ , или кому ошъ васъ Архіереовъ повелимъ мы , смотря по дѣлу ; а будешь хшо Московскаго чина людей учпущъ предъ вами искаши на комъ вашіе Епаркіи , а шѣ люди , на шѣхъ Московскаго чина людяхъ не находя суда , учнешъ искаши въ спрѣшномъ , и шѣхъ Московскаго чина людей , вы Архіерен , да судите . А милосшь Божія , и Пречистыя Богородицы , і великихъ свяшителей Петра , и Алексѣя , и Іоны , и Филиппа , Московскихъ і всеа Русіи Чудотворцовъ молишвы , и нашего смиренія благословеніе да ешь и будешь съ швоимъ свяшительствомъ нынѣ і во вѣки . Писанъ на Москвѣ , лѣта 7183 , Мая въ 27 день .

На оборотѣ граматы по склейкамъ столбцовъ скрѣпилъ : *Діакъ Левъ Ермолаевъ . Смотрилъ Якушко Семеновъ .*

На первомъ столбцѣ на оборотѣ находилъ еще слѣдующая подпись :

« О Свяшѣмъ Душѣ , сыну и сослужителю нашего

смиренія Іосифу Архієпископу Коломенскому и Коширскому. »

« 7183 года Мая въ 28 день Пашріарша Разряду съ Дьякомъ со Львомъ Ермолаевымъ, да съ подъячимъ Яковомъ Семеновымъ. »

II. О распредѣленіи городовъ въ Коломенской Епархіи ().*

Благословеніе Великаго Господина Святѣйшаго Іоакима, Пашріарха Московскаго і всеа Русні, о Свяшѣмъ Душъ сыну и сослужившю нашему смиренія Іосифу, Архієпископу Коломенскому и Коширскому. Въ нашемъ Соборномъ Дѣяніи и преосвященныхъ Мишрополишовъ и Архієпископовъ, съ прилучившимися въ царствующемъ градѣ Москвѣ, за подписаніемъ рукъ нашихъ написано опредѣленія градовъ, коеждо Епархіи грады, съ уѣзды, по писцовымъ книгамъ, велѣно владѣшь коемуждо Архіерею, монастыри и церкви управляши и вновь церкви строити по уѣздамъ; а по шому Соборному нашему Дѣянію Рязанской Епархіи Коширской уѣздъ со всѣми церквами, по писцовымъ книгамъ, велѣно быти въ швоей, сыну, Епархіи, пошому что градъ Кошира въ обласши швоей. И нынѣшнаго 183 года Мая въ 20 день, мы, Святѣйшій Пашріархъ, слу-

(*) Подлинная грамаша писана на столбцѣ, связною скорописью. Здѣсь также соблюдено правописаніе шо самое, какое и въ грамашѣ, кромѣ знаковъ препинанія. С.

шали того преждевременно изложенія, нынѣ со-
вѣшь Соборнѣ положиша и утвердиша : ошдѣлишь
изъ швоей Епархіи градовъ Епифанѣ да Гремячевѣ, съ
уѣзды, по писцовымъ книгамъ, въ Рязанскую Епархію,
и монастыри и церкви управляши, і вновь церкви
велѣшь строити по уѣздамъ ему Митрополиту. И
какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и шы-бъ
сынъ, Коширскій уѣздъ владѣлъ по писцовымъ кни-
гамъ, и монастыри и церкви управлялъ, и вновь
церкви велѣлъ строити, і всякихъ людей, того Ко-
ширскаго уѣзду жишелей, въ духовности вѣдалъ,
а градами Епифанью, и Гремячевъ, и шѣхъ городовъ
въ уѣздахъ монастырей и церквей не вѣдалъ, и
всякихъ людей, шѣхъ городовъ и уѣздовъ жишелей,
духовностью не управлялъ, а вѣдаешь въ градѣхъ
въ Епифани и въ Гремячевѣ, и шѣхъ городехъ въ
уѣздехъ монастыри и церкви, и всякихъ людей шѣхъ
городовъ и уѣздовъ жишелей і духовностью управ-
ляешь Іосифъ, Митрополитъ Рязанскій и Муром-
скій, и хто понемъ впредь иные Митрополиты
будушь ; пошому что шѣ города, Гремячевъ при-
городъ во всякихъ Великаго Государя дѣлахъ вѣда-
юшь въ Переяславѣ Рязанскомъ, и Епифанскій у-
ѣздъ смеженъ съ Рязанскимъ уѣздомъ ; а ко Іосифу
Митрополиту Рязанскому и Муромскому о томъ
нашъ свяшѣйшаго Пашріарха указъ посланъ. А
милосшь Божія, и Пречистые Богородицы і Вели-
кихъ Свяшителей Петра, и Алексѣя, и Іоны, и Ои-
липпа, Московскихъ и всея Русні Чудотворцевъ, мо-
лишвы, и нашего смиренія благословеніе да естъ и
будесть съ швоимъ свяшительствомъ нынѣ і вовеки.
Писанъ на Москвѣ, аша 7183, Мая въ 27 день.

На оборотѣ граматы, по склейкамъ столбцовъ, скрепиль : *Діакъ Левъ Ермолаевъ. Смотриль Якушко Семеновъ.*

† Печать приложена изъ краснаго воска, съ благословенною рукою.

На первомъ столбцѣ на оборотѣ находится надпись :

« О Святейшѣ Душѣ, сыну и сослуживцу нашего оупренія Иосифу, Архіепископу Коломенскому и Коширскому.»

« 7183 года въ Маша 28 день Паптріаршу разряду зъ Дьякомъ со Львомъ Ермолаевымъ, да съ подьячимъ съ Яковомъ Семеновымъ.»

ИЗЪЯСНЕНИЕ КАРТИНКИ.

Небольшая картинка живописца Ришара. Онъ изобразилъ на ней извѣстный анекдотъ изъ жизни Франциска I-го.

Однажды этошь, истинно-Французскій, Король, Рыцарь, писавшій: *все потеряно, кромѣ гести*, обожашель дашь, столько-же храбрый въ полѣ, сколько былъ любезень въ обществѣ, написалъ на шпелѣ окошка, въ замкѣ своемъ, Шамборъ:

Souvent femme varie,
 Bien fol est qui s'y fie (*).

Видно, что Францискъ былъ тогда раздосадованъ на измѣнчивость какой нибудь красавицы, или хотѣлъ

. . . рѣзкой эпиграммой
 Взбѣсить ошлошнаго врага!

Король, въ задумчивости, смошрѣлъ еще на свое сатирическое двусмыслие, когда вошла къ нему Мар-

(*) Часто женщина измѣняется;
 Глупъ, кто ей вѣрится!

гариша Наваррская, сестра его. Это была любимая его сестра, и — почтительный Францискъ I-й между женщинами. Исторія помнишь, какъ смѣло поступала она при Дворѣ Карла V-го, когда брательникъ ея былъ пленникомъ въ Мадридѣ. Маргарита была украшеніемъ Французскаго Двора; писала даже комедіи, пасторали, пѣсни и сказки. Ея сочиненія были собраны и изданы подъ щеголеватымъ названіемъ: *Marguerites de la Marguerite des princesses* (*Маргариты Маргариты изъ принцессъ*). Дабы понять эту игру словъ, надобно знать, что *Margarita*, по-Латински, значить — перло.

Сестра прочитала стихи Франциска, и начала доказывать ему, что они несправедливы, и что женщины любящъ лучше и вѣрнѣе, нежели мужчины. Она обѣщала представить доказательство, и даже ударилась объ закладъ съ Королемъ, кошорый обѣщаль, въ случаѣ проигрыша, исполнить все, что велитъ Маргарита. Тогда Принцесса рассказала повѣсть объ одномъ любимцѣ Франциска, кошорый впалъ у него въ немилость, и въ шюрмѣ ожидалъ смертной казни, но былъ спасенъ женою, не смотря на невѣрность и вѣтренность свою. Жена слѣдовала пошомъ за нимъ въ побѣгъ, услаждала его изгнаніе и бѣгство, работала для его пропитанія, и требовала одного — любви своего мужа. Маргарита знала, гдѣ скрывалась эта великодушная женщина съ своимъ мужемъ. Король былъ разстроганъ, убѣдился рассказомъ Маргариты; она попросила прощенія любимцу, и Францискъ простилъ его. Немедленно разбилъ онъ и стекло, на кошоромъ была имъ написана эпитагія на женщину.

Вѣрность костюма, правильность рисунка и пропорція ошлячаютъ картину Ришара. Она въ первый разъ появилась на выставкѣ произведеній Французской живописи, въ XII-й годъ Французской республики. Вышина ея 2 ф. 6 д.; ширина 2 футовъ. Она находится нынѣ въ картинной галлерей одного частнаго любителя, въ Парижѣ. Денойе выгравировалъ съ нея эстампъ.

С М Ъ С Ъ.

При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ *портретъ Аббата Сикара*. Имя его принадлежитъ къ именамъ благодѣтелей человечества, и спойтъ подлѣ имени Аббаша Л'Эпе, *возвратившаго даръ слова лишеннымъ его природою.*

Какъ человѣка, можешь быть, Сикара укорить въ его слабомъ характерѣ, малодушіи, которое иногда оказывалъ онъ въ жизни: сраданія очищаютъ память добродѣтельнаго! Но, какъ наставникъ глухонѣмыхъ, какъ благодѣтель, имъ посвятившій жизнь свою и всѣ умственныя способности, Сикаръ достоинъ памяти незабвенной.

Рошъ, Амбруазъ, Кюкюрронъ Сикаръ родился 1742 г. Сентября 28, въ Фуссере, близъ Тулузы. Съ юности опредѣливъ себя въ духовное званіе, Сикаръ учился въ Тулузѣ, и ошлячился глубокими

Ноябрь 1830

20

свѣдѣніями въ Филологіи и Математицѣ. Епископъ Бордоскій избралъ его, въ 1786 г., Директоромъ Училища глухо-нѣмыхъ, въ Бордо. Сикарь отпра-вился въ Парижъ, и старался узнать и изучить ме-тоду Л'Эпе. Онъ приложилъ къ ней свои глубокія Филологическія и Математическія познанія. Посвятивъ себя потомъ рѣшительно сему предмету, онъ распространилъ, усовершенствовалъ прежнюю ме-тоду ученія глухо-нѣмыхъ, расположилъ полные кур-сы, и по смерти Л'Эпе, въ 1789 году, общій голосъ публики призналъ Сикара достойнымъ его преемни-комъ. Сикарь предался совершенно своему занятію. Настала революція. Сначала все благопріятствовало Сикару. Извѣстно, что не смотря на похвалы и одобренія отъ правительсва и публики, добродѣтельный Л'Эпе основалъ и содержалъ Институтъ глухо-нѣмыхъ *на собственный свой счетъ*, имѣя пы-сять десятокъ ливровъ ежегоднаго дохода, и упо-требляя ихъ все безъ осматка. Иногда только, Людовикъ XVI-й дарилъ ему небольшія суммы для его благотворительнаго дѣла, о которомъ слава гремѣла во всей Европѣ. Конституціонное Со-браніе, 21 Іюля 1791 г., опредѣлило значитель-ный капиталъ Сикару. Къ несчастію, Сикарь взду-малъ спорить за права Духовенства: это значило смертныи приговоръ! Его схватили, увлекли въ тюрьму, и только неуспрашимостъ гражданина Мон-но, офицера Народной Гвардіи, спасла его во вре-мя Сенябрьскихъ убійствъ, въ *Аббатствѣ Св. Гер-мана въ лугахъ*, гдѣ былъ онъ заключенъ. Шабо за-ступился попомъ за Сикара; его оправдали. Послѣ паденія Робеспьера, Сикарь снова подвергся прес-

слѣдованію , за изданіе Журнала : *Annales religieuses*, гдѣ снова заспорилъ о правахъ Духовенства , и за участіе въ Журналахъ: *Ami des Lois* и *Annales catholiques*. Положено было изгнать Сикара , и ни что не спасло его. Напрасно Сикарь показаль тогда слабость непрощительную — отрекшись опъ всѣхъ своихъ мнѣній , и даже давши письменное увѣреніе въ противномъ... Надобно было спастись опъ ссылки ; Сикарь бѣжалъ за границу , и два года скитался внѣ предѣловъ Франціи ; опъ возвратился послѣ перевороша 18-го Брюмера. Съ тѣхъ поръ , до самой смерти своей , послѣдовавшей 1822 года Май 10 дня , Сикарь жилъ только для своего дѣла. Блестящіе успѣхи заведенія , приведеніе въ полную систему ученія глухо-нѣмыхъ , остроумная практика и глубокая теорія сего предмета — все это были труды и попеченія Сикара , который кромѣ того оставилъ послѣ себя достойныхъ преемниковъ. Его сочиненія считались основными книгами во всѣхъ училищахъ глухо-нѣмыхъ. Самъ Л'Эпе говорилъ , еще при началѣ трудовъ Сикара : « Я изобрѣлъ стекло , а опъ сдѣлалъ очки. » Всякій путешественникъ спѣшилъ , по прїѣздѣ въ Парижъ , видѣть почтеннаго старца , и удивляться его заботливости , его неопisanному перпѣнію , кротости , его обширнымъ познаніямъ предмета , бывшаго единственною цѣлью его жизни. Глухо-нѣмые казались дѣтьми его. Папа Пій VII-й , въ 1805 г. , посѣпилъ и благословилъ заведеніе Сикарово ; Союзные Монархи , въ 1814 и 1815 гг. , были нѣсколько разъ въ Парижскомъ Институтѣ глухо-нѣмыхъ. Людовикъ XVIII-й далъ тогда Сикару орденъ Почетнаго Легіона , Императоръ Але-

ксандръ орденъ Св. Анны, а Король Шведскій орденъ Вазы. Изъ Англіи, Германіи, Швеціи и Россіи просили совѣтовъ и наставленій Сикара. Наполеонъ, во время своего могущества, былъ постоянно привѣтливъ и благосклоненъ къ нему. Не смотря на все это, послѣдніе годы жизни добродѣтельнаго Сикара были годами испытаній тяжкихъ. Желая помочь одному отцу семейства, онъ далъ ему на себя векселя, на значительную сумму, и это благошвореніе употребили во зло. При старости лѣтъ, Сикаръ продалъ все, что имѣлъ, дабы заплашиться по векселямъ, спрдавалъ, мучился, жилъ въ бѣдности — это несчастное обстоятельство ускорило и смерть его. Мысль о глухонѣмыхъ воспитанникахъ, была послѣднею его мыслию: онъ писалъ, говорилъ, просилъ объ нихъ даже на одрѣ смерти. Сикаръ былъ Членомъ Академіи Французской, и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Главныя сочиненія его суть: *Elémens de Grammaire générale*, 2 т. in-8, 1-е изданіе 1799 г.; третье (подъ титуломъ: *Théorie des signes, pour l'instruction des sourds-muets*) 1808 г.; четвертое, у котораго выдрали посвященіе Наполеону, 1814 года. Эта книга почиталась некогда авторитетомъ по части Всеобщей Грамматики. — *Cours d'instruction d'un sourd-muet* (2-е изданіе, Парижъ, 1803 года, in-8), донынѣ остается единственною въ своемъ родѣ. Кроме того, Сикаръ напечаталъ еще много отдѣльныхъ книгъ для курсовъ своего Института; онъ также перевелъ и издалъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія.

Вотъ еще новое прибавленіе къ тысячѣ и одной исторіи о духахъ и привидѣніяхъ. Дѣйствующія лица сей исторіи достойны вѣроятія, и еще болѣе замѣчательна она тѣмъ, что въ ней видно необыкновенное присутствіе духа женщины. Мать знаменишаго Каннинга, послѣ смерти перваго своего мужа, вышла за актера Реддиша, и играла на театрѣ. Когда лишилась она и втораго мужа, пошла за прешьяго, Гунна, Плимутскаго купца. Къ несчастію и эшоу мужъ ея скорѣ умеръ. Тогда, чтобы пособить своему семейству, Г-жа Гуннъ, оставившая было театрѣ, принуждена была снова лйдши на сцену. Помощь ея нужна была и самому Георгу Каннингу, тогда еще учившемуся въ Лпнкольской школѣ. Г-жа Гуннъ отличалась добродѣтелями, умомъ, была всѣми уважаема, и жертвовала для дѣшей своимъ спокойствіемъ и счастьемъ. Письма Каннинга доказываютъ, какое глубокое уваженіе и нѣжную любовь сохранялъ къ ней всегда сей великій человекъ. Однажды, Г-жа Гуннъ пріѣхала на все лѣто въ Плимутъ. Бернарду, содержателю тамошняго театра, препоручила она пріискать приличную, удобную кварширу. Онъ нашель кварширу, опрятную, прекрасную, и удивился дешевой цѣнѣ. Хозяинъ признался ему, что никто не хочеть нанимать у него кварширы, потому, что домовою житья не даеть постояльцамъ. Г-жа Гуннъ смѣялась, слыша такой разсказъ, говорила, что она уже привыкла къ духамъ и привидѣніямъ на театрѣ, и наняла кварширу. Комнаты Г-жи Гуннъ были во второмъ этажѣ; внизу расположена была мастерская хозяина: онъ былъ столяръ и машинистъ,

и самъ жилъ въ особомъ флигелѣ. Дель прошелъ спокойно. Г-жа Гуннъ уложила дѣтей спать; слуга и служанка ея также уснули; сама она любила чтеніе, и расположилась читать. Занимательность книги увлекла ее. Часы ударили *полночь*, и вдругъ внизу, въ мастерской хозяина, закричала пила, какъ будто кто нибудь пилялъ доску; потомъ стали рубить шестъ, промъ, случать молотомъ; слышенъ былъ шрескъ досокъ, звонъ гвоздей; словомъ: казалось, что множество людей работало дѣятельнымъ образомъ. Г-жа Гуннъ рѣшилась узнать поближе спрятанное это явленіе; тихо сошла внизъ по лѣсвилицѣ, со свѣчею, приблизилась къ дверямъ мастерской; стукъ, шрескъ, звонъ продолжались; она открыла дверь — ничего и никого: всюду тихо, темно, все находится на своемъ мѣстѣ, въ величайшемъ порядкѣ! Г-жа Гуннъ вездѣ осмошрѣла; двери, окна были заперты. Едва затворила она дверь, шумъ начался снова, продолжался съ часъ, потомъ все умолкло. На другой день было тоже явленіе. Напрасно сшерегли, смошрѣли, собирались нарочно: шумъ и стукъ постоянно начинались въ полночь, продолжались часъ, и никогда никого не видали, и ничего не открыли. При входѣ людей въ мастерскую, все умолкало. Г-жа Гуннъ привыкла наконецъ къ этому, и говорила, что еслибы полуночный стукъ и шумъ прекратились, то ей было-бы страшно и грустно, ибо это непонятное явленіе, казалось, возвѣщало ей присутствіе добраго духа. Она прожила цѣлое лѣто въ Плимутѣ, и благополучно уѣхала въ Лондонъ. Г-нъ Бернардъ самъ былъ свидѣтелемъ непонятнаго явленія, вмѣстѣ съ Г-жею Гуннъ и Г-мъ

Сеймондомъ , хозяиномъ дома , который потомъ разбогатѣлъ онъ своей работою , и продалъ домъ за хорошую цѣну . Бернардъ описалъ эту исторію о домовыхъ въ жизни Г-жи Гуннъ , которую помѣстилъ онъ въ книгѣ своей объ Англійскомъ театрѣ (Retrospections on the stage , Лондонъ , 1830 г .) . Онъ ссылается на множество свидѣтелей въ истинѣ разсказа .

Въ Парижѣ соспавилось новое Общество , подъ именемъ *Общества благотворительныхъ заведеній* (Société des établissemens charitables .) Число Членовъ опредѣляется 60 . Президентъ Общества Герцогъ Дудовилль ; Вице-Президенты , Бароны Мунье и Бальзакъ ; Секретарь Баронъ Дежерандо ; Начальники пяти Комитетовъ , Общество составляющихъ , Баронъ Пафье , Графы Бретейль и Сентъ-Олеръ , Герцогъ Бролио и Аббашъ де ла-Шапелль . Общество составилось по примѣру Лондонскаго Общества для улучшенія жребія бѣдныхъ въ Англии , Голландскаго Общества народнаго блага , и Швейцарскаго Общества народной пользы . Цѣль его : вспомошествованіе вѣтъмъ существующимъ во Франціи благотворительнымъ заведеніямъ , и вообще предупрежденіе бѣдности и несчастій ; рабочіе дома , смиришельные дома , колоніи бѣдныхъ , учебныя заведенія безъ платы , ремесленныя школы , больницы , училища слѣпыхъ , глухо-нѣмыхъ , изданіе полезныхъ и учебныхъ книгъ , для раздачи бѣднымъ и больнымъ — все это входитъ въ планъ дѣйствій Общества .

Ксваши о другихъ Парижскихъ Обществвахъ. *Общество улучшения тюремъ*, съ 1814 года, употребило уже болѣе 27 милляоновъ франковъ для предмета своихъ заняшій, и вскорѣ капиталы его будутъ такъ достаточны, что Правительство ничего не будетъ употреблять на содержаніе тюремъ во Франціи. Дѣйствія Общества были многочисленны и успѣшны. Работы заключенныхъ въ тюрьмы составляютъ нынѣ до 4¹/₂ милляона франковъ ежегоднаго дохода. — Еще дѣятельнѣе сего прудится *Парижское Филантропическое Общество*, и шѣмъ заботительнѣе оно, что сборъ съ Членовъ положенъ самый маленькій, а дѣйствія Общества весьма обширны, при малыхъ средствахъ. Число Членовъ Общества простирается до 18,000; ежегодный доходъ до 90,000 фр., и на эту сумму Общество содержало въ 1829 году до 3¹/₂ тысячъ больныхъ, вылечило болѣе 2000, дало временную помощь 500 сиротамъ, похоронило умершихъ болѣе 100 человекъ, раздавало въ годъ болѣе 300 тысячъ порцій хлѣба немущимъ. *Блаженъ разумѣвая на нища и убога!* Филантропическое Общество учреждено Людовикомъ XVI-мъ; Революція уничтожила было его; оно возобновлено потомъ Наполеономъ, въ 1801-мъ году.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*)

Les nouvelles capotes en gros-de-Naples blanc, jaune-paille ou vert-d'eau, ont la passe large, longue et froncée sur trois baleines. La forme elle-même, ronde et basse, est pareillement froncée, et souvent plus élevée d'un côté que de l'autre. Des rosettes en rubans de gaze sont placées à droite et à gauche, par derrière, et quelquefois sur la forme. Sous la passe, juste au milieu du front, est une large rosette, dont les bouts et les boucles accompagnent les cheveux.

Des chapeaux habillés en moire blanche, rose ou bleu, ont une forme composée de cinq morceaux rapportés, figurant une calote. Trois plumes, fixées au bas de la forme, par derrière, sont recourbées comme le panache d'un casque, ou bien un bouquet de cinq têtes de plumes, garnit le côté droit de la forme.

Dans les grands bals, la gaze de Turin, le crêpe moiré et la gaze à larges raies de satin, composent les robes les plus élégantes. Pour les demi-soirées, les concerts, etc., on porte des robes en crêpe ou en gaze de laine.

Chez les parfumeurs à la mode, il est du bon ton, quand une merveilleuse fait de fortes emplettes, de ne point la laisser sortir sans lui offrir un bouquet parfumé en fleurs artificielles.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Les gants blancs demi-longs de quelques danseuses, sont dentelés du haut; chacune de ces dents est, en outre, découpée à jour d'une manière très-légère. Souvent aussi le haut de ces gants est garni d'une petite ruche de tulle ou de blonde.

La chaîne de montre d'un élégant, ainsi que la clef et le cachet, sont en or émaillé. La chaîne se compose de petits ovales rubanés ou de carrés longs, sur lesquels sont des bouquets de fleurs émaillés.

Beaucoup de merveilleux portent des gilets en velours imprimé; d'autres, des gilets de cachemire à palmes ou à raies en travers. Presque tous les habits étaient à larges revers sans cran et à collet de velours.

Новыя гроденаплевыя капшчы-шляпкі, цвѣпшювъ: бѣлаго, жешю-палеваго или водянисшо-зеленаго, дѣлаюшся съ широкими, длинными полями, сборчатыми на шрехъ кишювыхъ усахъ. Самая шуль, круглая и низкая, шакже въ сборкахъ, и часшо съ одного бока выше чѣмъ съ другаго. Розешки изъ газювыхъ леншъ бываюшъ на правой и на лѣвой сторонахъ, назадъ, а иногда и на шуль. Подъ полями, на самой срединѣ лба, находяшся большая розешка, кошорой концы и баншы входяшъ въ волоса.

У нарядныхъ шляпокъ изъ волнистой машерин, бѣлой, розювой или голубой, кузовъ составляешся изъ пяши прикшюенныхъ вырѣзокъ, шшишыхъ въ ви-

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

дѣ шульи. Три пера, вошквушыя внизу шульи, впереди, сгибаюшыя какъ плюмажъ шлема; иногда букешъ изъ пяши верхушекъ перьевъ украшаешъ правую сторону шульи.

На большихъ балахъ, самыя модныя плашья изъ Туринскаго газа, волнистаго крепа, и газа съ широкими апласными полосами. На простыя вечера, въ концерты, и проч., являюшыя въ плашьяхъ изъ крепа или изъ шерстянаго газу.

Парфюмеры ввели въ моду, дарить своихъ покупателей (если онѣ купили у нихъ много) букетами искусственныхъ цвѣшовъ, напысканныхъ благовоніями.

Полудлинныя бѣлыя перчатки, у вѣкошорыхъ шапцующихъ дамъ и дѣвицъ, бываюшь вырѣзаны зубчиками вверху; кромѣ того, каждый зубчикъ вырѣзанъ ажуръ чрезвычайно тонко. Часто, вѣрхъ такихъ перчатокъ обшиваюшь мѣлкимъ рюшемъ, тюлевымъ или блондовымъ.

Модныя цѣпочки, ключъ и печашъ для часовъ, дѣлаюшя изъ золоша съ эмалю. Цѣпь составлена изъ маленькихъ полосашихъ оваловъ, или продолговатыхъ чешыреугольниковъ, а на нихъ букешы эмалевыхъ цвѣшовъ.

Многіе модники носятъ жилешы изъ писненаго бархаша, или изъ кашемира, съ лисьями, и попе-

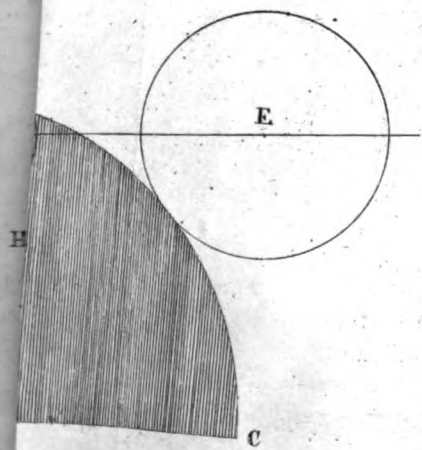
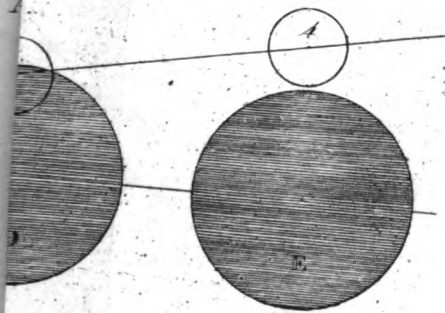
речными полосами. Фраки почти все съ широкими
ошворотами безъ рубца, и съ бархатнымъ ворон-
никомъ.

На приложенной картинкѣ :

Дама. Кашемировый шюрбанъ, сдѣланный Г-мъ
Александромъ. Кашемировое плаще, вышитое шел-
комъ, въ гладь. Казимировый плащъ, обширный
мерлаужкою.

роками
вором

№ 21 Моск. Шк. 1830.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 21. *Ноябрь* 1830.

СУМАСШЕДШІЕ И НЕ СУМАСШЕДШІЕ.

Только тогда зрѣлище несчастія мучительно, когда видимъ, что человекъ *чувствуетъ* свое несчастіе, или падаетъ подъ бременемъ его. Но если усматриваемъ, что напропивъ, онъ не повинаемъ своего бѣдствія, или находить силы и средства мужественно переносить его, то несчастіе человѣческое не давитъ, не раздраетъ нашего сердца. Въ первомъ случаѣ, какъ часто величайшее несчастіе можно промѣняешь на большое счастье. Безчувственная улыбка человека слабоумнаго — едва-ли не легче горесливной зѣвоты богатаго умника! Въ другомъ случаѣ, несчастіе можешь быть доказательствомъ умственной силы человека, который въ твердости духа, въ упованіи на Провидѣніе, можешь сыскать средства превращать пустыню жизни въ цвѣтущій садъ. Только тогда испинно счастливы, кто въ несчастіи счастливъ. Велика-ли умѣнье бышь счастливымъ при счастьѣ?

И дуракъ будетъ умнѣе, когда ему вездѣ удача... Не даромъ говаривали наши старики: не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ.

Лишеніе зрѣнія, безспорно, есть одно изъ величайшихъ бѣдствій для человѣка. Но, если у меня одинъ знакомый, молодой, любезный человѣкъ — слѣпецъ отъ рожденія. И, повѣрите-ли? Видѣ его не только не печалишь, не груститъ меня, но весьма часто улыбаешь и радуешь, ибо этакъ слѣпецъ показываетъ мнѣ всю силу человѣческихъ средствъ и способностей. Онъ совсѣмъ не знаетъ наслажденій зрѣніемъ — важное дѣло! Ибо чего мы не знаемъ, и чѣмъ никогда не обладали, того и потерн чувствовашь не можемъ. Кроме того, помогая умомъ своему *безглазю*, мой слѣпецъ есть истинный *слѣпецъ ясновидящій*. Почти все, что рассказываюшъ о слѣпцахъ, дѣлающихъ по осязанію то, что мы дѣлаемъ съ помощію слуха и зрѣнія, почти все это дѣлаешь мой слѣпецъ. Онъ прекрасно поетъ по нотамъ, хорошо играетъ на скрипкѣ и фортепіано, различаетъ всякую мелкую монету, читаетъ по выпуклымъ буквамъ; память его обширна и богата свѣдѣніями, и даже, съ шѣхъ поръ, какъ изобрѣшенъ *кеографъ*, онъ пишеть очень чепко и хорошо.

Всегда веселый, разговорчивый и любезный,

Довольно богатый и здоровый, мой слитокъ всего милѣе пѣлъ, что живымъ воображеніемъ своимъ создаетъ онъ для себя свой, особый, блестящій міръ, живетъ въ немъ, и чрезвычайно доволенъ этимъ житьемъ. Однажды, онъ доказывалъ мнѣ, что по его мнѣнію, совершенно справедливъ шопъ Нѣмецкій писатель, который утверждалъ, что все въ мірѣ было-бы лучше, если-бы всѣ люди были слѣпые. «Тогда» — говорилъ онъ — «тогда прочь всѣ обольщенія суетны, роскоши и блеска! Я ихъ не знаю, никогда не видалъ; но, увѣренъ, что опшъ ихъ у васъ, зрячихъ, всѣ бѣды, весь сыръ боръ горитъ. Ни умъ, ни совѣсть, ни что не выдерживаетъ, напримѣръ, блеска камешковъ, обдѣланныхъ опредѣленнымъ образомъ, повѣшенныхъ на опредѣленномъ мѣстѣ, съ опредѣленными обрѣдками. Не гляди на нихъ человекъ, не имѣй желанія, что-бы видѣли ихъ другіе — сколько зла прекрашилось-бы! Да, просто: тогда никто не захопѣлъ-бы итти къ нимъ и хлопотать объ нихъ. Началась война, и вмѣсто драки, вмѣсто шумечной палубы, арміи играли-бы въ гулячки. Швытавши одинъ другаго за хохоль, одолевалъ-бы плоть солдатъ, который сильнѣе...» — Но ты лѣпшишь твоихъ слитковъ величайшаго наслажденія природою, искусствами... — Онъ засмѣялся. «Всѣ вы, зрячіе, шакъ говорите, но желалъ-бы я знать: наслаждаетесь-ли вы этимъ

въ самомъ дѣдѣ. Скажи опокровенно: кто изъ васъ смотритъ на святое пробужденіе природы опъ сна, и на первыя упренія облака, золотыми, расцвѣчаемыя первыми лучами солнца? Ваши дворники, ваши повара и служанки, и нѣ мешупъ улицы, бранятся, бѣгутъ на рынокъ, и, право, не наслаждающа въшею расцвѣденною природою! А сами вы сильно хранише, съ зашворетными окнами и съ закрытыми глазами, досадуя шолько, что солнце мѣшаетъ вамъ сначь ровно до полудня! Наманетъ весна, дѣво — въ деревню, въ деревню! Зачѣмъ? Наслаждаешься природою? Совсѣмъ нѣтъ: спарики сѣяшь, косишь, молошишь, пахнашь масло, выводишь и ѣспъ дыпляшь; спарухи ворчатъ, сучашъ, нишь, ѣспъ... А природа, а величественные, зеленые лѣса, а цвѣщистые, радужные луга? Кое-когда, дѣвочка какая-нибудь пойдешь помечашъ и поглазѣтъ на все эшо, начишавшись поэма, копорый писалъ обо всемъ эшомъ, сидя въ теплой комнашъ и въ шрескучій морозъ на дворѣ. И ша, куда какъ мало думаешь о вашей природѣ, пошому что въ зеркало воды, она шолько собою любуешся; на поля и на дорогу смопришь: не ѣдешь-ли кто нибудь въ го-сини; въ лѣсу ищешъ грибовъ и ягодъ...» — Полно — сказалъ я — ны злой насмѣшникъ, и если-бы женщины подслушали тебѣ, что доспа-лось-бы тебѣ опъ нихъ... — «И совсѣмъ на-

прасно!» отвѣчалъ онъ. «Онъ откажутся-бы отъ своихъ выгодъ, отказавшись быть гражданами моего міра слѣпцовъ. Посуди самъ: что за счастье настало-бы въ мірѣ, если-бы не глаза рѣшали участь любви и супружества! Прощай приданое, прощайте хорошенькія личики, прощай все наружное! Одна красота души и сердца, одно очарованіе ума плѣняло-бы мужчинъ. Греки были мудрецы, и Купидонъ ихъ былъ — слѣпецъ! Если и для насъ онъ сдѣлался владыкою слѣпцовъ, то ни спаросць, ни безобразіе не распоргали-бы сердце, ибо душа и сердце не спарѣются. Нѣтъ! Если-бы позволили мнѣ поговорить, созвавъ всѣхъ женщинъ на вѣче, я увѣренъ, что онъ попічасъ выкололи-бы себѣ глаза.» — Богъ знаетъ! Иная не распалась-бы съ двумя зеркальцами души своей, не смотря на швое краснорѣчіе. — «Много-ли шакихъ; а впрочемъ, мы рѣшали-бы большинствомъ голосовъ судьбу каждаго прекраснаго глаза, и повѣрь, что вѣче мое не только выкололо-бы ихъ всѣ, но даже выцарапало. . . . Царапаль — женщина никогда не откажется. . . .»

Мой слѣпецъ, разумеется, шушуль. Но надобно сказать, что онъ бываетъ иногда и не шушуля чрезвычайно спраненъ и оригиналенъ. Лишенный многихъ, необходимыхъ пособій и помашій, приобретаемыхъ зрѣніемъ, онъ часто слѣ-

живаешь всё идем и понятія. Въ семъ случаѣ бываешь онъ похожъ на умнаго ребенка, кощорый знаа кое-что, замѣшивъ кое-что, развиваешь на этомъ немногомъ своемъ собственномъ идем и понятія, смѣшиваешь время, пространство, и шварришь шакія уродливости и странности, что онъ походяшь на фаншаспическія лица Гофмана и Жанъ-Поля.

Недавно заспалъ я его въ большомъ раздумьѣ. «Вчера,» сказалъ онъ мнѣ, «мое самолюбіе было оскорблено самымъ досаднымъ образомъ, и щедерь всё мои понятія о людскомъ умѣ и безуміи перемѣшались до такой степени, что я ничего не понимаю. Зрѣніе, въ первый разъ въ жизни, починаю я необходимостью, что-бы умѣшь размашриваешь невидимые предметы.» — Что за нелѣпость? — «Совсѣмъ не нелѣпость. Чувствую, что надобны глаза и надробно глядятъ на человека, что-бы различаешь: сумасшедшій или несумасшедшій онъ.» — Не понимаю! — «Топчасъ располжю. Общій нашъ знакомый N. N. бидся со мною объ закладъ, что я не различу сумасшедшаго онъ несумасшедшаго, и вчера, не сказавши мнѣ куда, упростиль ѣхать съ нимъ. Мы были въ двухъ домахъ. И въ первомъ и въ другой пріѣхали мы одинакомъ образомъ; насъ не встрѣтали, не принимали; меня водили по разнымъ комнатамъ, водили шихо, давали

во все вслушиваешься, привезли домой, сказали мнѣ, что я былъ на вечерѣ у богатаго человека и съ домъ сумасшедшихъ. Гдѣ сперва? Гдѣ потомъ? Повѣришь-ли: я не могъ сказать, и теперь, сколько имъ думаю, не могу рѣшиться!» — Воля шведъ, сказалъ я, а эщо опять сашира шведого изобрѣщенія. —

«Сашира? Советъ дѣнь, и я попрошу у тебя наставленія въ томъ, какъ мнѣ выиграть закладъ.

Помилуй, другъ мой! Много-ли шумъ надобно смысла и толку, что-бы опличить собраніе людей умныхъ отъ собранія сумасшедшихъ. . .

«Попише, попише! Собраніе умныхъ — легко сказать: эшого не найдешь и въ иномъ собраніи ученыхъ. Хоть-бы не сумасшедшихъ-то собраніе найти и опличить отъ толпы людей, совсѣмъ ума лишенныхъ.

— Что-жъ за трудность? Устройство дома, мѣсто, гдѣ собираются, одежда, поступки, занятіе собравшихся. . .

«Ты забылъ, что я слѣпой, и ничего эшого видѣть не могу.

— Правда — я и забылъ эшо; но...

«Что но? Прошу продолжашь.

— Какъ не различить пошому, что можно услышать!

«Въ эшомъ прошу меня извинить. Я опишу тебѣ свое впечатлѣніе.

«Разумѣется, что для меня, какъ слѣнца, не существуетъ никакая *внѣшность*. Великолѣпіе и обширность комнашь, яркое освѣщеніе, фарфоръ, бронза, зеркала — мнѣ все темноша и мракъ. Далѣе, всякія одежды, всѣ признаки и погремущки богатства и знатности — мнѣ незамѣшны и не видны. Одѣнь-ли человекъ, какъ безумецъ, въ шиковый халапъ и холспинный калпакъ, или, какъ умникъ, въ мундиръ съ шипьемъ — я не вижу; я могу только *чувствовать* человекъ.

«Оба дома, кошорые посѣшили мы съ Н. Н., равно огромны, какъ я могъ эшо замѣшнить по шороху шаговъ, по звуку опшираемыхъ и зашираемыхъ дверей. Въ обоихъ домахъ шолпился народъ въ большихъ комнашахъ, или залахъ, и сидѣлъ въ разныхъ комнашахъ опдѣльными сбраніями; наконецъ, въ обоихъ мы входили и въ шакія комнашы, гдѣ находили по одному, по два человекъ.

Въ небольшой комнашѣ одного изъ домовъ слышалъ я жалобный голось человекъ, кошорый судилъ и ридилъ о полишкѣ, о внѣшнихъ

и внутреннихъ дѣлахъ, государственной экономіи, прибавляя, что онъ умѣлъ-бы успроить все это къ добру и благу, если-бы враги ему не помѣшали, если-бы онъ попалъ въ министры, чего онъ несомнѣнно надѣялся. Слова его были шакъ глупы, шакъ несвязны, что я почелъ его сумасшедшимъ, и кшо-шо подлѣ меня шепнулъ: «Онъ сумасшедшій!»

Въ другомъ домѣ тоже явленіе. Чей-шо голосъ произносилъ горькія жалобы на жестокость, безчеловѣчіе людей, которые лишаютъ средства бытъ полезнымъ Человѣчеству, сдѣлавшись генераломъ и сенаторомъ. За шѣмъ слѣдовало исчисленіе добра, которое хотѣлъ эношь человекъ сдѣлать, и это исчисленіе было не глупѣе жалобъ и проэкшовъ человека, мѣпившаго въ министры. «Какъ онъ умно говоритъ» — сказалъ подлѣ меня кшо-шо — «знаю, что сумасшедшій, а заслушаешься по неволѣ.»

Въ залѣ одного изъ домовъ, гдѣ шолнилось много народу, я слышалъ, какъ одинъ человекъ, сидя въ углу, читалъ преглупые стихи, а другой говорилъ нелѣпосши ученія. Нѣсколько человекъ въ полголоса шолковали, что и поэтъ и ученый съ ума сошли. И я повѣрилъ-бы этому, если-бы нѣсколько человекъ не захопали руками поэта, и не стали хвалить его. — Въ залѣ другого дома я услмшалъ тоже: и стихи чи-

двухъ , и о наукѣ говорили. Подаръ мнѣ , что различіи въ сущности стиховъ и ученаго разсужденія обѣихъ залъ , и никакъ не замѣнить. Всаго-же непоняните , что и въ другой залъ также , одни называли поэта и ученаго сумасшедшими , а другіе хвалили ихъ и хлопали руками.

Услышавъ , что кто-то прескверно и претощибочно играетъ на арфѣ , я подумалъ , что это сумасшедшій ; еще болѣе , когда къ нестройнымъ звукамъ прибавился дурной голосъ , фальшиво выщипывавшій звуки и ноты.

« Вошь человѣку охота пѣть ! » — сказалъ подлѣ меня кто-то . « Не сумасшедшій-ли онъ ? Впрочемъ , нечему и дивиться : у него вся семья на музыкѣ помѣшана ! »

Въ другомъ домѣ , также услышалъ я музыку . Кто-то игралъ на скрипкѣ , и скрипка была разстроена . « Онъ сумасшедшій » — подумалъ я . Но въ это мгновеніе , изъ разстроеной скрипки полетѣли звуки дивные . Казалось , что смычкомъ водили по сердцу человѣческому . Это не были звуки обкновенные , вытѣренныя , спройные ; а даждо мѣшалось съ аллегро ; смычокъ исчезалъ въ звукахъ , которые понули одинъ въ другомъ , и уже не звучали , но сливались въ каждую-то дикую , приводящую въ шрепетъ гармонію . Музыкантъ забывалъ всѣ правила , всѣ

законы, но за що и слушатель не могъ судить его по опредѣленнымъ правиламъ, и, следовательно, долженъ былъ поддѣлать свое сужденіе волѣ музыканша.

Наконецъ, услышавъ ссору и крикъ, я обрадовался, думая, что теперь узнаю, гдѣ я. Примышлой ссоры былъ шлочокъ; голоса были пресердитные, слова безъ связи; оправданія не слушали. Это сумасшедшіе, подумалъ я, тѣмъ болѣе, что многіе говорили поже подлѣ меня.

И въ другомъ домѣ, на бѣду мою, такоеже явленіе. Причиной ссоры былъ щелчокъ; кричали и шумѣли не менѣе, говорили не умнѣе, связи въ словахъ и рѣчахъ, и вниманія къ тому, что говорено, было не болѣе и не менѣе.»

Слова и примѣры моего слѣнца привели меня въ замѣшательство. Въ самомъ дѣлѣ, мы только не посмѣемъ, постыдимся сознашья, а иногда — невольно думаешь, что какъ отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, такъ отъ ума до безумія — одинъ только прыжокъ....

«Ну! расшолкуй-же мнѣ; копорый былъ домъ сумасшедшихъ? Тотъ-ли, гдѣ я слышалъ кандидата въ министри, дурнаго игрока на арфѣ и ссору за шлочокъ, или шопъ, гдѣ слышалъ кандидата въ генералы и сенаторы, скрипача-виртуоза и ссору за щелчокъ? О поэтахъ и

ученыхъ не говорю: слышанныхъ мною въ домъ и другомъ домѣ не различилъ-бы по слуху и самъ премудрый Соломонъ.

— Положимъ, что это, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ шрудный; но общее отношеніе людей одного къ другому... оно замѣшно.

« Тамъ и здѣсь — люди называли другъ друга сумасшедшими и дураками.

— Но общность разговора ?

« Я напомню себѣ анекдотъ, случившійся съ Свифтомъ. Онъ былъ въ обществѣ нѣсколькихъ умныхъ людей, и послѣ сыпнаго обѣда сѣлъ въ споронѣ; другіе собесѣдники занялись жаркимъ разговоромъ, кричали, шумѣли, и наконецъ вдругъ замѣнили, что Свифтъ не участвуетъ въ разговорѣ, сидитъ и пишеть. « Что вы дѣлаете, Г-нъ Свифтъ ? » спрашивающъ у него. — Пишу. — « Что-жъ вы пишете, Г-нъ Свифтъ ? » Я записываю ваши разговоры. — « Покажите. » — Боюсь; вы подумаете, что я нагаляю на васъ. — « Нѣтъ, нѣтъ! покажите. » — Если вамъ угодно. — Свифтъ прочиталъ — и собесѣдники удивились, какой вздоръ и какая нескладица выходитъ изъ всего, что было говорено ими!

« Всѣ вы жалуетесь, что пишутъ и печатаютъ бездну глупостей, и весьма немного умнаго. Но говорятъ тѣ-же люди, которые пишутъ и печатаютъ. Пишутъ и печатаютъ они

еще съ размышленіемъ, думая, сшараясь показаться умнымъ, а въ разговорѣ ниъ нѣкогда, и не до того: надобно импровизировать, думать и обдумывать на лешу. Послѣ сего суди самъ: по вѣрной послылкѣ ошъ глупосшей пекатныхъ, каковъ шпогъ будешъ глупосшей словесныхъ?

— Все однакожъ, шы услышишь глупосши, и немного ума ошъ не сумасшедшаго, а сумасшедшій заговоритъ, и шы услышишь сумасбродство.

«Я самъ шакъ думалъ, но штому мѣшалъ проказникъ N. N. Точно замѣнилъ я, что въ одномъ домѣ шме начинали говорить довольно складно. N. N. шоптась вѣшивался въ разговорѣ, и всегда умѣлъ свесши рѣчь на шакое предмешъ, что весь складъ шерялся, и я находилъ, что каждый говорящій на чемъ нибудь былъ помѣшанъ. Въ другомъ домѣ было напрошивъ: начинали говорить сумасбродство. N. N. вѣшивался, и шакъ велъ разговорѣ, что рѣчи приходили въ порядокъ, и выходило всегда что-шо складное. . . .

«Знаешъ-ли шы слова Байрона?» примолвилъ мой слѣпецъ, помолчавши нѣсколько времени. Овъ съ чувствомъ произнесъ попомъ:

The lady of his love... Oh! she was changed
As by the sickness of the soul; her mind

Had wandered from its dwelling, and her eyes,
 They had not their own lustre, but the look
 Which is not of the earth; she was become
 The queen of a fantastic realm; her thoughts
 Were combinations of disjointed things;
 And forms impalpable and imperceived
 Of others' sight, familiar were to hers.
 And this the world calls phrensy; but the wise
 Have a far deeper madness, and the glance
 Of melancholy is a fearful gift;
 What is it but the telescope of truth?
 Which strips the distance of its phantasies,
 And brings life near in utter nakedness,
 Making the cold reality too real (*)!

« Да ! » сказалъ онъ со вздохомъ — « если
 одинъ изъ посвященныхъ мною домовъ былъ со-
 браніемъ сумасшедшихъ, а другой не сумасшед-

(*) Та, копорую любилъ онъ . . . Ахъ ! какъ измѣ-
 нилась она болѣзнью души . . . погибъ умъ ея, и гла-
 за ея не блистали прежнимъ свѣтомъ ; они горѣли
 тѣмъ-то не земнымъ. Она была царицею міра Файша-
 зии ; ея мысли были смѣсью всего несообразнаго, и
 то, что для другихъ было непримѣпно и неощуща-
 тельно — было ей знакомо. Это свѣтъ называется
безуміемъ, но мудрецъ еще безумнѣе, и даръ печаль-
 ной думы — ужасный даръ ! Что такое она ? Телескомъ
 испины, копорый приближаетъ къ намъ привидѣнія
 ужасающія, разоблачаетъ жизнь, являя хладную су-
 щественность — еще существеннѣе) . . . Мы желали
 передать только смыслъ подлинника. Жив.

шихъ, по вся разница, што въ бдиномъ слышалъ я людей, помѣшанныхъ на чемъ ивбудъ, и глупо разсуждающихъ о всей остальной, а въ другомъ домъ людей, умно судящихъ о чемъ ивбудъ; и также глупо разсуждающихъ о всемъ оспальномъ. Надъ лбами которыхъ надобно поставишь вывѣску: *За отсутствіемъ хозяина, отдается въ наймы?* Какъ думаешь?»

Я молчалъ. Слѣпецъ мой распрогалъ меня. — «Вопросъ мудреный. . . .» сказалъ я наконецъ, «если ты спрашиваешь меня не шути. . . .»

— Вопросъ *пегальный*, скажи лучше. Желалъ-бы я теперь поглядѣть на наружность сумасшедшаго и несумасшедшаго; желалъ-бы, для испытанія, переодѣть безумца въ плашье умника, а умника въ плашье безумца, и испытать: узнають-ли ихъ люди послѣ сего переодѣванья; желалъ-бы испытать: не лъзя-ли убѣдиль самого умнаго чловѣка, што онъ съ ума сошелъ, разспроить его воображеніе и заставишь безумствовать, а сумасшедшаго научишь нѣсколькимъ приличіямъ, нѣсколькимъ наружнымъ формамъ, и заставишь умничать. . . . Но, нѣтъ, нѣтъ! бѣдные люди! Для чего шерзашъ васъ; и безъ шого вамъ довольно доспаешся, и ошъ другихъ, и ошъ самихъ себя. . . .

Онъ засмѣялся. «Что вы говорите — а я проигралъ закладъ. . . .»

Вошь, вѣдь, вашъ разговоръ. Не правда-ли, что олъпецъ мой биваетъ иногда спрванень и оригиналенъ, какъ Гомадова сказка? На что похоже, въ самомъ дѣлѣ: не различить безумія олъца ума! Это, кажешся, шакъ легко....

С М Ъ С Ъ.

Умные рѣдко биваютъ богаты, а если и случается видѣть богатство при умѣ, оно кажешся украденнымъ у глупости.

«Когда-же вы заплашите мнѣ вашъ долгъ?» —
Прошу не дурачить меня: вы спрашиваете о томъ, чего и самъ я не знаю.

Одинъ малорослый офицеръ сполкнулся на набережной съ огромнымъ офицеромъ. Малорослый разсердился. «Я смю эшошь полчокъ кровью!» воскликнулъ онъ. — «Не угодно-ли сперва начашъ водою?» отвѣчалъ великанъ, схватилъ Пигмея, и сбросилъ его въ рѣку.

**НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.**

№ 22. *Ноябрь* 1830.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ и СОВѢТНИКИ.

(Быль не быль, однакожь и не сказка).

Графъ Рѣшимовъ, *Предсѣдатель Комисіи*, и
Кальинъ, *Секретарь его (входятъ въ залу
присутствія).*

Графъ. Гошомы-ли у васъ бумаги?

Кальинъ. Всѣ гошомы, Ваше Сіашельство.

Графъ. Разумѣеся, вы пригошомили и при-
говоръ, по той запискѣ, которую я вамъ пе-
редалъ?

Кал. Ваше Сіашельство... изволили...

Графъ. Что это значить? Опъ чего ваше за-
мѣшательство?

Кал. Я осмѣливаюсь доложить... можете
быть...

Графъ. Говорите безъ обиняковъ, и поскорѣ.
Вы знаете, что мнѣ нѣкогда. Я долженъ при-
сутствовать сегодня еще въ прехъ Комисіе-

пахъ и Коммиссіяхъ , и поспѣвъ послѣ того къ объѣду Графини Знахаревской.

Кал. Я приготоовлялъ вчернѣ приговоръ , присовокупивъ обыкновенныя формы въ началѣ и концѣ той записки , которую вы изволили вручить мнѣ —

Графъ. И прекрасно сдѣлали. Прикажише-жъ переписашъ , и положише между бумагами , пригошовленными къ чшенію.

Кал. Объ этомъ-то и хотѣлъ я доложитъ ; изволише-ли приказатъ переписывать? Можешъ бытъ , будетъ учинена какая нибудь перемѣна , надобно будетъ прибавитъ , убавитъ , или перемѣнитъ.

Графъ. Я не понимаю, Г-нъ Калитъ , съ чего вамъ вздумалось *толковать* по , что было вамъ именно *приказано* ?

Кал. Припишитъ это усердію моему къ Вашему Сіятельству.

Графъ. Еслибы я не былъ увѣренъ въ вашемъ усердіи , и желаніи бытъ исправнымъ , хорошимъ чиновникомъ , то . . . вы знаете , что я не люблю нешочности въ исполненіи.

Кал. Просшитъ меня , Ваше Сіятельство , но я долгомъ моимъ почишаю извѣститъ васъ , что Члены Коммиссіи , кажется , хотятъ со-спавитъ сильную оппозицію. Не смотря на со-

вершленную увѣренность въ справедливости вашихъ предложеній, осмѣливаюсь думать, что успѣхъ разсужденія съ ними можешь быть...

Графъ. *Сомнителенъ*—вы думаете ?

Кал. Едва-ли *возможенъ* даже.

Графъ (*улыбаясь*). Г-нъ Калыинъ ! вы человекъ молодой. Мнѣ пріятна ваша опроверженность ; но неопытность ваша невольно засмѣяла меня смѣялся.

Кал. (*оскорблясь*) Можешь быть, Ваше Сіапельство изволише полагать, что мое къ вамъ усердіе видишь затрудненія шамъ, гдѣ ихъ все вѣшь ?

Графъ (*спокойно нюхалъ табакъ*) О, вѣшь ! вы неопытны еще — и только !

Кал. (*хитро*) Я спарался, Ваше Сіапельство, вывѣдать и узнать мысли и предположенія Г-дъ Членовъ, и, кажется, успѣлъ въ эпомъ. Не смѣю хвалиться опытносью, но... двое изъ Членовъ чипали даже мнѣ свои мнѣнія... до-сшигнушь эшого было нелегко.

Графъ. Ха, ха, ха ! Сколько-же вы принимали пруда по пуспому ! Чшò, я думаю, написаны Богъ знаетъ какія диковинки ? — Пригоповъше-же всѣ бумаги, и приговоръ переписише на-ббло. (*Смотритъ на часы*) Черезъ часъ я буду здѣсь — Они скоро начнушь сѣзжаться.

(*уходитъ*)

Кальинъ (*раскладывая бумаги*). Неопытенъ! Посмотримъ, опытный человекъ, какъ ты уладишь съ этими людьми! Въдь это не то, что подчиненные свои чиновники — нѣтъ, здѣсь голосъ каждого свободный, мнѣнія, смотря по различію интересовъ, разныя, и люди, подобныя Думову и Шумову, сумѣютъ сговорить съ тобою. А такіе люди, какъ Брюховъ, еще хуже: полковашъ не смогушь, а безполковишь и упрямиться — имъ чортъ не братъ!

Дудкинъ. Здравствуйше, мой любезнѣйшій и почтеннѣйшій! Чшо-жь это? Вы еще здѣсь одни? Развѣ очень еще рано? А я спѣшилъ — гдѣ-жь наши господа?

Кальинъ. Еще никого нѣтъ, Ваше Превосходительство.

Дудкинъ. А Графъ?

Кальинъ. Онъ скоро хотѣлъ бытъ —

Дудкинъ. Скоро? Онъ конечно изволилъ замѣнить, кто рачительнѣе является къ дѣлу, кто первый спѣшилъ...

Брюховъ. (*съ низкими поклонами*) Вашему Превосходительству честь имѣю свидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе.

Дудкинъ. А! Г-нъ Брюховъ! Просимъ...

Кальинъ. (*съ стороны*) Замолчалъ объ усердномъ желаніи лезать первый, когда пришлось подѣ пару съ этими болваномъ явившья!

Брюховъ. Все-ли , башюшка , Ваше Превосходительство , въ добромъ здоровьи ?

Дудкинъ. Слава Богу ! А васъ , кажешся , ничего спрашивать ?

Брюховъ. Хи , хи , хи ! Чшо намъ дѣлается . Дѣлшки идушь своимъ чередомъ , а забошь большихъ нѣпшъ .

Дудкинъ. Ваши дѣлшки можно назвашь и дѣлами .

Брюховъ. Да оно , шо есть , конечно — доходишки , шо есть , получаемъ изрядные ; да не головоломное завяшше-шо , Ваше Превосходительство .

Дудкинъ. А вопшь сегодня придется вамъ порабошашь и головою .

Брюховъ. Да-сь , ошъ людей не ошспанемъ , шо есть , Ваше Превосходительство , изволише видѣшь . . . (Кальику) А чшо-сь , шо есть , изволише видѣшь : какія эшо , башюшка , будущъ дѣла ? О чемъ мы будемъ разсуждапъ ?

Кальинъ. Вѣрояшно , предметъ сужденія вамъ извѣстенъ .

Брюховъ. Да оно , шо есть , вообще-шо извѣсно , но о чемъ-же . . . Вѣдь я , право , не знаю : зыбрали , ошказашься было не лъзя , да и совѣсно шо есть , но предметы важные . . .

Кальинъ. Не угодно-ли вамъ предварштельно

сообразить : вошь всѣ бумаги по этому дѣлу.

Брюховъ. Помилуйше , да шупь цѣлая кнѣ — какъ-же ихъ вдругъ сообразишь ? (*Садится , и перебираетъ бумаги*) Эдакая досада !

Дудкинъ. Чшо вы ?

Брюховъ. Очки забылъ ! Фушляръ взялъ , а очки оставилъ дома !

Кальинъ. Какая разсѣянность ! Пошлише поскорѣе.

Брюховъ. Безъ меня не найдушъ. Экая досада, экая поска ! Вошь прочипалъ-бм , узналъ . . .

Валетовъ , Холоповъ , Книксинъ (*входятъ и останавливаются у дверей*).

Кальинъ. Господа ! пожалуйте —

Вал. Хол. Кникс. (*кланяясь*) Ничего-съ !

Кальинъ. Садипесь , господа , не угодно-ли ?

Вал. Хол. Кн. Поспоимъ , ничего-съ !

Хитровский (*входитъ и раскланивается*) Ваше Превосходительство !

Дудкинъ. Какъ давно уже я не имѣлъ удовольствія васъ видѣшь.

Кальинъ. (*лукаво*) Вы не опоздали , кажешся.

Хитр. (*про себя*) Тотъ радуешся , увидя меня ; эшошъ двусмысленно говоришь ; Брюховъ сидишь за бумагами — что эшо значитъ ? (*Дудкину*) Я имѣлъ честь бышь . . . (*Кальину*) чшо

поздно для однихъ, шо рано другимъ (*жметъ ему руку*).

Кальинъ. Есшь однакожь общее, опредѣленное—

Хитр. (*осторожно*) Мы не прочь ошъ другихъ, если долгъ и совѣсшь не прошиворѣцашъ.. (*тихо*) Тушь что-шо кроешся! (*Валетову тихо*) Скажите, пожалуйста, что шушь было безъ меня говорено?

Вал. (*тихо*) Многое. Г-нъ Секретарь все уговаривалъ насъ садисься.

Хитр. (*про себя*) А! они хошишь заласкашь насъ! (*Кальину*) Здоровъ-ли Графъ?

Кал. Къ вашимъ услугамъ.

Хитр. (*тихо*) Опяшь шпука! Испинно, не знаешъ, куда ошъ полишкики дѣвашся! Вошъ эдакъ не осперегись — шопчасъ и попадешся. (*Кальину*) Смѣю-ли шребовашъ, чтобы Его Сіашельство... (*тихо Книксину*) А обо мнѣ ничего здѣсь не говорили?

Книксинъ (*тихо*). Ничего-съ!

Хитр. (*кашляя, тихо*). Понимаю.

Кальинъ (*также кашляеть*) Мы съ вами, кажешся, подъ пару, одинаково...

Хитр. (*тихо*) Попался! (*ему*) Да, я гошовъ всегда слѣдовашъ вамъ.

Кальинъ. То есшь, я говорю о кашлѣ.

Хитр. (*улыбаясь*) Я по самое и разумѣю, что вы изволише говоришь.

Кальницъ. (*тихо*) Прошу поладить съ этими людьми: какъ ежи, ни съ кошорой спорони не даюся въ руки. А Графъ говорилъ шакъ рѣшительно.

Думовъ и Шумовъ (*входятъ вмѣстѣ, раскланиваются*); Чижичковъ (*вбѣгаетъ и хохочетъ*).

Дудкинъ. Чшо за радость? Чшо за смѣхъ у васъ?

Чиж. Не лъзя удержашься, Ваше Превосходительство, ха, ха, ха!

Кал. Чшо шакое?

Чиж. Вообразите, что сей часъ я былъ у нашего общаго пріятеля, и вмѣсто своей шляпы захватилъ его. Ёду и думаю, что это шакое? Голова-ли моя похудѣла, или шляпа вдругъ разносилась? Ха, ха, ха!

Дудк. И вы не замѣтили?

Чиж. Только при входѣ сюда я уже увидѣлъ, что шляпа чужая! Ха, ха, ха!

Думовъ. (*тихо*) Пустѣйшій человекъ!

Шумовъ. (*Брюхову*) Позвольте развлечь ваше вниманіе.

Брюховъ. А что, бапюшка?

Шумовъ. Вы, кажется, заняты?

Брюховъ. Вздоръ-съ! Такъ онъ вѣчего дѣлашь-перебиралъ бумажонки.

Шумовъ. Надобно заняшься нашимъ дѣломъ.
Г-нъ Думовъ! Не угодно-ли вамъ?

Думовъ. Охотно (*трое удаляются съ уголъ*).

Дудк. (*Чижикову*) Проншешствіе презабавное.

Чижиковъ. Именно. Нашъ скупяга шеперь взбѣсился. Моя шляпа старая, а его съ иглочки, и я подь дождемъ всю ее вымочилъ.

Шумовъ. Мы сей часъ говорили съ Г-нъ Думовымъ, и я чшалъ ему свое мнѣніе.

Брюховъ. Такъ-съ.

Шумовъ. Овъ со мною несогласенъ, и я шеперь желалъ-бы, чпобъ вы взяли посредничество между нами.

Брюховъ. Такъ-съ.

Шумовъ. Не угодно-ли вамъ, Г-нъ Думовъ, выслушашъ еще разъ...

Кальинъ. (*Чижикову*) Хорошо, что только шляпою можно обмѣниваться. Ну, если-бы голова на голову мѣнялись?

Дудк. Головы Богъ съ ними, а вошь карма-нами хорошо-бы.

Хитровский. (*тихо*) Переговоры во вѣхъ спорахъ; вошь положеніе крипическое!

Думовъ. Не понимаю, какъ у насъ все эшо дѣлается. Напередъ не подумаемъ, не погово-

римъ , не снесемся , и вдругъ хошимъ дѣйство-
вашь , рѣшашь !

Брюховъ. Правда ваша.

Шумовъ. Тушь думаешь нѣчего. Дѣло простое,
и пошчасъ можно видѣшь сущность его.

Чижицковъ. Что-же ? Карманами съ моимъ дри-
шелемъ я гошовъ-бы помѣняшься.

Кальинъ. Каковъ онъ шеперь ?

Думовъ. Какъ легко вы судите о дѣлѣ ! Мно-
жесшво обшюпшельсшвъ съ нимъ сливаешся.

Шумовъ. Я въ моей бумагѣ доказываю , что
эши обшюпшельсшва всѣ пустыя. Ихъ надобно
рѣшишельно опдѣлшшь. Реформа должна бышь
въ сущности.

Брюховъ. Да-съ , въ сущности , шо ешь...

Чижицковъ (*Кальину*). Онъ , кажется , больше
воображаешъ , нежели боленъ въ самомъ дѣлѣ.

Дудк. У него ошець цѣлшй вѣкъ лечился.

Думовъ. Я съ эшимъ несогласенъ. До сущно-
сти намъ дѣла нѣшь , и должно сперва заняшь-
ся подробностями.

Чижицковъ. Опъ лекарскихъ миксшуръ , и безъ
болѣзни , я было опшправился на шощъ свѣшъ ,
въ прошломъ году , ха , ха , ха !

Дудк. Такъ шеперь вамъ надобно-бы уже шу-
да добхашь , ха , ха , ха !

Чижииковъ. Точно: шуда возягъ пихо, а прївзжаюгъ скорѣе, чѣмъ на почповыхъ, ха, ха, ха!

Шумовъ. Слѣдовашельно, мы будемъ шолковашь о пуснякахъ.

Брюховъ. Такъ-сѣ, да, о нуснякахъ шо ешь.

Думовъ. Удивляюся, какъ вы рѣшипельно изволише говоригъ, и я гошовъ осудишь шакую увѣренность. Вошь и Г-нъ Хишровскїй здѣсь; позовемъ его...

Хитровскїй. (*тихо*) Тамъ, что-шо жарко-говорягъ.

Дудк. Давно-ли вы видали Агаею Яковлеву?

Чижииковъ. Вчера встрѣшилъ на улицѣ — и какой экипажъ, прелестный!

Дудк. Спросигше, что заплачено!

Шумовъ. Что вы добьешесь отъ Хишровскаго? У него мысли надобно выпышмвать — и шущь онъ ничего не скажешъ.

Думовъ. Оспорожностъ я всегда предпочшу безразсудной опвагѣ. Г-нъ Хишровскїй!

Хитровскїй. (*тихо*) До меня дошло! Заняшъ-ся поскорѣе чѣмъ-нибудь. (*Валетову*) Скажигше: что шепель-ли вашъ новый домъ?

Валетовъ. Прешеплый, сударь, прекраснѣйшїй! Никогда не изволише пожаловашъ...

Хитр. Заянцъ, сударь, заянцъ.

Думовъ. Не слышишь! *(подходитъ къ нему)*
Послушайте —

Хитровскій. *(тихо)* Вѣда! попался! *(вслухъ)*
Чшо угодно?

Думовъ. *(уводитъ его въ сторону)* То, что я вамъ чипалъ, не заслужило одобренія Г-на Шумова; вашего мнѣнія доспапочно будепгъ убѣдишь его. Вы вѣдь согласны были со мною?

Хитр. Полное согласіе — дѣло не легкое. Если... я желалъ-бы... однакожь...

Шумовъ *(Брюхову)*. И шакъ вы убѣждаешесь мои доводами *(онъ читалъ ему между тѣмъ свою бумагу)*.

Брюховъ. То еспъ, превосходно, ошлочно!

Кальннъ. Чшо эшо нашъ Графъ замѣшкался?

Чижииковъ. И впрямъ. Вѣдь эдакъ, если заполюемса, шо къ обѣду не поспѣешь.

Дудк. Вы гдѣ сегодня?

Чижииковъ. Я общалъ къ Солонѣдову.

Дудк. Чшо вамъ за радосшь вздншь!

Чижииковъ. Еспъ дѣльцо.

Кальннъ. Ахъ, Г-нъ Чижииковъ! Шалосныи!

Чижииковъ. Ха, ха, ха, пусняки — шакъ, иншрижка, иншрижка!

Думовъ. Вообразите : эпошъ Шумовъ вездѣ вмѣшиваешся : зашумишь , загремишь , все ему въ корень передѣлай — самолюбіе пресстрашное...

Хитровскій. Да , человекъ такой... умный... прекрасный... но...

Думовъ. Скоръ , нешерпѣливъ.

Хитровскій. Да , ешь грѣшокъ...

Шумовъ. Съ Думовымъ вѣчно неладишь ; всѣмъ хочешь угодишь , никого не оскорбишь . Если насъ спрашиваютъ , по должно говорить ошкровенно , прямо .

Брюховъ. Именно по ешь .

Шумовъ. И чего боишься , если рѣшаешься дѣло голосами ? Иное дѣло одному говорить .

Брюховъ. Конечно иное , а по , что намъ боишься ?

Шумовъ. Я не ожидалъ , чтобы вы такъ благонамѣренно и смѣло поступали .

Брюховъ. Смѣлоснѣ , сударь , доспанешъ . Хопъ Г-ву Губернашору , такъ правду скажемъ .

Дудк. Ну , а зачѣмъ вы такъ часто посѣщали Андрея Харитонича ? Плуповство опять ?

Чижиковъ. Вошъ и подозрѣнія шопчасъ ! ха , ха , ха !

Кальинъ. Полно-ше, полно-ше скривашься. Ну, Федора Пешровна привлекаешъ — признаешь?

Чижииковъ. Ей, ей, нѣшъ!

Дудк. Такъ зачѣмъ-же? Чшо за бесѣды съ самимъ Андреемъ Харипоновичемъ?

Чижииковъ. Ха, ха, ха! Нѣшъ, ей Богу, нѣшъ! *(тихо)* Ешъ аферка, маленькая, шакъ пущячки, вздоръ...

(Кальинъ и Дудкинъ хохочуть. Думовъ, Шумовъ и Брюховъ съ жаромъ разговариваютъ. Хитровскій хочетъ отъ нихъ уйдти, но его держатъ за руки. Валетовъ и Холоповъ стоятъ у дверей. Книксинъ дремлетъ).

Шумовъ. Я ссылаюсь на Г-на Брюхова, чшо иначе дѣла рѣшишь не лъзя.

Брюховъ. Именно шо ешъ.

Думовъ. Но вы прошиворѣчите шому, чшо вчера говорили мѣ. Г-нъ Хитровскій! Я ссылаюсь на васъ.

Хитр. Конечно — если вамъ угодно, шо, въ скороспи... *(тихо)* Чшо дѣлашь!

Брюховъ. Какъ прошиворѣчу?

Дудкинъ. А пора-бы вамъ осшепенитьсь — довольно помощано, пошалоно!

Чижииковъ. Довольно, но не полно, ха, ха, ха!

Калыинъ. (*вслушивался въ разговоръ Шумова и Думова, тихо*) И. Графъ говорилъ, что онъ и не думаетъ объ ихъ прошиворѣчяхъ! Увидимъ, увидимъ!

Думовъ. Какъ-же не прошиворѣчите? Вѣдь вы съ прешымъ пункшомъ согласны?

Брюховъ. Съ прешымъ по еспъ?

Думовъ. А онъ разрушаетъ все предложеніе Г-на Шумова.

Брюховъ. Да, разрушаетъ по еспъ?

Шумовъ. Вопъ и Г-нъ Хитровскій согласенъ, господа!

Хитровскій. Нѣшъ, я — однакожъ — позволюше мнѣ выикнуть...

Незнаевъ. (*входя*) Чшо выикнуть? Чшо, о чемъ дѣло? Э, милый! споишъ шого, чшобы ломашъ голову! Здравствуйше, господа!

Шумовъ. Вопъ ксшапи. Г-нъ Незнаевъ! убъдите вы господъ, чшо мое мнѣніе —

Незнаевъ. Мнѣніе? Какое мнѣніе?

Шумовъ. Мое.

Незнаевъ. (*махнувъ рукою*) Прекрасно!

Шумовъ. Видише, Мм. Гг. — Чего-жъ вамъ, когда —

Незнаевъ. (*Дудкину*) Мое почшеніе, Ваше Превосходительство.

Дудкинъ. Ба, ба, ба! Да развѣ и вы здѣсь Членъ?

Незнаевъ. Говорятъ; какъ ваше здоровье?

Хитровский (вырвавшись, бѣжитъ къ Кальнику). И Богъ знаетъ что полкуютъ; не поминте, чшобы я учасшвовалъ въ спорахъ. Независимосшь моего мнѣнїя... Вы знаете...

(Шумовъ и Думовъ сильно спорятъ)

Дудкинъ. Да что за шумъ?

Кальнинъ. (смѣясь) Господа Члены диспушуются о дѣлѣ.

Чижииковъ (Незнаеву). Ну, что, сударь? (зваетъ)

Незнаевъ. Да, ничего (также зваетъ).

Чижииковъ. Какъ здоровье?

Незнаевъ. Ладно. Вы какъ?

Чижииковъ. Да все также.

Шумовъ. (Незнаеву); Пожалуйте, Яковъ Софроничъ, извольте вразумишь —

Незнаевъ. И, мой милый! подите вы съ вашими спорами и вздорами!

Думовъ. (Брюхову) Удивляюсь и не надивляюсь вашей проспошнѣ.

Брюховъ. Да, по еслѣ, я, изволише видѣшь, самъ не понимаю; но, повѣрьте, что еслибы слу-

чилось, по — извинише; я по есть вамъ ошвѣ-
чалъ-бы пѣмъ-же.

Шумовъ. (*Думову*) Вижу, сударь, что че-
столюбіе сильнѣе въ васъ ревности къ обще-
ственной пользѣ.

Думовъ. Вы приписываете мнѣ ваши свой-
ства, и я не дивлюсь: всякой по себѣ судишь.

Дудкинъ. А, признаюсь, не завѣтракавши...

Незнаевъ. Нѣтъ! я шаки закусилъ.

Чижииковъ. Я съ утра исполняю эту обязан-
ность, и опъ того мнѣ все равно, равно-ли,
поздно-ли обѣдъ.

Хитровский. (*глядя въ окно*) Кареша!

Кальинъ. А, Графъ, Графъ! (*приводитъ въ
порядокъ бумаги*).

Дудкинъ (*Чижиикову*). Посмотрите-ка: не
замаралъ-ли я спину, першишь около спѣны?

Чижииковъ. Да это какая-то зеленая краска
(*обмахиваетъ его платкомъ*), а здѣсь желтая ко-
мнаша.

Дудкинъ. А, это видно я въ передней Гра-
фа, давеча, прислонился къ спѣнѣ.

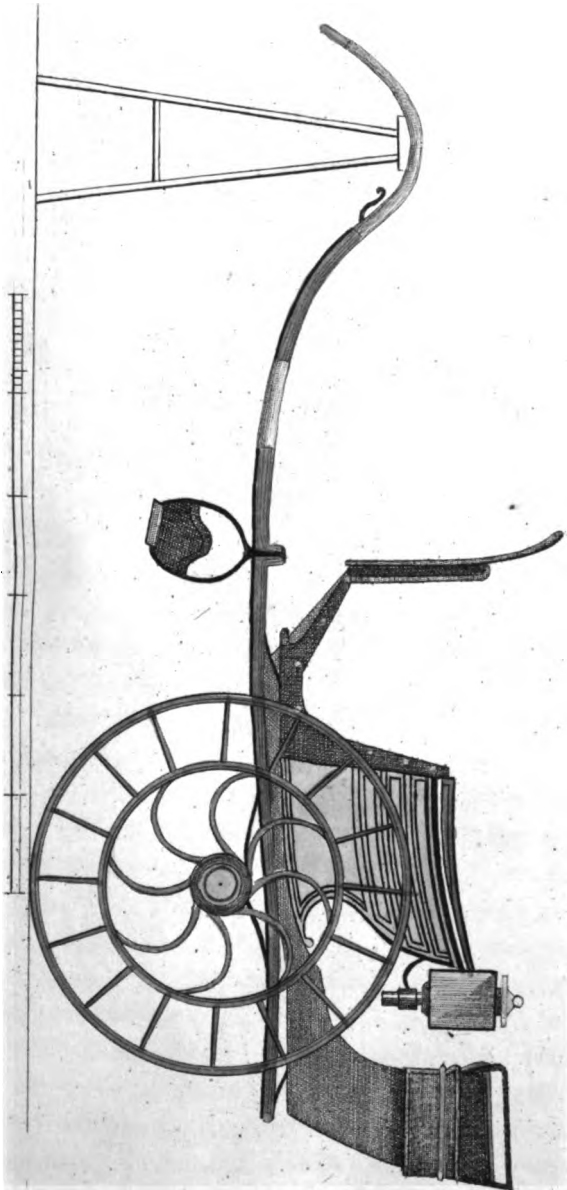
(*До слѣд. книжки.*)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ пѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Ноября 30 дня 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цветаевъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Pat. 1,020, Hobbs, Wash. 1850.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

**ОБЪ УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТСКАГО
ВОЗРАСТА.**

(Околчаніе).

2.) Мы сказали даже, что для сообщенія съ разными краями свѣта и народами, нужно особенно, по нынѣшнему времени, знаніе живыхъ языковъ. Действительно царство первыхъ языковъ въ наше время прекращается. Умственная монополія Эллинистовъ и Латинистовъ почти потеряла вовсе свою силу. Знанія дѣлающія теперь общою принадлежностью и необходимостью; они перешли одѣкаться Греческими или Латинскими гіероглифами, понятными одной только кастѣ, богатой педагогами, которая какъ-бы хотѣла завладѣть всеми окрестностями ума, и скрывать ихъ отъ общаго употребленія. Не слишкомъ еще давно почиталось высокимъ просвѣщеніемъ разсуждать на Латинскомъ языкѣ о Греческомъ Синтаксисѣ, Количествѣ, Удареніяхъ, или читая Гомера, какъ искусно, что Гомеръ, если-бы могъ слышать это что-

ніе, вѣроятно не узналъ бы ни стиховъ своихъ, ни языка; но теперь мнѣніе объ эпозѣ совершенно переменяется, хотя, къ сожалѣнію, предубѣжденіе въ пользу мершвыхъ языковъ еще велико. Предразсудки, укорененные глубоко временемъ, трудно испребляются (*). Но какъ бы

(*) Мы были недавно свидѣтелями необыкновенно блистательнаго дѣйствія предразсудка въ пользу Латинскаго языка. Людовику XVIII поднесенъ былъ, 22 Октября 1821 года, адресъ на Латинскомъ языкѣ, подписанный многими Профессорами и Лицмераторами, объ основаніи Латинскаго города, посредствомъ Европейской подписки. Докшоръ Богословія, Аббатъ Ольмо, выдалъ попомъ въ публику сей любезнѣйшій адресъ съ Французскимъ переводомъ. (Traduction, avec le texte en regard, de l'adresse latine, signée par plusieurs professeurs et gens de lettres, et présentée à S. M. Louis XVIII, le 22 octobre 1821, sur le projet de la fondation d'une Ville Latine; par le moyen d'une souscription européenne par M. l'Abbé d'Olmo, docteur en théologie. Paris, 1824. Il est 99 pag. in 8.) Ученый Докшоръ силенъ необходимыми аргументами о необходимости Латинскаго города. Вотъ сіи аргументы: 1) (стр. 13.) писатели наши худо поступающъ, сочиняя на своемъ природномъ языкѣ 2) (стр. 17.) Ни кто изъ Европейцевъ не можетъ писать на живомъ иносстранномъ языкѣ, между шимъ какъ всякой можетъ весьма хорошо писать по-латинѣ. 3) (стр. 18.) Новые наши языки неспособны, ни для распространенія, ни для сохраненія вещей. 4) Ученый Латинскаго языка нынѣ въ драгобрѣженіи (наконецъ, слава Богу, правда!).

они ни были сильны, они должны наконецъ уступить разсудку, и уступаютъ ему: во многихъ мѣстахъ образованнаго свѣта слышны уже справедливыя порицанія прошивъ мнимой надобности учиться всякому по-латинѣ; Греческій языкъ гораздо прежде упалъ въ общемъ мнѣніи; начинаютъ основывать ученныя заведенія, гдѣ Латинскій и Греческій языки почти исключаются. Въ 1826 мѣ году, 4 го Марта, сдѣлано было публичное собраніе главныхъ жителей Филадельфіи, по случаю учрежденія политехническаго и сціентифическаго коллегіума въ семь городовъ: 21

Аббатъ *Ольмо*, истинный воспитанникъ Древности, почитаетъ; еще справедливѣе *Платона*, лучшимъ гражданиномъ того, „qui aura observé et honoré le mieux les droits divins et humains et la pureté de la langue latine.“ („Кто наилучше будетъ сохранять и почитать права божескія и человѣческія, и чистоту Латинскаго языка“). Послѣ такого опредѣленія лучшаго гражданина споровишся понятно, почему ученый Докторъ назвалъ, въ Латинскомъ шекспѣ (*стр.* 40), Испанскую Королеву *Изабеллу*, принявшую планъ *Колумба*, *Елизаветою*: этого пребовала чистота Латинскаго языка, гдѣ нѣтъ имени *Isabella*, и нѣкоторая упоминенность Испанскаго языкознанія: но почему онъ употребилъ и во Французскомъ шекспѣ (*стр.* 40.) сію спранныю упоминенность языкознанія? Понять не легко. Но и весь этотъ Латинскій адресъ непонятное въ нынѣшнія времена явленіе.

день спусти, Президентъ комитета, *Bro-
wne*, представилъ донесеніе, изъ котора-
го помѣщаемъ здѣсь извлеченіе; оно примѣ-
чательно :

„Комитетъ рѣшаетъ, чшобъ въ но-
вомъ Коллегіумѣ преподавались преимуще-
ственно всѣ вѣдыв познаній, относящих-
ся къ Земледѣлію, Механикѣ и фабрикамъ,
также необходимыхъ архипешпорамъ, граж-
данскимъ инженерамъ, купцамъ и другимъ
дѣловымъ людямъ; таковы: обыкновен-
ная и десятичная Арифметика, Грамма-
тика, Словесность, Географія, Исторія,
Хронологія, Математика, Естественная
Философія, включая сюда Механику и
Астрономію, Химія, Минералогія, По-
литическая Экономія, общія основанія
Правленія и Юриспруденціи, новые языки,
и именно Французскій, Нѣмецкій и Испан-
скій. Латинскій и Греческій языкъ назна-
чаются только тѣмъ, которые будутъ имѣть
для сего желаніе, время и способы.“

Нужно ли замѣнить, что ученіе Гре-
ческаго и Латинскаго языковъ оуждаст-
ся только, какъ общее занятіе, а не какъ
часть наукъ человѣческихъ? Какъ часть
наукъ человѣческихъ, оно имѣетъ высокую
цѣну; но шже можно сказать и о дру-
гихъ мертвыхъ языкахъ, напрымръ, о
Санскритскомъ, Египетскомъ, и проч.,
изъ которыхъ ни кто не думаетъ обяза-
вать всякаго. Какъ общее занятіе оно

достоинно осужденія, потому что польза его далеко не окупается пожертвованію времени; время сего ученія несравненно большую принесетъ пользу, если употреблено будетъ на науки, которыхъ пребудетъ практическое существованіе общества. Впрочемъ есть одно обстоятельство, которое принуждаетъ учиться почти всѣхъ до нѣкоторой степени по-латинѣ и по-гречески: это образованіе техническихъ терминовъ; извѣстно, что они берутся изъ сихъ двухъ мертвыхъ языковъ. Изтъ сомнѣнія, что нужно знать значеніе сихъ терминовъ. Но цѣль сія не пребудетъ глубокаго изученія языка *Гомера* и *Виргилія*.

Глубокаго, то есть, не поверхностнаго, а основательнаго ученія пребудутъ живые языки, заключающіе въ себѣ всю массу нынѣшнихъ человѣческихъ познаній, мыслей и чувствованій, принадлежащихъ такимъ народамъ, или людямъ, съ которыми мы, или находимся, или бываемъ, или можемъ быть въ сообщеніи, по долгу службы, по требованіямъ наукъ, промышленности и коммерціи, по охотѣ къ путешествію, словомъ, по разнымъ и многимъ обстоятельствамъ жизни. Въ военное время примѣры не рѣдки, гдѣ знаніе того или другаго изъ сихъ языковъ спасало отъ смерти. Но было бы совершенно излишне доказывать поль-

зу живыхъ языковъ. Участь-ли симъ языкамъ у насъ? вошь предметъ, который шеперь до насъ касается.

Прежде всего замѣшимъ, что мы не можемъ жаловаться на слишкомъ великое злоупотребленіе времени въ пользу мертвыхъ языковъ. Правда, для Лашинскаго языка мы вообще жертвуемъ двумя или тремя годами, чтобъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія, не переходяція далеко за первоначалія Грамматики. Эта жертва приносится нѣкотораго рода необходимости; и какъ скоро сія необходимость проходитъ, то Лашинскій языкъ топчется предаётся забвенію. Что касается до Греческаго, то можно ручаться, что богатое нынѣшнее Парижское изданіе *Stephani Thesaurus linguae graecae*, не смотря на свои *charta glutinate membranacea XXVIII fasciculi in-folio*, не потечетъ рѣкою въ Россію. Полагаемъ, что сіе богатое изданіе, какъ и Англійское, Вальшанское, которое почти въ четверо его дороже, поступитъ на покой, въ библіотеки — литературныя саркофаги ученыхъ обществъ и Англійскихъ Лордовъ. Впрочемъ можетъ случиться, что и истинныя Эллинисты, которыхъ числомъ отъ четырехъ до пяти находится въ одной Европѣ, будутъ также имъ пользоваться, не смотря на удѣшительныя

слова *просекта* о цѣнѣ, что *liber totus venibit 336 tantum francis.*

Сказавши, что мы немногимъ временемъ жертвуемъ для древнихъ языковъ, можемъ-ли также сказать, что не жалеть его для живыхъ языковъ? Едва-ли. Вся хотятъ знать одинъ языкъ, именно Французскій; о прочихъ заботятся мало. И Французскій языкъ почитается необходимою, не столько для того, чтобы дѣйствительно знать его, сколько для того, чтобы говорить на немъ. Отъ того происходитъ у насъ смѣшное; можно сказать, приспособленіе къ хорошему Французскому произношенію. Никоторые родители, особенно родителиницы, сторѣли бы со стыда, если бы дѣти ихъ не умѣли чистю выговорить за словомъ: *donnez-moi de l'eau, le kwass est bon* и подобныхъ отвлеченностей (всякой чувствуетъ, что такія таинственныя рѣчи непременно надобно говорить по-французски; иначе прислуживающіе люди, напримеръ народъ болыаивый и опасный, могутъ подслушать; разнесши эти рѣчи, куда не надобно, и надѣлавъ бѣдъ изъумительнаго нескромностію); но ни одна лишняя капля крови не попревожила бы поверхности лица, если бы нашлось, что дѣти, хотя бы были 20 ми лѣтъ и больше, ничего не умѣютъ сказать; при случаѣ, о системѣ *Мальтуса, Гитона* (Hutton)

и Вернера, младшаго Шампольона, или объ Англійскомъ Пауперизмѣ, даже объ Испанскихъ Маѣ, и подобныхъ предметахъ.

Слѣдимъ замѣтити, что теперь мысли о Французскомъ языкѣ вообще снисходятся основательнѣе, что многіе пересказываютъ некая одного только произношенія и умѣнія говорить, что начинаютъ некая во Французскомъ языкѣ больше дѣйствительнаго и полезнаго знанія, чѣмъ ложнаго и служащаго только для хвастовства. Слѣдимъ еще прибавить, что кромѣ Французскаго языка поспешно распространяется у насъ знаніе Каледнаго и часпѣю Англійскаго. Но не можемъ не признаться, что сіи послѣдніе языки, Англійскій особенно, еще очень мало вошли въ общую систему ученія, и не почитаются еще, какъ-бы должно, необходимостію хорошаго воспитанія.

3) Теперь слѣдовало-бы говорить о наукахъ политическихъ и гражданскихъ, которыхъ требуютъ нынѣшній языкъ для знанія обязанностей и нравъ каждаго члена общества; но дѣтскій возрастъ, который мы имѣемъ теперь въ виду, не способенъ для сихъ наукъ: и никакъ мы не можемъ войти о семъ предметѣ ни въ какія объясненія.

Какое заключеніе всего сазаннаго? То, что нынѣшняя система дѣтскаго ученія не охватываетъ въ широтѣ ни одно-

му изъ четырехъ условий, необходимыхъ для первоначальнаго умственнаго воспитанія: 1) что она не соразмѣрна, особенно по *правилу* ученія, съ дѣтскими понятіями; 2) что ея не лѣзя начинать съ самаго ранняго дѣтскаго возраста; 3) что она пренебрегаетъ физическому, и не довольно способствуетъ умственному развитію дѣтскихъ способностей; 4) что наконецъ слишкомъ мало пригласяетъ къ свѣдѣніямъ, которыхъ нужны по нынѣшнему духу времени.

Сколько недоспазковъ нынѣшней системы дѣтскаго ученія пребудутъ безъ сомнѣнія исправленія ея. Надобно рѣшиться: а) *измѣнить* въ ней несогласное съ предполагаемою цѣлію, б) *исключить* излишнее, в) *дополнить* недостающее. И такъ должно обратишь вниманіе на три пункта: измѣненіе, исключеніе, дополненіе.

И з м ѣ н е н і е .

Что надобно измѣнить въ нынѣшней системѣ дѣтскаго ученія? Полагаемъ, что многіе чинашени предупредили уже насъ опѣшонъ. *Правило ученія*, требующее преподаванія дѣтямъ какой нибудь науки *скратцъ*, но всей, сряду отъ начала до конца, должно бышь оставлено; поэтому что дѣлаетъ науки, дѣтямъ, какъ мы выше спарались показати,

почти неприслупными. Есть правило натуральнѣе сего, самое натуральное; это: *учить дѣтей изъ какой нибудь науки только тому, что не превышаетъ ихъ понятій, не затрудняетъ много ума ихъ.* Съ симъ правиломъ вы можете смѣло начинать учить ихъ всякой наукѣ, какой угодно: ибо всякая наука, какъ море, имѣетъ свои мѣлкія мѣста, такъ какъ и на оборотъ, всякая имѣетъ свои глубины, даже бездонныя. Передавши ученику изъ какой нибудь науки все, что есть въ ней легкаго, то есть все, для чего онъ не долженъ дѣлать слишкомъ великихъ умственныхъ усилій, оставьте на время эту науку, возьмите другую, третью, четвертую и такъ далѣе: расположите всѣ эти науки такъ, чтобы онъ одна другой помогалъ; пока ученикъ собираетъ разныя знанія изъ сихъ наукъ, разсудокъ его, по естественному закону, укрѣпляется: какъ скоро вы почувствуете, что его разсудокъ довольно укрѣпился, и можетъ уже безъ опасности сражаться съ трудностями прежней науки, которую вы было опложили, то начинайте заниматься опять съ нимъ сего прежнею наукою: новыя трудности заславяты опять васъ уладились опять неа, новыя силы опять возвращають къ ней: и такъ до конца. Посредствомъ сего правила ученикъ безпреспан-

но, съ невозможно малыми усиліями, будутъ приобрѣтаться новыя свѣдѣнія; горизонтъ ума его будетъ распространяться нечувствительно, но безпрерывно и легко. Правда, исполненіе сего правила требуетъ большаго искусства со стороны учителя. Учитель не только долженъ знать всѣ мѣли и глубины науки — вещь немаловажная — но и угадывать поочасъ всю слабосць и силу ученика своего, и поступать, не теряя времени, сообразно съ сею слабосцью или силою; но въ этомъ-то и состоитъ достоинство сего правила, что оно переноситъ большую часть тяжести съ плечъ младенческихъ на плеча взрослого человека, большую часть трудности ученія отъ ученика къ учителю. Здѣсь видимо сильный помогаетъ слабому. Что этого натуральнѣе въ семь случаевъ?

И с к л ю ч е н і е.

Послѣ сказаннаго нами не трудно догадаться, какихъ наукъ не желали-бы мы находить въ числѣ дѣтскихъ занятій; это: Латинскій языкъ, Писшика и Исторія. Вотъ что предлагаемъ въ замѣну:

Вмѣсто Латинскаго предлагаемъ Нѣмецкій и Англійскій. Собственно по-латинскѣ надобно учиться сколько, чтобъ знать значеніе Латинскихъ техническихъ терминовъ. Это не требуетъ много времени,

Въ правила Пипшики едва-ли позволено углубляться много; довольно того, чѣмъ имѣть понятіе о механической ея часпн. Заниматься сочиненіемъ стиховъ имѣють право только истинныя таланты.

Уже было замѣчено, что Исторія не соразмѣрна съ дѣтскимъ возрастомъ. Но должно-ли исключитъ рѣшительно все, что относится къ Исторіи, изъ занятій первоначальнаго ученія? Этого не говоримъ. Все, чѣмъ можно показать раннему возрасту силу человека, со стороны сердца, ума, характера, дарованій, безъ сомнѣнія весьма полезно. Чѣмъ-же можно показашъ эту силу человека? Часпными жизнеописаніями. Посему избранную *біографію* почитаемъ весьма важною книгою для дѣтскаго возраста. Къ сожалѣнію сей книги, прилично написанной, нѣтъ ни въ одной липпературѣ. Біографія по видимому есть одинъ только видъ Исторіи, приличный дѣтскому возрасту; потому что онъ понятенъ, и легко передаетъ сердцу или воображенію важныя истины. Жизни людей, гдѣ особенно видно божественное достоинство человека, или по высокой любви къ ближнему, какъ у *Ласъ-Казаса* и *Пестальози*, или по могуществу характера, какъ у *Колумба*, или по неупоминимости терпѣній, какъ у *Ліоне*, могутъ заронитъ

въ сердце искры благороднаго соревнованія и возвышающаго душу энтузіазма, искры, которыя способны таить до времени и превратиться потомъ въ великое пламя.

Полагаемъ, что собственно Исторія можетъ войти въ массу двѣдскихъ наукъ, только подъ конецъ первоначальнаго умственнаго воспитанія.

Д о п о л н е н і е .

Въ систему первоначальнаго ученія, должны войти, между прочими науками, *Физика, Химія и Механика*, въ надлежащее время и въ надлежащемъ видѣ. Сперва изъ Механики, на примѣръ, довольно знать, дѣлать, что такое клинъ, что такое блокъ, что называется *матовымъ колесомъ*, и п. п. При объясненіи имъ сихъ предметовъ должно непременно показывать сіи предметы, или въ натурѣ, или фигурами. Надобно, чтобы умъ ихъ получилъ идеи чрезъ собственные ихъ чувства.

Въ систему ихъ ученія должны войти частыя *согнненія на природномъ языкѣ*. Искусство передавать хорошо свои мысли весьма важно. Хотя оно и не составляетъ собственно *знанія*, ибо не увеличиваетъ въ умъ числа истинъ, но служитъ, какъ и иностранные языки, полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ для *знанія*,

и, какъ сіи языки, приобретається помощью упражненія. Но усилія, которыхъ требуетъ сіе упражненіе, не выше ли дѣтскихъ способностей? Оспиваемъ смѣло, что нѣтъ; только не требуйте слишкомъ продолжительныхъ и трудныхъ сочиненій. Что дѣлаетъ ребенокъ, когда повпоряетъ передъ вами, не слово въ слово, (обстоятельство изъ обыкновеннѣйшихъ обыкновенное) урокъ свой? Пересказываетъ вышверженное, и высптъ сочиняетъ. Сочиненіе это выше ли его силъ? Смѣшно спрашивать. Это обстоятельство показывается само собою, какъ можно приняться съ дѣтскими, самымъ натуральнымъ образомъ, за сочиненія. Надобно, чтобы они своими словами передавали *опредѣленную для сего часть урока*. Но почему опредѣленную только часть урока, а не весь урокъ? Потому что весь урокъ великъ и можетъ быть труденъ для этого. И такъ вотъ метода постепеннаго сочиненія: сперва опредѣлите ученику (вашему для передачіи собственными его словами небольшую, и при томъ самую легкую для объясненія часть того, о чемъ онъ только что кончилъ съ вами учиться: подумъ, соображался съ его силами, можно назначить ему части урока больше и больше, труднѣе и труднѣе: только не надобно снѣшивать: это важное правило для вѣрнаго успѣха. Сначала сей родъ сочиненія будетъ поль-

ко *словесный*, поному чпо дѣям пишуты медленно, и слишкомъ много-бы изперялѣ времени на писаніе, которое сверхъ того для нихъ очень скучно; попомѣ *письменный*, когда скорописаніе пересманентъ бышь большою трудностью; умншлѣ, разумѣннѣ, поправлѣнть сочиненіе; сначала дѣлѣнть: весьма легкія и не многа замѣчанія о искусствѣ языка; попомѣ снѣ замѣчанія; по правилу воспріятности; спановящя сильнѣ и разнообразнѣ: снѣ первые опыты сочиненій приучатъ мало по малу ученика передавать, съ нѣкоторою свободою и красотою, словесно или письменно, самыя трудныя въ сѣмъ отношеніи часпи его уроковъ; наконецъ опъ уроковъ опъ можѣнть перейдти къ послороннимъ предметамъ, и предшущимъ къ сочиненіямъ ма какую нибудь заданную тему; здѣсь упражненія его должны уже бышь соединены съ первоначальными Риторикѣ.

Но основаніемъ первоначальнаго ученія, особенно ранняго, должна бышь *Натуральная Исторія*, во всѣхъ главныхъ ея вѣтвяхъ, потому что ни какя наука шавъ совершенно не отвѣчаетъ всѣмъ условіямъ хорошаго умствѣннаго воспитанія дѣтей, какъ *Натуральная Исторія*. Въ этомъ отношеніи она беретъ преимущество передъ самыми живыми языками, спѣдъ

приличными первоначальному учению. В одной вещи:

I. Она, изъ всѣхъ наукъ, самая понятная для дѣтей. Конечно всѣ науки болѣе или менѣе доступны дѣтскому пониманію, но ни одна столько, какъ Натуральная Исторія. Дѣти, съ весьма обыкновенными способностями, но съ хорошею памятью и нѣкоторымъ прилежаніемъ, могутъ чрезвычайно усилить въ Натуральной Исторіи.

II. Ей можно начать учить дѣтей съ весьма ранняго изъ возраста; во-первыхъ потому, что она простираетъ прочее науки, во-вторыхъ потому, что дѣти охотнѣе занимаются ею нежели прочими. Самый ранній возрастъ, когда не только слабъ разсудокъ, но не крѣпка и самая память, не способенъ уже къ нѣкоторымъ занятіямъ по Натуральной Исторіи: сей возрастъ можно уже знакомить съ различіями цвѣтовъ (colores), которыми окрашены или опшѣнены предметны въ природѣ (для сего могутъ быть полезны образчики цвѣтовъ *Jarrea*, *Vergne des couleurs*, и подобн.) Можно знакомить особенно съ природою посредствомъ сколько любимыхъ дѣтьми изображеній различныхъ звѣрей, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся, раковинъ, насекомыхъ, растений и такъ далѣе. Показывая сіи существа природы, можно называть имена ихъ, дѣлать

даже нѣкоторую ихъ характерисинку, то есть, особенно обращать ихъ вниманіе на оплчительные признаки.

III. Она служитъ физическому и умственному развитію дѣтей. Припомнимъ, что для физическаго и умственнаго развитія мы положили правила: упражненіе тѣлесныхъ и умственныхъ способностей; упражненіе сихъ способностей соразмѣрно съ ихъ силою; совершенствованіе органовъ чувствъ. Она не только упражняетъ умственные, но и тѣлесныя силы; экскурсіи въ пользу Ботаники, насѣкомыхъ, минераловъ и иному подобнаго, служатъ для ума и тѣла вмѣстѣ; она занимается сполько, что самыя прогулки дѣтей обращающіяся въ нѣкоторой родъ уроковъ; собраніе растеній, бабочекъ, насѣкомыхъ, въ большемъ возрастѣ, ловленіе птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, млекопитающихъ, можетъ доставлять и пользу и удовольствіе. Физиологія показываетъ, что дѣтскій возрастъ любитъ, и непременно требуетъ большаго тѣлеснаго движенія. Ученіе Натуральной Исторіи не только не препятствуетъ ему, но само имѣетъ въ немъ нужду. Этого мало. Натуральная Исторія совершенствуетъ чувства. Что лучше ся можетъ приучить глазъ къ точному сужденію о формахъ, цвѣтахъ, размѣрахъ? Тысячи оплчяковъ, тысячи шенокостей, которые обыкновенно исчезаютъ.

затоптъ олтѣ глазъ не занимавшягося предметами природы, примѣшны глазу натуралиста. Если-бы Натуральная Исторія совершенствовала только чувство зрѣнія, то уже одна эта выгода дала-бы ей право занять мѣсто между науками первоначальнаго воспитанія. Какое еще удивительное ея свойство! Она приспособляется ко всемъ понятіямъ, принимаетъ такую величину, для какой кто способенъ: нѣтъ споль слабого ума, который бы нашелъ ее слишкомъ трудною, но также и нѣтъ споль сильного ума, для котораго-бы она сдѣлалась слишкомъ легкою; какъ горизонтъ небесный, ея предѣлы недоступны ни какому телескопическому зрѣнію, и со всемъ тѣмъ надобно быть совершенно слѣпымъ, чптобы не обнять ея въ великой уже обширности: она соразмѣрна со всеми способностями, и со всеми огромна.

IV. Наконецъ она изъ числа тѣхъ наукъ, которыя приготовляютъ къ знаніямъ, требуемымъ нынѣшнимъ духомъ времени.

Воптъ почему полагаемъ ее основаніемъ первоначальнаго ученія, особенно ранняго; ибо въ раннемъ возрастѣ особенно надобно совершенствовать органы чувствъ, и упражнять способности ума и тѣла наимегчайшимъ образомъ.

Починаемъ также весьма полезными науками для первоначальнаго ученія: *Анатомію*, *Рисованье съ натуры* (напр. по способу Г-жи le Breton) и *Черченіе*; потому что онѣ предспавляютъ выгоды такого же рода, какъ и Натуральная Исторія, только въ меньшей степени.

И такъ, къ обыкновенному числу наукъ первоначальнаго ученія находимъ нужнымъ прибавить: Натуральную Исторію, Анатомію, Физику, Химию, Механику, Нѣмецкій и Англійскій языки, Рисованье съ натуры, Черченіе и частныя сочиненія на природномъ языкѣ. „Какая бездна наукъ! скажетъ иной. Этого много и для взрослога!“ Отверчаемъ: и одной науки много для взрослога, если запомнимъ то, что въ испощить весь запасъ ея свѣдѣній. Науки всѣ безконечны, потому что всѣ имѣютъ предметомъ природу, а природа границъ не имѣетъ. Слѣдовательно дѣло не въ томъ, что бы выучиться какой нибудь наукѣ, а въ томъ, что бы выучиться какимъ нибудь предметамъ изъ наукъ. Все равно, сосчитавъ ли эти предметы массу знаній, которую мы назовемъ однимъ именемъ Математики, или такую массу, которую мы назовемъ въспль именами и Математики, и Натуральной Исторіи, и Физики, и Химіи, и Англійскаго языка, и Рисованья, и пр.; ибо какъ ни называйте ее, она

нребуетъ для себя одинакаго количества времени: но не все равно, если эта масса будетъ состоять только изъ Математики, или вмѣстѣ изъ Математики, Натуральной Исторіи, Физики, и такъ далѣе. Вся Энциклопедія, въ иномъ смыслѣ, есть одна наука, которой родъ человѣскій; люди, въ разныхъ возрастахъ, учатся нѣкоторымъ предметамъ изъ сей обширной науки; дѣляясь приличныя наиболѣе изъ нея своимъ извѣстныя предметы.

Мы старались показать сіи предметы; старались основать выборъ ихъ не на произвольныхъ какихъ нибудь положеніяхъ, но на требованіяхъ дѣтской организаціи и духа времени. Остаются теперь взглянуть, есть-ли какое *натуральное начало*, по которому можно расположить науки въ продолженіе всего первоначальнаго ученія, то есть, опредѣлить, какія науки должны слѣдовать однѣ за другими.

Физиологія учитъ, что возрастъ чело-вѣка между 8-мъ и 16-мъ годами отличаетсѣ наибольшеею силою памяти; этою возрасью есть эпоха памяти; за нею слѣдуетъ эпоха разума и еспрасней; потомъ эпоха разсудка и характера. Три сіи эпохи натурально означаютъ прѣмъ часами умственнаго воспитанія.

Приведенный теперь физиологическій законъ показывается: 1) Что первоначальное умственное воспитаніе должно, говоря вообще, простирааться до 15 лѣтъ; 2) Что науки должны, во время сего воспитанія, относиться болѣе къ памяти, чѣмъ къ разуму, или къ силѣ размышленія; 3) Что съ особенною осторожностью надобно дѣйствовать на разумъ, или силу размышленія, прежде семилѣтняго возраста, когда и самая память еще не совершенно созрѣла.

Здѣсь видна необходимость дѣйствовать на дѣтскій разумъ, въ раннемъ возрастѣ, такъ, чтобъ возбуждать въ его силѣ размышленія наивозможно слабыя усилія. Этого не лѣзя достигнуть вѣрнѣе какъ передаваніемъ дѣтямъ свѣдѣній черезъ собственныя ихъ чувства, особенно черезъ чувство зрѣнія, которое отличается передъ прочими силою своихъ впечатлѣній; ибо свѣдѣнія, переходяція къ уму черезъ чувства, не требуютъ отъ ума большаго вниманія, и взываются въ мозгу почти сами собою.

Теперь становится еще понятнѣе, почему мы сказали о Натуральной Исторіи, что она должна служить основаніемъ первоначальнаго ученія, и особенно ранняго: ея свѣдѣнія переходятъ болѣею частію къ уму черезъ чувства, особенно черезъ чувство зрѣнія.

Сила памяти и непервоссть разума въ дѣтскомъ возрастѣ предписываютъ слѣдующее правило для расположенія наукъ: науки должно расположить такъ, чтобъ преподавалось дѣтямъ тѣмъ болѣе свѣдѣній, переходящихъ къ уму черезъ собственныя ихъ чувства, тѣмъ слабѣе у нихъ сила размышленія.

Попробуемъ сдѣлать приложеніе сего правила, средняя его съ прежде извѣстнымъ правиломъ посщепенности въ спрудносностяхъ.

Сначала: приготоовленія къ Натуральной Исторіи, показываніемъ и нѣкопорымъ объясненіемъ изображеній живописныхъ и расписій, еще лучше показываніемъ, не изображеній только, но самыхъ натуральныхъ предметовъ; минералы особенно худо изображаются фигурами. Рисованье и Танцованье почти единственно, какъ забавы. Это первый шагъ къ наукамъ и искусствамъ.

Потомъ: Числанье и Писанье, по нѣвозможно скорѣйшимъ меподамъ, чщобы не щеряли понапрасну времени. Латинскій и Греческій Алфавиты. Объясненіе фигуръ и шль геометрическихъ. Объясненіе разныхъ изображеній, относящихся до наукъ и художествъ вообще, до Натуральныхъ, Физическихъ и Механическихъ наукъ въ особенностяхи.

Потомъ: Зоологія, Ботаника и Минералогія въ собственномъ ихъ видѣ. Нату-

ральную Исторію надобно продолжать во все время первоначальнаго ученія; только занятіе ею должно спѣсняться болѣе, и болѣе другими науками, по мѣрѣ возрастанія ума учащагося. Русская Грамматика. Грамматическое ученіе иностранныхъ языковъ. Четыре правила Ариѣметлики. Рисованье съ напурь. Танцованье.

Потомъ 'присоединить: Анапомію; чтеніе біографій; Черченіе; сочиненія на Русскомъ языкѣ; Музыку.

И такъ далѣе. Мы не дѣлаемъ полнаго расположенія наукъ, потому что оно должно зависѣть много отъ внутреннихъ и вѣшнихъ средствъ учащагося. Для нашей цѣли довольно было показать нѣкоторый образецъ приложенія того правила расположенія наукъ, о которомъ сейчасъ было сказано. Мы искали объяснить начало (*principium*), а не подробности первоначальнаго ученія.

Трудъ нашъ приходитъ къ концу. Думая, что теорія наша основана на положительныхъ началахъ, надѣемся, что она будетъ нѣкогда принята: но сіе нѣкогда можетъ быть весьма еще опдалемно. Привычка и приспращіе къ старому препялспвуютъ сильно всякому нововведенію. Но не потому-ли Воспожъ оспался до сихъ поръ неподвижнымъ, а Западъ шакъ счастли-

во переѣмился противъ прежняго, что Востоку отвергалъ полезныя нововведенія, а Западъ принималъ ихъ? Намъ скажутъ: „Опытъ уже доказалъ пользу старой системы ученія; она пригонивила и произвела множество отличныхъ людей.“ Она-ли пригонивила и произвела ихъ, спросимъ? Природа не шворитъ-ли великихъ людей; не только отличныхъ, не смотря ни на какія препятствія или системы? Гдѣ родился *Колумбъ*? Не спрашна-ли религіозной неперпимости произвела *Льась-Казаса*? *Жанъ-Жакъ Руссо*, сынъ часовщика, человека добраго, но проспаго, не помнилъ, по его признанію, какъ выучился читать, и первымъ чтеніемъ его были романы; *Шекспиръ*, сынъ бѣднаго продавца шерсти, *Торнвальдзень*, сынъ каменьщика, банкиръ *Льа-фитъ*, сынъ плотника, не назначались, кажется, фортуною для важныхъ своихъ ролей, сколько впрочемъ различныхъ; натуралистъ *Линне* ошданъ былъ въ дѣлствіи ошцемъ своимъ учиться сапожному ремеслу; механикъ *Аркрайтъ*, котораго генію Англіи наиболѣе обязана шѣмъ, что ея хлопчатобумажныя фабрики вырабатываютъ ежегодно на 40 милліоновъ стерлинговъ (на тысячу милліоновъ рублей), былъ, до 30-ти лѣтъ, простымъ цирюльникомъ; нашъ *Ломоносовъ*, крестьянскій сынъ, также до 16-ти лѣтъ, занимался съ ошцемъ

своими не науками, а рыбною ловлею. Не должно-ли заключить изъ сихъ примѣровъ, что сильный умъ или великія дарованія побуждаютъ всѣ враждебныя общеплеменства, которыми судьба какъ будто спарается иногда ихъ уничтожить? Не хотѣя природа такъ могущественна, однако никто не скажетъ, что ей вовсе не нужно содѣйствовать. Кто не согласился, напрошивъ, что надобно спараться помогать ей, сколько возможно болѣе и лучше.

Другое важное препятствіе для принятія въ употребленіе предлагаемой теперь системы дѣтскаго ученія, которая впрочемъ есть совершенно только исправленіе спарой, а не что нибудь совершенно новое, неслыханное, другое препятствіе, говоримъ, заключается въ средствахъ исполненія, по недостатку приличныхъ сочиненій и учителей. Учителей мало, сочиненій вовсе нѣтъ. Но то и другое явится, если захотятъ родители: явится конечно не вдругъ, но вѣрно; только-бы сдѣланы были первыя усилія со стороны опцовъ и воспитателей, и только-бы опытъ одобрилъ хотѣя мало сіи усилія.

Мы съ своей стороны испытывали нѣсколько нашу теорію на опытѣ, занимаясь съ дѣтьми Натуральною Исторіею. Чтобы показать читателю нашу *методу*,

прилагаемъ два урока изъ числа данныхъ дѣтямъ восьмилѣтняго возраста. По немъ имѣннѣю приличнаго сочиненія, уроки надобно было и сочинять и писать. Я старался упошреблять, сколько можно, короткіе и ясные предложенія и періоды. Каждое изъ предложеній или періодовъ я такъ писалъ на пеперади, что одна часть ихъ была на одной половинѣ, другая на другой половинѣ спрраницы. Это для того, чтобъ ученикъ, во время выучиванія урока, могъ перегибать или закрывать которую нибудь половину спрраницы и читать только начало или окончаніе періодовъ, стараясь дополнять ихъ усъченіи изъ памяти. Этотъ способъ даетъ ученику возможность экзаменовашь самого себя въ урокъ.

УРОКЪ ОРНИТОЛОГИЧЕСКІЙ.

Коршунъ. (*) VULTUR.

Х а р а к т е р и с т и к а.

Голова (caput) . . голая, покрываема мясистыми перепонками или пухомъ.
Глаза (oculi) . . . наровнѣ съ головою (ни вдавлены въ нее, ни на выкашѣ).

(*) При семъ урокъ служили мнѣ прекрасныя изображенія коршуновъ du Dictionnaire des sciences naturelles, publié par Levrault. Жаль, что въ числѣ сихъ изображеній нѣтъ ни Кабарша, ни Дапшрля.

- Клѣвъ (rostrum) . . . прямой, закрюченный дюлько съ конца, снабженный, при основаніи, гладкимъ или волосистымъ восчаникомъ (sega).
- Языкъ (lingua) . . . мясистый, часто раздвоенный.
- Шея (collum) . . . болѣе или менѣе безшерстая, какъ и голова.
- Нижняя часть шеи окружена длинноперистымъ ошейникомъ.
- Крылья (alae) . . . весьма длинныя.
- Плюсны (tarsi) . . . крѣпкія, покрытыя чешуйками.
- Когши (ungues) . . . слабыя.

Общія замѣчанія о Коршунѣ.

Коршуны извѣстны, какъ птицы жадныя, прожорливыя, трусливыя, глупыя, склонныя болѣе лѣзть пасть падалю всякаго рода, нежели живымъ мясомъ; отъ чего отвратительно пахнутъ. Зрѣніе оспро на опкрышіе падали.

Мнѣніе о чрезвычайной тонкости ихъ обонянія едва-ли справедливо.

Не смѣютъ нападать на живыхъ живошныхъ, развѣ на маленькихъ пшеницъ безъ защиты, вообще на слабыхъ живошныхъ, и то спаяю. (*Исключенія: Кондоръ; Гицаепъ.*)

Положеніе полугоризонтальное, какъ-бы отъ боязни.

Признаки, когда они наклевались?

Полетъ тяжелый, особенно когда на-дѣются, впрочемъ обширный. Живутъ болѣею частью въ сообществѣ.

По слабости когтей ; ѣдятъ падаль на мѣспѣ. (Питаніе приморскими нечистотами).

Ихъ болѣе въ южныхъ, чѣмъ въ сѣверныхъ краяхъ; много въ Египтѣ.

Гнусны-ли въ самой вещи Коршуны ? ()*

(*) Сіе подчеркнутое предложеніе служило шемомъ для сочиненія ; шо ешь, для написанія своими словами шого, чшо я говорилъ, объясня сію шему. Я объяснялъ ее въ такомъ смыслѣ: Въ нашурѣ ничего нѣтъ гнуснаго, пошому чшо все имѣешь свою пользу, а полезное не гнушно; коршуны полезны, пошому чшо испребляющъ падаль и нечистоты; вошъ почему ихъ болѣе въ южныхъ, чѣмъ въ сѣверныхъ краяхъ; въ южныхъ краяхъ, ошъ шеплошы воздуха, сырадъ падали заразительнѣе; для испребленія падали, шощасть какъ она случишся, природа дала имъ ошрое зрѣніе, дала чрезвычайную прожорливощь, соединила ихъ спаями; чшобъ испребляли падаль на мѣспѣ, и не разносли нечистотъ по разнымъ мѣстамъ, дала имъ слабые когти; каваршы въ нечистыхъ городахъ Испанско-Американскихъ, перкнопщеры въ Египтѣ, оказывающъ истинное благодѣянiе людямъ, кошорые не спарающся о чистотѣ городовъ или селеній своихъ, и жили бы, безъ сихъ коршуновъ, безпрещанно въ сырадѣ; вошъ почему въ Хилл и Перу каваршы защищены ошъ убійшва ихъ шпрогими законами. Живошныя не имѣющъ добродѣтелей или пороковъ, пошому чшо не знающъ, чшо шакое добродѣтель или порокъ, шакъ какъ дерево или камень штого не знающъ. Орель не ѣшь падали не по разумку, а пошому чшо его желудокъ шребуееть живаго мяса; не изъ великодущія

Самка, какъ и вообще самки всѣхъ хищныхъ птицъ, по неопкрытому до сихъ поръ закону природы, больше и сильнѣе самца.

Высидиваютъ опъ двухъ до чешы-рехъ пшнцовъ.

Кормятъ дѣшей изъ зоба.

Періе (*) у самца и самки въ зрѣломъ возрастѣ одинаково, но въ молодомъ

онъ смѣло нападеетъ на жившихъ, а по необходимости, такъ какъ не изъ жестокосердія раздраетъ ихъ члены, а по надобности; и коршуны между птицами, и шакалы между звѣрами, ищутъ спаями смрадной падали, выкапываютъ шрупы, не по прусосни или гнусной прожорливости, а по закону природы, кошора величъ имъ это дѣлашъ, дала имъ для существованія эти средства, а не другія какія.

(*) Одна изъ трудностей ученія Нашуральной Исторіи есть неопредѣленность нашего языка въ отношеніи къ сей наукѣ, такъ какъ и въ отношеніи ко многимъ другимъ наукамъ. Я принужденъ былъ изобрѣсти нѣкоторыя слова; напримѣръ: *perie*, le plumage по-фр. (во перья птицы, вмѣстѣ взяшмя); *раскрыіе*, l'envergure по-фр. (разсмотніе между концами распростирихъ крыльевъ); нѣкоторыя слова употреблялъ Славянскія, на пр. *долъ*; перевожу la vallée *долина*, le vallon *лощина*, le val *долъ*. Въ нашуральныхъ наукахъ необходима совершенная точность выраженій; въ нихъ не позволено называть долину иногда долиною, иногда лощиною; иначе произойдетъ весьма вредная запутанность и неясность. Привожу слова, сказанная мною въ другомъ случаѣ: „Я при-

возрастъ ихъ ливрея весьма видоизмѣнива; опть этого произошла у натуралистовъ запущанность; одинъ и тошъ же коршунъ часто описывается, какъ различные виды коршуна; пошому что онъ наблюдаемъ былъ въ различныхъ его ливреяхъ и возрастахъ.

Тедерь опредѣлены положительно пять видовъ коршуна:

- 1) Собственно коршунъ. . (Vultur proprie dictus)
- 2) Саркорамфъ Sarcoramphus. (что значить *мясо-клювъ*).
- 3) Клеартъ, Cathartes. . . (что значить *гнетитель*).
- 4) Перкиоптеръ, Percnopterus. (что значить *перно-крылъ*).
- 5) Гипасъ, Gyraëtos. . . (что значить *коршунъ-орелъ*).

ннлъ системою оставлять многія иностранныя техническiя слова безъ перевода. Это нѣкошорые назовушь любовью къ барбаризму, но не знаю, справедливо-ли. Конечно должно стараться о чистотѣ отечественнаго языка; но всему есть мѣра. Технические термины не принадлежатъ какому нибудь ошечеству; они соспавляютъ ученый языкъ всего просвѣщеннаго свѣша. Переводить ихъ накакой нибудь діалектъ, значить дѣлать какъ-бы похищеніе у ученаго языка: и это похищеніе дѣйствительно вредно наукамъ. Безъ шого уже терминологія крайне ошягошительна для памяти; еще *Бюффонъ* жаловался, что ученіе терминовъ въ Натуральной Исторiи шрудитъ самой науки. Зачѣмъ увеличивашъ сію шрудность умноженіемъ терминовъ во шолько разъ, сколько находшся различныхъ діалектовъ. Всякій ненужный терминъ въ наукахъ есть для нихъ препятствіе. Излишній *пуризмъ* не соспавляетъ богатства языка; напротивъ шого *Вольтеръ*, которому можно въ этомъ случаѣ вѣрншъ, говоритъ: *le purisme est toujours pauvre.*"

Натуралисты упоминають о другихъ родахъ; но сіи роды не довольно еще точно опредѣлены. Въ слѣдующіе разы рассмотримъ каждый изъ упомянутыхъ пяти родовъ коршуна особенно.

УРОКЪ ОРИКТОГНОСТИЧЕСКІЙ. (*)

Прозрачный кварць. Quartz hyalin. (*Найю*).

Справедливѣе, можетъ быть, называть сіе минеральное вещество *хрусталеvidнымъ* кварцемъ, нежели *прозрачнымъ*; потому что оно бываетъ иногда непрозрачно, но всегда хрусталевидно.

Формы прозрачнаго кварца.

Ихъ три рода:

- 1) Правильныя формы (кристаллы),
- 2) Псевдоморфическія, что значить (*ложно-форменныя*),
- 3) Подражательныя.

1) *Правильныя формы.*

Кристаллизація кварца весьма разнообразна. Главныхъ видовъ правильныхъ

(*) Сей урокъ, по сухости своей, и по немалому числу. Греческихъ словъ, которые ученикъ долженъ писать, подъ диктованье на доскѣ, при чемъ довольно проходишь времени — короче предыдущаго. Чишашель увидишь изъ сего урока какъ опредѣленно и ясно выражается почный языкъ натуральныхъ наукъ о формахъ шѣль, какъ-бы онѣ ни казались сложными.

формъ, или кристалловъ, считается до пятнадцати. Три изъ нихъ обыкновеннѣе прочихъ; это:

Призмованный кварцъ (*). *Quartz prismé* (фиг. 3).

Слово призма (*Прізма*) происходитъ отъ *Prisao*, пилю. Призмованный кварцъ происходитъ изъ соединенія двухъ шестигранныхъ пирамидъ съ шестигранною-же призмою основаніями. Это самая обыкновенная форма. Кристаллы, имѣющіе сію форму, весьма различнаго объема (*volumen*), именно, отъ едва примѣтной глазу величины до трехъ четвертей аршина. Много имѣеть видоизмѣненій. (**)

Слово *Пирамида* (*Pyramis* по-гр., *Pyramis* по-лат.) происходитъ отъ *Pyr*, огонь, по сходству пирамиды съ огнемъ.

2) Пятьюшестигранный кварцъ. *Quartz pentahexaèdre*. (фиг. 4.)

(*) Ученику должно сперва объяснить, что *фиг. 1.* называется пирамидою, у которой *a* острее *a* есть *верхъ*, а площадка *b* основаніе (фиг. 1. предсавляетъ шестигранную пирамиду, по причинѣ шести граней или площадей; но пирамиды могутъ также быть трехъ, четырехъ, пяти, и такъ далѣе, гранныя); что *фиг. 2* называется призмою, которая здѣсь изображена шестигранною, но которая, геометрически рассуждая, можетъ имѣть различное число граней, не перешагая быть призмою.

(**) При семъ мѣстоходомъ показаны нѣкоторыя изъ главныхъ видоизмѣненій по фигурамъ *Галли.*

Πέντε . . . пять ,
 οπή *ἕξ* шесть и
ἕδρα основаніе.

Въ немъ ребра соединенія пирамидъ съ призмой обрѣзаны параллелограммовидными площадками (*фиг. 4. а. а. а.*), которыя, если-бы были продолжены, образовали-бы весьма острую пирамиду (или почтѣе): — образовали-бы пирамиду острѣе двѣспивительной пирамиды (кристалла.)

3) Косогранный кварцъ. *Quarz plagièdre.* (*фиг. 5*)

οπή *Πλάγιος* косой и
ἕδρα основаніе.

Въ немъ углы соединенія пирамидъ съ призмой обрѣзаны трапецевидными плоскостями (*фиг. 5. а. а. а.*) Довольно обыкновененъ.

Слово трапецевидный происходитъ οπή.

Τέτρα четыре и
Πέδα (по - Лаш. рез
 нога): οπсгода названіе извѣстной Геометрической фигуры трапеціею (*Τραπέδιον*).

Наше сужденіе о первоначальномъ ученіи кончилось; сужденіе публики начинаешся. Передаемъ шрудъ ей.

ДОМОВОЙ - ПЕСОЧНИКЪ.

ПОВѢСТЬ ГОФМАНА.

Г.

Натанасель къ Лотеру.

Безъ сомнѣнiя, вы теперь всё въ ужасномъ безпокойствѣ, ибо я уже очень давно не писалъ къ вамъ. Мапушка вѣрно сердится; Клара думаетъ, что я живу здѣсь въ вихрѣ уптѣхъ, и что я забылъ совершенно, ангельскiй образъ, такъ глубоко врѣзанный въ сердце моему и душѣ. Но это несправедливо: всякiй день и всякiй часъ я вспоминаю объ васъ всѣхъ, и прелестное личико Клары безпрестанно является мнѣ въ сновидѣнiяхъ; ея блистающiе глаза бросають на меня благосклонныя взгляды и ропикъ ея мнѣ улыбается, какъ и прежде, когда я былъ вмѣстѣ съ вами Увы! какъ я могъ написать къ вамъ въ такомъ жестокомъ положенiи души, которое до сихъ поръ разстроивало всё мои мысли? Что-то ужасное проникло въ жизнь мою! Мрачныя предчувствiя спрашной и грозной будущности наполняютъ мою душу, какъ черныя облака, не проницаемыя яркими лучами солнца. Расскажете ли тебѣ что со

мною случилось? Чувствую, что долженъ это исполнить непременно; но когда я вспомню о томъ, мнѣ кажется, что я слышу вокругъ себя хохотъ насмѣшниковъ. Ахъ, мой любезный другъ Лоперь! какъ мнѣ расположовашъ тебѣ хоть нѣсколько то, что со мною случилось? Недавно природа ужасно потрясла жизнь мою. Если-бъ ты былъ здѣсь, ты-бы могъ видѣть все своими глазами; но теперь ты вѣрно примешь меня за безразсуднаго мечтателя. Короче, явленіе, видѣнное мною, коего вліяніе на смертныхъ спараюсъ ищешно разгадашь, состоить въ томъ, что за нѣсколько дней предъ симъ, именно 30 Октябрю, въ полдень, одинъ продавецъ барометровъ вошелъ ко мнѣ въ комнату и предложилъ свои инструмены. Я ничего не купилъ и грозилъ сполкнууть его съ лѣспницы, но онъ поспѣшно удалился.

Теперь ты думаешь, что обспояпельства самыя обыкновенныя, копорыя сильно подвѣспвовали на меня, придають нѣкоторую важность сему приключенію. И это двѣспвипельно такъ. Я собираю всѣ силы свои, чтообъ разказаъ тебѣ, равнодушно и терпѣливо, нѣсколько происшествій моей юности, копорыя снялъ тебѣ кое-что. Но едва хочу начать описывашъ ихъ, какъ представляется мнѣ, что я вижу какъ ты смѣшешся, и слышу

какъ Клара говоритъ: — Это настоящее ребячество! — Смѣйпесь, прошу васъ, смѣйпесь онъ души надо мною: . . Я заклинаю васъ! . . . Но, великій Боже! . . . мои волосы спановяпсья дыбомъ, и мнѣ кажется, что я васъ умоляю смѣяпсья надо мной въ бреду опчальнѣя, какъ Францъ-Мооръ заклиналъ Даніеля (*). Но къ дѣлу.

Исключая часы отдохновенія, я вмѣстѣ съ брапцами и сесприцами рѣдко видалъ бапюшку, ибо онъ былъ очень заняпъ своею должностью. Послѣ ужина, кошорый обыкновенно былъ въ семь часовъ, сообразно съ спариннымъ обыкновениемъ, мы шли всѣ вмѣстѣ съ мапушкой въ комнапу, гдѣ занимался опецъ нашъ, и сѣдильсь за круглый столъ. Бапюшка курилъ трубку и прихлебывалъ, по временамъ, пиво изъ большого спакана. Часпо онъ рассказывалъ намъ удивительныя испоріи, и сполько воспламенялся своими рассказами, что забывалъ свою огромную трубку, кошорая погасала; моя должностъ была зажигать ее снова, и я элпмъ былъ ужасно доволенъ. Нерѣдко также онъ намъ давалъ въ руки книги съ карпинками а самъ въ молчаніи сѣдѣлъ неподвижно въ своихъ креслахъ, пуская вокругъ себя облака густаго дыма, кошорыя скрывали всѣхъ

(*) Въ трагедіи Шиллера: Разбойники.

насъ какъ будто въ шуманъ. Во время таковыхъ-то вечеровъ, мапушка бывала всегда чрезвычайно печальна, и едва било девять часовъ, какъ она говорила: „Давни спускайше спать. . . Домовой - песочникъ скоро придетъ. Я ужъ жду его. „И въ самомъ дѣлѣ, каждый разъ мы слышали, какъ тяжелыми шагами идутъ по ступенькамъ: это былъ домовой - песочникъ. Между прочимъ, одинъ разъ такой спукъ испугалъ меня болѣе обыкновеннаго; я спросилъ мапушку, которая приказывала уйдти намъ: „Ахъ! маминька! кто-жъ этошь злой домовой - песочникъ, который всегда прогоняетъ насъ? Кто онъ таковъ?

— Никакого нѣтъ домаго - песочника, отвѣчала мнѣ мапушка. — Когда я говорю, что домовой-песочникъ идетъ, то значить только что вамъ пора спать, и что ваши вѣки невольно закрываются, какъ-бы вамъ брошено деску въ глаза.

Отвѣтъ мапушки не удовлетворилъ меня. Въ моемъ дѣтскомъ воображеніи, я оптадывалъ, что мать моя отрицала существованіе домаго-песочника, чтобъ не испугать меня, ибо я слышалъ всегда какъ онъ шелъ по ступенямъ. Подспрекаемый любознательствомъ и горя неперпвнѣемъ увѣрился въ существованіи сего медовъка, я спросилъ наконецъ у старой

служанки, которая ходила за моей младшей сестрой, кто это былъ паковъ.

— Эхъ! мой малюпка Напанаемъ! опивчала она мнѣ. — Развѣ ты этого не знаешь? Это злой духъ, который приходилъ къ дѣтямъ, когда они не хотѣли почивать и бросаетъ имъ въ глаза горсть песку, чтобъ они плакали кровью. Потомъ онъ ихъ сажаетъ въ мѣшокъ и относитъ, во время полнолунія, для забавы своимъ дѣтямъ, у коихъ носы такіе же какъ у лепучихъ мышей, и которыми они выклеиваютъ имъ глаза и умерщвляютъ.

Съ сихъ поръ образъ домоваго-песочника врѣзался въ моей душѣ ужаснымъ образомъ. Вечеромъ, когда по ступенямъ раздавался шумъ его шаговъ, я поскокалъ и дрожалъ отъ страха; мапушка не могла отъ меня никогда ничего добиться кромѣ словъ, прерываемыхъ воплями: Домовой-песочникъ! домоваго-песочникъ. Тотчасъ я убѣгалъ въ свою комнату, и сіе ужасное явленіе мучило меня въ продолженіе всей ночи. Уже я былъ въ пѣхъ лѣтахъ, когда могъ считатьъ рассказъ старой служанки сказкою; однако домоваго-песочникъ былъ для меня спрашнымъ явленіемъ. Я едва могъ обуздывать страхъ свой, когда слышалъ какъ онъ всходилъ по лѣспницѣ и шелъ къ кабинету отца моего. Иногда нѣсколько дней сряду онъ

не приходилъ ; но послѣ того, посвященія его спановицѣ чаше. Это продолжалось два года. Я не могъ привыкнуть къ сему странному явленію, и мрачное лицо сего незнакомца не изглаживалось изъ моей памяти. Его отношеніе къ отцу моему занимало болѣе и болѣе мое воображеніе, и любопытство видѣть его увеличивалось во мнѣ вмѣстѣ съ лѣтами.

Песочникъ увлекъ меня въ міръ чудесный, гдѣ умъ дѣлаетъ такъ легко со-вращается съ надлежащаго пути. Ни что мнѣ такъ не нравилось, какъ спрашивать испоріи о духахъ, демонахъ и колдунахъ ; всегда въ сихъ повѣствованіяхъ, среди самыхъ спрашиваемыхъ и удивительныхъ явленій, предспавлялся мнѣ образъ домоваго-песочника, котораго я рисовалъ мѣломъ и углемъ на стѣнахъ, зеркалахъ, спѣнахъ, однимъ словомъ вездѣ и всегда, въ видѣ самомъ отвратительномъ. Едва минуло мнѣ десять лѣтъ, какъ ма-пушка назначила мнѣ особую комнату. Она находилась недалеко отъ кабинета отца моего. Всякій разъ, когда въ девять часовъ слышанъ былъ идущій незнакомецъ, намъ вѣрно было удаляться. Изъ своей комнаты я слышалъ какъ входящъ въ кабинетъ моего отца, и вскорѣ послѣ того, мнѣ казалось, что необыкновенное благоуханіе разливалось по всему дому. Лю-бопытство узналъ этого домоваго-песоч-

ника подспрекало меня болѣе и болѣе. Я выбѣгалъ изъ своей комнаты въ корридоръ; но я ни чего не могъ видѣть, ибо незнакомецъ уже зашворялъ за собою дверь. Но наконецъ, увлекаемый непреодолимымъ желаніемъ, я рѣшился спряхаться въ самой комнатѣ отца, чтобы дожидаться домоваго-песочника.

По молчанію бабюшки и по печальному виду мапушки, я узналъ въ одинъ вечеръ, что домовою-песочникъ долженъ былъ придти. Подъ искуснымъ предлогомъ оставивъ комнату прежде девяти часовъ, я спряхался въ одной маленькой нишѣ, здѣланной за дверью. Вскорѣ пещли заскрытѣли; тихіе, медленные и страшные шаги раздались отъ самыхъ стѣнъ до спуненей лѣспницы. Мать моя и всѣ дѣти всяпали и прошли мимо меня. Я отворилъ тихо, весьма тихо, дверь комнаты бабюшки. Онъ сидѣлъ, какъ обыкновенно, въ молчаніи и обратился спиною ко входу. Онъ меня не замѣпилъ; я промелькнулъ легонько сзади его и спряхался за занавѣсъ, украшавшій зеркало, гдѣ висѣло его платье. Шаги приближались, песочникъ кашлялъ, свиспалъ и странно бормоталъ. Сердце мое билось отъ страха и ожиданія. Вотъ, подлѣ самой двери раздался звучный спукъ шаговъ . . . вотъ ручка замка скрыпнеть, пещли съ шумомъ повершываюцца! . . . Я

мысовываю невольно и со страхомъ голову. . . . домово́й - песочникъ споялъ по-среди комнаты, передъ мной опцемъ; блескъ свѣчи освѣтилъ его лицо, и я узналъ въ домовомъ-песочникѣ, въ ужасномъ домовомъ - песочникѣ — спараго адвоката Коппеліуса, который часню сидѣлъ съ нами за однимъ столомъ!

Но ни одно ужаснѣйшее лицо не испугало-бы меня такъ, какъ видѣ этого Коппеліуса. Вообрази себѣ человека съ широкими плечами, надъ коими возвышается большая нескладная голова, съ смуглымъ лицомъ, съ сѣдыми и густыми бровями, подъ которыми блестятъ два зеленые глаза, округленные какъ у кошки, среди ихъ ужаснѣйшій носъ, который безобразно спускается на его толстыя губы. Косой ротъ его при улыбкѣ искривляется еще болѣе; на щекахъ его видны два багровыя пятна; восклицанія глухія, вмѣстѣ съ свистомъ, вырываются изъ за неправильныхъ зубовъ его. Коппеліусъ всегда показывался въ плащѣ пепельнаго цвѣта, спариннаго покроя, въ камзолѣ и исподнемъ плащѣ такого же цвѣта, черные чулки и башмаки съ спразовыми пряжками довершали сей нарядъ. Маленькій паричекъ который едва закрывалъ его шею, оканчивался двумя буклями на подобіе колбасъ, которые лежали на его длинныхъ ушахъ ярко-краснаго

цѣвѣпа, и скрывались въ черномъ широкомъ кошелькѣ, которъй качаясь по спинѣ по шуда, по сюда, открывалъ серебряную пряжку, прикрѣплявшую его шейный платокъ. Все это составляло ужасное и опшврапительное цѣлое; но въ особенноти въ немъ, намъ дѣвямъ, были прошивны его большія, косматыя и косписпыя руки; и когда онъ хватался за какой нибудь предметъ, то мы спрашились до него допронуться. Онъ замѣтилъ нѣе опшвращеніе и съ большимъ удовольствіемъ прогалъ пирожки или плоды, которыя наша добрая мапушка клала къ намъ на тарелки. Онъ необыкновенно радовался когда мы заливались слезами, и былъ ужасно доволенъ, что опшвращеніе наше обуздывалось запрещеніемъ говорить въ его присутствіи. Также поступалъ онъ и въ праздничные дни, когда бапюшка наливалъ намъ спаканъ хорошаго вина: онъ протягивалъ руку, брался за спаканъ, подносилъ его къ багровымъ губамъ своимъ, и хохоталъ при восклицаніяхъ нашего опчаяніа и досады. Онъ имѣлъ обыкновеніе называть насъ маленькими живошными; въ его присутствіи намъ не позволено было говорить, и мы всею душею ненавидѣли сего опшврапительнаго челоука, какъ врага, которъй оправдалъ милѣйшія забавы наши. Мапушка, казалась, ненавидѣла мерзкаго Кошпеліуса шака-

же сильно какъ и мы, ибо едва онъ показывался, какъ легкій и непринужденный разговоръ ея прерывался, пріятная улыбка исчезала и все замѣнялось мрачною важностью. Башюшка обращался съ Коппеліусомъ, какъ бы онъ былъ существо высшее, отъ котораго надобно ожидать наказанія и осперегаться раздражать его; для него всегда готовили его любимыя кушанья, и запасали нарочно нѣсколько бушмылокъ вина.

Увидѣвъ сего Коппеліуса, я открылъ, что никто другой не можетъ быть домовымъ - песочникомъ, кромѣ его; но песочникъ уже не представлялся мнѣ убійственнымъ чудовищемъ, которое по разсказу нянюшки похищаетъ дѣтей и относитъ ихъ, во время луны, къ своему опродью съ совиными носами. Нѣтъ! это, казалось мнѣ, было ненавистное и мрачное швореніе, которое гдѣ ни показывалось, повсюду несло съ собою горесть, мученія и нужду, и которое причиняло величайшія и продолжительныя несчастія.

Я какъ будто былъ околдованъ: высунувъ голову между занавѣсами, я рисковалъ быть открытымъ и жестоко наказаннымъ. Мой отецъ принялъ Коппеліуса со всѣми обрядами. „Живѣ за дѣло!“ воскликнулъ сей глухимъ голосомъ, скидывая съ себя плащъ. Башюшка съ мрачнымъ видомъ снялъ шафрокъ, и оба одѣлись въ длинныя, черныя одежды. Я

замѣнилъ откуда онъ ихъ вынулъ. Опець мой отворилъ дверь съ зеркаломъ и я увидѣлъ, что за ней скрывалась глубокая ниша, гдѣ находилась печь. Концеліусъ приблизился, и изъ очага вылетѣло голубое пламя. При семъ блескъ открылось множество посуды, спиральной формы. Но, Боже мой! какъ ужасно измѣнились черты моего дряхлаго родителя! Явная, жестокая скорбь, казалось, превратила честное и добродушное выраженіе его лица въ самантинское, сжасное. Онъ походилъ на Концеліуса! Последний держалъ въ рукѣ раскаленные щипцы и мѣшалъ ими въ очагъ горящіе уголья. Мнѣ казалось, что вокругъ его мелькало множество лицъ человѣческихъ, но безъ глазъ; черныя, запачканныя и глубокія впадины были на мѣстѣ ихъ.

— Глаза! глаза! воскликнулъ Концеліусъ глухимъ и спираннымъ голосомъ.

Я задрожалъ и въ страхъ упалъ на полъ. Концеліусъ схватилъ меня. — Маленькое живошное! маленькое живошное! говорилъ онъ, скрежеща ужасно зубами. При сихъ словахъ, онъ меня бросилъ на очагъ, пламя коего уже спаяло мои волосы.

— Теперь, воскликнулъ онъ, у насъ есть глаза, глаза, прекрасная пара глазъ ребенка! И онъ взялъ своими руками въ печи горѣль горящихъ угольевъ, которые

хотѣлъ бросить мнѣ въ лицо, но отецъ мой закричалъ, сложивъ руки: Учитель! учитель! оставь глаза моему Наташаею.

Коппеліусъ спрашно захохоталъ. — Пускай у него останутся глаза — сказалъ онъ — онъ будетъ наказанъ въ жизни своей; но за то, что онъ здѣсь, надобно намъ прилежно рассмотреть механизмъ его рукъ и ногъ.

Тогда онъ схватилъ меня своими пальцами, такъ, что всѣ члены мои отъ того хруснули, и онъ вертелъ мои руки и ноги, по однимъ образомъ, по другимъ.

— Волкъ это не всегда удается! Какъ это хорошо и было! Спарецъ съ высшими прекрасно это понял!

Такъ бормоталъ Коппеліусъ, переворачивая меня; но вскорѣ все сдѣлалось вокругъ меня мрачно; мучительная боль сильно попряела существо мое; я ничего болѣе не чувствовалъ.

Приятный и теплый паръ коснулся моего лица я пробудился какъ будто отъ смертнаго сна; мапушка сидѣла, наклонясь надо мною.

— Здѣсь-ли еще домовой-песочникъ? пролепеталъ я.

— Нѣтъ, миленькій, онъ очень далеко отсюда; онъ давно уже уѣхалъ; онъ тебѣ ни чего не сдѣлаетъ!

Такъ говорила мапушка, поцѣловавъ меня и прижавъ къ сердцу своего любезнаго сына, которъй былъ возвращень ей. Но къ чему, любезный Лоперь, я буду запруднять тебя сими разказами?

Я былъ опкрытъ и жестоко наказанъ Коппеліусомъ. Тоска и страхъ причинили мнѣ сильную горячку, копорою я спсрадалъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. „Домовой-песочникъ здѣсь еще?“ Это были первыя слова моего спасенія и знакъ исцѣленія моего. Мнѣ оспаселся разказаъ тебѣ самую ужасную минушу моей юности... послѣ чего ты убѣдишься, что не надобно обвинять меня въ томъ, что все мнѣ кажется въ жизни безцвѣтнымъ: ибо мрачное облако одѣло вокругъ меня все предметы, и, можетъ быть, только смерть моя разгонишь его.

Коппеліусъ болѣе не показывался; слухъ пронесся, что онъ оспавиль городъ.

Годъ прошелъ. По старинной и неизмѣнной привычкѣ, мы сидѣли однажды вечеромъ за круглымъ столомъ. Опець мой былъ весьма весель и разказывалъ намъ множество забавныхъ исторій, случившихся съ нимъ во время путешествія въ его молодости. Въ ту минушу какъ на спѣвнныхъ часахъ пробило 9, мы услышали скръпъ пепель дверныхъ, и ужасно тяжелые шаги раздались отъ сѣней до ступеней.

— Это Коппеліусъ! сказала, поблѣднѣвъ, мапушка.

— Да! это Коппеліусъ, повлорилъ ошецъ мой прерывающимся голосомъ.

Слезы выкапились изъ глазъ мапушки. — Другъ мой, другъ мой! воскликнула она: неужели это должно опять продолжаться?

— Въ послѣдній разъ, оплвѣчалъ бапюшка. — Онъ приходитъ въ послѣдній разъ; я клянусь себѣ. Слупай вонъ съ двпьми! Прощай!

Я осполбенѣлъ, дыханье мое оспановилось. Мапушка, видя меня неподвижнымъ, взяла меня за руки. — Пойдемъ Напанаель, сказала она мнѣ.

Я повиновался и пошелъ за ней въ свою комнапу.

— Будь спокоенъ и спи, — сказала мнѣ мапушка, оспавляя меня; но волнуемый непреодолимымъ страхомъ, я не могъ сомкнуть вѣждъ. Ужасный, ненавистный Коппеліусъ споялъ предо мною съ сверкающими глазами; онъ мнѣ припворно улыбался, и я щетно старался удалить ошъ себя образъ его. Было уже около полуночи, какъ вдругъ послышался ужасный ударъ, походившій на выстрѣлъ огнеспрѣльнаго орудія. Весь домъ потрясся, и дверь съ шрескомъ захлопнулась.

— Это Коппеліусъ! воскликнулъ я внѣ себя, и бросился съ кровати. Мнѣ по-

слышались еженанія ; я побѣжалъ къ комнапъ опца моего. Дверь была опворена, удушасющіе пары носились въ ней, и служанка кричала : Ахъ ! мой господинъ ! господинъ !

Передъ горящею печью, на полу, распроспертъ былъ нрунъ опца моего, съ расперзаннымъ лицамъ. Сеспры мой, стоя вокругъ него на колѣняхъ, испускали пронзительные вопли. Манушка безъ движенія лежала подлѣ своего мужа.

— Коппеліусъ ! адское чудовище ! ты убилъ опца моего ! — воскликнулъ я и упалъ безъ чувствъ.

Спусти два дня, когда тѣло моего опца положили въ гробъ, черпы его снова приняли лихое и свѣшное выраженіе, какъ въ продолженіе всей его жизни. Это усладило гореспъ мою ; я уже не думалъ, что связь его съ Коппеліусомъ навлечетъ ему вѣчное осужденіе.

Трескъ разбудилъ сосѣдей. Сіе происшествіе произвело во всѣхъ впечатленіе, и начальство, узнавъ объ этомъ, потребовало чпобы Коппеліусъ явился. Но онъ исчезъ изъ города, не оставивъ слѣдовъ.

Когда я скажу тебѣ, достойный другъ мой, что этотъ продавецъ барометровъ былъ не кто другой, какъ злодѣй Коппеліусъ, ты легко вообразишь себѣ весь ужасъ мой, произведенный симъ явленіемъ. Онъ былъ въ другомъ костюмѣ, но черпы

Коппеліуса слишкомъ глубоко врязаны въ мою душу, и я не могъ не узнать его. Да при томъ-же Коппеліусъ не перемѣнилъ своего имени. Онъ здѣсь выдаетъ себя за Пиемонтскаго механика и называется Гіу-зеппо Копполо.

Не взирая ни на какія препятствія , я рѣшился опомститься за смерть своего отца , не говоря мапушкѣ о сей ужасной встрѣчѣ.

Поклонись опть меня Кларъ. Я буду писать къ ней, болѣе въ спокойномъ расположеніи духа.

2.

К л а р а къ Н а т а н а е л ю :

Правда, что ты давно уже не писала ко мнѣ ; однако я думаю , что я у себя не выхожу ни изъ души, ни изъ мыслей, ибо ты вѣрно думала много обо мнѣ, когда , написавъ послѣднее письмо къ брату моему Лоперу , адресовала на мое имя. Я съ радостью его распечатала , и не прежде замѣтила свою ошибку, какъ при словахъ: *Ахъ, мой любезный другъ Лоперъ!* — Тогда , безъ сомнѣнія, я должна была перестать читать его и отдашь письмо брату. — Ты иногда, шуля, выговаривала мнѣ, что я имѣю нравъ сына

Декабрь 1830.

22

нижій и крошкѣй, что если-бы домъ обрушился, то у меня достало-бы духу поправить измятый завѣсъ, прежде нежели-бы я убѣжала; но я едва могла переодѣнъ дѣханіе, и все, казалось, вертѣлось кругомъ передъ моими глазами! — Ахъ! мой милый Натанаэль! Я дрожала и горѣла нестерпивіемъ узнавъ какія неочищенія пакъ возмущили жизнь твою! Вѣчная разлука, забвеніе, удаленіе оупъ шебѣ, всѣ сіи мысли поражали меня, какъ удары кинжала. Я прочиннала и перечиннала! Твое описаніе отвратительнаго Коппеліуса ужасно. Я узнала въ первый разъ, какая жестокая кончина постигла твоего превосходнаго родителя. Братъ мой, которому я оупдала письмо твое; какъ его собственность, оупарая меня успокоить, но лщелно. Эпопъ Гіузеппо Коппелла ежеминушно оупдвалъ за мною, и я почин со спѣхомъ должна признаться, что оуп возмущилъ ужасными словиднїями мой оупъ, всегда глубокій и спокойный. Но вкорь, даже на другой день, все предсавлялось мнѣ въ другомъ видѣ. И пакъ же сердце на меня, нѣжно любимый мнѣ Натанаэль, если Лотеръ скажетъ шебѣ, что, наперекоръ твоимъ врачнымъ вредувелнїямъ въ оупношенїи къ Коппеліусу, спокойствїе мое ни сколько не уменьшилось. Я опишу шебѣ оупровснн оупи мысли. — Всѣ эти ужасныя

вещи, которыя ты намъ рассказываешь, мнѣ кажется, родились въ твоей головѣ: вѣрный, дѣйствительный міръ надо въ семь участвуетъ. Старый Копцеліусъ былъ, безъ сомнѣнія, мало прелестенъ: но такъ какъ онъ ненавидѣлъ дѣшей, то онъ и вселилъ въ васъ истинный ужасъ къ себѣ.

Спрашныиъ доновой-песочникъ въ разсказѣ нямъ, очень естественнo соединилъ въ своемъ дѣйскомъ понятіи съ старымъ Копцеліусомъ, который оспался для тебя призракомъ первыхъ лѣтъ твоихъ, хотя ты и не можешь дать себѣ въ томъ оощепа. Его ночныя свиданія съ твоимъ оощемъ имѣли, безъ сомнѣнія, цѣлью Алхимическія занятія, что и огорчало твою мамушку какъ по тому, что это дѣйствительно дорого стоило, такъ и ооще того, что сіи шруды, наполняя голову, ея мужа обманчивыми мечтами, оощвлекали его ооще заботъ о своемъ семействѣ. Оощецъ твой, ввроятно, по своей неоспорожности былъ самъ причиною смерти своей, и Копцеліусъ никакъ не можешь быть въ семь обвиненъ. Какъ ты думаешь: я спрашивала у нашего сосѣда стараго Апщекаря, могутъ-ли причинить смерть сіи мгновенные взрывы въ опытахъ химическихъ? Онъ мнѣ оощвчалъ ушвердительно, оощсавъ, по своей привычкѣ, чрезвычайно длинно, какъ это

могло случиться, и насазавъ мнѣ мно-
жество спиранныхъ словъ, изъ которыхъ
я ни одного не могла запомнить. Теперь
ты станешь сердиться на свою Клару:
ты скажешь, что въ эту холодную ду-
шу не проникаетъ ни одинъ изъ сихъ чу-
дотворныхъ лучей, которые часно неви-
димо окружають человека; что она ви-
дитъ только испещренную поверхность
земнаго шара и радуется, какъ неопыт-
ный ребенокъ, при видѣ плодовъ, конхъ
позлащенная кора скрываетъ смертонос-
ный ядъ.

Мой милый Натанаель, не думаешь-ли
ты, что чувство таинственной власти,
дѣйствующей пагубнымъ образомъ на су-
щество человека, не можетъ проникнуть
въ души веселыя и спокойныя? Про-
спи мнѣ, если я, просто юная дѣвица,
берусь разсказать, что я чувствую при
мысли о подобномъ состояніи души. Мо-
жетъ быть, я не найду точныхъ словъ,
чтобы изъяснить свои чувства, и ты бу-
дешь смѣяться не мыслямъ моимъ но не-
складности, съ которой я ихъ выражу.

Если есть въ самомъ дѣлѣ вражеская
сила, которая измѣннически овладѣваетъ
нами, чтобы вовлечь насъ въ путь опа-
снѣйшій, которому мы сперва не слѣдова-
ли; если есть таковая сила, то она должна
покориться вкусу нашему и слабостямъ,
ибо не иначе какъ чрезъ посредство сихъ дѣлѣ-

ещивій мы увѣруемъ въ нее и она займетъ въ нашемъ сердцѣ то мѣсто, которое ей необходимо для окончанія начатаго. Ежели мы будемъ имѣть довольно твердости, довольно мужества, чтобы отыскать шопъ пушъ, но конпорому должны были вести насъ долгъ нашъ и природное влеченіе, и чтобы идти по немъ шагомъ спокойнымъ, то нашъ внутренній врагъ погибнелъ въ щепетныхъ усиліяхъ, доведши насъ до искушенія. Лоперь прибавляетъ, что мрачная сила, копорой мы предаемся, раждаетъ ся опъ предметовъ столь привлекабельныхъ, что мы сами производимъ злое начало, насъ погубляющее. Это собственно нашъ призракъ, вліяніе коего дѣйствуетъ на нашу душу, низвергаетъ въ адъ и оппоргаетъ насъ опъ неба. — Я не слишкомъ хорошо понимаю послѣднія слова Лопера: я только вижу, что онъ говоритъ; но мнѣ кажется, что все это должно быть справедливо. Умоляю тебя: выкинь совершенно изъ головы своей адвоката Коппелюса и продавца барометровъ Гиузенно Копполу. Убѣдись, что сіи конпороннія лица не имѣютъ на тебя ни какаго вліянія; когда ты будешь думать о нихъ, тогда только они могутъ быть для тебя опасны. Ежели-бы каждая спрочка нисъма пвоего не свидѣтельствовала о сильномъ воспаленіи ума пвоего; если-бы состояніе пвоей души не

огорчало меня до глубины сердца, что, въ самомъ дѣлѣ, я пошутила - бы на счетъ твоего домашнего - пѣсочника и адвоката-химика. Будь спокойна, слабая душа! Будь спокойна! — Я рѣшилась бытъ твоимъ Ангеломъ-хранителемъ и изгнать гнуснаго Копполу изъ твоей головы улыбкою, если онъ когда нибудь обезпокоитъ тебя; ибо я ни мало не боюсь ни его самого, ни его мерзкихъ рукъ, и не потерплю, чтобы бнъ гадилъ мои лакомства, или бросалъ-бы пѣсокъ въ глаза.

Прощай, милая Натанаель.

3

Натанаель въ Лотору.

Мнѣ очень досадно, что Клара, по ошибкѣ, причиненной, правда, моимъ не-радннємъ, прочла письмо, которое я пи-сала къ тебѣ. — Она прислала мнѣ сви-дѣтъ, исполненный глубочайшей филосо-фiи, посредствомъ коей она ясно дока-зываетъ, что Коппелуеъ и Копполо суч-ществуютъ только въ моемъ воображенiи и что они суть собственно мои при-зраки, которые погубятъ меня, ес-ли я буду вѣровать въ нихъ. Никто-бы не усомнился при видѣ души, блужда-ющей въ ея быстрѣхъ и прогнательныхъ

глазахъ, какъ прелесное утро весны, чтобы она была умна и рассуждала методически; но она ссылается на пловъ слова. Вы вѣспѣвъ говорили обо мнѣ! А ты ей, безъ сомнѣннн, прочелъ полный курсъ Логикн, чтобы она могла судить о вещахъ такъ здраво и разбирала ихъ съ такою тонкостью.

Пронку тебя, описывай мнѣ на зно. Впрочемъ, вѣрошно то, что механикъ Гюэспно - Колноло не адвокатъ Коппелюсъ. Я слушаю курсъ у Профессора Физикн, не давно прибывшаго сюда въ городъ, природнаго Имальянца и который здѣсь подъ именемъ славнаго натуралиста Спалланцани. Онъ давно уже знаетъ Колнолу; при томъ же легко увидѣшь можно изъ произношеннн механика, что онъ настоящнй Пнэмоплезецъ.

Коппелюсъ былъ Немецъ, хотя и не имѣлъ Германскаго характера. Однако же я не совсѣмъ успокоился. Принимайте меня всегда вы оба за мрачнаго мещанина, но я не могу взглянуть впеcharлннн, произведеннаго надо мною Коппелюсомъ и его ужасныиъ лицомъ. Теперь я счастливъ, ибо онъ ухалъ изъ города, какъ мнѣ сказывалъ Спалланцани. Этомъ Профессоръ имѣетъ презираниую фигуру: представляе себѣ плоскаго человека, съ высунувшимся на щкахъ скульннми косицами, съ остроконечнымъ но-

домъ и пронзительными взорами. — Но ты его узнаешь лучше, нежели я тебя могу описать его, взглянувъ на портретъ Калліостро, гравированный Ходовіецкимъ: таковъ Спалланцани. Въ послѣдній разъ входя къ нему въ комнату, я замѣтилъ, что занавѣсъ, который бываетъ обыкновенно спущенъ надъ стеклянною дверью, былъ не много приподнятъ. Не знаю самъ какъ я взглянулъ сквозь дверь. Женщина съ прекрасною шалією, прекрасно одѣтая, сидѣла въ ворничѣ за столомъ, облокотясь на него обѣими руками. Она была противъ самыхъ дверей и япакимъ образомъ могъ разсмотрѣвать ея плѣнительное личико. Она, казалось, не замѣчала меня и вообще глаза ея, были на что-то усмотрены неподвижно, даже можно сказать, что они были лишены лучей зрѣнія; какъ будто она спала съ опкрытыми глазами. Я чувствовалъ, что я смѣшался и поспѣшилъ въ амфиатрапръ, который недалеко отсюда. Послѣ я узналъ, что дѣвица, которую я видѣлъ, была дочь Спалланцани, но имени Олимпія, которую онъ содержитъ съ такою строгостію, что ни кто не можетъ приблизиться къ ней. — Тутъ скрывается какая нибудь тайна, и Олимпія, безъ сомнѣнія, имѣетъ какой нибудь бельшой недоспашокъ. Но для чего я тебя пишу объ этомъ? Я бы могъ это рассказать тебѣ изустно, ибо чрезъ двѣ недѣ-

ли я буду къ вамъ. Я непрѣменно должень увидѣть моего Ангела-Клару, и тогда только изгладится впечатлѣнїе, которое (признаюсь) овладѣло мною послѣ ея печальнаго и споль ученаго письма. Поэтому я — и не пишу къ ней сегодня. Просни.

4.

Спранныя и чудныя вещи случившеся съ молодымъ Студентомъ Напанаелемъ, котораго теперь я и хочу рассказать. Кому иногда не приходили въ голову спранныя мысли? Кто не чувствовалъ внутренняго клокожанія, сильно волновавшаго кровь въ его жилахъ и покрывавшаго щеки его яркою краскою? — Ваши взоры иногда, кажется, ищутъ въ проснравшнхъ фантасмическихъ образахъ, а ваши слова исчезающъ въ прерывающихся звукахъ. Тщельно друзья ваши окружающъ васъ и спрашиваютъ о причинѣ вашего бреда. Вы хотише изобразить блестящими красками нѣми и свѣцлыя спороны мрачныхъ лицъ, и, тщельно усиливаете, не находите словъ, чпобъ выразить мысль свою. Хотише предснавить при первомъ словѣ все, чпо сн явленія имвющъ чудеснаго, великолѣднаго, ужаснаго и несмысленнаго, и наконецъ поразить слушающаго

лей своихъ какъ элекприческимъ ударомъ мо все написанное вами кажется вамъ молодымъ, безцвѣтнымъ, безжизненнымъ. Ищите словъ и переоцениваете, бормочете, шепчете про себя, и вдругъ робкіе вопросы вашихъ друзей поражаютъ ваше воспламененное воображеніе. —

Но если кто, какъ искусный и смѣлый живописецъ, накинеть въ легкихъ чертахъ эскисъ сихъ планиспвенныхъ образовъ, что легко уже одушевить его мало по малу яркими красками и перенесеть своихъ слушателей въ міръ, созданный въ воображеніи нашемъ. Я долженъ признаться, что меня ни кто, никогда не просилъ писать исторіи молодого Натанаеля; но вы знаете, что я одинъ изъ нѣхъ аматоровъ, которые, будучи въ сословіи, сейчасъ мною описанномъ, воображаютъ, что все ихъ окружающее и даже цѣлый свѣтъ горитъ непрерывно въ ихъ воображеніи. Справедливо происшествіе поразила меня, отъ чего я и стараясь начать разсказъ въ извѣстномъ и необыкновенномъ видѣ. „Однажды“ прекрасное начало для возбужденія она.... „Въ маленькомъ городкѣ С***, жилъ....“ или, къ вамъ! лучше поспѣе-же посредствомъ medias in res, начавъ: „Пошелъ къ черту! закричалъ студентъ Натанаель, въ глазахъ коста выражалось свирѣпость и ужасъ; въ это время какъ продавецъ ба-

роженщровъ, Гіузеппо Кешноло, . . . Двѣмъ
внѣшнѣю я уже началъ писать главнымъ
образомъ, какъ вдругъ мнѣ показалось,
что въ блуждающихъ глазахъ студента
Напанаеля есть что-то смѣшное. И въ
сихомъ дѣлѣ начало ни сколько не забавно.
Подъ перо мое не ложилась ни одна фра-
за, которая-бы хотя мало оживляла ко-
лоритъ моего индифферентнаго образа. —
Тогда я рѣшился совѣтъ не начинать. И
такъ успѣлъ примунть при письмѣ, сооб-
щенныя мнѣ другомъ моимъ Лоперомъ,
за эскисъ карпины моей, которую я
опирался оживить сколько могъ въ про-
долженіе моего разсказа. Можеть быть,
превращаясь мнѣ возмѣшивъ лицо не-
извѣстное, подобно коронимъ живопис-
цамъ перипреловъ, которыми случается
обозначить лицо одной выразительной чер-
ною пачкѣ, что можно узнать его, не ви-
дая подлинника; можеть быть также
мнѣ удалось убедить моего чипанеля, что
нѣтъ ничего евольт фантасмическаго и
глудаго какъ наполщая жизнь, и что поэтъ
ночернавшъ изъ оной только обивчявое
опраженіе опсвѣпа, какъ въ худѣ полиро-
ванномъ зеркалѣ.

И наконецъ, чтобы сказать съ са-
мата начала то, что необходимо знать на-
добно, я долженъ прибавить какъ-бы въ по-
ясненіе къ симъ нисьмамъ, что послѣ смер-
ти онца Напанаелева, Клара и Лоперь,

дѣни дальняго его родственника , умершаго вскорѣ послѣ него , были приняты матерью Напанаеля въ семейство . Клара и Напанаель почувствовали другъ къ другу живѣйшую склонность , которой на землѣ ни кто разорвать не могъ ; они уже были обручены , какъ Напанаель осматривалъ городъ , мѣсто своего рожденія , и онъ правился въ Гейлпингенъ , для окончанія наукъ . Онъ уже находившяся тамъ , какъ видно изъ его послѣдняго письма , я слушаюся мурсы у славнаго Профессора Физики Спалланцани .

Теперь я-бы могъ бодро продолжать свое повѣствованіе , но образъ Клары такъ живо представляется моему воображенію , что я не могу отъ него отворачивать глазъ своихъ . Такъ случалось со мною всегда , когда она глядѣла на меня съ пріятною улыбкою . Клара не могла назваться красавицею : такъ говорили всѣ тонкіе цѣнители красоты ; однакоже архисекшоры хвалили правильность ея спана ; живописцы находили , что спина ея , плечи и грудь были слишкомъ бѣлы ; но всѣ они цѣнились прекрасною уборкою волосъ , навоминавшею Корреджіеву Магдалину и отпѣнявшею прелестный цвѣтъ лица , достойный Баплонія . Одинъ изъ нихъ , какъ истинный оригиналь , сравнивалъ ея глаза съ Рюздальскимъ озеромъ , въ которомъ отражались небесная лазурь , эмаль цвѣтновъ и днесь-

ное свѣтло. Поэты и виртуозы распро-
странялись даале. — Что вы намъ раз-
сказываете объ озерѣ, о зеркалѣ! — говорили
они. — Можемъ-ли мы съ кѣмъ нибудь сра-
внивать эту юную дѣвицу, когда каждый
взоръ ея испоргаетъ изъ душъ нашихъ
пѣснопѣнія и божественныя гармоніи! —
Клара имѣла живое и пылкое воображе-
ніе дитяти рѣзваго и невиннаго, женское,
нѣжное и чувствительное сердце, и свѣт-
лый, пронизательный умъ. Души слабыя
и надменные не могли бытъ вмѣстѣ съ
нею, ибо взоръ юной красавицы, испол-
ненный огня, и ея ироническая улыбка,
казалось, говорили имъ со всею скромно-
стію: бѣдныя пѣни, неужели вы наде-
етесь бытъ въ моихъ глазахъ людьми бла-
городными, исполненными жизни и оспро-
ты. — Опъ того-то обвиняли Клару въ
холодности, сухости и безчувственности;
другіе-же, копорые разбирали человѣче-
скую жизнь лучше, любили эту преле-
стную дѣвицу несказанно. Но ни кто не
любилъ ее болѣе Нашанаеля, копорый
занимался науками и искусствами съ успѣ-
хомъ и пылкою охотою. Клара обожала
Нашанаеля всею силою души своей; раз-
лука ихъ причинила ей первыя горе-
сти. Съ какою радостью она броси-
лась въ его объятія, когда онъ возврашил-
ся въ домъ родительскій, какъ онъ объ-
являлъ въ письмѣ своемъ къ Лошеру. На-

дежды Натанаеля исполнились. Едва онъ увидѣлъ невесту свою, какъ забылъ и адвокана Коппелюса и метафизическое письмо Клары, которое огорчило его; всѣ его заботы прекратились.

Но Натанаель говорилъ правду въ письмѣ къ другу своему Лопшеру: образъ опротивительнаго Копполы имѣлъ мрачное вліяніе на его душу. Съ первыхъ дней его пріѣзда замѣтили, что онъ совершенно перемѣнилъ свой образъ жизни. Онъ предавался мрачнымъ мечтаніямъ и велъ себя страннѣйшимъ образомъ. Жизнь для него оставалась была изъ мечтаній и предчувствій; онъ говорилъ беспрестанно о судьбѣ людей, которые, почитая себя свободными, опутаны неизвѣстнымъ силою, коей служатъ невольною игрушкой. Онъ распространялся далѣе; онъ думалъ, что глупо вѣрить, въ искусствахъ и наукахъ, усиліямъ, основаннымъ на нашихъ душевныхъ силахъ, ибо восшоръ, безъ всего ничего произвешъ не лзя; происходить не изъ души нашей, но изъ наружнаго начала, которымъ мы управлять не можемъ.

Клара была совершенно негодна съ сими витисивенными мечтаніями, но она нищепно старалась опровергать ихъ. Когда же Натанаель доказывалъ, что Коппелюсъ есть злой духъ, призывающійся къ нему съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался за дѣлакъсомъ, чтобы разсмотрѣть его,

и что сей демонъ можетъ распорхнуть ихъ счастливую любовь, Клара вдругъ спановилась печальною и говорила: Да, Напанаель, Кошпеліусъ есть злой духъ, который возмущилъ наше счастье, ежели ты не изгонишь его изъ своихъ мыслей; его, могущество заключается въ своейъ вѣрѣ.

Напанаель, разсерженный Кларою; которая опровергала существованіе демона и приписывала его единственно слабости душевной; хотѣлъ доказывать свои мнѣнія по всемъ таинственнымъ правиламъ демонологіи; но Клара оканчивала споръ, съ равнодушіемъ прерывая его, къ большой досадѣ Напанаеля. Посему онъ подумалъ, что души холодныя заключали въ себя сія таинства скрытно оны самихъ себя, и что Клара принадлежала къ сей особенной природѣ; и такъ онъ рѣшился, не медля, открытъ ей свое опасеніе. На другой день, поутру; когда Клара приготавливала завтракъ, онъ сѣлъ подлѣ нея и началъ читать различные мѣста изъ своей таинственной книги.

— Ахъ, милый Напанаель! — сказала Клара послѣ нѣсколькихъ минутъ вниманія. — Чтобы ты сказалъ, если-бы я тебя считала за злаго духа, который оправдываетъ мой кофе? Ежели-бы я опала все время слушать тебя, не спуская съ тебя глазъ, какъ ты того хочешь, кофе пере:

горька - бы и вы - бы все остались безъ завтрака.

Напанаель поспѣшно захлопнулъ книжку и въ гнѣвъ спѣшь скорыми шагами ходилъ по комнатамъ. Прежде онъ занимался сочиненіемъ живыхъ и занимательныхъ исторій, копорыя писалъ съ искусствомъ, и Клара всегда съ большимъ удовольствіемъ слушала ихъ; но съ тѣхъ поръ какъ сочиненія его стали обширны, мрачны и невразумительны, легко угадать по молчанію Клары, что они были ей не очень пріятны. Ни что не было такъ несносно для Клары какъ снука; въ ея взорахъ и рѣчахъ обнаруживалось пошлостью склоненіе ко сну и совершенное онемѣніе: а сочиненія Напанаеля были двѣспвишительно чрезвычайно сухи. Его гнѣвъ на холодное и твердое обращеніе невѣсты возраспалъ съ каждымъ днемъ. Клара не могла скрыть неудовольствія, которое причиняетъ ей мрачный и скучный миспцизмъ ея любезнаго; такимъ образомъ ихъ сердца нечувствительно раздѣлялись. Наконецъ Напанаель, всегда думая о томъ, что Коппеліусъ долженъ попревожилъ жизнь его, не могъ не принять его предметомъ въ стихахъ своихъ. — Онъ предспавилъ себя соединеннымъ съ Кларою, важною и вѣчною любовью; но посреди ихъ счастья, черная рука опъ времени до времени про-

ширалась надъ ними и отправляла ихъ радости. Наконецъ въ то время, когда они сподли предъ алпаремъ, гдѣ должны были соединиться навѣки, ужасный Коппеліусъ являлся и допрогивался до прелестныхъ глазъ Клары, которые проникали въ душу Натанаеля, какъ два горячіе угля. Коппеліусъ схватывалъ его и кидалъ въ огненный кругъ, который вертѣлся съ быспрошюю вихря и увлекалъ его посреди глухихъ и шумныхъ завываній въпра. Это было ожесточеніе природы, подобное урагану, разсвѣвающаему, съ гнѣвомъ, пѣнящіяся валы, которые поднимаются и опускаются въ сильной борьбѣ, какъ черные гиганты съ бѣлѣющими глазами. Посреди сихъ завываній, криковъ, дикаго шума, слышался голосъ Клары: „Развѣ ты не можешь взглянуть на меня?“ говорила она. „Коппеліусъ тебя обманулъ, это не глаза мои горѣли въ душѣ твоей: то были кипяція капли твоей собственной крови изъ сердца твоего. Вонъ мои глаза! взгляни на меня.“ Вдругъ огненный кругъ пересталъ вращаться, завыванія утихли. Натанаель увидѣлъ снова свою невѣсту; но это былъ сухощавый скелетъ смерти, дружественно взирающій на него глазами Клары.

Сочинилъ это, Натанаель успокоился; онъ переправлялъ и улучшалъ какъ

дый стихъ, и, шакъ какъ онъ подчинялъ себя меприческимъ формамъ, то до пѣтъ поръ не оидокнулъ, пока все не было моно и исполнено гармоніи. Но когда онъ кончилъ трудъ свой и перечисывалъ стихи, какой-то ужасъ овладѣлъ имъ, и онъ въ отпратъ закричалъ: „Какой страшный голосъ сейчасъ послышался мнѣ! „Наконецъ онъ увѣрился, что стихи действительно прекрасны, и ему казалось, что холодное сердце Клары должно было шпронуться при семъ чтеніи, хотя онъ не могъ дать себѣ отчета въ потребности воспламенишь умъ Клары и въ желаніи намолвить свою душу ужаеными образами и мрачными предчувствіями, относящимися къ нхъ любви. — Напанаель и Клара были однажды въ небольшой рощицѣ, прилежащей къ дому. Клара была очень весела, ибо Напанаель, занимаясь своими стихами, уже три дня не мучилъ ея предуадываніями и мечтами. Съ своей стороны Напанаель разговаривалъ съ большою живостію и, казалось, былъ веселѣе обыкновеннаго. — Наконецъ ны сдѣлался опять шакимъ-же, каковъ былъ прежде! — сказала ему Клара Ты видишь, что отвратительный Кошпеліусъ совершенно оспавилъ насъ. — Тупъ Напанаель вспомнилъ, что стихи у него въ карманѣ. Онъ шолчасъ вынулъ ихъ и началъ читать. Клара, думая что это должно быть, какъ обыкновенно, что

нибудѣ скучное, въ молчаніи съла и начала вязать чулокъ. Но когда черныя картины представлялись ей болѣе и болѣе, она выронила изъ рукъ свою работу и устремила глаза свои на Напанаеля, который продолжалъ читать, не прерывая себя: щеки его горѣли и слезы текли изъ его глазъ; когда онъ кончилъ, то голосъ его ослабѣлъ совершенно. Онъ взялъ руку Клары и, вздыхая, произнесъ нѣсколь-ко разъ ея имя. Клара прижала его тихо къ груди своей и пвердымъ голосомъ сказала ему: — Напанаель, милый Напанаель! брось въ печь эту непонятную и нелъ-пую Исторію!

Тутъ Напанаель вскочилъ. — Прочь, прочь отъ меня, глупый авшоманъ — за-кричалъ онъ, опшполкнулъ отъ себя Клару и убѣжалъ. Клара залилась горькими сле-зами. — Ахъ! — восклицала она — онъ никог-да не любилъ меня, ибо меня не пони-маешь. — Сноны прервали слова ея. Ло-меръ вошелъ въ рощицу. Клара была при-нуждена рассказать все, что съ нею слу-чилось. Онъ любилъ сестру свою всаъмъ сердцемъ; каждое слово ея возбуждало гнѣвъ его, и неудовольствіе, которое онъ чув-ствовалъ къ Напанаелю и его бреднямъ, превратилось въ сильное презрѣніе. Онъ добивалъ, опшскалъ его, и выговаривалъ ему за его дерзкій поешупокъ съ Кларою

споль грубо, что вспылчивый Напанаель не могъ болѣе себя удерживать. Колкіе слова Лопера смѣнились бранью Напанаеля. Поединокъ былъ неизбеженъ. Они рѣшились завтра поупру идти за садикъ, и сразиться, по обычаю академическому, на короткихъ рапирахъ. Съ мрачнымъ видомъ распались они. Клара часію слышала эту ссору и предугадывала, что должно случиться. —

Лоперь и Напанаель, пришедши на мѣсто поединка, скинули въ себя верхнее платье, и уже спали другъ пропивъ друга, съ сверкающими опъ гнѣва глазами, какъ вдругъ Клара, быспро опворивъ калитку сада, бросилась между ними.

— Вы — меня убьете, неистовые, прежде нежели сразитесь! Ахъ убейте! заколите меня! Неужели вы хотите, чтобы я пережила смерть брата моего или моего любовника.

Лоперь выронилъ оружіе, и, получивъ глаза, оспавался въ безмолвіи; но Напанаель почувствовалъ снова возродившуюся любовь во всей силѣ; Клара явилась въ глазахъ его нѣмъ-же, чѣмъ была прежде; цѣпота выпала изъ рукъ его и онъ упалъ въ ноги Клараы.

— Можете-ли вы навсегда проснитъ меня, любезная Клара, мое единственное

блаженство! Вражь Лоперь! забудешь-ли ты мои прослупки?

Лоперь кинулся въ его объятія; всё шрое, въ слезахъ, обнимали другъ друга, и клялись оспашься вѣчно соединенными любовью и дружбою.

Напанаелю казалось, что онъ былъ освобожденъ отъ ужасной ноши, которая обременяла его, и что онъ обрѣлъ спасеніе отъ пагубнаго вліянія, отправлявшаго жизнь его. Послѣ прехъ дней, проведенныхъ въ счастіи съ своими друзьями, онъ отправился ояпть въ Гепшингенъ, гдѣ долженъ былъ пребыть годъ, а послѣ возвратишья навсегда въ городъ, мѣсто своего рожденія.

Отъ мапери Напанаела скрыли все, касающееся Коппеліуса, ибо знали, что она безъ ужаса не могла вспомнишь о человекѣ, котораго почитала убійцею своего мужа.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

HISTOIRE DE LA CONQUÊTE DE GRENADE, etc.
 (Исторія завоеванія Гренады, извлеченная
 изъ рукописной летописи Фрай-Антонія
 Агаиды Вашингтономъ Ирвингомъ, перев.
 въ Англійскаго Ж. Коганомъ), 2 т. in-8,
 Парижъ, 1830 года.

(Окончаніе)

Слѣдъ оканчивающагося дѣла шона, издавшаго Ва-
 шингтономъ Ирвингомъ, *Исторію завоеванія
 Гренады*. Прочитавъ оныя, легко убѣждаешься,
 что не вредя издѣстному разсказу, не забывая
 никакого общепольнаго, легко можно было
 сократить сія шоны. Авторъ разсказываетъ съ
 равною подробностію важныя событія и мѣ-
 кія подробности, а это необходимо увлекаетъ
 его въ однообразіе, и, что еще досаднѣе, въ мно-
 гословіе. Не зная матеріаловъ, по которымъ шу-
 дился Авторъ, не имѣемъ права утверждать, что
 онъ иное выдумывалъ, иное дополнялъ отъ себя.
 Впрочемъ, соображая прослой и коростый раз-
 сказъ Конде съ украшеннымъ разсказомъ Вашин-
 гтона Ирвинга, въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ сей по-
 слѣдній имѣлъ руководителемъ только сего поч-
 теннаго писателя, не можемъ сомнѣваться въ
 вѣрности послѣдованія его и священнику de los
 Palacios, Пульгарской летописи, и ш. д. —
 правда, увлеченный навыкомъ все разсказы-

вашь , все дробить , В. Ирвингъ не подбергъ , кажется , своихъ матеріаловъ сноровой кривизнѣ. Такъ , напримеръ , необходима была вся ея сноровость , когда приходилось ему , какъ на авторитетъ , ссылаться на несправнаго Маріанну. Вникая болѣе , В. Ирвингъ могъ — скажемъ для примѣра — увидѣть , что рѣчь , которую сей Историкъ влагаешь въ уста *алфаки* , и которая , какъ говоритъ онъ , убѣдила Боабдила поспѣшить сдачею Гренады , есть рѣчь Музы , передѣланная по своему Иезуитомъ - историкомъ , и выданная имъ въ примѣръ слѣпаго фанатизма Мугамеданъ. Замѣчательно , что Маріанна не только не именуешь лица , произнесшаго сію рѣчь , но даже рѣшиительно утверждаетъ , будто Исторія молчитъ объ его имени. Далѣе , что знаешь *алфаки* бѣжалъ изъ Гренады. Но В. Ирвингъ утверждаетъ , что несчастнаго казнили по повелѣнію Боабдила. Читая внимательно Маріанну , или всякаго другаго Историка Испаніи , В. Ирвингъ могъ замѣтить , что во время Гренадской войны не должно было именованъ Фердинанда и Изабеллу *Католическими*. Это названіе дали имъ Папы; Иннокентій VIII-й и Александръ VI-й , послѣ завоеванія Гренады , шакъ , какъ дама оно было Рекяреду , королю Готтескому , когда онъ оставилъ Аріанскую ересь , и присоединилъ своихъ подданныхъ къ Римско-Католической Церкви. Съ чего шакже В. Ирвингъ называетъ побочный сынъ Дона Карлоса , брата Фердинанда , и отца Дона Филиппа Аррагонскаго , убійцаго во время Гренадской войны? Писавши это , Авторъ , не поминемъ какъ , забывъ всѣ

событія царствованія Донъ Жуана, Короля Аррагонскаго, ненависть матери Фердинандовой къ Донъ Карлосу, Принцу отъ перваго брака Жуанова, которому по праву первородства слѣдовала корона Аррагонская, забылъ и плачевную смерть сего Принца и сестры его Донны Бланки, законныхъ дѣшей Жуана Аррагонскаго и наследницы Наваррской!

Много подобныхъ несправноостей могли бы мы показать въ сочиненіи В. Ирвинга. Во многихъ мѣстахъ избавляешь насъ отъ труда Французскій его переводчикъ, исправляя тексты подлинника при переводѣ. Типографчикъ прибавлялъ съ своей стороны довольно много опечашокъ, которыхъ могли-бъ подасть дурное мнѣніе объ учености В. Ирвинга. Но воцъ важное обшривельство, невѣрно изложенное Авшоромъ, и оно штъ досаднѣе, что эша невѣрность совершенно измѣнила характеръ войны Гренадской. Читая В. Ирвинга, подумаешь, что въ десятильшнее продолженіе оной, Фердинандъ и Изабелла шолько и думали о войнѣ съ Гренадскими Маврами, упоиребляя для победы надъ ними всѣ силы, средства, все свое время. Дѣло, напрошнѣе, было совсѣмъ иначе. Бунтъ въ Галиціи, переговоры о бракѣ Принца Касхильскаго Жуана, съ юною Королевою Наваррскою, прошесты Духовенства, вышшавельство въ дѣла Неаполишанскія, бунтъ въ Кашалоніи, возмущеніе крестьянъ Лампурданскихъ, беспорядки въ Королевствѣ Валенціи, союзъ городовъ Аррагонскихъ, лига прошикъ Франціи, съ Австрією и Англією, переговоры съ Португальскимъ Дворомъ о бракѣ, усшройство государшвеннаго управления, безпрестанныя пу-

пошествія по разнымъ областямъ Испаніи — все это шолько малая часть событій и дѣлъ, попеременно занимавшихъ вниманіе Фердинанда и Изабеллы, это еще и далеко не всѣ гдѣ случаи, въ которыхъ онъ или она, или оба вмѣстѣ, во время Гренадской войны, должны были показати силу души, швердосшь воли и умѣнье царшествовать. Какъ жаль, что В. Ирвингъ, совершенно умалчивалъ обо всемъ этомъ, гораздо въ большей степени, нежели онъ предполагаетъ, дѣйствовавшемъ на успѣхъ и неудачи Гренадской войны, лишилъ славныхъ героевъ оной ихъ великихъ достоинствъ, а у Фердинанда опинялъ то, чѣмъ онъ, если не ошибаемся, единшвенно могъ похвалиться.

Но когда въ семъ отношеніи, В. Ирвингъ погрѣшилъ противъ *Доролей*, за то онъ съ избыткомъ постарался вознаградишь ихъ съ другой стороны: вся его книга есть похвальный гимнъ въ честь ихъ. Тутъ Авторъ является — болѣе нежели неразборчивымъ. Всякій фурлейшь Испанской арміи является у него героемъ, и, если онъ Христіанинъ, то и мученикомъ, святымъ. Важная ошибка, и она должна была произойши отъ формы какую принялъ въ своемъ изложеніи В. Ирвингъ. — Фрай Антоніо Агапида могъ-ли говорити иначе, рассказывалъ дѣла воиновъ, жертвовавшихъ собою святому предпріятію — гибели Невѣрныхъ? Нѣтъ! — В. Ирвингъ, жертвуя испинию, хотѣлъ болѣе Цоваи, хотѣлъ превращишь въ горячаго Испанца. Доспигъ-ли онъ своей цѣли? Точно-ли та истина вѣры, та искренность довѣрчивости, чѣмъ награждаещъ насъ Агапида, являюща подѣ

перомъ В. Ирвинга? Нѣтъ! Онъ нарядился въ рясу монаха, говоритъ, какъ Испанецъ и Капюликъ, но, Американецъ и Протестантъ, онъ сбивается въ словахъ, не такъ ихъ соотносятъ, и сквозь жаркіе возгласы благочестиваго монаха Католическаго, мы заглядываемъ насмѣшливую улыбку Реформаціи; черезъ принужденный восторгъ Каспильца пробивается скептицизмъ и космополитизмъ республиканца XIX-го столѣтія.

Не смотря на все это, и на многое еще кромѣ того, сочиненіе Вашингтона Ирвинга занимательно, ясно, и хорошо печатлѣешь въ памяти различныя измѣненія Гренадской войны и взятія Гренады — дѣла сколько же историческаго, сколько и поэтическаго. Въ немъ, главное, недостаетъ кришки, но не это составляетъ болѣе всего голосовъ для книги. Автору конечно хорошо извѣсны формы представительныхъ правительствъ, и онъ знаетъ, что надобно смотреть и на меньшее число голосовъ (*minorités*), надобно и ему уступать что-нибудь. Но мы не споримъ, что и очинители и правительственныя имѣютъ прямое дѣло съ большинствомъ голосовъ (*majorité*): оно утверждаетъ бюджеты и покупаетъ книги. В. Ирвингъ его хотѣлъ заманить къ себѣ, и успѣлъ въ этомъ: книгу охотно купятъ, охотно прочитаютъ. Мы съ своей стороны посоветуемъ это публикѣ. Хотя и заплащать она за два тома довольно дорого, но будетъ вознаграждена лучше, нежели за дешевую цѣну утѣрдивъ Министерскій бюджетъ.

Говоря читателямъ нашимъ о самомъ взятіи Гренады, и о книгѣ, какую издастъ о томъ

В. Принцъ, присвокунимъ еще нѣсколько замѣлокъ и мыслей, могущихъ заслужить вниманіе пресвѣщеннаго наблюдателя.

Казалося — все кончено для Мавровъ. Какъ народъ, они не существовали болѣе: царство ихъ было уничижено, свобода снѣжена, имя унижено, религія, едва шершня, въ ожиданіи рѣшительнаго гоненія. Чась ошплашы пробавъ для попомодовъ Гошеа, и, послѣ вѣковъ побѣдъ, шлжкое иго, наложенное Христіанами на Мавровъ, долженствовало рѣшительно заплашнть за поворъ бншвы Гвадалешской. Вездѣ вѣдлмсь знамена Испаніи, вездѣ сіалъ благоговѣно чшмый Крестъ, и полумѣснцъ Мугаммеда палъ передъ ннмъ. Мечъ Рыцаря ошсннлъ за сьорбъ Церкви. Все Христіанство, оштакнвавшее недавнюю пошерю древней Внваншн, ушѣшалось торжеснвомъ Исламн, и ю всей Европѣ грѣшли благодаршвенныя пѣснн поборннку браней. Ферднандъ получилъ ошъ признательности Папы шлшулъ *Катошгескаго Короля*, и другой, шщешво осворнваемый, Короля *Испаній*. Европа гордилась храбростью Каспнльцевъ.

Кшо-бы не подумалъ послѣ шго: что современная шгдашняя лншпература должна носншь глубокій ошпечапнокъ религіознаго и патршошическаго восшорга, возбужденнаго въ Испаннн завоеваніемъ Гренады? Кшо не предположншь, что поэты, многочсленные, одушевленные въ шскокой ешешн, голповые воспѣвашъ все, что шротало сердце и гворнло воображенію, ош шшвергомъ овладѣли собышнемъ, шпель поэшическнмъ? Что Ферднандъ и Изабелла были пред-

мешомъ множеству романсовъ, и что въ пѣсняхъ Испанскихъ, Понсъ Леонскій, Кабра, Агиларъ, оспаривали мѣста Сидовъ Кампеадоровъ, Бернардовъ дель-Карпио, Ларъ, и проч., съ штемъ преимуществвемъ, которое всегда у прошедшаго, живущаго только въ памяти, опшнмаетъ настоящее, объемлющее насъ опвсюду, вызывающее себя всѣ наши способности, всѣ спрасши, все участіе? — Въ самомъ дѣлѣ: это настоящее, столь блистательное, и въ тоже время столь могучее, охватило воображеніе Испанцевъ: старые герои Испаніи были забыты. Но забыты были они, не для пошомковъ ихъ, не для послѣдователей ихъ подвиговъ! Оставили Бернарда Карпио, не для Фердинанда, но — для Музы; забыли Химену — для Фашины и Дарахи. Больше славили Боабдила, нежели Маркиза Кадикскаго, и баснословный Газюль превозмогъ храбраго Графа Кабраскаго, *забирателя Королей* (*preneur de rois*). На первый взглядъ, вся щогдашняя Повесть Испанская покажется созданиемъ Арабовъ: столько видно въ ней удивленія къ храбрости Мавровъ, скорби объ ихъ паденіи, участія къ ихъ спрасшамъ, вкуса къ ихъ обычаямъ. Генераловъ, Алгамбра, Зегрисы, Абенсерраги — вотъ имена; вотъ предметы, наполнившіе собою Испанскіе романсы XVI-го вѣка. О рыцаряхъ Испаніи, о славѣ опечесства, о Христіанствѣ — едва нѣсколько словъ, едва замѣнное воспоминаніе.

Таково было слѣдствіе завоеванія Гренады. Побѣжденные обшпашели Андалузю, но нѣмнѣею ушощенности нравовъ, нѣмнѣею образцовности, не умѣли пропитаться своимъ гре-

ннѣхъ неприязнѣннѣхъ; но по той-же самой причинѣ умѣли очаровать, почти укротить ихъ послѣ, когда дѣло шло не о силѣ. Гордые, непреклонные Каспильцы обольщались изяществомъ, великолѣпнѣмъ, поэтическимъ воображеніемъ, спранными, но заманчивыми нравами своихъ рабовъ и рабынь. Въ шѣ дни, когда они уже не сражались съ ними болѣе, не боялись уже ихъ, они позволили себѣ внимательно разсмотрѣть ихъ, и скоро слыли подражатѣльми. Продолжительное уваженіе, смѣшанное съ ненавистью, послѣ побѣды замѣнилось сосраданіемъ, родившимъ сочувствіе. Все сдѣлалось Мавришанскимъ, когда Мавры, какъ народъ, не существовали уже въ Испаніи. Побѣдитель носилъ плащъ побѣжденнаго, Христіанинъ пѣлъ Музудманку, Испанецъ грустилъ объ Аравишлянинѣ. Такое живое противоположеніе не прошло безъ того, чтобы имъ не оскорбились многіе изъ умовъ утробныхъ, ненавидящихъ безприсрастнѣ, и думающихъ, что люди не могутъ любить истины, если они не жестоко ненавидятъ ея противниковъ. Восторгъ, возбужденный всѣмъ Мавришанскимъ, раздражилъ многихъ. Кричали, что это ерещичество, измѣнничество. Собраніе романсовъ (Romanceo general), изданное въ 1614 году, и исполненное Испанскими романсами въ духѣ Мавровъ, содержишь въ себѣ также нѣсколько стихотвореній, гдѣ жестоко осуждають эту наклонность Испанской Поэзіи. Въ одномъ изъ нихъ, 1593 года, Авшоръ говоритъ:

„Бросьте вы мои выспрочки на ильшьякъ, и здѣмъ расшпине разнооцѣнными шелкомъ офраны — все это Мавришанская одежда.“

Другой спиховорецъ, исполненный негодованія, изъясляетъ гнѣвъ свой слѣдующимъ образомъ.:

„Сшолько Зандъ и Адалифъ, сшолько Драгунъ и Дарахъ, сполько Ахаркъ и Адульсъ, сполько Гаузулевъ и Абенамаровъ!“

„Сшолько алкизеровъ (*) и марлонниковъ (**), сполько алмизаровъ (***) и алмалафовъ (****), сполько эмблемъ и перьевъ, сполько вензелей и медалей!“

„Сшолько Мавришанскихъ оспантковъ, значковъ и адегговъ (****), сполько разнородныхъ девизовъ — надоѣли вы мнѣ до смерти!“

„Испанскіе поэмы ошказались ошъ своей кяры, и предлагающъ Мугаммеду плоды своихъ дарованій.“

„Они забыли великія дѣла своей побѣднтельной ошчины, и у чуждаго ошечества вымаливаютъ себѣ вымыслы и покровительство.“

„Мщемія, Аполлонъ, мщенія! Поразь своими побѣднтельными лучами омавришаннвшпхся поэшовъ, оскорбляющихъ нвое величіе!“

(*) Арабскій коверъ.

(**) Верхнее одѣяніе, съ капшпономъ.

(***) Родъ головного убора, съ полосатымъ газомъ, висящимъ до коленъ.

(****) Родъ покрывала, или плаща.

(*****) Мавришанскій щитъ.

Иногда подь формою разсказа нападали на поэтовъ, обвиняемыхъ въ Мавританствѣ. Вотъ содержаніе одного романса, доказывающаго, по нашему мнѣнію, что лишпературные *ультры* того времени были люди не безъ дарованій, и не безъ поображенія.

„Гнѣвѣнь вытѣжаешъ Муза изъ Комареса, сорвавъ свой марлопшъ, и обнаживъ свой богатый алфангъ (*).—“

„Не Абенсерраговъ бипъ собрался шакимъ образомъ Мавръ, обличившихъ его во лжи; но ѣдешъ онъ опомспишъ оскорбленіе, нанесенное ему въ пѣсняхъ и романсахъ, сочиняемыхъ повшами.“

„И когда онъ шакъ ѣхалъ, на встрѣчу ему попался Ахаркъ (**); видя его въ шакомъ нарядѣ, подумалъ, онъ, что Муза сдѣлался поэтомъ.“

„Оставь меня — сказалъ ему Муза — дай мнѣ сорвашъ съ себя эшопъ нарядъ; у меня ребра всѣ перемяло, съ шѣхъ поръ какъ накушали на меня эшо плашь.“

„Забавно показалось эшимъ повшамъ-новичкамъ кунашь меня, и одѣвашъ плашьемъ, кошпое песпрѣ ковра Левантскаго.“

• „Я сдѣлался щеперь игрушкой дѣмъ, росписною ихъ куклою, и справедливо онъ меня шакимъ почишающъ.“

„Поэшы одѣли меня въ лоскушки, обобранные у поршныхъ, въ монашескую шапку, или Фландрскую шкань.“

(*) Мечъ.

(**) Вымышленное лицо въ тогдашнихъ романсахъ.

„Рѣшился я, и черезъ немного времени не оставлю въ живыхъ ни одного поэта, ошъ Даре до Гаиша.

„Трудное дѣло взялъ ты на себя — ошвѣчалъ ему храбрый Ахаркъ. Тебѣ надобно перебишь своимъ алфангомъ весь родъ человѣческій.“

„Знай, что поэты, все равно, что гадра, укушорой, если опрубишь одну голову, вырастешь семь.“

„Убей одного поэта, и шебя задушашъ подъ пѣснями, романсами и сапирами, кошорыя вся толпа поэтовъ на шебя набросаетъ.“

„Ошавъ ихъ, пошому что они шебя начинаютъ ошавляшь, и запѣвають объ Ахаркахъ, со вчерашняго дня изъ земли выскочившихъ, подобно исполину Анпею.“

„Они шаскають меня по улицамъ, болѣе нежели шаскаешся плащъ Севильца, или злой лебедникъ.“

„Я шерплю и молчу: пусть шаскають, да молчашъ. Хорошо обхожусь съ поэтами, чтобы они не обходились со мною худо.“

„Ты правъ — ошвѣчалъ Муза. Въ самомъ дѣлѣ, лучше ошавишь ихъ, пока разказами ош насъ, они сами наскучашъ и упомашся!“

Вообще, *Мауританскіе* поэты, какъ называли ихъ прошивники, рѣдко ошвѣчали на нападенія, довольствовались шѣмъ, что нравились публикѣ, и ни сколько ни боясь, что ихъ сочшущъ измѣнниками прошивъ религій и ошечества. Одинъ изъ нихъ оскорбился однакожь бранью прошивниковъ, и напалъ на порицашелей модной Позаи, въ шѣхъ же самыхъ формахъ, какыя ими употреблялись.

Предсавляемъ здѣсь оба романса, содержащіе нападеніе и защиту. Первый изъ нихъ наполненъ намеками на другія стихотворенія; оборотъ его живъ и насмѣшка язвительна.

„Друзья, господа поэты! раскроемъ эти лица, раздѣнемъ этихъ Мавровъ, прекратимъ эти замбрасы (*).

„Избави насъ, Боже, отъ Газуля; чортъ побери Гелиндаху; раздадимъ эти марлошшы, шѣмъ, кшо ссудилъ ихъ намъ.

„Доніѣ Маріи угодно, чтобы передъ Донною Жуанною проплясали Испанскую *гальарду* — веселье нѣтъ этой пляски.

„А господинъ Алькадъ спрашивалъ: кшо такіе эти Абенамары, эти Зегрисы и Алиашары, эти Адульсы, эти Заиды, и эти Абдаллы?

„И что это за народъ: Зелинды и Гвадалахи, эти Мавры, эти Мавришанки, пляшущія на всѣхъ нашихъ свадьбахъ?

И, чтобы сказать вамъ яснѣе, да позволятъ мнѣ спросить, господа поэты: дошло ли до ихъ свѣдѣній, что есть еще въ Испаніи Христиане?

„И не знаютъ-ли они: какой народъ, Персіане, Скионы, или Опшоманы, славятъ наши имена и поютъ наши побѣды?

„Они закрыли нашъ народъ алкизерами и алмазафами, и посылачу ложныхъ повѣстей рассказали о Маврахъ.

(*) Мавришанскій танецъ. Шатобрианъ предсказало окончаніе его, въ своемъ *le Dernier des Abenserrages*.

„Фашима и Харифа продавали свѣжія и сушенныя фиги, а Лагаршо Эрнандезъ разсказывашъ, что онѣ плясали въ Алгамбрѣ.

„Зегри, безъ успали возившій на двухъ ослахъ воду, и за лѣноснѣ достойный наказанія, изобращенъ вами ломающимъ копья.

„Пуснѣ прислужники свѣшой Эрмандады выхлещутъ изъ васъ бичами душу, Самаритяне!

„Вы забыли храбраго Бернарда, неумирающую чesнѣ нашей Испаніи, ужасъ Мавровъ, страхъ Франціи (*);

„И пѣхъ великихъ героевъ, достойныхъ вѣчной славы, коихъ завоеваніе Гренады увѣковѣчило память.

„Если вамъ надобно молчашъ объ именахъ Испанцевъ, что вамъ мѣшаешъ идши и искашъ героевъ въ лѣсахъ и хижинахъ,“

„Подъ знаменами Французскими, въ легіонахъ Римскихъ, въ Карфагенѣ, Сагунтѣ, или въ счастливой Нуманціи?

„Но куда бѣжишь ты, перо мое? — Куда стремишься ты безразсудно? Не теряй времени на увѣщанія несперпимаго невѣжества!“

Вопшъ опившъ, сдѣланный во имя оскорбленныхъ поѣшовъ:

(*) Это народный герой Испаніи, предполагаемый племянникъ Короля Альфонса Цѣломудреннаго, родившаго Пелагію. Онъ, какъ говорятъ, задушилъ Годанда при Ронсевалѣ. Множество прекрасныхъ, старинныхъ романсовъ сохранилось о его жизни; и даже о его дѣтствѣ.

„Для чего, господа повшы, такъ мало дорожите вы вашею славою? Соединитъ вмѣстѣ шруды наши, и — не знаю кто осмѣлился на нихъ валасшь!

„Плохо, что вы оспариваете дѣлами, когда васъ называютъ слабоумными, и что вмѣшиваясь въ чужія дѣла, забываете о своихъ собственныхъ.

„Одинъ изъ вашего сословія хочетъ возмутить ваши наслажденія, Иуда изъ среды вашей, ибо всегда найдется Иуда.

„Къ чему послужило Газулю, что онъ сражалъ копьемъ прошивниковъ, если теперь щеголекъ изъ Лены кричитъ, чтобы прекратили замбрасы?

„Если донъ Родриго Испанецъ, Испанецъ и могущій Абдалла, и знай, господинъ Алькадь, что Гвадалаха также Испанка.“

„Если Донна Жуанна хочетъ плясать Испанскую гальарду, замбрасы также Испанскія пляски, ибо Гренада есть Испанія.“

„Какое зло воспѣвать храбрыя дѣла Мавровъ, если пѣть блиспашельнѣ являющія наши славные подвиги?“

„Не годится ни Сиду, ни Бернарду, ни Діегу Ордоннезу де-Ларъ, ни храброму Аріасу Гонзалезу, ни знаменитому Родригу Діазу;

„У копорыхъ обыкновенное было занятіе рыскашь по полямъ — не годится спашъ между любовью и дамами, и начинать пляски.

„Эшо идетъ Музъ, Арболану, Галиану, Зегрисамъ и Алиашаромъ, всегда занимавшимся любовью.

„Не приспало намъ для сего употребляшь
имена изъ подъ знамень Римскихъ, Карагана и
Сагунша, ни нашей опважной Нуманцинъ,

„Ибо Сципионъ бѣгалъ отъ любви, Сцевола
жегъ руки на огнѣ, и Аннибалъ не предавался
ни пласкѣ, ни подвигамъ на шурнирахъ.

„Чтобы песь машадора (*) вырвалъ изъ ше-
бя, злодѣй! душу, за то, что кичась собою,
ты оскорбляешь сполько чеспныхъ людей!

„Пусть Даро, когда ты прикоснешься къ
его пошоку, возмушишь свои свѣшлыя воды, и
да превращаешь для себя сшруи сладкаго Хе-
ниля въ коровью кровь (*).

„Пусть всегда будетъ шебѣ гопова, на пло-
щади народной, висѣлица и веревка, и въ заклю-
ченіе — да побьютъ шебя камнемъ Алпухар-
скіе Мавры!“

Доказательства *Мавританскаго* поэта, ко-
нечно, не сильнѣе доказательствъ *Ульфра-
Испанскаго* поэта, и сей послѣдній, говоря дѣ-
ло, имѣлъ право жаловаться, что рѣшишельно
забыты всѣ прежніе, Христіанскіе герои, для ихъ
невѣрныхъ прошивниковъ. Но, надобно - ли было
чего-нибудь шунъ спрашиться? Славный народъ
долго-ли можешь ошибаться въ своей благодарно-
спи, своемъ уваженіи, и можель-ли навсегда пре-
небречь своихъ защитниковъ-побѣдителей, для вра-
говъ - побѣжденныхъ? Черезъ восемь вѣковъ,
имя Родрига де-Бивара проносятся съ благо-

*) *Матадоръ* (убиватель), дѣйствующее лицо въ
шрауль быковъ.

***) *Даро* и *Хениль*, рѣчки, въ Гренадекой землѣ.

говѣиємъ; а черезъ принадлецашъ лѣтъ послѣ того, какъ Ульшра-Испанцы негодовали прошивъ Мавританскихъ модъ, Филиппъ III-й изгналъ Мавровъ изъ ихъ жилищъ, ушвержденныхъ имъ мирными договорами и—вся Испанія рукоплескала ему, при этомъ не-полишическомъ и неблагоразумномъ дѣлѣ! Кажется, что и лишперашурная *Мауританская* зараза не продолжилась. — *Historia de los Vandos*, напечатанная въ Валенціи, въ 1597 году, была, правда, перепечашана въ Парижѣ, въ 1606 - мь году, съ Словаремъ, для облегченія шѣхъ, кто пожелалъ-бы по ней учитьсѣ Испанскому языку. Ее посвѣщали тогда Маркизъ до-Вернѣиль; ошъ нея родились во Франціи: *Histoire d'Almahide*, Г-жи Скюдери, *Zayde*, Г-жи Лафайѣшшъ, *Nouvelles Africaines* и *Galanteries Grenadines*, Г-жи Вилдѣе, *Aventures Grenadines*, дѣвицы де-ла-Рошъ Гюйльемъ, *Histoire de la conquête de Grenade*, Г-жи де-Гомезъ. И хопя въ нихъ не находимъ ни Боабдила, ни Музы, ни Зегрисовъ, ни Абенсерраговъ, *Clélie*, *Cyrus*, *la Princesse de Clèves*, *Veillées de Thessalie* — всѣ эти созданія въ Мавританскомъ духѣ: дѣйствующія лица взяты съ Мавританскихъ романсовъ, и симъ романсамъ одолжены они своими щегольскими чувствованіями, доспавившими имъ неописанную честь нравиться судьямъ Рамбуйлльешской ошѣли, оплячаясь любовными поединками, ошъ кошорыхъ въ воспоргѣ была Гжа Севинье. Но въ самой Испаніи, *Historia de los Vandos* не имѣла, кажется, продолжительнаго успѣха; по крайней мѣрѣ, успѣхъ ея не былъ опасенъ, и не могъ превозмощить умы шѣхъ, кошорые способны пред-

угадывашъ будущее, и навѣрное предрѣкашъ не, долговѣчность какого нибудь моднаго приспирасшя. Сервантесъ, въ 1605 году, не почелъ эпохой книги даже достойною саширы: въ числѣ книгъ, составлявшихъ библіошеку Донъ Кихота, мы не находимъ ни ея, и ни одного Арабскаго романса; ни о шомъ, ни о другомъ не упоминаешъ добрый священникъ, споль смѣло перебиравшій любимыя недѣлости Донъ Кихота.—Тутъ встрѣчаемъ мы *Бернарда дель-Картио*, *Пальмерина Анекійскаго*, *Діану* Моншемайора, *Араукану* Донъ-Алонзо д'Эрсилла. Вотъ доказательство, что это было тогда въ чести, и что вкусъ Мавришанскій, въроашно, и безъ того слишкомъ увеличенный прошивниками его въ саширахъ, началъ совершенно упадать.

Изъ всего, что мы здѣсь рассказали, можно видѣть обыкновенный жребій липперапурнаго энтузіазма, не отъ сердца происходящаго. Съ окончаніемъ XVII-го вѣка, ни Испанія, ни Франція, ея воспишанница, не думали болѣе о Маврахъ. Онѣ обрашались къ прежнимъ предметамъ своего удивленія.

Только два ручательства могутъ быть за то, что какая нибудь эпоха, событіе, лицо будутъ пользоваться долговременною, прочною памятью народа: надобно, чтобы они были именов народны, или описаны, изображены, рассказаны великимъ геніемъ. Такъ — донныя Испанецъ поешъ романсы о Сидѣ, Германецъ собираешъ свои Нибелунги, Шотландецъ повпоряешъ Галльскія пѣсни, обломки своей древней славы; шакъ донныя мы услаждаемъ пѣснями древнихъ повшовъ Гре-

діи, воспѣвавшихъ вѣліе маленькаго города въ Малой Азіи. Нечего бояться, что не слишкомъ много явились лишперашурныхъ произведеній, имѣющихъ подобныя права на душу человѣка. Гетніи рѣдки — кто этого не знаетъ? Что касается до ихъ событій, до ихъ воспоминаній, которыя тѣсно связаны съ именемъ оптизмы — они слишкомъ ограничены для каждаго народа. Счастлива земля, у которой есть хоть немногія! Она гордо защитила свой участокъ въ общинѣ Поэзіи Человѣчества, и смѣло возьметъ у другихъ, чего нѣтъ у нея, когда можешь съ другими подѣлиться своею поэтическою пам'ятью, своими сокровищами!

Ничего этого не было въ Лишперашурѣ Испано-Мавришанской. Съ одной стороны, ничто не связывало ее съ нравственною жизнью Испанцевъ; съ другой, она не произвела ни одного могущаго гетнія, завѣщавшаго созданія свои міру и безсмертію. Она кончилась послѣ временнаго существованія, имѣвъ свои выгоды и свои неудобства. Ей удалось обезобразить Исторію, навдечь на Испанцевъ упрекъ въ неблагодарности, ввести въ лишперашуру ихъ ложный вкусъ; но она же придала уму Испанцевъ изящное движеніе, Поэзіи ихъ богатство гармоніи. Они, и особенно она, проявила въ благородномъ народѣ Испаніи одно изъ самыхъ высокихъ расположеній человеческого сердца, то, которое заставляешь насъ удивляться изящному, любишь его, каково-бы ни было его происхожденіе, пусть будетъ оно чуждое, даже вражеское. Кажешь, что въ этомъ сочувствіи, въ этомъ всеобщемъ прищженіи, шакъ сказать,

открывается высокое начало человеческой природы. Изначное, являющееся для насъ шамъ, гдѣ мы его вовсе не ожидали, является намъ сокровищемъ Человѣчества, добромъ и честью цѣлаго міра. Это свѣтъ общей нашей отчизны, это истинный языкъ боговъ, который понимаютъ и знаютъ всѣ народы. Да не подумаешь кто-либо, что сіе увлеченіе сердца, сіе обширное и горячее соучастіе, охлаждаешь къ шому, что наше собственное, нашъ участокъ вѣковыхъ истинъ. Тотъ только можетъ оцѣнить лучшее и общее, кто хорошо знаетъ хорошее и свое. Если - бы умѣнье все понимать и чувствовать мѣшало намъ предпочитать одно другому, это была-бы слабость наша, а не чувство души, не умѣнье оцѣнить. Кто стоитъ выше другихъ, шомъ безприсраспенъ, но неравнодушенъ.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКІЯ КНИГИ.

— *Сень-Марсъ*, или заговоръ при Людовикѣ XIII; соч. Графа Альфреда - де-Виньи; пер. съ Франц. А. Очкинъ, 4 ч. Спб. 1829 — 1830 гг. въ ш. А. Плюшара, in 12, 187, 259, 267, 353 стр.

— *Певериль*, Историческій Романъ Сира В. Скопша; пер. съ Франц. А. Писарева и С. Аксакова, 5 частей. М. 1830 г. въ ш. Сшепанова, in 12, 225, 194, 249, 209, 280 стр.

— *Карлъ Смѣлый*, или Анна Гейершшейнская, Дѣва Мрака. Соч. Сира В. Скопша; пер. съ Англ. С. Де-Шаплетъ, 5 частей. Спб. 1830 г. въ ш. Шшаба Ошд. корпуса вн. стражи, in 12, 232, 227, 234, 272, 264 стр.

— *Догъ Шотландскаго лекаря*. Соч. Сира В. Скопша, 2 части. М. 1830 г. въ ш. Универс. in 12, 204 и 234 стр.

— *Богемская двѣдѣль война*. Историческое преданіе VIII столѣтія. Соч. К. Фанъ-дѣръ-Фельда; пер. съ Нѣм. Н. Павлицевъ, 2 части. Спб. 1830 г. въ ш. Шшаба Ошд. корпуса вн. стражи, in 12, 178, 133 стр.

— *Перекрещенцы*. Повѣсть, заимствованная изъ первой половины XVI столѣтія. Соч.

Фанъ-деръ-Фельда; пер. съ Нѣмецкаго. М. 1830 г. въ ш. С. Селивановскаго, in 8, 240 стр.

— *Христина и Дворъ ея*. Историческій романъ XVII столѣтія; соч. Фанъ-деръ-Фельда; пер. съ Нѣмецкаго, С. Де-Шаплезъ, 2 часши. Спб. 1830 г. въ ш. Акад. Россійской, in 12, 197 и 177 стр.

— *Мальтійскій Рыцарь*. Повѣсть изъ послѣдней половины XVII столѣтія. Соч. Фанъ-деръ-Фельда. Пер. съ Нѣмецкаго, 2 часши. Спб. 1830 г. въ ш. Пушей сообщенія, in 8, 147 и 148 стр.

— *Мальтійскій Кавалеръ*. Повѣсть изъ послѣдней половины XVII-го столѣтія. Соч. Фанъ-деръ-Фельда; пер. съ Нѣмецкаго, В. Тило, Спб. 1830 г. въ ш. Ошд. корпуса внутр. спражи, in 8, 254 стр.

— *Посольство въ Китай*. Соч. Фанъ-деръ-Фельда. Повѣсть изъ послѣдней половины XVIII-го столѣтія. Пер. съ Нѣм. В. Лангеръ, 2 часши, Спб. 1830 г. въ ш. Деп. Нар. Просв., in 12, 241 и 137 стр.

— *Флибустьеръ*, Морской разбойникъ, историческій романъ. Соч. Фанъ-деръ-Фельда; пер. съ Франц. Э. С-ва. 2 часши. М. 1830 г. въ ш. Даваревыхъ, in 18, 112 и 89 стр.

— *Найденшицъ*, повѣсть Тромлица. Пер. съ Нѣм. В. Тило. Спб. 1830 г. въ ш. Шлаба ошд. корпуса внутр. спражи, in 8, 234 стр.

— *Лещинскій*, или нашествіе Шведовъ на Польшу. Историческій романъ XVIII-го столѣтія, пер. съ Польскаго, Э. Махновскій. Спб. 1830 г. въ ш. Глазунова in 12, 292 стр.

— *Юлія и Адольфъ*. Соч. Л. К. — Пер. съ Польскаго А. Половцовъ, 2 часши. Спб. 1830

г. въ ш. Ошд. корпуса ви, спражи, in 12, XV, 178 и 146 стр., съ карш. и ношами.

— *Феликсъ и Полина*, или гробъ при по-
подошвѣ горы Юры. Соч. Бланшарда, пер. съ Фран-
цузскаго, 2 часши. М. 1830 г. въ ш. Рѣшетни-
кова, in 12, 133 и 130 стр.

— *Рыцари ложки*. Любопытныя Швейцар-
скія происшествія, собранныя Г-жею Моншолье,
Пер. съ Франц. В. Шипова, 3 часши. Орель,
1830 г. въ ш. Сышина, in 16, 206, 161 стр.

— *Кинжалъ*. Новѣйшій романъ, сочиненіе
знамениаго писателя, Барона Де-Ла-Мотта-
Фуке. Пер. съ Нѣм., 4, часши. М. 1830 г. въ ш.
Лазаревыхъ, in 16, 177, 114, 154 и 118 стр.

— *Свѣтскій человекъ*, или картина замѣ-
чательнѣйшихъ современныхъ харакшеровъ. Пер.
съ Французскаго, 4 часши. М. 1830 г. въ ш. Ла-
заревыхъ, in 12, XXVII, 118, 109, 107 и 266 стр.

— *Берлинскія привидѣнія*, или нечаянная
встрѣча въ маскарадѣ, испинное происшествіе,
Пер. съ Франц. — Последнее сочиненіе Г-жи Рад-
клифъ. М. 1830 г. въ ш. Арм. Инсп., in 16, 37
стр.

— *Елисавета Л**, или несчастіе семейства,
сосланнаго въ Сибирь, и пошомъ возвращеннаго.
Твореніе Г-жи Кошмень, 2 часши, изданіе 4-е.
М. 1830 г. въ ш. Сшепанова и., in 18, 148 и 143
стр.

— *Альфонсъ и Далинда*, или волшебство
искусства и природы, нравственная повѣсть. Соч.
Жанлисъ. Пер. съ Французскаго. М. 1830 г. въ
ш. Лазаревыхъ, in 12, 369 стр.

— *Лалла-Рукъ*. Восточная повѣсть Т. Мура. Пер. съ Англ. М. 1830 г. въ ш. А. Семена, и 16, 74 стр.

— *Страдалецъ*. Повѣсть, почерпнутая изъ записокъ *** М. Ал—въ. СПб. 1830 г. въ ш. Плюшара, in 16, 56 стр.

— *Праздное время Москвича*. Соч. А. Смирнова. М. 1830 г. въ ш. А. Семена, in 16, 36 стр.

Въ библиографіи Телеграфа, за 1830-й годъ, мы упоминали о весьма немногихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, романахъ, вышедшихъ въ 1830-мъ году. Сказавъ о *Димитріи Самозванцѣ*, *Ө. В. Булгарина*, *Монастыркѣ*, *Г-на Погорѣльскаго*, *Өедорѣ*, *Г-на Сумарокова*, *Ягубѣ Скупаловѣ* (неизвѣснаго), *Киреизѣ-Кайсакѣ*, *Г-на Ушакова*, и переводныхъ: *Англійское посольство въ Китай*, *Гусситы*, *Богемскія Амазонки* (*Фанъ-деръ-Фельда*), *Послѣдній день приговореннаго къ смерти*, *В. Гюго*, *Коласъ*, *Цшокке* — мы умолчали о другихъ книгахъ, радовавшихъ и печалившихъ въ 1830 году любитель и любительницъ романческаго чтенія. Намъ хотѣлось собрать побольше романовъ, и вдругъ поговорить о многихъ. Это всего лучше покажетъ общее направленіе романисповъ и читателей нашихъ. Сказавъ прежде о десяти, представляемъ теперь названія еще двадцати чепырехъ романовъ, явившихся въ 1830-мъ году. *Тридцать четыре!* Довольно, судя по числу всѣхъ литературныхъ явленій въ Россіи. Впрочемъ, есть еще и пропущенные нами.

Переберемъ, по порядку, въ какомъ они поставлены нами, *двадцать четыре романа*, означенные въ заглавіи сей спашьи.

Сенъ-Марсъ, А. де-Виньи, занимаетъ первое мѣсто и справедливо. Это швореніе великое. Родъ, къ которому принадлежишь Сенъ-Марсъ по формѣ, есть родъ *Историческій*, В. Скопшовскій. Но А. де-Виньи—одна изъ блестящихъ надеждъ нынѣшней Французской Литтературы, не простой подражатель В. Скопша, но ученикъ—едва ли не превзошедшій своего учителя. Никогда и нигдѣ В. Скопшъ не изображалъ такъ вѣрно, глубоко, такъ естественнo, ни лицъ, ни событій, какъ изобразилъ ихъ А. де-Виньи. Умѣвъ выбрать одно изъ самыхъ спранныхъ, *романическихъ* происшествій, съ неизмѣнною вѣрностью Исторія, онъ изумляетъ насъ поэтическою истиною. Характеры: Людовика XIII-го, Ришелье, Де-Ту, Сенъ-Марса, О. Юсифа, Лабордемона, Маріи Гонзаго, Анны Австрійской—созданія Шекспировскія! Прибавьте къ этому инпересь, мастерски поддержанный, съ начала книги до самаго конца; живую картину Двора, войска, Духовенства, Дворянства, народа Французскаго; толпу второсепенныхъ лицъ: Маріанну Делормъ, Мильсона, Декарша, Бассомьера, щеголя, Оливье, Аббата заговорщика, и проч., въ перспективѣ истиннохудожественной; языкъ самый плѣнительный, обновленный современною школою В. Гюго, Витте, Бальзака, Баранша, Каве, Дишмера, Якоба Библиофила—вошь *Сенъ-Марсъ!*

Поставя въ параллель съ нимъ два романа В. Скопша: *Песериль* и *Карлъ Смѣлый*, мы

будемъ несправедливы къ вешерану Европейской Словесности, ибо это суть два не лучшіе его романа: это не *Иванго*, не *Кенцльвортъ*, не *Ричардъ Въ Палестинѣ*. Искусство рисовальщика, даже, если угодно, живописца, видно, но — шутъ цвѣтиспое, нашянупое искусство, а Сень-Марсъ — высокая, живая природа. Къ большому несчастью, въ *Певериль* вздумалось еще В. Скопшу перенести въ Историческій романъ поэтическое, — чужое созданіе: неловкая ошибка, непроспешельная даже его опытности, не только дарованію! *Карлъ Смѣлый* принадлежитъ къ тѣмъ романамъ, въ которыхъ В. Скопшъ оспявляетъ свою Шотландію. Людовикъ XI-й и Карлъ Смѣлый, герои *Кентеня Дюрварда*, являются снова на сцену, и опять во взаимной борьбѣ. Карлъ погибаетъ въ предпріятіи своемъ прошивъ независимости Швейцаріи. В. Скопшъ, какъ будто самъ чувствовалъ недоспашокъ силы и воображенія въ новомъ своемъ романѣ, и загромоздилъ сей романъ Радклифскими чудесами, и множествомъ вовсе не нужныхъ вставокъ. Первое употребляетъ онъ и прежде, ибо всегда любилъ Радклифъ, и, непоняшно почему, очень высоко цѣнилъ ея произведенія. Угодно-ли видѣть всю слабость пешрой картины В. Скопшовой? Сличите только походъ Карла Смѣлаго прошивъ Швейцаріи, въ романѣ В. Скопша, съ Бараншовымъ, просто-лѣшописнымъ рассказомъ о семъ походѣ. Полошно сквозитъ, и всѣ невѣрныя, слабыя краски художника шеряютъ колоритъ испины.

Дочь Шотландскаго лекаря совсѣмъ не въ родѣ В. Скопша, швореніе слабое, и В. Скопшъ

написалъ его , какъ говорящъ , ошъ скуки , болъной.

Пяшь чучель Фанъ-деръ-Фельда (иначе не льязъ назвашъ его романовъ) пугающъ насъ послѣ шого своимъ безобразіемъ , пошлосью и нелъпосью . Мы уже говорили о сочиненіяхъ сего писателя (Тел. 1830 г. ш. XXXV , стр. 86 и слѣд .) : Просимъ читателей пробъжашъ хоть слегка : *Анабаптистовъ* (по-Русскій названныхъ *Перекрещенцами*) , *Христину и Дворъ ея* , и , особенно , *Посольство въ Китай* . Только совершенное безвкусіе , или коммерческая спекуляція , могутъ заспавишь переводчика шеряшь время на эту вздорную нелъпицу , въ кошорой нѣтъ ни связи , ни истины , ни даже занимательности . Мы двились , и шеперь не надивимся , что Г-да Лангеръ , Павлицевъ и Де-Шаплешъ , при ихъ вкусъ и умъный писашъ , занимающа иногда Фанъ-деръ-Фельдомъ , и издающъ его на Русскомъ языкъ , въ красивыхъ книжечкахъ . Мы порадовались , услышавъ , что Г-нъ Павлицевъ принялся за книгу , доспойную шруда — переводъ *Обрученныхъ* , Манзони — швореніе превосходное . Не совѣспно-ли намъ , Рускимъ , что семь нелъпыхъ швореній Фанъ-деръ-Фельда явились у насъ въ одинъ годъ , и три изъ нихъ даже въ двойныхъ переводахъ , какъ будшо Пешербургъ и Москва спорили объ шпомъ сокровищъ ! Пустьъ переводящъ его дюжинные подрядчики , берушь по 50 рублей за романъ , и печатающъ на обвершочной бумагъ : Фанъ-деръ-Фельдъ замъняешъ въ семь случаевъ Авшоровъ *Милорда Ге-*

орга и *Несчастнаго Никанора*, которыхъ, безъ сомнѣнiя, онъ выше. Пусть переводить его и Г-нъ Тило. Эпошъ почтенный лишператоръ обыкновенно помѣститъ свои переводы сперва въ Журналъ А. О. Воейкова, а пошомъ оппечатанные особо листочки Журнала сшиваешъ вмѣстѣ, и выдаешъ книгою.

Такъ перевелъ и издалъ онъ и *Найденьша*, Тромлицева — пущѣйшую повѣсть записнаго подрядчика повѣстей для Нѣмецкихъ Альманаховъ. Ни переводы, ни изданiя Г-на Тило не обольщаютъ даже самага неопытнаго читателя.

Лещинскiй замѣчалелень только тѣмъ, что это переводъ съ *Польскаго* — рѣдкость въ Русской Литературѣ, и перевелъ еще его *Русскiй солдатъ*. Онъ говоритъ о себѣ въ предисловіи, съ такимъ воинскимъ добродушиемъ, что крипика должна уважить шруды неопытнаго переводчика.

Напрощивъ шого, надобно-бы поговорить, но смѣхъ не позволяешъ намъ сказать ничего о другомъ романѣ (*Юлія и Адольфъ*), переведенномъ съ Польскаго Г-мъ Половцовымъ. Надобно знать, что это романъ въ родѣ тысячи другихъ любовныхъ романовъ: въ немъ, какъ водится обыкновенно, любяшъ, разлучаюшся, плачушъ, спрадаюшъ и умираюшъ. Но на Польскомъ языкѣ онъ увлекаешъ прекраснымъ слогомъ. Читая его по-Польски, прощаешъ мысли за слова. Г-нъ Половцовъ перевелъ Юлію и Адольфа шакъ забавно, что въ самыхъ шрогашельныхъ мѣстахъ романа хохочешъ. „Обильныя и высокія чувства, зарожденіе, росшъ, сила и нерѣдко гибельныя

сладшій возвышеннѣйшей спрасши , здѣсь изоб-
раженныя , сушь причины штруда моего“ — го-
воритъ Переводчикъ. Какъ , въ самомъ дѣдѣ , не
переводишь сочиненія , въ кошорыхъ изображены :
„зарожденіе , ростъ и высокая чувства возвы-
шеннѣйшей страсти.“ Юлія пишетъ къ под-
ругъ : „Онъ , своею любовью , украсилъ во мнѣ
корень добродѣтели , кошорый , другіе на его
мѣстѣ , желали-бы можешъ бышь ослабишь“ . . .
И шакъ далѣе , всего 339 страницъ.

Не менѣе забавенъ переводъ *Септскаго чело-
вѣка*. Это бѣдный *L'homme du monde* , сочиненіе
Ансело. Но шуть забавляетъ особливо важность,
съ какою Переводчикъ смозришь на свой шрудъ.
Для незнающихъ Французскаго подлинника , ска-
жемъ , что романъ Ансело принадлежитъ къ спа-
рой Пиго-Лебрёневской и Пикаровской школь.

Страдалецъ и Праздное время сушь Рус-
скія произведенія , — о кошорыхъ говоритъ зна-
чущъ по пущому шеряшь слова.

Далла-Рукъ — эша очаровашельная повма Т.
Мура , общипанная , сокращенная , является по-
Русски на 14-ши маленькихъ страницкахъ плохой
прозы.

Причина слезъ и вздоховъ читашельницъ въ
началѣ XIX-го вѣка , *Елисавета Л** , Г-жи Кош-
шень , напечатана по-Русски снова , 4-мъ , если
не 5-мъ изданіемъ. Милыя читашельницы перва-
го изданія !

Умъ оиъ старушки . . .

А швореніе Г-жи Кошшень не старѣетъ ,
и , обновленное новымъ изданіемъ , заспавляетъ пла-
кашь внучекъ , какъ плакали надъ нимъ бабушки !

Декабрь 1830.

25

Кинжалъ, Деда-Мошпа-Фуке, Феликсъ и Полина, Бланшара, Рыцари ложки, Моншольё, не ачаемъ были-ль прежде напечащамы, но они принадлежашъ ко временаъ прежнимъ, ко временаъ, когда безъ памяти любили чишашъ Дюкре-Дюменилей, Радклифъ, Ларошъ, Шписса, Арно, Риккобони, А. Лафоншена, и прочее, чъмъ прежде наполнялись книжныя наши лавки, щакъ, какъ шеперь наполняющся они Фанъ-деръ-Фельдомъ, Тромлицомъ, и ш. п. —

Какой-шо зашъгливый переводчикъ всклепалъ сущую напраслину на Г-жу Радклифъ, поспавя въ заглавіи нелъпшйшихъ *Берлинскихъ прищидншй*, что это ея сочиненіе. Для чего это, когда и наспощція сочиненія Радклифъ переспающъ чишашъ? Прежде все было, либо Коцебу и Радклифъ, либо Дюкре-Дюмениля и А. Лафоншена. Такимъ образомъ ещъ на Русскомъ языкъ переводы романовъ: *Марія и Графъ М-съ Живоі мертвецъ, Замокъ Алберта, Подземелья Леонскаго замка, Монастырь Св. Екатерины, Наслъдшица Монтальта, Приключенія Аманды, Пещера смерти, Тайнства черной башни* — воъ съ именемъ Анны Радклифъ; но Радклифъ и не думала сочиняшъ ихъ, а выдумала весь этошъ вздоръ страшная охоща Русскихъ чишашелей къ ея романамъ. Въ старое время: какъ заспавишъ купишъ свою книжонку? думаешъ бывало переводчикъ. Печашай въ заглавіи: *сочиненіе Радклифъ*, и — книжонку покупающъ, чишашющъ, восхищающся. . . .

Альфонецъ и Даллинда, повъсшъ, нынъ ошдъльно изданныя, была нъкогда помъщена въ *Дят-*

скомъ чтеніи, Карамзина и Петрова (М. 1785 — 1789 г.). Въ 1324 г. какой-то смѣльчакъ передѣлалъ эту прекрасную дѣтскую сказку, и выдалъ ее подъ именемъ *Густава Вальдгейма*, назвавъ *сочиненіемъ В. Скотта*. Такъ и до сихъ поръ спойнѣ сія книга въ Русскихъ кашалодахъ. Мы говорили въ Телеграфѣ, въ свое время, объ этомъ лихшературномъ обманѣ.

Что сказать вообще о переводныхъ *романическихъ* явленіяхъ Русской Лихшературы 1830 года? они показываютъ неуспавовишійся еще вкусъ Русской публики, читающей романы. А. де-Виньи, В. Скопшъ, Фанъ-деръ-Фельдъ, Бланшаръ, Радклифъ, Моншолье, Фуке, Ансело, Кошмень — все идешь съ рукъ; иначе, кто же велѣлъ-бы печатать все это? Упѣшиительно, что хорошіе Переводчики (каковы Г-да Очкинъ, Половцовъ и Де-Шаплешъ) берутся однакожь за А. Де-Виньи и В. Скопша, и только уже по какому-нибудь *особенному обстоятельству* принимающся за Фанъ-деръ-Фельда, и ему подобныхъ. Переводъ *Сенъ-Марса* весьма хорошеъ, хошеъ Г-нъ Очкинъ и не могъ вполне передать красоте и силы подлинника. *Карлъ Смѣлый* переведенъ Г-мъ Де-Шаплешомъ съ *Анелійскаго*: такъ поставлено въ заглавіи, хошеъ намъ что-то не вѣрится. Къ сожалѣнію, *Певериль В. Скопша* являешся по Русски въ безобразнѣйшемъ видѣ. *Первую* часть его перевелъ покойный А. И. Писаревъ, на смертномъ одрѣ своемъ, желая заняться чѣмъ нибудь; *четыре* остальныя части перевелъ С. Т. Аксаковъ, извѣстный въ Русской Лихшературѣ забавнымъ переводомъ *Филоктета*, трагедіи Лагарповой,

и весьма плохими переводами *Сатиръ* Буало. Проза Г-на Аксакова еще хуже стиховъ его.

За нѣмъ, почти все оспальное, — Фанъ-деръ Фельдъ, Радклифъ, Фуке, Моншолье, Кошпенъ, Вланшаръ, и проч., если шрудъ людей, кошорые худо знаютъ шопъ языкъ, съ кошораго переводить, а Русскій и шого хуже. Наданія переводовъ Г-дъ Де-Шапленша, Лангера и Павлицева прекрасныя, всѣ - же почти другіе, романы убитые въ переводѣ, добиты еще неопряшношью наданія, вопреки Русской пословицы: *лежаго не бьютъ*.

Словомъ: если-бы кто захошѣлъ *дополнить* свою библиошеку романами, выпшедшими въ Русскомъ переводѣ, въ 1830 году, мы посовѣшова-ли-бы ему купить шолько: *Сенъ-Марса*, пер. Г-на Откина, и *Карла Смьлаго*, пер. Г-на Де-Шапленша. Оспальное, или по самой сущности своей не ошопитъ шруда чинашъ, или засшавшъ серданшся на Русскимъ переводчикомъ.

Объ оригинальныхъ романахъ Русскихъ, выпшедшихъ въ 1830 году, ш. е. *Деупль*, *Федоръ*, *Монастыркъ* и *Киреишъ - Кайсакъ*, мы уже говорили нашимъ чинашелямъ (см. Тел. 1830 г., № 5, 6, и 1831 г. № 2). О *Димитрии Самозванцѣ* помещена была большая сшашья въ Телеграфѣ (ч. XXXII, стр. 193). Впрочемъ, эша сшашья предсшавляла мѣнше, не шолько *не наше*, но даже шакое, съ кошорымъ мы во все несогласны. Мы объяснили собсшвенныя мысли наши вообще о романахъ Ѳ. В. Булгарина въ другомъ мѣсшѣ, и, конечно, будемъ еще не одинъ разъ нѣшъ случай говоршъ объ нихъ.

— *О усовершенствованіи сельскаго скотоводства.* Рѣчь, произнесенная въ собраніи Общества Сельскаго Хозяйства, въ Минхенѣ, 10 Февраля 1824 года, Шпашскимъ Сов. Ф. Гацци. По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, переведено съ Нѣм., и напечатано спараніемъ ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества. Переводилъ К. Зейдель. Спб. 1830 г. въ ш. Академіи Наукъ, in 8, 152 стр.

Полпорасша спраницъ, съ одной спороні прочишашъ, а съ другой прослушашъ за одинъ разъ, въ засѣданіи Минхенскаго Общества — надобно было имѣшь *Нѣмецкое* шерпвнѣ, или весьма сильную спрасшь къ Сельской Промышленности! Но, переведенную Г-мъ Зейделемъ, рѣчь Гацци можно посовѣшовашъ каждому Сельскому хозяину и помѣщику прочишашъ у себя дома, на досугъ, и съ замѣчаніями.

Опытный и ученый Гацци разсмаприваштъ подробно, чшѣ спарались дѣлашь донныѣ, вообще въ Германіи, и въ Баваріи особенно, для усовершенствованія существующихъ, и разведенія вновь лучшихъ породъ рогатаго скота, лошадей, овецъ, козъ, свиней. Показывая при томъ ошибки людей, занимавшихся сими предметами Сельской Промышленности, онъ говоритъ о систематическомъ, полномъ усовершенствованіи екшководства вообще. Историческія и практическія свѣдѣнія, кошорыя можно получить изъ сочиненія Г-на Гацци, весьма замѣчательны, особливо касательна исторіи коневодства и шонкошерпныхъ овецъ въ Германіи. Любопытно также, чшѣ Г-нъ Гацци предполагашъ еще возмож-

нымъ прибавишь къ предметамъ сельской производимости (снр. 133). Пожелаемъ, чтобы Русскіе хозяева, читая сочиненіе Гацци, думали о приложеніи выводовъ его къ Россіи, во всемъ помъ, что позволяешъ мѣстность и особенный характеръ нашей Сельской экономіи.

— *Краткая Физическая Географія*. Сочиненіе Г-на Макларена. Переводъ съ Англійскаго. Для воспитывающихся въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Спб. 1830 г., въ ш. Морск. Кад. Корпуса, in 8, 224 стр.

— *Теорія и практика Морской Артиллеріи*. Великобританской службы Генералъ - Майора Сиръ Говарда Дугласа. *Предложена* съ Англійскаго языка на Французскій, съ примѣчаніями, А. Ф. В. Шарпаншье капитаномъ Аршиллеріи, и проч. Съ Французскаго на Россійскій языкъ *предложена* въ 1829 году. Спб. 1830 г., въ ш. Морской, in 8, 178, 68, 94 и 56 стр., съ табл. и рисунками.

Издаемъ сихъ книгъ, Русская Литература обязана попечительности начальства надъ Русскимъ флотомъ, и зависящими отъ Морской части заведеніями. Первая напечатана для преподаванія въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ; другая для употребленія нашихъ флотскихъ артиллеристовъ.

Мы говорили уже нашимъ читателямъ объ учрежденномъ въ Англии, подъ предсѣдательствомъ Брума, *Обществе для распространенія полезныхъ знаній* (S. for the diffusion of useful knowledge). Между прочимъ, издаешъ оно для про-

спонороднаго чшенія небольшія руководства, по разнымъ наукамъ и знаніямъ. Сія руководства продающся п порознь; но вмѣстѣ съ ручными книжечками по разнымъ ремесламъ и художествамъ, соспавляютъ они шакъ называемую, *Библиотеку полезныхъ знаній* (Libr. of useful knowledge). Каждая книжечка пишешся по данному ошъ Общешва плану, и предспавляетъ свой предметъ, сообразно современному сосполю онаго. Макларенова *Физическая Географія* принадлежатъ къ сей *Библиотекѣ*.

Разсматривая оную, видимъ вробще Англійскій, новый способъ ученія (*), и методу, приняшую Врумовымъ Общешвомъ: практичка, ясность, всевозможное удаленіе ошъ ученой *техники* и *теорій*, всевозможное приложеніе къ опытамъ. Для народнаго чшенія въ Россіи, Маклареново сочиненіе не годя сля. Во - первыхъ, соспавляя звѣно, въ ряду другихъ, подобныхъ ей книжекъ, ошъ Врумова Общешва издаваемыхъ, она оспавляетъ, взяшая сама по себѣ, ошдѣльно, многое неполнымъ, дополняясь другими книжками; во вторыхъ, чувствительна разница въ потребностяхъ и въ степеніи образованія народа Англійскаго и Русскаго. О чемъ Макларенъ не хочешъ и упоминашь, шо у насъ необходимо сказашъ надобно; многое-же, о чемъ онъ распространяешся, у насъ вовсе излишне. Желательна, чтобы наши Гео-

(*) *Новый*, а не *казенный*, существующій въ казенныхъ школахъ и даже Университетахъ Англійскихъ: они погружены еще въ нестерпимый схоластикъ!

графы обратили особенное вниманіе на Макларенову книгу, и, сообразивъ его систему, сдѣлали *приложеніе* оной для Русскихъ, простыхъ чинашелей, и для обученія дѣшей. Книга Макларена будешь еще имъ полезна и пошому, что въ ней собрано многое, открытое въ последнее время, о чемъ въ нашихъ учебныхъ Географіяхъ еще и поминна нѣтъ. Тутъ найдутся открытія Парри, Скорезби, Гумбольдта, Броуна, Причарда и другихъ. Такъ, напримѣръ, изъяснены въ ней, просто и кратко, *изотермическія протяженія климатовъ* — превосходная идея Гумбольдта, о которой наши географы не разсуждали заблагоумыя говорить въ своихъ книгахъ, следуя прежней системѣ наши круглыхъ климатовъ, шакъ-же какъ следуемъ мы шарому Юліанскому лѣточисленію. Оно, конечно, легче, и менѣе пребуешь шруда при составленіи учебной Географіи; но въ Англии шакъ не думаютъ, и по сему-шо, мы полагаемъ, что за переводъ Маклареновой книжки, во многихъ отношеніяхъ, намъ должно бытъ благодарными.

О книгѣ Сира Дугласа, Рецензентъ судить не можеть, не будучи артиллеристомъ; но за достоинштва сей книги ешь добрые поруки. Она была написана Авшоромъ послѣ войны Англичанъ съ Американцами, въ 1815 году. Англичане увидѣли тогда превосходство Американской морской артиллеріи, и Дугласъ, первый предложилъ Англійскому морскому начальству усовершеншвованія, необходимыя для уравненія съ Америкою. Книга его состоить изъ чешырехъ отдѣлений: 1) теорія и практика Артиллеріи вообще,

и приложение оныхъ къ морской артиллеріи ; 2) о морскихъ артиллерійскихъ орудіяхъ; 3) о снабженіи, выспрѣлахъ и употребленіи сихъ орудій. *Четвертое* отдѣленіе содержишь въ себѣ практическія замѣчанія Дугласа о нѣкопорохъ морскихъ бишвахъ Американскихъ и Англійскихъ кораблей, въ послѣднюю Американскую войну. Англійское Адмиралшейство изъявило Дугласу совершенную признательность за его трудъ, и по его совѣту многое измѣнено въ Англійской морской артиллеріи. Дюпенъ говоритъ о книгѣ Дугласа, въ своемъ: *Voyage en Angleterre*, какъ о сочиненіи превосходномъ. Это побудило Французскаго артиллериста Шарпансье перевести книгу Дугласа на Французскій языкъ. Русскій переводъ отдѣланъ съ перевода Шарпансье, при чемъ соблюдены его и Дюпеновы замѣчанія. Все это доказываетъ пользу и важность появленія Дугласовой книги на Русскомъ языкѣ. Переводъ оной ясенъ и хорошъ.

П И С Ь М А

изъ Греціи въ Парижъ, въ 1829 году.

III.

Всѣ поминашъ, въ какомъ опчаянномъ положеніи находилась Греція въ то время, когда Графъ Капо д'Испрїа опсправился принявъ управленіе надъ нею. Половина Морен во власни Ибрагима; опспальныя крѣпости въ повелѣніяхъ вождей, коихъ себллюбивое и непокорное поведеніе причинило гораздо болѣе вреда Греціи, чѣмъ всѣ усилія Турковъ; Аѣины, гошовыя насиль; Миссолонги уже взяшая; вездѣ голодъ, упадокъ духа, безначаліе и совершенный недоспашокъ во всѣхъ денежныхъ пособіяхъ: шаковы были опсполнѣштва, когда Графъ Капо д'Испрїа вышелъ на берегъ опспровка Этини, и выбралъ первыми своими придворными нѣсколько рыбаковъ, избѣгнувшихъ Ипсарскаго истребленія. Между нѣмъ какъ Колокопрони закапывалъ свое золото въ Карипентъ, Грива укрѣплялся на скалахъ Паламиди, а Гура, съ вышины Акрополиса Аѣинскаго, вызывалъ шакой-же жребій, какой испышалъ чрезъ него Одиссей, новое Правительствво пышалось водворить миръ, раздавалъ оптъ Европейской благошворительности, хлѣбъ синарикамъ, вдовамъ и сиротамъ, голоднымъ.

Таково было происхождение ншой важной роли, какую начала играть на Восшокъ Этини;

шакъ , голое прибрежіе , неочищенная гавань и беззащитная деревушка сдѣлались шеапроиъ важныхъ событій , въ конхъ заключаешся будущая судьба Греціи . За чепыре года не лья было соснавишь себѣ полной идеи о Грекахъ , не шолько поболшавшишь въ грязи Смиривской , или Константинупольской , но даже и наблюдавши какой нибудь одинъ , опдѣльный пунктъ , морской , или горный , гдѣ вопросъ о независимости занималъ умы дѣяшельно . Теперь , когда всѣ выгоды соединения вокругъ одной , безпрерывно усиливающейся власши , Эгина , по моему мнѣнію , замѣняешъ объездъ по всѣмъ частямъ Греціи .

Такимъ образомъ , я могъ ушѣшнись въ шомъ , что мало проникъ въ эшу Румелию , гдѣ , по видимому , заключаешся главное зерно свободы ; я могъ менѣе жалѣшь о шомъ , что не посѣщилъ Самосцевъ на ихъ оспровѣ , кошораго почва не была осквернена Турками , и Сфакіошовъ , кошорымъ желаю , чтобы ихъ долѣе упрекали за шо , что они не повѣрили сладкорѣчивымъ обѣщаніямъ Сулеймана-Паши .

Всѣ сполиты , сближая въ одну шочку различные элементы , соснавляющіе каждое государство , подвержены одинакому неудобшву : шамъ шеряющся цвѣща и скрывающся всѣ противоположности , въ однообразіи Дворовъ . Но въ Эгнѣ не доснаешъ , именно шого , чтобы уровень власши прошелъ по характеристическимъ физиономіямъ . Посмошрише на эшо песшрое народонаселеніе , на эшо смѣшеніе нарядовъ , наръчій , обычаевъ , на эшу разнообразную шолпу , шѣснающуюся въ гавани , въ кофейныхъ домахъ , на площа-

дахъ. Никогда Агора Аѳинская не оглашалась кликами болѣе смущенными и прошиворѣчивыми. Новостми распроспраняющіяся, рѣчи обвиняющіяся, самыя непріязненные угрозы высказывающіяся съ доврѣчивымъ просподушіемъ: кажешся, ежеминуш, но можно ожидаешъ общаго взрыва. Сполько говорили, что Президентшъ надоѣлъ, шакъ-же какъ надоѣли его созданія и семейство; сполько говорили о революціи, о кровопролитіи, о мщеніи, и будущъ еще говоришъ завтра, и черезъ мѣсяць; но весь эшоптъ огонь разговоровъ укрощаешся, шакъ-же какъ и у насъ во Франціи, свободнымъ распроспраненіемъ своимъ. Президентшъ, невнимательный по наружности къ симъ пустымъ рѣчамъ, наблюдаешъ мнѣніе и власшвуетъ безпокойными и опасными предводителями. Онъ связываешъ ихъ должностями, почестями, приводитъ мало помалу на лѣшвицу Правительственной іерархіи, и спокойно позволяешъ вырывающіяся частными удовольствиямъ, которыхъ сами дивятся, что не хощають и не могутъ сдѣлать ничего болѣе.

Послѣ пашивѣковаго господства, поддерживавшагося одною силою, и послѣ неизмѣннаго примѣра Турецкихъ или Венеціанскихъ повелителей, ни на одинъ день не складывавшихъ съ себя оружія, и не опускавшихъ подъемныхъ мостовъ своихъ крѣпостей, все эшо происходишъ въ городѣ, опшкрытомъ, какъ наши деревни, гдѣ нѣтъ ни одного солдата въ гарнизонѣ, и гдѣ домъ Президентша едва опшчается опъ окружающихъ его хижинъ нѣкошорою правильностью поспройки. Видно однакожь, что Европейскія идеи коснулись всего эшого: на нѣсколькихъ улицахъ шоссе, и

нѣсколько выровненныхъ площадей придають городу видъ новый, радующій душу послѣ грязныхъ берлогъ воспочныхъ. Но, кажется, что благонамѣренное Правительство не простирало своихъ видовъ далѣе сего, и все, что встрѣчается еще угнѣшительнаго при изученіи сего народа, и сираны, все это относится единственно къ самому народу: шаковы — гавань, гдѣ никогда не бываешь ссоры между мажросами, хижины, гдѣ каждый спитъ безопасно подъ стѣною общей довѣренности, и люди, копорыхъ не нужны судилища, пошому что между ими нѣтъ пресупленій. Не лзя сказать и того, чтобы Президентъ выбиралъ себѣ народонаселеніе, и что брашство, порожденное несчастіемъ, соединило на нѣкоторое время нѣсколько семействъ беззащитныхъ: въ городѣ обиащаютъ всѣ, самые сирашные вожди, копорыхъ неисповства были всего болѣе вредны дѣлу Грековъ. Они и здѣсь возмутили-бы массы народа, если-бы народъ поддавался возмущенію. Такимъ образомъ можно изучаться въ этомъ сблизеніи людей, и видѣть народонаселеніе, по природѣ своей споль мирное, шихое, но имѣющее наружность буйную. Если, вступая въ среду семействъ, вы находите религіозныя чувства безъ хвасливости, особенное уваженіе къ дѣвцамъ и сшарцамъ, согласіе между брашьями, взаимную довѣренность, шихость въ жизни, и весьма немного домашнихъ сплешней; если, продолжая такое изученіе во всѣхъ классахъ людей, вы увидите характерныя черты сихъ частныхъ добродѣтелей нѣтъ разительнѣе, чѣмъ болѣе опуститесь по лѣствицѣ об-

щественной, но не почтете-ли вы себя переосеннымъ въ одну изъ этихъ странъ, гдѣ хладъ прищупляетъ весь пылъ сираспей и скрѣпляетъ узы, связывающіе людей чувствомъ взаимной необходимости? Но, между тѣмъ, никогда столь ясная лазурь не блистала надъ вашею головою, никогда столь тихая и чистая атмосфера не ласкала вашихъ органовъ: это широта Сибариса и Іонія, это климатъ, гдѣ отражающа свои вѣчные празднества Кадикъ и Неаполь, гдѣ Турокъ, не внимательный ко всему, сохраняетъ пылкость для однихъ своихъ вѣчныхъ и ненасытныхъ наслажденій, гдѣ, наконецъ, природа какъ-бы успала производить сильныя температуры, и, кажецца, закоснѣла въ утомленномъ развращеніи, вѣчномъ преплещивіи для успѣховъ добродѣтели и для успій патріотизма и свободы. Спало бытъ, что на этой землѣ происходило много сираспей; спало бытъ, что и человекъ, обитающій на ней, еще очень нова, когда онъ избѣжалъ оны всѣхъ опасныхъ наважденій? Человекъ сей — Грекъ; онъ обитаетъ здѣсь; онъ говоритъ языкомъ Эллиновъ, поколѣній самаго древняго изъ просвѣщенныхъ народовъ Запада; онъ сохранилъ много изъ ихъ обычаевъ, онъ разсѣянъ по всѣмъ городамъ Леванты; онъ сославляетъ шамъ самыя ничтожныя классы, занимается самыя подлыми работами, и едва краснѣетъ оны шого, что его спавитъ образцомъ изюсности и вѣроломства.

Такимъ образомъ, вопросъ о дѣлѣ Грековъ объемлетъ все: въ немъ есть противоположность правовъ и климата, древности воспоминаній и юности народа; самаго дѣла и мнѣнія о немъ;

онъ какъ - бы оправдываетъ , одно за другимъ , опредѣльныя сужденія о немъ , для того чтобы опровергнуть ихъ всѣ вмѣстѣ. Буду-ли и я счастливы въ своихъ быспрыхъ разсмашириваніяхъ , тѣмъ многіе другіе въ длинныхъ сочиненіяхъ ? Во всякомъ случаѣ , поспараемся налагать какъ возможно легче наши мнѣнія , каковы-бы ни были они , для того чтобы не приняли за аксіомы нѣхъ событий , кошорыя для многихъ чипашелей надлежало-бы подкрѣпить цѣлою свишою доказательствъ и подтвержденій.

Родъ Эллиновъ почши вездѣ испребился. Черты лица ихъ вспрѣчающся шолько на нѣкошорыхъ оспровахъ Архипелага. Если-бы въ другихъ мѣспахъ вспрѣшались шакже образцы сіи , шохъ можно опнесши къ вліяніямъ , всегда пошшаннымъ , природы и климата.

Съ давняго времени могущешвенно сблжались съ Греческимъ народомъ жишели всѣхъ земель , занимаемыхъ нынѣ Турками. Побѣды Александра пригошвили сіе распросираненіе ; усшмовленіе и продолжешельное бышіе Восточной Имперіи ушвердили его. Спо различныхъ народовъ вшѣснилось шуда и составило массу , безъ всякихъ опшличешельныхъ примѣшъ , кромѣ общей испорченности. Греки находяшся въ городахъ Сирійскихъ , Египешскихъ , въ Констаншинополѣ и въ большей часши Малой Азій ; слѣдешвенно большая часть нѣхъ , съ конми спалквляющся пушешешвенники , сушъ живое слѣдешвіе сего смѣшенія.

Древняя земля Эллинская мало участвовала въ вшномъ великомъ развишіи. Только одно поколѣніе шамъ увеличивалось значешельно , въ шо

время, когда другія упали подъ бременемъ всякаго рода бѣдсвій. Многочисленными роями вышедши изъ своего опечесшва, Эпира, оно поспешенно захватило всѣ обломки прежнихъ поколѣній, и придало имъ свою физическую организацію, черпы своей физиономіи и свою нравственную силу.

Албанцы давно обихають въ лѣсахъ Эпира; однакожь они осмались народомъ сѣвернымъ. И сила ихъ характера и наружность ихъ — сѣверныя. Я не знаю, до какой степени можно сравнивать сіи шихія переселенія, возобновившія Грецію въ близкое къ намъ время, съ шіями Ахейскими и Дорійскими вторженіями, кошорыя дравле внесли сѣверный элементъ въ Эллинскую образованность. Не смѣю сказать, шакъ-ли лство были запечашлѣны своимъ происхожденіемъ всѣ отрасли, поспешенно опривавшіяся опгъ великаго Фрако-Иллирійскаго древа; но вѣрно ни одинъ человекъ, дѣйствительно знакомый съ древними памятниками, не можетъ не изумляться прѣхавши въ Грецію, когда, спараясь опкрышь въ чершахъ лнца жишелей слѣдъ ихъ сродсшва съ Эллинами, онъ не находитъ почти ничего, кромѣ опроверженія ушвердившагося мнѣнія. Боже меня сохрани, чшобы я хотѣлъ сколько нибудь уменьшить участие, какое споль законно возбуждають обихашелн нынѣшней Греціи! Я думаю, напрощивъ, что лсная оцѣнка прѣбуемыхъ ими наименованій, вызывающихъ невыгодное для нихъ сравненіе, я думаю, что эша оцѣнка возвратила-бы къ нимъ многіе умы, положишелные, и ушомившіеся опгъ неумѣстнаго призыва къ школьнымъ воспоминаніямъ. Прежде все-

го, слѣдствіемъ этого была-бы та истина, что если нынѣшніе Греки не Эллыны временъThemistocles, то они также и не Визанціицы эпохи Копронима и Дуки. Легче объяснилось-бы и то, почему въ новыхъ произведеніяхъ, въ опытахъ искусства и украшенія, нѣтъ никакого слѣда прежней, дивной организаціи, составлявшей величайшую славу древней Греціи? Поняли-бы и то, какъ среди страны, гдѣ, не смѣря на бѣдствіе народа и ошибки Правительсва, все еще живеть вдохновеніе, прелесть и геній, гдѣ въ постройкѣ каждой хижины видѣнь вкусъ, простоты и чистоты, какъ среди этой страны Румелиецъ и Мореецъ продолжаютъ строить свои церкви и хижины съ варварскимъ однообразіемъ и съ холодною безыскусственностью, какъ-бы еще сожалѣя о пѣни своихъ лѣсовъ и защитѣ своихъ скалъ. Меньше дивились-бы также, видя множество людей, говорящихъ нарѣчіемъ Фидіаса, и въ тоже время чуждыхъ языку нашихъ Искусствъ, кошорыя суть ошблескъ Искусствъ ихъ мнимыхъ предковъ. Тогда упѣшились-бы и послѣ вѣчной досады, какую чувствуютъ видя голубые глаза, орлиные носы, бѣлокурые, густые волосы; какъ у Брепоновъ или Германцевъ, и природу сжашую и грубую; переспали-бы искашь воспоминаній объ Аспазіи, глядя на эти головы Теодолинды, съ ихъ Нѣмецкимъ профилемъ, и нарядомъ, заимствованнымъ у спашуй принадлежашаго сподѣшя. Почему народъ сей, какой-бы онъ ни былъ, говоритъ *Греческимъ* языкомъ, это объясняютъ его мѣстопребываніе и вѣроисповѣданіе; также, общее происхождение и

самое обладаніе землею доспапочно показывающъ, что въ немъ должно быть нѣкошорое сходство съ Элинами; но понятно и то, почему онъ еще болѣе похожъ на Славянскія племена, обитающія на всѣхъ горахъ Турецкой Имперіи, до Гемуса. Опъ чего народныя ихъ пѣсни, принесшія, во Франціи, болѣе пользы дѣлу Грековъ нежели бы принесли оной спо шомовъ похвалъ, опъ чего, не говоря о нарѣчій, напоминающъ онъ споль сильно спихошворенія Сербовъ и Булгаровъ? Понятно, какимъ образомъ знамя Греческое служило пункшомъ соединенія для всѣхъ Христіанъ Греческой Церкви, принимавшихъ равное учасіе въ Греческой революціи. Съ такою-же ясностью можно наблюдать двойспвенный ходъ противоположныхъ преданій: съ одной споронны обломки Греческихъ нравовъ и языка, возышающіеся изъ оспашковъ испорченной образованности и уравнивающіе съ неизмѣнною силою двадцать новыхъ народовъ, въ формахъ и правилахъ общеспва упонченного; съ другой самый духъ сихъ народовъ, еще дикихъ, но чиспыхъ, въ несчастіяхъ и общихъ усиліяхъ полагающихъ основаніе Государспва юнаго, сильного, предназначенаго еще разъ послужить преградой для вшорженій съ Востока.

Вопъ почему было предназначено Албанцамъ Христіанамъ играшь споль великую роль въ Греческой революціи. Эшо могущеспвенное поколѣніе, во время оной находилось на краю гибели. Во время господспва Турковъ надобно было вышбирать, или роль преспѣдуемаго, оспаваясь Христіаниномъ, или роль преспѣдовашеля, принимая

Исламизмъ. Вся часть Албанскаго племени, рѣшившаяся быть ренегатами, ошрекалась ошъ своего исповѣданія, не принимая вѣры своихъ властителей. Въ рядахъ ошсцупниковъ она сохраняла свою врожденную силу характера, и упошребляла ее шолько по рѣсчетамамъ своихъ выгодъ. Узнашъ прихоти своего господина, когда онъ силенъ, низвергнушъ его и раздѣлишъ послѣ него наслѣдство, когда онъ едѣлаешся слабъ, вошъ вся нравшвенность Албанца - Мусульманина, едва умѣряемая душевными и шѣлесными свойшвами, шпаринною привязанностью къ нѣкопорымъ республиканскимъ формамъ внушренняго управленія, и неизмѣннымъ шпараніемъ ошдѣляшъ, сколько возможно, свои дѣла ошъ дѣлъ Турковъ. Чшо каешся до ихъ ошношеній къ Хришціанскимъ соошественникамъ, шо эшо были ошношенія братьевъ во время междуусобныхъ войнъ, эшо были, и ошпаюшся донинѣ, сосшрасшія и ненависти, равно чрезмѣрные, происходящія изъ одного источникника шшрасшей и поняшій.

Почши и шключительно занимая Румелію, Албанское поколѣніе, въ разные времена населило и Морею; однакожъ шамъ его первоначальная сила уменьшилась. Народонаселеніе ошшрововъ, гдѣ общее дѣло было поддерживаемо съ упоршвомъ и преданностью, все Албанскіе. Жилели Ипсары, Идры, Спецціи, говоряшъ еще языкомъ горныхъ Эпирововъ. Майна присоединилась къ сему средошчию независимости единшвенно по общности выгодъ и обычаевъ; но, соображая себялюбивые пошупки начальниковъ Майны, кажешся, что они одни не рѣшилишъ-бы произвешти революціи.

Оспрова, дѣйствительно Эллинскіе, исключая Самось, оспались равнодушны къ послѣдствіямъ, или безсильны пріобрѣсти оныя. Кандія, довольно похожая на Майну, не можешь быть увѣрена въ независимости. Не говорю о Малой Азіи, гдѣ народъ, и оспавшіеся Греческимъ, шѣмъ не менѣе народъ Іонійскій.

Оспечашокъ первобытнаго Христіанства, цѣломудренныя семейственныя добродѣтели, о коихъ я говорилъ прежде, и эша неуспрашиваемая сила, опражающаяся въ народныхъ пѣсняхъ, принадлежашъ исключительно Албанцамъ. Они блисшающъ и въ подвигахъ Карайскаки, и въ скромномъ убѣжищѣ Канари. Греческая революція естѣ дѣло Албанцевъ. Совершилась-ли бы она безъ богашствъ, безъ коммерческаго ума, безъ образованности шой огромной массы людей, просвѣщенныхъ и испорченныхъ, кошорыхъ отбросилъ я ни задній планъ? Надобно-ли почипашъ за ничшо усилія Фанариотовъ распроспраняиъ просвѣщеніе, и эшу идею о сопрошивленіи и о единствѣ Греческой Имперіи, шщательно питаемую въ Константинуполь? Другимъ путемъ достигнувъ пѣхъ-же надеждъ, неужели Ипсилантии не заслужили, чшобы ихъ имя было пріобщено къ именамъ Боццарисовъ? Всякой легко поймешъ, чшо эшо уже соспавляетъ разрядъ соображеній, совершенно различныхъ, но болѣе всѣмъ знакомыхъ. Единственная, оспававшаяся для рѣшенія задача была — соединеніе споль разнородныхъ элеменшовъ, и мнѣ кажется, чшо эша задача была ясно видна въ Эгиптѣ. Какъ ни запрудничельны казались пакія сдѣлки, но единство и сила Правительсшва способсшво-

вади ихъ свершенію. Пресшупный надежды нѣкопорыхъ начальниковъ были уничтожены; можно было вѣриць, что ненавистн; вообще не столь глубокиа, какъ о томъ думаютъ, спавушь ослабѣвашь. Довольно было, если власшь болѣе спаралась ушисашь ихъ, нежели поджигашь, какъ то дѣлали прежде. Нравспвенная сила съ одной спороны, богашство и просвѣщеніе съ другой; учаспіе каждаго, цѣнимое высоко, и чувство взаимной потребности заставляли молчашь много предубѣдений. Какъ ми гордились одни своими пріобрѣтенными средспвами, они ощущали внутреннее движеніе, при видѣ эпои нравспвенной силы, кошорой имъ недоставало, и кошорая сдѣлалась ихъ защипою. Касашельно другихъ, имъ было доспашочно обыкновенной надъ всѣми власши пишудовъ и золота: шогда Фанарионы учасшвовали въ дѣлѣ независимости.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Въ испоріи домашней жизни Русскаго крестьянина, равно какъ и всякаго чловѣка другихъ сословій, свадьба составляетъ эпоху. Сіе происшествіе часто имѣетъ большое вліяніе на судьбу цѣлаго семейства. Ежели новопріемлемый въ сославъ его членъ съ хорошими правилами, склонностями и привычками, то сумма благополучія семейства, сверхъ данной, еще на единицу помножается; ежели напрошивъ, то сумма неприятностей, сверхъ данной, также на единицу увеличивается. Въ другихъ сословіяхъ богатство принимается въ расчетъ, и часто случается, что приданое новаго семейственнаго члена даетъ совершенно другой оборотъ печенію дѣлъ домашнихъ. Но этого не бываетъ въ крестьянскомъ быту. Свадьба крестьянская заслуживаетъ особенное вниманіе наблюдателя обычаевъ своими обрядами. Бросимъ взглядъ на нихъ.

Въ крестьянскомъ обществѣ выборъ невѣсты основывается чаще на хорошемъ поведеніи, нежели на наружной красотѣ. При всей своей грубости, крестьяне не пренебрегаютъ и наружною красотой: это у нихъ не послѣднее достоинство. Но качества нравственныя: шикость, трудолюбіе, умъ, добрая

порода — вопль на что они обращаютъ особенное вниманіе. У нихъ не принято, чтобы женихъ ловилъ взоры дѣвушки, увивался вокругъ нея и заранѣе дружился съ своею невѣстою. Отецъ, мать и родные, озабоченные судьбою холостяка, если видятъ въ дѣвушкѣ одну приманчивую наружность и больше ничего, то говорятъ: что намъ въ ней? Взять и сморгнуть только на нее? — Нравственныя достоинства дѣвушки берутъ надъ всѣмъ перевѣсъ; тогда говорятъ: она не повѣса, будешь почтяться родныхъ, любишь мужа, мужъ не будешь безъ рубахъ; она хорошаго рода, а вѣдь хорошая яблонь даетъ хорошія яблоки. Отецъ, мать и родные рѣшаютъ выборъ, и женихъ не прекословитъ. Иногда же выборъ невѣсты зависитъ безусловно отъ воли и власти владѣльца.

Какъ-бы то ни было, но свадьбовство начинается своимъ порядкомъ. Отецъ жениха высылаетъ когонибудь изъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ сватать невѣсту, къ отцу ея. Дѣлаютъ предложеніе. Когда родители невѣсты изъясняютъ на то свое согласіе, то, чрезъ нѣкоторое время, приходитъ къ нимъ отецъ жениха съ нѣкоторыми своими родными, приносятъ съ собою вина и говорятъ имъ: примите насъ къ себѣ въ родство. Мы рады, опивчаешь отецъ невѣсты, коль вы не гребуете нами. Тушь происходитъ приличное или сильное угощеніе. Нарѣченные ошашы даютъ другъ другу вѣрное слово. Жениха здѣсь не бываетъ. Не сморгая на сіе, нарѣченная невѣста заочно даритъ жениха, и даръ вручаетъ будущему своему свекру.

Наканунъ свадьбы отецъ невѣсты дѣлаетъ вечерній пиръ, или шакъ называемую вечеринку.

На сей пиръ онъ предварительно съзываетъ свою родню, и, не начиная пира, ожидаетъ прихода нарѣченнаго сваха съ его роднею. Сей послѣдній приходитъ уже съ женихомъ; приносятъ съ собою вина, пива, пшеникъ, курникъ, и хозяинъ встрѣчаетъ его, ласково привѣщивая: Милослиби прошу! Госпи садятся; пьютъ вино, закусываютъ; чѣмъ Богъ послалъ, какъ говорятъ; но разъ или два чаша зеленого вина обойдетъ госпией, родня невесты осцавдаетъ бесѣду; пиръ же продолжается. Досель угощеніе госпией было шѣмъ, что принесено опцемъ жениха; теперь же отецъ невесты начинаетъ угощать своимъ виномъ и хлѣбомъ - солью. Въ шопъ-же вечеръ такъ же бываетъ вечеринка и у опца женихова. Бесѣды расплорются веселыми разговорами; старыя вспоминаютъ бывшее, разговариваютъ о судьбѣ помолвленныхъ, словомъ, что придетъ на умъ, и все съ родспвенною опкровенностію. Молодые поютъ пѣсни, и бесѣда длится иногда за полночь.

На вечеринкѣ у опца женихова сосцавляетъ ся повзодъ. Лица, въ сосцавъ повзода входящія, суть: дружко, поддружье, отецъ и мать креспыя, какъ со спороны жениха, такъ и невесты, шысяцкій, и такъ называемые дворяне; дружко, которій обыкновенно бываетъ паренъ расплорпный, веселый, говорунъ и балясникъ, какъ просполюдины выражающа, долженъ руководствовать жениха во всемъ, и знать всѣ шайны брака; поддружье помогаетъ ему; отецъ и мать креспыя должны благословлять жениха и невесту, и во время вѣнчанія сплотивъ подлѣ нихъ; шысяцкій — беречь имущество невесты; дворяне

злужавъ для пышности свадебной свиты. Въ лъ повзвъ; кромъ женщинъ, черезъ плечо перекрещиваются цвѣтными платками, а женихъ покрывъ платкомъ, на манеръ женскій.

По утру собираются повзвъ въ домъ отца жениха. Сборъ повзванъ лежить на опшѣственности дружки. Кони для сего набираются лучшіе. Дѣло начинается уборомъ жениха: на него надѣваютъ красную рубаху, пестрыя порты, сапоги, лучший кафианъ, шапку также хорошую.

Одѣвши, ведутъ жениха изъ клѣпки въ избу — принявъ благословеніе отъ родныхъ и крестныхъ опцовъ и матерей. Сперва родной опецъ беретъ образъ, спановится впередъ; сынъ-женихъ дѣлаеть предъ образомъ при земныхъ поклонахъ, и, перекрестясь, прикладываетъ къ образу. Тоже и шѣмъ-же порядкомъ дѣлають родная мать, и крестные опецъ и мать.

По окончаніи священнаго обряда, на жениха надѣваютъ шапку, и надвинувъ ее на глаза ему, сажаютъ за споль. За симъ, сядяся всъ повзжане, пьютъ вино и — закусываютъ. Вскорѣ, всшавши, помоляся Богу, и опять присядутъ; полкомъ опять всшаютъ и уже идутъ изъ избы вонъ. Выходъ ознаменованъ особенною церемоніею: каждому изъ повзванъ должно спунать черезъ порогъ дома напередъ правою ногою и — креститься на самомъ порогѣ. Вышедши во дворъ, дружка указываетъ каждому его мѣсто. Садяся. Тутъ дружка громко кричитъ повзжанамъ: слушай весь чесной повзвъ! скидайте шапки! По гласу его всъ скидаютъ шапки, и, сидя, крестятся и пворятъ молитвы; между шѣмъ друж-

ко, съ образомъ въ рукахъ, обходишь съ молитвою три раза вокругъ поѣзда; попомъ оспаиваешься и говоришь: „Миръ крещёный! Народъ свящёный! благословише нашего Князя къ кресту и къ вѣнцу.“ Всѣ опшвѣчаютъ: „Богъ васъ благословишь, и мы благословляемъ.“ Послѣ сего дружка обращается къ народу, вокругъ спящему, говоря: „И вы, шѣшки — лебедки, молодыя молодки — куны шубки, собольи опушки, волопыя серѣжки, са-„фьянны сапожки — и вы благословише нашего „Князя, какъ опцы съ маперями благословили его.“ Всѣ шакже кричатъ: „Богъ васъ благословишь и мы благословляемъ.“ Дружокъ, отдавъ образъ крестному опцу жениха, ѣдетъ со всемъ поѣздомъ къ невѣстѣ.

Теперь посмошримъ, что дѣлается у невѣсты. Наканунъ свадебнаго дня, она, предъ вечеромъ, ходишь въ баню, изъ коей возвратившись, начинаешь вопишь, обращаясь къ брату и невѣсткѣ:

Спасибо тебѣ, родной братецъ,
 На дровцахъ сухихъ, перелѣшовыхъ;
 А тебѣ родная невѣстущка
 На пару, на банькѣ,
 На мягкомъ, на вѣничкѣ.

Во время вечеринки собираются дѣвушки, подруги невѣсты, и поюшь пѣсню:

Безъ вѣшра, безъ вихора
 Вѣрешка пошашулася,
 Ворошунки ошворилися,
 И болре во дворъ вѣхали,
 Молодые на крыльцо взошли;

Женяхъ Богу молишся ;
 Всѣмъ оиъ низко клонилъся.
 Закидалъся , забросалъся
 Дѣвицы-красавицы ;
 Свѣшь невѣсшушка
 За дѣвушку скоронилася :
 Скоронише меня , дѣвушки ,
 Скорокише вы , подруженьки .
 Прибыль погубишель мой ,
 Разлучишь мою головушку
 Съ ошцомъ , съ машерью ,
 Съ родомъ , съ племенемъ . —

Въ вечеръ запой , какъ скоро госпи выйдутъ въ
 дома ошца ея , невѣсша жалобнымъ воплемъ при-
 чыпаешъ :

Кормилецъ мой , башюшка ,
 Кинулся ты , мой башюшка ,
 На злато на серебро .
 Кормилица моя машушка —
 На цѣшию плашье .
 Запоручили вы меня горькую
 За поруки крѣнкія ,
 Молодехоньку ,
 Зеленехоньку .
 Ахъ , кормилецъ мой башюшка ,
 Ахъ , кормилица моя машушка ,
 Не прймайте вы виной чарочки ;
 Не посолъ вамъ вина чарочка ,
 Не посолъ , не пережѣнушка ;
 Своего посла вы избываеште ,
 Посла вольнаго ,
 Слугу вѣрнаго ,
 Безошѣтнаго . —

Въ предсвадебную ночь , подружки оставляютъ не-
 вѣсшу до ушра . Поушру оиъ ошашь собирающ-

ся къ невѣстѣ. Туптъ она вопишь и причиняешь,
воплями, опца, родныхъ, подругъ и пр.

1. Опца:

Любезный шь, мой башюшка!
Спалось-ли шебѣ, родной мой?
Не спалось мнѣ во всю шемну ночь;
Во всю коченьку я думу думала.
Не шемно стало на дворѣ уже,
Заря занимаешься, —
Мои недруги-разлучники собираются;
Разлучають меня съ опцомъ, съ машерью,
Съ моиѣ родомъ-племенемъ.

2. Браша:

Родимой шь, брашець мой,
Ты поди-ка въ шемный дѣсь,
Ты сруби, сруби березонку,
Загради шь пушь - дороженьку,
Чтобы моиѣ недругамъ
Не дѣся было ни пройши, ни проѣхаша.

3. Подругъ:

Ты поди-ка, моя подружка!
Не прогибайся моя любезная,
Что шебя я не встрѣшила
Посреди пуши-дороженьки,
Посреди двора широкаго,
Супрошивъ крыльца високаго —
Не по снѣси, не по гордости,
За своимъ горемъ великимъ.
Вы не будеша ко мнѣ ходишь,
Зваша на улицу широкою;
Зарастеша ваша дороженька
Травой муравою,

Западушъ ваши сѣднички
Бѣлыми и пушистыми сѣзжкомъ.

Къ женщину, участвующей въ свѣтѣ невѣсны,
она вопишъ шакъ :

Ты поди-ка, моя милая!
(Имя и отчество) !
Я спрошу тебя, надѣючи,
Ты скажи, меня жалѣючи,
Каково живъ во чужихъ людяхъ ?

Ошвѣштъ женщину, тожею воплемъ :

Надо живъ во чужихъ людяхъ
Умѣючи,
Разумѣючи.
Чужи люди, словно шемный дѣсь,
Словно шуча грозная,
Безъ мороза сердце вызлбнешъ,
Безъ бѣды глаза выколуюшъ.
Въ чужихъ людяхъ будь
И покорна,
И пословна.

Послѣ сего невѣсна, не обращаясь ни къ кому,
изливаетъ свои горестныя чувствованія въ слѣду-
ющемъ воплѣ :

Свѣштъ ты, моя волюшка,
Свѣштъ ты, моя нѣгушка,
У родимой машушки !
Куда-шо мою волюшку
Мнѣ пустишь будешь ?
Пущу я мою волюшку
Во чистю поле ;
Пущу я мою волюшку
Во шемный дѣсь.
Въ шемномъ дѣсь она заплушася.

Нѣтъ — нуцу я мою вольшку
 По милымъ подруженькамъ.
 Покрасуйшесь, подруженьки,
 Покрасуйшесь, любезныя;
 Поколь вы у башюшки,
 Поколь вы у машушки;
 А я горькая, горемычная,
 Я уже опкрасовалася;
 Опшущила съ вами я
 Всѣ шушки шушлявилы.

Теперь обратимся къ поѣзду. Опъ изъ дома женихова опца подѣвзжаетъ къ дому опца невѣспы и находиптъ вороша запершыми. Дружка слѣзаетъ съ лошади, спущипся въ вороша, крича : „Ошопри!“ Ему опвѣчаетъ поставленный за ворошами : „Не ошопру ; купи мѣспю , шогда ошопру.“ Дружко спрашиваетъ : „Что тебѣ надо?“ Заворошпый опвѣчаетъ : „Спкляницу вина и волошую гривну , (другіе-же : спѣну денегъ , рѣшело вина,“ — кресплянская опспроша). Дружко наливаетъ ему спаканъ вина и даетъ денегъ ; шоптъ выпиваетъ вино , беретъ деньги и оппираетъ вороша. Поѣздъ вѣвзжаетъ во дворъ , поверпшывается кругомъ на дворѣ , и — идептъ въ избу. Туптъ невѣспы , при вѣвздѣ поѣзда во дворъ опашъ начинаютъ вопиптъ :

Не подѣ вода на широкій дворъ
 Къ моему башюшкѣ взлелѣла ;
 Взлелѣла мон недруги.
 Хошатъ они разлучать меня
 Съ опцомъ , съ машерью ,
 Съ родомъ , съ племенемъ.
 Вспрѣчай шы , мой башюшка ,

Вспрѣчай, моя машушка,
 Своихъ друзей, моихъ недруговъ,
 Недруговъ разлучниковъ;
 Разлучашъ они меня
 Съ ошцемъ, съ матерью,
 Съ родомъ, съ племенемъ.

Попомъ начинаютъ наряжать невѣсту къ вѣнцу; невѣстка начинаетъ расчесывать косу ей и снова заплешать, а она вопить:

Свѣшь шь, моя коса русая!
 Свѣшь шь, мой шелковый косникъ;
 Плечи шь, моя невѣстпушка,
 Плечи косу мѣлко на мѣлко,
 Ваши узлы крѣпко на крѣпко! —

Заплешши косу, невѣсту обуваютъ въ конпы, надѣваютъ кипайчасый сарафанъ или кумачникъ съ золотыми или мишурными кружевами, голову покрываютъ фашою, и введши въ избу, сажаютъ за столомъ. Подлѣ нея садится мальчикъ, братъ или выбранный для сего изъ родныхъ, или и чужой. Женихъ и повѣзжане споятъ. Тушъ дружка выходитъ изъ шолпы, бьетъ плешью по столу, крича на мальчика: „Зачѣмъ съѣлъ не въ свое мѣсто? выдь изъ-за стола!“ „Не выду, ошвѣчаешъ мальчикъ; я продаю сеспру; купи ее, тогда выду!“ — Чшо тебѣ надо за нее? — Сшаканъ вина и золошою гривну. Дружка подноситъ ему вина, даетъ денегъ, и мальчикъ выпивъ вино, взявъ деньги, прощается съ сеспрюю родною или мнимою — выходитъ изъ за стола. — Опцы и мапери начинаютъ благословлять невѣсту, такъ же какъ и жениха. Попомъ, опецъ велишъ жениху взяшъ невѣсту за лѣвую

руку, и сажаетъ ихъ за споль. Всѣ садятся. Тушъ начинаютъ пить, закусывать всѣ, кромѣ жениха и невѣсмы; имъ до вѣнца не дають ни пить, ни ѣсть, ибо они гошоваются къ шамиспу. Предъ ними на споль лежатъ скаперши, свернушыя, и ложки черенками ошъ нихъ прочъ.

Во время пированія побада у ошца невѣсмы, подруги ея, дѣвушки и молодыя женщины, играютъ пѣсни про жениха, обыгрываютъ поѣзжанъ, и наконецъ жениха съ невѣсшою вмѣшъ. Вотъ нѣкопорыя пѣсни:

1-я.

Прилетѣли вольны пшашечки
 Изъ-за моря, моря синяго;
 Переархиваютъ пшашечки
 По чисту полю, по кусникамъ,
 Всѣ любятъ по парочкѣ.
 Только добрый молодець . . . N.
 Въ свѣщѣ бѣломъ сиротинушка;
 Онъ тоскуешъ, какъ горька кокушечка;
 Горючими слезами залпвается
 Безпріютная голодушка;
 Никшо къ дѣвицушкѣ бѣдному,
 Никшо въ свѣщѣ не принашивается,
 Словомъ ласковымъ, привѣтливымъ
 Сиротинушки не радуешъ.
 Онъ пойдешъ-ли въ поле чистое,
 Чтосбъ размыкашъ шамъ кручинушку,
 Свое горе и тоску - печаль;
 Тоска, горе безосвязныя.
 Онъ пойдешъ ли во шемны лѣса, —
 Не скрываетъ шамъ кручинушки.
 Изываетъ все сердечушко
 Ошъ печали въ доброшъ молодцѣ.

Внѣшъ , сохнешъ въ одиночествѣ ,
 Будшо правка среди поля дикаго .
 Не мнѣ молодцу и Вомиѣ свѣшъ .
 Одна Н смалнлась
 Надъ бѣднѣшкой , сиротиноушкой ,
 Приласкала , приголубила
 Безирѣшную головушку ;
 Полюбила красна дѣвушка
 Н дѣшинушку ;
 Приодѣла фашой шелковою ,
 Назвала его дружкомъ миленькимъ —
 И прошла его печаль - кручинушка !

2-я.

Не было вѣшру , да повянуло ;
 Не было гостей , да наѣхало —
 Положъ дворъ золошыхъ карешъ ,
 И Воляръ , и Князей ;
 Вышухали , выпугали
 Соловья изъ саду зелѣнаго .
 Расклакали дѣвцы ,
 Расшумились красныя ,
 О своемъ соловушкѣ ,
 О красѣ дѣвичьей .
 Не плачь , не шуми ;
 Солью шебѣ золошу чару ,
 И воймаю соловья въ саду . —

3 я.

Черна ягода смородина
 Прилежала къ крущу березку ;
 Прилежали кудри русма
 Къ лицу бѣлому , румяному ;
 Русм кудри по плечамъ лежать
 На Н (имя и отчество женика) ;

Декабрь 1830.

27

Брови черны, что у соболя,
 Очи лсны, что у сокола,
 Слышишь-ли (опять имя и ошчество его)?
 Мы тебѣ пѣсню поемъ,
 По имени называсмъ,
 По ошчеству величасмъ;
 Сшанешъ даришь,
 Сшанемъ хвалишь;
 Не сшанешъ даришь,
 Сшанемъ коришь.

Тутъ женихъ даришь дѣвушекъ деньгами. Пошомъ
 обыгрываютъ сваху:

Ты, хорошая боярыня,
 Хорошо наряженная,
 Въ большое мѣсто посаженная,
 (Имя и ошчество ея),
 Слышишь-ли, мы тебѣ пѣсню поемъ, и проч.

Далѣ обыгрываютъ каждого поѣзжанина поименно:

Ахъ, мы умиа головушка,
 Ты окладиста бородушка!
 Ты охошникъ по прагъ ходишь,
 Пѣсни слушаши;
 Ты охочъ пѣвиць даришь,
 Не рублемъ даришь, не полшиною;
 Не полшиной, волошою гривною.
 Слышишь ли? и пр. и пр.

Веселіе пира оканчивается слѣдующею пѣсню:

Ты камка, камочка моя,
 Ты камка мѣлкошравчатая,
 Мѣлкошравчатая, узорчатая!
 Не давайся никому развѣртынамъ,

Ни князю, ни барину,
 Ни сему госпину.
 Онъ волю надъ шобомъ взялъ —
 Шелковую фану приподнялъ;
 Онъ свою невѣсту выгладѣлъ,
 Выгладѣлъ, комаскошрѣлъ: —

Наконецъ наснааетъ минуша, съ копорой невѣсша уже не будешъ болѣе принадлежать родителскому дому, оплешинишь опъ своего роднаго гнѣзда, гнѣзда шеплаго, и оплешинишь навсегда, съ копорой кончнша сирое одиночество молодаго парня; онъ будешъ имѣишь спущницу жизни и дѣлишь съ нею горе и радость. Дружко произносишь слово: пора! и весь поѣздъ шумно вспнаешъ изъ за спшала; всѣ выходяшь, шакже спущая чрезъ поѣрогъ избы правою ногою и кресплясь. Невѣсшу и жениха ведущъ ошець и машь креспные. Подопедни мѣ шѣлегѣ или саямъ; женихъ сажаетъ невѣсшу; самъ-же садннся рядомъ съ креспнымъ опцемъ и шысацкимъ въ шѣлегу или сани, а иногда и верхомъ. Ёдушъ со двора къ вѣнцу. Но, опѣхавъ немного опъ дома, весь поѣздъ опшанавливаешся; дружко и поддружье ворочающся въ домъ опца невѣсшы, выкупншь ея поспель. Тушь дружко дарншь подругъ невѣспннхъ деньгами и поишь виномъ. Ему опцающъ невѣспнну поспель. Пошомъ поѣздъ уже безоспановочно ѣдешъ до церкви.

На пушн къ церкви шри вѣспрѣчи должно поишь виномъ — изъ опасенія, чшобы злой человекъ, какъ прешслюднны вѣрншь, не спазнлъ

новобрачныхъ, или не перешель дороги, ибо, по ихъ суевѣрному понятію, это полагаетъ основаніе нелюбви между мужемъ и женою. По прѣздѣ къ церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту; крестные отецъ и мать ведутъ новобрачныхъ, а дружка и подружье идутъ къ Священнику звать его совершить надъ ними шаинство.

Обрядъ Церкви всѣмъ извѣстенъ и для всѣхъ одинъ. У простолудиновъ, по окончаніи онаго, Священникъ заставляетъ новобрачныхъ также проскрашно ѣловаться. Въ шрапезѣ церкви, головной уборъ новобрачной изъ дѣвичьяго перемѣняютъ въ женскій, ш. е. вмѣсто плацка, надѣваютъ на голову ея повойникъ, на него кокошникъ или волосникъ, и обвязываютъ шапою.

По совершеніи шаинства выходятъ — мужъ опять сажаетъ жену, и весь поѣздъ ѣдетъ въ домъ отца его. — На возвратномъ пути дружка и подружье всякому встрѣчному кланяются, привѣщивая: „Милости просимъ къ нашему новобрачному князю на сыръ каравай!“ Встрѣчающіеся ошѣщиваютъ на поклонъ и зовъ только вклономъ.

Прѣздъ поѣзда въ домъ спорожаетъ. Въ воротахъ кто-нибудь изъ родственныхъ мужчинъ спонитъ, и какъ скоро поѣздъ спанетъ въѣзжаетъ въ ворота, по его осыпаютъ хмѣлемъ. Далѣе — у крыльца избы, отецъ и мать ожидаютъ молодыхъ съ образомъ и хлѣбомъ - солью. Молодые подходятъ, молятся образу; потомъ отецъ и мать вводятъ ихъ въ избу и сажаютъ за столъ вмѣстѣ со всеми поѣзжанами. — Черезъ нѣсколько минутъ дружка и сваха ведутъ ихъ въ другую избу, или въ клѣткъ.

Подходятъ — двери запершы изнутри. Тамъ изгоповлена для молодыхъ постель, на которую предварительно кладутъ мужа съ женою, согласно живущихъ, для, какъ говорятъ, обогрѣнія оной. Сии послѣдніе на спукъ дружки опираютъ двери и молодые входятъ. Здѣсь уже подносятъ имъ вина, сажаютъ за накрытый столъ, кормятъ, какъ слѣдуетъ, поятъ пивомъ; наконецъ, раздѣвъ и уложивъ, запираютъ.

Между пѣть въ избѣ идетъ, пакъ называемый, горячій столъ для поѣзанъ и госпей. Здѣсь многокрашно чаша зеленого вина и спаканъ пива обходятъ шумную бесѣду пирующихъ. Пиръ идетъ, но дружка помнитъ свое дѣло, часно прислушивается у двери, не проснулись-ли молодые: на немъ лежитъ обязанность важная. Но молодые проснулись, дружка слышитъ, опрочемъ бѣжитъ въ избу, беретъ сваху и идетъ съ нею поднимать съ постели молодыхъ. Они развѣдываютъ завѣтную тайну брака, и — введши молодыхъ въ избу, не скрываютъ оной отъ отца и мащери, и родныхъ. Тайна дѣлается гласною; шумъ внезапно подымается крикъ, спукъ, громъ, пьютъ вино и пиво, бьютъ рюмки, спаканы, посуду — все, что попадется, и поютъ пѣсни. Молодые здороваются съ опцемъ и мащерию, и всѣмъ почтительно кланяются. Дружка, опецъ и мащ кресные, опправляются званъ отца и мащ невобрачно въ госпи, съ ихъ роднею; сии госпи называются *гарными*.

Прежде гарнаго стола молодые начинаютъ дарить, кого и чѣмъ могутъ; всего чаще на сии дары употребляются плашки. Сія церемонія про-

исходишь слѣдующимъ порядкомъ: дружко на блѣдѣ подносишь свернушый даръ къ шому, кого хощашъ даришь; поддружье — сыръ каравай, ш. е. изрѣзанный въ куски курникъ; креспный ошець новобрачнаго — спаканъ вина. Дружко вызываешъ шого, кого слѣдуетъ даришь, симъ забавнымъ прѣвѣщивіемъ:

Во горницѣ во свѣтлой,
 Во бесѣдѣ во чесной,
 Кшо ешь *такѣй-та* (ниа и ошчесиво)?
 Изволь повмстунить,
 Книжова челобнища повмслушашъ;
 Въесть челоуъ князь съ княгнєю
 Сырнѣ караваемъ;
 Сыръ каравай прикише,
 А волошюу гривну положише.
 Наше дѣло на новѣ;
 Много надобно:
 На шидца,
 На кмаьца,
 На кривыя верешенцы;
 На шоккіа полошенцы.
 Надо намъ коня купишь —
 Воду возишь;
 Вода-шо хощь и близко,
 Да ходишь-шо склизко. —

Съ симъ словомъ молодые падають въ ноги и лежатъ на полу. Вызванный къ дару беретъ спаканъ съ виномъ или пивомъ, пьешъ, и, если захочешъ, съ оспановкою; пріоспановаясь-же гово-ришь: *горько!* Молодые должны понимаць, что значишь слово: *горько!* Они должны вспашъ, поцѣловашъся и — ошашъ упасъ въ ноги. Эшо иво-да продолжается до нѣсколько разъ, и значишь

ломаться надъ молодыми. Когда-же кончили съскакать, що береть съ блюда даръ, упираешься имъ, и, закусивъ курникомъ, кладешь сколько ни будь денегъ. Молодые вспаюнтъ и оба цѣлуютъ его. Такъ дарашъ всѣхъ почешныхъ госпей!

Передъ вечеромъ отецъ новобрачной, или свахъ, приходилъ съ многолюдною шолою родни и бываешь угощаемъ со всѣмъ радушиемъ, ласкою и привѣпливоспю. Въ шопъ-же день или на другой, свахъ съ молодыми, и нѣкопорыми родными, пируеть у сваха. И симъ оканчиваешь все шоржество свадьбы.

Андрей Леопольдовъ.

1831 года.

Саратовъ.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВСѢХЪ ЯЗЫКОВЪ ЗЕМНАГО ШАРА.

(Продолженіе).

Е В Р О П А.

ЯЗЫКИ ИБЕРІЙСКО-ЦЕЛТИЧЕСКІЕ.

I. БАСКСКОЕ, ИЛИ ИБЕРІЙСКОЕ ПОКОЛѢНІЕ.

— Языки умершіе, народовъ: *Турдетанъ*, *Лузитанъ*, *Кантабровъ*, *Карпетанъ*, *Цельтиберіанъ*, *Васконовъ*, *Астуровъ*, *Турдуловъ*, *Флеретовъ*, *Аквитанъ*, *Осковъ*. Немногія надписи сушь единственныя памятники языковъ, которыми говорили вышеозначенныя народы, жившіе въ Испаніи, и ошчаспи въ Галліи (Франціи) и Италіи.

— 154. *Эскуарасскій*; или *Баскскій*, языкъ обипашелей Бискаіи и Наварры, есь единственный живой ошашпокъ языка древнихъ Иберійцевъ.

II. ЦЕЛТИЧЕСКОЕ ПОКОЛѢНІЕ.

— Языки умершіе, народовъ: *Битуриговъ*, *Эдовъ*, *Сеноновъ*, *Паризовъ*, *Венетовъ*, *Аллобруговъ*, *Секвановъ*, и другихъ обипашелей древней Галліи; *Бельговъ*, *Треверовъ*, *Нервовъ*, *Меннаповъ*, и другихъ обипашелей древней Бельгіи; *Силуровъ*, *Иберновъ*, *Скотовъ*, *Кантовъ*, и

другихъ обитателей древней Британіи; *Гельветовъ*, *Боіовъ*, обитателей на югъ древней Германіи, *Лигуровъ*, *Исубровъ*, *Ценомаговъ*, обитателей древней Италіи, *Цельтовъ* древней Иберіи (Испанія) и проч.

— 155. *Галлическій*, или *Эрскій*, въ Ирландіи, верхней Шотландіи, и на островахъ. Это языкъ *Оссіана*.

— 156. *Кумбрскій*, въ нѣкошорыхъ областяхъ Франціи (*Бретонскій*), и въ Англіи (*Вельшскій*, *Валлонскій*, или *Валлійскій*).

ЯЗЫКИ ТРАКО-ПЕЛАЗГІЙСКІЕ, ИЛИ ГРЕКО-ЛАТИНСКІЕ.

I. ПОКОЛѢНІЕ ТРАКО-ИЛЛИРІЙСКОЕ.

— Языки умершіе, народовъ: *Фригійскій*, *Троянскій*, *Вивинійцевъ*, *Лидійскій*, *Карійскій*, *Киммерійскій*, *Мизійскій*, *Даковъ*, *Гетовъ*, *Македонскій*, *Иллирійскій*, *Панноновъ*, *Венетовъ*, *Сиколовъ*, и др.

— 157. *Албанскій*, или *Арнаутскій* (*Скипарскій*), языкъ нынѣшнихъ Албанцевъ, или Арнаушовъ.

II. ПОКОЛѢНІЕ ЭТРУССКОЕ.

+ 158. Языкъ *Этрусковъ* или *Тирреновъ*. Имъ еще говорили при Императорѣ Клавдіи. Нѣсколько письменныхъ памятниковъ сего языка дошло до насъ.

III. ПОКОЛѢНІЕ ПЕЛАЗГО-ЭЛЛИНСКОЕ.

— Сюда причислишь должно древнихъ *Пелазговъ*, *Лелеговъ*, *Перреговъ*, *Феспротовъ*,

Молоссевъ, Критянъ, Эвотровъ, Аркадль, Тирреновъ, Эллинговъ, или Грековъ.

+ 159. *Эллинскій, или древній Грегескій* — языкъ Омира и Пандара, Иродота и Фукидида, Эсхида и Аристофана, съ его разными нарѣчіями, какъ-то: *Іонійскимъ, Дорійскимъ, и проч.*

— 160. *Ромейскій, Апла-Эллинскій, или Новоегрегескій, съ нѣсколькими нарѣчіями.*

IV. ПОКОЛѢНІЕ ИТАЛИЧЕСКОЕ.

— Языкъ древнихъ *Опиковъ, или Аборигиновъ Италіи*: *Эвгановъ, Авзоневъ, Лукановъ и Брушіанъ, Пиценовъ, Лапиновъ, Сабинянъ и Самниповъ.*

+ 161. *Латинскій*, образовавшійся въ Римѣ, коего древнѣйшій памятникъ имѣемъ мы въ пѣсняхъ Арвалійскихъ брашій. Богатыя, древняя и схоластическая, лингвистическая Лапинскія слишкомъ извѣсны.

— 162. *Романскій*, древній Римскій, про-спонародный языкъ, изъ коего образовался попомъ языкъ Трубадуровъ. Остатки его и нынѣ живы въ обласныхъ нарѣчіяхъ Испаніи (*Каталанское, Валенцкое, Маіоркское*), Франціи (*Лангедокское, Провансальское, Дофинейское, Ліонское, Оверньское, Лимузинское, Гасконское*), Швейцаріи, по берегамъ Средиземнаго моря (*lingua-Franca*).

— 163. *Итальянскій* языкъ, съ его нарѣчіями: *Цѣмоншскимъ, Ломбардйскимъ, Тирольскимъ, Сардинскимъ, Калабрйскимъ, и другими.*

— 164. *Французскій*, съ нарѣчіями: *Пикардйскимъ, Фламандскимъ, Валлонскимъ, Бретонскимъ, и другими.*

— 165. *Испанскій*, или собственно Каспийскій, съ нарѣчіями: Асшурійскимъ, Галлицкимъ, и другими.

166. *Португальскій*, съ нарѣчіями: Альгабрскимъ, Бразильскимъ, Геральскимъ, и другими.

167. *Волошскій*, или Дако-Лашинскій, языкъ Руминовъ, обитавшей Молдавіи, Валахіи и отчасти Булгаріи и Россіи.

ЯЗЫКИ ГЕРМАНСКІЕ.

— Языки древнихъ *Кимеровъ*, *Херусковъ*, *Готтовъ*, *Скандинавовъ*, *Нордманновъ*, *Франковъ*, *Пиктовъ*, и другихъ многочисленныхъ народовъ. Изъ нихъ нынѣ извѣстны —

I. ПОКОЛѢНІЕ ТЕВТОНСКОЕ.

Народы: *Басторны*, *Бойовары*, *Маркоманны*, *Аллеманны* и проч.

+ 168. *Старый Верхне-Нѣмецкій* — языкъ Карла Великаго, Миннезингеровъ и Нибелунгъ.

— 169. *Нѣмецкій* (Deutsch), съ разными его нарѣчіями, какъ-то: Швейцарскимъ, Франконскимъ, и другими.

II. ПОКОЛѢНІЕ САКСОНСКОЕ.

Народы: *Кимеры*, *Саксоны*, *Англы*, *Херуски* и проч.

+ 170. *Старый Нижне-Нѣмецкій* — языкъ въ Гельденбухъ.

— 171. *Новый Нижне-Нѣмецкій* (Neue-Plattdeutsch), въ Саксоніи, Голштиніи, и другихъ мѣстахъ.

— 172. *Фризонскій* — переходъ къ языку Вапавскому, по Эльбѣ и Рейну.

— 173. *Голландскій* (Neerlandais), съ Фламандскимъ нарѣчіемъ.

III. ПОКОЛѢНІЕ СКАНДИНАВСКОЕ.

+ 174. *Мезо-Готскій*, сохранившійся въ переводѣ Библии, Улфилы (IV вѣка).

+ 175. *Нордманнскій* — языкъ Эдды.

176. *Норвежскій* (Norgoesa tunga), языкъ Складовъ и Исландцевъ (нынѣшній языкъ Норвегіи есть отрасль новѣйшаго Датскаго).

— 177, 178. *Шведскій* и *Датскій*. Отъ каждаго изъ нихъ есть особыя нарѣчія; какъ-то: Далекарлійское, Юшландское, и проч.

IV. ПОКОЛѢНІЕ АНГЛО - БРИТАНСКОЕ.

+ 179. *Анело-Саксонскій* — древній языкъ Англіискій;

— 180. *Анелійскій*, нынѣшній, съ нарѣчіями его: *Шотландскимъ*, и другими.

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКІЕ.

I. ПОКОЛѢНІЕ ИЛЛИРІЙСКОЕ.

— 181. *Славянскій*, Сербскій, или Иллирійскій, языкъ Адриатическихъ, или южныхъ Славянъ.

— 182. *Русскій*, съ разными его нарѣчіями.

— 183. *Хорватскій*, языкъ Кроатскихъ Славянъ.

— 184. *Вендскій*, языкъ Славянъ въ Карніо-
ліи, Каринтіи, и др. мѣстахъ.

II. ПОКОЛѢНІЕ БОГЕМО-ПОЛЬСКОЕ.

— 185. *Боемскій*, или Чешскій, языкъ Бо-
гемцевъ, Словаковъ, Моравовъ, и другихъ.

— 186. *Польскій*, языкъ Лаховъ, или Поля-
ковъ.

— 187. *Сорабскій*, или Вендскій, въ Лузаціи.

III. ПОКОЛѢНІЕ ВЕНДО-ЛИТОВСКОЕ ИЛИ ГЕРМАНО-СЛАВЯНСКОЕ.

+ 188. *Вендское* собственно, коего оспа-
токъ находимъ у Люнебургскимъ Полабовъ.

+ 189. *Древній Прусскій*, или *Прусскій*,
сохранившійся въ нѣкопормыхъ письменныхъ памят-
никахъ.

— 190 и 191. *Литовскій* и *Леттскій*, дре-
вній Кривичскій языкъ, и его нарѣчія.

ЯЗЫКИ УРАЛЬСКІЕ ИЛИ ЧУДСКІЕ.

I. ПОКОЛѢНІЕ ФИНСКОЕ.

192—195. Языки: *Финновъ* (Суомовъ); *Эс-
товъ*, *Лапландцевъ* (Самовъ), *Ливовъ*, живущихъ
въ Сѣверъ Россіи, въ Швеціи, Финляндіи, Лифлян-
діи и Эстляндіи.

II. ПОКОЛѢНІЕ ВОЛЖСКОЕ.

196—197. Языки: *Черемисовъ* (Мари) и
Мордвы (Ерсановъ и Мокшанъ). Къ первымъ при-
надлежатъ *Тепляри*.

III. ПОКОЛѢНІЕ ПЕРМСКОЕ.

198—199. Языки: *Пермяковъ* (Коми, или Зырянъ), и *Вотляковъ* (Уди, или Удмурдовъ).

IV. ПОКОЛѢНІЕ УГРОВЪ.

200. *Венеерскій* (Маджарскій), языкъ Венгровъ.

201. *Вогульскій* (языкъ Манзи, или Вогуличей), и

202. *Остякскій* (языкъ Ассяковъ, Вассягановъ, и другихъ Оссяковъ).

ЯЗЫКИ НЕИЗВѢСТНЫЕ.

+ 203—206. *Гунжскій, Аварскій, древній Буларскій, Хазарскій*. Никакого памятника сихъ языковъ не оспалось, кромѣ именъ собственныя и названій географическихъ. Но они были разлукны между собою, и оспалчались ошъ другихъ.

И шого въ Европѣ:

Пяшь главныхъ оспдѣленій: *Иберійско-Целтикеское, Фрако-Пелазгійское* (Греко-Лашинское), *Германское, Славянское, Чудское* (Финнское, или Уральское). *Четыре* языка находимъ совершенно неизвѣстныхъ, погибшихъ. Нѣкоторые сохранились шолько въ памятникахъ, другіе въ бѣдныхъ оспашкахъ. Всѣхъ-же вообще *языковъ* - *собственно*, живыхъ и мершвыхъ, полагаюшъ въ Европѣ болѣе 50. Почши каждый имѣлъ, или имѣеть особымъ нарѣчіемъ:

(До слѣд. книжки).

МОГИЛА НАПОЛЕОНА.

Скипаясь бездомнымъ спранникомъ на берегахъ Чернаго моря, вдохновенный поэшь Русскій говорилъ бурному сыну Океана :

. . . Куда-бы нытъ,
 Я пушь безпечный устремля ?
 Однаъ предметъ въ швоей пушмытъ
 Мою-бы душу поразилаъ,
 Одна скала — гробница славы . . .
 Тамъ погружался въ мрачный сонъ
 Воспоминанья величавы !
 Тамъ угасала — Наполеонъ !

Могила Наполеона! Сколько думъ шрещещеть въ сихъ *двухъ словахъ!*

Да будешь омраченъ позоромъ
 Тошь малодушный, кто въ сей день
 Безумнымъ возмушишь укоромъ
 Его развѣчанную швь !

Подъ горящимъ небомъ Африки, въ волны Атлантическаго океана брошена скала. Обгорѣлые унесы возвышающя по берегамъ ея опшвѣнными слѣвнами ; слѣды волканическихъ пожаровъ напечатанлвны всюду. Но вулканъ давно погасъ ; Африканское солнце грѣеть впу дикую скалу ; природа одѣла ея пучною зеленью ; люди поселились на ней, успавили ея дикіе камни пушками — вшо приспанище кораблей, плывущихъ изъ Индіи въ Европу, или изъ Европы въ Австралію, вшо — *островъ Св. Елены!*

Идице на грозныя скалы сего оспрова, спускайшесь въ долины его, поднимайшесь на его утесы. Видице-ли вы эшу прибрежную оплогосишь, на 1762 фуша возвышающуюся надъ поверхностью моря? Эшо *Лонгвудъ*. Вошь и шо бѣдное зданіе —

Гдѣ, устремивъ на волимъ очн,
Изгнанникъ (*) поминдъ звукъ мечей,
 И льдистый ужасъ Полуночи,
 И небо Франція своей!

Въ домѣ, гдѣ жилъ онъ, шеперь смѣспшлан Англичане складочный магазинъ муки и крупы, для гарнизона. Тамъ, гдѣ спюла кровашь, на которой въ послѣдній разъ вспомнилъ онъ великія бишвы свои, Францію и сына — спюлшгъ шеперь лошадиныя ясли: спальня его обращена въ комншню . . . Чему вы изумлаетесь? Не шакъ-ли все въ мѣрѣ?

„Тихо вхали мы“ — пишепгъ пушешеспешваникъ, недавно посѣщавшій оспровъ Св. Елены — „по извивиспымъ, узкимъ дорожкамъ. Обгорѣлыя скалы, почернѣвшія рышвины — Даншевъ адъ, и Камонсовъ оспровъ веселья въ шѣхъ мѣсшакъ, гдѣ шекла свѣжая вода, и зелень, яркими цвѣшами покрывая землю, льялялись намъ непрерывно, и попеременно. Наконецъ вдали показалась узкая долина; огромные, обрывиспые горные утесы окружали ее. Надобно было сойдши съ лошадей, и спускашсья внизъ: эшо *долина Синискаа* (Sinn). Самыя фантастическія формы представляешъ зрѣлище эшой долины. Обвалившіся, раз-

(*) *Изгнанникъ* *вселенной* — высокая мысль. пошца!

бѣлые утесы кажутся изображеніемъ хаоса; яркіе луга, свѣтлая вода между цвѣщущихъ кустарниковъ, обольщаютъ зрѣніе. Темныя сосны занимаютъ узкую часть Сининской долины. За ними слѣдуютъ огромныя герани, съ огненными своими цвѣтами, возвышающія Европейскія каштановыя деревья, распухъ Нормандскія яблони, ручей бѣжитъ сквозь огромныя папоротники — все улыбается въ этомъ уголкѣ долины. — Нѣсколько шаговъ впередъ — голая, обожженная земля, черныя, красныя обломки камней, испепренныя охороу, преснувшіе утесы, падающіе камни — опустошеніе и смерть, пишина и жизнь!

Англійскій инвалидъ подошелъ къ путешественникамъ. На киверъ его была надпись: *Waterloo.* — „*Вашъ билетъ, джентельменъ?*“ сказалъ инвалидъ. — Взглянувъ на билетъ, данный Губернаторомъ, онъ повелъ спутниковъ далѣе. Нѣсколько огромныхъ, плакучихъ ивъ склонили вѣтви свои къ землѣ; подъ ними увидѣли путешественники бѣлый, проспой камень, положенный почти вровень съ землею, и окруженный желѣзною рѣшеткою. Это могила. Чья это могила? На ней нѣтъ ни надписи, ни какихъ знаковъ — и на что ихъ?

*Ici git . . . point de nom! . . . demandez à la terre!
Ce nom? il est inscrit en sanglant caractère,
Des bords du Tanais au sommet du Cédar,
Sur le bronze et le marbre, et sur le sein des braves,
Et jusque dans le coeur de ces troupeaux d'esclaves]
Qu'il fouloit tremblants sous son char.*

Depuis ces deux grands noms qu'un siècle au siècle annonce,
Jamais nom qu'ici bas toute langue prononce
Sur l'aile de la foudre aussi loin ne vola.

Декабрь 1830.

28

Jamais d'aucun mortel le pied qu'un souffle efface,
N'imprima sur la terre une plus forte trace,
Et ce pied s'est arrêté là!

Пирамиды и Саррагосса, Кремль и Маренго,
Аусперлицъ и Березина, Йена и Ватерлоо, Лейп-
цигъ и Ваграмъ . . . Нѣтъ! надъ этою могилою
все должно умолкнуть — и благословенія, и про-
клятія. Шумы, Океанъ! окрестъ ея гробницы!
Дума Испорія еще не рѣшена, а голосъ спра-
шившей — да исчезнетъ въ шумъ швоемъ!

Son cercueil est fermé! Dieu l'a jugé! silence!
Son crime et ses exploits pèsent dans la balance:
Que des foibles mortels la main n'y touche plus!
Qui peut s'ouder, Seigneur, ta clémence infinie?
Et vous, fanaux de Dieu! qui sait si le génie
N'est pas une de vos vertus? . . .

Изображеніе могилы Наполеоновой, приложен-
ное при сей книжкѣ Телеграфа, взято съ ис-
шампа, гравированнаго въ Лондонѣ Мейеромъ,
по рисунку, съ натуры сяншому Рубиджемъ.
Онъ посвятилъ его Графинѣ Бершранъ, супругѣ
вѣрнаго спутника Наполеонова въ изгнаніи, Грешъ
Бершрана.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Бѣдствіе Французскихъ мореходцевъ, спасшихся послѣ разбитія Французскаго фрегата *Медузы*, составляетъ одно изъ самыхъ ужасныхъ событій въ запискахъ мореходства.

Фрегатъ *Медуза* былъ отправленъ изъ Франціи въ Сенегальскія колоніи, Юня 17-го 1816 года. Юля 2-го, въ большомъ разстояніи отъ всѣхъ береговъ, онъ разбился о подводный камень. Слѣдующія пятьдесятъ человекъ спаслись съ фрегата на плось, сосланный наскоро изъ обломковъ корабля. Но здѣсь начались ужаснѣйшія ихъ бѣдствія. На утломъ своемъ плосу, почти безъ припасовъ, ежеминутно ожидая смерти, среди открытаго моря — *двѣнадцать* дней носились по волнамъ несчастные; лишенные всякой надежды! Описаніе спрдааній ихъ составляетъ содроганье. Слѣдующія пятнадцать плось человекъ погибли жертвою холода, голода и шиваній всякаго рода! Наконецъ, въ шнадцатый день, остальные спрдааній увидѣли корабль. Сколько дославало у нихъ силъ, спрарались они дать себя замѣнить, но — *корабль удаллся!* Они говорили въ послѣдствіи, что ужаснѣе этихъ мгновений для нихъ не было, во все время ихъ бѣдствій. . . Къ счастью, корабль, которій видѣли они, оборотился къ нимъ снова, и на шопть разъ съ корабля ихъ замѣнили и спасли.

Живописецъ Герико (Géricault), поразившій чиненіемъ описанія, какое издала полкомъ снаснѣе-ся спрадальды, изображалъ бѣдныя ихъ, на огромной картинѣ. Произведеніе его было показано пуб-ликѣ на выспавкѣ произведеній Французской жи-вописи въ 1819 году. Нынѣ находится сія картин-ка во Французскомъ Музеѣ; въ Луврѣ. Рейнольдъ выгравировалъ съ нея эстампъ (en mezzotinte). Очеркъ эстампа приложенъ при сей книжкѣ Те-леграфа.

Заявщики живописи направили на Герико. Они говорили: „Почему живописецъ сдѣлалъ картину своей снѣею огромною (15 футовъ вышины и 22 ширины)? Для событія частнаго не должно уве-личивать никакого общаго рамабра; онъ годит-ся только для событій всеобщихъ, или многосло-женыхъ: битвъ, коронацій, и проч. Да и кто ку-питъ такую громадную картину? Гдѣ прикаже-те ее висѣть? Для чего, скажете намъ, не об-единить предметъ?“ говорили еще. — „Мы не видимъ моря; это люди, плывущіе на плосу, а не мореходцы. — Что напоминаешь здѣсь, что это разбишіе *сбреата Медузы*? — говорили многіе. — Видишь фигуры, разнообразныя, многія прекрасныя, а почему узнаете вы, что это бѣдствующіе мо-реходцы съ Медузы. Все таки много мы не уз-наемъ!“ — Охуждали еще темныя краски, ости-женіе, надающее только на средину картины Ге-рико, и проч.

О последнемъ судить не можемъ, а все про-чее, не во гнѣвъ *знатокамъ*, кажется намъ су-щесто неспоспѣею.

Довольно странно указывашь художнику на развѣръ картины, и, по большей или меньшей общности предмета, заказывашь ему мѣрку полотна. Доказательство, что заболты о несбытѣ картины были пустыя, есть то, что Французское Правительство купило ее, и нашло мѣсто гдѣ помѣститъ. И какъ будто художникъ долженъ думать, прислушая къ работѣ: купятъ-ли у меня картину? Хорошо онъ будетъ! — Что знайоки видѣли плоть, прекрасныя фигуры, но не видѣли моря, и признаковъ *Медузы* — это очень забавно! Что-же это за дикія волны поднимающся кругомъ? Что значить это разнообразное опечаленіе, грусть, тоска, безнадежность, это нетерпѣніе, съ какимъ усиліемъ часть народа къ какому-то вдали находящемуся предмету, это многоразличное мученіе смерти кругомъ — неужели все это *ничево* имъ не высказывало? Неужели имъ надобно было именно имя *Медузы*, чтобы возбуждѣть чувство ужаса и состраданія? Такъ — это судятъ *знающіе люди*! И съ какимъ презрѣніемъ Герико долженъ былъ смолчать на вѣдѣхъ судей, разбиравшихъ его прекрасное созданіе, какъ будто *рапортъ о разбитіи Французскаго Королевскаго фрегата Медузы, впоследствии довазвемъ по неосторожности вахтеннаго офицера*! Онъ могъ сказать изъ: “Мн. Гг.,

„Влаженъ, кто про себя шалъ

„Души высокія созданья,

„И смѣ людей, какъ смѣ мовалъ,

„Не ждалъ за чувства созданья!“

И что-же, исполнявавшій минулы чистаго воспорага, не повторялъ подобныхъ словъ, при сужденіи

людскомъ о прекрасныхъ созданіяхъ; конми ознаменовались для него сіи святыя минуты бытія!

Намъ кажется, что картина Гериго есть одно изъ лучшихъ произведеній новейшей Французской живописи. Художникъ избралъ именно ту минуту, когда несчастнымъ мореплавателямъ видѣть вдали корабль. Разсмотрѣте съ сею мыслью картину, вникните, и въ шрепелъ ожиданія однихъ, и въ безчувствіе другихъ, и въ хладное спокойствіе смерти нѣкошорыхъ, и въ переходъ къ успокоенію несчастнаго, который еще хранитъ подъ головою воинскій снарядъ свой. . . Это истинная драма живописи! Гериго былъ художникъ-поэтъ. Его уже нѣтъ въ мірѣ; онъ скончался нѣсколько лѣтъ тому, и съ нимъ умерли большія надежды Французской живописи. —

С М Ъ С Ъ

Маркизь Ориго, начальникъ пожарной команды въ Римѣ, изобрѣлъ нарядъ, въ которомъ, безопасно опъ огня, пожарные служители могутъ дѣйствовать на пожарахъ. Платье ихъ, перчатки, обувь и шапка напишываютъ сперва растворомъ изъ sulfate d'alumine и sulfate de chaux, высушиваютъ, и намачиваютъ потомъ мыльною водою; лицо закрывается маскою, съ суконною особенною покрывкою, напишанною солянымъ растворомъ; на глаза надѣвается металлическая покрывка, а въ ухахъ и во рту должно имѣть

мокрыя губки. Весь снаряд спланившись на дороге 50 франковъ на человѣка; но въ немъ можно выдержашь самый жестокій жаръ, и свободно пробѣгать черезъ огонь.

*

Вошь любопытная роспись цѣнамъ произведеній двухъ великихъ художниковъ, соспавленная змашоками живописи. Каршины *Альбана*: Рожденіе Богоматери дѣняшъ въ 15,000, Савасоеъ 3,000, Благовѣщеніе 6,000, Св. Семейство 5,000, Видѣніе Св. Креста 3,000, Гермафродитъ 7,000, Даѣна и Аполлонъ 6,000, Аксеонъ 20,000, четыре стихии, каждая ошъ 20-ши до 30,000, шуалепъ Венеры 30,000, Венера въ Лемносъ 40,000, обезоруженный Амуръ 10,000, Венера и Адонисъ 40,000. Каршины *Корреджіо*: Хриосъ въ шерновомъ вѣнцѣ 1,500 франковъ; голова Іоанна Крестипела 1,000 франковъ, ошдыхъ въ Египтѣ (находится въ церкви Св. Гроба въ Пармѣ) 500,000, сняшье со креста (въ Пармѣ) 2000,000, бракъ Св. Екатерины 350,000, испязаніе Св. Плакиды и Св. Флавіи 200,000, Юпитерь и Анціона 500,000, Леда 120,000 (она испорчена невѣждами). Добродѣшель, побѣждающая по рокъ, 80,000, чувственный человѣкъ 60,000. Безсмертноое произведеніе Корреджіо: *Рождество Христово*, или шакъ называемая, *Корреджіева ношь*, была заказана ему для церкви Св. Проспера, въ Реджіо. И шеперь еще цѣла записка, данная Корреджіо, въ увѣреніе, что слѣдующую по договору сумму заплашашь ему, когда онъ *хорошо напишетъ* заказанную каршину. Эша сумма соспавляла — *около 170 франковъ!* Теперь цѣняшъ Корреджіеву ношь въ 850,000 франковъ, шо ешъ

въ пять тысячъ разъ болѣе. И Корреджо едва не умиралъ съ голоду, во все время жизни своей!

*

Въ засѣданіи Лондонскаго Азіатскаго общества недавно читаны были двѣ любопытныя записки. Одна изъ нихъ содержишь въ себѣ исторію волоса изъ бороды Мутаммедовой. Лжепророкъ любилъ, разговаривая съ своими учениками, глядишь свою бороду, и если при шомъ выпадалъ изъ нея волосъ, то на колѣняхъ приближались къ нему ученики, брали эту драгоценность, хранили какъ святыню, и потомъ продавали дорогою цѣною. Одинъ изъ шакихъ волосовъ достался, въ началѣ XII-го вѣка, сильному Индійскому государю, власпипелю Куддапа, и сей государь, восхищенный приобрѣщеніемъ неоцѣненнаго сокровища, построилъ для храненія его особенное огромное зданіе (въ 1135 году). Ежегодно, въ назначенный день, показывали народу въ семь храмъ волосъ Мутаммеда, хранившійся въ богатомъ, золотомъ ковчегѣ. Храмъ освѣщался во время сего празднества 2138-ю свѣщильниками; богомольцы приходили тогда изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Гидеръ-Али, побѣдивъ потомковъ Куддапскаго владѣльца, взялъ себѣ волосъ Мутаммеда; его проводила до Серингапашама особая, сильная армія, потому, что благочестивые люди собрались толпами, и хотѣли ни чего не пощадить, только бы опнишь драгоценность. Войска Гидеръ-Алія перебили и разогнали ихъ. Во время влзпшя Серингапашама Англичанами, драгоценность была похищена, и гдѣ теперь волосъ Мутаммеда, неизвѣстно. Полагають, что Хусейнъ его захватилъ себѣ

Пабабъ Курртульсай, и хранишь драгоценное при-
обрѣтеніе въ глубокой тайнѣ. Огромный храмъ
Куддакасскій донинѣ оснащенъ невредимъ, и изум-
ляются своими великолѣніемъ.

Въ другой запискѣ, одинъ миссіонеръ Порту-
гальскаго Коллегіума (de San Iose), находящагося въ
Макао, сообщаетъ неизвѣстныя донинѣ подроб-
ности о частной жизни и Дворѣ Кипайскихъ Бог-
дыхановъ. Воить, между прочимъ, анекдотъ объ офи-
цѣ нынѣ царствующаго Богдыхана. Знаменитый
Мандаринъ Сунгъ-Каунъ (Sung-Kaun) издалъ сочи-
неніе, въ кошоромъ доказывалъ, что Богдыханъ
въ нѣкошорыхъ случаяхъ посшупилъ несправедли-
го. Немедленно взяли его подъ спражу. На воп-
росъ: Онъ-ли сочинилъ оскорбительнаго для
Богдыханской славы и чести сочиненія? Мандаринъ
снѣло отвѣчалъ: „Я. —“ На другой вопросъ, при-
знаешь-ли онъ, что изданное имъ сочиненіе, гдѣ
осмѣлялся онъ говорить и судить о Богдыханѣ, есть
пресшупленіе тяжкое, Мандаринъ отвѣчалъ, что
признаетъ. На преній вопросъ, знаешь-ли онъ,
что ему слѣдуетъ за вину его, Мандаринъ отвѣ-
чалъ что знаетъ, и готовъ къ смерти. Богды-
ханъ велѣлъ послѣ сего спросить о причинѣ, по-
будившей его къ пресшупленію. „Я зналъ“ — гово-
рилъ Мандаринъ — „что нашего Богдыхана окру-
жаютъ величіе, льстецы, власць, и голосъ исти-
ны къ нему не можетъ дойти прямо; я скор-
бѣлъ, что несправедливосць помрачила его до-
бродѣтель и славу; зналъ и то, что если я на-
пишу и издамъ свое сочиненіе, то меня пошчасъ
возмушъ, какъ пресшупника, и донесушъ объ этомъ

Богдыхану. Такимъ образомъ, онъ услышавъ истину, осперяется онъ несправедливостей, и увидитъ еще при жизни своей, что если суди и свидѣтели, онъ копорыхъ не спасаетъ его ни власть, ни сила, ни величїе. А за то, чтобы Богдыханъ узналъ истину, и подумалъ о томъ, что я говорю теперь — тысячу жизней гошова я отдаю, ибо отдаю ихъ для славы его, и для счастья ему подвластныхъ!“ — Пресупленіе пвое такъ велико — сказали на другой день Мандарину — что не могутъ прискасть доспойной казни. Богдыханъ предославляетъ себѣ самому назначить приличную казнь. — Мандаринъ сказалъ, что онъ почитаетъ себя доспойнымъ чешвершования. Богдыханъ отвѣчалъ что эта казнь слишкомъ тяжела. Мандаринъ назначилъ опрубить голову. Богдыханъ и это нашелъ очень спрогимъ. Мандаринъ пребывалъ наконецъ пешли. Богдыханъ согласился. Но въ то время, когда уже все было гошово, и на шею пресупника надѣли пешлю — явился прсланый онъ Богдыхана, сказаъ, что пресупленіе Мандарина очищено спрахомъ смерти, и ему слѣдуетъ награда за безспраше и любовь его къ Государю. Богдыханъ немедленно призвалъ Мандарина къ себѣ, осыпалъ его почестями, и назначилъ правителемъ обширной обласши.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 23. Декабрь 1830.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ и СОВѢТНИКИ.

(Окончаніе).

Графъ (входитъ, съ великимъ, лакейскимъ
лицомъ), Вадетовъ, Холоповъ и Кмиксинъ
(тѣсняются въ дверяхъ, и кланяются въ
полъ). Позвольте, Мм. Гг., пройти.
(Дудкину, пожимая у него руку). Здоровь-
е были вы? А, Г-нъ Думовъ! (отъ Шу-
мова онъ отворачивается). —

(Общіе поклоны. Дудкинъ и Думовъ
стараятся стать подлѣ Графа).

Графъ (на всѣ стороны) Мнѣ — очень
дешно — и пріятно — Мм. Гг. — что
я имѣю честь.

Думовъ (пробиваясь, толкнувъ Дуд-
кина). Извините. . . (Графу). Мы всѣ про-
никнуны благосклонностью Вашего Сія-
тельства.

Графъ. (жметъ ему руку) Этого и на-
дѣлся я отъ благороднаго сердца вашего.

Брюховъ. (*тихо*) Да что-жъ онъ за всѣхъ хочеть честь сорвать. . . Хмъ! (*почти оттолкнулъ Думова*). То есть, всѣмъ, Сяпительнѣйшій Графъ, Ваше Высочайшее Сяпельство, имѣемъ счастье. . .

Думовъ. (*ворчитъ*) Но при счастьи, можно и не толкать другихъ. . .

Графъ. (*улыбался*) Усердно извинительно бывъ иногда неоспорожнымъ. . . (*Думову*) Такъ, я думаю?

Думовъ. (*обрадованный, тихо*) Какая тонкая въжливость! какое вниманіе: пошчасъ замѣнилъ! Божественный человекъ! (*гордо смотритъ на всѣхъ*)

Дудкинъ. Графиня, конечно, сказывала вамъ, Графъ, что я. . .

Графъ. Знаю. . . (*Хитровскому*) Какъ ваше здоровье?

Хитр. Ахъ, Боже мой! Ваше Сяпельство! Богъ. . . если вы, Графъ, Ваше Сяпельство — то могу-ли. . .

Чижицковъ. Сяпю-ли засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе.

Графъ. Ахъ, любезный Чижицковъ! Ну что — нѣтъ-ли новыхъ штатостей?

Чиж. Вѣдь я еще живъ, Ваше Сяпельство. . . Скажу вамъ пресмынное дѣло. . .

Графъ. Ахъ, ради Бога!

Чиж. Именно прешьяго дня. . . .

Графъ. (*тихо Дудкину*) Вы чинали прошоколь?

Дудя. Какъ же, чиналь — (про се-
бя) И не ведалъ, морить его жобери!

Чижик. (продолжая) Викуль Гурь-
ничъ зовешъ обиданъ — Чино долго ду-
манъ? Эдемъ. . .

Графъ (тихо Дудилу) Вы согласна?

Дудиня. Совершенно!

Чижик. Вошь я, дядя Кушудей,
Графъ Пусиковичъ, да бранъ Сморокван-
скій. . .

Графъ. Ну, ну! Господа! это любо-
пынно!

Брюховъ. Испинно, но ешь, любо-
пытнѣйшее дѣло, Ваше Сіятельство.

(Всѣ, кромѣ Шумова, собираются
вокругъ Чижикова и Графа).

Чижик. Вошь эдемъ-съ. Только у
Графа лкая пара — знаеніе — гнѣдо-ча-
лая? Чудо лошади. . .

Графъ. (Калыку, указывая на Незнае-
ва) Чино это за фигура?

Калыкъ. Это ичшо, называемое
Незнаемъ.

Графъ. А, ичшо. . .

Хитр. (тихо Калыку) Чино это Его
Сіятельство извоилъ спрашивать?

Кал. О Незнаемъ.

Хитр. (тихо про себя) Да, дуракъ я!
Знаю, чино обо мнѣ. . .

Чиж. Вошь, только лошади начина-
ющъ бишь, рвашься — кучеръ держитъ. . .

Над. *(тихо Хитрасскому)* Замѣтили-ль вы, какъ холодно Графъ обошелся съ Шумовымъ?

Хитр. Я пренещу за него!

Дудкинъ. Чшо вы, Г-нъ Чижиковъ!

Над. Графъ давно продавъ гнѣдохалыхъ?

Чиж. Помилуйте, я самъ видѣлъ —

Дудкинъ. Вы не могли видѣть, потому, чшо я видѣлъ ихъ вчера на гулянь у Завцова.

Брюховъ. Точно, и я видѣлъ!

Графъ. Ха, ха, ха! Ну, чшо брать Чижиковъ? Попадеа?

(Общій хохоть. Валетовъ, Холоповъ и Книксинъ хохотутъ такъ громко, что Графъ оглянулся. Увидѣвъ Думова подлѣ себя, онъ тихо нагинаетъ говорить съ нимъ. Другіе заняты споромъ Чижикова съ Дудкинымъ).

Шумовъ *(про себя)*. Дѣло началось весело.

Чиж. Я осылаюсь на Князь Василья; онъ самъ былъ съ нами.

Дудк. Его и въ городъ нѣтъ!

Чиж. Нѣтъ? Какъ нѣтъ? Я вчера видѣлъ его.

Графъ. *(Думову)* Мы вчера имѣли съ Н. Н. бодьшой разговоръ объ васъ, и согласно ошдавали вамъ преимущество.

Думовъ. Такая благосклонность, Графъ. . .

Графъ. Вы ее заслужили. Вы знаете, что для меня не существуютъ отличія, какъ только достоинства. Mais, vous. . . Ахъ! да — вы показывали себя. . . вы поймете меня — вашъ умъ, ваши знанія. . .

Думовъ. Я готовъ жизнью пожертвовать!

Чиж. Это безбожно! Если я не выдалъ вчера Князь Василья — то, провались я сквозь землю.

Дудк. Валились или нѣтъ, но Князь Василья уже съ недѣлю увхалъ въ Петербургъ.

Чиж. Въ Петербургъ — вопль хороша!

Графъ. (Думову, съ видомъ величайшей тайны) И въ наспоющемъ дѣлѣ вы, я увѣренъ, будете справедливы и разсудительны: пребую только справедливости и ума — а этого не доспаешъ у многихъ нашихъ поварищей.

Думовъ. Минніе ваше, Графъ, и довѣренность ваша. . . .

Графъ. Вы ее смотрите. Я буду еще опкровеннѣе, и скажу, что предопашеніе объ Васъ уже пошло въ Петербургъ. . .

Думовъ. (едва скрывая радость свою) Я не изъ награды жертвую маленькими моими способностями — (про себя) Что это у меня голова кружится. . . .

Дудкинъ. Вы еще спашете спорить? Слуга моего брата бралъ ночповыхъ . . .

шадей, когда брали ихъ дядя Князь Василья. . . И въ это-же время записывали подорожную шего. . . какъ били его! . . .

Брюховъ. Да ужъ же нешто-ли сынника? Тоже въ Пиперь покашилъ — я записалъ его въ службешку. . .

Графъ. (тихо Думову) Можеть бышь, свинтусъ безыкожыныя люди, конперыя захомятъ спорить. . .

Думовъ. Можете-ли меня починать сообщникомъ ихъ, Ваше Сіишельство?

Графъ. (пожимая ему руку) О, помилуйше!

Хитр. (тихо) Но я въ опчаяніе голцовъ придпы ошь милоспиваго выманія Графа къ этому проляшному Думову! Не что: надбно подыванься — не опсывавань ошь другихъ! (Думову) Починеннѣйшій. . .

Думовъ. (несквашельно) Чшо вамъ? Ахъ, да, Господинъ Хитровскій!

Графъ. Ну, Мм. Гг., не поре-ли намъ за дѣло? Припная бесѣда можеть насъ задержанъ незашиньшо. . . (идеть къ столу) Надбно пошрудитсье. . .

Брюховъ. Точно никакъ, Вассокосія-цельнѣйшій Графъ! прудитсье дѣ лать. . .

Графъ (будто желанно увидѣвъ Шумова). Ахъ! я и не замѣнилъ васъ, Гнъ Шумовъ!

Шумовъ. Я всегда и боюсь бышь замѣченнѣмъ, Ваше Сіишельство. . .

Графъ. Вы хотѣли, чинобы собственныя ваши достоинства сами себя давали замѣнить, безъ вашего старанія. Скромность есть правило мудрости, и мнѣ весьма пріятно будетъ, если вы послѣдуете всегда этому правилу.

Шумовъ. Я не понимаю, Ваше Сиротство, что вы изволите разумѣть?

Графъ. А, кажется, очень ясно. Не правда ли, Господа?

(Все улыбаются и кланяются)

Хитр. *(тихо Калыку)* Это ужасно!

Думовъ. *(тихо Брюху)*. Надобно имѣть мѣдный лобъ, чинобы послѣ эпого еще подлаживали Шумову!

Брюхъ. А что такое едвавалось?

Думовъ. *(про себя)* Эпикая скопича: его надобно быть дубиною, а иначе онъ ничего не пойметъ!

Графъ. *(сидя за столъ)* Прошу, Мм. Гг., садитесь, едвайте одолженіе.

Дудкинъ и Думовъ *(поспѣшно садятся по обѣ стороны Графа, Шумовъ столтъ, другіе перекорляются жѣстами)*.

Хол. Пожалуйте!

Брюх. Извольте, извольте!

Кникс. Сдѣлайте мѣдоснѣ!

Хитр. Не угодно-ли вамъ?

Шумовъ. *(съ довадою беретъ за стулъ)*
Позвольте мнѣ рѣшить дѣло.

Брюх. и Хитр. *(бросаясь впередъ)* Извините!

(Садится къше Шумова. Чижиковъ и Незнаевъ съ конца стола).

Незн. Я подаюте — Богъ съ нами — нусяте цюлкуюте;

Чиж. А. я подюв васъ — доскажу вамъ испорю мою.

Графъ. Предварительно, Мм. Гг., почитаю нужнымъ обратитъ вниманіе ваше на благодушное поученіе о насъ господина Губернапора. Настоящее дѣло естъ новое пому доказательство. Мы должны чувствованъ это, Мм. Гг., и поспарашься оинвчашъ его ревности нашимъ усердіемъ.

Думовъ. Я увѣренъ съ своей спороны, Ваше Сіятельство, что все почтенные мои соялены раздѣляютъ высокое чувство той преданности: . . .

(Все кланяются, и вортаъ съ полголоса: „Чувство, преданность, честь, мы все вортывы. . .“)

Хитровский. (толкаетъ Незнаева) Чпо же вы молчите?

Незнаевъ. (который разговаривалъ съ Чижиковымъ). Да о чемъ дѣла? Чпо нмаъ шакое?

Хитр. (тихо) Благодаритъ Губернапора и Графа.

Незн. (приподнимаетъ), Покорнѣе благодаримъ, Ваше Сіятельство!

Врюховъ. Я осмѣливаюсь предложитъ даже: не надобно-ли изъяснитъ письменно;

тво всль, все это написанно) — хорошенько изъяснишь. . . .

Дудкинъ. Ему будетъ пріятно.

Брюховъ. Или избрать-бы изъ среды своей депутацію

Хол. Вал. и Кникс. Точно, точно.

Шумовъ. Мнѣ кажется, что Губернаторъ исполняетъ свой долгъ, следовательно, за что-же намъ шуть благодарить его депутацію?

(Всѣ притворяются не слыгавшими его словъ).

Графъ. Я принимаю на себя передать ему ваши чувства, Мм. Гг., и могу увѣрить васъ, что такое единодушное сознание будетъ ему дороже всѣхъ наградъ. — Настоящее обспоительство, для котораго мы собрались, да будетъ началомъ. . . .

Дудкинъ. Изъявленіемъ глубочайшаго почтенія нашего, и благодарности Вашему Сіятельству.

Графъ. За что-же Господа, за что?

Брюховъ, За то, бабюшка, Ваше Высочайшее . . . ; что вы удостоили принять председательство нашего почорнаго къ услугамъ вашимъ собранія.

Думовъ. *(тихо)* Болванъ! не умѣешь даже скрывать учливости порядочно!

Шумовъ. *(тихо)* Они взбѣсятъ меня своими глупостями, и я уйду! . . .

Графъ. (сѣдая удерживаясь отъ смѣха) Благодарю васъ, Мм. Гг., за искреннее изъясненіе вашихъ чувствъ, и смѣло утѣршице. . . .

Чижииковъ. (разговаривая съ Незнакомымъ, забылся, и громко вскрикиваетъ) Да, сударь, въ шеню выполкали.. ха, ха, ха!

Всѣ. (обращаясь къ нему) Тсъ, шине!

Графъ. Всегда ожидалъ я, надеваясь, что вы, Мм. Гг., раздѣлите со мною усердное желаніе. И шакъ, Гнъ Кальинъ, не угодно-ли вамъ начать бумагу, по которой соспавлена наша Коммиссія.

Кальинъ (скоро и бѣгло читаетъ. Въ это время многіе кашляютъ, шкхаютъ, шворать между собою тихо. Графъ сидитъ съ важнымъ видомъ. Думовъ старается показаться внимательнымъ, и заставляетъ нѣкоторые слова повторять, говоря послѣ того, съ значительнымъ видомъ: „Да, да, такъ — теперь понимаю!“ Нѣкоторые изъ членовъ катаютъ въ трубочки клочки бумаги. Шумовъ, задумавшись, шертитъ перомъ безцеловатую букву: А, на листокѣ бумаги, передъ нимъ лежащемъ).

Хитр. (тихо ему) Что это у васъ за замѣшка, мой почтеннѣйшій?

Шумовъ. Такъ: я вспоминаю, какъ бывало писывать прописи, и всегда начиналъ ихъ самымъ мудрымъ словомъ.

Брюховъ. (мѣсто) Полно-же, Господа, говорилъ, да толкните Книксина: онъ дремлетъ.

(Книксинъ, полусмыз толкеть, перестаетъ дремать, и гладитъ, вытирающа глаза).

Графъ. (когда Калькъ конилъ стение) И такъ, Мм. Гг., шеперь видите вы всю сущность дѣла. Оно сповнѣть полного и глубокаго обсуживанія. Намъ предоставлена совершенная свобода рѣшить его. Будучи Предсѣдателемъ почтеннаго вашего собранія, я прошу васъ не починашь меня однакожь ничѣмъ другимъ, какъ только усерднымъ вашимъ поварнищемъ, желающимъ взаимной пользы.

Брюховъ. Мы, башюшка, Ваше Слѣдствіе, никогда, но если, не позабудемъ однакожь, что не мѣсто человека просвѣщаетъ, а человекъ мѣсто.

Дудкинъ. Почтеніе наше не допуститъ возражать противъ васъ, Графъ.

Графъ. Нѣтъ, я прошу васъ забыть всѣ различія между нами, и говорить прямо и искренно.

Дудкинъ. Поэтому, думаю я, не можемъ мы говорить противъ васъ, что вы изволите знать дѣло лучше нашего, и что въ истинѣ словъ вашихъ мы не сомнѣваемся.

Шумовъ. Позвольте мнѣ, къ многословію моихъ почтенныхъ сочленовъ, при-

бавить нѣсколько словъ, Ваше Сіапсельснво.

Графъ. (*холодно*) Вамъ не нужно испрашивать позволенія, М. Г. —

Думовъ. И можно также говорить, не обижая своихъ поварищей.

Дудкинъ. И не забывая различія въ дваніяхъ.

Брюховъ. И несходства въ состояніяхъ.

Шумовъ. Если вамъ, Господа, угодно относить слова свои на счетъ мой, то я не понимаю: въ чемъ я забылся, и чѣмъ оскорбилъ другихъ? Я почти ничего и не говорилъ!

Думовъ. Вамъ угодно было назвать то, что другіе говорили: *многословцемъ*.

Шумовъ. (*Незнаеву*) Позвольте мнѣ сослаться на васъ, Г-нъ Незнаевъ: обидное-ли дѣло называть всякую вещь ея надлежащимъ именемъ?

Незнаевъ (*тихо*) Вошь дернула не легкая! (*въ слухъ*) Я . . . я думаю . . .

Графъ. (*холодно*) Долгъ мой напомнить вамъ, М. Г., что вы заводите неприличные разговоры, которые вовсе нейдуть къ дѣлу. . . .

Шумовъ. Я оправдываюсь прошивъ обвиненій, Ваше Сіапсельснво, и самъ ничего не завожу.

Графъ. Я, сударь, имѣю всѣ средства дать почувствовать невыгоду всяка-

го неумѣннаго. . . *самолюбѣ*, такъ ска-
зашь, чтобы не сказаць иначе. Въ такое
время, мнѣ даны способы отличать скром-
ное и дѣльное усердіе.

Холоповъ. (*тихо Книксину*) Ужь не
дадутъ-ли намъ чего нибудь!

Книксинъ. Дождайся! Къ нашей-ли
рожь награды? Довольно, что мы сидимъ
наряду съ Графами, Генералами, да бога-
чами.

Графъ. Присупимъ къ дѣлу, ММ.
ГГ. — Мы видѣли, что въ предложеніи
изчислено 28 пунктовъ, пребующихъ рѣ-
шенія. Кажется, намъ должно слѣдовать
порядку ихъ. И такъ — *первый* пунктъ.
Что вы изволише о немъ думаетъ? Мнѣ
кажется, что не утвердить его значить
не имѣть здраваго смысла ни капли. А? —
Прошу отвѣчать, и говоришь смѣло и
откровенно. Мы здѣсь все равно совеща-
тели о дѣлѣ общемъ.

Брюховъ. (*Дудкину*) Вашему Прево-
сходительству начинаеть — вы старше
всѣхъ по чину.

Дудкинъ. (*поглядывая на Думова и Шу-
мова*) Но вѣдь надобно съ младшихъ начи-
наеть. . . (*тихо*) Если заспоряеть эми
шумы, я не буду знать, что отвѣчать
имъ, а вѣдь это легко опъ нихъ спа-
нешся.

Думовъ. *(срочно)* Мнѣ кажется, что святая истина пребудетъ утвердить первый пунктъ; но дѣло рѣшать голоса.

Графъ. Вы совершенно справедливы. Начнемъ съ голосовъ. Г-нъ Секретарь! извольте спрашивать и записывать.

Кальбинъ. *(значительно посмотрѣвъ на Графа)* Г-нъ Незнаевъ! ваше мнѣніе?

Незнаевъ. *(тихо)* Тѣбу пропашъ! Все на меня первого! Что за бѣда такая! *(вслухъ)* Мое мнѣніе?

Кальбинъ. Да, дѣло идетъ на голоса.

Незнаевъ. Но, въ чемъ-же мнѣніе?

Графъ. По первому пункту предложенія. Скажите просно: Да, или нѣтъ?

Незнаевъ. Да.

Графъ. Запишишь.

Чижичковъ. Кспіати и мое.

Кальбинъ. Вы согласны?

Чижичковъ. Разумѣется.

Кальбинъ. А вы Г-нъ Холоповъ.

Холоповъ. *(кланяется)* Да.

Валетовъ. *(кланяется)* Тоже.

Кальбинъ. Вы, Г-нъ Книксинъ? Да, или нѣтъ!

Книксинъ. *(дремавшій, вздрагиваетъ, и минимально повторяетъ последнее слово)* Нѣтъ.

Многие голоса. Какъ: нѣтъ?

Книксинъ. А развѣ надобно было сказать: Да?

Холоповъ. (*тихо ему*) Какъ-же ! Охъ, братаецъ , ничего не слушаешь !

Графъ. Въ первый разъ имѣя удовольствіе васъ видѣть, я не менѣе не сомниваюсь , что проповорѣчіе внушено вамъ , М. Г. , опытнымъ познаніемъ дѣла, и желаніемъ добра. Знаю , что и голоса здѣсь совершенно свободныя. Но должно имѣть доказательство, чтобы проповорѣчить другимъ.

Книксинъ. (*встаетъ*) Ваше Высоко-сіятельство. . . я сказалъ. . .

Графъ. Мы слышали сказанное вами, но причины, М. Г. , причины. . .

Книксинъ. (*потѣетъ крупными каплями*) Я, ей Богу, Ваше Высокографское Сіятельство, сказалъ не то, что хотѣлъ — что думалъ сказать. . .

Графъ. А ! шакъ вы берете голосъ свой назадъ ?

Книксинъ. Точно шакъ , Ваше. . .

Графъ. Вы согласны ?

Кникс. Точно шакъ , Ваше . . .

Графъ. Мм. Гг. , это была ошибка, и ее, кажется, можно пропустить, ибо ошибка. . . .

Брюховъ. Въ фальшь не спавится.

Графъ. И шакъ , Гнъ Секретарь, запишите: *да*.

Книксинъ. Покорнѣйше благодарю !

Графъ. Благодарите своихъ Г-дъ Со-членовъ , которые столь снисходительно опличаютъ неумышленную погрѣшность опъ злонамѣренной мысли.

Книксинъ. *(кланяясь на всѣ стороны)* Покорно благодарю, покорнѣйше благода-рю. *(Всѣ , съ важнымъ видомъ , взаимно ему кланяются. Книксинъ садится , и утираетъ потъ , говоря тихо)* Ну! досталось мнѣ!

Брюховъ. *(про себя)* Признаюсь: опбешъ охоту спорить, когда эшакъ попа-дешься! Нѣтъ, что ни говори Шумовъ, а я — слуга его покорный! Когда попре-буютъ доказательствъ , шунъ уже не увернешься. . .

Графъ. Чшобысократить время, Мм. Гг., казался — по первому пункту всѣ согласны.

Многие голоса. Всѣ , всѣ.

Графъ. И такъ , пунктъ впорой.

Думовъ. *(нѣсколько разъ принимался за бумагу , которая у него въ боковомъ карманѣ , говоря тихо)* Чшо дѣлать? Какъ оскорбить въжливоссть, учливоссть Графа, и проши-ворвчїемъ уподобиться Брюховымъ и Книксинымъ — и это-же Шумовъ . . .

Графъ. *(замѣтивъ его движеніе , гово-ритъ ему ласково)* Не имѣете-ли вы чего сказать , почтенный мой сочленъ? . . .

Думовъ. *(смѣшавшись)* Я кошъль-бы. . .

Графъ. *(протягивая ему руку)* Васъ слушать , я всегда готовъ — ваша бла-гонамѣренность, вашъ умъ. . . *(тихо ему)* Если у васъ есть замѣчанія , сообщите

ихъ мнѣ. — Гдѣ вы сегодня обѣдаете?
Пойдемъ-ше ко мнѣ, и прочтемъ вмѣстѣ.

Думовъ. (*тихо*) Нѣтъ! я обезору-
женъ ласкою, привѣпливостью этого
испивно-государственнаго мужа! (*вслухъ*)
Мои замѣчанія касаются нѣкоторыхъ пун-
ктовъ, и они неважны . . . Я, напри-
мѣръ, полагаю, что число чиновниковъ,
назначаемое 7-мъ пунктомъ . . .

Графъ. Недоспапочно?

Думовъ. Нѣтъ . . . нѣтъ — излишне . . .

Графъ. Предсшавыше, какъ мы со-
шлись въ мнѣніяхъ!

Хитр. И я также думалъ и гово-
рилъ, Ваше Сіятельство.

Брюховъ. И я.

Многіе голоса. И мы всѣ.

Графъ. Замѣшьте, Мм. Гг., какъ
уничпожается наше личное самолюбіе:
всѣ согласны съ мнѣніемъ одного, когда
его мысль ведетъ къ добру. Это всѣмъ
намъ дѣлаетъ честь — скажу не обину-
ясь. Далѣе, почтеннѣйшій Гнѣ Думовъ.

Думовъ. Пунктъ 20-й . . .

Шумовъ. (*тихо*) Теряю терпѣніе: под-
лопъ спорилъ съ глупостью, и пу-
стоша съ бездѣльничествомъ! (*вслухъ*)
Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ,
Ваше Сіятельство.

Графъ. (*невнимательно*) Можете, М.
Г. — (*тихо Думову*) Если у васъ замѣ-

чанія изложены на бумагахъ, що дайше, я пробѣгу покажѣсь.

Думовъ. *(отдавая ему свою записку)* Чесць, какую получаю я. . . *(Графъ раз-вертываетъ записку)* Несвязно-ли писано?

Графъ. О нѣтъ! *(читаетъ)* Чшо-жь М. Г. угодно было вамъ сказать: мы ждемъ, Гнъ Шумовъ!

(Всѣ обращаются къ Шумову)

Шумовъ. По долгу и совѣспи, я думаю, что не присупая къ подробному разсмопрѣнїю, надобно войти въ сужденія предваришельныя.

Графъ. *(продолжая читать бумагу Думова)* Кто - жь мѣшаетъ вамъ? *(Думову)* Чшо это: я не разберу — польза, или скользя

Думовъ. Польза, Ваше Сїяшельство.

Брюховъ. *(тихо Шумову)* Полно - те спорить: *(Его)* Сїяшельство и не слушаель васъ. . .

Шумовъ. *(съ презрѣнїемъ взглянувъ на Брюхова)* Вслѣдствїе сего, я чесць имѣю объявить, что почишаю самое основанїе дѣла совершенно ничпожнымъ. . .

(Графъ, вспыхнувъ, кладетъ на столъ бумагу Думова, но удерживаетъ).

Шумовъ. *(замѣтивъ дасаду Графа, съ горячностью продолжаетъ)* Дѣло представлено въ видѣ превращномъ; наспоищїй вопросъ удалень, и всѣ 28 пункповъ сущъ пущыя подробности, изъ моихъ если не-

включить повпоренія, но не опасается и половины. . .

Думовъ. (*Брюхову*) Ну, что это, скажите? Сами мы не умеемъ поддерживать себя — гулял горячка. . .

Брюховъ. (*складывая руки на брюхо*) Что ты съ нимъ будешь дѣлать!

Дудкинъ. (*тихо Думову*) Послушайте: вѣдь это дерзко и не хорошо! (*Думовъ пожимаетъ плечами*).

Графъ. М. Г., мнѣ кажется, что надобно говорить о чемъ насъ спрашиваютъ, а не фаншазировать, и мы не имеемъ времени на пустыя предположенія и мысли.

Шумовъ. Я говорю, что насъ спрашиваютъ не о томъ, о чемъ нужно спрашивать; я доказываю, что предметъ взять односпоронно. . .

Графъ. Вникнули-ль вы въ смыслъ вашихъ словъ?

Шумовъ. (*горячо*) Больше другаго, можете быть — ложное, превращенное понятіе —

Графъ. (*громко*) Ложное?
(*Всѣ отодвигаются отъ Шумова*)

Думовъ. Вы слишкомъ много на себя берете, Гнъ Шумовъ!

Шумовъ. Я не имѣю надобности въ вашемъ совѣтѣ, М. Г. — (*вынимая бумагу*) Вошь мое мнѣніе, мои доказательствва.

Графъ. Коммиссія не можетъ принять ихъ.

Шумовъ. Вы не имѣете права опровергнуть мнѣ, Ваше Сіятельство.

Графъ. Какъ не имѣю права? Угодно вамъ на голоса?

Шумовъ. Я подаю свой голосъ, и вы обязаны выслушать его и приобщиться къ дѣлу, если и не согласитесь съ нимъ.

Графъ. Да что-жъ вы изволили кричать? Вы, сударь, оскорбляете присутствіе. Вы забываетесь, называя ложнымъ данное намъ предложеніе. Мы пребудемъ вашего мнѣнія, а не доноса.

Шумовъ. Развѣ я подаю доносъ?

Графъ. Какъ-же, когда бумагу, по которой должно судить намъ, вы называете ложно изображающею предметъ? И съ чего берете вы на себя, М. Г., дерзость: почитанъ себя умнѣ другихъ, когда всѣ другіе почтенные члены согласны? Съ чего, спрашиваю васъ, оскорбляете вы людей, старѣе васъ лѣтами, званіемъ, состояніемъ?

Шумовъ. Я членъ, равный другимъ, Графъ, и потому —

Графъ. Хорошо; но какъ вы смѣете судить о высшихъ началахъ администраціи, чего ни вы, ни я не должны спрашивать, потому, что мы не знаемъ, и потому, что насъ объ этомъ не спрашиваютъ?

Калыинь. *(про себя)* *Администрація!*
Вонъ словечко къщаци! Графъ — чудо, а
не человекъ!

Шумовъ. Позвольте мнѣ прочитати
свою бумагу, и полпомъ извольте судити.

Графъ. Вы говорите о дѣлѣ постано-
роннемъ, и мы не имѣемъ надобности
слушати вашу полспую лепрадь, доказы-
вающую только своевольное безпокой-
ство вашего характера.

Хитр. *(тихо Шумову)* Ради Бога. . .

Шумовъ. Ваше Сіяпельство! Я ни-
кому не позволю оскорблять себя — да-
же никакому Графу!

Графъ. Вы, сударь, забылись!

Шумовъ. Почтенные сочлены! я про-
шу васъ разсудити дѣло . . . *(Думовъ хо-
четъ говорить)* Не васъ, Гнѣ Думовъ, не
васъ . . . Неужели никто не осмѣлился
сказати правды? Вы соглашались со мной,
Гнѣ Брюховъ? —

Графъ. Какъ, Гнѣ Брюховъ! Вы уча-
ствовали въ умыслѣ Гна Шумова? Вы, су-
дарь, вы . . . *(общій ропотъ)*

Брюховъ. *(оторопѣвъ, вскакиваетъ)*
Помилуйте, Ваше Высоко. . . *(кланяется
въ поясъ)* Я и не думалъ никогда.

Графъ. Мг. Гг., подавайте каждый
свой голосъ, по совѣсти и свободно —
принимати, или нѣати мнѣніе Гна Шумова?

Всѣ. Нѣати, нѣати!

Шумовъ. *(встаетъ)* И пакъ, позволѣте мнѣ удалиться. Я ѣвиднѣтельспвую глубокое мое почпненіе Вашему Сіятельспву, Вашему Превосходнѣльспву. . . .

(поспѣшно уходитъ, оставя тетрадь свою на столѣ)

Кальннъ. *(про себя)* Я на колѣняхъ передъ Графомъ!

(Всѣ съ ужасомъ смотрятъ на мѣсто Шумова и тетрадь его)

Графъ. Какая дерзоспъ! Я не оспавляю этого.

Думовъ. Проспните его, Ваше Сіятельспво. Эпо излишекъ ревноспн — испннно, онъ хопѣль добра. . .

Графъ. Нѣптъ! уже давно замѣспилъ его и Г-нъ Губернапоръ, какъ человекъ безпкойнаго, подозрнпельнаго. . .

Брюховъ. Я осмѣлнваюсь покорнѣйше проспнпъ. . .

Графъ. Нѣптъ, почпненнѣйшій Г-нъ Брюховъ, нѣптъ. . .

Дудкннъ. Онъ мнѣ самому говорнлъ, что мы замазываетъ только снаружн, что Коммпссія наша еспъ собраніе людей пуспыхъ, что. . .

Графъ. Ну, этого онъ говорнпъ не сппанепъ. . .

Дудкннъ. Право, говорнлъ, Ваше Сіятельспво.

Графъ. Досадно что сполько времени у насъ пропало! Когда-же мы кончимъ, а надобно-бы непременно сегодня кончить!

Хитровский. Да вѣдь я думаю споровъ не будетъ... Господа, впорой пунктъ?

Графъ. Уже поздно! (*тихо Думову*) Повдѣмъ-те ко мнѣ — вы сядете со мною въ карешу (*Думовъ, въ восторгѣ, кланяется*) — Тамъ побесѣдуемъ. — (*громко*). ММ. ГГ., прошу васъ взглянуть на бумагу, которую предспавили Секретарь... а мнѣ надобно поспѣшить.

Чижииковъ. Да вѣдь я согласенъ, Ваше Сіятельство?

Графъ. (*встаетъ, и всѣ встаютъ*) Все однакоже взгляните —

Незнаевъ. (*тихо Кальнику*) Да не велика бумага-то? Вѣдь ужъ обѣдать пора!

Графъ. Я долгомъ моимъ поспавлю за свидѣтельствоваши о помѣ единодушїи и усердїи къ общей пользѣ, какїя вами были показаны, ММ. ГГ. (*всѣ кланяются*) А Г-на Шумова — я прощаю, и вы, Г-нъ Секретарь, запишете, что онъ не присушествовалъ. (*тихо Кальнику*) Дайте имъ подписать пропоколь окончательный — вѣдь онъ переписанъ?

Кальницъ. (*тихо*) Совсѣмъ набѣло.

Графъ. (*тихо*) А попомъ привезите его ко мнѣ прямо. Тамъ подпишете его Думовъ. (*Дудкину*) Adieu, mon général! — До

свиданія, Мм. Гг., — Г-нъ Думовъ! по-
демъ-те! (*Графъ и Думовъ уходятъ*).

Брюховъ. (*съ завистью вслѣдъ*) За что-
же такая честь ему!

Калбинъ. За умъ, сударь, за умъ!

Дудкинъ. За умъ-не быль умнымъ.

Калбинъ. Ну, Мм. Гг., теперь къ чте-
нію.

Чижицковъ. Послушайте: когда про-
читаемъ эту бумагу, надобно подписы-
вать?

Калбинъ. Разумѣется.

Чижицковъ. Чего-же шупъ шолкованъ?
(*вырываетъ у него бумагу, беретъ перо, и
хочетъ подписать*)

Калбинъ. Постойте — вверхъ нога-
ми — не шупъ, не шупъ!

Чижицковъ. (*подписавъ*) Кончено! Гос-
пода! валайте-ка! Au revoir! (*бѣжитъ вонъ*)
(*Валетовъ, Холоповъ, Книксинъ бро-
саются подписывать; Дудкинъ и Не-
знаевъ хотятъ идти*)

Калбинъ. Ваше Превосходительство!
Г-нъ Незнаевъ! надобно подписать.

Дудкинъ. Что это? Приговоръ? Да-
вайте!

(*подписываетъ*).

Хитровскій. Позвольте-ка мнѣ!

(*подписываетъ*).

Калбинъ. Г-нъ Брюховъ! не угодно-ли
вамъ?

Брюховъ. Но прочитайте-бы.

Калыинъ. Да вадь вы забыли очки дома ?

Брюховъ. Ожъ, да! Но что-жь это ша- кое? Какая бумага?

Калыинъ. Приговоръ.

Брюховъ. О, о! это надобно прочесть —

Калыинъ. Нѣкогда! (важно) Развѣ вы не согласны?

Брюховъ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! (подпи- сываетъ.)

Холоповъ. Только-съ?

Калыинъ. Только, Господа.

Холоповъ. Наше почтение. (Ожъ, Ва- летовъ и Книксинъ идутъ)

Валетовъ. (Книксину) Ну, попался бы- ло ты въ бѣду!

Книксинъ. (идя) И не говори! Вошь было съ дуру навязалъ себѣ хлопотъ. . . (уходятъ).

Хитровскій. (жметъ руку Калыина) До свиданія! Вы скажете Его Сіяшельству о моемъ усердіи — да, когда могу я заспать ихъ у себя?

Калыинъ. Поушпру всегда. Онъ вамъ будетъ радъ.

Хитр. (про себя) Кажется, все ладно — (уходитъ)

Брюховъ. Ну, ужъ поработали мы сегодня — поѣхали отдохнуть. . . А гдѣ же Его Превосходительства?

Калыинъ. Уѣхалъ. — Ахъ! Незнаешь не подписалъ!

Брюховъ. Пошлите къ нему на домъ, онъ не заспоритъ. . . Мое почтеніе! . .

Калвинъ. (однѣ) Вотъ, что значитъ опытность! Графъ совершенно правъ. Но почему и мнѣ не быть со временемъ такимъ-же мастеромъ ладить съ людьми? На то я чиновникъ, чшобы мнѣ были умными. А умъ, что такое? Умные ладить. Гдѣ ладно, тамъ все идетъ складно, сколько-бы дураки ни шумѣли!

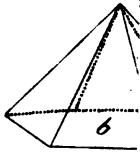

Печатать позволяется,

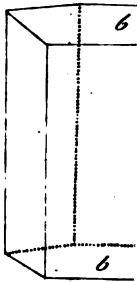
съ тѣмъ, чшобы по оппечашаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва, 1831 года, Декабря 30 дня.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цытасовъ.

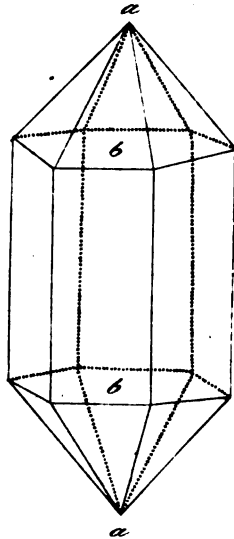
Фиг. 2. № 23) Моск. Палеон. 1830 г.

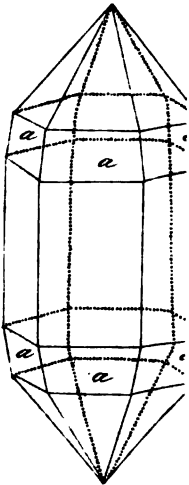
Фиг.

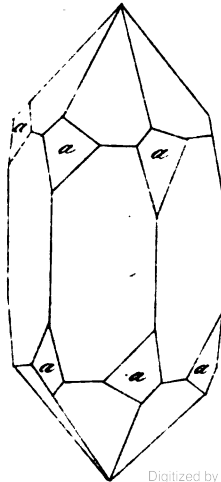
Фиг. 3.

Фиг. 4.

Фиг. 5.

 МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

П И С Ь М О

Графа Альфреда де-Виньи, къ Лорду * * *,
Графу * * * (*).

Какъ ошибаетесь вы, любезный Милордъ, думая, что Франція занимается мною — Франція, почти забывающая о томъ *сегодня*, что *вчера* только совершалось на Воспюкѣ, или на Западѣ, и ошъ чего поколебался, можетъ быть, не одинъ прокъ, или начата Исторія не одного народа! Парижане подарили мнѣ *одинъ вечеръ* — и вотъ все! Смѣю-ли претовашъ ошъ нихъ болѣе? Припомъ, *одинъ вечеръ рѣшаетъ*

(*). Говоря въ № 23-мъ Телеграфа (1830 г.) о романѣ Графа Альфреда де-Виньи, мы назвали сего императора «одною изъ самыхъ блестящихъ надеждъ новѣйшей Французской литературы.» Крокъ необыкновеннаго дарованія, показаннаго имъ въ *Генъ-Марсѣ*, А де-Виньи издалъ еще стихотворенія, дѣ дышишь глубокое чувство Поэзи. Принадлежа къ овой школѣ Французской, онъ перевелъ Шекспирова
Декабрь 1830.

бышіе или смерть трагедіи — да, эшо, могу васъ увѣришь, цѣлая жизнь ея, ибо — разсмотримъ дѣло ближе, и вы увидите, что за часъ прежде, трагедіи вовсе не было, а черезъ часъ послѣ — ея почши нѣтъ. Вошъ какимъ образомъ.

Трагедія естъ мысль, вдругъ превращенная въ *машину*, споль-же сложной механики, какъ покойная, Королевской памяти, машина въ Марли, кошорой нѣсколько обломковъ вы видѣли валяющихся въ грязи. Машину эшу спавялшъ съ большими шрашами времени, идей, словъ, шѣлдвиженій, писанныхъ каршоновъ, холеш-

Отелло, и въ первый разъ увидѣла въ эшомъ переводѣ Французская публика одно изъ Шекспировыхъ созданий вполнѣ. Успѣхъ былъ необыкновенный (см. Телеграфъ, 1830 года, помъ XXXIV стр. 340 и 472). Издавая свой переводъ, А. де-Виньи приложилъ въ началѣ его родъ предисловія: *Lettre à Lord *** Earl of *** , sur la soirée du 24 Octobre 1829 , et sur un système dramatique*. Предспавляемъ читателямъ нашимъ переводъ сего письма. Немного найдемъ сочиненій, гдѣ-бы въ споль маломъ размѣрѣ было вмѣщено сполько свѣжихъ, яркихъ мыслей, гдѣ-бы глубина соединена была съ такою игривостью, умъ съ такою веселою шушкою. Надобно-ли удивляться, что новыя Французскіе липператоры хорошо пишущъ, если они умѣютъ такъ мыслишь? Совѣпуемъ нашимъ липператорамъ внимательнѣе прочиташь письмо А. де-Виньи. *Изд. Тел.*

ны и вышитыхъ шканий. Толпа идетъ сморщивъ ее. Наступаетъ опредѣленный вечеръ, прогибаются пружины, и машина двигается сама собою, въ теченіе почти четырехъ часовъ: лепятъ слова, дѣлаются пѣлодвиженія, приближаются и удаляются картоны, поднимаются и опускаются холстины, развѣваются шкани: идеи автора дѣлаются чѣмъ могутъ, среди всего этого, и если, по счастью, ничто не испортилось прежде, то по прошествіи четырехъ часовъ наконецъ прогибается пружина, и машина остановилась. Все сказано; все расходуется. На другой день, толпы навѣрное убываетъ половина, и машина начинаетъ ржавѣть. Переменяютъ какое нибудь колесо, рычагъ; еще нѣсколько разъ она движется; потомъ пружины поршишь колеса, они разсрываются, начинаютъ скрипеть. Черезъ нѣкоторое число вечеровъ, въ машинѣ уменьшается качество, въ толпѣ убываетъ количество, и движеніе прекращается въ совершенной пустынѣ.

Таковъ почти всегда бываетъ жребій всѣхъ идей, превращенныхъ въ механическія созданія на драматическихъ пружинахъ, и обыкновенно называемыхъ: *Трагедія, Комедія, Драма, Опера*, и проч. и проч. — И конечно нѣтъ ни одного студента въ Парижѣ, который не могъ бы вамъ сказать, съ ошибкою развѣ въ двухъ

дняхъ , сколько разъ та или другая подобная машина продвигается : одна сто разъ (и это, говорятъ , *taхтит*), вошь эта шесть разъ ; одна болѣе , другая менѣе .

И такъ , не будемъ спорить : заставивъ играть прагедію , есть не что другое , какъ пригосовить для нея *одинъ вечеръ* , и настоящій шишулъ каждого драматическаго произведенія долженъ быть день представленія онаго . Вслѣдствіе сего правила , вмѣсто : *as you like it* (*какъ вамъ угодно*) , что написалъ нѣкогда Шекспиръ , я поставилъ-бы , при зашрудненіи въ выборѣ , въ заглавіи его комедіи : *Января 6 , 1600 года* . И моего *Венеціанскаго Мавра* называю я , для самого себя : *Двадцать четвертое Октября , 1829 года* .

Теперь , шумъ кончился . Это погасшій фейерверкъ . Не скрою опъ васъ , что когда сія мысль , какъ луть свѣша , поразила мою голову , то пригосовленія такого рода вечеровъ показались мнѣ *un peu bien longs* (немного слишкомъ длинны) , какъ часто говаривалъ нашъ великій Мольеръ . Напримѣръ : для устройства моего *Двадцать четвертаго Октября* , мнѣ надобно было оставить , къ большому моему сожалѣнію , сказку или испорію (*) — какъ вамъ угодно — въ

(*) Une histoire , ou l'histoire — неперевоодимая игра словъ . Т .

родѣ *Сень-Марса*, кошорую приготавливалъ я для собшвенной моей забавы, если могу, или для забавы дѣшей. Перерывъ эпошъ мнѣ чего нибудь да спойлъ. Но шакъ было надобно. У меня было нѣчто шакое, что слѣдовало сказашь поскорѣ публикѣ: *машина*, о кошорой говорилъ я вамъ, ешь пушь самый скорый. Въ самомъ дѣлѣ, вошъ прекрасный способъ говоришь съ шрема шмсачами собравшагося въ кучу народа шакъ, что ни комъ образомъ не могутъ они не выслушашъ шего, что хошашъ имъ сказашь! У чшашателя ешь множештво способовъ увернущся. Напримѣръ: онъ можешъ кинущъ книгу вашу въ огонь, или выбросишь ее за окно. До сихъ поръ неизвѣшны еще средства опплатишишь за подобное дѣйствіе негодованія. Но прошивъ зришеля въ шеашрѣ, вы гораздо сильнѣе дѣйшвуеште: однажды вошедши въ шеашрѣ, онъ попался, какъ будшо въ мышеловку, и шрудно выйдши ему, если у него брызгливый сосѣдъ, и не шерпишь развлеченія и шума. Ешь даже шакія мѣспа, гдѣ онъ не можешъ вышацишишь плашка изъ своего кармана. Въ эпомъ сошстояніи задушенія и удушенія, остаешся ему— по неволѣ слушашъ. *Вегеръ* кончился; шри шмсачи головъ наполнились вашими идеями. Не правда-ли, что шеашрѣ ешь чудешное изобрѣшеніе?

Вошъ, что мнѣ надобно было сказашь шремъ шмсачамъ головъ, 24-го Окшября 1829 года:

« Мн. Гг. Вамъ предсавляется къ разрѣшенію простой вопросъ, и именно, слѣдующій :

« Откроется, или нѣтъ, Французская сцена для новой Трагедіи, представляющей — въ основаніи своемъ, обширную картину жизни, вмѣсто сжатой картины развязки какой нибудь интриги; въ составѣ своемъ, характеры, а не роли, тихія сцены безъ драмы, смѣшанныя съ сценами комическими и трагическими; въ исполненіи своемъ, слогъ простой, комическій, трагическій, и иногда эпическій?

« Для разрѣшенія сего тройнаго вопроса, вновь сочиненная трагедія была-бы недостаточна, ибо въ первое предсавленіе, публика, всегда стараясь обратишь свои наблюденія на дѣйствіе, слѣпа къ раскрытію его, и не знаа общности созданія, не понимаетъ, что такое производишь различія въ слогѣ.

« Новое сочиненіе не было-бы достаточнымъ авторитетомъ для рода, новаго, подобно ему, и необходимо упало-бы оно подъ двойною крѣпкою. Хорошіе прежніе опыты это доказали.

« Новое сочиненіе, положимъ, мое, показало-бы только, что я сочинилъ трагедію, хорошую или плохую; но возраженія поднялись-бы неоспоримо, о томъ: достаточный-ли это примѣръ для утверженія системы? И эти возра-

женія были-бы для насъ нескончаемы , ибо одинъ посредникъ рѣшаетъ ихъ : *потомство*.

« Но потомство произнесло уже на гробѣ Шекспира судъ , по которому признають людей великими. Слѣдственно : одна изъ его прагедій , составленная по системѣ , въ которую я вѣрую , будешь для насъ доспашочнымъ примѣромъ .

« Занимаясь на первый разъ только *слогомъ* , я выбралъ созданіе , обожаемое нѣсколькими вѣками , и у всѣхъ народовъ .

« Представляю его , не какъ образецъ для *нашего времени* , но какъ изображеніе чужеземнаго памятника , воздвигнутаго нѣкогда могущественнѣйшею рукою , изъ всѣхъ , когда либо пворившихъ для сцены , и по системѣ , которую считаю я приличною нашей эпохѣ . Разумѣешь , Мн. Гг. , надобно имѣть въ виду различія , какія успѣхами человѣческаго ума внесены въ Философію и знанія нашего вѣка , въ нѣкоторыя условія сцены , и въ благоприспособность разговоровъ .

« Прислушайтесь въ эпошѣ вечеръ къ языку , которымъ , по моему мнѣнію , должна говорить *новая Трагедія* . Въ ней каждое лицо будетъ выражаться сообразно своему характеру , и въ произведеніи искуства , какъ въ жизни , переходить отъ привычной прошлости къ спрасс-

ной восторженности, отъ *регитатива* къ *пѣнію*.» —

Таковы были основаніе и главная мысль предпріятія, совсѣмъ не своекорыснаго съ моей стороны, не смотря на успѣхъ, ибо, можетъ бысть, что пронувъ, испытавъ, хорошо разсмодрѣвъ на Шекспировской прелюдіи эполъ споусный органъ, называемый *театромъ*, я никогда не рѣшусь играть на немъ собственнхъ своихъ идей. Въ сценическомъ искусствѣ шакъ много дѣйствія, что оно разрушаетъ уединеніе думъ поэта. Кроме того, искусство самое сжапое изъ всѣхъ другихъ, уже и безъ того ограниченное для философскихъ развишій неперпѣливоспью зришелей, и временемъ, котораго не хочеть переидти, оно опутано еще препяпшвіями всякаго рода. Самое шажелое изъ нихъ есть теапральная наша Цензура, непрерывно мѣшающая углубляпсья въ два характера, на коихъ основано образование общеспвенное. Ихъ можно полько *отергивать* — дѣло, не сподящее пруда писателя, если онъ чувспвуетъ пошребность видѣть до дна все шо, на что онъ глядишь. Не спану исчисляшь и безчисленнхъ, скрыпныхъ сопропивлений, которыя надобно побѣдишь для достиженія къ мимолешному слѣдспвію. Мой скромный *переводъ*, объявенный такимъ, и не нападающій ни на кого, подобно всему, что мною писано, испытанъ препяпш-

свѣія , споль огромныя , споль неожиданныя , что я еще и шеперь спрашиваю самого себя : какиѣ чудомъ успѣлъ я ? Но *ветеръ 24-го Октябръ* ушвердилъ мой успѣхъ . Пусть еще дюжина другихъ вечеровъ послѣдуетъ за нимъ , пусть за ними будутъ еще такіе-же вечера — дѣло не важное ! Послѣ всего мною сказаннаго , вы видите , что это будетъ уже роскошь . Трагедія своимъ успѣхомъ похожа на Сирену — *desinit in piscem mulier formosa superne* . Если ея рыбій хвостъ начинается съ пояса , или выше , или ниже — разница не велика . Дѣло , въ помъ : всегда-ли будетъ она плавать , и погрузившись , по своему обыкновенію , въ воду , часо-ли будетъ показываться оиашь на поверхности воды ? Такъ какъ это относится къ будущему , и касается *только меня* , но не *общихъ вопросовъ* , по мнѣ нечего и говорить вамъ объ этомъ .

Поговоримъ о публикѣ .

Опдадимъ ей наконецъ справедливостъ : она сильно доказала , что ей надлежало шолько услышать и увидѣшь *истину* , за копорую сражающся шеперь всѣ люди , сильныя во всѣхъ искусствахъ . Не знаю , что такое *публика* , если *большинство голосовъ* не составляетъ публики . Оно показало , что хочешь шого , чего мы хотимъ . Нѣтно давно подсказывало мнѣ , что часъ

рѣшенія наступаетъ (*), и я издавна ждалъ, когда наконецъ пробьешь онъ. *Насыкъ* попящился на эпопъ разъ, навъкъ, шакъ часто причиняющій намъ зло, врагъ всякому искусству, ибо искусство живетъ движеніемъ, а навъкъ неподвижношью. Нѣтъ народа, у кошораго обычаи Литшпературм и Искусствъ были-бы сильнѣе окованы и прикованы, какъ у насъ, Французовъ, почитаемыхъ споль вѣшренными. Да, наша великая Франція бываетъ иногда небрежна, часпо, во многомъ, дремлетъ, и слава Богу, что дремлетъ для спокойшвія свѣта! Ея пробужденіе зажигаетъ, или обхвашиваетъ полміра. Но во время дремошы, Францію весьма часпо въ полишикъ водить умъ самый пошлый, а въ умшвенномъ образованіи самый обыкновенный. Опъ времени до времени, большинство публмки, свѣжее и дѣятельное, хорошо понимаетъ, что надобно двинуться впередъ, и ищеть людей, ко-

(*) Я писалъ о системѣ Драмы въ 1824 г., когда Г-нъ Де-Сорсумъ, шакъ рано умершій, издалъ переводы Шекспировыхъ Трагедій въ спискахъ, бѣлыхъ, съ рифмами, и въ прозѣ. Этой системѣ перевода я не слѣдую, почитала ее невозможною въ нашемъ языкѣ; но я спѣшилъ сказать мое мнѣніе о шрудѣ Г-на Де-Сорсумъ, съ шѣмъ уваженіемъ, какое пишаю къ смѣлому уму, дѣлающему шагъ впередъ, и дерзающему въ новый цушь. *Прим. Сог.*

шорме пошли-бы передъ нимъ. Но, почти всегда, шолпа умовъ, *разслабленныхъ* и *лѣнливыхъ*, схватываешься за руки вокругъ него, и составляешь цѣпь, оспанавливающую, объемлющую порывъ большинства публики. Ихъ усыпительный гальанизмъ распространяется, усиливается, публика дремлетъ, и снова засыпаетъ на долгое время. Этомъ хворый народъ (впрочемъ люди очень добрые) любитъ слушать сегодня то же, что слышалъ вчера: шѣ-же идеи, шѣ-же выраженія, шѣ-же звуки. Все новое кажется ему смѣшнымъ, все неупопребительное варварскимъ, *tout leur est Aquilon* (для него все Аквилонъ). Щедушные, охающіе, привыкшіе къ шеплымъ, сладкимъ пишьямъ, они не могутъ вынести *вельмодушнаго* вина. Ихъ-то хотѣлось мнѣ вылечить, пошому, что мнѣ грустно спало видѣть, какъ они блѣдны, какъ они едва ходятъ, едва держатся на ногахъ. Иногда имъ было отъ меня очень больно, шакъ, что они гошовы были кричатъ, но, давая имъ заѣдашь лекарство коешкими сладостями, я привелъ ихъ шеперь въ изрядное состояніе здоровья. Отъ времени до времени, надѣюсь сообщать вамъ объ этомъ дальнѣйшія, ушѣшительныя извѣстія.

Ошавимъ ребяческій вопросъ о шешпральныхъ представленіяхъ; я говорилъ вамъ шушя объ этомъ, какъ о дѣлѣ, кошорое въ самомъ

дѣлѣ почишаю ничтожнымъ. Но, если можемъ иногда смѣясь упоминашь о людяхъ, за шо никогда не будемъ смѣяться, говоря объ идеяхъ. Шушки въ сторону : поговоримъ сперва о *системахъ вообще*, и попомъ, особенно, о *системѣ драматической реформы*.

Почши невѣрояшно, какъ насильственно передѣлывая смыслъ нѣкоторыхъ словъ, мы беремъ иногда нынѣ слово : *система*, съ дурной стороны. *Système* (*сѣтѣм*), по коренному значенію своему, если моя память не обманываетъ меня въ смыслѣ Греческихъ словъ, значить : *порядокъ*, сѣвлєніе основаній и послѣдствій, составляющихъ ученіе, догматъ. Каждый, имѣющій какія нибудь идеи, и не связывающій ихъ въ полной системѣ, будешь чловѣкъ не полный ; онъ ничего не произведетъ, кромѣ неопредѣленнаго, и если онъ произведетъ сносное, эшо будешь случайность, въ родѣ мыльнаго, блестящаго пузыря ; онъ всегда будешь ходитъ ощупью, въ туманѣ. Посмотрише, напрощивъ, на новую мысль, въ головѣ сильно организованной : она множишся шамъ, развиваеяся удивительнымъ образомъ, въ одно мгновение : пакъ, жаръ и посполная работа могучаго ума быспро заспавляють ее зрѣшь. Смѣло ушученная, она родинъ въ своемъ очередь безпрерывна поколѣнія мыслей, на нее

похожихъ , и зависящихъ отъ нея единственно. Какъ ни невольно вдохновеніе поэта , но оно всегда увлекаетъ его къ своему началу , и хотя поэтъ не можешь опдаться себѣ опчета , но всегда есть у него послѣдованіе идей , составляющихъ полную систему , совершенный порядокъ , безъ котораго онъ ничѣмъ-бы не былъ , и не могъ бытъ. Такъ , по моему мнѣнію , человекъ , который кажется вамъ совершенно *инстинктивнымъ* , неспособнымъ изложить теорію своихъ собщвенныхъ созданій , когда упоеніе воспорага для него кончилось , этотъ человекъ , хотя-бы онъ клялся даже вамъ , что у него нѣтъ ни какой системы , зависящъ отъ своей системы болѣе , нежели всякій другой. Именно происходитъ это отъ того , что онъ не сознаетъ самого себя , не изслѣдуетъ системы , его увлекающей , и не свободенъ разрушить ее , для созданія другой , превосходящей первую.

Исторія міра есть исторія многихъ системъ въ дѣйствіи , и если каждую изъ сихъ системъ возвести къ ея первоначальной мысли , то вся Исторія наша сольется въ двадцать , или немного болѣе , идей. Не было ни одного великаго человека (былъ-ли онъ человекъ мысли , или человекъ дѣянія) , который-бы не создавалъ и не приводилъ въ дѣйствіе системы. Разница та , что *мыслитель* (*le penseur*) выше *дѣятеля* ,

ибо онъ живешъ въ идеяхъ, царствуешъ идеями, предспавляешъ ихъ въ нагошъ, чистыми отъ пятенъ жизни, свободными отъ ея случайныхъ приключеній, ничѣмъ ей не одолженными. Но полководецъ, или законодатель, брошенный въ океанъ обстоятельствъ, возвышенный одною волною, низринутый въ бездну другою, увлеченный печеніемъ, коимъ хотѣлъ воспользоваться, двадцать разъ перемѣняетъ путь, проекты, планы, забывая основаніе, которое хотѣлъ проявить, и часто уступаая свое собственное убѣжденіе счастью.

Оправдавъ самое слово, перейдемъ къ приложенію его въ двухъ драматическихкихъ системахъ, занимающихъ многіе умы, одна своимъ смелымъ поменіемъ, другая своимъ смѣлымъ рожденіемъ. Буду слѣдовать съ вами по тому порядку, который мы для себя предположили, и сперва обращусь къ составу швореній.

Слава Богу! Старый преножникъ *трезъ единствъ*, на которомъ сидѣла Мельпомена, иногда довольно неловко, шеперь держишся на одномъ швердомъ основаніи, котораго не лзя у нея опннать — *на единствѣ интереса въ дѣйствіи*. Смѣемся изъ соспраданія, чинная въ одномъ изъ нашихъ великихъ писателей: «Зритель находится въ театрѣ только три часа, слѣдственно, не должно, {чтобы дѣйствіе про-

должалось болѣе трехъ часовъ.» Не все-ли будешь равно, если мы скажемъ: «Чишәшель «упошребляетъ чепыре часа для чшенія романа; «или поэмы, слѣдшвенно, надобно, чшобы и «двѣшствіе ихъ продолжалось не болѣе чепырехъ «часовъ?» — Сіи слова уничтожають всѣ заблужденія, родившіяся изъ правила, выше приведеннаго. Но мало шого, чшо мы освободимся опшь тяжелыхъ препяшствій, надобно еще изгладить и близорукость ума, ихъ создавшую.

Venez, et qu'un sang pur par mes mains épanché
Lave jusqu' au marbre où ses pas ont touché.

Замѣшьте прежде всего, чшо въ системѣ, кошорая шеперь кончается; всякая шрагедія была рѣшеніемъ, развязкою дѣйствія, уже созрѣвшаго, когда подымался занавѣсъ; она держалась на нишчкѣ, и ей надобно было шолько упасшь. Опсюда происходилъ недосшашокъ, поражавшій васъ, шакъ какъ и всякаго иносшранца, въ Трагедіи Французской: эша бережливость сценъ и развишій, эши ложныя замедленія, и вдругъ поспѣшность кончипть, смѣшанная съ боязнью, почти всегда ощущаемою, о шомъ, чшо маперіи не достанетъ одѣшь всѣ пяшь дѣйствій. Такое замѣчаніе, не шолько не уменьшаетъ моего уваженія къ людямъ, слѣдовавшимъ прежней системѣ, но, напрошивъ, уве-

личиваетъ его. Для каждой прагедіи надобны имъ были особия уловки необыкновенной силы, и бездна хитросостей, чтобы закрытьъ произвольную бѣдность, на которую они осуждали себя. Они старались растягивать вѣхій, дировашій лоскутъ багрянцы, и закрывашъ себя эпитимъ бѣднымъ лоскушомъ.

Не такъ будетъ поступать опиниѣ драматическій поэтъ. Прежде всего, онъ схватитъ широкою рукою много времени, и заставитъ въ немъ двигатся цѣлыя *бытія*. Онъ создастъ въ Драмѣ человѣка, не какъ *видъ* (espèce), но какъ *самобытное существо* (individu): единое средство возбудишь участіе къ Человѣчеству! Онъ оставитъ свои созданія жить собственною ихъ жизнью, и только броситъ въ сердца ихъ сѣмена спраспей, коими пригоповляются великія событія. Потомъ, когда придетъ самъ собою часъ судьбы — и только тогда, такъ, чтобы не чувствовали руки поэта, оный ускоряющей — онъ покажетъ, какъ Судьба обвиваетъ свои жертвы узлами, споль-же широкими, споль-же многочисленными, споль-же нераспоргаемыми, какъ шѣ, коими обвиты ломающіяся косцы Лаокоона и дѣшей его! Тогда, далекій отъ жалобъ, что лица его слишкомъ малы для пространства, онъ будетъ спенать, жаловаться, что имъ мало воздуха для дыханія, и мѣсна

для дѣйствія. Искусство уподобился жизни, а въ жизни главное дѣйствіе влечетъ окрестъ себя вихрь чашныхъ событій, необходимыхъ и безчисленныхъ. Тогда, пиворець найдешь въ своихъ созданіяхъ довольно головъ, чтобы развишь въ нихъ всѣ свои идеи, довольно сердець, чтобы заставилъ ихъ бишься всеми своими чувствами. Тогда зрители почувствуютъ, какъ вся душа поэта движетъ толпы. *Mens agitat molem.*

Будемъ справедливы: все было весьма спройно и успроено въ нашей прагической *эксистемѣ*. Но развѣ въ системѣ Феодализма также не все было спройно и успроено? — Чтобы выполнить длинную катастрофу прагедіи, въ которой не было сущности, ибо все было надумо, надлежало замѣнить ролями характеры, одушевленными опвлеченностями страстей насшоящаго чловѣка. Нѣтъ! Природа никогда не производитъ цѣлаго семейства людей, цѣлаго дома, въ смыслѣ Древнихъ (*domūs*), гдѣ-бы отецъ и дѣвки, господинъ и слуги, были одинаково чувствительны, безпокоймы въ равной степени однимъ и тѣмъ-же событіемъ, бросались-бы въ него, сложивъ голову, принимали добродушно за дѣло всѣ нечаянности, всѣ уловки, самыя грубыя, испивали поржешвенное удовольствіе, порже-

свѣнную скорбь, торжественное бышенство! Можно-ли всему этому народу щасливо блистать единое чувство, оживляющее его съ перваго измѣненія событія до послѣдней развязки, не позволяя своему воображенію удаляться ни на одинъ шагъ, занимаясь непрерывно однимъ дѣломъ, по ешь, шѣмъ, чшобы назначать развязку, и задерживашь ее всячески, безпрестанно говоря объ ней!

Вопшь почему и надобны были въ эпихъ сѣнях, ни къ чему не ведущихъ, лица, копорыя никуда не шли, говорили пустяки, съ веръшипельными идеями, въ неопредѣленныхъ словахъ, были немножко волнуемы обрубленными спрасами, и шакимъ образомъ доспигали живописной смерти, или поддѣльнаго вздоха. Пустая фантасмагорія! Призраки людей въ призракъ природы, область опвлеченной пустышы — *Inania regna!*

Только силою генія, или дарованій, первоначальные люди каждой эпохи успѣвали бросать яркіе лучи въ сіи мраки, наводитъ прекрасны формы на эпошъ хаосъ. Ихъ шворенія были великошпыными исключеніями — а сіи исключенія приняты за кодексы правилъ. И все попадало въ избышю колею ложной дороги!

Есть возможность и шеперь найдтись людямъ, копорыя хорошо говорятъ мертвымъ

языкомъ. Въ XV-мъ вѣкѣ писали даже цѣлыя книги на Лапинскомъ языкѣ, и ихъ донинѣ довольно уважающъ.

Мнѣ кажется, не прудно доказать, что могущество, столь долгое время державшее насъ въ эпохѣ мѣръ приличій, что Муза эпохи испущенной Трагедии, была *свѣтская вѣжливость*.

Да, эпоха была она, безъ сомнѣнія. Только она можешъ въ одно время изгнать истинные характеры, какъ грубость, простой языкъ, какъ низость, идеальность Философii и страстей, какъ сумасшествiе, Поэзію, какъ странность!

Свѣпская вѣжливость, хопя и дочь Двора, была и всегда будешъ *уравнительною*: она гладитъ и равняешъ все. *Ni trop haut, ni trop bas* (ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко) — девизъ ея. Она не внемлетъ природѣ, опивсюду гремящей генію, какъ Макбетъ: *Come high or low* (спулай/ниже, или выше)!

Человѣкъ бываешъ, или воспорженъ, или простъ. Будущіе поэты наши убѣдяшя, что показывашъ человѣка, каковъ онъ есть, значитъ уже возбуждашъ учасіе зршелей. Чпо за надобность, въ самомъ дѣлѣ, шрогашъ съ самага начала *нить*, всегда предчувствуемую, какого-либо событія, чшобы заиншеровашъ меня характеромъ, начершаннымъ вѣрно? Я

уже пронуть, если мнѣ представленъ насполющій образъ Божіаго созданія. Я люблю его, потому, что онъ уже *есть*, потому, что я узнаю его по походкѣ, по языку, по виду, признаю въ немъ живое существо, брошенное въ міръ, подобно мнѣ самому, въ добычу жребія; но, *да будетъ-же* это созданіе, или — я ошкажусь отъ него. Пусть не спарается онъ показашъ мнѣ себя шѣмъ, что Муза свѣтской въживности, на своемъ живо-благородномъ языкѣ, называетъ: *герой*. Шѣшь! будь онъ не болѣе челоуѣка, ибо иначе онъ будетъ менѣе его; дѣйствуй онъ по сердцу смершнаго, а не вымышленному воображенію лица, дурно вымышленнаго. Въ семъ последнемъ случаѣ, пошѣ достойно заслужишъ имя *подражателя призракамъ*, какъ называетъ поэшовъ Платонъ, гоня ихъ изъ своей республики.

Особенно изъ подробностей слога, можете вы судить о дѣйствіяхъ выложенной свѣтской школы, которая шакъ хорошо надоѣла шеперь всѣмъ. — Не думаю, чтобы иностранецъ могъ легко достигнуть до пониманія той степени ложнаго вкуса, на которой стояли Французскіе *стихослагатели для сцены* (*versificateurs pour la scène*) — совѣстно назвашъ ихъ *поэтамъ*. Желая данъ вамъ какой нибудь примѣръ изъ еша шмьсячъ, спрошу васъ: какъ вы думаете го-

ворили, когда надобно было сказать: шпионы?
 Вошь какъ :

Ces mortels dont l'état gage la vigilance !

Смертные, которыхъ государство обязываетъ быть бдительными! Не правда-ли, что одна только чрезвычайная свѣтская вѣжливость къ сословію шпионовъ, могла изобрѣсти такую щегольскую перифразу, и, вѣроятно, всѣ эти смертные, случайно находившіеся въ театрѣ во время представленія пьесы, были признашелями къ Авшору. Но, естественность слога въ спору; вы лучше поймете меня, если я, для примѣра, представлю вамъ Наполеона. Въспомните, чтобы просто сказать: Fouché, vous enverrez demain cent espions au Carrousel, où je passe la revue (Фуше! пошли завтра сто шпионовъ на Карусельную площадь, когда я буду смотрѣть войска), вообразите, что Наполеонъ говоритъ: Seigneur, vous enverrez cent mortels dont l'état gage la vigilance (Министръ! пошли сто смертныхъ, которыхъ государство обязываетъ быть бдительными)! — Вошь, что у насъ называлось: noble, poli, harmonieux!

Писатели, по большей части люди съ дарованіями (въ чемъ не лзя отказать и тому, изъ сочиненій кофараго взял я примѣръ), были увлечены въ заблужденіе желаніемъ достиг-

нушь того, что называютъ *гармонією*. Они
 обольщены были примѣромъ великаго художника,
 который обрабатывалъ только древніе предме-
 ты, въ коихъ облакался онъ Греческими и Ла-
 тинскими образами. Желая сохранить его фор-
 мы, заѣли фальшиво; принужденные успѣхами
 ума человѣческаго, невольно увлеклись къ но-
 вѣйшимъ предметамъ, но употребляли языкъ
 подражанія Древнимъ (хотя это и не было со-
 вершенно древнее). Отсюда явился эпопѣ слогъ,
 въ которомъ, что слово, то анахронизмъ,
 гдѣ Китайцы, Турки, Американскіе дикари,
 въ каждомъ стихѣ говорятъ о Гименей и его
 пламенникѣ!

Гармонія, которой такъ сильно добивались,
 мнѣ кажется, существуетъ для Поэмы, а не
 для Драмы. Лирической поэпѣ можешь пѣть
 свой стихъ — даже, можешь быть, долженъ
 это дѣлать, увлеченный своимъ вдохновеніемъ.
 Къ нему и опнесемъ извѣстное правило:

Les vers sont enfans de la lyre,
 Il faut les chanter, non les lire.

Но Драма всегда предспавляетъ народу ли-
 ца, собравшіяся говорить о своихъ дѣлахъ, и
 они должны *говорить*. Сдѣлайте-же для нихъ
 основою эпопѣ престою, свободный *регита-
 тивъ*, прекраснѣйшій примѣръ коего, въ нашѣ

языкъ , представляеть Мольеръ . Когда спрасшь и бѣдствіе одушевятъ ихъ сердца , возвысятъ ихъ мысли , пусть и спихи возвысятъ съ ними на мгновение , до пѣхъ величественныхъ движеній спраспи , которыя походятъ на *пѣніе* : такъ сильно испоргаютъ они изъ насъ душу !

Каждый человекъ , въ обыкновенномъ разговорѣ , имѣеть свои любимыя образы выраженія , свои привычныя слова , происходяція отъ его воспитанія , занятія , вкуса , изученныя въ его семействѣ , внушенныя ему врожденными склонностями , или опшраченіями , его темпераментомъ , желчнымъ , сангвиническимъ , или нервическимъ , подсказанныя ему умомъ , спраспнымъ или холоднымъ , разстешливымъ или проспнымъ . У всякаго естъ свои любимыя сравненія , свой словарь , по которому знающій человекъ узнаеть его , не слыша его самого , по одному оборшу , по одной фразѣ , другимъ пересказанной . Должно-ли послѣ всего этого , каждому лицу употреблятъ одни и шѣ-же слова , и одинакіе образы , наравнѣ съ другими ? Нѣшъ ! все это должно бытъ сжато или растянуто , небрежно или изысканно , распшчешельно или скупона украшенія , смопря по характеру , по возрастамъ , по наклонностямъ . Мольеръ всегда спарался придавать такіе свободныя , крѣпкіе опшѣнки , коимъ научаетъ насъ внимательное

наблюденіе надъ человѣкомъ ; у Шекспира нѣтъ ни одной пословицы, ни одной брани, упошребленной не къспашь. Ни шопъ ни другой изъ сихъ великихъ людей не могли-бы помирить истиннаго языка съ *эпическимъ стихомъ* нашей Трагедіи, и если-бы, по несчастію, они приняли сей спихъ, то имъ надлежало-бы шакже скрывать *простое слово* подъ маншію перифразъ, или подъ маску Древней, ученой фразы. Это, былъ-бы очарованный кругъ, изъ котораго ни какое могущество генія не вывело-бы ихъ. Можемъ указать на одинъ примѣръ, неоспоримый. Сочинитель *Эскри*, источникъ самаго чистаго драматическо-эпическаго слога, написалъ въ 1672 году трагедію, изъ истиннаго происшесвія, бывшаго въ 1638 году. Онъ чувствовалъ, что новѣйшія Восточныя имена не могутъ благозвучно войдши въ его Александрійскіе, гармонически сосшавленные по примѣру Древнихъ, сѣихи. Что-жь онъ сдѣлалъ? Онъ рѣшилъ дѣло по чувству вѣрнаго разсудка: видя, что невозможно переимѣнить сѣиха, въ шомъ, что онъ называлъ *Драматическою поэмою*, онъ переимѣнилъ всю поменклатуру Турковъ, и кинулся не знаю въ какую-то неопредѣленную спарину: Багдадъ превратилъ онъ въ *Вавилонъ*, Стамбулъ не смѣлъ бытъ даже Константинополемъ, и сдѣлаея *Византією*, а имя Шаха Аббаса, осаждавшаго въ то время Багдадъ, исчезло въ име-

нахъ Осмина и Османа. Такъ и должно было ему пошущишь.

И еще болѣе. Показавъ вамъ примѣръ забавныхъ заблужденій, въ какія увлечены были послѣдователи Расина, я хочу защищить автора, у котораго взялъ я примѣръ смѣшнаго. Я думаю, что ему не должно было говорить словъ грубыхъ и простыхъ (каковы: *шпіонъ*, и ш. п.), въ слогъ, имъ употребленномъ, ибо сіи слова походили-бы тогда на бранныя рѣчи въ устахъ молодой дѣвушки, поющей унылый романсъ. Ихъ можно-бъ было говорить только тогда, когда съ перваго стиха трагедіи зритель слышалъ простые выраженія. Но если въ печеніе пяти дѣйствій возглашали: *reine*, вмѣсто *votre majesté*; *hymen*, вмѣсто *mariage*; *immoler*, вмѣсто *assassiner*, и тысячу подобныхъ употребленій — какъ-же между ими помѣстишь слово, подобное слову: *espion*? Нѣтъ! надобно уже было сказать: *mortel*, и что нибудь длинное и мягкое прицѣпишь къ хвосту этого слова.

Творецъ Гюголи очень хорошо понималъ все это, и въ своихъ *Челобитникахъ* переламывалъ при каждомъ случаѣ стихи, въ пользу словъ истинныхъ, ноемыхъ, почти всегда слишкомъ длинныхъ, не шерпящихъ сокращенія, и не могущихъ умѣститься въ стихъ вполнѣ. Древніи

имена не были предшествуемы, подобно именамъ новѣйшимъ, другими именами, или шипульнымъ словомъ, прираспающимъ къ новѣйшимъ, какъ прираспають перья къ пинчейей кожѣ. Никакой Пажъ не можешь сказать однимъ Александрійскимъ стихомъ: *Madame la duchesse de Montmorency*, а если скажешь онъ просто: *Montmorency*, то его, конечно, накажутъ за невѣжливость. Въ подобномъ случаѣ, шворецъ Эсеэри принуждалъ себя говорить:

..... *Madame la comtesse*
De Pimbèche.

Такъ въ простыхъ фразахъ, кошорыхъ онъ не хопѣлъ ни разрывать, ни сгибать, что значило-бы безобразить ихъ, мы находимъ у него:

Puis donc qu'on nous permet de prendre
Haleine, et que l'on nous défend de nous étendre.

Не сомнѣвайшесь въ томъ, что если-бы писатель, споль совершенный, принужденъ былъ поставитъ на сцену совершенно новый предметъ, то онъ упошребилъ-бы *простыя слова*, и разрушилъ правильное, однообразное качанье стиха Александрійскаго переходами изъ одного стиха въ другой; онъ пренебрегъ-бы, повѣрьшесь мнѣ, полуспишаниями, и, можешь бышь, даже (чего мы не осмѣляемся) вспавлялъ-бы *giatusы*, подобные Мольеру: *Voici d'abord le cerf donné*

aix chiens, и сокращалъ-бы слоги, какъ видимъ это въ слѣдующихъ словахъ : *je me trouve en un fort à l'écart, à la queue de nos chiens, moi seul avec Drécar.*

Какъ жаль, что все это не пришло ему въ голову въ 1670 году ! Онъ избавилъ-бы меня отъ множесва нелѣпыхъ нападеній, подписанныхъ и неподписанныхъ (анонимовъ въ обоихъ случаяхъ). Онъ какихъ тяжкихъ усилій избавилъ-бы онъ также поэзовъ, своихъ послѣдователей !

Повѣрише-ли, напримѣръ, вы, Англичане, вы, знающіе, что говорится въ трагедіяхъ Шекспира, повѣрише-ли, что Муза Французской Трагедіи, или Мельпомена — *девяносто восемь лѣтъ* не рѣшалась произнести слова : *платокъ* (*un mouchoir*), очень опкровенно говоря слова : *собака, губка* (*chien, éponge*) ? Вотъ какъ, поспешенно, переходила она по ступенькамъ самыхъ забавныхъ затрудненій, и смѣшной чинности, при семъ случаѣ :

Въ лѣто эгирь 1147-е, сошвѣтспвующее 1732 году нашего счисленія, на *торжествѣ Гимена* одной добродѣтельной Турецкой дамы, не смѣвшей назваться себя *Зарюю* (*Zahra*), а назвавшейся *Заирюю*, и у которой было какое-то фамиліное сходство съ *Дездемоною*, понадобилея Французской Мельпоменѣ *платокъ*. Она не смѣла выпадить его изъ своихъ огромныхъ

кармановъ, съ кошорыми ходила шогда, и, вмѣсто плашка, рѣшилась упошребишь — *записку*. — Въ 1792 году, опять нашей Мельпоменѣ понадобился топъ-же самый плашокъ, по случаю праздника *Гимену* одной гражданки, называвшей себя Венеціянкою и роднею Дедемонѣ. Впрочемъ, изъ Дедемоны она сохраняла одинъ шолько слогъ: *то*, ибо называлась: *Hedelmone* (*Эдельмона*) — имя весьма ловко рифмующее — не скажу: съ *аитоне* и *анетоне*, ибо это было-бы вѣрно и шрудно — но, съ *sourçonne*, *donne*, *ordonne*, и проч. — На эшотъ разъ (а эшому разу прошло шеперь 37-мъ лѣшъ), Мельпомена чупъ было не взялась за *латокъ*! Но, или во время Исполнительной Дирекшоріи казалось ей шлишкомъ смѣлымъ — явились на сцену съ плашкомъ, или, напрошивъ, шребовалось болѣе роскоши, шолько опять ошказалась она ошъ роковаго слова, и взяла, вмѣсто плашка, брилліаншовую повязку, не снимая ее даже въ поспелъ, чшобы не показаться *en négligé*. Въ 1820 году Французская Трагедія ошкровенно ошреклась ошъ своего шипула *Мельпомены*, и, переводя съ Нѣмецкаго — опять ошолкнулась съ прокляшымъ *латкомъ*! Ей понадобился ошъ при зашщаніи одной Шопландской Королевы. Повѣрите-ли? Она рѣшилась бышь смѣлѣе — взяла плашокъ, да, *латокъ*, взяла своею собшвенною рукою, при полномъ шеапрѣ, нахмурла

брови, и — громко, отважно, назвала его — *тканью и даромъ* (*tissu et don*) — А! это былъ важный шагъ!

Наконецъ, въ 1829 году, Октября 24-го дня, благодаря мужика Шекспира, Французская Трагедія — произнесла роковое слово: *платокъ*! — Слабый народъ испугался, упалъ въ обморокъ, и спеналъ долго и печально, но большинсво голосовъ, которое *платокъ* издавна называетъ *платкомъ*; было довольно, и проклятое слово вспуило шоржесшвенно въ рядъ *позволеныхъ* словъ... Смѣшное шоржесшво! Надобень былъ цѣлый вѣкъ, пока слово, всѣми произносимое, было допущено на нашу сцену (*).

Наконецъ — публика смѣется надъ такимъ пущымъ скромничаньемъ. Слава Богу! Поэпъ можешъ свободно слѣдовать своему вдохновенію, шакъ-же свободно, какъ въ прозѣ, безпрепятшвенно можешъ пробѣгать всю лѣспвицу сво-

(*) Для поясненія шупки Автора, надобно знать, что Вольперова *Заира* была выкрадена изъ Шекспирова *Отелло*, въ 1732 году; что въ 1792 г. Дюсисъ передѣлалъ *Отелло*, назвавъ Дездемону *Эдельмоною*; что въ 1820 году Лебрёнъ отдалъ на театръ свою передѣлку Шиллеровой *Маріи Стюартъ*, и что слово: *un mouchoir*, въ первый разъ на Французской сценѣ употребилъ А. де-Виньи, въ переводѣ *Отелло* Шекспирова. *Пр. Пер.*

ихъ идей , не боясь , чшобы какая нибудь ступенька подломилась подъ нимъ. Мы не такъ еще счастливы , какъ вы , Англичане : мы не смѣемъ смѣшивать въ одной сценѣ стихи съ рифмами , стихи бѣдые и прозу. Вы свободно пробѣгаете всѣ сѣи при октавы , и у васъ находящяся они въ такомъ согласіи , какого нѣтъ еще для нихъ во Франціи. Замѣните ихъ можемъ мы , распягивая только Александрійскіе стихи до самой простой небрежности (*регитатива*) , и возводи ихъ до самага высокаго лиризма (пѣнія). Это осмѣлился я сдѣлать. Проза , когда въ нее переводятъ эпическія мѣста , представляешь важный недоспапокъ , слишкомъ явный на сценѣ : она кажется надушою , высокопарною , мелодрамною , между тѣмъ какъ стихъ , болѣе эласпичный , гнется на всѣ формы ; не удивляемся и тому , когда онъ лепитъ , ибо *когда онъ идетъ , мы чувствуемъ , что у него есть крылья.*

Вы немного помоложе , и гораздо меня боязливѣе. Не заботьшесь болѣе самага меня , о томъ , что вы называеше *моимъ именемъ*. Не спыжусь , переведа нѣчто мимоходомъ , хоша это и стоило многихъ затрудненій. Какъ-бы то ни было , но моя работа оспалась : однимъ алмазомъ болѣе въ сокровищахъ Французской сцены ; алмазъ не ограненъ , но своей цѣны стоить. Если-бы я передалъ только одинъ поршреть Яго , этого

Яго, которому не давали мѣста между Опелло и Дездемоной — довольно . . . Они хотѣли изгнать изъ рая змѣя искусителя . . .

Наша эпоха есть вдругъ эпоха возрожденія и передѣлки. Никогда не скажу я, чтобы новый законъ Драмы былъ навѣки неизмѣненъ: онъ пройдешь съ нами — можешь быть, прежде насъ, и замѣнишься лучшимъ. Для имени человека, опдѣльно взятого, достаточна, если оно означаетъ собою ступень общаго успѣха. Чѣмъ болѣе идешь впередъ образованности, тѣмъ болѣе надобно рѣшаться смотрѣть на посѣвъ идей, какъ на посѣвъ пучныхъ сѣменъ, долженъ спивующихъ возрасти, созрѣть, пожелтѣть, и опъ зрѣлости вывалишься, чтобы дать мѣсто новой жатвѣ, болѣе сильной, обильнѣйшей, зрѣющей въ глазахъ перваго сѣятеля. Такое философское безкорыстіе, по несчастію, доставалось на долю немногимъ, изъ двухъ поколѣній, предшествовавшихъ нашему. Какъ будто осуществляющія ими посныдныя слова одного изъ писателей ихъ вѣка, и они видяшь въ дѣтяхъ своихъ враговъ своихъ, и во внугатихъ враговъ дѣтей своихъ. Только на этомъ условіи, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ право на ихъ нѣжность. Но, и здѣсь еще не все: эти спарыя дѣши сердятся, видя на челахъ нынѣшнихъ юношей важность, кошорую имъ самимъ надобно-бы имѣть. Они

всячески старались задавить молодые побѣги, заступающіе мѣсто старыхъ деревьевъ: одни за-лѣпляли ихъ пластырями своихъ прежнихъ вѣковъ; другіе рубили ихъ саблями деспотической власти Наполеона. Тщепныя усилія! разсадникъ разросся: могучія, сильныя деревья проросли всюду, во всякой формѣ, и ихъ крѣпкія вѣтви, ихъ свѣжіе оппрыски, ихъ широкія листья закрыли пѣвнью своею дряхлые, ушлые пни, которые могли-бы еще существовать, если-бы не удалили себя отъ дѣйствительной жизни юныхъ деревьевъ.

Что-же сдѣлалось? Юноши возспали прошивъ своихъ несправедливыхъ предшественниковъ, сосчитали даже оспалки сѣдыхъ волосовъ на головахъ стариковъ, и жестоко доказали имъ, спаниспическими таблицами, даже и по, сколько еще времени оспаеется имъ на ихъ бесполезныя жалобы. Признаю такой поступокъ жестокимъ; но, зачѣмъ было столь упорно преслѣдовать? Виновато-ли юное поколѣніе, что слѣдуя общему закону Человѣчества, оно идетъ впередъ, а не назадъ?

Далекій отъ желанія нападать на прежнія славы, я сказалъ, что намъ надобно опдавать признательность каждому, *de son oeuvre, selon son temps* (за его трудъ, по его времени). Лучшимъ доказательствомъ сего послужишь не-

благодарный шрудъ, мною совершенный — новая дань благоговѣнія прежней славы, не Европейской, а всемирной, ибо въ эпоху самое время, когда Венеціанскаго Мавра давали въ Парижѣ, играли его въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Если мы шли ложнымъ путемъ, надобно ворошиться назадъ, и перейдши на настоящую дорогу. На драматической сценѣ нашей, не было другихъ спиховъ, кромѣ вышеченныхъ, анахронизмовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ надобно было взять въ шаромъ арсеналѣ нашемъ заржавѣлое оружіе нашихъ спарыхъ поэзовъ, и одѣвъ имъ прилично спарика Шекспира. Корнель, бессмертный Корнель далъ Сиду настоящій мечъ, нинѣ переданный Ошеллу, мечъ, dont la lame Espagnole est dans l'Ebre trempée. *Ebro's temper!* Для чего шакъ худо пользовались наши драматическіе герои эшимъ мечемъ!

Въ моемъ шрудѣ я думалъ шолько о формѣ. Надобно было передѣлать инспрументъ (слогъ), и испытать его передъ публикою, не начиная еще играть на немъ пѣсни своего изобрѣшенія. Если-бы я зналъ Исторію, болѣе Венеціанскаго Мавра рассказыванную, чинанную, представленную, пѣшную, шанцованную, рѣзанную, румяненную, порченную, я непременно выбралъ-бы ее, для шого, чшобы безъ всякаго развлеченія обратишь вниманіе публики на одну изъ шочекъ драматическаго искусства — исполненіе.

Декабрь 1830.

81

Вамъ, любезный Милордъ, не совѣшую читать моего перевода : вы найдете его , какъ нахожу я самъ , несовершеннымъ . Къ числу испитъ , мною сказанныхъ , прибавлю еще одну , шу , что нѣтъ въ мѣрѣ ни одного хорошаго перевода , для знающаго языкъ подлинника — если слово : *переводъ* , принимаешь , какъ означающее *полное воспроизведеніе образца* , какъ буквальное преложеніе каждаго слова , каждаго стиха , каждой фразы , въ слова , стихи , фразы другаго языка . Всякій переводъ дѣлается для незнающихъ подлинника , и — только для нихъ . Это часто шерешъ изъ виду наша кришика . Если бы переводчикъ не былъ толковникомъ , онъ былъ-бы бесполезенъ . Переводъ къ подлиннику можешь относиться , какъ поршрешъ къ живому человѣку . Кшо-же захочешъ глѣдѣшь на поршрешъ милой , когда можешъ глѣдѣшь на нее самое ? Но въ опсушспвѣм , но при вѣчной разлукѣ , поршрешъ шановишся драгоцененъ . Здѣсь шоже самое . Напрасно будемъ повшорять чужую пѣсню на своемъ языкѣ : эшо другой инспруменшъ . У него особые звуки , особый приѣмъ (*toucher*) , особия модуляціи , особие аккорды . Все эшо надобно употребишь , шобы передать вполне , усвоишь себѣ чуждую гармонію , и — всегда будешъ у насъ недоспавашъ внутренняго союза между мыслью человѣка и роднымъ его языкомъ .

И такъ, я старался передать духъ, не буквы. Меня не всѣ поняли: я предчувствовалъ это. Для однихъ, не знающихъ по-Английски, я былъ слишкомъ букваленъ; для другихъ, знающихъ, этого у меня недоспавало. Такимъ образомъ, бронзовый опилковъ съ исполненной спашумъ Ошелло, былъ колоченъ, бишь, шерзаемъ кришикою, на Английской наковальнѣ, Французскимъ молошникомъ. Въ видѣ книги, Мавръ мой, безъ сомнѣнiя, увидишь новыя нападениа. Но — *Parve sine te, liber, ibis in urbem!* Все это останешся мнѣ шакъ-же неизвѣстнымъ, какъ и вамъ, любезный Милордъ. Кое-когда и шеперь говоряшъ мнѣ, что какой-то памелешёръ наарапалъ меня, какой-то шупъ пѣлъ обо мнѣ, а неисцѣлимый Аришархъ разглагольшвовалъ про меня. Пущъ хлопчущъ; не хочу знать: ни что это за люди, ни что шакое они дѣлающъ.

До сихъ поръ, я предсавлялъ вамъ шолько одну спорону моего лишперашурнаго опыта. Система вполне можешъ лучше объяснишься дѣломъ, нежели теорiями. Въ Поэзи, въ Философiи, въ жизни, что шакое система, образъ дѣйшвiя, родъ, шонъ, слогъ? Всѣ сiя вопросы разрѣшающся однимъ словомъ, и это слово всегда — *ммя* человекъ. Голова каждаго ешъ форма, въ кошорую оплывающся образцы идей. Если смерть разбила голову, не старайшесь

склеить новой по прежнему образцу : онъ навсегда конченъ.

Подражатель Шекспира также ошибется въ наше время, какъ ошибались подражатели шворца Гоэоли.

Повторю еще разъ : мы идемъ. И хотя Шекспиръ достигъ, едва-ли не самой высокой степени, до которой можешь достигнуть новая Трагедія, но онъ достигъ ее по своему времени. Поэзія и наблюденіе сердца такъ изящны въ немъ, какъ никогда не были до него, и не будутъ никогда, ибо вдохновеніе не дѣлаетъ новыхъ успѣховъ, и природа человѣческая не перемѣняется ; но Философія, но духъ, должны соотвѣтствовать потребностямъ общества, въ которомъ живешь поэтъ : общество идеешь безпрестанно.

Нынѣ особливо, общество движется такъ быстро, что тридцатилѣтній человѣкъ могъ видѣть по десяти лѣтъ изъ двухъ различныхъ вѣковъ : одного, совершенно во внѣшнемъ дѣйствіи, воюющаго, побѣждающаго, грубаго, сильнаго, славнаго, но безъ жизни, какъ будто съ замерзшею внутренностью, почти безъ успѣховъ въ Поэзіи, Философіи, Искусствахъ, или съ однимъ только движеніемъ на переходъ. А другой вѣкъ ? Онъ неподвиженъ, слабъ извнѣ, инокъ, нерѣшителенъ въ дѣйствіи, безъ воли,

безъ блеска въ дѣлахъ, но внутренно онъ безпокоится, пожирается безмѣрною, умственной работою, броженіемъ, почти безиримѣрнымъ въ Исторіи; онъ скрываетъ въ себѣ горящій горнъ, гдѣ плавится, клокочуетъ, кипитъ, образуются всѣ виды мысли, во всѣхъ формахъ, во всѣхъ образахъ, во всѣхъ возможныхъ порядкахъ. Одинъ въкъ уподоблялся пѣлу, другой уподобляется духу. Какъ изъ соединенія ихъ не выйдутъ совершенно новому поколѣнію идей? Какъ дивитесь всему, что дѣлается теперь, если только не предположите, что люди, иначе поступающіе, имѣя очи не зрятъ? Обращаясь къ Драматическому Искусству, я полагаю, что въ будущее время оно сдѣлается у насъ гораздо пруднѣе прежняго и вынѣшняго, именно потому, что освободится отъ тяжкихъ узъ. Прежде, успѣвшій сдѣлать *что нибудь*, сообразно тяжелымъ правиламъ, могъ надѣяться честной *репутаціи*. Опивнѣвъ, съ другой точки зрѣнія будутъ смотрѣть на созданія драматическія: пѣмъ болѣе потребуютъ отъ нихъ естественныхъ красотъ, чѣмъ менѣе будутъ у нихъ условеннаго щегольства. Посмотрите на слабую, бѣдную лошадь, щегольски ходящую по манежу, подъ бархатнымъ сѣдломъ, съ кокардами, баншиками, позолоченными цѣпочками, завитыми косичками: она дѣлаетъ ученые *вольты и полу-вольты*, показываетъ силу свою въ курбешахъ, и разиѣ-

ренимиъ галопомъ обезьянишь биспропу. Но бросьше-же ее, безъ сѣдла и украшеній, въ долины Эльзаса, или лѣса Польши, поставьше ее рядомъ съ дикими конемъ Липвы, или Аравіи, и — тогда судише о ней!

Лишперашурная свобода, все вдругъ дающая, до безконечности умножаетъ затрудненіе выбора, и опшимаешъ всѣ почки опоры. Едва-ли не опъ шого, со времяъ Шекспира у Англичанъ шакъ мало трагедій, и вовсе нѣтъ *Англійскаго Театра*, достойнаго сисшемы сего великаго человека, между шѣмъ, какъ у насъ найдешся множество вшоросшепенныхъ писашелей, сосшавляющихъ огромный *Театръ*, и, если судишь объ нихъ по сисшемѣ Расиновской, довольно сносныхъ.

Не почише сего замѣчанія маловажнымъ: оно поясняешъ весьма многое. Одно, тѣмъ горжусь я при моемъ опшѣ естъ шо, что я *первымъ* провозгласилъ на Французской сценѣ имя божешвеннаго Шекспира, и далъ случай Французской публикѣ доказашъ торжешшвенно, что она счишаетъ язки шолько инструментами, на которыхъ разыгрывающся всемірныя идеи. Преклоняясь передъ исполинскимъ образомъ Шекспира, она сознала, что бессмертный геній принадлежишь всему Человѣчеству, и шеатромъ славы его долженъ бышь цѣлый міръ. Такъ публика, во

шакъ-ли *страсти и критика*? Предчувствую, что когда явятся новые образцы, онѣ возстанутъ прошивъ ихъ, прошивъ ихъ правилъ и системы. Будущія творенія спанутъ судить, не понимая новыхъ побѣжденныхъ ими трудностей, и обширнаго размѣра, по которому надобно оцѣнишь ихъ. Поймутъ-ли и писатели, что къ поэзіи и знанію Шекспира надобно будетъ имъ прибавить все, что человекъ приобрѣлъ въ Философіи и Знаніяхъ послѣ него? Попышки будутъ многочисленныя и смѣлыя; каждая изъ нихъ будетъ похвальна, и паденіе не постыдно, ибо въ эпохѣ новомъ мірѣ, авторъ и публика будутъ воснишываться вмѣстѣ, и взаимно. Хорошо будущему! Но мы должны приготовлять его, и, послѣ всего, что говорилъ я, вы, конечно, не будете упрекать меня и друзей моихъ за пламенную ревность нововведеній, какъ упрекали вы меня въ послѣднемъ вашемъ письмѣ.

Помните-ли вы эти огромныя, старыя часы, на которые шакъ часто я вамъ указывалъ? Воспоминаніе объ нихъ послужило мнѣ средствомъ изъяснить вамъ мою мысль, ибо въ нихъ вижу я вѣрное изображеніе сословія общества, во всякое время.

По огромному циферблату этихъ часовъ, на которомъ Римскія цифры подобны величиною колоннамъ, непрерывно ходящъ шри стрѣлки.

Одна, большая, широкая, крѣпкая, съ головою пожею на пику, и формою подобная орудію ликшора, идешъ такъ тихо, что можно-бы поспорить о ея движеніи. Самый вѣрный, внимательный, насстойчивый взоръ не показалъ-бы въ ней никакого признака подвижности. Ее почпеше прикованною, привинченною, врѣзанною въ ея мѣсто на вѣки, и — между шѣмъ, въ *одну* *часъ* она переходить 12-ю долю циферблаша. Не изображаешъ-ли намъ эша стрѣлка шолпу народную, кошорой подвижность впередъ совершаешся безъ потрясеній, непрерывнымъ влеченіемъ, во — незамѣшно?

Другая стрѣлка, болѣе развязанная, идешъ довольно скоро, такъ, что при небольшомъ вниманіи можно замѣшпшь ея движеніе. Въ 5-ть минутъ совершаешъ она пушь, на кошорый первой постребенъ цѣлый часъ. Эшо вѣрная пропорція хода людей просвѣщенныхъ, прошивъ шолпы, за ними слѣдующей.

Но выше обѣихъ стрѣлокъ ешь шрешья, особенно бѣспрая. Взоръ съ трудомъ успѣваешъ за ея прыжками, и — 60-шъ разъ касается она всѣмъ почкамъ пространства, прежде нежели вшорая пройдешь по оному, и первая прошащпшся.

Никогда, нѣшъ! никогда не смотрѣлъ я на эшу секундную стрѣлку, шоль живую, шоль без-

покойную, споль смѣлую, споль движимую въ одно время, бѣгущую впередъ и впередъ, дрожащую, какъ будшо опъ сознанія своей опваги, или опъ наслажденія побѣдою надъ временемъ— никогда не смошрѣлъ я на нее, безъ думъ, что поэшъ всегда имѣлъ, и долженъ имѣть споль быспрый бѣгъ впереди своего вѣка, за гранью общаго ума своего народа, выше самой образованной его часпи!

А тяжелый маяшникъ, управляющій спрѣлками своимъ неизмѣняемымъ движеніемъ — не видимъ ли мы въ немъ, если продолжимъ нашу идею, совершеннаго символа непремѣнному закону *успѣха*? Онъ безпрерывно уноситъ въ ходъ своемъ всѣ при спепени ума человѣческаго, для него совершенно равныя, и служація полько постепеннымъ означеніемъ хода его, къ цѣли — увы! для насъ безвѣстной...

(Съ Франц. Т.)

ДОМОВОЙ - ПЕСОЧНИКЪ.

(*Окончаніе*)

5.

Каково было удивленіе Нашанаеля, когда при входѣ въ домъ онъ увидѣлъ, что жилище его совершенно сгорѣло, и на мѣстѣ дома шорчали обломки, около кошорыхъ возвышались чешуре голыя и черныя стѣны. По счастію загорѣлась сперва химическая лабораторія, находившаяся въ самомъ нижнемъ этажѣ: друзья Нашанаеля мужеспвенно проникли въ комнапу его и спасли его книги, манускрипты и инструменпы. Все было перенесено въ другой домъ, гдѣ они наняли горницу и куда Нашанаель переселился. Сначала онъ не замѣнилъ, что жилъ напрошивъ Профессора Спалланцани, и не занимался разсмаприваніемъ Олимпіи. Ясно можно было-бы видѣть, что лице ея было омрачено печалью о долгой разлукѣ. Но наконецъ онъ изумился, замѣшивъ, что Олимпія находилась, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ увидѣлъ ее однажды сквозь стеклянную дверь:

нитѣмъ не заняша, облокотясь руками о маленькій столѣикъ, она усстремила неподвижно глаза свои. Напанаель признавался, что онъ никогда не видалъ подобной шали, но образъ Клары былъ въ его сердцѣ, и онъ оспался равнодушенъ при видѣ Олимпіи; только изрѣдка взглядывалъ, украдкой, изъ за книги, на свою прелестную спашую — и только.

Въ одинъ день, когда онъ былъ занятъ письмомъ къ Клара, вдругъ тихо постучались у его дверей. На его приглашеніе, отворила и показалась отвращительная фигура Коппола. Напанаель ужаснулся, но вспомнилъ, что Спалланцани говорилъ ему о Копполѣ, своемъ соотечественникѣ, и что онъ обѣщалъ своей невѣстѣ касательно домового-песочника Коппеліуса; онъ усмѣдился своей дѣтской слабости и принудилъ себя говорить ласково съ симъ незнакомцемъ.

— Я не покупаю барометровъ, любезный, сказалъ онъ. Ступай и оставь меня одного.

Но Коппола вышелъ на средину комнату и сказалъ ему хриплымъ голосомъ, сжимая свой огромный ротъ, чтобы составить ужасную улыбку: — Вамъ не нужны барометры?.. Но я вамъ могу продать глаза, прекраснѣйшіе глаза!

— Глаза, говоришь ты? — воскликнулъ Напанаель видя себя; — какъ можешь ты продавать глаза?

Но Коппола выложилъ зрительныя трубки и , роясь въ большомъ карманѣ , онъ вынималъ изъ него очки , которыми раскладывалъ на столѣ .

— Это очки , очки , которыми надѣваешь на носъ ! Глаза , прекраснѣйшіе глаза , синьоръ !

Говоря такимъ образомъ , онъ вынулъ изъ своего кармана множество очковъ , и лучи солнечныя , ударяя на столъ , гдѣ они лежали , отразились вдругъ различными призматическими огнями . Тысяча глазъ , казалось , сверкая взирали на Напанаеля , но онъ не могъ отвлечься отъ своего взоровъ своихъ . Коппола не переставалъ выкладывать очки , и эти глаза , коихъ количество безпрестанно увеличивалось , сверкали болѣе и болѣе ; переломленіе какъ-бы лучей кровавыхъ ударило на грудь Напанаеля . Пораженный неизъяснимымъ ужасомъ , онъ схватилъ Копполу за руку , въ то время какъ онъ опустилъ опять руку въ карманъ , чтобы достать новыя очки , хотя весь столъ уже былъ покрытъ ими .

— Остановись , остановись , ужасный человѣкъ ! закричалъ онъ .

Коппола тихо освободилъ руку свою , и , оскаливъ зубы , сказалъ : — Ну , ну , этого вы не хотите , синьоръ ! Но вотъ лорнеты , прекрасныя лорнеты ! — И въ одно мгновеніе ока онъ

убралъ всѣ очки и вынулъ изъ другаго кармана лорнешы разныхъ формъ. Едва очки исчезли, какъ Напанаель опять успокоился и, думая о Кларѣ, онъ убѣдился, что всѣ эти явленія рождающіяся въ его воображеніи. Коппола не представлялся уже ему магомъ и существомъ ужасающимъ, но честнымъ опшикомъ, коего инструменшы не имѣли ничего сверхъестественнаго. Чшобы все поправить, онъ рѣшился что нибудь купить у него. И шакъ онъ взялъ лорнешъ опшичной работы и, чшобы испробовать его, подошелъ къ окну. Никогда онъ не видалъ, чшобы стекла были шакъ вѣрно и искусно прибраны, чшобы шакъ хорошо приближали предметы и представляли ихъ глазамъ въ такой точности. Онъ невольно обратился лорнешъ на покой Спалланцани. Олимпія сидѣла, какъ обыкновенно, сложивъ руки на маленькій споликъ. Тушъ шолько Напанаель замѣшилъ чрезвычайную красоту лица Олимпіи. Одни глаза, странно усрешленные, казались ему мершвыми; но чѣмъ болѣе онъ глядѣлъ въ лорнешъ, шѣмъ болѣе, казалось ему, глаза Олимпіи оживлялись жизненными лучами: какъ будто пункшъ зрѣнія загорался внезапно и взоры ея становились ежеминутно живѣе и блистательнѣе. Напанаель, погрузясь въ разсмашриваніе не земной Олимпіи, какъ-бы силою божества былъ прикованъ къ окну. Шумъ, послышавшійся воздѣ

него, вывелъ его изъ усыпленія. Это былъ Коппола, которій дергалъ его за плашье.

— Три цехина... ну при дукаша — говорилъ Коппола.

Нашанаель забылъ совершенно объ опшкѣ; онъ поспѣшно ему заплашилъ, что онъ пребовалъ.

— Не правда-ли: прекрасный лорнешъ, превосходный лорнешъ? — сказалъ Коппола съ грубымъ смѣхомъ.

— Да, да! — ошвѣчалъ Нашанаель съ сердцемъ. — Прощай, любезный. Спущай, спущай!

И Коппола оставилъ комнату, бросивъ странный взглядъ на Нашанаеля, которій слышалъ, какъ онъ при сходѣ внизъ громко захохоталъ.

— Безъ сомнѣнія онъ смѣется надо мною, что я слишкомъ дорого заплашилъ за эшомъ лорнешъ! — сказалъ онъ самъ себѣ.

Въ сію минушу, сзади его, послышался жалобный вздохъ. Нашанаель столь испугался, что едва перевелъ духъ. Онъ прислушивался нѣсколько времени. — Клара справедливо называетъ меня мечшашелемъ! сказалъ онъ наконецъ. Но не удивительно-ли? Мысль, что я дорого заплашилъ за лорнешъ, привела меня въ ужасъ.

Онъ сѣлъ за столъ , чшобы окончить письмо къ Кларѣ , но , взглянувъ на окно , увидѣлъ , что Олимпія все еще на свѣбемъ мѣспѣ , и въ шу же минушу , какъ-бы побуждаемый сверхъестественною силою , схватилъ лорнетъ , проданный Копполою , и не отвращалъ наблюдабельныхъ взоровъ опъ своей прелестной сосѣдки до шѣхъ поръ , пока его товарищъ Сигизмундъ , позвалъ его , идти слушать лекцію Профессора Спалланцани . Занавѣсъ щщательно въ эшопъ разъ прикрывалъ спеклянную дверь , и онъ не могъ видѣть Олимпіи . Два слѣдующіе дня она скрывалась опъ взоровъ его , хоша онъ ни на минушу не ошходилъ опъ окна и безпреспанно глядѣлъ въ лорнетъ . Въ шрешій даже окно задернулось занавѣсою . Воспламененный любовными мечшаніями , онъ выбѣжалъ въ опчаяніи за городъ . Повсюду образъ Олимпіи лешалъ передъ нимъ ; онъ являлся въ каждомъ густомъ деревѣ , въ каждомъ кусточкѣ , и изъ глубины свѣшлыхъ водъ каждаго испочника глядѣлъ на него сверкающими глазами . Клара совершенно взглядилась изъ его сердца ; онъ ни о чемъ болѣе не думалъ , какъ объ Олимпіи , и спеная восклицалъ : Свѣшлая звѣзда любви моей ! не для шого ли ты взошла , чшобы потчасъ-же исчезнуть и оставишь меня въ глубочайшей шмѣ ?

6.

Воропясь въ жилище свое, Напанаель замѣтилъ, что въ домѣ Профессора большое движеніе. Всѣ двери были отворены; приносили множество мебели; окна въ первомъ этажѣ были подняты; хлопошлвыми служанки бѣгали взадъ и впередъ съ длинными мешками, и по всему дому раздавались удары молотковъ мебельщиковъ и обойщиковъ. Напанаель въ удивленіи остановился на улицѣ. Сигизмундъ подошелъ къ нему и смѣясь сказалъ: Ну, что скажешь ты объ нашемъ спаричкѣ Спалланцани?

Напанаель ему отвѣчалъ, что рѣшительно ничего сказать не можешь о Профессорѣ, и ничего не знаешь; но что не можешь надивиться шуму и превогѣ, царствующей въ этомъ домѣ, прежде столь уединенномъ и шихомъ. Тогда Сигизмундъ разсказалъ ему, что Спалланцани даетъ завтра великолѣпный праздникъ, концертъ и балъ, и что половина Университета была приглашена. Пронесся слухъ, что дочь Спалланцани, Олимпія, которую онъ до сихъ поръ скрывалъ отъ чужихъ взоровъ въ глубокомъ уединеніи, покажется въ первый разъ.

Напанаель получилъ отъ него приглашеніе въ письменномъ видѣ, и съ восхищеніемъ отправился къ Профессору въ назначенный часъ. Множество

карсепъ начинало уже съѣзжашься , и залы были великолѣпно освѣщены. Собраніе было многочисленно и блистательно. Олимпія явилась въ богатѣйшемъ плащѣ , убранномъ съ большимъ вкусомъ. Не лзя было не удивляться красотою ея лица и формъ. Плеча ея , нѣжно округленныя , и гибкость спана , подобнаго пчелиному , были ослѣпительны ; но все замѣтили мѣрную и гордую поступь ея , которая возбудила всеобщія замѣчанія. Приписывали сію принужденность ея замѣшательству при видѣ свѣта , шоль для нея новаго. Концертъ начался. Олимпія играла на фортепіано неподражаемо и пропѣла арію чистымъ и звонкимъ голосомъ , похожимъ на звукъ стекляннаго колокола. Напанаель былъ погруженъ въ неизъяснимое восхищеніе ; но онъ находился въ послѣднихъ рядахъ слушателей , и ослѣпительный блескъ восковыхъ свѣчъ не позволялъ ему различать чертъ лица Олимпіи. Не будучи никѣмъ примѣченъ , онъ вынулъ изъ своего кармана лорнетъ , проданный Копполою , и началъ разсматривать прелестную цѣвицу. Боже ! какое восхищеніе ! Онъ увидѣлъ тогда , что благосклонные взоры прекрасной Олимпіи искали его , и выраженія любви въ зрѣніи ея , казалось , къ нему относились. Блистательныя рулады раздались въ ушахъ Напанаеля , какъ небесное шрепешаніе любви блаженной , и когда арія окончилась продолжительною прелюдію , ко-

шора разлещьлась по залѣ въ гармоническихъ звукахъ, онъ въ испусленіи воскликнулъ: Олимпія! Олимпія! Взоры всѣхъ обратились на Нашанаела; студены, которые находились возлѣ него, засмѣялись; соборный органистъ съ досадою далъ знакъ ему воздержаться. Концертъ кончился и балъ начался.

— Съ нею шанцовать! съ нею! — Это была цѣль всѣхъ желаній Нашанаела, всѣхъ усмѣй его; но какъ достигнуть до такой степени смѣлости: пригласить ее, царицу бала? Но онъ самъ не зналъ, какъ это случилось; шапецъ уже начался, какъ онъ очутился возлѣ Олимпіи, кошора еще никѣмъ не была приглашена, и послѣ нѣсколькихъ невнятныхъ словъ, рука его схватила ея руку. Руки Олимпіи были холодны, и опъ сего прикосновенія холодной пощъ пробѣжалъ по жиламъ его. Онъ взглянулъ на Олимпію; любовь и благосклонность выражались во взорахъ ея, и онъ почувствовалъ какъ сильно бьются жилы сей холодной руки, и какъ кипящая кровь проникла по оледенѣлымъ нервамъ. Нашанаель запрепеталъ, сердце его исполнилось любви; схвативъ рукою спанъ прѣлестивой Олимпіи, онъ лепалъ съ нею мимо толпы вальсирующихъ. До оныхъ поръ онъ считалъ себя фокуснымъ шанцовщикомъ, согласующимся всегда съ музыкою: но по правильности, совершенно

математической, съ какою шанцовала Олимпія , которая часто сбивала его , онъ узналъ какъ до сихъ поръ его ухо обманывалось. — Онъ рѣшился ни съ кѣмъ другимъ не шанцовавъ болѣе и охотно задушилъ-бы всякаго , кто-бы подошелъ къ Олимпіи съ приглашеніемъ. Но это , къ великому удивленію Напанаеля , случилось шолько два раза , и онъ могъ шанцовавъ съ нею въ продолженіе всего вечера.

Если-бы Напанаель могъ видѣть что нибудь кромѣ Олимпіи , онъ-бы не избѣжалъ пагубныхъ ссоръ , ибо всюду раздавались шепшаніе насмѣшниковъ и непринужденный хохотъ молодыхъ людей , коихъ любопытныя взоры невольно усшрелены были на прекрасную Олимпію. Разгоряченный панцами и пуншемъ , Напанаель ошложилъ свою природную заспѣчивость : онъ сѣлъ подлѣ Олимпіи , взялъ ея руку и изъяснилъ ей любовь свою въ выраженіяхъ самыхъ измсканныхъ , копорыхъ никто понимашъ не могъ : ни Олимпія , ни онъ самъ. Однако-же она глядѣла въ глаза ему неподвижно и глубоко вздыхала ; ежеминутно раздавались ея восклицанія : Ахъ ! ахъ ! ахъ !

— О небесная дѣва ! божественное созданіе ! — говорилъ Напанаель — лучъ любви , обшпанной намъ въ будущей жизни ! Свѣшлая и чувствительная душа , въ копорой отражается все существо мое !

Но Олимпія ограничивалась новыми вздохами и опвѣшомъ : Ахъ ! ахъ !

Профессоръ Спалланцани проходилъ нѣсколько разъ мимо двухъ любовниковъ , и вида ихъ виѣснѣ , улыбался съ довольнымъ , но спраннымъ видомъ . Между шѣмъ , вышедъ изъ онѣмнѣннѣ , въ какое завлекла его любовь , Натанаель увидѣлъ , что залы Профессора не такъ уже были освѣщены ; онъ посмотрѣлъ вокругъ себя и не мало былъ изумленъ , что двѣ послѣднѣя свѣчи , кошорыя еще горѣли , готовы были сей часъ погаснуть . Музыка и танцы давно уже кончились .

— Разспашься , разспашься ! — воскликнулъ онъ съ горешію и опчаяніемъ . Онъ вспаль и хотѣлъ поцѣловать руку Олимпіи , но она нагнулась къ нему и уста хладныя коснулись его горячихъ губъ ! . . Повѣснѣ о невѣснѣ-мершвецѣ шощасъ ему пришла на умъ ; хладъ пробѣжалъ по шѣлу его , такъ-же какъ и въ то время , когда онъ допронулся до мраморной руки Олимпіи ; но она , удерживая его , прижимала къ своему сердцу , и при поцѣлуяхъ , губы ея , казалось , оживлялись огнемъ жизни .

Профессоръ Спалланцани медленно проходилъ по пусшой залѣ ; шаги его , раздающіеся по паркешу , и онъ самъ , окруженный колеблющимися шѣнами , напоминали какое-то привидѣніе .

— Любишь-ли ты меня? — Любишь-ли меня, Олимпія? — Одно шолько слово! — Любишь-ли ты меня? — Такъ шеспалъ Нашанаель; но Олимпія шолько вздыхала, и вшавая воскликнула: Ахъ! ахъ!

— Ангелъ мой! — сказалъ Нашанаель: — видъ швой для меня ешь свѣшильникъ, вѣчно освѣщающій душу мою!

— Ахъ! ахъ! — возразила, удаляясь, Олимпія, Нашанаель слѣдовалъ за нею; она очушилась предъ Профессоромъ.

— Вы очень скоро ознакомились съ моею дочерью—сказалъ, улыбаясь, Профессоръ. — Ну, ну, дорогой мой Нашанаель, если вамъ не прошивнымъ разговоромъ съ эшою робкою дѣвушкою, по-сѣщенія ваши будутъ для меня пріятны.

Нашанаель распрощался и удалился съ воспоргомъ въ душѣ.

7.

На другой день праздникъ Спалланцани былъ предметомъ всеобщихъ разговоровъ. Хотя Профессоръ упошребилъ всѣ усилія, чтобы блеснуть, но госши его крипиковали шмьсячу вещей, а болѣе всего спарались унизить гордую и молчаливую Олимпію, называя ее просто глупою:

симъ-шо недоспашкомъ объясняли себѣ, ошъ чего Спалланцани скривалъ ее до сихъ поръ. Нашанаель слушалъ пакія догадки съ гнѣвомъ; но онъ молчалъ, ибо думалъ, что сія несчастные люди недостойны, чтобы вмѣ доказывали, какъ собственная глупость ихъ мѣшала имъ узнать всю красоту души Олимпіи.

— Я не понимаю — сказалъ ему однажды Сигизмундъ — какъ человекъ съ такимъ умомъ какъ ты, могъ цѣлнться эшимъ автомашомъ, эшомъ восковою фигурою?

Нашанаель вспыхнулъ, но шопчасъ-же успокоился и ошвѣчалъ: « Я не понимаю, какъ неземная красота Олимпіи ускользнула ошъ швоихъ дальновидныхъ взоровъ, ошъ души швоей, цѣлняющейся всѣмъ изящнымъ? Но я благодарн судьбу, что ты не соперникъ мой, ибо шогда кто нибудь изъ насъ долженъ-бы былъ упасть въ крови къ ногамъ другаго.

Сигизмундъ увидѣлъ, какъ далеко завлеченъ былъ другъ его; онъ искусно ошклонилъ разговоръ и, сказавъ что въ любви ни о чемъ судить не лзя, прибавилъ: — Однакожъ справно, что большая часть поварищей нашихъ сдѣлали одно и шо-же сужденіе на счетъ Олимпіи. Она намъ показалась . . . не сердись, брашець . . . она намъ всѣмъ показалась безъ жизни и души. Правда, что спашъ ея и лицо прелесны, и она

могла-бы слыть красавицею , ежели-бы ея глаза къ чему нибудь служили. Поступь ея справно размѣрена , и , кажешся , она движется посредствомъ колесъ , кошорыя механически приводанса въ дѣйствіе. Игра ея и пѣніе шакъ ужъ правильно и неприятно расчислены , что походяшь на игру машины ; точно шакъ же она и танцуешъ. Эша Олимпія противна намъ , и мы не хошимъ имѣть съ нею ничего общаго , ибо намъ кажешся , что она принадлежишь къ роду существъ бездушныхъ , и что она шолько показываешъ , что живешъ .

Нашанаель не соглашался съ чувствами омрзения Сигизмунда. Онъ опвѣчалъ съ швердосшію : « Для вашихъ холодныхъ душъ , можешъ бышь , Олимпія есть существо справное. Подобное усшройство шѣла можешъ нравишься шолько душъ поэта ! Ко мнѣ шолько опносеяся огонь любви , блещущей во взорахъ ея ; шолько въ одной Олимпіи я снова обрѣлъ свое существованіе. Она не разговариваешъ о вещахъ просныхъ , какъ умы поверхностные ; она произносишь мало словъ : эшо правда ; но въ эшихъ немногихъ словахъ заключаешся гіероглифъ невидимаго міра , міра исполненаго любви , духовной жизни и вѣчностіи . Все эшо вамъ непоняшно , и слова эши пошеряны ! »

— Сохрани шебя Боже , любезный поварищъ ! —

сказалъ нѣжно и поэти съ печальнымъ видомъ Сигизмундъ. — Но мнѣ кажешся, что ты идешь по дурному пути. Повѣрь мнѣ, ежели все. . . . нѣтъ я не хочу продо:жать.

Нашанаель увидѣлъ, что хладнокровный и разсудительный Сигизмундъ показываешь ему непришворную дружбу: онъ съ искреннею любовью пожалъ ему руку.

Нашанаель совершенно забылъ, что Клара существовала въ семь свѣтѣ, что онъ любилъ ее нѣкогда. Онъ позабылъ все: и мать свою и Лопера; онъ жилъ только для Олимпіи, копорой безпресанно говорилъ о любви своей, о симпатіи душъ, о физическихъ свойствахъ и о всемъ, что только Олимпія, казалось, слушала съ удовольствіемъ. Нашанаель вырылъ изъ своего шкафа все, что онъ ни писалъ: стихи, фанпазіи, видѣнія, романы, повѣсти; собраніе сочиненій его умножалось всякій день сонетами и сигашьями, писанными днемъ, и ночью во время сіянія луны, и все это онъ, безъ устали, читалъ Олимпіи. Но за то онъ никогда не видалъ и слушателя, столь внимательнаго. Она не шла, не вязала, не глядѣла въ окно, не кормила пшичекъ, не играла съ маленькою собачкою или любимую кошкою, не мала въ своихъ пальцахъ лоскушка бумажки, и не зѣвала; короче: она не двигалась, не спускала съ него

глазъ въ продолженіе двухъ часовъ, и взоръ ея спановился болѣе и болѣе блистательнѣе; только, когда наконецъ Нашанаель вспавалъ и бралъ ея руку, чтобы напечатлѣвъ на ней поцѣлуй, она говорила: Ахъ! ахъ! а послѣ: Проси, любезный другъ.

— Чувствительная душа! ты одна въ мірѣ понимаешь меня! — Онъ пренепаля отъ радости, мечтавъ о духовныхъ отношеніяхъ между имъ и Олимпіею, кошоры спановились съ каждымъ днемъ тѣснѣе, и ему казалось, что внушительный голосъ открылъ ему чувства прелестной дочери Профессора. Иначе и бышь не могло: ибо Олимпія не произносила другихъ словъ, кромѣ вышесказанныхъ. Но когда Нашанаель, въ ниня минути (какъ напримѣръ, пробуждаясь утромъ, когда душа еще не заняла никакими впечатлѣніями), вспоминалъ о безмолвіи и бездѣйствіи Олимпіи, онъ утѣшалъ себя, говоря: Что такое слова? Ничего болѣе какъ слова. Ея небесный взоръ выражаетъ гораздо болѣе, нежели всѣ разговоры въ свѣтѣ. Неужели сердце ея должно заключаться въ тѣсный кругъ нужды нашихъ и подражать нашимъ жалкимъ и несчастнымъ воплямъ, для выраженія своихъ мыслей?

Профессоръ Спаланцани, казалось, былъ восхищенъ связью своей дочери съ Нашанаелемъ, и давалъ это замѣчать, говоря, что онъ

предоспавляетъ выборъ супруга совершенно на волю дочери. Ободренный сими словами, и старая опъ нешерпѣнія, Нашанаель рѣшилася умолять Олимпію, сказать ему словами то, что взоры ея давно ему выражали.

Онъ искалъ перстня, подареннаго ему матерью его при разсваваніи, и котораго онъ хотѣлъ надѣсть на палець Олимпіи, въ знакъ вѣчнаго соединенія.

Въ то время какъ онъ рылся, попались ему въ руки письма Лопера и Клари: онъ съ хладнокровіемъ отбросилъ ихъ, нашелъ перстень, надѣлъ его на палець, и пошелъ къ Олимпіи. Онъ уже всходилъ по ступенямъ и уже былъ въ стѣнахъ, какъ вдругъ услышалъ необыкновенный стукъ. Шумъ сей, казалось, выходилъ изъ учебной комнаши Спалланцани; топанье, пресканье и глухіе удары за дверью смѣшивались съ ругательствами и проклятіями.

— Оспавъ! оспавъ! разбойникъ! злодѣй! Я посвятилъ всю жизнь свою и здоровье.

— Ха! ха! ха! ха! Нѣтъ! не таковъ былъ договоръ нашъ. Я дѣлалъ лицо.

— Я колеса!

— Безумный! пошелъ съ швоими колесами!

— Песъ! чудовище!

— Презрѣнный часовщикъ!

— Удались, сашама!

- Спой , подлѣй работникъ!
- Прочь , адское чудовище !
- Остановись !

Эшо былл голоса Спалланцани и ужаснаго Конпеліуса , которые , смѣшиваясь , гремѣли вмѣстѣ . Нашанаель , обьяшій страхомъ , вбѣжалъ въ кабинетъ . Профессоръ держалъ женское шѣло за плеча , а Ишальянецъ Коппола за ноги : они спарались вырвать его другъ у друга , дергали его по за одну спорону , по за другую , съ звѣрствомъ спараясь завладѣть имъ . Нашанаель въ ужасѣ опшсунилъ назадъ , узнавъ въ сей фигурѣ Олимпію ! . . Воспламененный гнѣвомъ , онъ бросился на двухъ злодѣевъ , чшобы опшняшъ у нихъ свою дребезную , но въ шу-же минушу Коппола вырвалъ изъ рукъ Профессора шѣло Олимпіи , и приподнявъ его , кинулъ съ шакою силою , чшо оно упало на шоль , посреди спклянокъ , шрубокъ и цилиндровъ , разбившихся въ дребезги . Тушъ Коппола , вскинувъ шѣло на плечо , съ громкимъ хохотомъ побѣжалъ быстро съ лѣспницы . Слышно было , какъ ноги Олимпіи , лежащей у него на спинѣ , спукали по деревяннымъ ступенямъ . Нашанаель оспавался неподвиженъ . Онъ ясно видѣлъ , чшо восковое лицо Олимпіи не имѣло глазъ , на мѣстѣ коихъ были двѣ черныя впадины . Эшо былл безжизненный авшомашъ . Спалланцани валялся на полу ; дребезги ошъ спшекодъ ранили ему

голову, грудь и руки; кровь его текла ручьями; но онъ вскорѣ собралъ силы свои.

— Преслѣдуй его! преслѣдуй!.. что-жъ ты медлишь? Коппеліусъ, злодѣй Коппеліусъ похищилъ у меня лучшаго автомата. Я штурдовался надъ нимъ 20 лѣтъ... Я посвящилъ на это здоровье свое и жизнь!.. Колеса, разговоръ, все, все было сдѣлано мною. Глаза... онъ у тебя ихъ укралъ. Разбойникъ!.. Бѣги за нимъ... принеси мнѣ назадъ мою Олимпію... вошь глаза...

Напанаель увидѣлъ на полу пару окровавленныхъ глазъ, копорые прямо смотрѣли на него. Спалланцани схватилъ ихъ и бросилъ съ такою быспротою, что они попали въ грудь Напанаеля. Разсудокъ его помѣшался.

— Ха! ха! ха! — восклицалъ онъ кружась — вершись, вершись, огненный кругъ... вершись прекрасная деревянная кукла... спанемъ веселимся... Ха! ха! вальсировашь!.. весело... ха! ха!.. прекрасная куколка!

Тутъ онъ бросился на Профессора и спихнулъ ему горло. Онъ-бы совершенно задушилъ его, если-бы нѣсколько человѣкъ, привлеченныхъ на шумъ, не освободили Профессора изъ рукъ бѣшенаго Напанаеля: раны его были потчасъ перевязаны. Сигизмундъ едва могъ осилишь своего поварища, копорый билъ вокругъ себя

мощными ударами, не переставая кричать ужаснымъ голосомъ: «Спадемъ веселишься, вальсировать! веселишься, прекрасная куколка!» Наконецъ его повалили на полъ и связали. Голосъ его ослабѣлъ и перешелъ въ дикій ревъ. Несчастный Напанаель лишился разсудка. Его перевезли въ домъ сумасшедшихъ.

8.

Прежде нежели займемся несчастнымъ Напанаелемъ, скажемъ пѣмъ, кои хоть немного инпересовались искуснымъ механикомъ и художникомъ авшомашовъ, Спалланцани, что онъ былъ совершенно излеченъ ошъ ранъ своихъ. Онъ принужденъ былъ оставишь Университетъ, ибо исторія Напанаели произвела на всѣхъ большое впечатлѣнiе и всѣ считали за гнусный обманъ поступокъ Профессора, который вводилъ свою деревянную куклу въ городскія общества, гдѣ она была хорошо принята. Судьи находили сiю хитрость пѣмъ болѣе достойною наказанiя, что она была обращена прошивъ публики, и съ такою понкостiю, что, за исключенiемъ только нѣкоторыхъ ученыхъ студентовъ, никто не могъ ошгадать ея, хотя всякiй хвалился пѣмъ, что онъ что нибудь замѣнилъ въ ней. Одни увѣряли, что они видѣли, какъ Олимпiя чиха-

ла, еще болѣе нежеланн зѣвала, что прошивно было всѣмъ правиламъ эшкеша. Эшо, говорили они, дѣйствіе внушрешнаго механизма; эшо было явно. На сей счетъ, Профессоръ Поззи и Краснорѣчія, взявъ щепоть табаку и ударивъ пальцами по табакеркѣ, съ важно-сшію сказалъ: Вы, господа, не поняли смысла эшихъ словъ. Цѣлое есть аллегорія, непрерывная метафора. Понимаете-ли вы меня? *Sapienti sat!* — Но большая часть не довольствовалась симъ изъясненіемъ. Исторія автомаша сдѣлала на душу ихъ глубокое впечатлѣніе, и поселила въ нихъ ужасную недоувѣрчивость къ женщинамъ. Много любовниковъ, желая убѣдиться, что они были плѣнены не автомаши, хотѣли, чтобы повелительницы ихъ сердецъ шанцовали и пѣли неправильно; хотѣли, чтобы онѣ визали въ то время, когда имъ чиняющъ; но болѣе всего требовали, чтобы онѣ иногда *дѣйствительно* говорили, то есть, чтобы слова ихъ иногда изъясняли ихъ чувства и мысли. Эшо разстроило большую часть любовныхъ связей.

Коппола исчезъ прежде Спалланцани.

Нашанаель, въ одинъ день, пробудился какъ бы отъ шягосшнаго и глубокаго сна. Онъ открылъ глаза, и почувствовалъ, что онъ возвращается къ жизни пріятною и небесною теплошю

благошворнаго луча. Онъ лежалъ въ своей комна-
тѣ , въ родишельскомъ домѣ ; Клара наклони-
лась надъ его кровашью ; подлѣ него спояли
его мать и Лошеръ .

— Наконецъ , наконецъ , любезный Нашанаель ,
ты возвращенъ намъ ! — Такъ говорила Клара уни-
лишельнымъ голосомъ , сжимая въ своихъ объяті-
яхъ Нашанаела , у кошораго слезы текли ручьями .

— Клара моя ! Клара ! — воскликнулъ онъ съ
горесцію , смѣшанною съ восхищеніемъ .

Сигизмундъ , который съ вѣрностію ухажи-
валъ за своимъ другомъ , вошелъ въ комнату .
Нашанаель протянулъ къ нему руку : — Това-
рищъ , другъ мой , сказалъ онъ ему , и ты не
оставилъ меня !

Всѣ слѣды помѣшательства исчезли , и вско-
рѣ попеченія матери , друзей и возлюбленной
возвратили ему силы . Счастіе снова водвори-
лось въ семь домѣ . Одинъ старый дядя , о
которомъ никто и не думалъ , кончилъ жизнь
и ошказалъ , по духовной , матери Нашанаела об-
ширное помѣстье , лежащее въ мѣстахъ самыхъ
живописныхъ , въ небольшомъ разстояніи отъ
города . Сюда-то хотѣли всѣ переселиться :
Нашанаель , Клара , съ кошорой онъ долженъ
былъ скоро вступитъ въ бракъ , мать и
Лошеръ . Нашанаель сдѣлался гораздо усуп-
чивѣе : онъ спалъ простосердеченъ , такъ-же

какъ былъ въ молодости , и увидѣлъ во всеѣ блескѣ небесную душу Клары .

Никто ему и не намекалъ о прошедшемъ . Когда Сигизмундъ уѣзжалъ , Нашанаель только сказалъ ему :— Да , брашъ , я шелъ по дурному пути , но ангелъ показалъ мнѣ дорогу на небо ! Этого ангелъ . . . Клара !— Сигизмундъ не далъ ему продолжашъ , боясь напомнишь печальными происшествіями .

Наступило время , когда сіи четыре счастливые существа должны были оприваишь въ свою деревню . Днем они пошли вмѣстѣ сдѣлать въ кошормя покупки . Высокая башня рашуши бросала на рынокъ гиганшскую тѣнь .

— Взойдемъ на верхъ , чшобъ взглянушь еще разъ на наши прекрасныя горы !— сказала Клара .

Что сказано , то и сдѣлано . Нашанаель и Клара взошли ; мать съ служанкою опривилась домой , а Лоперьъ , не имѣя охоты лѣзть по множеству ступенекъ , оспался внизу колокольни . Вскорѣ двое любовниковъ спояли одинъ подлѣ другаго на самой высокой галлерей башни , и взоры ихъ были обращены на лѣсъ , будто подернутый дымомъ , позади коего возвышались синеватыя горы , какъ исполинскіе города .

— Видишь-ли—сказала Клара — эти деревья , кошормя , кажешся , наклоняющся къ намъ ?

Наманаель машинально опустилъ руку въ карманъ; онъ нашелъ тамъ лорнетъ, проданный Коппеліусомъ, и, взглянувъ въ него, увидѣлъ образъ Клары. Жилы его сильно забились, молніи засверкали въ глазахъ его, и онъ началъ ревъпъ, какъ люпный звѣрь... Потомъ онъ началъ кричать, прыгая и заглушая слова свои дикимъ хохотомъ: — Прекрасная куколка! вальсируй, веселись! Ха! ха! ха! прекрасная куколка! — и схвативъ Клару мощными руками, онъ хошѣлъ сбросить ее съ галлерей; но, въ отчаяніи, Клара схватилась съ оцѣпенѣніемъ за перилы. Лоперь услышалъ хохотъ бѣшенаго Наманаеля, услышалъ крики ужаса Клары; спрашное предчувствіе овладѣло имъ, и онъ опрометью бросился вверхъ... Дверь впорой лѣстницы была заперша. Крики Клары спановились громче и громче. Въ бѣшенствѣ и ужасѣ, онъ шакъ сильно ударилъ въ дверь, что она потчасъ успушила. Крики Клары ослабѣвали. «Помогите . . . спасите меня, спасите меня. . .» шакъ замиралъ голосъ ея въ воздухѣ.—Она мертва, убита злодѣемъ! — кричалъ Лоперь. Дверь въ галлерею была шакже заперша. Отчаяніе придадо ему невѣрояшныя силы: онъ выбилъ ее изъ пещель. О Боже!.. Клара въ рукахъ Наманаеля висѣла за балюстрадаю въ воздухѣ; одна рука ея еще сжимала желѣзныя перилы. Быстрѣ молніи Лоперь бросаешся, схватываешъ сестру свою, пришягиваешъ къ

себѣ, и , сильно ударивъ Нашанаеля , зсшавляешъ его выпустишь свою добычу.

Лоперь быспро сбѣжалъ съ лѣспницы, держа на рукахъ свою сеспру , лишенную чувствъ. Она была спасена. Нашанаель, оставшись одинъ на галлерей , бѣгалъ взадъ и впередъ , по временамъ прыгая и восклицая : «Вершись , огненный кругъ ! вершись !» Толпа собралась на крики его, и посреди былъ видѣнъ Коппеліусъ , превышавшій всѣхъ головою и плечами. Хощѣли взойдши на колокольню, чпобъ схватишь безумнаго; но Коппеліусъ сказалъ, смѣясь : — Ха ! ха ! Подождите немного ! онъ самъ сойдетъ ! — и спалъ глядѣшь на него вмѣстѣ съ другими.

Вдругъ Нашанаель оспановился неподвиженъ. Онъ наклонился , увидѣвъ Коппеліуса , воскликнулъ пронзительнымъ голосомъ : — А ! прекрасные глаза ! прелесные глаза ! — и бросился внизъ по лѣспницѣ.

Въ то время какъ Нашанаель мершвыи покщился на помоснѣ съ раздробленной головою , Коппеліусъ исчезъ.

Увѣряющъ , что спуспя нѣсколько лѣшъ видѣли Клару, въ одной изъ дальнихъ спранъ , ссдающую предъ красивымъ лѣшнимъ домикомъ, въ

которомъ она жила. Подлѣ нея былъ счастливый супругъ и шрое прекрасныхъ дѣтей. И пакъ должно думать, что Клара обрѣла наконецъ прочное супружеское счастье, которое общала ей крошкая и чувствительная душа ея, и котораго никогда не могъ доставить ей пыкій, бѣшенный Наханаель.

Уголовное уложеніе Китайцевъ. Переводъ Сира Георга Стаунтона, изданный въ Англии.

Общее Уложеніе Китайцевъ, называемое: *Ta Tchin Ichi-ly*, то есть: *Законы и Уставы, при династии Та-тинъ*, можно назвать образцомъ методы и ясности. Не только крашкій, исправный, шочный шексть законовъ заключается въ семь Уложеніи, но и къ каждому закону прибавлено еще изъясненіе, и подробное показаніе, въ какихъ случаяхъ какой законъ прилагается къ дѣлу.

Часть сего Уложенія, относящаяся къ уголовному законодательству, съ удивительною точностью опредѣляетъ почти всѣ подробности преступленій, и овличается особенно постепенностью наказаній, какой не видимъ мы, къ сожалѣнію нашему, въ Уложеніяхъ самыхъ просвѣщенныхъ Европейскихъ народовъ.

Уголовное Кишайское Уложеніе раздѣлено на многія книги. Вотъ крашкая выписка изъ той, гдѣ говорится о покушеніяхъ на личность человѣка. Она была сообщена, нѣсколько лѣтъ тому, Вице-Королемъ Каншонскимъ Англійской Факторіи, съ просьбою: издать ее на Англійскомъ языкѣ, дабы предупредить ссоры, могущія бытъ между подданными двухъ Державъ.

1. «Кто убьешь кого либо, подъ предлогомъ, что онъ его обокралъ, да будешь удавленъ, въ сходность закона о человѣкоубійствѣ, учиненномъ въ ссорѣ.

2. «Кто выстрѣлишь въ другаго изъ ружья, и убьешь его, да лишится головы, по закону о произвольномъ убійствѣ. Если выстрѣломъ онъ только ранилъ, а не убилъ, да сошлется въ ссылку.

3. «Кто лишитъ жизни преступника, котораго даешь себя ошановишь безъ сопрошивленія, да будешь удавленъ.

4. «Кто ложно обвинишь другаго въ воровствѣ, въ вознагражденъ за клевету да почтешся самъ виновнымъ въ высшемъ преступленіи. Но если онъ вмѣшался только въ преслѣдованіе съ другими, или явился въ судѣ, какъ свидѣтель, да сошлется въ ссылку.

5. «Кто ранишь другаго, съ умысломъ, да будешь сужденъ согласно закону объ ударахъ, данныхъ въ ссорѣ, и наказанъ болѣе или менѣе строгаго, смотря по вреду, имъ причиненному.

6. « Кто учинишь прошивное закону въ пьянствѣ, да будешь изгнанъ въ пустыни, и шамъ содѣлается рабомъ. »

Каторжная работа и заключеніе въ шюрму неизвѣстны Кишайцамъ. Преступленія, не входяція въ разрядъ высшихъ, не имѣють почти никакихъ другихъ возмездій, кромѣ ссылки, или шѣлеснаго наказанія. Правительство опасается повредить нравамъ народа, часто представляя ему зрѣлище смершной казни. Посему, осужденныхъ на смерть собирають въ шемницы, гдѣ и осмѣяются они въ заключеніи до осенняго равноденствія каждаго года. Въ сіе время шемница *пустуетъ*: ужасное эшо слово возвѣщаетъ заключеннымъ, что часъ смерши наступилъ для нихъ всѣхъ. Другія наказанія отправляются публично, и шѣ, съ коими соединено безчестіе, производятся со всѣми пригошовленіями, могущими произвешъ страхомъ спасительное дѣйствіе примѣра.

Всѣ уголовныя преступленія, заслуживающія смершную казнь, подвергаются ревизіи высшаго шрибунала, кошорый часто вовсе уничтожаетъ, или смягчаетъ приговоръ нисшихъ мѣстъ.

Всего болѣе ошличають забашливое стараніе Кишайскихъ законодашелей: наказанія даже и малѣйшихъ безпорядковъ; наказанія, опредѣленныя за несоблюденіе обрядовъ, касательно богослуженія и почшенія къ Богдыхану; послѣднее поставляется почти на одинаковой шепеніи съ почшеніемъ къ Богу.

Бамбуковая палка у Китайцевъ поже, что пени и тюрьма у Французовъ. Счетъ ударовъ не предоставляется въ Китаѣ произволу судьи, но, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ, опредѣляется закономъ. Нѣкоторыя подробности сей части Китайскаго законодательства любопытны, и могушь дать вашимъ читателямъ вѣрное понятіе о нравахъ *Небесной Имперіи*, въ коей уголовное законодательство, относительно преступленій противъ Естесивеннаго права, сходно съ законами другихъ народовъ.

Въ Уложеніи Китайцевъ опредѣляются формы и устройство священныхъ обрядовъ, съ такою точностью, что никакая ошибка противъ нихъ не остается безъ наказанія. Но о самомъ предметѣ обрядовъ Уложеніе говоритъ неопредѣленно. Оно предписываетъ только чиновникамъ, назначеннымъ для предсѣдательства при жершвоприношеніяхъ и шоржественныхъ молишвахъ *небу, землѣ, духамъ высшимъ, наблюдающимъ за плодородіемъ земли, и обиліемъ теловѣческаго рода*, приготавливаясь къ ихъ обязанностямъ, воздерживаясь въ сіе время, не только отъ всякаго празднества, но и отъ нѣкоторыхъ дѣлъ, общихъ и частныхъ, каковы: дѣла состраданія, посѣщеніе больныхъ, и проч. Сія чиновники отвѣчаютъ за качество и свойства принесенныхъ на жертву жившныхъ, и всѣхъ другихъ приношеній. Ихъ обязанность также, вѣрно опредѣлять дни, назначенные для священныхъ обрядовъ.

Ученый Переводчикъ Китайскаго Уложенія предлагаетъ при семъ случаѣ вопросъ: Слова: *небо, земля, высшіе духи*, также и другія подобныя слова, на

ходящіяся въ Уложеніи, выражають-ли отдѣльныя, опредѣленные божества Китайцевъ, или только принадлежности одного Бога, понимаемаго въ символахъ, и сдѣдственно, должно-ли почестъ Китайцевъ доклоненіями одного Бога, или многобожниками? Іезуиты упорно стояли за первое изъ мнѣній; но Г-нъ Шаунтоу отвергаетъ оное, утверждая, что по всѣмъ новѣйшимъ изысканіямъ, послѣднее мнѣніе является достовернымъ.

Божества высшаго разряда, какъ-то: духи горъ, рѣкъ, вѣтровъ, облаковъ, моліи, Богдыханы, приписанные къ святымъ, великіе государственные мужи, славные мудрецы, составляютъ также предметъ обожанія, чшимъ жершвами и воспоминаніями. Такъ и Индійцы почитаютъ духовъ, святыхъ мужей, мудрецовъ, и домашніа божества (см. *Уставы Мену*, гл. III. ст. 117).

Строго запрещаются подобныа обожанія, если они не утверждены особымъ закономъ.

Разрушеніе, или оскорбленіе алтарей, вольное и невольное, также всякаго мѣста, назначеннаго для религіознаго поржества, или служенія, наказывающа сотнею ударовъ бамбуковой палки, и вѣчнымъ изгнаніемъ; такое-же наказаніе опредѣляется тому, кто осквернишь или испортишь какую-нибудь вещь, назначенную для священныхъ обрядовъ.

Надгробныа памятники Богдыхановъ и Князей, а также гробницы святыхъ, мудрецовъ, знаменитыхъ мужей, вѣряются подечемію правителя

области , и сшадамъ запрещено къ онымъ приближаться .

Священникамъ вѣры *Fo-хе* и *Taoutsze* запрещено сообразоваться въ ихъ обрядахъ съ священными обрядами Китайской вѣры . Если женщина войдетъ въ смятвище , предоставленное шолько священникамъ , или возмется рукою за кадильницу , мужъ , или отецъ ея , подвергаются 40 ударамъ бамбуковою палкой . Повелѣно доносить Правительству , если кшо нибудь колдуешь , призывая злыхъ духовъ , посредствомъ книгъ , или волшебныхъ словъ , шакже доносишь о всякомъ заводчикѣ и начальникѣ неблагочешиваго и развратнаго ученія , и объ участникахъ общешва . занимающагося какими нибудь вредными суевѣрїями . Казнь назначена шому , кшо кадишь и обожаетъ изображенія сихъ людей , собираешь ночью свое неблагочешивое общешво , или приводишь въ заблужденіе народъ обманчивою силою колдовства , или шайнаго знанія .

Шо ударовъ повелѣвается отсчиташь шому , кшо вздумаетъ самъ собою собрать народъ , при звукахъ барабана , или *гонга* , для совершенія обряда предъ идолами . Только дважды въ годъ позволено собираться въ храмахъ , гдѣ находятся идолы , изображающіе земныхъ духовъ : весною , для испрошенія ихъ помощи , осенью , для возданія имъ благодарности .

Частный человекъ , сохраняющій у себя вшайнѣ идола , изображающаго высшихъ боговъ , инструменшы , изъясняющіе , или представляющіе движенія небесныхъ швъ , ашпрологическія книги , или

замѣшки, поршрешы Богдыханомъ, официальные знаки и бумагы, ком могутъ имѣть шолько извѣстнаго достоинства люди и чиновники, подвергается тѣлесному наказанію и пени, смотря по важности прешупленія.

Уложеніе Кишайское ничего не говоритъ о Христіанствѣ, хотя число Кашоликовъ въ Кишаѣ весьма не мало, и часто подвергались они безпокойному и враждебному надзору, а иногда и гоненію отъ Правительства. Переводчикъ Уложенія прибавлялъ отъ себя, ошдѣльно, два любопытные указа, по сему отношенію, изданные въ 1805-мъ году. Въ одномъ изъ нихъ, ученіе Христіанскихъ миссіонеровъ подвергается сильнымъ клеветамъ и порицаніямъ. Вошъ окончаніе сего указа: «Убъждаемъ нашихъ подданныхъ бытъ внимательными къ гласу ихъ ошечества и совѣтамъ ихъ Правительства, занимашь своими дѣлами, изучашь писанія мудрыхъ и ученыхъ людей, и исполняшъ свои обязанности, не думая ни о какой чуждой вѣрѣ. Если секшы *Fo-хе* и *Taou-tsze* недостойны вниманія, шо чего-же заслуживаешъ ученіе Европейцевъ!»

Когда лекаръ, сошавляя лекарство для Богдыхана, ошступилъ отъ правилъ, предписываемыхъ обычаемъ, и давая его, не представилъ ошчета въ свойствахъ онаго и причинѣ, для которой предписалъ, шакже, если онъ сошавилъ его не изъ свѣжихъ и не изъ хорошихъ вещей, и худо опредѣлилъ количество оныхъ, шо получаешъ отъ 60 до 100 ударовъ Сіе ошдѣленіе могло-бы бытъ названо: *Законы противъ успѣховъ Медир-*

мы, и оно показываетъ, до какой степени нечестно
 сии доводящъ Кипшайцы уваженіе къ мудрости сво-
 ихъ предковъ.

По части Гасшреноиіи въ Кипшаѣ есть также свои
 уголовные законы. Сто ударовъ бамбуковою палкой
 набоминающъ повару обязанность его, если пригото-
 шоваяя Богдыхану кушанье, онъ, по разсыянности,
 употребилъ не опредѣленные Уставомъ снадобы.
 За неоправное приготовленіе дается ему 80 уда-
 ровъ, за несвѣжестъ припасовъ 60, и если не он-
 вѣдавъ кушанья онъ подастъ его, 50. Мешръ-д'о-
 шель, иштендантъ и поварь, употребившіе что на-
 будь новое для составленія пинья, или кушанья,
 получаютъ сто ударовъ, и должны выпить или
 съѣсть свое нововведеніе.

Неизмѣнное наблюденіе прежнихъ обычаевъ про-
 сширается на мебель и экипажи Богдыханскіе.
 Сорокъ ударовъ опредѣлено тому чиновнику, ко-
 торый прошивъ уставовленнаго порядка пред-
 ставилъ Богдыхану изъ вещей, или мебели,
 что либо не нужное, или забудеть представившъ
 нужное. Смотритель за экипажами и лошадьми по-
 лучаетъ 80 ударовъ, если забылъ осмотрѣть и ис-
 править экипажъ. Сто ударовъ опредѣлено чинов-
 нику, который представилъ неисправную жонку,
 лхшу, или какую нибудь лодку.

Чиновникъ, которому поручено отъ Богдыхана
 доставившъ кому либо подарокъ, не передаетъ его
 отъ себя шретьему лицу для ошдачи по назначе-
 нію, подь опасеніемъ бншся и ишненія чина.

Если Богдыханъ вдругъ спросилъ о чемъ нибудь

нѣсколькихъ чиновниковъ, каждый долженъ оповѣщать одинъ за другимъ, по чину и званію; оповѣщавшій не въ очередь лишается мѣсячнаго жалованья.

Помощникъ Церемоніймейстера, самовольно, или подъ ложнымъ предлогомъ лишившій счастья явиться передъ Богдыханомъ шу. особу, которой Богдыханъ позволяетъ предстать передъ него, лишается головы. Объявляюся сообщниками его и подвергаются той-же казни всѣ чиновники, знавшіе объ его пресупуеніи и не открывшіе онаго. Сей законъ долженствоваль бытъ приложенъ къ оскорбленію, сдѣланному Англіи въ лицѣ Лорда Амгерста, но Богдыханъ на сей разъ забылъ объ этомъ законѣ. Изъ сего можно заключить, что позволеніе явиться передъ Богдыхана Англійскому Послу, дано было прищворное, и только послѣ, довольно неискусно, свалили всю вину на чиновниковъ.

Можно сославивъ себѣ понятіе о теоріи Китайскаго Правительства, читая уголовныя законы, касающіеся опшравленія общественныхъ дѣлъ. Шестъ верховныхъ шрибуналовъ занимаюся ревизіею всѣхъ ошибокъ, учиненныхъ въ управленіи Государствомъ, и всѣхъ дѣлъ полезныхъ, или вредныхъ для общаго блага. Они доносятъ о своихъ изысканіяхъ, черезъ особыхъ чиновниковъ, Богдыхану. Имъ дославаяюся для сужденія дѣла особыми цензорами (коихъ надзоръ простираешя даже на особу самого Богдыхана), Вице-Королями, и Подъ-Вице-Королями. Каждый изъ сихъ чиновниковъ обязанъ сообщать верховному шрибуналу всякій замѣчательный актъ,

дошедшій до его свѣдѣнїя. Донесенїя Богдыхану должны бытъ точны, причины и дѣла изложены въ нихъ вѣрно, просто, и безъ всякаго многословія.

Особое отдѣленіе законовъ излагаесть почести, кошорыми подчиненные обязаны своимъ начальникамъ. Къ этому присовокуплено еще новое опредѣленіе, безъ означенїя времени, когда оно издано, и по кошорому 50 ударовъ получаешь солдатъ и простояудинъ, если встрѣшься на дорогѣ съ военнымъ, или гражданскимъ чиновникомъ, не уступишь ему мѣста, или не сойдешь съ лошади.

Строгіе усавы опредѣляютъ, смотря по званію и сослоянїю, изъ чего дѣлать, какою формою дѣлать и какъ упошреблять экипажи, мебели, одежды; подробно описываются качество и сбруя лошадей, величина и принадлежности жилищъ. Нарушеніе сихъ правилъ наказывается бамбуковою палкой. Ремесленникъ, сдѣлавшій для кого либо запрещенное по его званію, счищается сообщникомъ преступника. Кто имѣетъ у себя, и особенно кто упошребляешь вещи и предметы, рѣшишельно запрещенные, какъ-шо: шелковыя шкани, съ изображеніемъ Богдыханскаго дракона, шошь счищается великимъ преступникомъ. Впрочемъ, Китайцы не лишены наслажденїи роскоши, не смотря на ихъ умѣряющіе роскошь законы, и богашые люди умѣютъ шолковать сіи законы въ свою пользу. Жрецамъ *Fo-ke* и Таоцїзе позволяется, напримѣръ, имѣть шолько одноцвѣтныя, и самаго просшаго покроя плашья, но о качествахъ шкани указа нѣтъ, и жрецы щеголяютъ дороговизною оныхъ.

Если Астрономическій трибунальъ, или Кишайскій *Bureau des Longitudes* забудешь опредѣляшь часъ восхожденія солнца, или луны, явленія пяти планетъ и 28-ми созвѣздій, затмѣнїе, метеоръ, комету, то члены его получаютъ по 60 ударовъ бамбуковою палкой.

Запрещено предсказателямъ посѣщать дома военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, и предвѣщать имъ удачи или неудачи. Они могутъ, съ помощію Астрологїи, предсказывать будущее только частнымъ людямъ.

Обширное отдѣленіе посвящено наказаніямъ за то, если кто нибудь въ извѣстные, опредѣленные дни забудетъ воздать установленною горестью долгъ памяти родителей, или до установленного срока оставитъ шрауръ, и станеть участвоватъ въ увеселенїяхъ. Бамбукъ вышиваешся и во всѣ сїи обязанности, и въ уваженіе къ роднѣ. Человѣкъ, призываемый къ общественной должности, если онъ оставитъ отца, мать, дѣда, или бабу больныхъ, или старѣе 80-ти лѣтъ, не имѣющихъ, кромѣ его, ни какой другой опоры мужскаго пола, старѣе 16-ти лѣтъ, получаетъ 80 ударовъ.

Нельзя не удивиться сходству, существующему между системами законодательства Кишайскаго и Индійскаго, относительно уваженія и обязанностей семейственныхъ. Кишайцы оказываютъ предкамъ почти божескую честь, и одно изъ возраженій ихъ противъ Католической вѣры состоятъ въ томъ, что Католики отвергаютъ подобное суевѣріе. Индійцы также строго соблюдаютъ священ-

ные обряды, въ честь умершихъ прародителей. По словамъ Мену, почтеніе къ предкамъ выше почтенія къ самому Богу. Индійскія Веды предписываютъ чтить предковъ, какъ божество.

Такое чувство сыновняго почтенія внушило Кишайцамъ законы, коими утверждается спрожайшее наблюденіе похоронныхъ обрядовъ, и запрещается всякое веселье въ помъ семействъ, въ коемъ отецъ, мать, мужъ, или ошцовскіе родственники, подверглись смершной казни.

Замѣтимъ мимоходомъ, что особенно запрещается у Кишайцевъ сжигать, или бросать въ воду трупъ умершаго. Дѣти и родня Китайца, скончавшагося въ далекой землѣ, гдѣ есть обычай жечь тѣла, не жалѣють никакихъ издержекъ, чтобы доспастъ тѣло покойника, похоронить его въ опредѣленномъ мѣстѣ, и со всѣми положенными обрядами.

Отдѣленіе оканчивается уставами, опредѣляющими порядокъ и ходъ сельскихъ празднествъ, и утверждающими первенство на оныхъ. Ошступленіе отъ правилъ подвергается 50-ти ударамъ.

Все это показываетъ намъ, съ какою строгостію смотритъ Кишайское законодательство на правила, изъ вѣка въ вѣкъ продолжающія уснаженныя единожды порядокъ, обычай, даже обряды, во всѣхъ званіяхъ общества.

Пятое отдѣленіе Кишайскаго Уголовнаго Уложенія занято наказаніями военными.

Глава первая относится къ неприкосновенности Богдыханскаго Дворца. Вошь замѣчательнѣйшія изъ установленій: сто ударовъ получаетъ, кто безъ причины и безъ позволенія переступитъ за дверь храма, или за стѣну Богдыханскаго кладбища, и 80 шовъ, кто перейдетъ за порогъ мѣста, назначеннаго для Богдыханскихъ жертвоприношеній. Входъ въ крѣпости, сады и дворцы Богдыханскіе запрещенъ спрожайше, и человекъ, безъ позволенія вошедшій въ комнаты, Богдыханомъ занимаемыя, или въ столовую его, подвергается пещь. Тоже определено, если кто нибудь броситъ свой дерзкій взоръ въ комнаты жены, или мащери Богдыхана. Небрежность спражи въ Богдыханской крѣпости, или дворецъ, счищается нияжкншъ преступленіемъ. Люди, сопровождающіе Богдыхана, или составляющіе его свиту, не могутъ оставить мѣстъ своихъ, подь опасеніемъ расплаши бамбукомъ. Чиновникъ, военный и гражданскій, удалившійся изъ свиты Богдыхана, когда онъ путешествуешь, или прогуливаешь по своимъ областямъ, наказываешь смерью.

Дороги, мосты, переходы, предоставленные исключительно для Богдыхана, не могутъ быть попираемы ни чьею ногою, кромъ его. Нарушеніе сего устава навлекаешь на преступника страшное наказаніе. Каждый, встрѣченный въ аллеяхъ, окружающихъ мѣстопребываніе Богдыхана, и несущій съ собою что-либо подозрительное, обязанъ проглотить то, что несъ. Человекъ, въ запрещенные часы подошедшій къ сему мѣсту, съ оружіемъ

въ рукахъ , наказывається смерщю. Сшоль жестокіе успавы показывающъ боязнъ Кипайскаго Богдыхана: но, не смотря на эшо, въ 1803 году, Богдыханъ Кіа-Кингъ едва не былъ умерщвленъ во Дворцѣ своемъ, среди придворныхъ и спражи. Въ одинъ изъ торжественныхъ дней, прокрался въ его Дворецъ нѣкто, по имени Чинъ-ше. Когда Богдыханъ появился въ своемъ паланкинѣ, Чинъ-ше бросился на него, и въ шо самое мгновение, когда гошовъ уже онъ былъ поразишь Богдыхана, чиновники, окружавшіе паланкинъ, успѣли схватишь злодѣя. Во время суда, Чинъ-ше обвинилъ въ соучастіи съ собою многихъ Принцевъ крови и знатныхъ чиновниковъ. Въ Богдыханскомъ опредѣленіи удалено было сіе обвиненіе, но Богдыханъ далъ однакожь замѣтишь, что хоша свѣша его состояла изъ спа человекъ, но шолько шестеро ошановили убійцу. «Справедливо» продолжаешъ Богдыханъ «что Князя *Mis-gen* и *havang-to-ur-chee*, а шакже чешыре другіе чиновника, ошановившіе убійцу, издавна пользующся нашею благосклонностью; но между всѣми другими, ошавшимися спокойно свидѣтелями нашей опасности, неужели не было ни одного, котораго мы не ошачали-бы шакже своимъ благоволеніемъ? Такъ-ли должны были они свидѣтельствовашъ свою признашельность, и свою преданность Государю и ошечеству? Если уже въ сихъ обстояшельствахъ мы видимъ ошъ нихъ подобные знаки невниманія, шо чего можемъ мы ошъ нихъ надѣяшся въ случаяхъ необыкновенныхъ, и какого вообще ожидаешъ усердія ко благу нашему?» Винов-

наго казнили медленною, мучительною смертию, а двухъ сыновей его удавили.

Смерти подвергается каждый человекъ, который бывъ уже наказанъ уголовно за какое нибудь преступленіе, вступишь пошомъ въ службу при особѣ Богдыхана. Чиновникъ, знаемо или незнаемо, способствовавшій его вспуленію въ сію службу, также казнится смертию.

Слѣдующій законъ кажешся прошиворѣчащимъ общему характеру Кишайскаго законодательства: «Каждый, пусшившій стрѣлу, или выпалившій изъ ружья, въ храмъ, или Богдыханскій дворець, или мѣстопребываніе Богдыхана, или даже въ зданіе, опредѣленное для служенія государству, съ видимою возможностью достать храмъ, дворець или зданіе своимъ ударомъ, подвергается давлению. Кто-же высрѣлится по направленію храма Богдыханскихъ жертвоприношеній, подвергается сша ударамъ палкою, и изгнанію вѣчному, на 3,000 ли разшояніемъ.»

Во время пушешествій и прогулокъ Богдыхана, солдаты и народъ должны оставлять свободный проѣздъ для него и для его свиты, составленной изъ войскъ, должностныхъ людей, и знашныхъ чиновниковъ, приособъ Богдыхана находящихся. Кто, не уваживъ сего, перейдешъ запрещенную черту, подвергается пешлѣ. Если Богдыханъ, пушешествуя по ошдаленнымъ обласшямъ, прїѣдешъ куда либо неожиданно, шо подданные, всрѣтившіе его, должны лечь брюхомъ на землю, и лежать не поднимая голову, пока онъ и свита его не проѣдушъ.

Декабрь 1830.

34

Несоблюденіе сего обряда подвергается смерти. Въ такомъ унизительномъ положеніи, подданный можешь подавать просьбу, если хочешь воспользоваться проѣздомъ Богдыхана. За нарушеніе правила слѣдуешь двойкѣй судъ: если просьба окажется справедливою, виновнаго прощають, но за несправедливую просьбу онъ подвергается пещѣ.

Кто перелѣзетъ черезъ валъ города, получаетъ 100 ударовъ; 80 дають тому, кто запретъ городскія вороша до назначеннаго часа. Въ Пекинѣ наказаніе за то и другое гораздо строже: ошворившій, или запершій до срока городскія вороша—казнится смертью.

Нарушеніе правилъ военнаго управленія составляетъ въ Уложеніи особую статью. Военачальникъ, двинувшій войско безъ указа Богдыханскаго, кромя того шолько, если онъ хотѣлъ остановить немедленно буншъ, или возмущеніе, подвергается 100 ударамъ и изгнанію. Донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ должны бытъ немедленно и исправно отправляемы въ тройномъ числѣ: въ главную квартиру, въ верховный военный Совѣтъ, и къ Богдыхану.

Какъ ни Драконовски писано Уложеніе Китайцевъ, но во многихъ мѣстахъ видно однакожъ отеческое покровительство, простираемое Богдыханомъ на его подданныхъ. Чиновникъ, когда взбунтовавшіеся подданные самопроизвольно покорятся, осмѣлившійся грабить ихъ, ранить и убивать, или своими жестокостями принудившій ихъ бѣжать, или спарашься убѣжать, осуждается на

отсѣченіе головы. Такая-же казнь назначена тому , кто , прямо или косвенно , передастъ непріятелю государственную тайну , или планъ военныхъ дѣйствій. Въ семъ послѣднемъ случаѣ , посредники передачи считаются сообщниками. Новымъ устанавленіемъ предписано вѣчное изгнаніе тому , кто измѣнитъ государственной тайнѣ , сносясь съ членами иноземныхъ посольствъ.

Каждый чиновникъ , имѣющій власть надъ кѣмъ либо , или назначенный для блюденія надъ народомъ , подвергается смертной казни , если вмѣсто того , чшобы пріобрѣсть себѣ любовь и уваженіе подчиненныхъ мудрою снисходительностью , ожесточаетъ ихъ излишнею строгостью въ исполненіи законовъ.

Смертію наказываются возчики провьянта и припасовъ , не повинующіеся приказу , ими полученному , и начальники войскъ , отказывающіеся исполнять повелѣніе о дѣйствіи , или замедляющіе оное. Смерши подвергается солдатъ , замедлившій болѣе трехъ дней явкою къ своему мѣсту , когда войско выступило въ походъ. Если кто нибудь другой назовется его именемъ , и явится вмѣсто его , то наказываются бамбукомъ , и шопъ , кто явится , и шопъ , кого хотѣлъ онъ замѣнить : сей послѣдній , не смотря на то , обязанъ явиться непременно. Замѣна принимается шелько отъ отца за сына , отъ брата за брата , отъ дяди за наеманника , отъ дѣда за внука , и обратно. Требуется пришомъ , чшобы замѣняющіе жили въ одномъ семействѣ , чшобы замѣна была по доброй волѣ , и чшобы она

оправдывалась лѣшми и сосноянiемъ замѣняемаго. Лекаръ, или хирургъ военный, если онъ замѣнишь себя другимъ, не имѣющимъ сего права, принуждается служишь безъ жалованья, и сверхъ того онъ, и замѣнившiй его, подвергающся бамбуковой паккѣ.

Поставлена закономъ въ величайшее преступленiе прусосшь, оказанная военными чиновниками, особляво когда находились они въ передовыхъ и ошдѣльныхъ караулахъ, и чрезъ шо подвергли опасности войско, не предувѣдомивъ о приближенiи непрiятели правильно.

Офицеры, не умѣющiе поддержать повиновенiя и устроиства между подчиненными, не обучающiе ихъ военнымъ экзерцициямъ, не содержащiе въ хорошемъ состоянiи крѣпостей, или укрѣплений, имъ ввѣренныхъ, или упущенiемъ строгихъ предписанiй, а также и произвольными наказанiями и наградами побуждающiе къ возмущенiю, или побѣгу, осуждающся на исправленiе ударами бамбука.

Когда, вслѣдствiе пренебреженiя устроиства, безчинiе, или возмущительныя мысли проникнутъ въ войско, шо вошь по какой лѣшницѣ идетъ вознагражденiе: за вину, учиненную *однимъ* солдатомъ, капраль, сержаншь, получаетъ 40 ударовъ; если окажется *пятеро* виновныхъ солдатъ, бамбукъ вразумляетъ сошника, или капитана; за *десять* виновашыхъ, бамбукъ переходишь на шысячника или полковника, а за *пятьдесятъ* человекъ виновашыхъ, 40 ударовъ даюшь начальнику корпуса, гдѣ они оказались. Каждый офицеръ, за

спавившій служить одного, или многихъ солдатъ, собственно себѣ, безъ увольненія ихъ въ тоже время отъ военныхъ занятій, получаешь сколько ударовъ, сколько употребилъ человекъ, и кромѣ того плащешь по семи монетъ за каждаго человека въ день, считая все время ихъ работы.

Побѣгъ, въ первый разъ наказываешь бамбукомъ, во второй смершью. Бамбукъ присуждается тому, кто укрылъ бѣглеца; но кто въ шеченіе сна дней перваго побѣга возвратится добровольно, отъ наказанія избавляешь.

Вошь главнѣйшія распоряженія, касательно нарушимости границъ: никто не долженъ переходить границы безъ паспорта, безъ допроса, и безъ освидѣтельствванія, что не имѣешь при себѣ шоваровъ, къ привозу запрещенныхъ. Перешедшій за границу безъ позволенія, обвиняешь въ сообщеніи съ непріятелями, и казнишь смершью. Незаконно выдавшій паспортъ строго наказываешь. Кто въ пограничныхъ мѣстахъ, или внутри государства, составилъ заговоръ, имѣющій цѣлью передать иностранцамъ произведенія Кишайской земли, или Кишайской промышленности, а особенно шайну искусства, казнишь смершью со всѣми знавшими сей умысль. По новѣйшимъ распоряженіямъ, дабы совершенно уединить Китай отъ другихъ земель, запрещено всякое строеніе на прибрежныхъ островахъ, и они превращены въ пустыню. Другое распоряженіе еще лучше показываетъ анши-коммерческую политику, которою управляешь Кишай: Кишаецъ, шайно отправляющій морскую торговлю

или прожившій нѣсколько времени на чужестранномъ островѣ, и снова явившійся въ *Небесной Имперіи*, лишается головы, въ силу закона, который осуждаетъ на смерть челоуѣка, имѣвшаго сношенія съ непріятелями, или бунтовщиками. Вице-Короли, правители городовъ, и другіе чиновники, лично отвѣтствуютъ, если не предупредили такого ужаснаго дѣла.

Четвертая книга Уголовнаго военнаго Уложенія заключаетъ въ себѣ уставы о лошадяхъ и животнохъ, принадлежащихъ государству, излагая, съ замѣчательною точностью, степени ошвѣщественности людей, опредѣленныхъ къ сохраненію оныхъ. Если конь, рогатое животное, верблюдъ, мулъ, осель, принадлежащіе государству, будутъ поранены отъ дурнаго устройства, или недовкаго надложенія сѣдла и сбруи, бамбукъ разсчитывается съ виновникомъ, по мѣрѣ важности раны. Если одно животное погибнетъ отъ недостатка приличной пищи, смотрители, отъ десятника до сотника, подвергаются бамбуку; если десять челоуѣкъ оказались виноваты, бамбукъ обращается на главнаго ихъ начальника. Вообще, система наказанія, распредѣленная по чиновачалію, есть одна изъ основныхъ чертъ Китайскаго Уложенія.

Тѣлесное наказаніе и плаха, чему подвергается убившій, или поранившій животное, принадлежащее частному челоуѣку, измѣняются, смотря по роду, обстоятельству дѣла, и отношеніямъ между обидчикомъ и обидимымъ. Хозяинъ лошади, или верблюда, не можетъ убить своего животнога

безъ позволенія Правительства. Замѣшимъ, что законы, относително живошныхъ опасныхъ, или вредныхъ, одинаковы у Китайцевъ съ нашими. Хозяинъ, не взявшій предосторожностей, напры, не привязавшій живошнаго, вредъ наносящаго, или не убившій бѣшеную свою собаку, подвергается бамбуку; если-же, вслѣдствіе сей небрежности, живошное ранитъ, или умертвитъ чедовѣка, хозяинъ его подвергается суду, и судится, какъ невольный убійца, или по неосторожности нанесшій рану.

Слѣдующая за тѣмъ книга Уложенія говоритъ о почшахъ и депешахъ. Хошя почта существуетъ въ Китаѣ собственно только для Правительства, тѣмъ не менѣе она весьма важна. Китайская почта доведена даже до такого совершенства, какого невозможно-бы ожидать въ государствѣ столь обширномъ, и гдѣ неровности земли, горы, озера, болота, песчаная степи, обширные лѣса, представляютъ столько препятствій быстротѣ внутреннихъ сообщений. Хошя разстояніе между Пекиномъ и Кантономъ, сухимъ путемъ, составляетъ болѣе 1,200 Англійскихъ миль (400 мѣ Французскихъ), но депешы Правительства доходятъ изъ Пекина въ Кантонъ въ 12 дней. Первый артикулъ книги о почшахъ опредѣляетъ, что солдаты, исправляющіе должность курьеровъ, въ 24 часа должны проѣзжать 300 ли, или 107 миль Англійскихъ (35 мѣ Франц.), и если 1½ часа они опаздываютъ, то должны быть наказаны.

Каждый чиновникъ, военный и гражданскій, удержавшій прошеніе, къ Правительству отпра-

ленное, наказываешся смершноу казнью. Такая строгость имѣешь цѣлью ограниченіе произвола начальниковъ надъ подчиненными.

Посланный, медлящій исполненіемъ сдѣланнаго ему препорученія, подвергается бамбуку. Если небрежность его остановила какія либо военныя дѣла, онъ лишается головы. Законъ не разсматриваешъ при семъ случаи, что было причиноу медленія: недоразумѣніе, слабость, или умыселъ. Если въ надписи депеши сдѣлана ошибка, и депеша не попадетъ по принадлежности, то надписывавшій рачтываешся съ закономъ, смотря по мѣрѣ вреда, имъ причиненнаго, или ударами бамбука, или головою.

Особая глава отдѣлена наказаніямъ, какія получаютъ офицеры и чиновники, заславляющіе жилища какого либо мѣста носимъ свои паланкины. Тушь-же сказано, что частный человекъ, заславившій носимъ паланкинъ свой безъ плаши, долженъ бытъ принужденъ къ заплащѣ за шрудъ, и, кромѣ щого, подвергается ударамъ бамбука. Это опредѣленіе имѣешь въ виду милосердое вниманіе къ участи бѣдняковъ и простолюдиновъ: только страхъ шѣлеснаго наказанія можешь остановить принужденіе, которое гордость и предразсудки людей богашыхъ и знатныхъ могушь дѣлать весьма обыкновеннымъ на Востоку.

Здѣсь прекратимъ мы наши замѣчанія, ибо исчисленіе всего, что любопышно для Европейца въ Уложеніи Китая, могло-бы насъ увлечь весьма далеко. Скажемъ въ заключеніе, что между прочимъ

мы нашли особый законъ, по которому запрещается подданнымъ Богдыхана продавать что либо особамъ, принадлежащимъ къ иностранному посольству, или покупать что нибудь у нихъ. Другимъ закономъ ограничивается число людей, составляющихъ иностранное посольство: Сіамцы не могутъ посылать болѣе 26-ти человекъ, Европейцы 22-хъ, всѣ другіе народы 20-ти.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія книги.

Въ Библиографическомъ отдѣленіи Телеграфа не было упоминаемо о многихъ, выходявшихъ въ Россіи книгахъ. Мы сознавались и сознаемся въ этомъ, спараясь по возможности дѣлать Библиографію Телеграфа полнѣе. Посему-то рѣшились мы въ сей книжкѣ извѣстить читателей о пяти книгахъ, изданныхъ въ Россіи съ 1827-го по 1830-й годъ, и о которыхъ въ Библиографіи нашей не было ничего сказано, но которыя между тѣмъ замѣчательны по разнымъ отношеніямъ.

— *Объ устройствѣ утѣлицъ.* Выписки и замѣчанія Петра Кеплена, Магистра Правовѣднія, Доктора Философіи и Члена разныхъ ученыхъ Обществъ. СПб. 1827 г. въ ш. Н. Греча, in 8, 122 и VII стр.

Эта книга есть отдѣльно опечатанная списашь;

которую Г-нь Кеппенъ помѣстилъ въ Сынѣ Отечества, 1827 года. Мы желали-бы обратиться на нее особенное вниманіе просвѣщенныхъ нашихъ соотечественниковъ.

Авторъ излагаетъ въ ней подробно содержаніе и вѣщность книги, изданной извѣстнымъ Германскимъ ученымъ Фридрихомъ Тиршемъ, по поводу возставшихъ въ Баваріи споровъ о цѣли, системахъ и методахъ учебныхъ заведеній. Предметъ обширный, важный, и Г-нь Тиршъ обзрѣваетъ его вполнѣ. Къ разбору книги Г-на Тирша (названіе оной: *Ueber gelehrte Schulen, mit besonderer Rücksicht auf Bayern, Schwungarth und Tübtingen*, 1826 г. in-8, болѣе 500 стр.), Г-нь Кеппенъ присовокупилъ извлеченія изъ двухъ книгъ Г-на Брауншвейга, Директора Училищъ Курляндской губерніи: *Ideen zur Gründung lettischer Landmannschulen* и *Die Organisation der Gymnasien nach christlichem Princip*. Слѣдуя книгѣ Г-на Тирша, излагаетъ Авторъ, по порядку, слѣдующія 12 статей: предпазненіе училищъ; учителя; преподаваніе Закона Божія; классическое ученіе; преподаваніе отечественнаго языка; преподаваніе Математики; полный курсъ ученія; исторія Баварскихъ училищъ; вѣровсповѣданіе учащихся; надзоръ за поведеніемъ учащихся; высшія училища и Лицея.

Едва-ли надобно говорить, что доказываетъ Г-нь Тиршъ: онъ защитникъ, шакъ называемаго, *классическаго* ученія, и въ ашомъ-шо отношеніи книга его, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разборъ оной, изданный Г-мъ Кеппеномъ, ошмѣнно важны. Они показываютъ основаніе и подробности мнѣній одной изъ спорящихъ о воспитаніи сторонъ.

Въ Телеграфѣ помѣстили мы сочиненіе Г-на Яспребцева *О воспитаніи*, и опчешь объ учебныхъ заведеніяхъ Франціи. Надѣемся получишь окончаніе начашой сшашьи о системѣ Жакошо. Послѣ сего желашельно-бы намъ было изложишь свои мысли о воспитаніи публичномъ и частномъ, и предложишь читашелямъ нашимъ краткую исторію Педагогій въ Европѣ вообще, и въ Россіи особенно. Предполагая себѣ сей шрудъ въ 1832 году, мы просимъ читашелей обратишь вниманіе на означенную здѣсь книгу Г-на Кеппена, какъ на изложеніе классической педагогій, съ которою мы рѣшишельно не можемъ согласишься почти ни въ чемъ, отдавая полную справедливосшь уму и знаніямъ Г-на Тирша, и благодаря почшеннаго Г-на Кеппена за шрудъ его. Подробныя объясненія спора предосшавляемъ будущему времени.

— *Согненія Николая Анненкова*, въ стихахъ и прозѣ. СПб. 1827 г. въ ш. Воспищ. Дома, in-8, V в 205 стр.

Эшо собраніе опытовъ юноши, кажешся, не поступало въ продажу; оно было издано родными и друзьями Автора, погибшаго при самомъ началѣ жизни, обшцавшей въ немъ полезнаго гражданина, благороднаго человека, и можешь бышь, хорошаго лшшерашера. Онъ родился въ Курскѣ, въ 1805 году; переѣхавъ съ родшелями въ С. Петербургъ, кончалъ тамъ курсъ ученія, и на 16-мъ году опредѣлялся въ сшашелую службу; но черезъ три года оставилъ ее, вступилъ въ военную, и дѣломъ 1826 года, ушонудъ, купаешь въ Невѣ.

Любя Лишперашуру, онъ посвящалъ ей всѣ свои досуги, но ничего не печаталъ, и только послѣ смерти его изданы въ особой книжкѣ многіе опыты въ стихахъ и прозѣ. Сказавъ: *опыты*, мы сказали все; но прибавимъ, что въ этихъ опытахъ видно болѣе души и поэзіи, нежели во многомъ, что напечатано по два, по три раза. Тѣмъ шрогашельнѣе воспоминаніе о шаланшѣ, безвременно погибшемъ для родныхъ и отечества.

—*ΔΟΚΙΜΙΟΝ ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΠΛΗΣΙΕΣΤΑΤΗΣ ΣΥΓΓΕΝΕΙΑΣ ΤΗΣ ΣΛΑΒΟΝΟ-ΡΩΣΣΙΚΗΣ ΠΡΟΣ ΤΗΝ ΕΛΛΗΝΙΚΗΝ*, и проч. —

Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Грецескимъ. Сочиненный Экономомъ Вселенскаго Патріаршескаго Престола, и Проповѣдникомъ Константинопольской и всѣхъ православныхъ церквей Эллинскаго народа, Пресвишеромъ Константиномъ Экономидомъ, Членомъ Императорской Россійской Академіи, и Конференціи Духовной Александроневской Академіи, и проч. Томъ I, переведенный состоящимъ при Вѣнскомъ Посольствѣ священникомъ Гавріиломъ Меглинцкимъ; ш. II-й и III-й, содержащъ въ себѣ Словарь.—Печатано по опредѣленію и на иждивеніи Императорской Россійской Академіи. Спб. 1828 г. въ ш. Росс. Академіи и Депарш. Народн. Просвѣщенія, in 8, CLXXXVII, 339, 464, 528 и 9 стр.

—*Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang-Sätsän, Chungtaidschi der Ordus. Aus dem Mongolischen übersetzt von I. J. Schmidt.* (*Исторія Восточныхъ Монголовъ и ихъ кня-*

жескаго Дома, соч. Санангъ—Земсена, Хунгшайши Ордусовъ. Съ Монгольскаго перев. I. I. Шмидтомъ) СПб. 1829 г. in 4, XXIV и 509 стр.

— Expédition d'Alexandre le Grand contre les Russes: extrait de l'Alexandride ou Iskéndér-Namé de Nizâmy, etc. (*Походъ Александра Великаго противъ Рускихъ. Извлеченіе изъ Александриды, или Искендеръ—Наме, соч. Низами, переведенное, большею частію, по Калькушшскому изданію, Людовикомъ Шпицнагелемъ, бывшимъ воспитанникомъ Воссточнаго Инспишуша при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ. Вполнѣ передѣлалъ и издалъ, съ прибавленіемъ жизнеописанія Низами, и одиннадцати другихъ Персидскихъ поэзовъ, по Девлешъ—Шаху, Люшфъ—Али-Бею и Собранію поэзовъ, Ф. Б. Шармуа, Спашскій Совѣшникъ, Орд. Профессоръ Персидскаго и Турецкаго языковъ въ вышеозначенномъ Инспишутѣ, Членъ Лондонскаго и Парижскаго Азіяшскихъ Общесствъ и Кавалеръ Ордена св. Анны 2-й степени, алмазами украшеннаго*). Т. I. СПб. 1829 г. въ ш. Гинце, in-8, 162, 141 стр. и Персидскій шексшъ.

Не имѣя досташочныхъ свѣдѣній въ Греческомъ языкѣ, мы не рѣшились судить о книгѣ почтенной духовной особы, Константина Экономида, и ожидали, что скажутъ о ней иностранные ученые, ибо со стороны Русскихъ знашочковъ дѣла, книгу сію встрѣшило совершенное молчаніе. Но до сихъ поръ не видали мы никакого разбора сей книги и въ иностранныхъ повременныхъ изданіяхъ. Эшо заспаваляешъ насъ внесши сочиненіе О. Экономида въ библиографиче-

скій списокъ просто, и пожалѣвъ, что равнодушіе ученой публики было наградою его труда, весьма обширнаго.

Г-нъ Шмидтъ, отличный знатокъ Калмыцкаго и Монгольскаго языковъ, особенно извѣстенъ ученымъ преніемъ своимъ съ Г-нъ Клапропомъ. Въ 1824 году издалъ онъ книгу: *Forschungen im Gebiete der ältern, religiösen, politischen und litterarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter*, противъ которой сильно спорилъ Г-нъ Клапропъ. Дѣло заключалось въ предметахъ столь важныхъ для древней Исторіи Средней Азіи, что многіе ученые люди принимали участіе въ ономъ. *Исторія Восточныхъ Монголовъ*, переведенная Г-мъ Шмидтомъ на Нѣмецкій языкъ, изданная вмѣстѣ съ подлинникомъ, обогащенная примѣчаніями Переводчика и предисловіемъ, есть книга ошѣнно любопытная. Авторъ ея, Монгольскій Князь, жившій въ XVII-мъ столѣтіи, начинается повѣствованіе съ 2133-го года до Р. Х., т. е. съ начала Буддизма, и продолжается до своего времени, по ловины XVII-го вѣка. Служа дополненіемъ къ ма-шеріаламъ Исторіи Монголовъ, столь важной въ Исторіи цѣлой Азіи, книга Г-на Шмидта любопытна для Оріенталистовъ особенно тѣмъ, что въ первый разъ представлено въ ней обширное Монгольское сочиненіе подлинникомъ. Изданіемъ сей книги ученый свѣтъ обязанъ просвѣщенной щедрости Государя Императора, благоволившаго пожаловать на изданіе оной 10,000 рублей.

Книга, изданная Г-мъ Шармуа, есть подарокъ, не только ученому свѣту, но и вообще просвѣщен-

нымъ чашалямъ. Въ началѣ X-го вѣка, Руссы, спускаясь по Волгѣ, черезъ Хазарскія области, грабили берега Ирака, Табаристана и Азербайджана. Восточные писатели говорятъ о сихъ набѣгахъ въ преувеличенномъ видѣ. Низами, великій Персидскій Поэтъ, прозванный *Шемкомъ созерцающихъ*, и жившій въ XII вѣкѣ, изложилъ войну Руссовъ поэтически: онъ заставляетъ Александра Великаго сражаться съ Руссами. Это составляетъ эпизодъ поэмы Низамія: *Искендеръ-Наме* (Александрена), въ которой описаны поэмомъ Персидскимъ жизнь и дѣла Александра Македонскаго.

Эпизодъ о войнѣ Александра противъ Руссовъ, изданъ былъ отдѣльно Профессоромъ Эрдманомъ (*De expeditione Russorum Berdaum versus, etc.*, Казань, 1826 и 1828 гг.). Французскимъ переводомъ сего эпизода публика одолжена первоначально труду юнаго ориенталиста, нашего соотечественника. Здѣсь не лзя удержаться отъ прогашельнаго воспоминанія: это былъ Людовикъ Шпицнагель, сынъ Профессора Виленскаго Университета. Онъ родился въ 1807 г., и въ 1823 году поступилъ, послѣ окончанія Университетскаго курса, въ Восточный Институтъ, находящійся при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ въ Спбургѣ. Въ три года, Шпицнагель приобрѣлъ большія свѣдѣнія въ Арабскомъ, Турецкомъ и Персидскомъ языкахъ. Онъ былъ уже назначенъ, въ 1827 году, въ качествѣ Переводчика, къ нашему Консульству въ Египтѣ, когда несчастная смерть разрушила всѣ надежды на его много обѣщавшія дарованія, пламенную любовь къ наукамъ и страшное желаніе изучать страны Во-

сшока въ пушешествіяхъ , приготоваьсь предварительно познаіемъ языковъ Восшочныхъ.

Шпицнагель предпринялъ переводъ изъ поэмы Низамія , желая предсшавить дань благодарности своей почтенному начальнику Восшочнаго Иншшшша, Г-ну Аделунгу. По смерши Шпицнагеля, Г-нь Шармуа , ошличный оріеншалистъ и насшавникъ его, принялъ на себя, по желанію Г-на Аделунга, обязанность пересмошрѣшь, исправишь, дополнишь и издашь сей трудъ. Обязанность свою исполнилъ Г-нь Шармуа ошличнымъ образомъ. Онъ сличилъ Персидскій шексшъ, по Калькушшскому изданію 1812 года, по книгѣ Г-на Эрдмана, и по 11-ши рукописямъ, изъ конихъ 9 привезены были въ Пешербургъ въ числѣ 166 шомовъ, взяшыхъ въ Арбедиль, и составляющихъ шрофен побѣдъ нашихъ въ Персіи. Послѣ шого, Г-нь Шармуа почти передѣлаалъ Французскій переводъ Шпицнагеля.

Вошъ въ какомъ порядкѣ издано все эшо Г-нь Шармуа : послѣ Предисловія, гдѣ говоришь онъ о Шпицнагелѣ, шрудѣ своемъ, и рукописяхъ, имѣ для шого употребленныхъ, слѣдуюшь жизнеописанія двухъ Низаміевъ и 11-ши другихъ Персидскихъ поэшовъ, родившихся, или жившихъ, подобно Назамі, въ Персидскихъ областяхъ, намъ принадлежащихъ нынѣ. Пошомъ предлагаешся анализъ полнаго Искендеръ-Наме, Французскій переводъ эпизода о войнѣ Александра съ Руссами (141 страница), и наконецъ Персидскій шексшъ (980 стиховъ, на 165 стр.) — Во 2-й часши будущъ помѣщены варіаншы Арбедильскихъ списковъ, и разныя филологическія, историческія и географическія замѣчанія.

О тщательности и точности Издашеля можно судить потому, что изъ 9-ти Арбедильскихъ рукописей, онъ извлекъ 5350 варианшовъ.

Послѣ сего справедливо можно сказать, что трудъ Г-на Шармуа есть трудъ истинно-ученаго ориенталиста и знаюка своего дѣла.

Что сказать о самой повѣи Низамія? Это прелестъ несравненная, это Востокъ вполне, съ своими мѣтами, Исторією и Пѣззією. Въ этомъ отношеніи, мы будемъ говорить о трудѣ Г-на Шармуа отдѣльно.

— Подъ Высочайшимъ покровительствомъ состоящій Московскій Армянскій Лазаревыхъ Институтъ Восточныхъ языковъ. М. 1830 г. Въ т. Лазаревыхъ Инстит. Вост. языковъ, in-4, 60 стр. — Эта-же брошюрка на Армянскомъ языкѣ, in-4, 82 стр.

Одно изъ самыхъ полезныхъ заведеній, въ нашемъ отечествѣ находящихся. Мысль: устроить особенное училище для Армянъ, была приведена въ исполненіе Иваномъ Лазаревичемъ и Акимомъ Лазаревичемъ Лазаревыми, въ 1816 году. Зданія, разныя принадлежности и капиталъ, положенный сими основателями для Армянскаго училища, составляютъ нѣмнѣ пожертвованія, цѣнимыя до 900 тысячъ рублей. Съ 1828 года Высочайше утверждено сему училищу названіе: *Армянскій Лазаревыхъ Институтъ Восточныхъ языковъ*. До 1830-го года выпущено уже было изъ онаго болѣе 300 человекъ Армянъ, кончившихъ курсы ученія, и до 50 человекъ изъ нихъ получили потомъ отъ Московскаго Университета званія Студентовъ и Кандидатовъ; другіе поступили въ военную и гражданскую службу,

Декабрь 1830.

заняти мѣста учителией, и сдѣлались образованными гражданами новаго своего отечества, могущественной Россіи. Въ Институтѣ положено содержать всегда отъ 30 до 40 Армянскихъ воспитанниковъ (въ 1830 году было ихъ 46). Кромя сихъ воспитанниковъ, принимаются въ Институтъ, для ученія изъ плашы, пансіонеры, полу-пансіонеры и слушатели (годовая цѣна 750, 450 и 250 рублей). Полный курсъ составляетъ семь лѣтъ. Предметы онаго шѣже, что въ Гимназіяхъ, но къ нимъ присовокупляется ученіе Армянскаго, Арабскаго, Персидскаго и Турецкаго языковъ, чѣмъ занимается ученый Армянскій Архимандритъ Михаилъ Соланшіанъ, Цензоръ Армянскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Москвѣ. Онъ-же преподаетъ и Богословіе для Армянъ. Для пансіонеровъ Греческаго исповѣданія преподается Законъ Божій ошдѣльно. Главный Начальникъ Института нынѣ, по Высочайшему соизволенію, Генералъ-Адьюшаншъ А. Х. Бенкендорфъ; Попечителемъ Института предоставляется бывшій старшему въ родѣ основателя, А. Л. Лазарева (нынѣ И. А. Лазаревъ, и Директоръ, родной бранш его, Х. А. Лазаревъ). Инспекторъ при Институтѣ, бывшій Профессоръ Казанскаго Университета, И. Ѳ. Краузе. Ревности къ добру Попечителя и Директора, покровительству просвѣщеннаго Вельможи, Начальника Института, и трудолюбію и отличными педагогическими свѣдѣніями Инспектора, Институтъ обязанъ нынѣ цвѣтущимъ состояніемъ своимъ. Смѣло можно поставишь его въ рядъ съ лучшими учебными заведениями въ Россіи. Помѣщеніе въ немъ, какъ для жишья учащихся, такъ и для

всѣхъ учебныхъ пособій, превосходно. Библіотека составляетъ боже 5,000 томовъ. — Имена *Лазаревыхъ* должны принадлежать къ именамъ людей, ознаменовавшихъ себя подвигами гражданскими.

Въ книгахъ, поставленныхъ въ заглавіи нашей сшашья, содержится подробное изложеніе сущности и состава Института, также курсовъ и хозяйственныхъ распоряженій по оному. Типографія Г-дъ Лазаревыхъ причисляется къ Институту.

— *Практическое руководство къ сочиненію Музыки*, въ пользу самоучащихся, и въ облегченіе учителей, съ приложеніемъ особенныхъ правилъ для сочинителей Русскаго церковнаго пѣнія, и двухъ пошныхъ шестрадей, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себя примѣры и задачи, а вторая рѣшеніе задачъ, изложенное Л. Фуксомъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. СПб. 1830 г. въ ш. К. Крайя, in-4, XVIII и 130 стр. (ношъ 58 полулистовъ).

Вошъ также книга, можешь бышь, очень извѣстная знѣшокамъ, но о которой, сколько намъ поминшя, публикѣ ничего не было сказано. Ошъ чего подобное молчаніе? Ошъ того-ли, что руки, движущія смычекъ или клавиши, не всегда столь-же легко двигаются по бумагѣ, и весьма рѣдко заставляють двигаться типографскіе спанки? Или ошъ обыкновенной нашей привычки—шумѣть о пушьякахъ лиштературныхъ и возлагать персть молчанія на уста, когда надобно бываешь говорить о дѣлѣ? — Предоставляемъ другимъ разыгрывать вариѣціи на эту философическую тему.

Н А К А З Ъ ,

данной отъ имени Царя Θεодора Алексѣевича ,
Подъячюму Алексѣеву , посланному гонцомъ , съ
граматою къ Польскому Королю , въ 1680-мъ
году (*).

Лѣта 7188 , Генваря въ 18 день , по Государеву Цареву и Великаго Князя Θεодора Алексѣевича , всея Великія , и Малыя , и Бѣлыя Россіи Самодержца Указу , памяшь Подъячюму Никитѣ Алексѣеву. Ъхати ему Вел. Гос. Царя и Вел. Князя Ѳ. А. , всея Вел. и Малыя и Бѣлыя Россіи Сам. , съ граматою къ Корол. Величеству Польскому. — А съ Москвы ѡхати ему черезъ Смоленскъ. — А объ отпускѣ его изъ Смоленска Великаго Государя грамата къ Воярину и воеводамъ ко Князю Ивану Борисовичу Троекурову , съ товарищи , послана съ нимъ же , Никитшою. — Да какъ онъ , Никита , прїѣдешь Королевскаго Величества въ порубежный городъ ,

(*) Подлинникъ писанъ приказною скорописью XVII-го вѣка , на 12½ склеенныхъ одинъ съ другимъ сполбцакъ. Сохраняя въ точности всѣ слова , мы не соблюдали правописанія подлинника. — Въ шѣхъ мѣстахъ , гдѣ мы ставили *тире* (—) , въ подлинникѣ находящіяся *абзацы*. *Изд. Тел.*

и ему того города къ Комменданту , или къ Уряднику послашь кого пригоже , и велѣшь говоришь , чюбъ его опуститъ къ Корол. Величеству безъ задержанія , на кошорые города ближе и подашнѣе . — А какъ его того города Коммендантъ , или Урядникъ опуститъ , и Присава и провожаемыхъ дастъ — и Никитѣ ѣхашъ къ Корол. Величеству не мѣшкал нигдѣ ни часу . — Да какъ онъ прїѣдешъ въ тошъ городъ , или обобо , гдѣ будешъ Корол. Величество , и ему послашь къ Канцлеру , или къ Подканцлеру , или къ кому доведешся , и велѣшь про себя сказашъ , что присланъ отъ Вел. Гос. Царя и Вел. Князя Ѡ. А. всея Вел. и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца , и многихъ государствъ и земель , Восшочныхъ и Западныхъ , и Стѣрныхъ , опшчича и дѣдича , и Наслѣдника , и Государя , и Обладателя , Его Царскаго Величества съ грамашою , къ Вел. Государю ихъ , къ его Корол. Величеству , и Корол. Величество велѣлъ-бы ему Царскаго Величества съ грамашою бытъ у себя на прїѣздѣ не мѣшкал . — Да какъ Его Корол. Величество велитъ бытъ у себя , и ему приказашъ съ присавомъ , что онъ къ Корол. Величеству ѣхашъ гошовъ , а у Королевскаго Величества въ то время нинхъ Государей Пословъ , и Посланниковъ , и гонцовъ никого не было . — Да какъ ему скажущъ , что у Корол. Величества нинхъ Государей Пословъ и Посланниковъ и гонцовъ не будешъ — И Никитѣ къ Корол. Величеству ѣхашъ . А прїшедъ передъ него правитъ отъ Великаго Государя поклонъ . — А мѣлытъ : «Боже милостію , Великій Государь , Царь и Великій Князь Ѡ. А. , всея Великія , и Малыя , и Бѣлыя Рос-

сія Самодержецъ , и многихъ государствъ и земель, Восточн. , Западн. и Сѣверныхъ опщичъ и дѣдичъ , и наслѣдникъ , и Государь , и обладашеть , вамъ , брашу своему наивснѣйшему и Великому Государю Яну III-му , Божією милосшію Королю Польскому , и Великому Князю Литовскому , Русскому , и нынѣ велѣлъ поклонишсь. — И поклонишсь рядовымъ поклономъ. — Да какъ Корол. Величество , про здоровье Великаго Государя спросишъ , всшавъ , и шляпу снявъ — И Никишъ молышъ : « Какъ я поѣхалъ ошъ Вел. Государя нашего , ошъ Его Царскаго Величества , и Вел. Государь нашъ , Царь и Великій Князь Феодоръ Алексѣевичъ , всея Вел. , и Мадья и Бѣлыя Россіи Самодержецъ , и многихъ государствъ и земель , Восточныхъ , и Западныхъ , и Сѣверныхъ опщичъ и дѣдичъ , и наслѣдникъ , и Государь и обладашеть , Его Царское Величество , на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія , дакъ Богъ въ добромъ здоровьѣ. » — А буде Корол. Величество про Государево здоровье самъ не спроситъ , а велѣтъ спросишъ Канцлеру , или и спросишъ не всшавъ , и шляпы не снявъ — И Никишъ говоритъ , что окрестные всѣ Великіе Государи , Великаго Государя нашего , Его Царскаго Величества пословъ , и посланниковъ , и гонцовъ , про Великаго Государя нашего , про Его Царскаго Величества здоровье спрашиваютъ сами , всшавъ и шляпу снявъ , честно , шакже и Его Корол. Величество про Его Царскаго Величества здоровье , при Его Царскаго Величества гонцѣхъ спрашивалъ самъ , всшавъ , и шляпу снявъ , и нынѣ-бъ Его Корол. Величество учинилъ прошиль прежняго , и шѣлъ къ брашу своему , къ Вел. Го-

сударю нашему, къ Его Царскому Величеству не-
люба не чиниль. — Да какъ Корол. Величество Ве-
ликаго Государя про здоровье спросишь самъ,
вставъ, и шляпу снявъ — И Никишъ сказашъ про
Государево здоровье, какъ писано выше сего, и
поднесши Королевскому Величеству Вел. Государя
грамату, въ шафтъ, а мѡлышь: «Великій Госу-
дарь, Царь и Вел. Князь Ѡ. А., всея Вел. и Мал.
и Вѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ госу-
дарствъ и земель, Восточныхъ и Западныхъ и Сѣ-
верныхъ опичиъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и Госу-
дарь, и обладатель, прислалъ къ вамъ, брашу сво-
ему, Вел. Государю, къ Вашему Корол. Величе-
ству свою Царскаго Величества грамоту.» — И какъ
Корол. Величество грамоту примешъ, и велишь
идши ему къ рукъ, и ему къ рукъ идиши. — И буде
Корол. Величество велишь его Никишу спросишь:
«Опричъ граматы, рѣчью съ нимъ о иныхъ дѣлѣхъ
наказано-ль, и буде наказано, а онъ-бы говориль.»
И Никишъ говоришь: «Ошь Вел. Государя, ошь
Его Царск. Величества, о дѣлѣхъ приказу съ нимъ
никакого нѣтъ, а писано о всемъ Его Царск. Ве-
личества въ грамахъ.» — А буде у него походящъ
Велик. Государя грамоту взять Паны Рада, или
иной кто, и ему Великаго Государя граматы,
опричь Корол. Величества никому не отдавашъ, а
просишься къ Корол. Величеству, чшобъ у него Го-
судареву грамоту Корол. Величество принялъ самъ.
— А бывъ у Корол. Величества, и отдавъ Госу-
дареву грамоту, приказывашъ съ присшавомъ къ Кан-
цлеру, и къ Подканцлеру, или къ Маршалку, чшобъ
они дѣ Корол. Величества донесли, чшобъ Корол.

Величество велѣлъ ему бытъ у себя на опущекѣ, и велѣлъ его опущишь къ Царскому Величеству не задержавъ, и съ нимъ о всемъ къ Царскому Величеству, прошивъ Его Царск. Величества граматы велѣлъ въ своей Королевскаго Величества граматы писать. — А буде Приславъ, или Канцлеръ, или Подканцлеръ, или Маршалокъ, учнушь его спрашивашъ о какихъ дѣлахъ, чего въ семъ наказѣ не написано — И Никишъ о шѣхъ дѣлахъ держашъ опущишь, смотря по ихъ рѣчамъ, учшиво и осторожливо, чшобъ Великаго Государя имени было къ чести, и къ повышенію, а лишнихъ рѣчей не говоришь, и собою ничего не всяняшь. — А кто при Королевскомъ Величествѣ, въ що время, какъ онъ Никиша будешъ на пріѣздѣ и на опущекѣ, будешъ Сенаторей, и Высокихъ Урядниковъ, и ему имена ихъ, и нныя шамошнія, въ нынѣшнія времена поведенія написашъ все именно въ Сшатейный Списокъ. А напередъ о томъ о всемъ, и о всякихъ вѣдомостяхъ, къ Великому Государю, Царю, и Великому Князю Ѡ. А., всея Вел. и Мал. и Бѣлыя Россіи Самодержцу, пишашъ чрезъ почты, а самому ѣхашъ къ Вел. Государю не мѣшая, а пріѣхавъ къ Москвѣ явишься, и Сшатейный Списокъ подашь въ Посольскій Приказъ Дьякамъ, Думному Ларіону Иванову, Василью Бабинину, Емельяну Украинцову, Семену Прошопцову. — А шоваровъ ему Никишъ никакихъ съ собою не возишь, и шорговыхъ Русскихъ людей и иноземцовъ съ шовары неимашъ, и никакими шовары, будучи въ шой посылкѣ, не шорговашъ, и людямъ своимъ никакими шовары шорговашъ не велѣшь, и шого ему остерегашь на-

крѣпко, чшобъ ошъ шого не учинилось какого безчестія, и Великаго Государя дѣлу порухи. — Да ему-жь Никишѣ написаны шашьи въ запасъ. — Какъ онъ прїѣдешъ съ грамашою Вел. Государя, Его Царск. Величествва, на дворѣ Королевскаго Величествва, и прїѣдешъ къ шой палашѣ, въ кошорой будешъ Корол. Величество, и буде учнушь его у дверей шой палашы задерживашъ, и Никишѣ говоришь, чшо напередѣ сего, Вел. Государя, Его Царск. Величествва гонцовѣ, у дверей палашныхъ, въ кошорыхъ бываеь Королевское Величество, не задерживали. А нынѣ шо чинишся вновь, мимо прежняго обычая, и чшобъ уаказалъ Корол. Величество съ грамашою Вел. Государя, Его Царск. Величествва, видѣшь ему Никишѣ свои Корол. Величествва они вскорѣ, прошивъ прежняго обычая, а у палашы, у дверей, задерживашъ его не велѣлъ. — А какъ онъ, Никиша, будешъ у Корол. Величествва на прїѣздѣ и на отпускѣ, и въ шѣ дни прїезаво къ нему будешъ за столы Корол. Величествва деньгами малое число, а не прошивъ прежняго, и ему Никишѣ учинишь въ шомъ осторожность, чшобъ было Великаго Государя, Его Царскаго Величествва имени къ чести и повышеию.

На оборотѣ, по склейкамъ подписано дважды: *Дьякъ Семень Протопоповъ*, съ переносомъ, повшоренія: *Протопоповъ*, къ концу Наказа, на другую шторону, въ концѣ шекста. На оборотѣ-же внизу: *Справилъ Ивашко Волковъ*.

С Н И М О К Ъ

НАПОЛЕОНОВА ПОЧЕРКА.

При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ вѣрный снимокъ почерка *Наполеона*.

Если когда нибудь нѣсколько строкъ, начертанныхъ человекомъ, могли бытъ важны, замѣчательны для наблюдателя, могли остановить на себѣ взоръ самаго безпечнаго человека, то конечно—это строки, начертанныя Наполеономъ, съ конемъ снимокъ находящся передъ глазами читателей. Онѣ тысячу разъ были списаны, напечатаны, повторены на всѣхъ языкахъ; въ послѣдній разъ изъвѣлъ имъ волю свою Наполеонъ; имъ заключилась Исторія цѣлаго періода; онѣ написаны послѣ двадцати лѣтъ борьбы, со всею Европою, и скрѣплены кровавою рѣкою, прошекшею отъ Немана до Оки, и отъ Оки до Сены. На нихъ еще долго будешь устремлять взоръ человека въ грядущихъ поколѣнiяхъ! Словомъ: это *отрѣзенiе отъ престола, написанное Наполеономъ, въ Фонтенбло, 6 Апрѣля (н. с.) 1814 года*, когда Парижъ былъ уже въ рукахъ Союзныхъ Монарховъ, и только въ немногихъ ошашкахъ войнѣ заключалась вся сила исполина, нѣкогда пошрясаваго престолами, двигавшаго народы.

Припомнимъ событія. Января 25-го 1814 г. въ послѣдній разъ Наполеонъ оставилъ Парижъ, и,

какъ раненый левъ, ринулся на встрѣчу побѣдителей, опивсюду вступавшимъ во Францію. Февраля 1-го закипѣлъ бой въ мѣстѣ воспитанія Наполеонова, подъ Бриенною. Наполеонъ уступилъ; но онъ ушомлень, а не побѣжденъ еще: онъ бѣжеть подъ Шампоберомъ, Монмиралемъ, Вошаномъ, Нанжисомъ и Моншеро, гонитъ Австрійцевъ за Труа, бросается на Блюхера, сражается подъ Краономъ, возвращается на Суассонъ, ошнимаетъ Реймсъ, преслѣдуешь Австрійцевъ, обратившихся уже на Парижъ, дерешься подъ Арси-сюръ-Объ, носишь солдатъ своихъ какъ будишь въ рукахъ, являешься вдругъ въ десяти мѣстахъ, ошскупаешь, увлекаешь, нападаешь, переговариваешь о мирѣ, и сражаешься. Ни одна кампанія не показываетъ военнаго генія Наполеонова въ такой высокой степени, какъ эта роковая, послѣдняя его кампанія. Но — жребій брошенъ: Парижъ сдался. Наполеонъ въ Фоншенбло, имя Бурбоновъ передешаешь уже изъ устъ въ уста. Сподвижники Наполеона окружаютъ его, мрачные и безмолвные. Императоръ Александръ торжественно говоритъ: *Je déclare que je ne traiterai plus avec l'empereur Napoléon.* Апрель 1-го составилось временное Правительство Франція: царствованіе Наполеона уже кончено. Фоншенбло приводитъ на память слова великаго Историка: *«C'est ici qu'il faut se donner le spectacle des choses humaines: qu'on voie tant de guerres entreprises, tant de sang répandu, tant de peuples détruits, tant de grandes actions, tant de triomphes, de politique, de constance, de courage;»*

à quoi cela aboutit-il?» (*) — Апрель 4-го собрались на совѣтъ къ Наполеону сподвижники его. Онъ предлагалъ имъ идти на Парижъ, и умереть сражаясь. Совѣтъ кончился. Узнали, что Наполеонъ *отрѣкся отъ престола* въ пользу своего сына. На другой день донесли ему, что Мармонъ перешелъ къ Бурбонамъ. L'ingrat! воскричалъ Наполеонъ — il sera plus malheureux que moi! — Коленкуръ, Нсй и Макдональдъ отправились къ Союзнымъ Монархамъ, и представили имъ отрѣченіе Наполеоново. Оно не было принято. Посланные возвратились, и объявили, что побѣдители требуютъ отрѣченія безусловнаго. Наполеонъ еще разъ вспомнилъ великія свои битвы, велѣлъ двинуть войска, но — остановился, внимательно сообразилъ удаление бывшихъ нѣкогда вокругъ него вельможъ, полководцевъ, придворныхъ, лица остававшихся при немъ, долго говорилъ съ ними, и почувствовалъ тягостную десницу Провидѣнія. Онъ успокоился, хладнокровно обратился къ своимъ собесѣдникамъ, и сказалъ имъ послѣ нѣкотораго молчанія: «Вы хотите покоя? Хорошо! Но не знаете вы, сколько печалей и опасностей будешь окружать васъ, на вашихъ пуховыхъ подушкахъ. Нѣсколько лѣтъ мира, за который плашите вы такъ дорого, погубятъ васъ болѣе, нежели погубила-бы война, война самая опчающая!» Онъ подошелъ къ бюро, и написалъ *полное отрѣченіе*:

(*) Монпескьё.

« Les puissances alliées ayant proclamé que l'empereur était le seul obstacle au rétablissement de la paix en Europe, l'empereur, fidèle à son serment, déclare qu'il renonce pour lui et ses enfans aux trônes de France et d'Italie, et qu'il n'est aucun sacrifice, même celui de la vie, qu'il ne soit prêt à faire aux intérêts de la France (*). »

Сколько думъ возбуждаютъ сіи немногія строки Наполеона! Разсматривая внимательно снимокъ оныхъ, видимъ, на словъ: *l'empereur*, чернильное пятно. Неужели шайный шрепешъ потрясъ его душу, когда надобно было ему *въ послѣдній разъ* написать сіе слово? — Слова: *pour lui et ses enfans*, Наполеонъ пропустилъ, и вписалъ попомъ между строками. Въмѣсто слова: *sacrifice*, было написано что-то другое, но зачеркнуто. Также и вмѣсто слова: *aux intérêts*, кажешся, Наполеонъ хотѣлъ написать: *au bonheur*, но — зачеркнулъ сіе послѣднее слово.

Апрѣля 11-го подписанъ былъ въ Парижѣ трактатъ, начинавшійся громовыми словами: « Sa

(*) « Союзныя Державы объявили, что Императоръ « былъ единственное препятствіе къ возстановленію « мира въ Европѣ. Императоръ, вѣрный своей прися- « гѣ, объявляетъ, что онъ отказывается, за себя и « дѣшею своихъ, отъ преновъ Франціи и Италіи, и « что нѣтъ пожертвованія, даже самую жизнь, ко- « « порога не готовъ-бы онъ былъ сдѣлать для выгоды « Франціи. »

Majesté l'empereur Napoléon renonce.... à tout droit de souveraineté et de domination, tant sur l'empire français et le royaume d'Italie que sur tout autre pays. — Наполеонъ пересталъ царствовать: онъ уже лишній въ Европѣ.

Апрѣля 19-го прибыли Коммиссары Союзныхъ Монарховъ, для сопровожденія Наполеона въ мѣсто его изгнанія. Ночью того-же дня бѣжали шиховько изъ Фоншенбло камердинеръ Наполеона, Коншанъ (клеветущій на благодѣтеля своего въ Запискахъ, имъ нынѣ изданныхъ) и вѣрный допоздъ Мамелюкъ его Рюшанъ. Повѣряешь-ли, что неблагодарность этихъ людей пронула Наполеона — почти до слезъ! — Апрѣля 20-го Наполеонъ простился съ своею гвардіею, и отправился на островъ Эльбу.

К О Р Р Е Д Ж І О.

Конецъ XV-го столѣтія былъ эпохою величайшаго шоржества Живописи. Три генія ознаменовали его своимъ появленіемъ, при живописца, кошорымъ не являлось уже послѣ того соперниковъ. *Микель Анджело Буонаротти* родился въ 1474 году; *Рафаэль Санкціо* въ 1483 году. Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ Рафаэля родился *Антоній Аллегри*, названный по имени своей родины, *Корреджіо*.

Микель Анджело и *Рафаэль* насладились славою своею при жизни; современники сохранили намъ

даже малѣйшія подробности жизни ихъ; Цари и Первосвященники чтили ихъ своимъ уваженіемъ. Не шаква была участь Корреджіо. Бѣдный, бездѣльный, обремененный нуждами, заботившійся о пропитаніи своего семейства, Корреджіо не слыхалъ пріятнаго слова отъ современниковъ, не зналъ своей славы, за ничто продавалъ великія творенія, которыя цѣнятъ нынѣ сотнями тысячъ, и умеръ въ забвеніи, на бѣдной своей родинѣ.

Намъ извѣстно только о жизни сего великаго живописца, что онъ родился въ 1494 году, въ Корреджіо, небольшой деревенькѣ близъ Пармы. Говорятъ, что смотря на небольшую картину Рафаэля, Корреджіо созналъ свой геній, и съ восторгомъ воскликнулъ: *Anch'io sono pittore* (и я живописецъ)! Онъ учился пошомъ у живописцовъ незначительныхъ, не былъ ни въ Римѣ, ни въ Венеціи, и всѣмъ былъ одолженъ только своему безсмертному генію. На 18-мъ году написалъ онъ Св. Антонія, картину, находящуюся нынѣ въ Дрезденѣ. Пошомъ заказывали ему писать образа и картины для церквей, и даже двѣ картины купили для Маншуйскаго Герцога, вѣроятно для того, чтобы Герцогъ полюбовался, какъ хорошо пишешь мужикъ, ни у кого не учившійся. Что Корреджіо считалъ хорошимъ живописцемъ, видно изъ слѣдующаго: въ 1520 году надобно было росписать альфреско куполь въ Пармской церкви Св. Іоанна. Корреджіо предпочли при семъ случаѣ Тиціану и Юлію Роману. Впрочемъ, не за шо-ли всего болѣе предпочли, что онъ взялъ не очень дорого — 5,600 *франковъ*,

работавши около четырех лѣтъ? — Такъ и въ 1522 году заказали ему написать образъ Рождества Христова, для церкви Св. Проспера въ Реджіо. Донынѣ сохранилась записка, данная тогда Корреджіо. Вотъ слово въ слово переводъ оной:

«Сею запискою, собственноручною, я Альбертъ Прашонеро, свидѣтельницаю, что обѣщаль я заплащить мастеру Аншону Корреджіо, живописцу, двѣсти шаринныхъ ливровъ Реджійскихъ, за картину, которую обязался онъ исполнить со всевозможнымъ щцаніемъ, изобразить на ней Рождество Спасителя нашего, съ принадлежащими фигурами, по мѣрѣ и величинѣ, означеннымъ въ рисункѣ, который собственно самъ начертилъ и показывалъ мнѣ рѣченный Корреджіо, 22 Октября 1522 года.»

Корреджіо написалъ по сей запискѣ свое безсмертное созданіе, извѣстное подъ именемъ *Корреджіевой ноги*. — Картину: Богоматерь съ Предвѣчнымъ младенцемъ, Св. Іеронимомъ и Марією Магдалиною, писалъ Корреджіо полгода, по заказу Бризенды Косса, вдовы одного Пармскаго дворянина. Кромѣ небольшой плашмы, Г-жа Косса подарила еще ему, сверхъ договора, два воза дровъ, добраго поросенка и нѣсколько мѣрокъ пшеницы. Черезъ двѣсти лѣтъ, Герцогъ Пармскій не согласился отдать сей картины Королю Поршугальскому за 400 тысячъ франковъ, а въ 1798 году, Бонапарте предлагали миллионъ франковъ, если только онъ оставитъ сію картину въ Пармѣ, и Бонапарте же взялъ миллионъ, а предпочелъ произведеніе Корреджіо. Картины

ну: Венера и Саширъ, купилъ Кардиналь Барберини и подарилъ Мазарену; въ 1661 году цѣнили ее шолько въ 5000 ливровъ, (нынѣ она во Французскомъ Музеѣ, и ее цѣнятъ въ 200,000 франковъ).— Въ 1530 году, Корреджіо кончилъ огромнѣйшую работу альфреско, въ куполѣ Пармскаго Собора, шрудившись нѣсколько лѣтъ. Онъ изобразилъ Успеніе Богомашери, съ безчисленнымъ множествомъ Ангеловъ, Апостоловъ и Свяшыхъ — произведение неподражаемое, размѣра колоссальнаго. Ему заплашили — 4,200 франковъ!

Еще въ полной силѣ и зрѣлости генія былъ Корреджіо, но шягосшвые шруды истрошили уже его физическія силы. Получивъ, въ 1534 году, плату за одну изъ картинъ своихъ мѣдными деньгами, онъ спѣшилъ опнести ихъ къ семьѣ своей, и въ жаркій день пошелъ изъ Пармы пѣшкомъ на свою родину, гдѣ всегда жилъ. Ошъ чрезмѣрной усталости, Корреджіо сдѣлаася боленъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ, на *сороковомъ* году жизни....

Такъ жилъ, шакъ безвременно погибъ человекъ, котораго спавишь потомство рядомъ съ Рафаэлемъ и Микель-Анджело. Если идея высокаго и божественнаго принадлежала преимущественно генію Рафаэля, если Микель-Анджело обладалъ ужаснымъ, исполинскимъ, шо прелестъ, милое, идея земнаго, возведенная къ небесному шихимъ вдохновеніемъ души, скорбной и глубокой, были принадлежностью Корреджіо. Преображеніе Рафаэля уноситъ душу зрителя выше земнаго; Ночь Корреджіева согрѣваетъ ее небеснымъ на землѣ; Мадонна Рафаэля

заспавляетъ безмолвствовашъ языкъ земли: эшо чело-
вѣкъ, оставившій земную оболочку; картины Кор-
реджіо дають небесное слово брэнному челоуку:
эшо мнръ земли съ небомъ... Но кто пойметъ, кто
опѣнншъ его , когда примиритель-геній влачить су-
ществованіе свое въ сей бѣдной юдоли скорби...

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

На картинкѣ , приложенной къ сему № Телегра-
фа, находится изображеніе статуи Вашингтона,
изваянной Чаншреемъ (Chantrey).

Чаншрей считается первымъ изъ ваятелей Ан-
глійскихъ. Сынъ простаго мызника, онъ родился въ
1782 году. Англичане гордятся имъ, предпочтша-
ють его Кановъ, и прилагають къ нему слова
Шекспира: rare master. . . who, had he himself eter-
nity, and could put breath into his work, would beguile
nature of her custom, so perfectly he is her ape. Въ
самомъ дѣлѣ, Чаншрей можешь бышь наименованъ
Микель-Анджеоло нашего вѣка.

Статуя Вашингтона была ему заказана Сѣверо-
Американцами, и нынѣ украшаетъ одинъ изъ обще-
ственныхъ памятниковъ въ столицѣ Сѣверо-Аме-
риканскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Чаншрей глу-

боко понялъ, какъ должно было изобразить Вашингтона. Благородство, простота положенія, новѣйшее одѣяніе, и изящная драпировка плащомъ, составляющъ сіе произведеміе Чанпрета въ число изящнѣйшихъ памятниконъ современнаго Ваянія.

С М Ъ С Ъ.

Вечернее собраніе въ Турціи.—Почищаемъ любопытнымъ описаніе вечера въ Турціи, извлеченное изъ письма одного путешественника. « Драгоценнѣйшія благоуханія Аравіи курились въ богатыхъ кассолясахъ, на шреножникахъ, поставленныхъ въ разныхъ углахъ гостиной. Въ вышинѣ, люстра ошракала въ тысячѣ кристалловъ свои огни и соперничала съ дневнымъ свѣтомъ; внизу плескался фонтанъ, котораго брызги падали въ мраморный бассейнъ. Бѣшь восемь часовъ, и со всѣхъ сторонъ являющся гости: то Греки корабельщики, купцы Армянскіе и нѣсколько человекъ Франковъ съ женами. Женщины садятся на эстраду, занимающую во всѣхъ гостиныхъ Восточныхъ половину пространства. Тамъ, роскошно опершись на шелковыя подушки, сложивъ ноги, вполонину прикрытыя кожаными кошурнами, онѣ отдыхающъ отъ утомительнаго покоя дня, беззаботно предаваясь веселымъ шуткамъ. Общество, разнообразіемъ націй и оригинальностію нѣкоторыхъ лицъ, даетъ разгудъ

ихъ извѣстельному, сатирическому характеру.—Мужчины помѣстившись на чешыреугольныхъ скамейкахъ, въ нѣкошоромъ разстояніи отъ всрады. Ни одинъ изъ нихъ не забылъ своего *тубука*, ни кашемироваго мѣшка, вышитаго золотомъ и набитаго благовоннымъ *латаке*. Между тѣмъ, мальчикъ подноситъ всѣмъ гостямъ серебряную небольшую жаровню, съ пылающими угольями, раскуривашъ шабакъ въ спамбукахъ. Надобно было видѣшь, какъ всякій, лѣтними губами ласкалъ округленный яншаръ, кошорымъ оканчивается вишневыи чубукъ, и, вдыхая ароматическій запахъ Египетскаго шабаку, съ наслажденіемъ запивалъ его усладительнымъ кофе, даромъ Мокки, заключеннымъ въ Персидскій фарфоръ.—Недавній пришлецъ на Воспокъ, еще мало знакомый съ Греческимъ языкомъ, я въ молчаніи удивлялся прелесшному виду всѣхъ женщинъ, и особенно живому румянцу, кошорый огнемъ горѣлъ на щекахъ одной молодой Армянки, свѣжей, подобно ушренной, полураспустившейся розѣ. Жадно устремивъ на нее взоры, я былъ какъ въ усладительномъ снѣ, и боялся ежеминутно, чтобы печальное пробужденіе не скрыло отъ меня эшихъ очаровательныхъ формъ, шревожившихъ мою душу невѣдомымъ смяшеніемъ.—Вскорѣ я былъ пробужденъ отъ забвенія звуками мандолины, шо унылыми, шо рѣзкими, которые могли-бы своею печальною гармоніей ушрашить слухъ, болѣе нѣжный. Женщины встали, взялись за руки и начали шанцовать. Крайняя дѣлала па, кошорымъ должны были всѣ подражать. Музыка и шанцы мало занимали меня; но я линаательно разсмашривалъ нарядъ женщинъ.

Спенсеръ , яркаго цвѣша , былъ надѣтъ у нихъ на тонкую рубашку изъ шелковой ткани ; длинные черные волосы , украшенные жемчугомъ , брильянзами и цвѣсами , окружали голову и были завязаны подѣ Греческимъ токомъ ; сандалии кожаные , шакъ-же какъ и кошурны , охватывали ихъ ножки ; юбки были у всѣхъ хорошия . — Танецъ кончился . Принесли разные прохладительныя , въ кристалльныхъ вазахъ и съ самою Восточною роскошью . Но время уже было позднее ; надлежало распашься , и каждый пошелъ , освѣщаемый фонаремъ : предосторожность необходимая въ такой странѣ , гдѣ улицы по городамъ извилисны и не освѣщены ночью .

Ночные сторожа. Во Франціи нѣтъ эшихъ ночныхъ хранищелей , заботящихся о безопасности городовъ , объявляющихъ который часъ и какова погода . Въ Германіи они извѣстны подѣ именемъ *Нахтвехтеровъ* . Въ Англіи , *Уэжмены* носятъ съ собою шрещотку и фонарь . Ихъ также называють въ просторѣчїи *герлей* , ш: е: продавецъ часовъ , пошому что они громко повшоряють , кошорый часъ . Въ Испаніи это *Сереносы* , шакъ называемые по ихъ обычаю громко возглашашь о часѣ и погодѣ . Въ благословенномъ шамошнемъ климатѣ почши всегда погода ясная , и пошому они кричашь : « *La luna у media! Tiempo sereno!* » — Въ Констаншинополѣ , гдѣ пожары шакъ часты , особенно въ ночное время , необходимы смотрштели : это *Бекджи* , кошорые дѣлають ночные обходы , и въ размѣренныя мгновенія опускають на мостшовую свою дубинку ,

окованную желѣзомъ, давая чрезъ то знаніе о своемъ присущствіи.

Въ Минхенѣ показывающъ иностранцамъ покрывало или одѣяло съ брачною постели Карла VII, Императора Нѣмецкаго. Оно бархашное и съ такимъ множествомъ шедшаго золотого шнурка, что чепыре сильныхъ человека съ трудомъ могутъ приподнять его.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Московскаго Телеграфа.

Сею книжкою, *сто сорокъ четвертою* съ начала Телеграфа въ 1825 году, заключается *тридцать шестой томъ*, и годовое изданіе за 1830-й годъ.

Издатель не будетъ извиняться передъ читателями въ поздней выдачѣ книжекъ, и не спашетъ извинять себя ничѣмъ. Последнее не важно для читателей; перваго не лзя даже назвать и замедленіемъ, ибо слишкомъ черезъ годъ послѣ настоящаго времени выхода являюща послѣднія книжки Телеграфа за 1830-й годъ. Но, на это-то самое Издашель проситъ своихъ читателей обратиться нѣкоторое вниманіе.

Излишне повсорятъ здѣсь шуцыя шушки и му-

жицкія насмѣшки, какими за несправность осыпали Телеграфъ другіе Журналисты, изъ кошорыхъ иной сбивалъ по чепыре книжки въ одну, издавая половинное число листовъ противъ программы, другой умеръ вовсе не додавши книжекъ; претій самъ всегда опаздывалъ выдачею.

Издашель Телеграфа думалъ и думаешь, что непремѣнная обязанность Журналиста: не только выдать полное число обѣщанныхъ книжекъ и листовъ, но и наполнить ихъ, по мѣрѣ возможности, лучшимъ образомъ.

Эшо всего болѣе задерживало и задерживаешь выдачу книжекъ Телеграфа, если еще пришомъ непреддимыя, а иногда и неотратимыя причины ошвлекають Журналиста отъ его заняшій. Издашель Телеграфа могъ-бы, шакъ-же какъ другіе, уменьшивъ число листовъ и каршинокъ, набишь книжки коечѣмъ, и давно кончиль 1830-й годъ. Онъ не хотѣлъ: выдаетъ книжки поздно, просиль въ эшомъ снисхожденія чашашелей, но за шо, готовъ выдержашъ ихъ строгій судъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Книжки Телеграфа за 1830-й годъ выданъ всѣ ошдѣльно; число листовъ въ нихъ даже съ излишкомъ противъ обѣщаннаго, число каршинокъ полное, и—осмѣлимся сказашь—содержаніе послѣднихъ книжекъ не показываешь, чшобы Издашель наполнялъ ихъ кое-какъ: онъ шрудилъ надъ ними, какъ будшо-бы надобно было выдавать ихъ въ настоящее время, а не доплачивашъ имъ старый долгъ.

Такъ будешь кончень и 1831-й годъ Телеграфа; шакъ выполнишь Издашель передъ публикою и дру-

гія, принятыя имъ на себя литературныя обязанности. Пусть кричатъ журнальщики и журнальные писачки. Думаемъ, что для чловѣка справедливаго и просвѣщеннаго, ихъ вопли не заглушатъ искренняго и швердаго голоса Издателя Телеграфа.

По обыкновенію, представляемъ здѣсь отчетъ за Телеграфъ 1830 года, ибо полагаемъ, что *такой отчетъ* есть обязанность Журналиста передъ публикою.

И въ 1830 году, съ прежнимъ стараніемъ наполнился Телеграфъ статьями, могущими доставить чтенію наславительное или пріятное, знакомить читателей съ современною Европою, обращать вниманіе ихъ съ новыхъ точекъ зрѣнія на извѣстные предметы, или показывать предметы въ новомъ свѣтѣ, ведущемъ къ истинному о нихъ понятію. Таковы были особенно статьи: о Боссюэстѣ, Вико и Гердерѣ, отрывки изъ ненапечатаннаго сочиненія о Географіи и Исторіи, и статья о восписаніи (двѣ послѣднія И. М. Ястребцева). Статьи объ Отелло Шекспировомъ, статья объ Историческихъ прагдїяхъ Шекспира и Гёшевомъ Фаустѣ (И. Я. Кронеберга), письмо Альфреда де Виньи, и всѣ статьи о Парижскихъ Театрахъ, служили поясненіемъ теоріи и Исторіи новой драматической и вообще литературной реформы нашего времени. Статьи: о владычествѣ Мавровъ въ Испаніи, о Демонологіи, объ Исторіи Иезуитовъ, объ Исторіи Англійскихъ Католиковъ; Историческо-Географическія статьи объ Испаніи, Алжирѣ, Италіи, Греціи, Египтѣ, заключали въ себѣ большія достоинства.

Осмѣливаемся думать, что если-бы цѣлый годъ Телеграфа не содержалъ въ себѣ *никого болѣе*, кромѣ означенныхъ здѣсь статей, то можно-бы почти-шать обязанность Журналиста довольно выполненною предъ читателями, ибо сіи десятка два статей, большею частію довольно обширныхъ, можно назвать истинно *Европейскими*.

Но кромѣ того, по части Отечественной Географіи, Статистики и Этнографіи, читатели видѣли статьи ГГ-дъ Словцова, Левашева, Племянникова, Леопольдова, гдѣ изображаемы были: Сибирь, Сѣверная Россія, Бузулукъ, Крымъ, Сарашовъ, и проч. По части Отечественныхъ Древностей и Исторіи помѣщены статьи Г-на Сахарова, нѣсколько грамматъ и шаринныхъ актовъ, статьи о Московскомъ Архивѣ, объ Исторіи Малороссіи; о Русскихъ Сказкахъ (М. Н. Макарова). Къ сему отдѣленію можно отнести нѣлкія статьи, подъ названіемъ: Отечественныхъ извѣстій, вѣстей и писемъ изъ Москвы.

Нѣсколько статей поясняли современную Исторію, Географію и Статистику фактами. Таковы были: Обзоръніе 1829 года; Посланіе Президента Соединенныхъ Штатовъ; Рѣчь Англійскаго Канцлера Казначейства; извѣстія объ Англійскомъ Парламентѣ; статья о финансахъ Европейскихъ Государствъ; Жизнь Филиппа, Короля Французскаго, и извѣстіе объ Африканскомъ Же-Пророкѣ; извлечение изъ Ашласа Бальби.

Упомянемъ о статьяхъ по разнымъ предметамъ, какъ-то: отрывкахъ изъ новаго юридическаго со-

чиненія , П. И. Дега; статья о Бошанкѣ, Декандоля; Рѣчи , И. И. Давыдова; Уголовномъ уложеніи Кияшайцевъ ; Японской Географіи , Клапрота; Обзорніи современной Восточной лишперашуры, Абель Ремюза ; статья о лунномъ затмѣніи, Г-на Семенова ; о Польской Лишперашурѣ , Г-на Ушакова; о Запискахъ Маршала Сень-Сира ; о Выставкѣ С. Пешербургской, почтеннаго Московскаго фабриканта ; статья о Порто-Франко.

Полемика состояла въ показаніи несообразностей и ошибокъ , наполнившихъ два обзорніи Русской Лишперашуры; въ уликѣ хвастливаго педанша, выдавашаго мысли Шеллинга и Шшущмана за свои ; въ спорахъ о Десятинной церкви , о лекціяхъ Г-на Соколова и письмѣ Г-на Усова ; въ двухъ письмахъ Московскаго фабриканша ; въ разборѣ Физики Г-на Щеглова. Издашель поставялетъ въ достоинство Телеграфа , что все сіе было излагаемо съ гражданскою въжливостію , и что Телеграфъ не вводилъ ни въ какіе смѣшныя и безобразныя диспуты другихъ Журналовъ.

Въ Библиографіи , Издашель , сколько можно обширнѣе и вѣрнѣе , старался знакомить публику съ новыми произведеніями Русской Лишперашуры.

Оздѣлъ Изыщной Словесности , по части *Стихотвореній*, былъ не богатъ : вина не Издателя.— Но въ прозѣ, были произведенія большаго достоинства. Таковы повѣсти : Тайнственныи Жидъ, Взятіе Редута, (Мериме), Маіоратъ и Песочникъ (Гоффмана), Германскія преданія , Цыганка (превосходное сочиненіе Г-на Даля), опрывки изъ *Стрелики*

(А. О. Вельшмана), изъ *Семейства Холмскихъ*, изъ *Послѣднего Новика* (И. И. Лажечникова), и повѣсть П. П. Сумарокова. Принадлежащими къ сему-же отдѣленію можно почестъ три сшашьи, соединяющія въ себѣ и Историческое достоинство: отрывки изъ *Записокъ Дюбуа*, *d'une femme de qualité*, и *Буррениа*.

Издашель старался разнообразить илѣкія сшашьи, куда причисляешъ онъ извѣстія о Московскихъ театрахъ, о Русскихъ Журналахъ и Газетахъ, изъясненія картинокъ, и проч.

Живописецъ говорилъ правду, полагая въ этомъ все свое достоинство.

Въ счешъ *шести* ошдѣльныхъ картинокъ, чишашели Телеграфа получили: *портретъ Кузена*, *портретъ Людовика Филиппа*, *снимокъ Наполеонова погерка*, *Японскую карту*, *рисунокъ къ статьѣ Г-на Ястремцева* и *рисунокъ къ статьѣ Г-на Семенова*.

Въ счешъ 24 другихъ картинокъ, были при Телеграфѣ: *рисунокъ Нордманнскаго городка*, *одинадцашъ изображеній новомодныхъ мебедей и экипажей*, и 12 очерковъ съ картинъ: *Рафаэля*, *Шнепца*, *Давида*, *Гро* (двухъ), *Жироде*, *Горація Вернета* (шрехъ), *Герена*, *Вилкіе*, и *Герико*.

Поздній выходъ послѣднихъ книжекъ дѣлалъ немѣстнымъ приложеніе картинокъ модъ. Посему, помѣшивъ при двадцати одной книжкѣ 31 рисунокъ модъ, Издашель рѣшилъ замѣнить остальные пять особенными картинками. Кажешъ, чишашели

не поспѣваюшь, что сіи пять картинокъ модѣ были замѣнены: портретами Аббата Сижара и Коррсиджіо, изображеніемъ могилы Наполеона, и отерками картины Ришара и статуи Чантрея.

Объяснивъ все сіе, Издашель долгомъ почищаетъ въ заключеніе благодарить всѣхъ, участвовавшихъ трудами своими въ Телеграфъ, и ободрившихъ его своимъ вниманіемъ въ тяжелый для него 1830-й годъ. За шѣмъ, онъ предасть себя благосклонному суду почтенныхъ читателей.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 24. *Декабрь* 1830.

К Л А Д Б И Щ Е ,

И Л И

ЧѢМЪ ВЪЛЪ , ЧѢМЪ МОГЪ ВЪТЬ.

Я человекъ совсѣмъ не *сантиментальный*; пер-
пѣть не могу слезливыхъ стиховъ , и баллады
читаю не потому , чтобы мершвецы и приви-
дѣнія — записные жишели кладбищъ и гробовъ—
заспаждали меня испытывашъ *презость ужаса*. Но
я люблю прогулки по кладбищу , и часшо , въ ра-
досши и горесши , бывши молодъ , и нынѣ , сдѣ-
лавшись старъ , любилъ и люблю бродить ме-
жду могилами почившихъ братій. Думаю , что
если-бы и другіе почаще навѣщали кладбища , сіи
безмолвные памятники счастья и бѣдствія чело-
вѣческаго , сіи послѣдніе пріюпы земныхъ спран-
никовъ , неизбѣжное мѣсто опдыха послѣ лихо-
радки жизни , шо многое шло-бы въ мѣрѣ лучше.
Къ несчастію , святое мѣсто вѣчнаго покоя ,
Божья нива , какъ называютъ его Нѣмцы , клад-

бище поперло въ глазахъ нашихъ надлежащее свое достоинство.

Восточные мудрецы говаривали, что народъ можно узнать, побывавъ на крыльцѣ судилища, поспоявъ у дверей храма, и постѣшивъ мѣсто кладбища. Если крыльцо судилища заросло шравою, и его спражъ придверный спитъ, облокошясь на свое оружіе; если въ двери храма едва можно протѣсниться, среди полны идущихъ во храмъ, и если на кладбищѣ увидише вы живыхъ, благоговѣнно размышляющихъ на гробахъ умершихъ, то можете смѣло назвашъ справу, гдѣ вы все это замѣпише, счастливою, добродѣтельной и просвѣщенною.

Не говоря ни о чемъ другомъ, обращаюсь къ *кладбищамъ*, и спрашиваю: что сказали-бы мудрецы Восшока о насъ, посмошрѣвъ на наши кладбища?

Мнѣ кажется, что для насъ кладбища сдѣлались похожи на какія-то кладовыя, гдѣ складываемъ мы старыя, ненужныя вещи: ломаную мебель, изношенное бѣлье, разбишную посуду, испертыя щетки. Разумѣю подъ этимъ складку спарыхъ родственниковъ, спарыхъ друзей, конченныхъ спрасей и опношеній общественныхъ. Мы почишаемъ обязанностью только донести, или довезти, покойника до кладбища, свалишь его въ могилу, и — много, много, если потомъ

поспавдшѣ на надгробномъ холмѣ его золоченую эпитафію, какъ на каршонѣ съ спѣрыми бумагами наклеиваютъ надпись: «*Здѣсь хранятся рѣшенія дѣла.*» Съ эпитафій, мы починаемъ всѣ отношенія наши оконченными. Въ самомъ дѣлѣ, мы оканчиваемъ ихъ начиспо. И шупъ вмѣшались извѣстными приличія, и шупъ выпѣснили они прямыя, испинныя чувства челоуѣка. «Почтишелый сынъ! Какъ благоговѣетъ онъ къ намяши опца! Какія богашыя похороны онъ сдѣлалъ ему!» — «Мы не поѣдемъ сегодня на балъ: къ сожалѣнію, мы въ праурѣ.» — «Какъ не кспати умерла ваша пешушка: шеперь у васъ цѣлый годъ не будешъ веселыхъ собраній!» — Вотъ слова, слышными нами безпрестанно, и — надобно-ли пояснять сіи слова, и наглуую безчувственность ихъ?

Не такъ бывало у насъ прежде. Смерть не разрывала связей умершаго съ живыми, и часто еще сильнѣе ушверждала ихъ. Тѣнь милаго дѣлалась какимъ-шо геніемъ хранипелемъ сердца, оспававапашагося въ живыхъ; могила милаго была мѣстомъ отдыха для пережившихъ: туда шли дѣлпшь радость и горе; тамъ молились за себя и за него. Въ числѣ самыхъ прогашельныхъ праздниковъ, бывшихъ въ Русской спаринѣ, полагаю я дни поминовеній, которые праздновали предки наши съ суевѣрною точностью и груст-

ною радостью. Въ день Свѣтлаго Воскресенья кладбища покрывались народомъ, пришедшимъ *христосоваться съ отцами и братьями умершими...* Нѣтъ! я вѣрю добродѣтели человека, благоговѣющаго предъ могилою предка, и сомнѣваюсь въ ней, когда онъ небрежешь о могилѣ ближняго, хопя-бы до локтей нашилъ онъ плёрезы, а флеръ съ его шляпы волочился по землѣ!

Но я забылъ, что говорю совсѣмъ не по нынѣшнему, и съ мѣщанскими понятіями о кладбищѣ, могу не угодить однимъ, заспаваю смѣясь надъ собою другихъ! Да что-жь за бѣда? Пусть смѣются; я очень хорошо понимаю, что говорю не по *нынѣшнему*. И въ самомъ дѣлѣ, до кладбищъ-ли намъ? Мы на починowychъ скачемъ по дорогѣ жизни, и если-ли намъ досугъ занимаемся мерзвыми, когда и съ живыми едва можемъ мы ужиться. Сколько обязанностей, хлопотъ, связей, отношеній... Посмотрите, когда шянется по улицамъ погребальный поѣздъ: слуги хладнокровно держатъ гробъ; чучелы въ черныхъ плащахъ небрежно машутъ факелами; провожаемые сидятъ въ каресахъ и экипажахъ, и можно-ли имъ идти пѣшкомъ? Вѣдь кладбище обыкновенно бываетъ далеко — успанешь! Проѣзжающіе и проходящіе едва мимоходомъ поднимаютъ шляпы и шапки передъ гробомъ, и неперпѣливо ожидаютъ, когда проѣдетъ покойникъ...

- Не сердитесь, добрые люди! Стоитъ умереть: проѣхашъ недолго, и проѣхашъ навсегда... Широкое раздолье вамъ: кашайтесь по бѣлому свѣшу, пока и вамъ придется ѣхашъ по той-же дорогѣ, по которой на минупу задержалъ васъ погребальный поѣздъ умершаго собрата....

Желалъ-бы я, хоть на нѣсколько мгновений, остановивъ васъ однакоже, не смотря на вашу неперпѣливую досаду. Желалъ-бы я, чтобы въ наше время, когда пересшали бояшся мерпивецовъ, что нибудь другое, кромѣ боязни, заспавляло васъ подолѣ останавливаясь подлѣ блѣдныхъ лицъ жипелей гроба, вглядывались въ ихъ неподвижныя, хладныя чершы; желалъ-бы подашь вамъ поводъ къ размышленію, задумчивосши на кладбищѣ....

Безпечность, съ какою смотримъ мы на жизнь за гробомъ, оскорбляетъ меня глубоко, если она бываешъ показана на кладбищѣ. Сердцу больно слышашъ смѣхъ, производимый въ носѣпидіе-ляхъ кладбищъ забавными эпиграфами, уродливыми изображеніями на гробницахъ, самими гробницами, на копорыхъ жалкое ничпожеснво жизни билишся продлинъ еще нѣсколько времени бышіе свое вешкою позолошою, полинялыми красками, прозою и спихами, вдохновенными карману какого-нибудь горькаго писаки десятип-рублевою ассигнаціею!

Но почему только *смерть* должно возбуждать все это? Погребальное пѣніе, звучащее надъ гробомъ предка, слышимое нами надъ гробомъ собрата, не должно-ли слегка пошрясать душу твою, безпечный слушатель? Помысли о томъ, что сіи звуки переживушь себя, что надъ своимъ гробомъ также повесушся они привычною чередою? Такъ, и стоя близъ могилы, на которой нелѣная надпись заславляешъ себя смѣяться, почему не подумаешь ты: «Что-то на моемъ гробѣ надпишешъ пошомокъ мой?» — Да, эша мысль иногда оледенѣла-бы твою кровь, при соображеніи безцвѣтности прошедшей твоей жизни, и при взглядѣ на безцвѣтную будущность твою! Разочшись при могилѣ собрата: по всѣмъ-ли векселямъ, выданнымъ на тебя судьбою, заплашилъ ты? Не задолжалъ-ли еще передъ самимъ собою, опцомъ, сыномъ своимъ, другомъ, брашомъ или ближнимъ?

Такая мысль пришла мнѣ въ голову, когда я уединенно бродилъ по кладбищу, въ прошедшемъ году, въ прекрасный лѣтній вечеръ. «Что» — думалъ я, приспально глядя на кости и черепы, выброшенные изъ могилы, которую оканчивалъ могильщикъ, напѣвавшій веселую пѣсню —» что, если-бы вы могли шеперь рассказать мнѣ о расчетѣ вашемъ съ жизнью! Какой поучительный урокъ могъ-бы я передать людямъ, пересказавъ имъ просто слова ваши?»

Едва подумалъ я эшо, какъ замѣшилъ на другой сторонѣ могилы чловѣка, шакже приспаль-но смюшрѣвшаго на выброшенные кости и черепы. Мы подошли одинъ къ другому. «Не одна-ли мысль занимаешь насъ?» спросилъ я у незнакомца.

— Не думаю — ошвѣчалъ онъ. — Я пришелъ сюда не философствовать: я химикъ, и хочу испынашь одно важное ошкрышье.

«Какое ошкрышье?» спросилъ я.

— Химическое — ошвѣчалъ спокойно незнакомецъ.

«Вѣрно вы изобрѣли способъ умножанья количества селиштры, извлекаемой изъ земли кладбища?»

— О, нѣтъ! Если вамъ угодно, пойдешь со мною, я вамъ все расскажу, и вы поможешь мнѣ сдѣлать мой ошкъ. Надобно вамъ знать — продолжалъ незнакомецъ, идя по кладбищу — что я имѣю у себя въ обладаніи драгоценную книгу рецептовъ мудраго Парацельса; но она писана гьероглифами, и чишашь ее весьма шрудно. Къ сожалѣнію, ипогда просидѣвъ годъ, разберешь какую нибудь шапью, и она оказываешь бесполезною. До сихъ поръ не дошелъ я еще до полезныхъ вещей, каковы, напримѣръ: химическое средство производишь золото; алхимическое средство бышь всегда веселымъ, и

проч. и проч. — Я знаю изъ книги Парацельса секретъ порошковъ, поередспомъ коихъ можно узнавать невѣрность мужчины или женщины; но скажише: куда мнѣ съ нимъ, когда мужа и жены перестали заботиться о вѣрности своихъ любезныхъ половинокъ, а любовники даже рады невѣрности любовницъ, и никто нынѣ не засмрѣлился и не засмрѣлилъ другаго за непостоянную вѣрность? Еще бесполезнѣ мой секретъ: узнавать честность людскую, ибо всѣ люди сдѣлались нынѣ такъ скромны, что никто не рѣшился на нескромную заботу испытанія своего ближняго. Таковъ и шомъ секретъ, который хочу я испытать здѣсь, и теперь.

« Скажише, сдѣлайте милость...

— Самый пуспой секретъ: я соспавилъ особенную химическую клеенку. Спидишь повѣсяшь, или положишь ее на могилу, или надгробный памятникъ, и вдругъ изобразится на ней прошедшая жизнь человека, въ могилѣ похороненнаго, и судьба его. Такимъ образомъ, эписафія скажешъ вамъ, кто и что онъ былъ, а клеенка моя, кто и что *могъ быть*...

« Эшо весьма любопытно.

— Мало-ли что любопытно, да бесполезно, оударь, бесполезно. Теряшь время по пуспому, на разсматриваніе жизни людей маленькихъ, когда и великіе уроки, Наполеоны, Кромвели,

Меншиковы, Сократы, Вашингтоны не поучаютъ насъ...

« Можешь бышь, именно потому, что они слишкомъ велики, и мы не можемъ ихъ приложитъ къ себѣ.

— Можешь бышь; только я увѣренъ, что за мой секретъ никто гроша мнѣ не дастъ... А вошь, кшати, какая-то гробница... — Незнакомецъ мой прочиталъ надпись :

« Подъ симъ камнемъ положено шло Дѣйствительнаго Сташскаго Совѣтника и Кавалера, N.N., родившагося въ 1759-мъ, а умершаго въ 1802 году. Неушшная супруга и дѣши воздвигли ему сей памятникъ. »

Мы распянули химическую клеенку незнакомца на надгробномъ камнѣ Г-на Дѣйствительнаго Сташскаго Совѣтника, и вошь что изобразилось на ней чешкими буквами :

« N. N. провелъ весь свой вѣкъ въ пустомъ искашельствѣ чиновъ и опличій, распроилъ свое состояніе, хошѣлъ поправитъ его взятками, и умеръ подъ судомъ, оставивъ женѣ и дѣшамъ разоренное имѣніе, долги, невѣжесство и погибель. Онъ могъ бышь добрымъ помѣщикомъ, хорошимъ опцомъ семейства, благодѣтелемъ своихъ сосѣдей, проживъ вѣкъ свой благополучно, и унесши въ могилу благословіе своихъ

ближнихъ. Для этого не надобно было ошшу и машери набивашъ ему въ голову, что чины и опличія сославляющъ все счастье чловѣка: надобно было образовашь, воспиташь его, приучишь къ шихой, семейной жизни, не послашь его, невѣжду избалованнаго, въ столицу, гдѣ онъ вскорѣ узналъ, какъ выбивающъ чины крѣпкимъ лбомъ, для опличія женился на любовницѣ знатнаго барина, бѣгая по переднимъ забывалъ дѣшей, и не смѣлъ сказашь слова мошовкѣ женѣ своей, пошому, что начальникъ его давалъ ему награды за ея любезность. Получивъ генеральство въ 40 лѣтъ, могъ онъ загладишь старые грѣхи' свои доброю службою, но не хотѣлъ, и думалъ шолько о шомъ, какъ зашишь прорѣхи своего сосшоянiя; будучи невѣждою, онъ не умѣлъ этого дѣлашь, а нужда не дозволила ему дѣлаться, и съ шоски умеръ онъ, когда послали его въ Уголовную Палашу.»

— Какая новость! вскричалъ незнакомецъ. Я очень радъ, что узналъ достоверность моего секретша, но къ чему это? А! вошь огромная, ираморная пирамида — Прочешемъ:

« Дѣвица Аглая N. N. покоиша подъ сими илѣнными памятникомъ, въ надеждѣ грядущей жизни. Къ неушѣшной скорби родныхъ, скончалась она на 19 году жизни, родилась . . , а день кончины ея былъ «. . (я пропускаю чи-

сла). — На другой спорѣвъ памяшника написанѣ было: *Атецъ Дотеръ*. — На шрешней :

Она цвѣла , какъ нѣжна роза ,
Увяла , будшо ошъ мороза ;
Несчастливъ жребій ея былъ ,
Простудный кашель погубилъ.

— Посмопримъ ! — сказалъ незнакомецъ , и на клеенкѣ его изобразилсь слова :

« Дѣвица Аглая была жершва слѣпой любви родишельской . Она была прелешсна , умна , и одна дочъ у богашыхъ ошца и машери . Кружевами обшшши были ея подушки и одвѣльчы ; лекаршвами началось ея кормленье ; она не успѣвала ломашъ богашыхъ игрушекъ , кошорны безпрешанно ей вновь покупали . Умъ ея сдѣлался своенравіемъ , красоша повела къ кокешшву , и жизнь ея проходила наконецъ въ выѣздахъ въ госши , и въ леченьи дома . Она умерла ошъ того , что изъ упрямштва выпила стаканъ холодной воды , послѣ шешпи кадрилей , кошорны были ей запрещены . Она могла бышь женою одного молодого человекъ , кошорый любилъ ее искренно , не смошря на недосшшки , и умѣлбы исправшшь ихъ , но онъ былъ бѣденъ , и родишели Аглаи опказали ему . Эшошъ юноша будешъ со временемъ знаменишмымъ государшвеннымъ человекѣмъ , и Аглая , бывши его женою ,

сдѣлалась-бы примѣромъ знапной , добродѣшельной женщины. Она могла-бъ быть женою другаго человека , богатаго , съ дарованіями , и знапнаго , но онъ оказался не блестящъ Аглаѣ. Третій женихъ ея оиспалъ самъ , поразглядѣвши ее вблизи. Впрочемъ , всего лучше было то , что Аглая скоро умерла : ей оставалось жить до старости въ одиночествѣ , съ мигренемъ , спазмами , ревматизмомъ , кашлемъ , гнилыми зубами и головою болью , чему были причиною балы , пошворство , конфекшы , воспипаніе и лекарствъ.»

— Если болѣе этого мы не узнаемъ на другихъ памятникахъ , то не спѣишь труда чинать слова моей клеенки.

« Почему-же ?

— Потому , что кто-же не знаетъ того , что говорящъ моя клеенка ? Но вошь могила съ простимъ деревяннымъ кресломъ. — « Господи ! прими духъ мой съ миромъ ! Здѣсь лежалъ шѣло мѣщанина N. N. » — Повѣсимъ нашу клеенку !

« Мѣщанинъ N. N. былъ сынъ пьяницы сапожника. Съ дѣтства казался онъ задумчивымъ , унылымъ , вѣчно занятымъ мыслями , выучился самоучкою чинать и писать , былъ бывъ опцомъ , за шо , что забывалъ за книгою шитье сапоговъ , и ненавидимъ шоварищами , за шо ,

что не пилъ съ ними. Они смѣялись надъ нимъ, называли его *грамотѣмъ* и *блѣдрузкою*. Отецъ заставлялъ его жениться. Слухъ о немъ доходилъ до многихъ знашныхъ особъ и богачей. Многіе призывали даже его къ себѣ, и одинъ изъ знашныхъ хопѣлъ даже на свой счетъ учить его, плаща отцу на содержаніе по 10 рублей въ мѣсяцъ, ибо безъ того, отецъ не соглашался отпустить своего сына въ школу, говоря, что ему надобенъ работникъ. Но въ понедѣльнъй день привезли свѣжія усприцы, и богачъ забылъ о мѣщанинѣ-грамотѣ. Бѣднякъ съ горя началъ пить, и вскорѣ пошомъ умеръ въ совершенномъ опчаніи, оставивъ пятерыхъ сиротъ безъ куска хлѣба. Эшо былъ геній, какихъ не много являеся въ мірѣ: онъ могъ бытъ впорымъ Ньютономъ, или Аркрейшомъ, означитъ свое имя въ вѣкахъ, и доставитъ отечеству славу, или новые источники богатствъ, смотря пошому, какое направленіе взялъ-бы умъ его, погруженный въ ученіе. Геній безъ науки — лампада безъ масла. Образование сапожника стоило-бы не болѣе 1,000 рублей, ибо послѣ сей издержки онъ вполне развился-бы, былъ оцѣненъ, и никакія препятствія не остановили-бы уже его на пути къ славѣ и чести.»

— Хмъ! жаль сапожника! — сказалъ незнакомецъ. Но зачѣмъ-же онъ пилъ? Я сомнѣваюсь

въ справедливости словъ моеѣ клеенки, пошому, что умъ узнается по шерпвнїю, и лучше бытъ презвїмъ савожникомъ, нежели пьянимъ генїемъ... А! вошь еще могила! чья эпо: «Коллежскїѣ Совѣшникъ и Кавалеръ, Профессоръ въ, Дирекшоръ, Совѣшникъ, Членъ»

«Онъ былъ сынъ одного дѣчка, и съ дѣтства оказывалъ удивительную способность къ поваренному искусству. Но отецъ заставилъ его ходить въ школу, гдѣ розга принудила его выучиться азбукъ. Потомъ перулою вбили въ него Лапшнѣ, а черезъ десять лѣтъ безпрерывнаго хожденя въ училища, сдѣлался онъ ученимъ, по ешь, зашвердилъ наизусть учебныя книжки, и потомъ сорокъ лѣтъ заставлялъ другихъ зашверживашь сія книжки. Получая по числу лѣтъ чины, былъ онъ наконецъ Коллежскимъ Совѣшникомъ, по спаршинству годовъ избранъ былъ въ Дирекшоры, а по очереди въ Совѣшники; чтобы не задержашь младшихъ изъ-за него, сдѣлали его Членомъ. Онъ былъ совершенное изображение мѣльничнаго жернова: имъ вершѣли поварищи, начальники, жена; онъ мололъ все и всегда: съ кафедръ науки, въ обществѣ вздоръ, что было у него одно и шже. Но онъ могъ бытъ чудомъ своего вѣка, вшоримъ Каремомъ, и каша, имъ изобрѣ-

шенная, переживешь память объ немъ, какъ настойка ерофеича пережила своего изобрѣшателя.»

— Воля ваша, а это сапира! — сказалъ незнакомецъ — моя клеенка, вѣроятно, изобрѣшена Парацельсомъ въ веселомъ духѣ. Но вопъ великолѣпный памятникъ :

« Здѣсь лежитъ шѣло Спашскаго Совѣтника и Кавалера N. N., скончавшагося, » и проч. — Говори клеенка !

— Онъ родился ошъ богатыхъ родителей, и не успѣлъ родиться, какъ былъ запеленанъ, закормленъ, залеченъ; не успѣлъ выучиться грамотѣ, какъ былъ записанъ въ военную службу; не успѣлъ узнать ея, какъ былъ онправленъ за ремонтомъ; не успѣлъ получить впораго чина, какъ ошець женилъ его и умеръ, а жена записала его въ службу гражданскую, въ кошорой нѣкогда было ему собрать шрехъ идей, ибо его возили изъ клуба на балъ, съ визиша на обѣдъ, ошъ виспа къ боспону, съ именинъ на похороны, изъ деревни въ городъ, изъ концерша въ шеатръ. Онъ одурѣлъ, облѣнился; чувствуя свое невѣжество, былъ молчаливъ; зная свое богатство, былъ гордъ; желая оплчиться былъ подлъ; думая прославиться промотался, и умеръ, обѣвшись Перигейскаго пирога. Если бы онъ родился въ бѣдности, шо былъ-бы вели-

кимъ Министромъ, ибо на 20-иъ году должно было развиться его огромнымъ способностямъ а характеръ его требовалъ всегдашнихъ препятствій, дабы душѣ его находилъ въ самомъ себѣ силы побѣждать препятствія...

— Довольно! — вскричалъ незнакомецъ — все это давнымъ давно извѣстно людямъ, и сказываешь имъ подобныя истины, все равно, что *угнать угенаго*, по естѣ, *портить его*, по извѣстной пословицѣ. — Онъ свернулъ свою клеенку, и спрячалъ въ карманъ.

«Вашъ секретъ удивительный!» — сказалъ онъ — «и думаю вы позволите мнѣ узнать составъ его для людской пользы.»

— Я открою его вамъ даромъ, потому, что мнѣ изъ него дѣлать нечего. Приходите ко мнѣ завтра по утру. Вотъ мой адресъ. — Незнакомецъ подалъ мнѣ свернутый вдвое клочекъ бумаги, и поспѣшно удалился.

Онъ правду сказалъ, что приходилъ на кладбище не философствовать. Онъ смотритъ на свое драгоценное открытіе, какъ химикъ-ремесленникъ, цѣнитъ его только по прибыли, какую можетъ оно принести его карману. Нѣтъ, надобно поскорѣ вырвать у него изъ рукъ драгоценность! Сколько нравственныхъ уроковъ, сколько мыслей можетъ явиться намъ послѣ того прогулка по кладбищу!

Такъ думалъ я, оставшись одинъ , и развернулъ адресъ незнакомца. Вообразите мою досаду : я увидѣлъ клочекъ бѣлой бумаги ! Впрочемъ , ошибкою опдалъ онъ его мнѣ — и я не зналъ : гдѣ найдши обладашеля Парацельсовой книги?.. Напрасно послѣ того искалъ я его , спрашивалъ о немъ.

Впрочемъ , не правъ-ли опчаспи и химикъ мой ? Развѣ и безъ Парацельсовой клеенки не опкрыша передъ вами книга нашей и ближнихъ нашихъ жизни ? Развѣ слова клеенки не соспавляющъ шого , что всѣ мы знаемъ , или можемъ знать , если шолько захошимъ ?

Еще болѣе : люди нарочно не хощащъ знать что они суть , и чѣмъ могли-бъ быть. Имъ нравшся ихъ безошчепное жшсье въ мшрѣ. Развѣ совѣсть и опытъ не Парацельсова химическая клеенка ? Развѣ она и онъ не пишущъ для людей , что они могутъ и могли-бъ быть ? И пришомъ , клеенка говоршщъ мершвымъ , для кошорыхъ все уже кончено , а совѣщъ и опытъ говоршщъ живымъ , у кошорыхъ во власши будущес... Люди придумали для оправданш своего опспроумную , прекрасную опшговорку : Судьба !.. Парацельсова клеенка показываешъ , какъ несправедливо , большею частшю , складывающъ люди на Судьбу швои шалости и глупости...

Однакожь, можетъ спашься, мнѣ надобно даже порадоваться, что я не узналъ секрета Парацельсовой клеенки, ибо легко сбилось-бы, что добрые люди употребили-бы ее не, на исправленіе, но на осмѣяніе себѣ подобныхъ; по крайней мѣрѣ, шеперь мертвый можешь лежать спокойно, по старинной Лашинской поговоркѣ: De mortuis aut bene, aut nihil (о мертвыхъ, или не говори ничего, или говори только добро)... И такъ — все къ лучшему...

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представляемы были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Марта 10 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цоттаевъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

XXXVI-й части:

Стр.

Объ умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста. Соч. И. М. Ястребцева.....	3,135,269	
Изъ Писемъ къ брату, по Вятской губерніи. Соч. П. А. Слоцова.....	26	✓
Письма изъ Греціи въ Парижъ, въ 1829-мъ го- ду.....	94,263,374	
О лунномъ затмѣніи 1831 г. въ Февраль мѣсяцъ. Соч. Ѳ. А. Семенова.....	114	
Догадки объ Исторіи Русскихъ Сказокъ. Соч. М. Н. Макарова.....	157	✓
Систематическое обозрѣніе всѣхъ языковъ земна- го шара. Изъ <i>Этнографическаго Атласа</i> , соч. А. Вальби.....	272,404	✓
Двѣ граматы, отъ Папріарха Іоакима, къ Іосифу, Архіепископу Коломенскому и Каширскому, пис. въ 1657 году.....	284	✓
Свадебные обряды крестьянъ въ Саратовской гу- берніи (Статья Г-на Леопольдова).....	386	✓
Могила Наполеона.....	411	✓
Письмо Графа Альфреда де Виньи, къ Графу ***, Лорду ***.....		
Наказъ подъячему Никипѣ Алексѣеву, посланному въ Польшу, въ 1680 году.....	522	✓
Снимокъ Наполеонова почерка.....	528	
Корреджіо.....	532	
Цыганка. Повѣсть (соч. В. П. Даля).....	36,165	✓
Отрывки изъ романа: <i>Послѣдній Новикъ</i> . Соч. И. И. Лажечникова.....	135	
Домовой-Песочникъ. Повѣсть Гофмана.....	302,464	✓

ВБОРЫ.

- Aleg-Bibliothek, etc. (Волшебная библиотека, или о волшебствѣ, и проч.).* Соч. Конрада Горста, Маилицъ, 1826 г. 6 ч. 58
- Histoire de la conquête de Grenade, etc. (Исторія завоеванія Гренады.* Соч. Вашингтона-Ирвинга; пер. съ Англ., Парижъ, 1830 г. 2 ш. in 8). 207, 338
- Уголовное Уложеніе Кипайцевъ. Переводъ Сира Г. Спаунсона Л. 489
-
- Современная Русская библиографія... 72, 238, 358, 511
- Парижскіе Театры. *Пертинаксъ*, Трагедія Арно—*Катерина Медити въ Блуа*, Драма Л. Арно (*ококтаніе*)..... 103
- Опечесивенныя извѣстія (Московскій Архивъ Коллеги Иностранныхъ дѣлъ)..... 122
- Изъясненія карпинокъ..... 131, 293, 415, 536
- Смѣсь..... 132, 295, 418, 537

Новый Живоп. Общ. и Литт. № 21, 22, 23, 24.

Сумасшедшіе и несумасшедшіе.

Предсѣдатель и Совѣшники.

Кладбище или чѣмъ былъ, чѣмъ могъ быть. —

При семь помѣ находящяся : *изображеніе лунныхъ затмѣній; рисунокъ къ статьѣ И. М. Ястребцева о Воспитаніи, и снілокъ Наполеонова потеряка; два изображенія новолодныхъ Парижскихъ мебели и экипажей; два отерка съ картинъ Герико и Вернета, и одна картинка Парижскихъ, дамскихъ, модъ. — Въ замѣну остальныхъ пяти картинокъ Парижскихъ модъ, приложены: 1, портретъ Сихара, 2, отеркъ съ картины Рицара, 3, изображеніе могилы Наполеоновой, 4, портретъ Корреджіо, 5, отеркъ статуи Вашингтона.*

APR 30 1937

Digitized by Google

